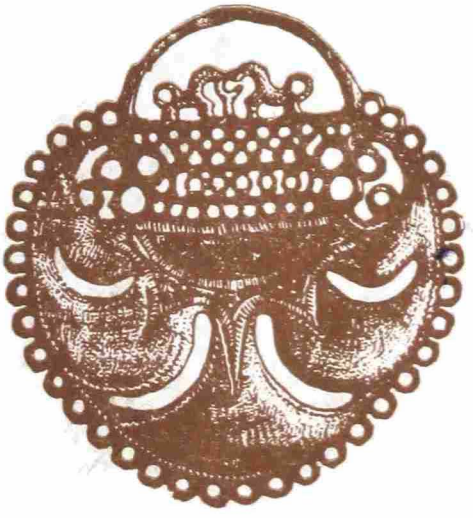
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1990 1

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Нариманов И. Г., Джафаров Г. Ф. (Баку). О древнейшей металлургии меди на территории Азербайджана. 5
Борзунов В. А. (Свердловск). Генезис и развитие гамаюнской культуры. 15
Скорый С. А. (Киев). К вопросу о скифских походах в лужицкие земли. 34
Звиздецкий Б. А. (Киев). О времени существования летописного Городеска. 42
Тимофеева Т. П. (Владимир). Владимиро-суздальский лапидарий и его значение для изучения памятников белокаменного зодчества XII—XIII веков. 57
Виленчик Б. Я. (Ленинград). К вопросу о пересмотре датировок деятельности глав русских епископий XIII в. 66
Харлашов Б. Н. (Псков). К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле. 72
Башилов В. А., Родригес К. А., Э. Сальгадо Лопес (Москва, Мехико) Исследования доиспанского поселения Кабо де ла Вела в Юго-Западной Колумбии. 85

Дискуссии

Мельник В. И. (Москва). Из истории полтавкинской проблемы. 103
Отрощенко В. В. (Киев). О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры. 107
Пятых Г. Г. (Москва). К дискуссии по происхождению срубной культуры. 113
Потемкина Т. М. (Москва). О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона. 118

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1990 г

Публикации

Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Петроглифы из пещеры «Подкова» на холме Каменная Могила в Северном Приазовье. 131
Власкин М. В., Ильюков Л. С. (Ростов-на-Дону). Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча. 137
Балабина В. И., Борисенок Л. А., Яхонтова Л. К. (Москва). Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона. 154
Молодин В. И., Погожева А. П. (Новосибирск, Москва). Плита из Озерного (Горный Алтай). 167
Горбунова Н. Г. (Ленинград). Ферганский могильник Хангиз I. 178
Гопак В. Д., Радзиевская В. Е. (Винница, Харьков). Кузнечное ремесло Коломакского городища в VI—III вв. до н. э. 199
Беспалый Е. И. (Азов). Погребения позднесарматского времени у г. Азова. 213
Мыц В. Л. (Симферополь). Крестообразный храм Мангупа. 224

Заметки

Виноградов В. Б., Нераденко Т. Н. (Грозный, Черкассы). Новые данные о связях Северного Кавказа с Закавказьем. 243
Эрлих В. Р. (Москва). К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени 247
Каминский В. Н., Астахов И. Л. (Краснодар). Воинские погребения позднекобанского времени из могильника Мостового на Урупе. 250
Гмыря Л. Б. (Махачкала). Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана. 254
Зайцев Ю. П. (Симферополь). Золотой статер Риметалка из Неаполя скифского. 259
Мажитов Н. А. (Уфа). Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника. 261
Коваленко В. П., Пуцко В. Г. (Чернигов, Калуга). Византийская резная иконка из Чернигова. 267
Марков Д. Б., Строков А. И. (Киев). О сребренике Владимира Святославича из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. 270
Марков Д. Б., Молчанов А. А. (Киев, Москва). Две древнерусские печати XII в. из Нижнего Подесенья. 271
Стенников Г. Ю. (Волгоград). К вопросу о технике чеканки монет в Золотой Орде. 274

История науки

Бибиков С. Н. (Киев). Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. 277
Алексеев Л. В. (Москва). Кто был автором «Приглашения барона К. И. Аша» (1819 г.)? (О первой периферийной инструкции собирания древностей). 283

Критика и библиография

Кренке Н. А., Макаров Н. А. (Москва). Iron Age Studies in Salo // SMYA, 89:1. Helsinki, 1986. 288
Макаров Н. А. (Москва). *Савельева Э. А.* Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987. 292
Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. (Орджоникидзе). *Zgusta L.* The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987 297
Пугаченкова Г. А. (Ташкент). *Горячева В. Д.* Город Золотого Верблюда. Фрунзе, 1988. 304

Хроника

Аникович М. В. (Ленинград). Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом в свет «Истории первобытного общества». Т. 1, 2. 308
Седов В. В., Смирнов К. А. (Москва). Советско-финляндский симпозиум по теме «Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье» (Хельсинки, 1988). 314

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1990 1

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Publiched quarterly

CONTENTS

Narimanov I. G., Jafarov G. F. (Baku). On the Earliest Copper Metallurgy in Azerbaijan 5
Borzunov V. A. (Sverdlovsk). The Genesis and Further Development of the Gamayun Culture 15
Skory S. A. (Kiev). On Scythian Inroads into the Lusatian Lands 34
Zvizdetsky B. A. (Kiev). On the Dating of Gorodesk from the Chronicles . 42
Timofeyeva T. P. (Vladimir). Collection of Cut Stones in Vladimir-Suzdal Architectural Reserve and Its Significance in Studying the Monuments of White-Stone Architecture of the 12th and 13th Centuries 57
Vilenchik B. Y. (Leningrad). On the More Precise Dates of Russian Bishops and Archbishops in the 15th Century . 66
Kharlashov B. N. (Pskov). On the Emergence of Pogosts in the Pskov Land . 72
Bashilov V A., Rodrigez K. A., E. Salgado Lopez (Moscow, Mexico). Studies of Cabo de La Vela, a Pre-Columbian Settlement in South-Western Columbia 85

Discussions

Melnik V. I. (Moscow). From the History of the Poltavkino Problem 103
Otroshchenko V V (Kiev) On a Possibility of the Poltavkino and Catacomb Tribes Contributing to the Timber-Grave Culture . 107
Pyatykh G. G. (Moscow). On the Discussion about the Origins of the Timber-Grave Culture 113
Potemkina T. M. (Moscow) On Some Controversial Problems of the EBA and MBA in the Volga-Ural Region 118

Publications

Mikhailov B. D. (Melitopol). Petroglyphs from the „Podkova" Cave in the „Kamennaya Mogila" Mound on the Northern Azov Coast . 131
Vlaskin M. V., Ilyukov L. S. (Rostov-on-Don). The Early Mediaeval Burial Mounds with Moats in the Sal-Manych Interfluve . . 137
Balabina V. I., Borisenok L. A., Yakhontova L. K. (Moscow). Studies of Ohre from the Burials of the Bronze Age in the Lower Don . . 154
Molodin V I., Pogozheva A. P (Novosibirsk, Moscow). A Plate from Ozernoe (Gorny Altai) 167
Gorbunova N. G. (Leningrad). Khangiz I, a Burial Ground in Ferghana . . 178
Gopak V. D., Radzievskaya V. E. (Vinnitsa, Kharkov). Forging at the Kolomak Fortified Settlement in the 6th-3rd Centuries B. C 199
Bespaly E. I. (Azov). Late Sarmatian Burials at Azov 213
Myts V L. (Simferopol). A Cruciform Temple in Mangup 224

Notes

Vinogradov V. B., Neradenko T. N. (Grozny, Cherkassy). New Data on the Ties Between the Northern Caucasus and the Transcaucasus 243
Erlikh V. R. (Moscow). On the Origin of the Sceptres of the Pre-Scythian Time Tipped with Bird Heads 247
Kaminsky V. N., Astakhov I. L. (Krasnodar). Burials of Warriors of the Late Koban Time from the Mostovoi Cemetery on the Urup River . 250
Gmyrya L. B. (Makhachkala). A Casting Mould for Mirrors from Daghestan 254
Zaitsev Y. P. (Simferopol). A Gold Stater from Naples Scythian . . 259
Mazhitov N. A. (Ufa). Coin Sets of the 8th Century from the Birski Cemetery . 261
Kovalenko V. P., Putsko V. G. (Chernigov, Kaluga). A Byzantine Carved Pillar from Chernigov 267
Markov D. B., Strokov A. I. (Kiev). On Vladimir Svyatoslavich's Silver Object from the Ukrainian Museum of Historical Precious Objects . . . 270
Markov D. B., Molchanov A. A. (Kiev, Moscow). Two Russian Seals of the 12th Century from the Lower Desna 271
Stennikov G. Y. (Volgograd). On Coin Minting Techniques in the Golden Horde 274

History of Science

Bibikov S. N. (Kiev). Gleb Bonch-Osmolovsky 277
Alexeyev L. V. (Moscow). Who Wrote „Baron K. I. Ash's Invitation" (1819)? (On the First Guide to Collecting Antiquities Issued in the Provinces) 283

Book Reviews and Bibliography

Krenke N. A., Makarov N. A. (Moscow). Iron Age Studies in Salo // SMYA, 89:1. Helsinki, 1986 288
Makarov N. A. (Moscow). *Savelyeva E. A.* The Vymskie Burials of the 11th-14th Centuries, Leningrad, 1987 292
Kuznetsov V. A., Cherchesova M. D. (Ordjonikidze), *Zgusta L.* The Old Ossetic Inscription from the River Zelenchuk. Wien, 1987 297
Pugachenkova G. A. (Tashkent). *Goryacheva V D.* The City of the Golden Camel. Frunze, 1986 304

Chronicle

Anikovich M. V. (Leningrad). Discussion on the Central Problems of the History of Primitive Society (In Connection with the „History of the Primitive-Communal System", Vols. 1, 2) 308
Sedov V V., Smirnov K. A. (Moscow). The Soviet-Finnish Symposium on „Cultural and Ecological Ties of the Slavic and Finno-Ugric Tribes in the Earliest Period and the Middle Ages" (Helsinki, 1988) 314

И. Г. НАРИМАНОВ, Г. Ф. ДЖАФАРОВ

О ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Вторая половина XX столетия в археологии Закавказья ознаменовалась открытием целого ряда явлений в области первобытной археологии. К их числу относится определение подлинного энеолита. Памятники этого периода помимо других, не менее первостепенных данных дали материалы по древней металлургии (рис. 1).

Были ли эти предметы продукцией местного производства, когда население Кавказа обрабатывало самородную медь, или же здесь металлургия возникла под влиянием развитых областей Передней Азии? Эти вопросы из-за отсутствия веских аргументов до настоящего времени не нашли своего окончательного решения.

Данная статья с привлечением новых материалов из Азербайджана в какой-то мере поможет правильному пониманию развития древней металлургии Кавказа. В Азербайджане металлические изделия происходят из таких раннеземледельческих памятников, как Нахичеванский Кюльтепе [1, с. 178, 230], Гейтепе-М [2, с. 27, 179 и сл.], Аликемектепеси [3, с. 66], Гаргалартепеси и Чалагантепе. Материалы последнего заслуживают внимания тем, что они, по результатам спектрального анализа, оказались из чистой меди. Найденное в Чалагантепе медное, слегка вогнутое шило (длина 3,7 см) с обоими заостренными концами, утолщенное в середине (рис. 2, *11*) по форме напоминает найденные так же костяные шилья. Как установлено спектральным анализом, это металлическое шило было изготовлено из чистой меди. Предмет был сильно окислен. Любопытно, что две медные бусины из ожерелья одного из погребений Чалагантепе по форме и технике изготовления точно повторяют обнаруженные там бусы из плотного камня серого и черного цвета. Третья бусина из Чалагантепе в отличие от двух предыдущих была скручена из медной пластинки. Спектральный анализ последней бусины определил, что она состоит из чистой меди [1] Таким образом, металлические находки из Чалагантепе иллюстрируют наиболее ранние этапы изготовления медных предметов. Это относится и к некоторым другим изделиям из энеолитических поселений Азербайджана, в частности к медной бусине, обнаруженной в Гаргалартепеси.

Следовательно, мнение о том, что существование медного века на территории Закавказья является «гипотетическим» [4, с. 308], опровергается новыми фактическими данными. Напомним, что предположение о «гипотетичности» медного века в Закавказье было основано на материалах из Нахичеванского Кюльтепе и Техута в Араратской долине. В хронологической шкале Техут и верхняя половина толщи 9 м энеолитического слоя Кюльтепе должны быть отнесены, разумеется, к поздним стадиям развития закавказского энеолита.

Некоторые из семи обнаруженных в Кюльтепе изделий оказались изготовленными не из чистой меди, а из искусственного сплава с примесью мышьяка, в одном случае с примесью никеля [4, с. 307, табл.] Исходя из этого, И. Р Селимханов писал: «Пока нет оснований утверждать, что на Кавказе человек

[1] Спектральные анализы проведены в лаборатории археологической технологии Института истории проф. И. Р. Селимхановым.

© И. Г Нариманов, Г. Ф. Джафаров, 1990 г.

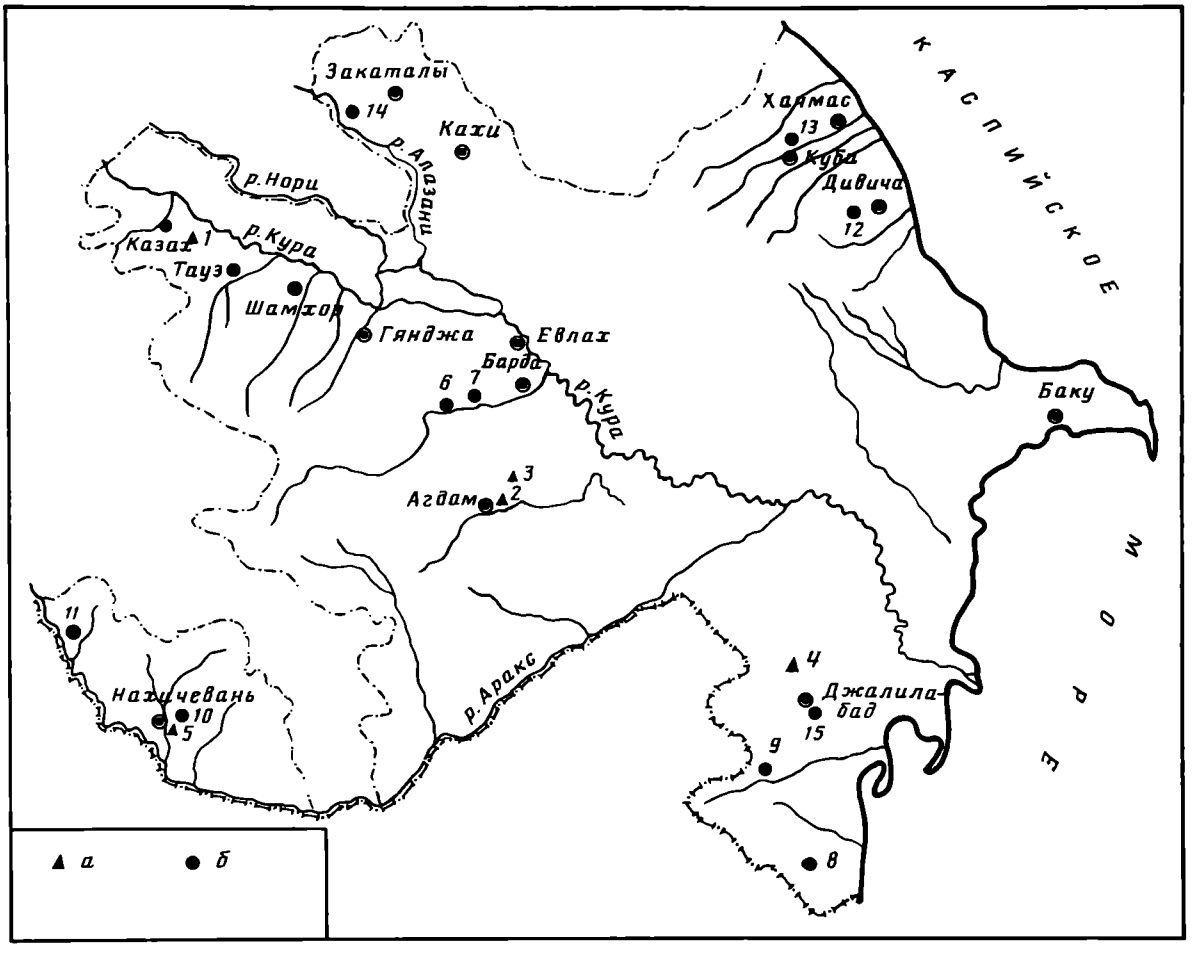


Рис. 1. Карта находок, связанных с древнейшей металлургией меди на территории Азербайджана. *а* — памятники докуро-аракской культуры; *б* — памятники куро-аракской культуры: *1* — Гаргалар-тепеси; *2* — Чалагантепе; *3* — Лейлатепе; *4* — Аликемектепеси; *5* — Кюльтепе I; *6* — Борсунлу; *7* — Шортепе; *8* — Тельманкенд; *9* — Татян; *10* — Кюльтепе II; *11* — Арабенгинджа; *12* — Дивичи; *13* — Серкертепе; *14* — Падар; *15* — Мишарчай

раньше обрабатывал самородную медь, чем сплав меди и мышьяка» [5, с. 142]. Затрагивая вопросы, связанные с металлическими материалами, Р. М. Мунчаев отметил, что «до сих пор вопрос об их происхождении, о том, где они изготовлены — на месте или за пределами Закавказья, не выяснен» [6, с. 392].

Напомним, что предметы с примесью никеля на Кавказе встречаются, правда редко, и в памятниках III тыс. до н. э. Судя по известным нам данным, кавказские медные руды не содержат никеля. Вероятно, появление никелистых предметов на Кавказе является результатом связи с переднеазиатскими областями. Сюда же, возможно, относится и четырехгранное медное с примесью мышьяка (1,15%) и никеля (1,6%) шило, обнаруженное на глубине 15,05 м на поселении Кюльтепе.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что в истории развития металлопроизводства Азербайджана первым этапом была обработка чистой меди, из которой изготовляли такие мелкие предметы, как бусы и шилья. Этот этап соответствует становлению и развитию раннеземледельческих культур в пределах эпохи энеолита, в последней стадии которого в местную среду проникают изделия из медно-мышьякового и медно-мышьяково-никелевого сплавов. По новейшим данным, в результате длительных контактов из Передней Азии в Азербайджан и другие районы Закавказья переселяются различные этнические племенные группы. Ими был основан ряд поселений, к числу которых относится

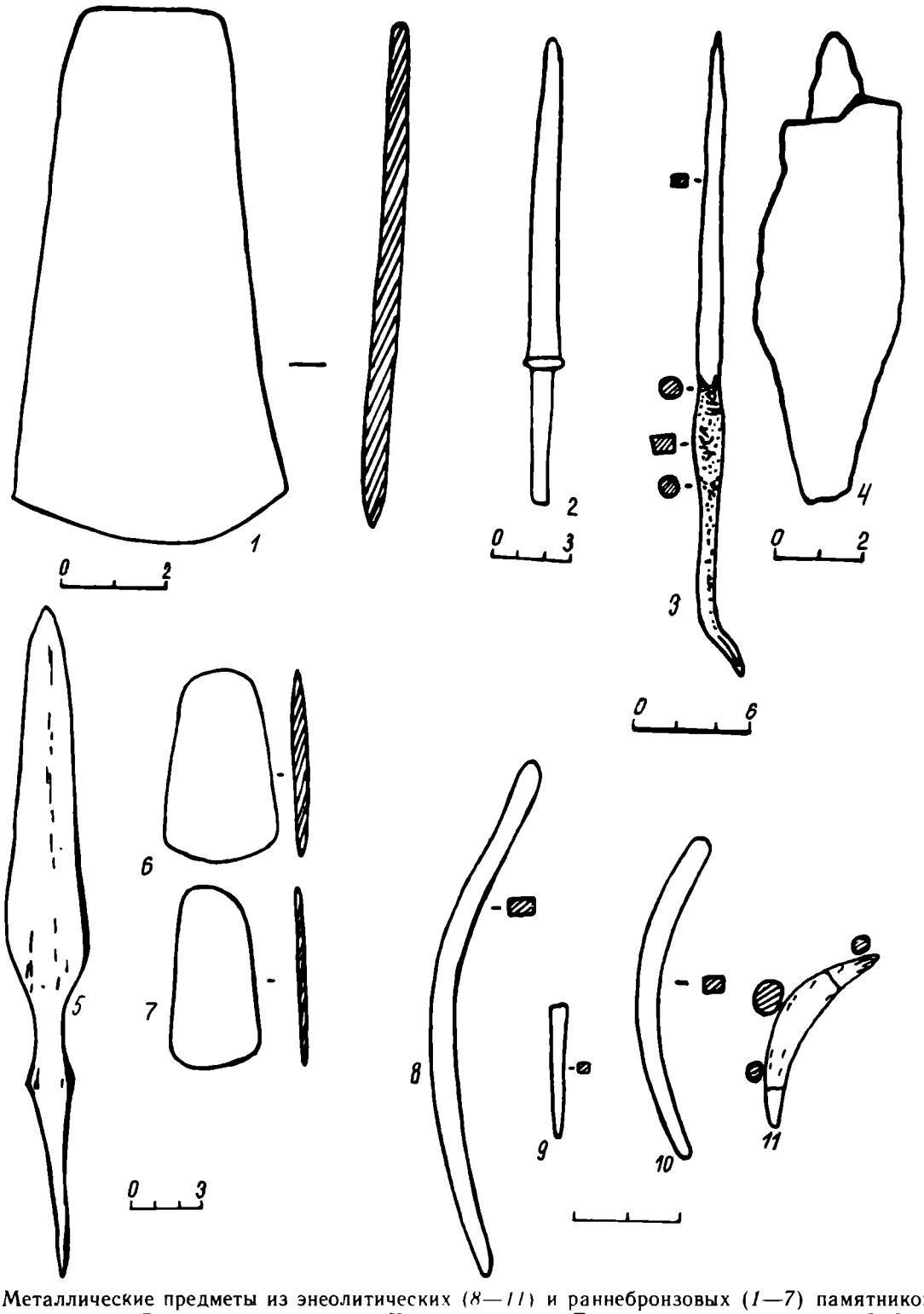


Рис. 2. Металлические предметы из энеолитических (*8—11*) и раннебронзовых (*1—7*) памятников Азербайджана. *1, 6, 7* — плоские топоры из Хындырыстана и Тельманкендского кургана; *2, 3* — штыковидное оружие из поселения Кюльтепе и кургана Хачбулаг; *4* — кинжал из кургана 9 Борсунлу; *5* — черенковое копье из Тельманкендского кургана; *8—11* — шилья из поселений Лейлатепе и Чалагантепе

и Лейлатепе около села Хандырыстан в Агдамском р-не. Материалы, представленные в этом поселении, существенно отличаются от материалов памятников культур типа Кюльтепе, Шомутепе и кура-аракской культуры и имеют параллели в памятниках Месопотамии [7, с. 271 и сл.; 8, с. 61 и сл.].

Результаты спектрального анализа материалов

Предмет и место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	As
Обломки медной бусины, Гаргалартепе, ан. № 2664	Основа	0	0	0	0
Медное шило, Чалагантепе, ан. № 3176		0,01	0	0	0,004
Крупинки меди, Лейлатепе, ан. № 3409		0,008	0,035	0	2,01
Остатки литья, Лейлатепе, ан. № 3441		0,003	0,07	0,06	0,58
Остатки металла на глине, Лейлатепе, ан. № 3442		0,007	0,15	0,04	0,03
Шило, Лейлатепе, ан. № 3444		0,01	0,1	0,13	0,07

Археологические раскопки на Лейлатепе дали весьма интересные данные о развитии металлургии. Здесь впервые на Кавказе было документировано местное металлопроизводство в эпоху, предшествующую куро-аракской культуре. Среди золистых скоплений в одной из расчищенных комнат найдены остатки, непосредственно связанные с литейным делом. Это ошлакованные куски глины с прилипшими многочисленными «зернышками» металла и аморфные куски литья. По спектральному анализу, металл из Лейлатепе содержал примеси мышьяка и никеля (см. таблицу спектрального анализа). Здесь также были найдены три четырехгранных металлических шила (длина — соответственно 10,2; 6; 4 см), обработанные ковкой после литья (рис. 2, *8—10*). Очевидно, металлические шилья широко применялись в быту местного населения. Это подтверждается и тем, что на поселении Лейлатепе совершенно отсутствуют шилья, изготовленные из кости. По сообщению А. И. Джавахишвили, металлическое изделие с мышьяковой примесью обнаружено в докуро-аракском слое поселения Берикелдееби, которое по культуре и, следовательно, по времени соотносится с Лейлатепе (см. также [9, с. 83—86]). Эти памятники в основном укладываются в пределах конца V — первой половины IV тыс. до н. э. Выявление и исследование их только начинается. Качественно новый, более прогрессивный этап — фактическое выделение металлургии в самостоятельную отрасль в хозяйстве в Закавказье наступает в период куро-аракской культуры.

Многие поселения этой культуры содержат данные, связанные с налаженным металлопроизводством [7, с. 390—394; 10, с. 65—72; 11, с. 16—26; 12, с. 112—121; 13, с. 92—101; 14, с. 14—17].

В этом отношении особенно показательны материалы, полученные на поселениях Азербайджана, многие из которых находятся вдали от горнорудных источников. В поселениях этого времени были открыты помимо готовых металлических предметов остатки металлургических мастерских, горны для выплавки медных руд, сопла, производственные отходы в виде шлака, глиняные предметы для отливки заготовок металла, льячки, а также формы для топоров. В настоящее время к последним, известным из второго слоя Нахичеванского Кюльтепе [10, с. 68, рис. 2, 3], Мишарчая в Джалилабадском [11, с. 19], Гаракепектепе в Физулинском [15, с. 87, табл. 11], Серкертепе (Бориспольтепе) в Дивичинском [16, с. 22] и Арабенгиджа в Ильичевском [17, с. 37] районах, добавим еще две находки. Одна из них недавно найдена на поселении Шортепе куро-аракской культуры, близ селения Шатырлы Бардинского р-на. Значительная часть этого холмообразного поселения разрушена. Шурф на материковом горизонте выявил остатки сырцового прямоугольного строения, керамику красного и черного обжига с залощенной поверхностью и редким вдавленным орнаментом. Подъем-

из древнейших памятников Азербайджана

Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe
0	0,01	0	0	0,001	0	0,1
0	0,01	0	0	0,01	0	0,01
0,007	0,018	0	0,09	0,67	0,0015	0,035
0,005	0,003	0,007	0	0,01	0,001	0,12
0	0,001	0,03	0	0,02	0,01	0,3
0,06	0,14	0,008	0	0,02	0	0,1

ный материал более разнообразен: найдены обломки очагов (мангалов) с внутренними выступами, сероглиняных залощенных сосудов и каменные предметы.

Литейная форма из Шортепе представляет обломок от обушной части одной половины ее створки. Наружная сторона сглажена, а лицевая, внутренняя, тщательно выровнена и отшлифована для плотного соединения с другой створкой. На ней имеется характерное углубление — место упора конца стержня для получения продушины округло-овальной формы. По внутренним краям обушной части формы проходят неглубокие желобки, от которых после литья на обухе топоров образовывались валики (рис. 3, *1*). Этот элемент на других литейных формах Кавказа не известен.

Еще один экземпляр формы для отливки древнейших проушных топоров в Азербайджане происходит из поселения Падар Закатальского р-на, раскопки которого начаты А. Карахмедовой.

На Северном Кавказе в отличие от Южного литейные формы пока известны только из Дагестана. Здесь, на поселении Галгалатли, в одном помещении найдена состоящая из двух половин разъемная форма многократного использования. Приведенные разнообразные данные и ряд других материалов дали основание для выделения Дагестанского очага металлопроизводства на Кавказе [18, с. 32—44; 19, с. 35 и сл.]

На территориально близком дагестанским памятникам поселении Серкертепе в Хачмасском р-не найдена часть формы для литья проушных топоров.

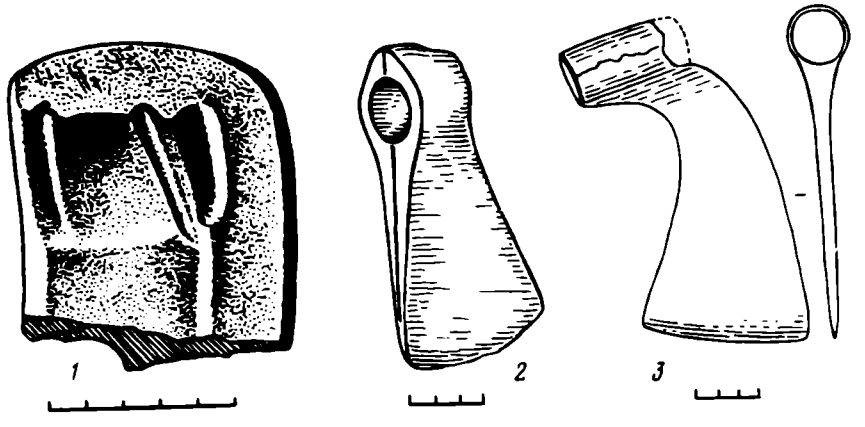


Рис. 3. Литейная форма и топоры. *1* — литейная форма для отливки проушного топора из поселения Шортепе; *2* — проушный топор из сел. Татян; *3* — вислообушный топор из сел. Хындырыстан

Не исключено, что медный топор с вислым обухом, обнаруженный в начале нашего столетия вместе с пластинчатым долотом и четырехгранным острием в соседнем Дивичинском р-не северо-восточного Азербайджана [20, с. 85], был изготовлен на поселении Серкертепе, где, судя по целым наборам данных (сопло, льячка, формы для литья и т. д.), было налажено местное металлопроизводство. Дивичинский топор не сохранился, но А. А. Иессен, по описанию В. А. Городцова, отличает его от топоров кубанских курганов. До последнего времени этот топор оставался единственным для Азербайджана в серии проушных топоров Кавказа. Сейчас их вместе с дивичинскими известно три экземпляра.

Ниже приводятся полные сведения о двух новых находках топоров из Азербайджана. Один из них был найден в 1985 г. при земляных работах недалеко от села Татян Масаллинского р-на. Остатков культурного слоя на участке находки не прослежено, что позволяет отнести топор к числу инвентаря могилы раннебронзового времени [2]

Масаллинский топор хорошей сохранности, весом 800 г имеет 15 см в длину, наибольшая ширина на нижней части клиновидной лопасти — 7 см. Лезвие после отливки подвергалось проковке. В обушной части топора сохранились выпуклинки (отросток) от литья металла в формочке. Спинка топора ровная, а брюшко слегка вогнутое, обушная часть имеет почти незаметный наклон, отверстие для рукоятки круглое, диаметром со спинки 3,2, брюшка — 2,8 см (рис. 3, *2*). Место находки этого топора соседствует с Мишарчайским поселением Астраханбазарского (Джалилабадского) р-на, где в слое куро-аракской культуры раннебронзового времени была найдена часть формы для отливки топоров, подобных масаллинским [11, с. 19].

Однако по выпуклине на обушке масаллинская находка относится к числу редких экземпляров проушных топоров Кавказа. Один такой топор, который можно сопоставить с масаллинским, происходит из поселения Шаглама II в Армении [21, с. 21, табл. 82, *8*]. Он очень близок также топору из Прикубанья [22, рис. 28, *77*]. Из других ранних топоров по форме лопасти аналогию масаллинскому представляет топор из села Новомака Касумкентского р-на Южного Дагестана [23, с. 41, рис. 1, *3*].

Второй топор из Азербайджана также найден случайно, в 1985 г., в окрестностях села Хындырыстан Агдамского р-на и хранится там в сельском краеведческом музее. Сохранность топора хорошая, он покрыт зеленой патиной. На втулке топора имеются свежий излом и трещина. Длина топора — 15 см, ширина лопасти на рабочей части — 8 см (в 2 раза меньше — на шейке). Длина втулки — 5,7 см, отверстие для рукоятки круглое, с диаметром 2,5 см. Он относится к типу топоров с висячим трубчатым обухом, лезвие прямое, брюшко — с выраженной дугой, спинка — с плавным изгибом (рис. 3, *3*). Топор имеет некоторые прямые параллели. Так, топоры данного типа известны из Каралети Горийского р-на [24, с. 36, табл. XX], Беденского кургана 2 [25, с. 136, рис. 7, *1*; табл. X, *1*], из погребения 33 Гатынкала в Чечено-Ингушетии (раскопки В. И. Марковина) и Фаскау Северной Осетии [26, с. 26 и сл., рис. 5, *2, 13, 15, 16*].

Рассмотренные находки представляют две разновидности проушных топоров, которыми, очевидно, не ограничивалось разнообразие топоров, изготовленных в металлообрабатывающих мастерских Азербайджана в эпоху ранней бронзы. На это, в частности, указывает и форма из поселения Шортепе. Отлитые в ней топоры получились с валиками по наружным краям втулки подобно обнаруженным на Причерноморском побережье Кавказа и в Северной Осетии [26, с. 23, рис. 3, *6—8*].

---

[2] Топор был приобретен учителем истории села Татян Т. Азизовым и хранится в краеведческом кабинете этой школы. За разрешение публикации его выражаем признательность Т. Азизову.

Отметим, что до сих пор на Кавказе и в Передней Азии неизвестны случаи находок топоров обоих типов в одном комплексе. Вероятно, это следует объяснить их хронологической последовательностью. В свое время Б. А. Куфтин, касаясь этого вопроса, считал первый тип более древним, возводя его к месопотамским образцам, представленным там глиняными моделями. По мнению Б. А. Куфтина, трубчато-вислообушные топоры появились вслед за первым типом и распространились на более обширной территории [27, с. 247]

К материалам древней металлургии Азербайджана следует добавить еще плоский топор (тесло), поступивший почти одновременно с трубчато-обушным топором в Хындырыстанский краеведческий музей Агдамского р-на (возможно, что они происходят из одного комплекса). Топор плоский, трапециевидный, отлит в форме, с последующей проковкой рабочего края. Длина его — 10,3, ширина лезвия — 5, на обухе — 2,5 см (рис. 2,*1*). Подобные топоры в сравнении с обнаруженными в комплексах майкопской культуры в памятниках Закавказья и Дагестана [11, с. 22; 12, с. 123; 18, с. 42; 28, с. 56 и сл.] малоизвестны.

В Азербайджане плоские топоры в настоящее время представлены четырьмя экземплярами — по одному в Дивичинском и Агдамском и два в Астаринском р-не; в Армении их найдено 10 экз. (в приереванском кладе) [29, с. 122—127, рис. 47]; в Грузии — по одному в Сачхери [30, с. 13, рис. 10, *в*] и Дигоми [12, с. 123, рис. 41, *18*] и два в Бедени [25, с. 25, 73, 136, рис. 7, *4*, табл. X, *2*, рис. 30, *2*, табл. XXXVIII, *1*]

Плоские топоры из памятников Азербайджана, сходные по форме и размеру, можно сближать с находками из слоя ТТ6 Телль Арпачи в Северном Ираке [31, с. 103, табл. X], а также из ареала майкопской культуры [6, с. 344, рис. 8, *1, 2*; 23, рис. 27, *23—25*; 28, *39—41, 50*], тогда как топоры из Армении имеют удлиненные пропорции подобно сачхерскому экземпляру из Грузии. Но другие топоры из памятников Грузии (Дигоми, Бедени) довольно близки к азербайджанским. Отметим, что в Дагестане, как и в Грузии, плоские топоры представлены укороченными (Галгалатли) и удлиненными (Чиркей) вариантами [18, с. 42, рис. 2, 3, 4]. Форма для отливки плоских топоров, обнаруженная в слое C_1 на поселении Квацхелеби [32, табл. IV, *289*], подтверждает их местное изготовление. По мнению М. Г Гаджиева, поселение Галгалатли древнее, чем Чиркейское [18, с. 42], что согласуется с выводами А. А. Иессена о хронологической последовательности типов плоских топоров от короткого к длинному [33, с. 171]. Отсутствие совместных находок обоих вариантов плоских топоров, вероятно, также говорит в пользу указанного положения.

В погребальном комплексе Астаринского кургана два плоских топора укороченной формы (рис. 2, *6, 7*) найдены вместе с копьями с листовидной головкой и насадом круглого сечения (рис. 2, *5*). Появление их на Кавказе, вероятно, можно приурочивать к первой половине III тыс. до н. э. Было определено, что они предшествуют наконечникам копий с граненым насадом [12, с. 124; 30, с. 11] Что касается единичных экземпляров штыковидного оружия, то ими завершается бытование черенковых копий в памятниках ранней бронзы Кавказа. Из двух известных таких предметов из Азербайджана один найден в средней толще куро-аракского слоя Нахичеванского Кюльтепе (рис. 2, *2*). Валикообразный упор, отделяющий острие и насад друг от друга, выделяет его среди подобных вариантов штыковидного оружия Закавказья [10, с. 68, рис. 1, *11*; 34, с. 157, 161, рис. 4, *5*].

Другой штыковидный наконечник копья происходит из кургана на Хачбулакском высокогорном айлаге наряду с обломками плоской ручки от глиняного сосуда и небольшой керамической чашечкой с выдавленными желобками, опоясывающими горловину, а также серебряной куполообразной пуговкой с пробитым на середине отверстием. Длина копья — 33 см (рис. 2, *3*). Четырехгранное острие его с шейкой круглого сечения делится на две неровные части. Насад — круглого сечения, кончик слегка загнут [35, с. 24, табл. I, *3*]

По технике выполнения орнамента чаша Хачбулакского кургана напоминает чернолощеный сосуд из кургана на берегу р. Хаченчай [36, с. 45; 37, с. 168, рис. 1, *1*] По времени эти курганы, вероятно, относятся к последней стадии эпохи ранней бронзы. Точной копии Хачбулакского экземпляра, включая Верхнегунибский из Дагестана [18, с. 43, рис. 3, *7*], пока не известно не только среди материалов Кавказа, но и Передней Азии, где возникла исходная форма как штыковидных, так и всех других основных видов металлических орудий и оружия, распространенных, по мнению исследователей, на Кавказе в эпоху ранней бронзы. Подобные копья, или штыки, как их обычно называют, в памятниках, последующих за куро-аракской культурой, не встречаются.

Одним из широко распространенных в Закавказье в период ранней бронзы видов оружия, использовавшихся так же, как орудия, являются архаичные кинжалы листовидной или подтреугольной формы, с коротким черенком для рукоятки. К небольшому количеству ранее известных экземпляров [37, с. 167, рис. 1, *3*; 38, с. 19 и сл., рис. 8, *1, 2*] из Азербайджана можно добавить находки из второго холма Кюльтепе [39, с. 36], Серкертепе Хачмасского р-на [16, с. 22] и с некоторой оговоркой кинжал (рис. 2, *4*) из кургана 9 Борсунлинского могильника в Мир-Баширском р-не [40, с. 485] Последний кинжал привлекает внимание способом изготовления. В сердцевине клинка имеется металлический ленточный стержень, по которому воском заформовали модель клинка, а затем ее покрыли глиной. После освобождения просушенной формы от воска в ней отливали кинжалы. Металлический стержень в сердцевине кинжала придавал ему прочность. Этот способ в технологии изготовления бронзовых изделий, вероятно, возник в конце эпохи ранней бронзы и практиковался в последующие этапы развития металлургии бронзового века Азербайджана. Сопоставляя архаичные кинжалы из раннебронзовых памятников Азербайджана, нетрудно обнаружить в них некоторые отличительные черты. Это было обусловлено, с одной стороны, хронологической последовательностью, с другой — принадлежностью этих кинжалов к различным металлургическим мастерским.

Итак, можно констатировать, что в Азербайджане, равно как и в Закавказье, становление и развитие металлургии в эпоху энеолита и ранней бронзы последовательно проходило три этапа. Первый этап характеризуется изготовлением мелких предметов из чистой меди. На втором этапе для изготовления различных предметов наряду с чистой медью был использован металл с искусственным сплавом. В качестве легирующего элемента доминировал мышьяк, в меньшей степени никель. Отсутствие в составе закавказских руд никеля создает трудности в определении происхождения изделий с медно-мышьяково-никелевым составом. Независимо от этого наличие металлических предметов относительно сложных составов говорит о дальнейшем прогрессе в металлопроизводстве.

Третий этап начинается с эпохи куро-аракской культуры, приблизительно с середины IV тыс. до н. э., когда в области металлообработки наступает качественно новый, более прогрессивный этап, с широким применением мышьяковистой бронзы и изготовлением орудий труда и оружия, которые наряду с данными о металлопроизводстве представлены в широком ареале в памятниках Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982.
2. *Burton-Brawn T* Excavations in Azerbaijan, 1948. L., 1951.
3. *Махмудов Ф. Р.* Первые итоги археологических раскопок на холме Аликемектепеси // Каменный век и энеолит в Азербайджане. Баку: Изд-во АГУ, 1984.
4. *Селимханов И. Р., Торосян Р.* К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов // ИФЖ, 1966, № 1.
5. *Селимханов И. Р.* К истории освоения человеком металлов и сплавов на Кавказе // Археология и общественные науки. М., 1965.
6. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.

7. *Нариманов И. Г* Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985.
8. *Нариманов И. Г., Алиев Н. Г* Прогресс и взаимосвязи раннеземледельческих культур Азербайджана // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху: Тез. докл. конф. Ашхабад, 1987.
9. *Глонти Л. Н., Джавахишвили А. И.* Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы в Шида Картли-Берикелдееби // КСИА. 1987 Вып. 192.
10. *Абибуллаев О. А.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана (по материалам поселения Кюльтепе) // МИА. 1965. № 125.
11. *Махмудов Ф. Р., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г* О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4.
12. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т Н.* Древние культуры южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.
13. *Ханзадян Э. В.* О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении // СА. 1964. № 2.
14. *Исмаилов Г С.* Этапы развития древнейшей металлургии и металлообрабатывающего производства на территории Азербайджана // КСИА. 1987. Вып. 192.
15. *Исмаилов Г С.* Новые материалы по древней металлургии и металлообработке с юго-восточных склонов Малого Кавказа // Изв. АН АзССР. Сер. истор., филос. и права. 1974. № 3.
16. *Мусаев Д. Л.* Археологические исследования слоя средней и ранней бронзы на Бориспольтепе // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.): Тез. докл. конф. Баку, 1986.
17 *Ашуров С. Г* Новые памятники эпохи ранней бронзы в Нахич. АССР // Великий Октябрь и развитие археологической науки в Азербайджане: Тез. докл. конф. Баку: Элм, 1988.
18. *Гаджиев М. Г* О древней металлообработке в Дагестане // Studia Praehistorica. 1986. № 8.
19. *Магомедов С. М.* К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане // Археология Северного Кавказа. VI Крупновское чтение в Краснодаре. Тез. докл. М., 1976.
20. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 120.
21. *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976.
22. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
23. *Кореневский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы Дагестана. // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
24. *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
25. *Гобеджишвили Г Ф.* Бедени-культура курганных погребений. Тбилиси: Мецниереба, 1980 (на груз. яз., рус. резюме).
26. *Корневский С. Н.* Втулчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
27. *Куфтин Б. А.* К вопросу о древнейших корнях Грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // Вестн. ГМГ 1944. XII-B.
28. *Хачатрян Т С.* Древняя культура Ширака. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1975.
29. *Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О.* Приереванский клад древней бронзы // КСИА. 1973. Вып. 134.
30. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. 1. Тбилиси, 1941.
31 *Mallowan M. E., Cruikshank J R.* Excovations at Tell Arpachiyah // Iraq. 1933. V II. P 1.
32. *Джавахишвили А. И., Глонти Л. И.* Урбниси. Вып. 1. Тбилиси, 1962.
33. Иессен А. А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. № 12.
34. *Абибуллаев О. А.* Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане // СА. 1963. № 3.
35. *Нариманов И. Г Исмаилов Г С.* Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. // Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук. 1961. № 3.
36. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
37 *Кушнарева К. Х.* Памятники медного века в Нагорном Карабахе. // СА. 1954. Т. XX.
38. *Гуммель Я. И.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИА. 1948. Вып. 125.
39. *Бахшалиев В. Б.* О находках металлических изделий в археологических памятниках Нахичевани в 1985 году // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.): Тез. докл. конф. Баку, 1986.
40. *Джафаров Г Ф.* Исследования у сел. Борсунлу // АО—1983. М., 1985.

I. G. NARIMANOV, G. F. JAFAROV

ON THE EARLIEST COPPER METALLURGY IN AZERBAIJAN

Summary

New data are used to trace the earliest stages of metallurgy in Azerbaijan. Pure copper objects came from the early landtilling sites (Fig. 1) Geitepe M, Alikemektepesi, Gargalartepesi and Chalagantepe (Fig. 2, *11*). This was the first stage of metalworking in the southern country. At the second stage pure copper was used together with man-made alloys (arsenic and nickel). These materials came from the upper level of the Eneolithic layer of Kyultepe and the finds from the pre-Kura-Arax settlement Leilatepe. Here, besides ready objects, such as awls (Fig. 2, *8-10*), objects associated with casting — clay lumps with metal sprays and parts of casting — wereiscovered. The Kura-Arax culture opened the third stage (approximately in the middle of the fourth millennium B. C.) with fresh advances in metalworking: As-bronze and new types of tools (Figs. 2, *1, 6, 7;* 3, *1-3*) and weapons (Fig. 2, *2-5*) that can be found on many sites in Azerbaijan.

В. А. БОРЗУНОВ

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ГАМАЮНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гамаюнская культура рубежа бронзового и железного веков лесного и лесостепного Зауралья выделена в конце 50-х — начале 60-х годов Е. М. Берс и К. В. Сальниковым (последним под названием каменогорской) [1, с. 11—15; 2, с. 75—85; 3, с. 13, 14]. Ими же создана ее первоначальная концепция [4, с. 69—75; 5, с. 21—46].

Известно 160 памятников с гамаюнской керамикой, 120 из которых приходится на основную, зауральскую территорию. Новые материалы, значительно расширившие источниковедческую базу, вошли в противоречие с первоначальными характеристиками культуры. Проведенный автором анализ позволил предложить новую концепцию [6, с. 78—112; 7, с. 106—117] и наметить основные этапы сложения и развития гамаюнской культуры.

В конце бронзового и начале железного веков на обширных лесных, а затем лесостепных пространствах Западной Сибири, Урала и Европейского Северо-Востока появляются культуры и группы поселений, объединенные керамикой со своеобразным крестовым орнаментом (рис. 1). На большей части территорий они не имели местных корней. С новым населением связано появление простейших укрепленных поселений, распространение охотничье-рыболовных орудий, посуды характерных форм с фигурно-штампованным орнаментом, единичных жертвенных мест при отсутствии погребений.

В начале железного века произошло начавшееся в конце эпохи бронзы распространение населения с керамикой крестовых комплексов в южном, восточном, западном и северо-западном направлениях — в Среднее и Южное Зауралье, вверх по Оби и ее притокам, на Енисей, Каму, Печору и водораздельные озера Центрального Тимана [7, с. 111—117; 8, с. 44; 9, с. 36, 37, 131] Один сосуд с крестовым орнаментом обнаружен в Приаралье, в погребальном комплексе Тагискена, датируемом началом I тыс. до н. э. [10, с. 38]. Продвижение таежного населения в лесостепь привело к симбиозу пришлых и местных культур, наложившему отпечаток на всю дальнейшую историю населения Урало-Сибирского региона.

В VI—IV вв. до н. э. происходит усиление контактов уральских и части западносибирских культур со степной савромато-сарматской. В лесной зоне ощущается влияние лесостепных и степных культур [11, с. 45—48; 12, с. 52—62] Развивается цветная металлообработка. Затем в обиход лесостепных и лесных культур Зауралья и Западной Сибири входит железо [4, с. 77, 91; 13, с. 118—125; 14, с. 112—118; 15, с. 113—127] Не позднее IV в. до н. э. весь массив культур крестовой керамики прекратил свое существование.

По мнению ряда исследователей, указанные явления протекали на фоне существенных климатических колебаний. На рубеже эпох бронзы и железа, около X—VIII вв. до н. э., вслед за относительно теплой фазой наступил период резкого увлажнения и похолодания. В середине I тыс. до н. э. он постепенно сменился новой фазой аридизации [9, с. 27—37; 16, с. 8; 17, с. 101, 102; 18, с. 18].

© В. А. Борзунов, 1990 г.

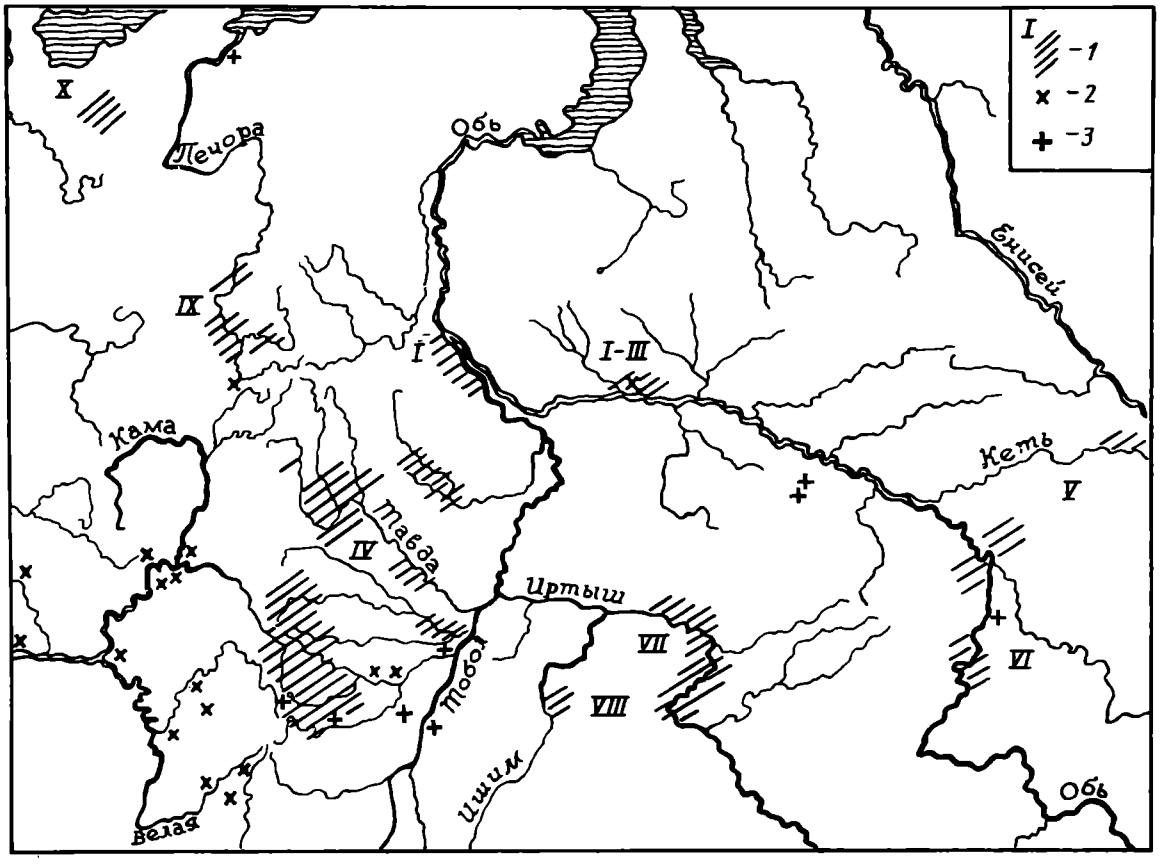


Рис. 1. Культуры и группы памятников крестовой керамики рубежа бронзового и железного веков. *1* — культура или группа памятников; *2* — отдельные находки гамаюнских сосудов; *3* — отдельные находки прочей крестовой керамики. *I* — атлымская; *II* — барсовская; *III* — белоярская; *IV* — гамаюнская; *V* — молчановская; *VI* — завьяловская; *VII* — красноозерская; *VIII* — карьковская; *IX* — печорская; *X* — косьминская

Единство культур крестовой керамики не исключало их относительную разнородность. Это подтвердили сводка культур и их подробный сравнительный анализ, проведенный М. Ф. Косаревым и В. А. Борзуновым [19, с. 189—203; 20]. Уже сейчас исследователи четко разделяют культуры: гамаюнскую в Зауралье [6, с. 78—112], атлымскую в Нижнем и Сургутском Приобье [21, с. 7—14; 22, с. 116—128], молчановскую в Томско-Нарымском Приобье и отчасти в бассейне Енисея [9, с. 121—132; 19, с. 194—200], красноозерскую в Среднем Прииртышье [15, с. 103—130; 23, с. 63—76]. Своеобразны карьковские поселения на Ишиме [24, с. 57—64], завьяловские в Новосибирском Приобье [25, с. 150—163], отдельные крестовые комплексы на памятниках томской и большереченской культур в Томском и Верхнем Приобье [26, с. 21, 22; 27, с. 35, 55, 62, 64], лебяжской и ананьинской на Печоре и озерах Центрального Тимана [28, с. 94—100; 29, с. 39—54].

Развитие гамаюнской культуры представляет собой модель развития всей общности.

Становление гамаюнской культуры, как и западносибирских культур крестовой керамики, теснейшим образом связано с генезисом и развитием наиболее ранней из культур крестовой керамики — алтымской, древнейшие поселения которой сосредоточены в Нижнем Приобье [21, с. 7—13]. Бронзовый век этой территории мало изучен, а сведения об атлымской культуре скудны. Можно предположить, что она сформировалась около XII в. до н. э. на основе части обширной общности культур ямочно-гребенчатой керамики. Пока трудно установить, что послужило причиной возникновения нового социально-экономического и, вероятно, этнического организма. Заметного сдвига в развитии производительных сил нижнеобских охотничье-рыболовческих коллективов не

наблюдается, а существенные климатические и экологические изменения, с которыми связывают появление культур крестовой керамики [19, с. 20, 21, 181], происходят по крайней мере двумя столетиями позднее [18, с. 18].

Конец бронзового века в таежном Приобье характеризовался неустойчивым равновесием между темпами прироста населения и поддержанием за счет экстенсивных охоты и рыболовства минимального достатка на душу населения. До этого равновесие поддерживалось естественной регуляцией прироста населения тайги, что и сохраняло его стабильность [30, с. 43, 44]. Исчерпание возможностей присваивающего хозяйства, высокая плотность населения для данного уровня развития производительных сил, относительная скудность естественных ресурсов явились условиями кризисной ситуации, создавшейся накануне железного века в нижнеобской тайге. Изменение климата привело к ускорению заболачивания тайги, повышению уровня воды в реках и озерах, увеличению количества заморных озер и проток, к количественным и видовым изменениям флоры и фауны. Это определило сокращение пищевых ресурсов [9, с. 37; 18, с. 13, 14, 18] и создало ситуацию относительного перенаселения. Естественным выходом из нее стал отток части жителей тайги на юг, в более благоприятные в климатическом отношении районы. В первую очередь это затронуло самое северное, атлымское население.

Миграция части атлымских коллективов в условиях инородного окружения и связанная с этим повышенная военная опасность способствовали социальной сплоченности и рождению новых этнических групп. По всей вероятности, миграция была достаточно сложным и многообразным явлением. Это не был, как представлялось ранее, резкий этнокультурный сдвиг и фронтальное продвижение таежных охотников и рыболовов по всем направлениям. Миграция охватила несколько столетий и проходила по меньшей мере двумя-тремя этапами. Сами подвижки осуществлялись небольшими группами и, как правило, были направлены вдоль водных артерий — по Оби и ее притокам, реже — по междуречьям (при освоении гамаюнцами Зауралья).

Основываясь на сходстве раннего типа атлымской керамики с гамаюнской, а позднего — с керамикой Сургутского Приобья и располагая данными радиоуглеродного датирования слоев Малоатлымского городища, Е. А. Васильев предполагает две волны миграции атлымского населения [21, с. 8—12] Первая (XII—X вв. до н. э.) была направлена в Зауралье и положила начало формированию гамаюнской культуры. При этом он ссылается на установленную исследователями неравномерность появления гамаюнской керамики на различных зауральских территориях — первоначально на Верхней Тавде, далее в Среднем и затем уже в Южном Зауралье и Приуралье, а также на гипотезу северного происхождения гамаюнской культуры [7, с. 116, 117]. Вторая волна (X—VIII вв. до н. э.), по представлениям Е. А. Васильева, была направлена в Сургутское Приобье, где одновременно с местными барсовскими существовали позднеатлымские поселения. Принимая в общем эту гипотезу, необходимо сделать следующие уточнения.

В Зауралье прослеживается по меньшей мере три волны миграции приобского населения. В результате первой (XII—X вв. до н. э.) на Конде и Верхней Тавде, наряду с местными сотниковскими и более поздними лозьвинскими поселениями с ямочно-гребенчатой керамикой, появились, по мнению В. Д. Викторовой, первые поселения с крестовой посудой — Ликинская стоянка, селище Тыня и др. [31, с. 256—263] Эту крестовую керамику едва ли можно считать результатом межплеменного или культурного обмена либо своеобразной «модой» на крестовый орнамент. С фигурно-штампованной орнаментацией распространяются своеобразные формы посуды, жилищ, каменного инвентаря и фортификаций, образующие единый культурный комплекс.

Наиболее регулярный и массовый характер переселение приобрело на втором этапе атлымской культуры — в X—VIII вв. до н. э В это время атлымские группы проникают в Сургутское Приобье. На еловских поселениях Васюган-

ского и Томского Приобья появляется ямочно-крестовая керамика. На более южных территориях формируются культуры с керамикой, близкой позднеатлымской: молчановская в Томско-Нарымском Приобье, красноозерская в Среднем Прииртышье, северный (вагильский) вариант гамаюнской культуры на Конде, Лозьве и в верховьях Тавды. Возможно, в это время часть атлымского населения проникает на Европейский Северо-Восток. По-видимому, и эта миграционная волна, в частности в Зауралье, не была последней. Иначе нельзя объяснить отличие северной гамаюнской посуды от более поздней керамики центральных и южных локальных вариантов гамаюнской культуры.

К началу железного века (VIII—VII вв. до н. э.) таежные группы постепенно выходят к северной кромке лесостепи. На это указывают гамаюнские южные локальные варианты, карьковские и завьяловские поселения, крестовые комплексы в большереченской культуре. В Западной Сибири новые культуры прослеживаются только до VI в. до н. э., в Зауралье гамаюнская — до IV в. до н. э.

Интерпретация данных картографирования поселений и отдельных находок крестовой керамики позволила наметить вероятный маршрут продвижения предков гамаюнцев в Зауралье: из Нижнего Приобья, по низовьям Иртыша и Конде в верховья Тавды и на Лозьву. Далее продвижение ранних гамаюнцев шло по междуречьям и частично верховьям рек — Тагила, Пышмы, Исети, Багаряка, Синаре в сторону северо-челябинского озерного края, к верховьям Миасса и Уфы. Открытые лесостепные пространства стали естественным барьером, за который в течение нескольких столетий существования культуры не проникали гамаюнские группы. Не случайно дальнейшие продвижения и контакты были направлены в противоположную от степи сторону — в горную часть Южного Урала, за Уральский хребет — в Среднее Прикамье (по Чусовой) и на Верхнюю Печору (по Лозьве и Пелыму), т. е. в районы той же природно-географической зоны [7, с. 112, 113]

Ранние миграции предков гамаюнцев (атлымцев), относительная изоляция этого населения от других родственных групп, взаимодействие пришельцев с аборигенным зауральским (сотниковским, лозьвинским, межовским, иткульским и др.) населением при спорадических связях с западносибирским определили своеобразие гамаюнской культуры на фоне всей общности. Сходство ее с родственными западносибирскими культурами ограничивалось охотничье-рыболовческим хозяйством, орнаментикой и отчасти формой посуды, простейшими укрепленными поселениями на небольших холмах у краев речных террас, отсутствием погребений. Основное же отличие прослеживается в хозяйстве: в более заметном месте рыболовства и цветной металлообработки в Западной Сибири, чем у гамаюнцев Зауралья, а у последних — в более развитой камнеобработке, фортификационном и отчасти жилом строительстве [20]

Гамаюнская культура более долговременна, обширна и стабильна по сравнению с любой из западносибирских. Как и следовало ожидать, общее сходство гамаюнской культуры с западносибирскими уменьшается, а различие увеличивается с запада на восток — от атлымской, красноозерской, карьковской к молчановской, завьяловской, крестовым группам томской и большереченской культур. В этом же направлении уменьшается доля крестовых узоров и увеличивается доля гребенчатых, резных и прочерченных.

Пути развития гамаюнской и западносибирских культур разошлись достаточно рано (около X в. до н. э.) и шли в различных направлениях при минимальных контактах. О последних свидетельствуют редкие находки гамаюнской керамики в Сургутском Приобье, а западносибирской крестовой, близкой атлымской, карьковской и красноозерской — на гамаюнских городищах в бассейнах Миасса, Уфы, Багаряка и Тавды.

Первые группы предков гамаюнцев — атлымцев, осевшие на Конде, Тавде и Лозьве около XII—X вв. до н. э., жили относительно обособленно [31, с. 256, 263] С притоком нового приобского населения в X—VIII вв. до н. э. пришельцы начали вступать в постоянные контакты с аборигенами (лозьвин-

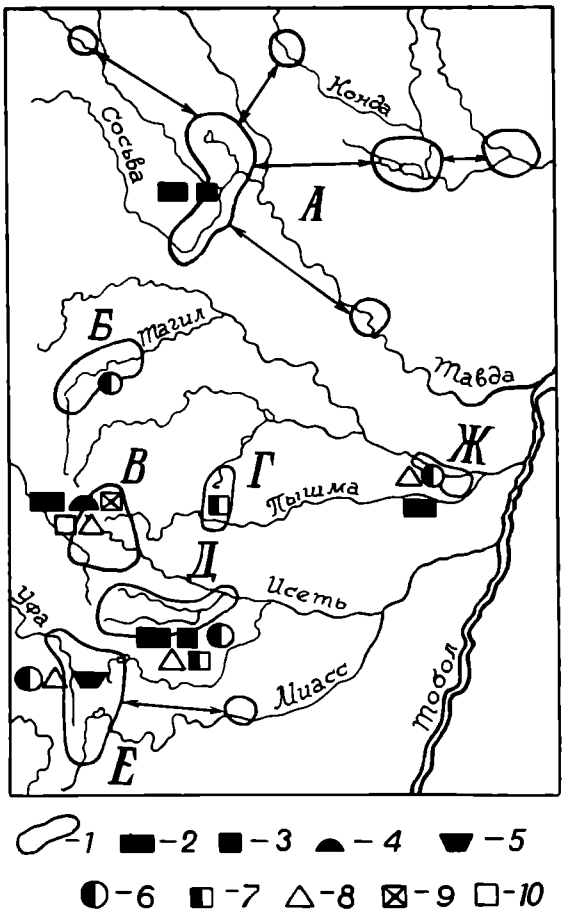


Рис. 2. Локальное распределение разновидностей гамаюнских жилищ. *1* — локальный вариант культуры: *А* — вагильский; *Б* — тагильский; *В* — верхнеисетский; *Г* — ирбитский; *Д* — каслинско-синарский; *Е* — миасско-аргазинский; *Ж* — тюменский. Жилища: *2* — укрепленные бревенчато-земляные и глинобитные; *3* — полуземлянки с подквадратным котлованом; *4* — полуземлянки с полуовальным котлованом; *5* — полуземлянки с естественным округлым скальным котлованом; *6* — наземные со слабо углубленным овальным котлованом; *7* — наземные со слабо углубленным подквадратным котлованом; *8* — наземные неуглубленные каркасные; *9* — наземные квадратные бревенчатые на свайках, с бревенчато-глинобитным полом и крыльцом; *10* — квадратные бревенчатые с земляным полом

цами) и вскоре смешались с ними, на что указывают керамические комплексы ранних северных гамаюнских (вагильских) поселений. Более южные территории лесного Зауралья — верховья Тагила, Исети, Пышмы — осваивались уже северными гамаюнскими и новыми приобскими группами. На Среднем и Южном Урале в конце эпохи бронзы, около IX—VIII вв. до н. э., гамаюнцы встретились с населением, представленным памятниками кокшаровского и бархатовского типов, входившими в состав замараевско-ирменского культурно-хронологического пласта (2-й Курьинский прииск Шигирского, 6-й разрез Горбуновского торфяников, пос. Юрьино IV, гор. Миасское 1). В начале железного века, с VIII до IV вв. до н. э., определяющим для гамаюнской культуры стало взаимодействие с более развитой иткульской культурой металлургов, скотоводов и охотников, генетически связанной с черкаскульской и межовской [5, с. 44, 46; 32, с. 104—118]

Затяжной характер миграции, неоднородность приобских и зауральских групп, легших в основу гамаюнской культуры, относительная изоляция отдельных гамаюнских групп, особенности их хозяйственной деятельности, экологии различных районов Зауралья, начало формирования новой родоплеменной организации обусловили формирование в рамках единой гамаюнской культуры семи локальных вариантов (рис. 2): вагильского (северного), тагильского,

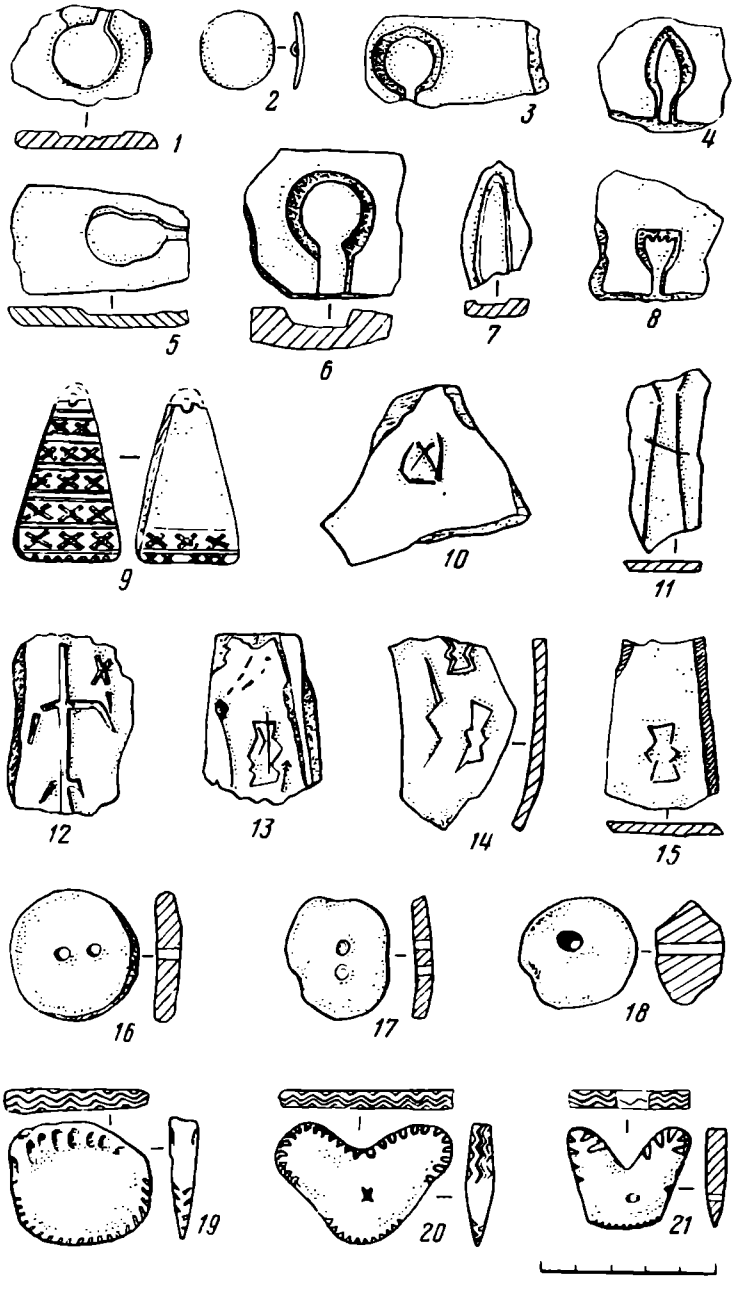


Рис. 3. Гамаюнские изделия из черепков сосудов *(1, 3—8, 10—17)*, бронзы *(2)* и глины *(9, 18—21)*. *1, 3—8* — формочки для отливки бляшек; *2* — петельчатая бляшка-пуговица; *9* — подвеска; *10—15* — графитти; *16, 17* — пуговицы; *18* — грузило для сети; *19—21* — штампы для орнаментации посуды

верхнеисетского, ирбитского (центральных), каслинско-синарского, миасско-аргазинского (южных) и тюменского (восточного).

Двухкомпонентность гамаюнской культуры — наличие пришлой и местной основ — отчетливее прослеживается по ранней посуде вагильского варианта, наиболее полно представленной на Туманских укрепленных поселениях-жилищах [33, с. 98—101] С пришельцами можно связать крестовые орнаменты, до того не известные в Зауралье, с аборигенами — характерные гребенчатые и фигурно-прокатанные, с теми и другими — ямочные. В целом ямочно-гребенчатая орнаментация представляет древнюю подоснову большей части нижне- и среднеобских культур — «тот субстрат, на основе которого возникли сузгунская, еловская и поздние гребенчато-ямочные культуры, локализовавшиеся к северу от андроноидного культурного массива» [19, с. 146]. К последним

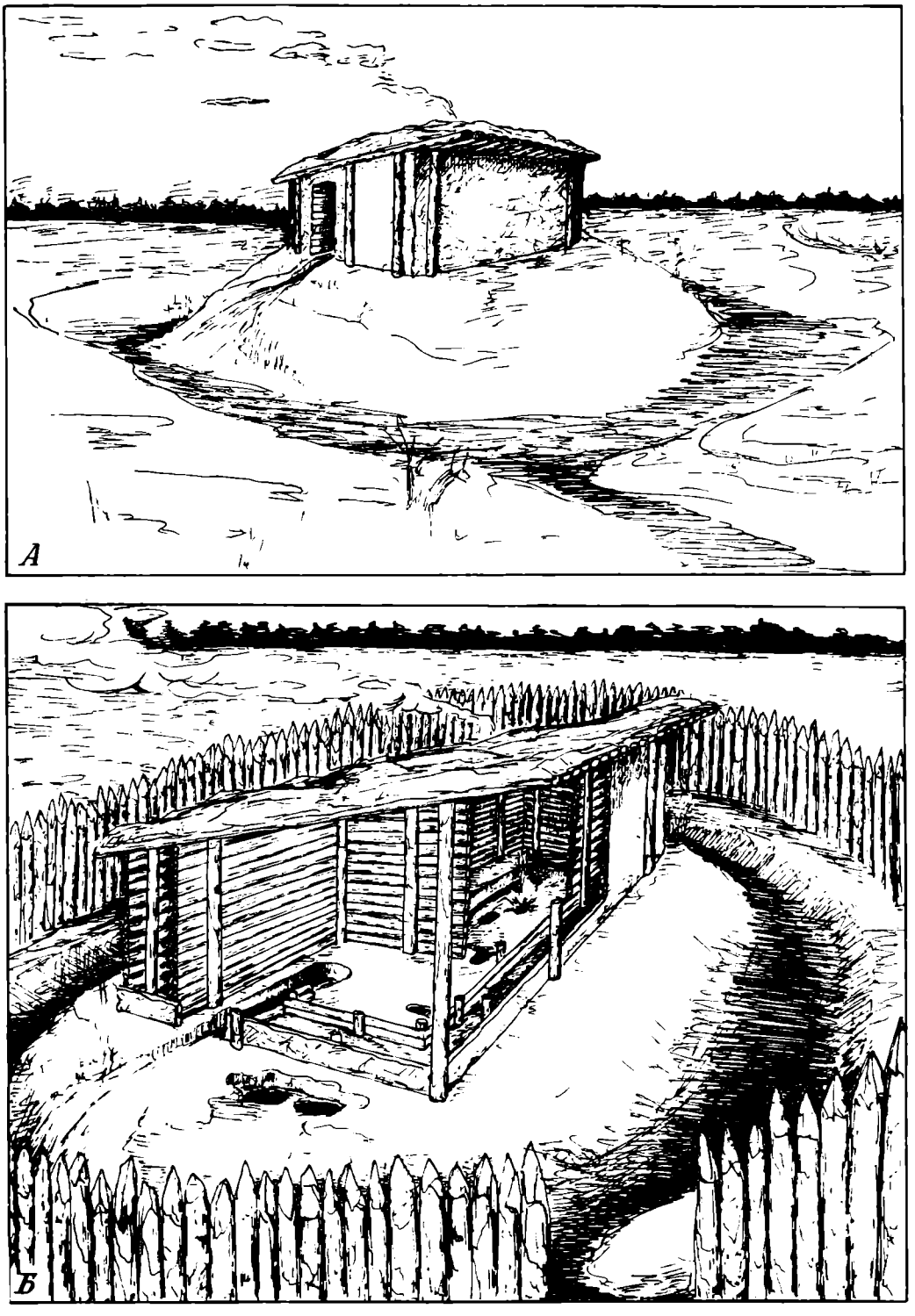


Рис. 4. Реконструкция Туманских верхнего (*А*) и нижнего (*Б*) укрепленных поселений-жилищ

можно также отнести барсовскую культуру Сургутского Приобья [22, с. 115—119] и более раннюю сотниковскую верховьев Тавды [31, с. 255—260] Родиной крестового штампа сейчас можно считать Нижнее Приобье, тогда как глиняные фигурно-прокатанные комбинированные штампы (рис. 3, *19—21*) — явление чисто зауральское. Они появились в эпоху бронзы у лозьвинского и даже, возможно, у сотниковского населения, а затем получили наибольшее развитие у гамаюнцев. Судя по тому, что орнаменты, нанесенные глиняными прокатанными, гребенчатыми и псевдогребенчатыми штампами на посуде Туманских

укрепленных поселений-жилищ (соответственно 38,4; 4,2 и 4%), в сумме встречаются несколько чаще крестовых (17,6%), местный компонент в формирующейся гамаюнской культуре был достаточно значителен. На более поздней гамаюнской посуде центральных и южных локальных вариантов гребенчатые орнаменты исчезают, но деление керамики на ямочно-крестовую и ямочно-прокатанно-волнистую сохраняется.

Первоначальное освоение гамаюнцами Зауралья носило, скорее всего, немирный характер. Об этом свидетельствует появление с ними первых городищ и мощных укрепленных жилищ (рис. 4) [6, с. 79; 33, с. 90—104; 34, с. 32—39], многочисленные следы разрушения гамаюнских и иткульских поселков. Впоследствии связи гамаюнцев с аборигенами, прежде всего с иткульцами, стали более разносторонними, усилилось взаимовлияние культур. Формирование смешанных типов посуды (второго иткульского и четвертого гамаюнского) указывает на вероятные брачные контакты, которые могли строиться по принципу дуально-экзогамных фратриальных. Гамаюнское влияние на местную иткульскую культуру было наиболее сильно в момент освоения гамаюнцами Зауралья и генезиса последней, когда формируется второй тип иткульской керамики,— около VIII—VII вв. до н. э. Иткульское воздействие более значительно на поздней стадии развития гамаюнской культуры — в VI—IV вв. до н. э. Относительно мирное сосуществование культур на одних территориях в Среднем и Южном Зауралье было обусловлено их различными хозяйственными интересами, что стимулировало межплеменной обмен и иные контакты. Гамаюнское хозяйство было сориентировано преимущественно на присваивающие отрасли — охоту, отчасти рыболовство, собирательство [6, с. 104—108], иткульское — на производящие — металлургию, металлообработку и скотоводство [5, с. 23—47; 13, с. 118—125; 35, с. 130—143] Поэтому, несмотря на высокую плотность заселения Среднего и особенно Южного Зауралья, относительного перенаселения, как в Нижнем Приобье, не наблюдалось.

В Зауралье сложились социально-экономическая структура гамаюнского общества, основные типы гамаюнских поселений, фортификаций, жилищ, посуды, орудий и других изделий. Гамаюнские поселения в большинстве неукрепленные (96 из 120), площадью до 300 м^2, состоящие из одного-двух жилищ, иногда с выделенными помещениями — мастерскими (Палкинское левобережное)

Все гамаюнские городища сосредоточены в Зауралье, в основном по границе зоны распространения культуры. Во внутренних районах они, как правило, редки (7 из 24). Городища делятся на малые (96—1000 м^2), средние (1400—2000 м^2) и большие (3150—5300 м^2) Малые преобладали (17 из 24) и встречались почти везде, причем на севере и в центре гамаюнской территории строились только такие. Средние и большие тяготели к югу и востоку. В целом со временем и к югу площадь укрепленных поселений возрастает. На городищах прослеживается от одного до семи жилищ. Расположены они чаще всего без заметной системы, реже по дуге вдоль вала (Каменогорское) и, возможно, рядами (Фунтусовское, Ирбитское озеро). Укрепленные поселения представлены семью филогенетическими группами (рис. 5, *а—ж*), объединенными в три типа: на малых холмах, у их подножий и на краях террас с замкнутыми фортификациями (I); мысовые с замкнутыми и незамкнутыми фортификациями (II); береговые с мысовой традицией с замкнутыми оборонительными стенами и незамкнутыми рвами-водоотводами (III) На севере, в центре и на востоке гамаюнской территории развиваются городища только I типа, а II и III — только на юге. Наблюдаются две линии развития, выявленные по изменению деталей оборонительных систем во времени (рис. 5) Первая идет от простейших малых укрепленных поселений на холмах *(а)* к укрепленному поселению-жилищу на таком же холме, затем у подножия холма и на краю речной террасы *(б)* либо к обширным кольцевым фортификациям на низких возвышенностях *(в)*; вторая — к созданию подобия простейших укрепленных поселений на хол-

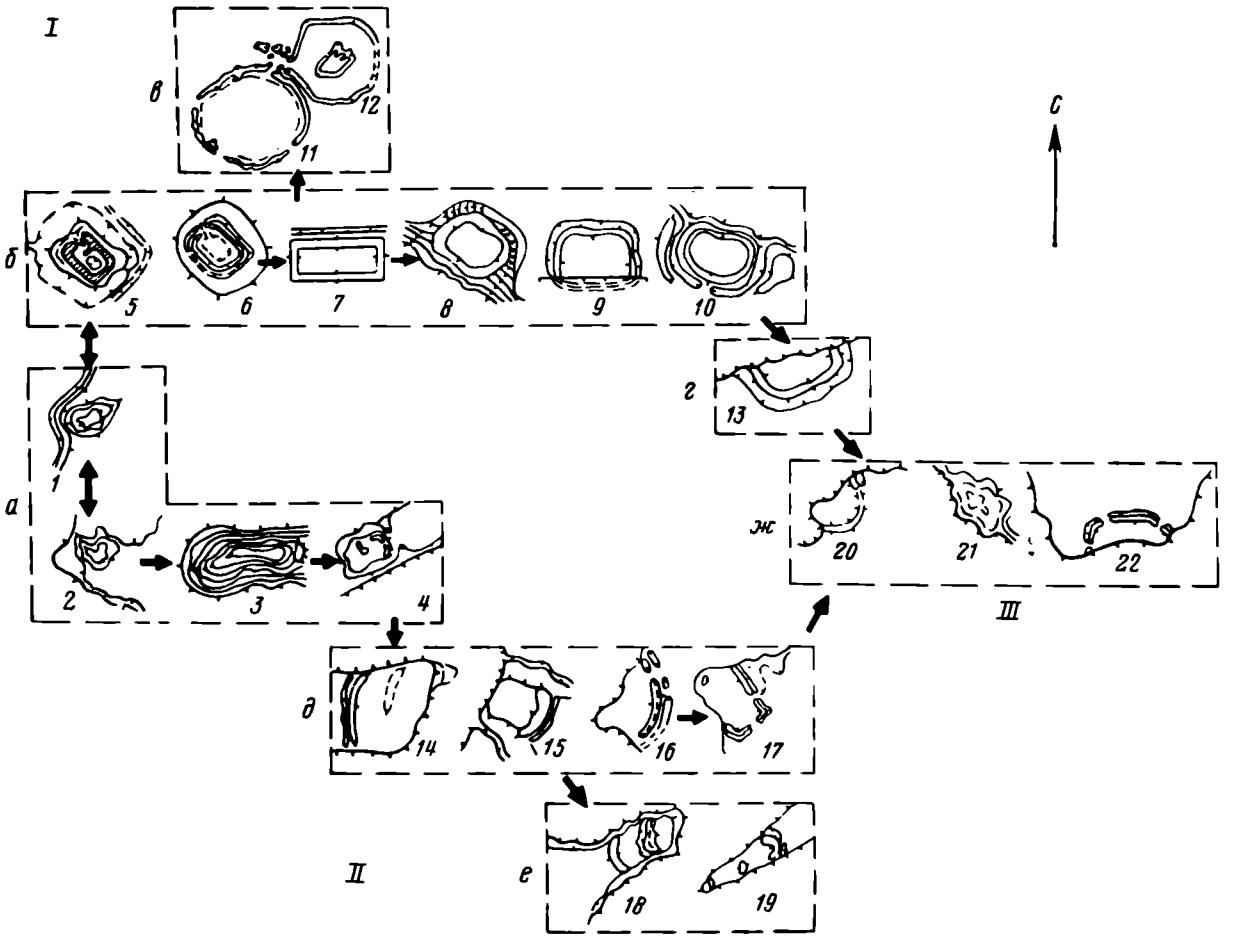


Рис. 5. Схема развития гамаюнских укрепленных поселений. *I—III* — типы укрепленных поселений; *а — ж* — филогенетические группы укрепленных поселений. *1* — Усть-Вагильское; *2* — Капочское; *3* — Фунтусовское; *4* — у оз. Мелкого; *5* — Туманское нижнее; *6* — Туманское верхнее; *7* — Палкинское; *8* — Шайдурихинское; *9* — Ближнее Багарякское; *10* — Катайское; *11* — Андреевское № 7, *12* — Андреевское № 5; *13* — Оськинское 1; *14* — Серный ключ; *15* — Миасское 1; *16* — Зотинское IV, *17* — Зотинское II; *18* — Уфа VI; *19* — Усть-Караболкское; *20* — Каменогорское; *21* — Боевское; *22* — Колпаковское

мах путем изоляции мысовидных выступов поперечными незамкнутыми валами и рвами, далее к одноплощадочным и затем двухплощадочным мысовым городищам *(д, е)*. В конце обеих линий укрепленные поселения-жилища *(б)*, полукольцевые малые укрепления у краев речных террас *(г)* и одноплощадочные укрепления на мысах *(д)* подводят к средним и большим береговым городищам с мысовой привязкой *(ж)* [34, с. 30—40]

Жилища трех типов: полуземлянки (I), наземные неуглубленные (II) и с неглубокими котлованами в центре (III) Полуземлянки редки. На уровне подвида среди них выделяются однокамерные с подквадратными (Оськинское 1, Каменогорское, № 3) или с овальными искусственными в мягком грунте котлованами (у оз. Мелкого), а также с круглым естественным в скале (Березки II). Наиболее разнообразны наземные постройки. К ним относятся неуглубленные шатровые сооружения из жердей и бревен (Колпаковское, вост. уч.; Уфа VI, 2-я площадка; Чебаркуль IV; часть построек Андреевских городищ 5 и 7 и др.); бревенчатый подквадратный домик с земляным полом и крышей из жердей и бересты (на мысу Еловом); бревенчатые подквадратные дома с деревянными в два поперечных настила полами, обмазанными глиной, подпертые снизу в местах, где полы не касались скалы, деревянными и каменными столбиками, укрепленными каменными клиньями, и дополненные снаружи «крыльцом» с навесом (Палкинское левобережное) Самым оригинальным типом построек являются гамаюнские укрепленные поселения-жилища [33,

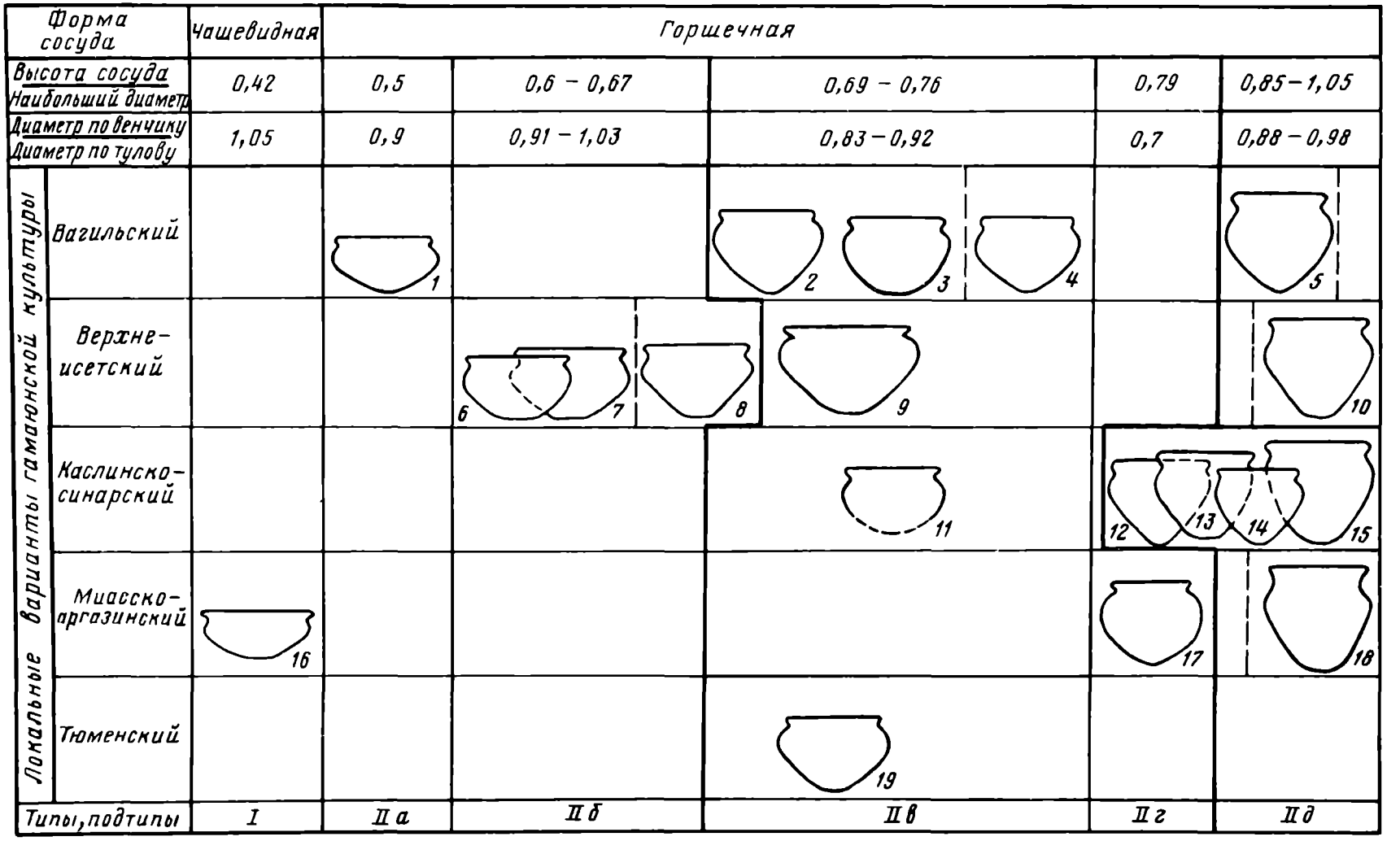


Рис. 6. Формы гамаюнских сосудов. *1, 4, 12* — Туманские укр. пос., *2, 3, 5* Оськинское I гор; *6* — пос. Нижняя Макуша; *7* — гор. у оз. Мелкого; *8* пос на м. Еловом; *9* Палкинское левобережное пос., *10* пос. на м. Еловом II; *11* Зотинское IV гор., *13* — Зотинское II гор., *14* Ближнее Багарякское гор.; *15* — Боевское гор., *16* — гор. Уфа VI; *17* — пос. Березки II; *18* — Миасское I гор.; *19* — Андреевское гор. № 7

с. 90—99] Они одно-, двух- и многокамерные, с земляными и глинобитными неуглубленными либо земляными слабоуглубленными полами; стены жилищ двойные бревенчатые (расстояние между рядами до 1,5 м), обмазанные снаружи глиной, на них опиралась плоская односкатная (?) крыша из бревен, жердей и бересты, покрытая сверху дерном (городища Туманские верхнее и нижнее, Ближнее Багарякское, вероятно, Шайдурихинское нижнее, Палкинское, Катайское II; рис. 4). К III типу относятся наземные однокамерные сооружения с каркасом из столбов и жердей, с подквадратными углублениями в центре (Каменогорское, № 1; Зотинское II, 4-й котлован); то же в одно- и двухкамерном варианте с овальными котлованами и шатровыми конструкциями (Зотинское IV; Зотинское II, 1—3-й котлованы; Уфа VI, 1-я площадка; Колпаковское, раскоп К. В. Сальникова; Муринское, уч. Р—Ц / 20—22 и др.) [6, с. 79—87]

Интерьер жилищ составляли три-четыре элемента: очаг, хозяйственные ямы-кладовые, места отдыха, производства и связанные с ними объекты. Центром социального пространства жилищ являлись очаги: один посреди жилища под дымоходом или у стены либо два одинаковых размеров в противоположных углах. Близ них сосредоточены ямы-кладовые и производственные места; по краям жилища — места отдыха — лежанки. Такое разграничение внутреннего пространства более четко прослеживалось в больших жилищах, в малых отмечалось совмещение мест приготовления пищи и отдыха с производственными. Площади жилищ варьировали от 15 до 60 м^2

Гамаюнская посуда изготовлялась из глины с добавлением толченых талька и слюды, на северных (вагильских) поселениях — только песка и изредка шамота. Формы ее разнообразны (рис. 6). Характерными деталями являются плоский, скошенный наружу венчик, резко отогнутая шейка, выпуклые плечики, переходящие в зауженное тулово и придонную часть, а также маленькое уплощенное, округлое или приостренное дно. Орнаментация сосудов сплошная, с примыкающими друг к другу горизонтальными зонами. Узоры в основном просты: различные комбинации ямок и оттисков фигурных штампов. Примесь песка, отдельные вогнутые вовнутрь шейки, разнообразие форм венчиков, элементов орнамента и повышенный процент гребенчатых узоров выделяют северную (вагильскую) керамику из основной массы гамаюнской и сближают ее с западносибирской, в первую очередь с атлымской.

По орнаментации выделяется четыре типа посуды: ямочно-крестовая, ямочно-волнистая, ямочно-крестово-волнистая и с обедненной ямочно-насечковой орнаментацией (рис. 7). Два первых типа — основные; соотношение их на поселениях различно. Сочетание штампованного креста и прокатанных волнистых узоров — явление уникальное. Не исключено, что разделение посуды на крестовую и волнисто-прокатанную является следствием фратриального деления, основой которого являлась первоначальная двухкомпонентность гамаюнской культуры, т. е. наличие пришлой и местной основ. Ямочно-насечковая посуда неоднородна: ее составляет, вероятно, кухонная гамаюнская и переходная гамаюно-иткульская. Хронологического различия типов посуды, как предполагала Е. М. Берс [2, с. 84—85], не наблюдается. Они бытуют на протяжении всей культуры.

Гамаюнские орудия изготовлялись из камня, кости, глины и дерева; металлических не известно. Медь и бронза шли на отливку украшений: медных круглых петельчатых блях, бляшек-пуговиц, простых видов подвесок (рис. 8, *1—4;* 3, *2*). Формы блях и пуговиц не оригинальны, подобные изделия встречаются во многих евразийских лесостепных культурах эпох бронзы и железа. Выплавка меди у гамаюнцев проводилась в жилищах, в глубоких ямах и на кострищах. Специальных тиглей не существовало, их заменяла обычная «столовая» посуда. Изделия отливались в двусторонних формочках, вырезанных из стенок сосудов. Следы выплавки меди из руд отмечены только на Зотинском IV городище на р. Багаряк. В целом литейное производство и металлообработка у гамаюнцев развиты слабо. Причина этого, вероятно, заключалась не только

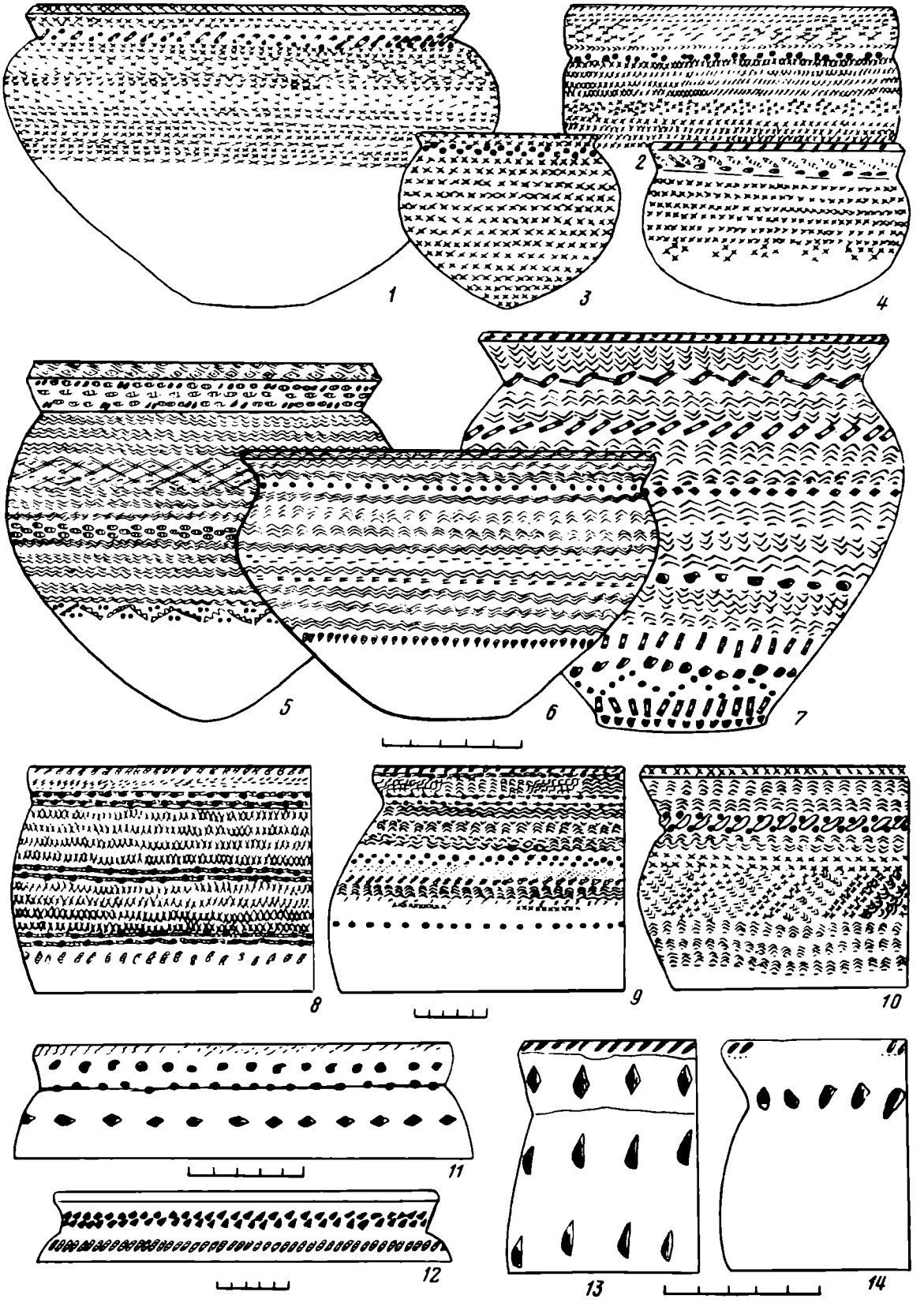


Рис. 7 Четыре типа орнаментов гамаюнской керамики. *1—4* — ямочно-крестовый; *5—7* — ямочно-волнистопрокатанный; *8—10* — ямочно-крестово-волнистопрокатанный; *11—14* — обедненный ямочно-насечковый

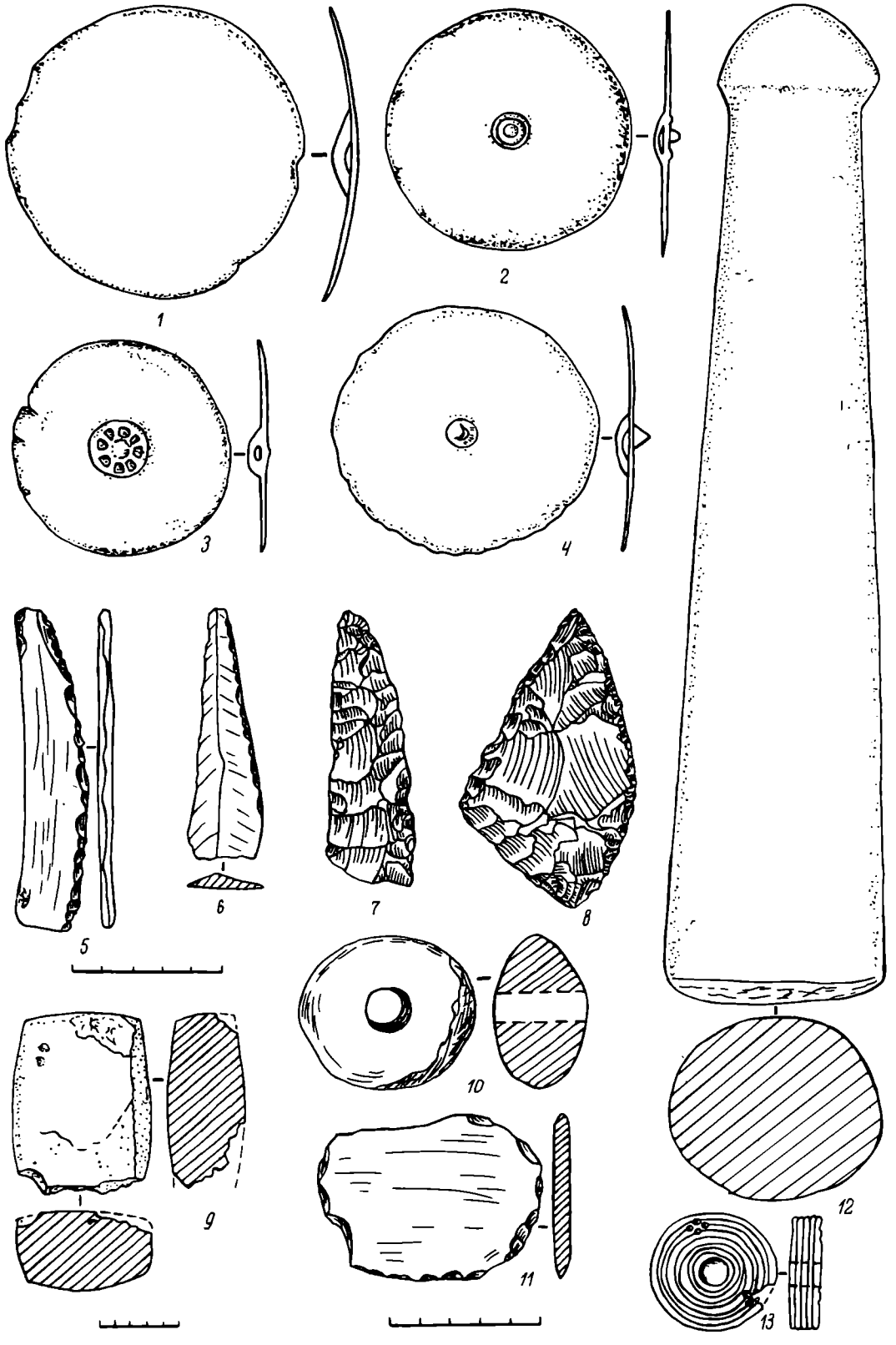


Рис. 8. Гамаюнские изделия из меди, бронзы *(1—4)* и камня *(5—13)*. *1—4* — петельчатые бляхи; *5* — нож-пила; *6—8* — кожевенные ножи; *9* — топор; *10* — грузило для сети; *11* — скребло; *12* — пест для дробления талька и руд; *13* — пряслице (трассологическое определение Н. А. Алексашенко и Ю. Б. Серикова)

в отсталой культурной традиции камнеобработки, а в существовании мощного местного иткульского металлургического очага [13, с. 118—125; 35, с. 130—144; 36, с. 65—75] и межкультурной хозяйственной специализации между гамаюнцами и иткульцами.

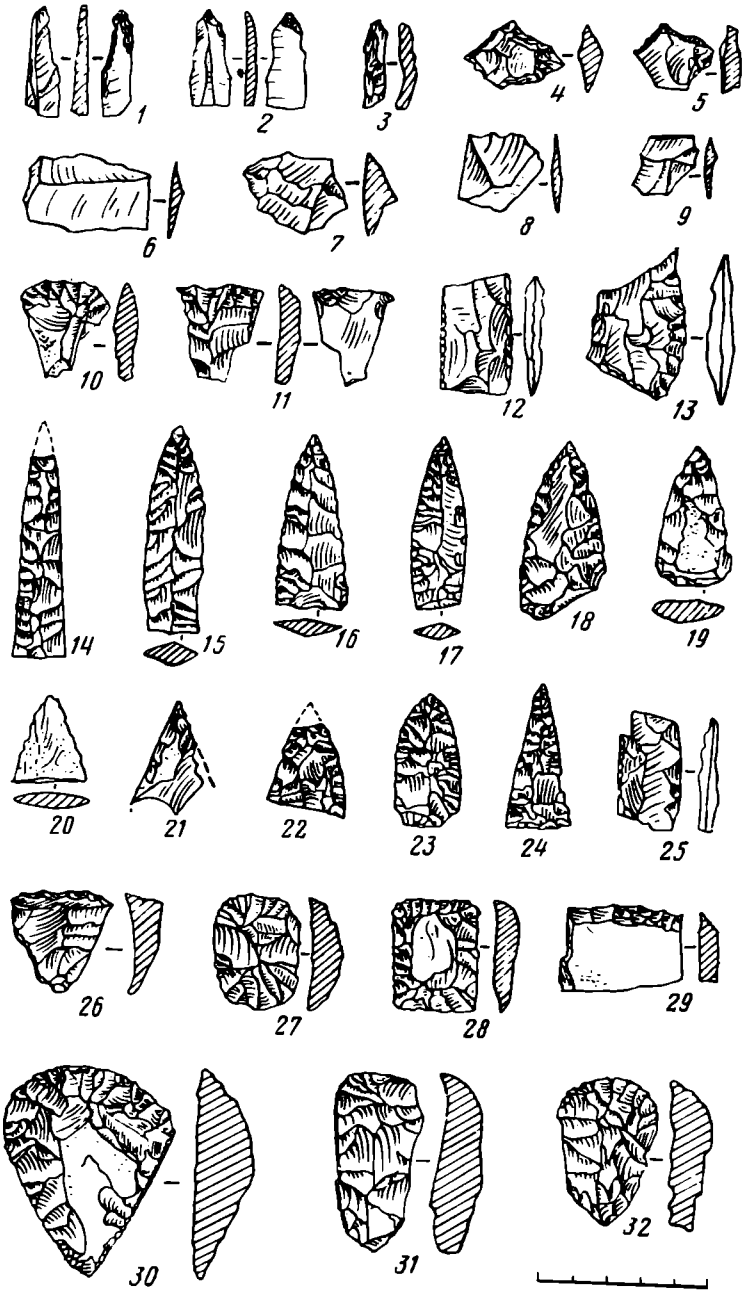


Рис. 9. Гамаюнские каменные орудия. *1—3* — сверла, провертки; *4, 5* — скобельки; *6—8* — мясные ножи; *9* — пилка по дереву; *10, 11* — долота, стамески; *12, 13, 25* — пилки-ножи; *14—24* — наконечники стрел; *26—29* — скребки для обработки шкур; *30* — скребок-скобель; *31—32* — скобели для обработки дерева (трассологическое определение Н. А. Алексашенко и Ю. Б. Серикова)

Наиболее разнообразны орудия из камня: скребки, скобели, наконечники стрел и дротиков, скребла, ножи, топоры, стамески, долота, пилки, сверла, мотыги и т. д. (рис. 8, 9) При изготовлении их гамаюнцы освоили все доступные виды каменного сырья: различные породы кремня, кремнистых сланцев, яшм, халцедон, кварцит, туфопорфирит, хрусталь. По мере продвижения к Каменному поясу сырье становится разнообразней. Гамаюнцами совершенствовались и типизировались орудия, связанные с основной хозяйственной деятельностью — охотой, обработкой дерева и шкур (скребки, скобели, наконечники стрел). Остальные изделия морфологически неустойчивы. Из кости изготовлялись

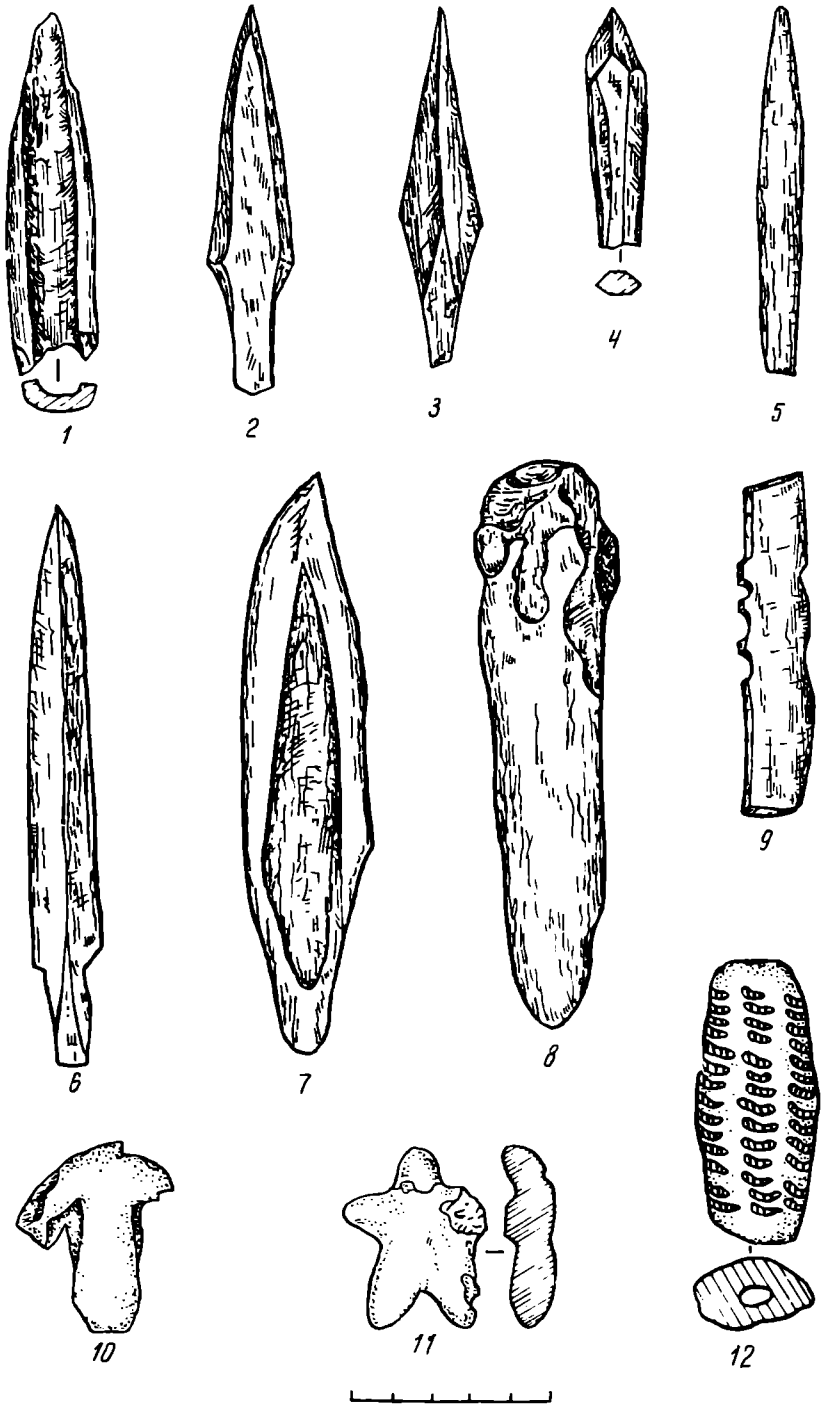


Рис. 10. Гамаюнские изделия из кости *(1—9)* и глины *(10—12)*: *1—5* — наконечники стрел; *6—7* — ножи-наконечники стрел; *8* — кайло; *9* — обломок гарпуна; *10—11* — зоо-антропоморфные фигурки; *12* — грузило для сети

проколки, наконечники стрел, копий, копающие орудия; из глины и керамики — пряслица, штампы для орнаментации посуды, пуговицы, подвески, литейные формочки (рис. 3, 10)

Несколько иная по сравнению с таежным Приобьем природная обстановка вызвала некоторые изменения в хозяйстве. Если нижнеобское население можно характеризовать как сезонных охотников и рыболовов, то зауральских гамаюнцев — как охотников на лесных копытных (косулю, лося), практиковавших рыболовство в качестве одной из вспомогательных отраслей. Об этом свидетельствует анализ остеологических остатков [6, с. 108, табл. 5], почти полное

отсутствие рыболовного инвентаря и ихтиофауны на гамаюнских поселениях, а также преимущественное расселение гамаюнцев по берегам мелких рек и озер. Создается впечатление, что рыболовство было более развито в северных районах гамаюнской территории — на Лозьве, Конде и Тавде, менее — в остальных.

Очевидно, под влиянием иткульцев поздние гамаюнцы на центральных и южных территориях осваивают начатки скотоводства: разводят крупный и мелкий рогатый скот. От них же к гамаюнцам поступают лошади и редкие орудия из железа. Сходные явления прослеживаются в западносибирской лесостепи.

В целом гамаюнская культура наряду с красноозерской входила в ареал преобладания промысловой мясной охоты над другими ее видами и, вероятно, над скотоводством, а все окружающие лесостепные культуры — кара-абызская, ананьинская, гороховская, воробьевская, носиловская, саргатская — в ареал преобладания скотоводства и пушного промысла, при благоприятных условиях превращавшихся в источник меновых ценностей [37, с. 154]

По мере продвижения гамаюнцев на юг и юго-восток видоизменялась их материальная и, вероятно, духовная культура. Наряду с утепленными бревенчато-глинобитными жилищами, полуземлянками и простейшими укреплениями на малых холмах, появились легкие наземные каркасные сооружения, более совершенные одно- и двухрядовые фортификации на мысах и мысовидных участках береговых террас, обширные кольцевые городища, двухрядовые бревенчатые стены, первые башни и, возможно, предвратные сооружения. Оборонительный ров трансформировался в водоотвод. Происходит перемещение поселений на возвышенные места. Определенные сдвиги произошли в хозяйстве. Изменялись формы сосудов, беднели и упрощались орнаменты. Продолжали разнообразиться сырье и типы каменных орудий. Значительно выросли размеры поселений — за счет естественного роста населения, а также включения в состав гамаюнских поселков инокультурного иткульского, воробьевского, гафурийского, гороховского и другого населения (Каменогорское, у оз. Мелкого, Уфа VI, Зотинские II, IV, Березки II). Последнее происходило, вероятно, вследствие установления брачных контактов пришельцев с аборигенами и перемещения к северу некоторых лесостепных и степных групп под давлением савромато-сармат [12, с. 52—62]

Анализ многослойных гамаюно-иткульских памятников, датирующих вещей и керамических комплексов позволил наметить три хронологических периода в развитии гамаюнской культуры: X—VIII, VIII—VI, VI—IV вв. до н. э. В XII—X вв. до н. э. на Конде и Тавде наблюдается относительно независимое развитие культур предков гамаюнцев: атлымцев с ямочно-крестовой орнаментацией посуды, аборигенного сотниковского и лозьвинского населения с ямочно-гребенчато-прокатанноволнистой. X—VIII вв. до н. э.— время формирования гамаюнской культуры и начала ее миграции в более южные районы; VIII—VI вв. до н. э.— освоение гамаюнцами Среднего и Южного Зауралья; VI—IV вв. до н. э.— период наивысшего расцвета культуры и усиления взаимодействия с местным лесостепным населением. Тот же анализ указывает на то, что развитие гамаюнской культуры шло по двум направлениям — обособления северного и увеличения сходства в культуре южных локальных вариантов. Последнее особенно усилилось в VI—IV вв. до н. э., непосредственно перед ее ассимиляцией иткульской.

Для исследования исторических судеб гамаюнской культуры источников мало. Пока это только редкая синдейская и петрогромская керамика, в которой прослеживаются отдельные элементы гамаюнской орнаментики (кресты, змейки, ямки в шахматном порядке), а также факт исчезновения гамаюнской посуды с III в. до н. э. на всех территориях. По-видимому, на севере гамаюнская культура трансформировалась в синдейскую [31, с. 260, 261], а на остальных территориях Зауралья ассимилирована иткульской. Относительно бесследно

исчезают к середине I тысячелетия до н. э. и даже несколько раньше лесостепные западносибирские культуры крестовой керамики.

Вопросы социального развития гамаюнского общества в литературе и исследованиях автора до этого не ставились намеренно: здесь мы располагаем достаточно скудной и нерегулярной информацией. Между тем характеристика культуры без решения их не может считаться полной. Ранее мы детально анализировали широкий круг источников. Им соответствовал конкретный и разносторонний характер выводов. При решении вопросов социального развития мы вынуждены оперировать преимущественно общеизвестными фактами этнографии, социологии и истории первобытного общества. Это предопределяет лишь самые общие представления о гамаюнской социальной структуре.

Гамаюнское общество вступило в период разложения родового строя. В данном случае это было определено не столько уровнем развития производительных сил, получением прибавочного продукта и переходом к производящим отраслям экономики. Основой и формой разложения родовой организации стал патриархат [38, с. 171, 172] В условиях миграции, усиления борьбы за освоение и закрепление новых охотничьих угодий, переориентации хозяйства преимущественно на мясную охоту становлению его способствовало усиление роли мужчин как основной производственной и военной силы. Дальнейший, хотя и крайне медленный, прогресс гамаюнского общества был определен углублением патриархальных отношений, контактами с более развитыми иткульскими племенами и приобщением к скотоводству.

Разложение гамаюнского рода шло по двум направлениям: 1) утрата родом роли основной социально-экономической ячейки общества вследствие дробления на самостоятельные в экономическом отношении и территориально изолированные подразделения — большесемейные общины (что определялось усилением индивидуальной и пассивной охоты), занимавшие отдельные малые укрепленные поселения и жилища; 2) включение в состав жителей гамаюнских поселков инокультурного лесостепного населения, что способствовало укреплению соседских связей в противовес кровнородственным и формированию соседских общин.

Трудно сказать, какими коллективами осуществлялось переселение атлымцев и ранних гамаюнцев. Расселялись же они в Зауралье, судя по малым размерам гамаюнских укрепленных поселков и селищ, группами не более двух десятков человек. Скорее всего это соответствовало одной-двум большесемейным общинам или малому роду. Такое положение сохранялось в основном до VIII—VI вв. до н. э. В VI—IV вв. до н. э. наблюдается увеличение площадей городищ и количества жилищ на них. При этом размеры жилищ уменьшаются [6, табл. 2, с. 85; 34, с. 38—40] Вероятно, в это время происходит разрастание и деление семейно-родовых общин и формирование соседских.

Вместе с тем, несмотря на относительную распыленность и малочисленность отдельных гамаюнских коллективов, наблюдается их значительное сходство, почти единообразие в пределах локальных вариантов, групп вариантов и в культуре в целом. Это было обусловлено не столько однообразием хозяйства и тем более не экономическими связями, которых по сути дела не наблюдается. Вероятно, единство культуры и наличие в ней локальных вариантов объясняется общностью происхождения, а отсюда — этническим самосознанием и религиозно-идеологическим единством, экзогамией и постоянными брачными связями большесемейных общин, а также наличием племенной структуры. Надо полагать, что эта структура была аморфной. Определенным аналогом ей может быть алгонкинская. Однако последняя была определена преимущественно особенностями хозяйства — ведением коллективной загонной охоты в весенне-летний период, что вряд ли можно предполагать у гамаюнцев.

Вероятными следами фратриальной организации гамаюнских племен является четкое разграничение двух основных орнаментальных типов гамаюнской керамики, сформировавшихся в результате взаимодействия пришлого атлымского населения с ямочно-крестовой орнаментикой посуды с местным лозьвин-

ским, украшавшим свою керамику ямочными, гребенчатыми и волнистопрокатанными узорами. Впоследствии экзогамно-фратриальный характер стали носить взаимоотношения гамаюнской и иткульской культур. Этому способствовала определенная переориентация экономических связей: от связей преимущественно между отдельными гамаюнскими общинами к установлению тесных контактов между соседствующими гамаюнскими и иткульскими.

Окончательное крушение гамаюнского рода на большей части территорий Зауралья, как и всей социальной организации, происходит под действием внешнего фактора и насильственно: в результате ассимиляции гамаюнцев иткульцами и включения остатков гамаюнцев в состав позднеиткульского этноса. На Конде и Верхней Тавде в это время происходят сложные и не до конца изученные процессы взаимодействия гамаюнской культуры с южными и северными соседями, что приводит в конечном итоге к формированию новой, синдейской культуры. На это указывают трехкомпонентность синдейской орнаментации (ямочно-насечковая, гребенчатая, змейчатая), сходство синдейской керамики с кашинской и городища Няксимволь, распространение поселений с кульминской керамикой [31, с. 260, 261]

Трудна этнолингвистическая интерпретация культур крестовой керамики. Вероятно, их формирование — один из этапов развития угорской общности. Однако это не исключает самодийскую или самодийско-угорскую принадлежность некоторых из них, в частности молчановской и завьяловской, так как в основе их лежит самодийская еловская культура [39, с. 12; 40, с. 246]. Сложен этнический состав красноозерской: помимо угорского компонента здесь можно предполагать самодийский и небольшой североиранский. Гамаюнская культура, вероятнее всего, угорская. Безусловно ее участие в формировании финно-угорских и угорских культур раннего железного века Урала — северного варианта ананьинской и иткульской [40, с. 248], а также связь с аборигенными угорскими культурами эпохи бронзы Конды и Верхней Тавды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берс Е. М.* Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья // ВИУ. 1958. Вып. 1.
2. *Берс Е. М.* Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала. Свердловск, 1960.
3. *Сальников К. В.* Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала. Свердловск, 1960.
4. *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
5. *Сальников К. В.* Иткульская культура: К вопросу о «Зауральском ананьине» // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск, 1962.
6. *Борзунов В. А.* Гамаюнская культура: Основные характеристики // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1982.
7. *Борзунов В. А., Сосновкин И. Н.* К вопросу о гипотезах происхождения гамаюнской культуры // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1979.
8. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // СА. 1964. № 3.
9. *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.
10. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
11. *Мошкова М. Г* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972.
12. *Борзунов В. А., Нохрина Т И.* Березки II — поселение эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981.
13. *Бельтикова Г В.* О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
14. *Борзунов В. А.* Иткульско-гамаюнское городище Красный камень // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
15. *Абрамова М. Б., Стефанов В. И.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985.
16. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
17. *Бадер О. Н.* Этапы этнокультурной истории и палеографии Урала // МИА. 1960. № 79.
18. *Львов Ю. А.* Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
19. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.

20. *Борзунов В. А.* Сравнительный анализ гамаюнской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1986.
21. *Васильев Е. А.* Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы: Хронология и культурная принадлежность памятников // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.
22. *Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.* Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск, ун-та, 1984.
23. *Труфанов А. Я.* Жертвенное место Хутор Бор-I: О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.
24. *Генинг В. Ф., Евдокимов В. В.* Старо-Маслянское поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8.
25. *Троицкая Т. Н.* О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VIII—VI вв. до н. э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
26. *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1952. № 24.
27. *Плетнева Л. М.* Томское Приобье в конце VIII—III в. до н. э. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977
28. *Лузгин В. Е.* Предананьинское время на Печоре // Уч. зап. ПГУ 1967. № 148.
29. *Стоколос В. С.* Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана // МАЕСВ. 1973. Вып. 5.
30. *Матющенко В. И.* Естественногеографические и социально-экономические факторы миграций древнего населения Приобья и Прииртышья // Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
31. *Викторова В. Д.* Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
32. *Бельтикова Г В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1977
33. *Борзунов В. А., Липский В. И.* Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1984.
34. *Борзунов В. А., Стоянов В. Е.* Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала: К методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981.
35. *Бельтикова Г В., Стоянов В. Е.* Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства: Предварительное сообщение // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1984.
36. *Бельтикова Г В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1982.
37. *Стоянов В. Е.* Некоторые аспекты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи: Ранний железный век // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1977
38. *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1982.
39. *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979.
40. *Могильников В. А.* // СА. 1983. № 4 — Рец. на кн.: *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979.

V. A. BORZUNOV

THE GENESIS AND FURTHER DEVELOPMENT OF THE GAMAYUN CULTURE

Summary

This culture that was flourishing in the Ural forest belt between the 10th and 4th centuries B. C. was the most long-lived, vast and stable among the other cultures of cross ornaments on earthenware of Western Siberia, the Urals and the north-east of Europe. It emerged in the late Bronze Age as a result of migrations of part of the fishers-hunters of the Lower Ob to the Ural forest belt where they mixed with the local hunters and fishers. They brought the first fortified settlements to the Urals. As the Gamayun culture was moving southwards its fortified settlements improved, stone, bone and clay implements became more sophisticated while vessel ornaments grew noticeably simpler People who belonged to different ethnic and cultural groups lived in one and the same settlements, hunting being their main occupation. Influenced by the higher local Itkul culture the newcomers accepted primitive cattlebreeding and iron making. With time, the Gamayun culture that existed along the Konda and Lozva rivers transformed into the Sindeya culture, while in the southern and middle Transural area it was assimilated by the itkul culture.

С. А. СКОРЫЙ

К ВОПРОСУ О СКИФСКИХ ПОХОДАХ В ЛУЖИЦКИЕ ЗЕМЛИ

В зарубежной науке концепция о скифских походах в область лужицкой культуры в VI—V вв. до н. э., сыгравших негативную роль в судьбах ее населения, получила широкое распространение и признание [1] Поводом для ее обоснования послужили находки вооружения скифского типа, в частности многочисленных наконечников стрел, на поселениях Чехии и Польши, особенно в западных лужицких землях. Они нередко фиксируются в слоях разрушенных и сожженных лужицких городищ, в их оборонительных валах, пещерных убежищах, в частности на территории Северной Моравии, Южной Силезии, Лужицы, а также в ряде мест в Куявии и Земле Хелмской (например, городища в Каменце, Поляновице, Вицине, Стшегоме, пещерные убежища в Пясечно, Котоуч-Штрамберке, Ржендковице и другие) [1, с. 114, 360, табл. XVIII, *1—14*; 2, с. 124; 3, с. 79, рис. 1; 4, с. 5—9; 5, с. 81—89]

В кругу находок скифского типа, связываемых со скифской экспансией, обычно рассматривается и знаменитый комплекс вещей скифского облика из Феттерсфельде (Виташково, Западная Польша) [6]

Среди исследователей нет единого мнения в оценке последствий скифских вторжений для судеб племен лужицкой культуры. Одни исследователи (Я. Айзнер, Ю. Пастернак) полагали, что скифские походы привели к гибели лужицкой культуры в целом [7, с. 239], другие (например, М. Гедл) считают, что в результате указанных событий произошли упадок и гибель лишь отдельных ее групп, в частности селезской [8, с. 41] Наиболее распространено мнение о том, что скифские вторжения подорвали экономическую и военную мощь западнолужицкого населения и основательно ослабили его накануне вторжения с севера восточнопоморских племен (носителей культуры лицевых урн) [9, с. 10; 10, с. 160—162] Подобная оценка имеет место и в работах советских ученых [11, с. 99]

Ряд вопросов названной концепции являются остродискуссионными и по каждому из них имеется многообразие точек зрения. Это касается времени скифских походов на лужицкие территории, путей проникновения скифов, количества вторжений, оценки урона, нанесенного скифской экспансией тем или иным группам населения лужицкой культуры и других. Несомненно, к числу наиболее интересных и важных из них относится вопрос о том, откуда конкретно совершались скифские походы, иными словами — вопрос об исходных территориях походов.

Следует отметить, что он издавна привлекал внимание исследователей, изучающих памятники скифского времени Центральной Европы, и имеет солидную литературу. Мнения различных авторов могут быть сведены к трем основным точкам зрения: 1) скифские походы на территорию, занимаемую племенами лужицкой культуры, осуществлялись из Северного Причерноморья (например, М. И. Ростовцев, М. Ян, Г Чайлд) [12, с. 35; 13, с. 271, 277; 14, с. 394]; 2) набеги на лужицкие земли совершало население, оставившее после себя памятники

---

[1] Данному вопросу посвящена обширнейшая литература. Сводку ее см. [1, с. 294—323]

© С. А. Скорый, 1990 г.

скифского типа на Малой Венгерской низменности (см. М. Гедл [8, с. 41]); 3) имели место два этапа вторжений, ранний (во второй половине VI в. до н. э. или на рубеже VI—V вв. до н. э.) из Северного Причерноморья и поздний (с середины V в. до н. э.) с территории так называемой скифской группы Венгрии [2] Наиболее популярна эта точка зрения среди современных польских авторов (Т. Сулимирский, С. Ношек, Я. Хохоровский, З. Буковский и другие) [1, с. 285, 286, 290; 3, с. 88; 16, с. 276; 17, с. 9; 18, с. 364; 19, с. 364] При этом, например, Я. Хохоровский полагает, что на раннем этапе в набегах принимало участие как население северопричерноморских степей, так и скифы Среднего Приднепровья [17, с. 24, 25] З. Буковский считает, что основную роль в указанных событиях сыграло население лесостепной Скифии — собственно скифы Днепровского Левобережья и население скифской культуры Правобережья [1, с. 287].

Рассуждения некоторых авторов о той или иной территории, откуда совершались набеги в область лужицкой культуры, отнюдь не всегда сопровождаются достаточной аргументацией. Так, З. Буковский, говоря о скифских походах раннего периода (рубежа VI—V вв. до н. э.) в лужицкие земли из Северного Причерноморья, пытался обосновать это положение указанием на прямые аналогии по всему комплексу вооружения названных территорий [1, с. 286] Этот довод вряд ли может быть принят. При исследовании комплекса вооружения скифского типа с территории так называемых скифских групп Карпато-Дунайского бассейна (трансильванской, венгерской, словацкой) выявляется определенная группа вооружения различных видов, синхронного по времени скифскому оружию Северного Причерноморья и абсолютно ничем не отличающегося от него [20, с. 6, 9] Иными словами, можно в равной степени предполагать, что рейды в лужицкие земли совершались с территории так называемых скифских групп Карпато-Подунавья, а не Северного Причерноморья.

Более обстоятельно к данному вопросу подходит Т. Сулимирский. Так, говоря о вероятности вторжений в Силезию с территории так называемой скифской группы Венгрии, он подчеркивал, что географическое расположение находок «военного» характера (в первую очередь наконечников стрел скифского типа) показывает, что они «... выразительно концентрируются в северном направлении... от Венгерской низменности... к Силезии» [3, с. 88] Т. Сулимирский при этом считал, что его вывод подкрепляется типами некоторых «военных» находок. Меч из Пло (рис. 1, *1*) он относил к венгерско-трансильванскому типу, а для ряда бронзовых наконечников стрел из Силезии указывал аналогии в комплексе в Хомоктеренье «Керекдомбе» (венгерское Потисье) (рис. 1, *2*), т. е., по его мнению, названные находки вооружения являлись специфически карпато-дунайскими, не имевшими прямых аналогий в Северном Причерноморье.

Следует заметить, что в то время, когда Т. Сулимирский формулировал свою точку зрения, мечи и кинжалы типа, обнаруженного в Пло, действительно были известны только в венгерском Потисье и Трансильвании. Более того, еще совсем недавно, выделяя их в особую группу мечей и кинжалов скифского типа с лучковидным перекрестьем, я также полагал, что это оружие специфически карпато-дунайское, поскольку в Восточной Европе и Азии аналогии ему тогда мне не были известны, а в Карпатском бассейне оно представлено многими образцами [21, с. 85] Тем не менее оказалось, что мечи и кинжалы с лучковидным перекрестьем в небольшом числе засвидетельствованы на Центральном Кавказе и в Закавказье, в архаических погребениях периода скифских переднеазиатских походов [22, с. 23, рис. 2, *2*, с. 29, рис. 29; 23, с. 41, табл. 1, *3*] Таким образом, этот тип меча бытовал у восточноевропейских скифов уже с VII в. до н. э., хотя

---

[2] В настоящее время памятники скифского периода Венгрии (Альфельдской или Векерзугской группы) и чрезвычайно близкие им памятники Юго-Западной Словакии (Хотинской группы) вполне правомерно объединяют в единую Векерзугскую культуру [15]

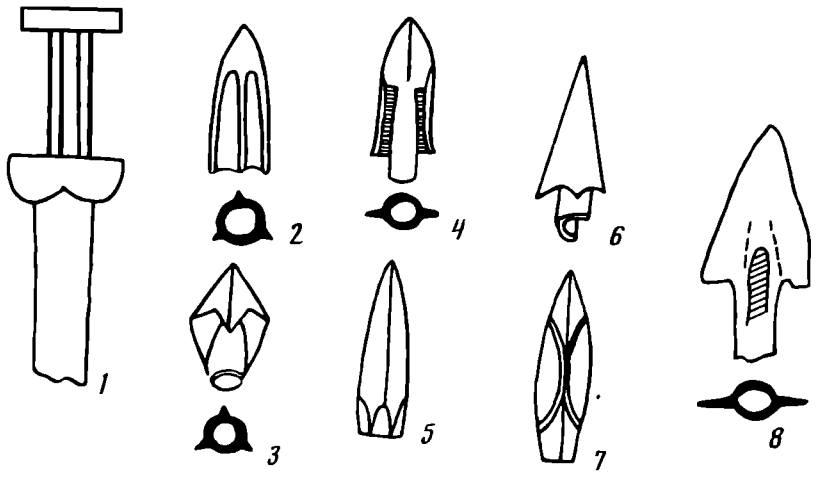


Рис. 1. Вооружение скифского типа с территории Средней Европы. *1* — меч из Пло (Польша); *2—8* — наконечники стрел: *2* — Хомоктеренье «Керекдомб» (Венгрия); *3* — Яромержице (Чехия); *4*— Вишни Кубин (Словакия); *5—7* — Котоуч-Штрамберк (Чехия); *8*— Ржендковице (Польша), по З. Буковскому

и не получил широкого распространения. Несколько неопубликованных мечей известно мне сейчас и с территории Днепровского Лесостепного Правобережья. Следовательно, меч из Пло относится к общескифскому типу и не может быть объективным критерием для суждения о походах в лужицкие земли с территории так называемой скифской группы Венгрии.

Аналогичная ситуация с наконечниками стрел из Силезии типа найденных в Хомоктеренье «Керекдомбе». Такие бронзовые башневидные наконечники со скрытой втулкой действительно в большом количестве известны в Карпато-Подунавье. Особенно много их в междуречье Тисы и Савы, где, вероятно, часть из них и производилась [20, с. 14] Однако аналогичные наконечники бытовали и в Северном Причерноморье, хотя и не получили сколько-нибудь широкого распространения (например, они известны в погребениях скифского типа в Ольвии) [24, с. 174, рис. 17, *1*] Следовательно, находки наконечников стрел указанного типа в настоящее время также не являются аргументами в пользу тезиса о походах в лужицкие земли с территории так называемой скифской группы Венгрии.

Вместе с тем нельзя не признать методически верной попытку Т. Сулимирского определить конкретные территории Карпато-Подунавья, откуда совершались набеги в область лужицкой культуры, именно на основании выявления здесь вооружения скифского типа *со специфически карпато-дунайскими чертами.*

Исследование вооружения скифского типа с территории так называемых скифских групп и Средней Европы в целом, сравнение его с известным скифским оружием Северного Причерноморья позволили довольно четко выделить, помимо оружия, имеющего прямые аналогии в Скифии, группу предметов вооружения, обладающих отдельными чертами, не свойственными собственно скифскому оружию Северного Причерноморья, несомненно местного среднеевропейского изготовления. Сказанное касается практически всех видов вооружения, в том числе и наконечников стрел [20, с. 14]

Для территории распространения лужицкой культуры подобные наконечники стрел засвидетельствованы среди типично скифских наконечников на поселениях Моравии (например, Кржепице, Яромержице) [25, с. 71, рис. 1—12, 14—15] Это маленькие (высотой около 2 см) бронзовые трехлопастные наконечники с ромбовидной головкой, хорошо выделенной втулкой, нижняя часть которой находится на уровне лопастей (рис. 1, *3*). Аналогичные им наконечники стрел обнаружены на территории так называемых скифских групп Венгрии и Юго-Западной Словакии в весьма значительном количестве [26, табл. 49,

3—4; 27, табл. 2, *4*], в меньшем — в Трансильвании [28, рис. 1, *10*; 29, с. 282, рис. 22, *5*]. Они найдены в могилах в составе погребального инвентаря и датируются V в. до н. э. В скифских древностях Северного Причерноморья их нет. Таким образом, можно полагать, что названные наконечники являются достаточно надежным индикатором, свидетельствующим о том, что в V в. до н. э. набеги в лужицкие земли, во всяком случае в Моравию, совершались и с территории так называемых скифских групп Венгрии и Трансильвании.

Следует сказать, что на разрушенных лужицких городищах и в пещерных убежищах, помимо наконечников стрел названного типа, встречаются наконечники стрел, не имеющие аналогии в Северном Причерноморье [1, с. 352, табл. X, *7, 8, 10;* 5, рис. 10 *с*] (рис. 1, *4—8*). К сожалению, подобные наконечники не обнаружены пока и в памятниках так называемых скифских групп Карпато-Дунайского бассейна.

Для суждений об исходных территориях скифских походов в лужицкие земли важное значение имеет изучение известного комплекса вещей скифского типа рубежа VI—V вв. до н. э. из Феттерсфельде (Виташково), в состав которого входит и вооружение — короткий меч в золотых ножнах, кинжал, золотые нащитная и панцирная бляхи [6] Как известно, большинство исследователей рассматривает данную находку как инвентарь разрушенного погребения скифского вождя, погибшего в одном из походов в лужицкие земли [9, с. 8; 12, с. 35; 30, с. 159]

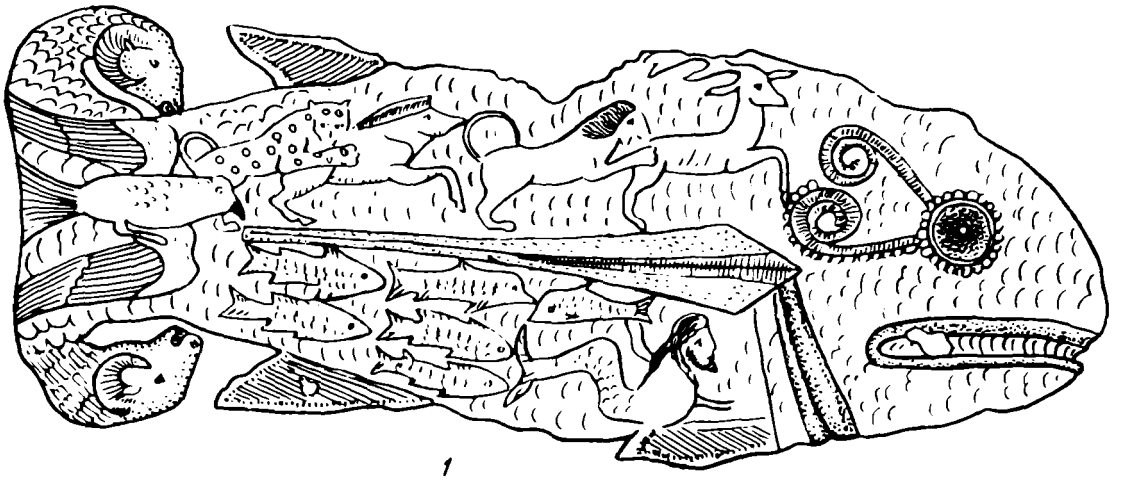
Предметы вооружения из этого комплекса (рис. 2) обладают рядом общих признаков (стилистические особенности, идентичный круг изображенных животных, техника изготовления), позволяющих говорить о них как об изделиях одного и того же производственного центра, на что справедливо указывают некоторые авторы [1, с. 197; 31, с. 155].

О месте изготовления предметов из Феттерсфельде написано немало, особенно о парадном мече — наиболее эффектной вещи комплекса (рис. 2, *3*). Мнения исследователей по этому вопросу разделились. Согласно одному из них, предметы вооружения (в частности, ножны меча) выполнены в духе ионийского искусства в одной из мастерских Северного Причерноморья — в Ольвии [6, с. 5—52; 32, с. 18; 33, с. 54—56; 34, с. 84] или на Боспоре [1, с. 52; 35, с. 72, 73] Понятно, что при подобном решении вопроса о месте изготовления комплекса он привлекался как одно из свидетельств скифских походов в лужицкие земли с территории Восточной Европы.

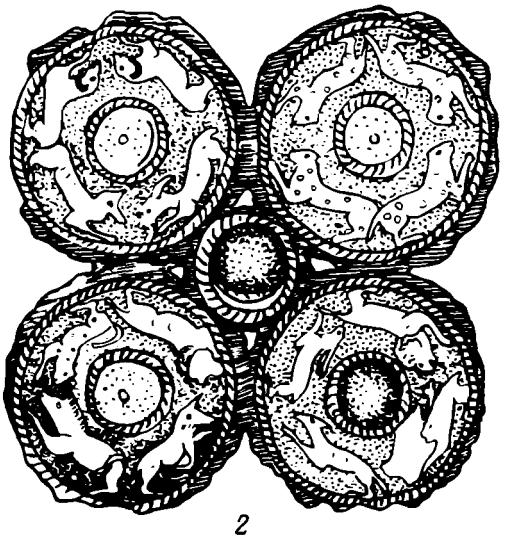
Согласно другой точке зрения, вооружение (в частности, тот же парадный меч) является продукцией одного из центров Западного Причерноморья, поскольку в Северном Причерноморье отсутствуют изделия с подобным декором [36, с. 61—63]

Сейчас можно говорить более определенно о производстве вооружения из Феттерсфельде (а возможно и всего комплекса) за пределами Северного Причерноморья [20, с. 17; 37, с. 99; 38, с. 64—68]. Об этом свидетельствует ряд моментов. Так, орнаментальная схема оформления устья ножен меча из Феттерсфельде находит великолепные аналогии в оформлении этой же части ножен бронзового кинжала из Фирминиша (Трансильвания) [39, рис. 11] и перекрестья меча скифского типа из фракийского могильника в Фериджеле (Олтения) [40, рис. 15, *2*] в Румынии (рис. 3, *1—2*). Обе находки относятся к VI в. до н. э. и являются синкретическими скифо-фракийскими изделиями. Следует подчеркнуть, что оружие с подобной схемой декора перекрестья (или устья ножен) в Скифии не известно.

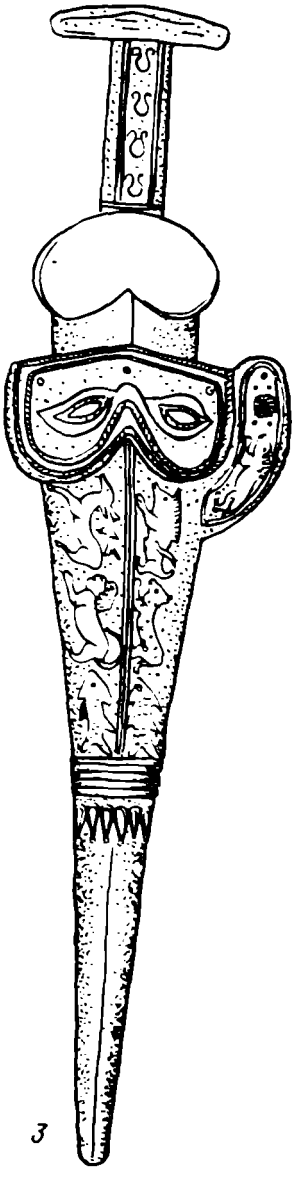
Панцирная бляха, которая представляет собой комбинацию из пяти кругов, не находит аналогий среди предметов торевтики Северного Причерноморья (рис. 2, *2*). По справедливому замечанию З. Буковского, круги с колпачками (которые составляют комбинацию бляхи) — не что иное, как имитация щитов с умбонами [1, с. 135]. Как известно, щиты подобного типа в Северном Причерноморье в скифскую эпоху не использовались [41, с. 99—111; 42, с. 19—30].



1



2



3

Рис. 2. Вооружение из Феттерсфельде (Виташково, Польша). *1* — нащитная бляха; *2* —панцирная бляха; *3* — меч, по З. Буковскому и А. И. Мелюковой

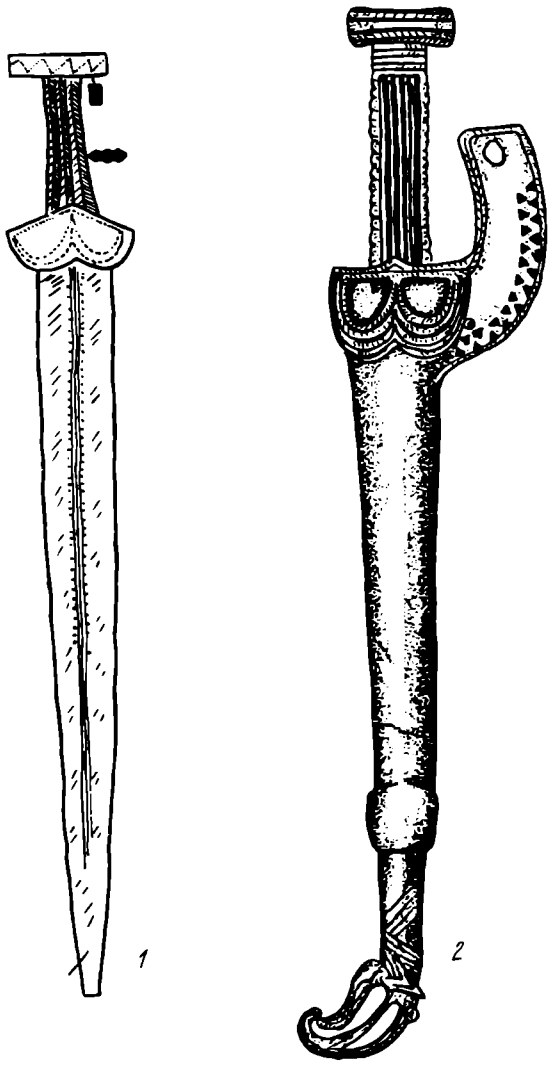


Рис. 3. Мечи скифского типа с территории Средней Европы *1* — Фериджеле; *2* — Фирминиш (Румыния), по А. Вульпе и В. Васильеву

В то же время щиты с металлическими умбонами — характерный вид доспеха гальштато-фракийского мира.

Наконец, укажу, что нащитная бляха из названного комплекса (рис. 2, *1*) выполнена с помощью штампа [1, с. 134; 43, с. 113], чем она сближается с известными нащитными украшениями (в виде оленей) из погребений VI и V вв. до н. э. в Зёльдхаломпусте и Тапиосентмартоне (венгерское Потисье) [44, табл. 1—2; 45, табл. 1—5] и отличается от литых нащитных блях из скифских памятников Северного Причерноморья (костромской, келермесской, кульобской) [46, с. 222, 226]. Находка на Бельском городище (бассейн р. Ворсклы) фрагмента литейной формы для изготовления массивных украшений щита [47, рис. 1, *1*] убедительно свидетельствует о производстве подобных блях в мастерских Скифии.

Комплекс вооружения из Феттерсфельде, вероятнее всего, изготовлен в Трансильвании. Во всяком случае, ближайшая аналогия оформления устья ножен виташковского парадного меча известна только здесь и нигде более на территории Карпато-Дунайского бассейна. Скорее всего оружие, найденное в Феттерсфельде, принадлежало одному из вождей смешанного скифо-фракского населения Трансильвании, известного Геродоту под именем агафирсов (Her., IV, 100. 2; 102. 2; 125. 3—6), совершавшего в конце VI—V в. до н. э. походы в лужицкие земли. Напомню, что отдельные близкие скифским наконечники стрел, найденные на разрушенных лужицких поселениях, помимо так называемой скифской группы Венгрии, известны и в Трансильвании.

На территории так называемых скифских групп Карпато-Подунавья погребения такого ранга, как в Феттерсфельде, известны пока лишь в венгерском Потисье. Это упомянутые могилы в Тапиосентмартоне, Зёльдхаломпусте, а также погребение в Артанде [48, с. 144—149].

В заключение необходимо отметить следующее. Не отрицая в целом вероятность скифских походов в лужицкие земли из северопричерноморской Скифии, следует признать реальность таковых с территории так называемых скифских групп Карпато-Дунайского бассейна в конце VI—V в. до н. э. Рассмотренные выше материалы (пусть пока и немногочисленные) свидетельствуют об этом весьма недвусмысленно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bukowski L.* The Scythian Influence in the Area of Lusatian Culture. Wrocław; Warszawa, Krakow; Gdansk, 1977
2. *Delekta J.* Badania na grodzisku łużyckim z wszesnej epoki zelaza w Kamiencu nad Wista na Pomorsu // ZOW 1937 T. 12.
3. *Sulimiski T.*, Kultura łużycka a Scytowil // WA. 1939/1948. T. 16.
4. *Kofodziejski A.* Najezdzcy zjawilo sie jesienia // ZOW 1970. T. 36.
5. *Chmielewska M.* Łużyckie i scytyjski zabutki znalezione w schronisku skalnum w miejscowości Rzedkowice, pow. Zawiercie // WA. 1956. T. 13/1.
6. *Furtwängler A.* Der Goldfund von Vettersfelde // Programm zum Winkelmansfeste der Archäologischem Gessellschaft 43. B., 1883.
7. *Мелюкова А. И.* К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы // СА. 1955. Т. XXII.
8. *Gedl M.* Kultura łużycka. Kraków, 1975.
9. *Sulimirski T* Scythian Antiquitaties in the Central Europe // The Antiquaries Journal. 1945. V XXV. № 1—2.
10. *Sulimirski T* Zagadnienie upadky kultury łużyckiej // Sl. Ant. 1948. T. 1.
11. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М.: Наука, 1969.
12. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград, Огни, 1918.
13. *Jahn M.* Völkerwanderungen vor Völkerwanderungsteit in Schlesien, Mannus, Ergänzugeland. Leipzig, 1928.
14. *Childe G.* The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.
15. *Chochorowski J.* Die Vekerzug-kultur; Charakteristik der Funde. Warszawa; Krakow, 1985.
16. *Nosek S.* Neurowie w świetle archeologii // Prz. Zach. 1952. № 8.
17. *Chochorowski J.* Die Frage der skythischen Expansion auf das Gebiet des Karpatenbeckens // AAC. 1975. T. XV.
18. *Chochorowski J* Ze studiow nad okresem halststackim na ziemiach Polskich // AP. 1978. T. XXIII. Z. 2.
19. *Bukowski Z.* Zachodni zasieg oddziaływań tzw: scytyjskich i ich charakter // AP 1978. T. XXIII. Z. 2.
20. *Скорый С. А.* Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07. 00. 06. Киев, 1983.
21. *Скорый С. А.* «Скифские» мечи с лучковидным перекрестьем // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
22. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
23. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985.
24. *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. № 50.
25. *Skutul J.* Znaleziska scytyjskie z Moraw i Slaska czezkiego // Prz. Arch. 1933. № 5.
26. *Párducz M.* Le cimetiére hallstattien de Szentes-Vekerzug // AAH. 1952. T. 2. № 1—3.
27. *Párducz M.* Le cimetiére hallstattien dde Szentes-Vekerzug III // AAH. 1955. T. 6.
28. *Хоредт К.* Скифские находки в Комлоде // Dacia. 1960. T. IV.
29. *Horedt K.* Die Ansiedlung von Blandiana, rayon Orăştie, am ausgang der ersten jahrtausends u. Z. // Dacia. 1966. T. X.
30. *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte. T. 14. B., 1929.
31. *Bothmer D.* The Vettersfelde find // From the Lands of Scythians. N. Y., 1975.
32. *Ginters W* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. B., 1928.
33. *Fettich N.* Der skythische Fund von Gartshinowó // AH. 1934. XV
34. *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947
35. *Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Причерноморье // Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
36. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
37. *Скорый С. А.* Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.

38. *Скорий С. А.* Про місце виготовлення предметів озброєння з Віташковського комплексу // Археологія. 1985. № 52.
39. *Matei A. V.* Akinakes-ul de bronz de la Firminis // AMNap. 1977 № 14.
40. *Vulpe A.* Necropola hallstattiană de la Ferigile. Bucureşti, 1967
41. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
42. *Манцевич А. И.* О щитах скифской эпохи // СА. 1969. № 1.
43. *Rieth A.* Skythische Schieldseichen // PZ. 1971. № 46, 1.
44. *Fettich N.* A tápiószentmártoni aranyszarvas // AÉ. 1927. № 41.
45. *Fettich N.* A zöldhallompusztai szkita lelet // AH. 1928. III.
46. *Minns E. H.* Skythians and Greeks. Cambridge, 1913.
47. *Шрамко Б. А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
48. *Párducz M.* Graves from the Scythian Age at Ártánd (County Hajdu-Bihar) // AAH. 1965. T. 17

S. A. SKORY

ON SCYTHIAN INROADS INTO THE LUSATIAN LANDS

Summary

A hypothesis about Scythian inroads into the Lusatian lands that negatively affected the local population in the 6th-5th centuries B. C. is quite popular among historians and archaeologists abroad. They rely on finds of Scythian-type weapons, including numerous arrowheads, in the ruins of Lusatian fortified settlements (especially in the western part of the Lusatian lands). Among these finds is the famous set of Scythian-type objects dated to the turn of the 5th century B. C. found in Fettersfelde (Vitashkovo, Western Poland). The majority of the scholars agree that it came from a destroyed burial of a Scythian warlord killed in battle. One of the most interesting and important relevant questions is the original habitat of the Scythian aggressors. An analysis of Scythian-type weapons that came from Lusatian sites has led the author to conclude that some of the objects have no analogies among the East European Scythian materials, while similar weapons were obtained from the sites of the so-called Scythian groups in Hungary and Transylvania. He says that while not rejecting a possibility of military onslaught from the Northern Pontic area one should recognise a possibility of inroads from the Carpathian-Danube basin. He believes that the Fetterfelde set (including the weapons) was made in Transylvania and belonged to a chief of the local Scythian-Thracian population whom Herodotus called «Agaphirses».

Б. А. ЗВИЗДЕЦКИЙ

О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДЕСКА

После погрома южнорусских земель в 1240 г. монголо-татары двинули свои основные силы на завоевание Польши, Венгрии и Чехии, где и пробыли около двух лет. Это время русские князья использовали для восстановления своего административного и хозяйственного аппарата, серьезно дезорганизованного завоевателями. В юго-западной Руси таким восстановителем выступил прежде всего Даниил Галицкий.

В. Т. Пашуто в «Очерках по истории Галицко-Волынской Руси» отмечал, что в этот период «княжеская власть осуществляет значительно активнее карательную политику в отношении враждебных ей светских и духовных феодалов, широко организует новое „уставление" всех земель и статей доходов» [1, с. 244]. Особое внимание Даниил вынужден был уделить землям болоховских князей, которые не подверглись разгрому монголов. Напротив, сообщает летописец: «оставили бо их Татарове. Да имъ орють пшеницю и проса» [2, стб. 792].

Свой первый поход против городов-изменников галицко-волынские войска предприняли еще в 1241 г. Тогда Даниил «грады их огневы предасть и гребля их раскопа» [2, стб. 792] Полностью были уничтожены болоховские города Деревич, Кобуд, Кудин, Божский, Дядьков. Но дальнейшему ходу успешной карательной кампании против сепаратистов помешали, по всей видимости, вернувшиеся из стран Западной Европы монголы, которые опять установили свой контроль над этой территорией.

В 1255 г темник Куремса предпринял неудачную попытку захватить Кременец. Отразив нападение, Даниил сам переходит к решительным действиям. В 1257 г. он снаряжает новую карательную экспедицию против городов, служащих монголам. «Посла сына своего Шварна на Городокъ и на Семоцъ, и на вси городы. И взя Городокъ и Семоцъ и вси городы, седящие за Татары, Городескъ и по Тетеревы до Жедечева» [2, стб. 838].

Как видим, среди городов, взятых Шварном Данииловичем, упоминается и Городеск. В настоящее время, после проведения значительных археологических исследований, ни у кого не вызывает сомнений, что с летописным Городеском следует связывать два древнерусских городища в современном селе Городске Коростышевского р-на Житомирской обл., расположенные на левом берегу Тетерева. В литературе они получили название «Вал» и «Малое». Первое из них находится в самом центре села и занимает мыс подтреугольной формы, вдающийся в пойму Тетерева. Его высота над уровнем реки — 30—35 м. Площадка городища имеет легкий наклон в южную сторону, обращенную к реке, а к северу она плавно повышается и переходит в очень мощный вал высотой около 6,5 м. Сразу же за валом расположен ров глубиной 10—12 м и шириной в верхней части около 20 м. Площадь укрепленной части составляет 1,3 га. С западной и восточной сторон городище окружено глубокими оврагами и балками, по которым протекают небольшие ручьи, впадающие в Тетерев. В настоящее время почти вся площадка городища занята сельским кладбищем (рис. 1, *1*).

Примерно в 400 м к северо-востоку от «Вала» находится городище «Малое». Оно располагается на одном из отрогов высокого коренного берега Тетерева, ко-

© Б. А. Звиздецкий, 1990 г.

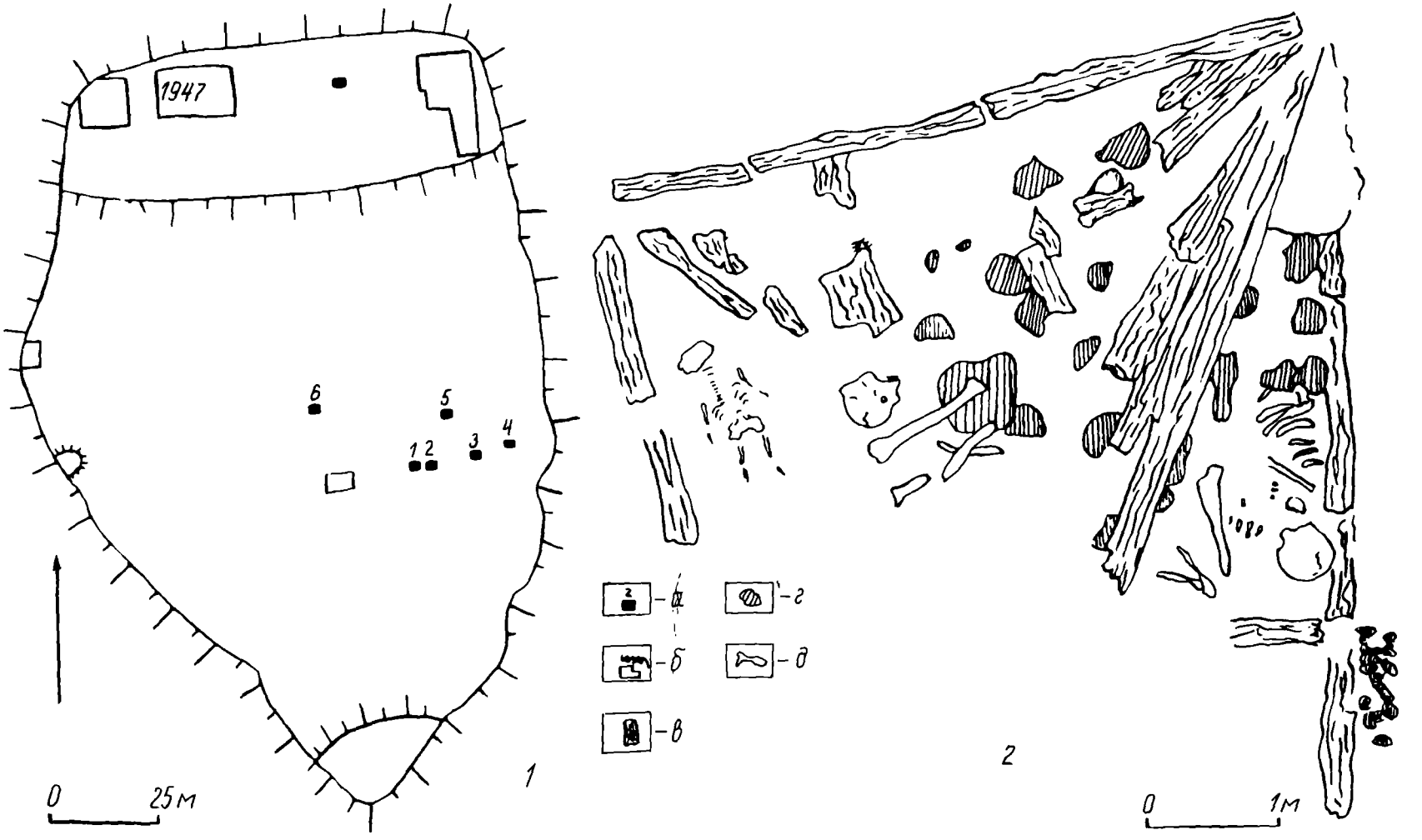


Рис. 1. *1* — план городища «Вал» (по чертежу 1936 г.), *2* — сгоревшая жилая клеть со скелетами погибших защитников Городеска. *а* — шурфы 1936 г *б* — раскопы 1936 г *в* — обугленное дерево; *г* — камни; *д* — человеческие кости

торый местное население называет «Красная гора». Склоны «Малого» городища довольно крутые, местами видны следы древних эскарпов. В плане площадка городища напоминает прямоугольник размером 80×28 м с закругленными углами — (рис. 2, *1*). Оборонительные сооружения представлены незначительными остатками рва и вала в северной части, обращенной к «Красной горе». С ней «Малое» городище соединяет узкий перешеек, расположенный в северо-западном углу площадки. Некоторые исследователи принимали урочище «Красная гора» за третье городище летописного Городеска. Однако после осмотра этого пункта в 1985 г. М. П. Кучерой и автором статьи мы были вынуждены отказаться от такого предположения, ибо здесь не обнаружено никаких следов искусственных оборонительных сооружений — валов, рвов, эскарпов.

Хотя сведения о городищах в селе Городске появились в краеведческой литературе еще в середине XIX в. [3, с. 41; 4, с. 142], первый осмотр их археологами состоялся лишь в 1887 г., когда В. Б. Антонович сопроводил свою разведку минимальными раскопками на городище «Вал» [5, с. 16] Более значительные работы были предприняты им же по исследованию курганов древнерусского времени в окрестностях села. В. Б. Антонович зафиксировал четыре курганные группы, насчитывающие в общей сложности 48 насыпей, 12 из которых подверглись раскопкам [6, с. 59—62]. Планомерное изучение городищ летописного Городеска началось только в советское время. Начало ему положила Полесская историко-технологическая экспедиция ИИМК АН УССР в 1936 г. [7, № 1—4]. Под руководством Ф. Н. Молчановского, В. П. Петрова и В. К. Гончарова были предприняты значительные по масштабам раскопки центрального городища комплекса — «Вал», «Малого» городища и открытого поселения на «Красной горе».

На первом городище исследователи вскрыли остатки дерево-земляных конструкций оборонительного вала. Однако полный разрез фортификационных сооружений не был сделан, а были расчищены только три сруба, расположенные поперек вала. Первый из них со стороны площадки оказался жилым помещением, погибшим во время пожара. Два других сруба были засыпаны землей и имели чисто конструктивное назначение — увеличивали мощность вала. В первой клети под завалом, образованным рухнувшими внутрь обгоревшими бревнами, землей, камнями и глиной, обнаружены многочисленные предметы домашней утвари и вооружения — жернова, горелые зерна злаков, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, ножи, десятки наконечников железных и костяных стрел. На уровне земляного пола расчищены три человеческих скелета — один детский и два взрослых (рис. 1, *2*).

Авторы раскопок полагали, что гибель городища и его обитателей произошла в 1257 г., при взятии Городеска галицко-волынскими войсками под предводительством Шварна Даниловича. Такое предположение кажется нам наиболее вероятным. О жестоком погроме городов-изменников, «седящих за Татары», свидетельствует и летопись. Так, когда в 1258 г. литовцы подошли к Возвяглю, разрушенному Даниилом, то «не видеша нишьто, токмо и головне ти псы течюще по городищоу» [2, стб. 939].

В 1936 г. исследовалось и «Малое» городище, но, к сожалению, почти никакой документации работ Полесской экспедиции на этом пункте не сохранилось. Отрывочные дневниковые записи позволяют установить, что здесь были обнаружены следы железоделательного производства. Изучая открытое поселение на «Красной горе», В. П. Петров зафиксировал два разновременных культурных слоя — трипольский и древнерусский. Из древнерусских объектов была раскопана жилая полуземлянка с хозяйственной постройкой возле нее, которую автор раскопок датировал XI—XIII вв. [8, с. 1—49] В целом работы Полесской экспедиции показали безусловную перспективность дальнейших исследований в Городске.

В 1939 г. М. Л. Макаревич, продолжив раскопки на «Красной горе», обнаружил между жилыми и хозяйственными объектами трипольского времени остатки трех железоплавильных горнов, датировав их IX—XI вв. [9, с. 173, 174].

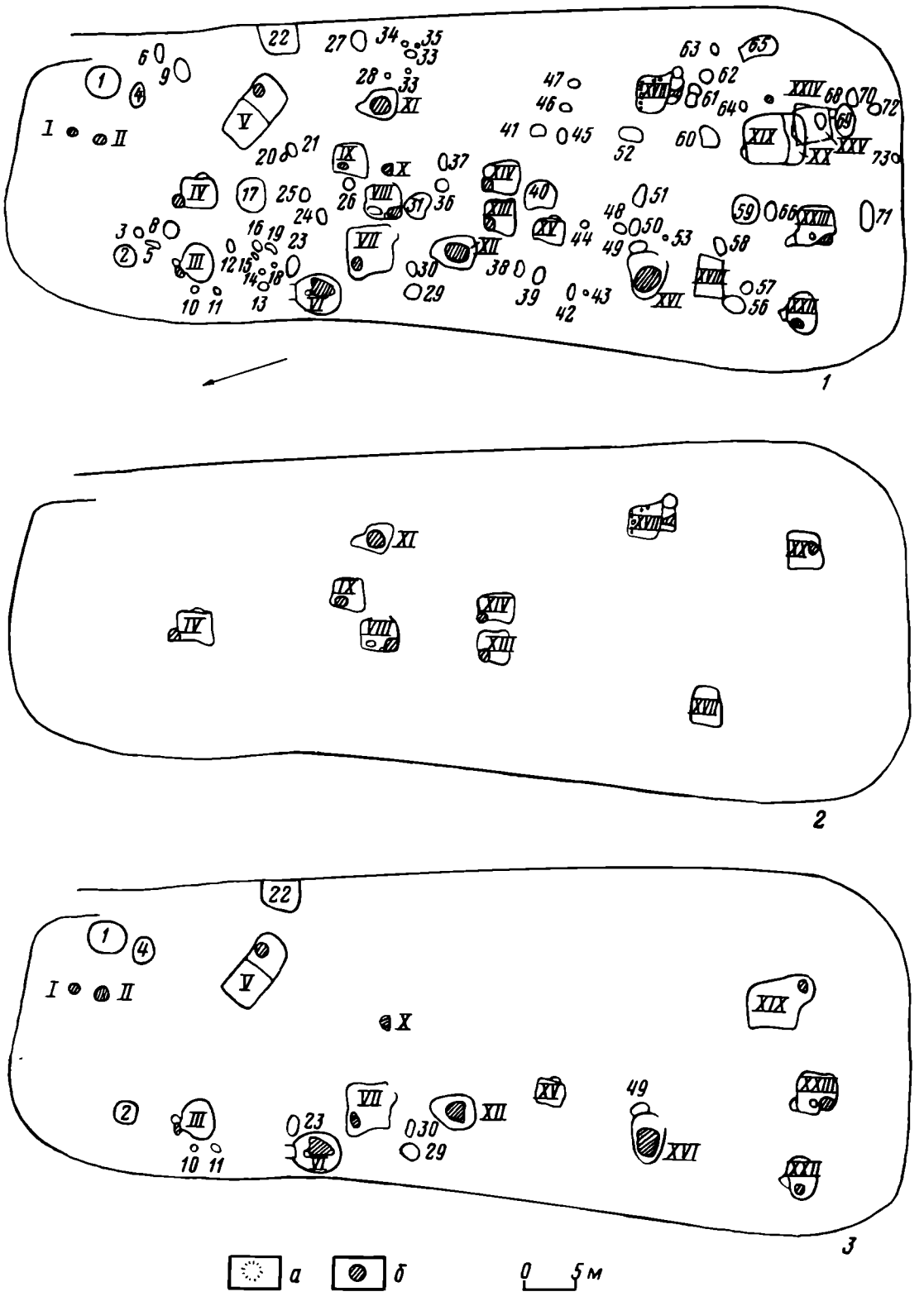


Рис. 2. *1* — схематический план площадки «Малого» городища с раскопанными объектами (по Р И. Выезжеву). Римскими цифрами обозначены жилые и ремесленные постройки, арабскими — хозяйственные ямы. *2* — объекты XII — первой половины XIII в. на «Малом» городище; *3* — объекты второй половины XIII — начала XV в. на «Малом» городище. *а* — остатки железоплавильного горна; *б* — очаги

В 1940 г. небольшие рекогносцировочные раскопки на «Малом» городище произвела Славянская (Днепровская) экспедиция ИИМК АН СССР под руководством П. Н. Третьякова и А. В. Дмитревской [10, с. 120—124]. Дальнейшее изучение памятников древнего Городеска возобновилось после Великой Отечественной войны. В 1946 г. А. В. Дмитревская исследовала «Малое» городище, где было вскрыто около 400 м ^{2} площади и зафиксировано восемь полуземлянок [11, с. 47—49]. Наиболее интересными представляются шесть овальных полуземлянок. Автор считала четыре из них жилыми помещениями, одну мастерской и одну культовым сооружением. Все объекты А. В. Дмитревская датировала на основании карамического материала древнерусским временем. Вместе с тем она отметила две разновременные, на ее взгляд, группы керамики: 1) толстостенную, сформованную на примитивном ручном круге; 2) тонкостенную, изготовленную на быстровращающемся круге. Первую группу сосудов она датировала IX—X вв., относя ее к первоначальному «древлянскому» периоду существования городища. Вторая группа, имеющая хорошо выраженные признаки гончарной техники, по ее мнению, датируется XI—XIII вв. [12, с. 5, 6].

Исследования летописного Городеска были продолжены в 1947 г. экспедицией ИА АН УССР На «Малом» городище отряд экспедиции, возглавляемый М. Ю. Брайчевским [13, с. 182—186], раскопал ряд жилых и хозяйственных построек. В одном случае жилища перерезали друг друга. Одно из них дало грубую, «архаическую» керамику, датированную М. Ю. Брайчевским IX—X вв., а другое — тонкостенную керамику «великокняжеского периода» XI—XIII вв. Это позволило М. Ю. Брайчевскому вслед за А. В. Дмитревской говорить о существовании жизни на городище в IX—XIII вв. [14, с. 187—196]

Другой отряд под началом А. А. Ратича работал на городище «Вал», где исследовался небольшой участок оборонительных сооружений. Как и в 1936 г., была открыта сгоревшая клеть, входившая в систему вала. В одном из ее углов сохранилась глинобитная печь. На полу лежал скелет погибшего подростка [13, с. 185, 186] К северу от городища «Вал» А. А. Ратич выявил следы железоделательного производства, представленного большими скоплениями шлаков, криц, керамических воздуходувных сопел [15, с. 37—39].

Исследования «Малого» городища в с. Городске продолжила в 1955, 1957—1958 гг. экспедиция ИА АН УССР, руководимая Р. И. Выезжевым. В результате ее работ была изучена вся площадь городища, обнаружены многочисленные жилые и хозяйственные постройки как наземного, так и полуземляночного типов. К уникальным находкам следует отнести целый медный колокол западноевропейского происхождения с сохранившейся латинской надписью в его верхней части [16, с. 124—135; 17, с. 131—154; 18, с. 104—107].

После многолетних исследований, проведенных на обоих городищах и в урочище «Красная гора», летописный Городеск вошел в историческую литературу как выдающийся памятник древнерусской материальной культуры, существовавший с IX в. по 1257 г. К настоящему времени накоплен значительный опыт и уточнены некоторые аспекты, касающиеся датировки различных категорий вещей. Это в первую очередь относится к керамике — самому массовому материалу, встречающемуся во время раскопок городищ и поселений. Поэтому мы сочли необходимым пересмотреть выводы предыдущих исследователей относительно хронологических рамок существования жизни на городищах летописного Городеска, которые базируются в основном на анализе керамического материала. С этой целью мы еще раз проработали коллекцию из раскопок Городеска, добытую в полевых сезонах 1946—1947, 1955, 1957—1958 гг. и хранящуюся в фондах ИА АН УССР

Всю керамику Городеска по ее типологическим особенностям и технологии изготовления можно разделить на три группы.

К первой относятся горшки и миски, изготовленные в хорошей гончарной технике на быстровращающемся круге. Толщина их стенок около 3 мм. Горшки имеют коническую форму и четко выраженные крутые плечики, рельефно пере-

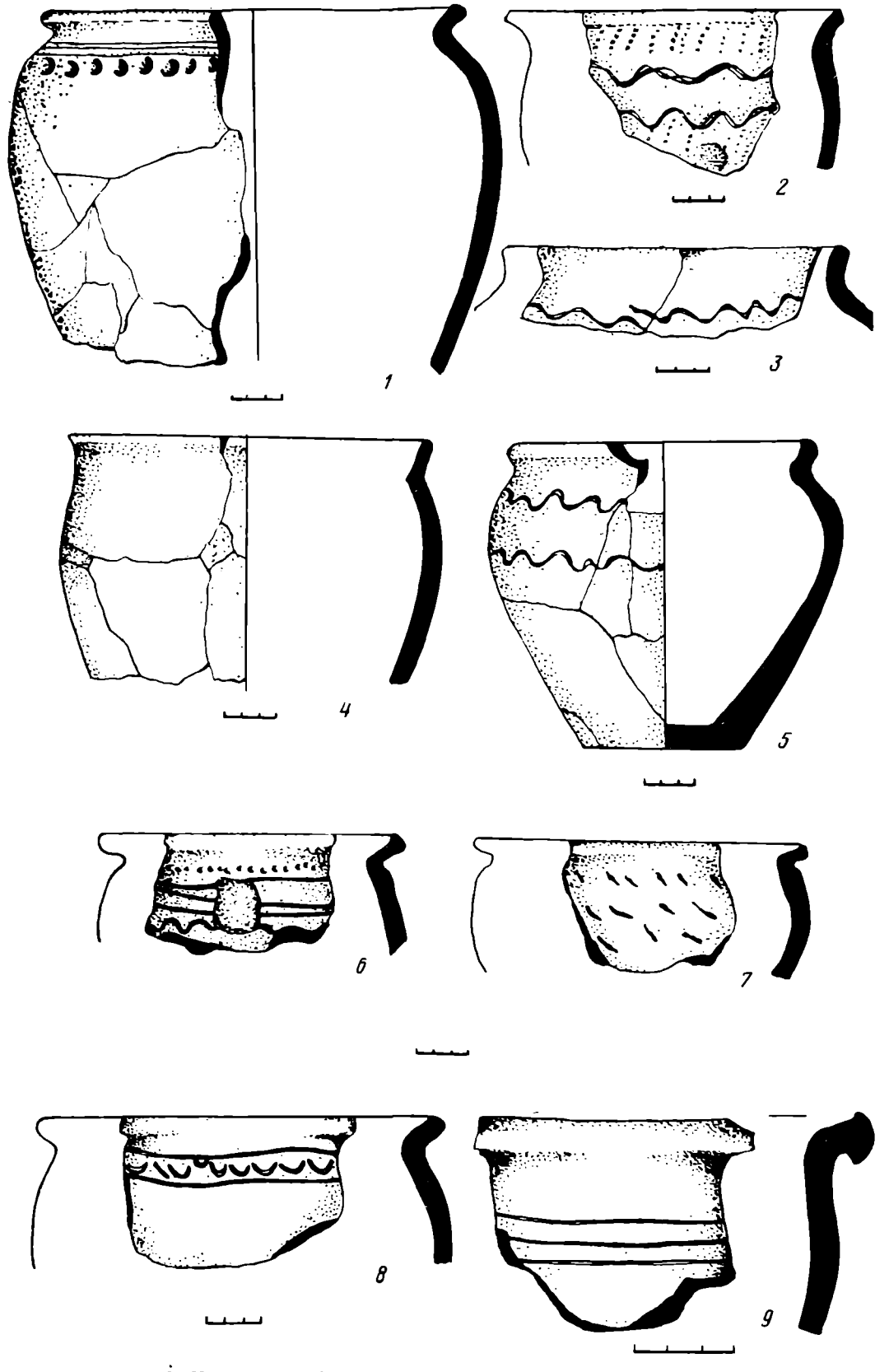


Рис. 3. Керамика «Малого» городища летописного Городеска

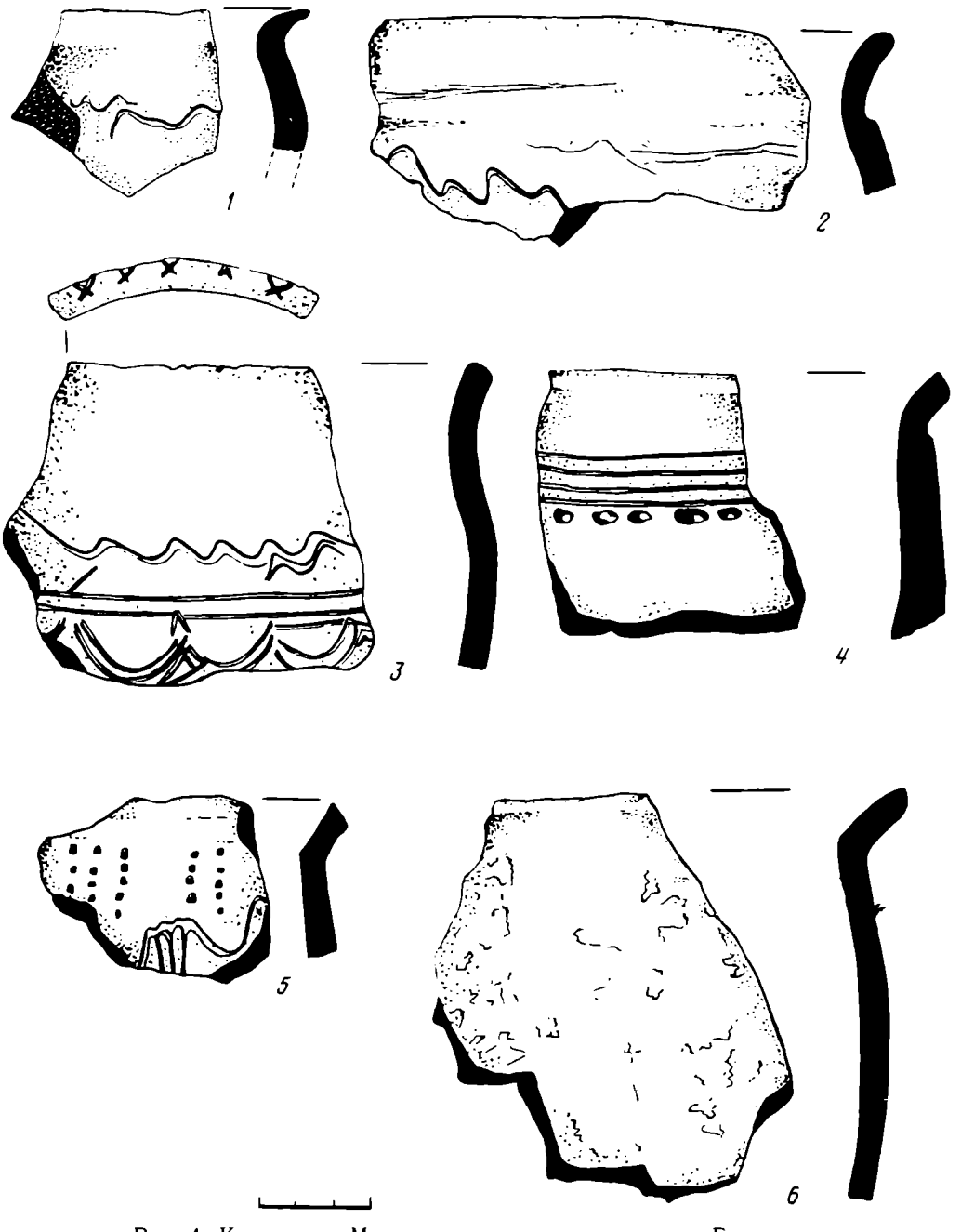


Рис. 4. Керамика «Малого» городища летописного Городеска

ходящие в шейку, заканчивающуюся сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 3,*1*) Венчик имеет, как правило, валикообразное утолщение, профилированное по внутреннему краю круговой бороздкой. Орнамент расположен в верхней части сосудов, в основном под шейкой или на плечиках. Это несколько горизонтальных, реже волнистых линий. Иногда линии дополнены ногтевыми вдавлениями. Встречаются также неорнаментированные сосуды. Тесто плотное, хорошо перемешанное, обжиг равномерный.

Сосуды второй группы изготовлены на примитивном, очевидно ручном, гончарном круге (рис. 3, *2—4;* рис. 4, *1—6*) В ряде случаев нижняя часть сосуда вылеплена вручную, а верхняя подправлена на круге. Толщина стенок достигает в отдельных случаях 1,5 см. Их поверхность неровная, бугристая, тесто комковатое. В нем встречаются значительные примеси гранита, слюды и кварца. У подавляющего количества сосудов эти микрочастички, особенно слюда, покрывают всю внешнюю и внутреннюю поверхность, придавая ей золотистый отблеск. Пле-

чики горшков этой группы очень невыразительные, покатые, шейка короткая. Венчики также короткие, почти прямые или незначительно отогнуты наружу, утончены (рис. 4, *1, 6*) или заканчиваются простым закруглением (рис. 3, *2, 4*), реже срезом по внешнему краю (рис. 3, *2;* 4, *5*). Орнаментация на некоторых сосудах отсутствует (рис. 3, *4*), а на других концентрируется только в верхней части — под шейкой или на плечиках. Это небрежно прочерченные одна — три прямые или волнистые линии, а также их комбинации. Иногда они дополнены пальцевыми или ногтевыми вдавлениями (рис. 4, *4*). Встречаются нанесенные по краю венчика косые и крестообразные насечки (рис. 4, *3*), а также наколы, выполненные четырех- или пятизубчатым штампом, под шейкой и на плечиках (рис. 3, *2*; 4, *5*). Крайняя небрежность исполнения создает впечатление, что орнамент наносился на неподвижный сосуд, который был уже снят с подставки гончарного круга перед обжигом.

Чрезвычайно интересны сосуды третьей группы, по своим типологическим особенностям стоящие ближе к горшкам первой группы, а по составу теста и небрежности изготовления имеющие сходство со второй керамической группой (рис. 3, *5—9*). Плечики сосудов более рельефные и более высокие, чем у горшков второй группы. Их особенностью является оформление верхней части — венчик, как правило, укорочен, имеет внешнее утолщение и профилирован по внутреннему краю неглубокой выемкой. Характерен также очень резкий излом от шейки к венчику, образующий в отдельных случаях ребро на внутренней поверхности шейки (рис. 3, *5, 6*). Орнамент расположен только в верхней части. Его мотивы те же, что и на посуде второй группы: две-три прямые или волнистые линии, иногда их комбинации, дополненные наколами. Очень редко встречаются неаккуратно процарапанные косые линии в виде насечек под шейкой и на плечиках (рис. 3, *7*).

Дневниковые записи и отчеты о раскопках предыдущих исследователей показывают, что они датировали керамику первой и третьей групп «великокняжеским временем», т. е. XI—XIII вв., а посуду второй группы относили к изначальному, «древлянскому» этапу жизни Городеска IX—X вв. Так как «архаическая древлянская» керамика встречалась исключительно на «Малом» городище, это позволило в свое время Р. И. Выезжеву утверждать, что летописный Городеск возник как укрепленный «древлянский град» на «Малом» городище. По мере того как увеличивалось население в «граде» и вокруг него, а также с развитием ремесла и торговли возникают городище «Вал» и поселение на «Красной горе», давшие материалы исключительно XI—XIII вв. [16, с. 134] Подобной точки зрения придерживался и П. Н. Третьяков, считавший Городеск одним из древлянских «градов», присоединенных со временем к Древнерусскому государству [19, с. 65, 66]. В настоящее время специальная сводная работа по датировке древнерусской керамики из Среднего Поднепровья отсутствует, но все же археологи используют накопленный опыт для более узкой датировки памятников по керамическому материалу. Поэтому посуда всех трех вышеописанных групп из Городеска может быть датирована на основании аналогий из других пунктов.

Аналогии первой группе встречаем на всех поздних древнерусских городищах и селищах XII — первой половины XIII в., когда посуда имеет самое полное единство типологических и технологических признаков. Все исследователи отмечают, что главной ее отличительной особенностью является оформление венчика, конец которого утолщен в виде кругового валика и профилирован по внутреннему краю бороздкой [20, с. 9, рис. 1, *24—30*; 21, с. 298—301; 22, с. 6, 7, рис. 2, *1—6*]. Значительно сложнее датировать керамику второй группы. Примитивная техника изготовления, грубые формы, значительные примеси в тесте, а также некоторое сходство с раннеславянской керамикой типа Луки-Райковецкой позволили предыдущим исследователям датировать ее IX—X вв. Но в настоящее время значительно расширившаяся источниковедческая база не позволяет согласиться с таким выводом. Установлено, что раннеславянская керамика типа Луки-Райковецкой всегда в одних и тех же комплексах сосуществует с леп-

ной посудой [23, с. 285], чего ни разу не зафиксировано в объектах Городеска. Венчики раннегончарных сосудов IX— начала X в. из Среднего Поднепровья срезаны в виде ровной плоскости, которая иногда профилирована неглубокой выемкой. При этом край венчика слегка утолщен (оттянут вверх или вверх и вниз) [20, с. 9, рис. 1, *1—7*] В отличие от горшков второй керамической группы из Городеска венчики раннегончарных сосудов всегда длинные и умеренно отогнутые наружу. Оформление венчиков более поздней керамики X—XI вв. также имеет свою особенность, ни разу не встреченную на сосудах из Городеска. Они утолщены по внешнему краю в виде «манжета», который нередко профилирован одним или несколькими углублениями [20, с. 10, рис. 1, *8—23*]. Орнамент на раннеславянских сосудах типа Луки-Райковецкой и на сосудах IX—XI вв. покрывает, как правило, почти все тулово, тогда как на сосудах второй керамической группы он расположен лишь в верхней части — под шейкой или на плечиках.

Таким образом, можно заключить, что «архаическая» группа керамики из «Малого» городища летописного Городеска, исходя из ее типологических особенностей, не может быть отнесена к IX—X вв. Зато она имеет всю совокупность признаков, выделенных М. П. Кучерой, для своеобразных групп гончарных сосудов из его раскопок Хутор Половецкий на Роси и средневекового замка Сокольцы на Южном Буге, где на основании находок монет и стратиграфии залегания такая посуда датирована второй половиной XIII — началом XV в., т. е. временем после монгольского нашествия [24, с. 174—181].

Керамика третьей группы из Городеска также имеет прямые аналогии среди материалов Хутора Половецкого и Сокольцов. М. П. Кучера отмечает, что и первый, и второй типы сосудов в этих пунктах встречены совместно во многих комплексах, т. е. они синхронны. Такой вывод исследователя подтверждает и анализ керамического материала из Городеска, где сосуды второй и третьей групп сосуществуют в одних и тех же комплексах. Таким образом, напрашивается вывод, что две последние керамические группы из Городеска следует датировать второй половиной XIII — началом XV в., а не IX—X вв., как считалось раньше.

Следует указать, что в настоящее время Городск является в Среднем Поднепровье лишь третьим пунктом, давшим своеобразную посуду (имеется в виду вторая керамическая группа) второй половины XIII— начала XV в. Кроме Городеска и Хутора Половецкого, она известна также в урочище Высокое Поле под Любечем [24, с. 179]. Зато этот тип посуды хорошо представлен в других регионах УССР — Подолии (Сокольцы), на Буковине [25, с. 33—35], в Предкарпатье [26, с. 116, 117], Надпорожье [27, с. 164—167] и Волыни [1] На наш взгляд, вполне справедливо М. П. Кучера связывает появление своеобразной керамики во второй половине XIII в. с тяжелыми последствиями монгольского нашествия. В то же время традиции древнерусского керамического производства не были окончательно забыты. Третья группа сосудов из Городеска имеет прямую генетическую связь с гончарными традициями Руси XII — первой половины XIII в. Впервые такой тип керамики был выделен Э. А. Сымоновичем на поселении Ломоватое 2 возле Черкасс [28, с. 25], а затем встречен М. П. Кучерой во время его разведок в районе Киева (Козин, Бортничи, Гнедин, Вишенки, Процев, Жовтневое) [24, с. 180, 181] Сосуды этого типа найдены на поселении Озаричи, а также при раскопках слоев послемонгольского времени и в самом Киеве — на Подоле, Замковой горе, Выдубичах [29, с. 68—72]

Индивидуальные находки, сопровождающие керамику второй половины XIII — начала XV в., как правило, ничем принципиально не отличаются от вещей, бытовавших в XII — первой половине XIII в. В этом и заключается сложность применения метода сравнительной датировки. Но все же на «Малом» городище есть один чистый комплекс послемонгольского времени, где вместе

---

[1] Выявлен автором на левом берегу Случи у с. Городище Березовского р-на Ровенской обл.

с посудой встречены индивидуальные находки, подтверждающие ее позднюю датировку. Это хозяйственная яма 22, расположенная у восточного края городища. Она имела глубину 1,8 м и сверху донизу была заполнена керамикой второй и третьей групп, костями животных и т. п. Среди фрагментов посуды на глубине 1,3 м был обнаружен железный наконечник стрелы. Он принадлежит к типу 67 по классификации А. Ф. Медведева (срезни в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным острием). Такие наконечники стрел появились в Восточной Европе вместе с ордами Батыя и во второй половине XIII—XIV в. и получили довольно широкое распространение [30, с. 75, 76] В этой же яме были найдены три керамических пряслица, изготовленные из стенок сосудов. В своем обобщающем труде по истории древнерусского ремесла Б. А. Рыбаков отмечал, что во второй половине XIII в. прекращают функционировать Овручские мастерские по добыче и обработке шифера, поэтому на смену шиферным пряслицам опять приходят керамические [31, с. 196]. Такие же пряслица, как и в яме 22, во множестве встречены вне объектов — в основном в пахотном слое городища совместно с керамикой второй половины XIII— начала XV в.

Имея в своем распоряжении коллекцию керамики, полевую документацию, а также сводку всех жилых и хозяйственных объектов, опубликованную в свое время Р. И. Выезжевым [17, с. 131—154], мы предприняли попытку выделить более ранние объекты (XII— первой половины XIII в.) и более поздние (второй половины XIII— начала XV в.), ибо время существования памятника в IX—XIII вв. не соответствует действительности. Впервые на это обстоятельство обратил внимание П. А. Раппопорт. Отметив находки стеклянных браслетов почти во всех комплексах жилых и хозяйственных построек и стратиграфию жилищ, лишь в одном случае перерезающих друг друга, он не считает возможным говорить о ранней датировке «Малого» городища Городска и непрерывности жизни на нем на протяжении четырех веков [32, с. 77] Анализ керамики и работа с полевой документацией дают нам основание отнести с полной уверенностью к первоначальному периоду существования «Малого» городища (XII— первая половина XIII в.) полуземлянки IV, VIII, IX, XIII, XIV, XVIII, XX, а также ремесленную постройку XI. С большой осторожностью этим же временем мы датируем полуземлянку XVII, так как она дала и древнерусскую, и послемонгольскую керамику. Все эти объекты (рис. 1, *2*) ориентированы своими стенами по линии юго-запад — северо-восток. В четырех жилищах прослежен вход, причем в двух из них (IV и VIII) он расположен с восточной стороны, а в двух (XVII и XV) — с западной. Интересно также расположение печей. В полуземлянках IV, IX, XIII, XIV они размещаются в северном углу, а в полуземлянке VIII — в западном. Лишь в полуземлянке XVII печь располагалась посредине юго-западной стенки. Все объекты имеют подпрямоугольные очертания, их средняя площадь составляет около 10 м^2 Углублены они в землю на 0,55—0,95 м, только одна из них (XVIII) углублена на 1,3 м. По составу находок все жилища оказались чрезвычайно бедными. В их заполнениях найдены фрагменты керамики, стеклянных браслетов, железные ножи, гвозди, дверные пробои, несколько фрагментов жерновых камней. Почти во всех постройках на уровне пола зафиксированы следы пожара.

Особо хотелось бы остановиться на находках из полуземлянок VIII и XVIII, которые отличаются от остальных. Полуземлянка VIII, расположенная почти в самом центре городища, выделяется необычным и сравнительно богатым по отношению к другим объектам составом находок. Это — бронзовая нательная иконка с изображением Дмитрия Солунского или Федора Стратилата, серебряный перстень со щитком и фрагментированные стеклянные сосуды восточного происхождения [16, с. 130, рис. 2, *1—2*, с. 133, рис. 6, *3—4*]. Центральное расположение полуземлянки VIII, богатство и разнообразие находок позволяют утверждать, что данное жилище могло принадлежать одному из представителей социальной верхушки, проживавшему на «Малом» городище. Примыкавшие к ней полуземлянки IX, XIII, XIV, а также ремесленная постройка XI обра-

зуют как бы большой двор или отдельную усадьбу посредине городищенской площадки.

Полуземлянка XVIII занимает крайнее юго-западное положение по отношению к другим синхронным объектам. Она интересна прежде всего специфическим составом находок. Здесь в большом количестве встречены фрагменты стеклянных браслетов, бронзовый витой браслет, обломок бронзового колокола, бронзовая серьга, кусочки шлаков. Находки этих предметов убеждают, что в данном случае мы имеем дело не с рядовым жилищем, а скорее всего с мастерской ювелира. О наличии на городище местного ювелирного производства свидетельствуют находки двух миниатюрных керамических льячек с прикипевшими на их стенках остатками сплавов из цветных металлов, слитки свинца, меди и бронзы [17, с. 153, рис. 12], обнаруженные, к сожалению, вне комплексов. Мастер-ювелир вполне мог заниматься и починкой стеклянных браслетов. Ю. Л. Щапова, исследуя древнерусские стеклянные браслеты из Киевщины, пришла к выводу, что их изготовление требует очень высокой квалификации, поэтому «в Городске, очевидно, была мастерская, в которой браслеты не изготовлялись, а ремонтировались. Готовая продукция поставлялась из Киева» [33, с. 115]

Особый интерес представляет ремесленная постройка XI. В. К. Гончаров отмечал, что она углублена в материк на 0,4 м от современной поверхности [15, дневник В. К. Гончарова, с. 18] В плане постройка прямоугольная (2,80×2,0 см) с небольшим выступом в северном углу. Весь центр постройки был занят подом печи размером 1,90×1,80 м. Поверх пода лежал мощный завал печины от рухнувшего свода. При его разборе в огромном количестве встречалась керамика XII— первой половины XIII в. Исследователь вполне справедливо предположил, что это плохо сохранившиеся остатки наземной печи для обжига керамики. Остатки печи подобной конструкции с керамикой XII— первой половины XIII в., разрушенные современным котлованом, зафиксированы нами в 1985 г. в северной части «Красной горы», недалеко от перешейка, соединяющего ее с «Малым» городищем. Еще один горн для обжига керамики был выявлен Р И. Выезжевым в 1958 г. между первым и вторым городищем [34, с. 14, 15] К сожалению, автор не указывает ни более точного его местоположения, ни конструктивных особенностей, за исключением того, что горн имел пять люфтов-продухов.

Находки трех горнов для обжига керамики и мастерской ювелира ставят Городеск в разряд развитых центров ремесленного производства. Открытие двух горнов за пределами городищ предполагает наличие значительного ремесленного посада, размеры и характер которого до сих пор остаются не выясненными и ждут своих дальнейших исследований.

Как было отмечено выше, с большей или меньшей долей вероятности к древнерусскому времени мы отнесли полуземлянку XIII. Дело в том, что в ее заполнении керамика XI — первой половины XIII в. и грубая керамика второй половины XIII— начала XV в. оказались перемешанными. Причем это прослеживалось не только в верхней части заполнения, но и на уровне «пола» жилища. Этому может быть дано двоякое объяснение: 1) жилище XII— первой половины XIII в. погибло и в послемонгольское время использовалось как место свалки отбросов со всего городища; 2) жилище продолжало функционировать и во второй половине XIII— начале XV в. От всех жилых объектов XII— первой половины XIII в. полуземлянка XVII отличается своеобразием конструкции, которую придает ей хозяйственная пристройка с печью и зерновой ямой, примыкающей с южной стороны. Благодаря пристройке полуземлянка в плане выглядит двухкамерной. Северная ее часть служила жилым помещением, а в южной располагалась «кухня-кладовка». Своеобразна конструкция и жилого помещения этой полуземлянки. Вдоль трех его стен выявлено земляное возвышение шириной 20—30 см, в котором зафиксированы круглые ямки диаметром 8—10 см, располагавшиеся на расстоянии 23—32 см друг от друга. Р. И. Выез-

жев полагал, что здесь стояли колья, служившие основой для плетня [17, с. 140] Кроме того, в углах полуземлянки найдены восемь ям от столбов диаметром 15—20 см. Очевидно, жилище имело столбовую конструкцию, а плетень использовался для его дополнительного утепления.

К объектам второй половины XIII— начала XV в. на основании анализа керамического материала мы отнесли жилые полуземлянки V, VII, XV, XXIII, наземные постройки I, II, X, XIX, овальные полуземлянки III, VI, XII, XVI, XXII, а также хозяйственные ямы 22 и 59 (рис. 1, *3*). Жилые полуземлянки этого периода отличаются от полуземлянок древнерусского времени несколько большими размерами. Так, полуземлянка V имеет площадь 24 м ^{2}, VII—16,8 м ^{2}, XXIII—12 м^2. Только одна из них (XV) имеет незначительные размеры и площадь около 6 м^2 Если в полуземлянках древнерусского времени печи в подавляющем большинстве случаев размещались в северном углу жилищ, то в полуземлянках послемонгольского времени наблюдаем значительные отклонения от такого правила. В полуземлянках XV и XXIII они расположены в южном и западном углах соответственно, в полуземлянке V — посредине западной стенки, а в полуземлянке VII— у северной стенки.

Своим устройством, размерами и пространственным положением выделяется среди остальных постройка V Она представляет собой двухкамерное в плане жилище с «кухней» в одной его части и жилым помещением в другой. Она, единственная из всех сооружений «Малого» городища, ориентирована своими стенами почти точно по линии север — юг, тогда как остальные — по линии юго-запад — северо-восток.

Все овальные полуземлянки дали исключительно керамику второй половины XIII — начала XV в. Только в заполнении одной из них (XVI) встречено несколько фрагментов сосудов XII — первой половины XIII в. Но они очень мелкие, тогда как более поздняя посуда представлена крупными фрагментами и целыми развалами горшков. Можно предположить, что древнерусская керамика попала в овальную полуземлянку XVI во время ее сооружения из культурного слоя городища.

Вопрос о функциональном назначении круглых полуземлянок до сих пор остается открытым и требует специального исследования, выходящего за рамки нашей работы. Мы лишь отметим, что автор раскопок А. В. Дмитревская считала полуземлянки III, VI, XVI, XXVI жилыми постройками, полуземлянку XII— мастерской, а полуземлянку XXII— культовым сооружением [12, с. 1] Р. И. Выезжев, учитывая размеры печей, считал только три полуземлянки жилыми (III, XXII, XXVI), а остальные — ремесленными постройками [17, с. 133, 147] Синхронность этих сооружений, их расположение у западного края городищенской площадки, планировка и конструктивные особенности, а также специфический набор вещественных находок, встреченный в их заполнении (крицы, шлаки, керамические воздуходувные сопла, куски руды, многочисленные железные предметы), убеждают в том, что они не могут интерпретироваться как жилые или культовые объекты, а скорее всего являются остатками ремесленных построек, связанных с металлургическим производством. Остатки железоплавильного горна были зафиксированы у северного края «Малого» городища. Здесь, как и в углубленных овальных полуземлянках, встречена керамика исключительно послемонгольского времени, железные шлаки, керамические сопла.

Производство железа концентрировалось не только на «Малом» городище, но и за его пределами. Как уже отмечалось выше, остатки трех железоплавильных горнов выявлены М. Л. Макаревичем в урочище «Красная гора». Значительные скопления шлаков и кусков руды зафиксированы экспедицией 1947 г к северу от «Малого» городища на плато левого коренного берега Тетерева, а также к северу от центрального городища «Вал». Такая концентрация металлургического производства на одном пункте не случайна. Болотные руды, залегающие прямо на поверхности в пойме реки, содержат высокий процент железа.

Здесь же расположены хвойные и лиственные леса. Наличие болотной руды и леса, из которого получали древесный уголь — источник энергии, необходимый при процессе восстановления руды, должны были уже в древности привлекать сюда население, занимающееся металлургическим производством. Сейчас установлено, что все объекты, связанные с ним и расположенные на «Малом» городище, относятся ко второй половине XIII— началу XV в. К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют в настоящее время судить о времени функционирования подобных комплексов за пределами городища.

Все наземные жилища «Малого» городища содержали керамику второй половины XIII— начала XV в. Если о конструктивных особенностях жилищ I, II, X мы ничего существенного сказать не можем, так как зафиксированы только поды их печей, то на жилище XIX нам хотелось бы остановиться особо, тем более что здесь мы имеем единственный случай устройства более позднего наземного жилища над полуземлянкой древнерусского времени. Раскопки этих объектов производил в 1947 г. М. Ю. Брайчевский, считавший, что он раскопал не два, а четыре жилища, т. е. на каждом из них выделил по два хронологических периода их существования. Так как наземное жилище содержало грубую керамику послемонгольского времени, которую исследователь считал более ранней и датировал IX—X вв., то он был убежден, что древнерусская полуземлянка перерезала раннее наземное жилище «древлянского периода» существования жизни на «Малом» городище. Но в публикации этого материала автор все же вынужден был признать, что окончательное хронологическое соотношение между жилищами осталось невыясненным [14, с. 190].

Тщательно проработав полевую документацию и коллекцию материалов из раскопок М. Ю. Брайчевского, мы пришли к выводу, что автором допущена следующая ошибка при фиксации объектов. Сняв первый пласт земли (пахотный слой) мощностью в 0,15 м, содержащий грубостенную керамику, исследователь увидел семь гумусированных пятен, четко выделявшихся на фоне желтого материкового грунта [14, с. 188, рис. 1] Опустим описание других объектов и остановим свое внимание на самых больших пятнах II и III, интерпретированных автором раскопок как два жилища, не связанные друг с другом. В полевом дневнике он отметил, что жилища отделялись не материковой перемычкой, а темно-коричневой рушенной землей с небольшими вкраплениями глины [15, дневник М. Ю. Брайчевского, с. 2] В публикации же этот момент не нашел отражения, как и то, что в пределах пятна III был обнаружен под печи хорошей сохранности. При подчистке пятен рушенная земля исчезла и они слились в одно, причем материк в пределах пятна II показался уже на глубине 0,25 м от уровня дневной поверхности. Логичнее всего было бы предположить, что обнаружено наземное двухкамерное жилище, но автор, очевидно введенный в заблуждение грубостенной керамикой, залегающей в пределах пятна II и в верхней части пятна III, а также тем, что гумусированная земля продолжалась и под подом печи в пределах пятна III, решил, что раннее наземное жилище перерезано древнерусской землянкой «великокняжеского времени».

Ниже пода печи наземного жилища, на глубине 0,6 м от современной поверхности, были обнаружены остатки еще одной печи со следами нескольких поправок ее основания. Эта нижняя печь принадлежит древнерусской полуземлянке XX. Жилая полуземлянка имеет размеры 3,3×3,3 м, площадь ее 10,9 м ^{2}, т. е. по этим параметрам она ничем не отличается от объектов XII— первой половины XIII в. Обычны и находки — фрагменты древнерусской керамики, стеклянные браслеты, шиферное пряслице и т. п. В заполнении полуземлянки не найдено керамики послемонгольского времени. Наземное же жилище содержало именно такую посуду (194 крупных фрагмента). В его заполнении обнаружены также 24 мелких фрагмента сосудов XII— первой половины XIII в. Они, очевидно, попали в верхнее жилище из культурного слоя при его сооружении. Таким образом, очевидно, что в данном случае нижняя полуземлянка с печью представляет древнерусский период жизни на «Малом» городище, а наземное жилище двух-

камерного типа — последующий период, датируемый второй половиной XIII— началом XV в.

Р. И. Выезжев на основании находки колокола в хозяйственной постройке 59 предполагал наличие церкви на «Малом» городище. Но сейчас мы вынуждены отказаться от этой заманчивой идеи. Дело в том, что колокол был обнаружен на уровне 0,4 м от дневной поверхности городища, а хозяйственная постройка имела глубину 1,4 м. В ее заполнении керамика XII— первой половины XIII в. и послемонгольская посуда оказались перемешанными. Кроме того, здесь найдены предметы, которые, как мы уже выяснили, связаны с периодом второй половины XIII— начала XV в., — керамические воздуходувные сопла, куски шлаков. Поэтому мы считаем, что колокол попал в постройку 59 уже в послемонгольское время. Трудно представить, что в древнерусский период на небольшом слабоукрепленном «Малом» городище могла находиться церковь. Для ее месторасположения более всего подходит большое, хорошо укрепленное городище «Вал». Наше предположение подтверждают и отрывочные дневниковые записи 1936 г., из которых явствует, что на нем также был обнаружен целый медный колокол, фотография его есть в архивном отчете Полесской экспедиции. Кроме того, в дневнике В. К. Гончарова указывается, что местное население при рытье могил в центральной части детинца часто натыкалось на каменно-кирпичную кладку.

Отсутствие керамики послемонгольского времени на центральном городище «Вал» свидетельствует, что жизнь на нем после разгрома 1257 г. больше не возобновлялась. На «Малом» городище почти все постройки XII— первой половины XIII в. несут следы пожара, который также можно связать с событиями 1257 г. Сравнительная малочисленность находок на объектах этого времени, отсутствие на городище костяков погибших убеждают в том, что оно было заблаговременно оставлено жителями при приближении военной опасности. После некоторого перерыва жизнь на «Малом» городище возобновилась. Перерыв, на наш взгляд, не был слишком длительным, ибо постройки второй половины XIII— начала XV в. устроены по свободной от объектов предыдущего периода площади. Древнерусские полуземлянки XII— первой половины XIII в., к этому времени наверняка потерявшие свои первоначальные очертания, использовались в основном как места свалки отбросов. Позднюю датировку возникновения Городеска подтверждают и результаты исследования его некрополя В. Б. Антоновичем. Подкурганные захоронения почти безынвентарные, головами на запад [6, с. 59—62], т. е. демонстрирующие признаки уже устоявшейся христианской традиции. В 10 из 12 раскопанных курганов они совершены в глубоких ямах, что позволило И. П. Русановой, специально исследовавшей погребальные обряды X—XII вв. в Среднем Поднепровье, отнести Городеск не к древлянской, а к полянской территории [35, табл. 7].

Возникновение многочисленных поселений в XII в. в верхнем и среднем течении Тетерева следует, очевидно, связывать с деятельностью киевских князей, стремившихся к освоению подвластных им земель. Вполне возможно, что Городеск был основан как княжеский замок, вокруг которого впоследствии выросло обширное ремесленное поселение. Он не был разрушен подобно десяткам других южнорусских городов монголами, а сдался на милость победителей, которым платил дань провиантом. При новом «установлении» земель Даниилом Галицким в 1257 г. его постигла печальная участь городов «седящих за Татары», после чего жизнь продолжалась лишь на «Малом» городище, где селились ремесленники, связанные с железоделательным производством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пашуто В. Т* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР 1950.
2. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1908. Т 2.
3. *Фундуклей И.* Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев, 1848.
4. *Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864.
5. Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 3. Киев, 1889.
6. *Антонович В. Б.* Раскопки в стране древлян // МАР. 1893. № 11.

7. Полесская экспедиция 1936 г. // Архив ИА АН УССР. Архив ИИМК. № 1—4.
8. *Петров В. П.* Житлова кліть XI—XIII ст. в с. Городську Коростишівського р-ну Житомирської обл. // Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 95.
9. *Макаревич М. Л.* Раскопки древнерусских железоплавильных горнов IX—XI вв. в Городске // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 8.
10. *Третьяков П. Н.* Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. // КСИИМК. 1941. Вып. X.
11. *Дмитриевська А.* Звіт Городської експедиції 1946 р. // АП. 1949. Т. 1.
12. *Дмитревская А. В.* Отчет о раскопках Малого городского городища 1946 года // Архив ИА АН УССР, 1940—1946/25, ф. э. № 365.
13. *Гончаров В. К.* Розкопки древнього Городська // АП. 1952. Т. III.
14. *Брайчевський М. Ю.* Розкопки на Третьму Городському городищі // АП. 1952. Т. III.
15. Городська експедиція 1947 р. // Архив ИА АН УССР. 1947/24, ф. э. № 703—705.
16. *Выезжев Р. И.* Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10.
17 *Виезжев Р. І* Будівлі «Малого городища» X—XIII ст. в с. Городську // АП. 1962. Т. XII.
18. *Выезжев Р. И.* Колокола древнего Городеска // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 9.
19. *Третьяков П. Н.* Древлянские грады // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
20. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1984.
21. Новое в археологии Киева. Киев: Наук. думка, 1981.
22. *Малевская М. В.* К вопросу о керамике Галицкой земли // КСИА. 1969. Вып. 120.
23. *Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая // МИА. 1963. № 108.
24. *Кучера М. П.* Про одну группу середньовічної кераміки на території УРСР // Слов'яно-руські старожитності. Киев: Наук. думка, 1969.
25. *Тимощук Б. А.* Давньоруська Буковина. Киев: Наук. думка, 1982.
26. *Ратич О. О* Древньоруські матеріали с розкопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові // МДАПВ. 1961. Вып. 3.
27 *Брайчевська А. Т.* Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя // АП. 1962. Т. 12.
28. *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения Ломоватое-2 // КСИА. 1960. Вып. 79.
29. *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. Киев: Наук. думка, 1982.
30. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
31. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
32. *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1-32.
33. *Щапова Ю. Л.* Скляні браслети Київщини // Археологія. 1968. Т. XXI.
34. *Выезжев Р. И.* Отчет древнерусской экспедиции 1958 г. о раскопках «Малого» городища в с. Городске // Архив ИА АН УССР, 1958/12а, ф. э. № 3235.
35. *Русанова И. П.* Курганы полян X—XIII вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-24.

B. A. ZVIZDETSKY

ON THE DATING OF GORODESK FROM THE CHRONICLES

Summary

The author discusses the chronology of two fortified settlements on the left bank of the Teterev River where the village of Gorodesk (Korostyshev District, Zhitomir Region) now stands. They are usually identified with the Old Russian town of Gorodesk mentioned in a chronicle for the year 1257. Archaeologists worked there in the 1936, 1939-40, 1946-47, 1955, 1957, and 1958 field seasons. They based themselves on the pottery when they identified two periods in the town's history — the 9th-10th and the 11th-13th centuries. Having analysed the pottery complex once more and having studied analogies from other places the author concludes that the town was set up not earlier than the 12th century. In 1257 it was ransacked by Prince Daniil of Galich as a Tartar strongpoint. The central settlements never recovered. After an interval people came to live on the second fortified settlement: dwellings and other constructions associated with ironmaking have been discovered. They are dated between the 13th and early 15th century.

Т. П. ТИМОФЕЕВА

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ ЛАПИДАРИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БЕЛОКАМЕННОГО ЗОДЧЕСТВА XII—XIII ВЕКОВ

Лапидарий — одна из самых своеобразных коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Своеобразие ее вытекает из особенностей древнего владимиро-суздальского зодчества, материалом которого служил в отличие от прочих архитектурных школ домонгольской Руси (исключая Галицкое княжество) белый камень. Происхождение известняка владимиро-суздальских памятников связывают с каменоломнями близ с. Мячкова на р. Пахра и г. Касимова на р. Ока [1, с. 3, 16—18] За короткий исторический срок — с 1140-х по 1230-е годы — в Северо-Восточной Руси было построено около 30 зданий из белого камня и плинфы. Монголо-татарское разорение, пожары, перестройки и прочие невзгоды исказили облик одних построек и привели к полной утрате других; уцелевшие памятники потеряли свои интереснейшие части. Но не все погибшее пропало бесследно. Детали белокаменных кладок и элементы резного декора от целого ряда зданий разными путями сошлись во владимиро-суздальском лапидарии, который явился ценнейшим материалом для исследователей белокаменного зодчества и пластики.

Круг памятников, представленных в лапидарии, определили пути формирования коллекции. Один из этих путей — ремонтно-реставрационные работы. В 1888—1891 гг. в процессе реставрационных работ в Успенском соборе, проводимых по инициативе МАО местным инженером И. О. Карабутовым, из разобранных в 1890 г. контрфорсов было извлечено несколько блоков от собора 1158 г. [2, с. 178], которые и вошли в число первых поступлений коллекции.

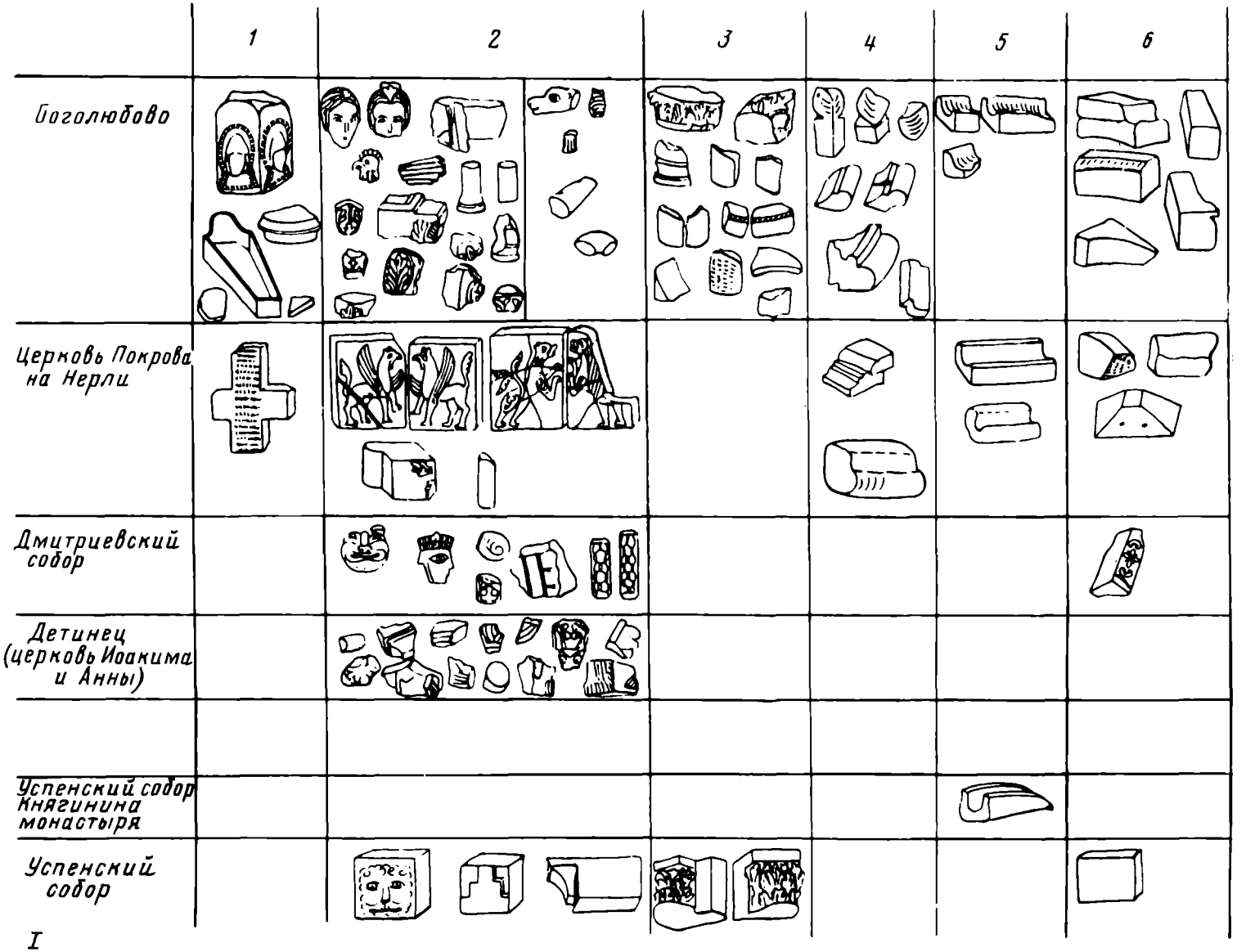
С дореволюционного времени известны парные плиты с резными грифонами и барсами, обнаруженные при раскопках у церкви Покрова на Нерли в 1858 г епархиальным архитектором Н. А. Артлебеном [3, с. 477] и до сноса колокольни XIX в. вмурованные в ее стены [4, табл. V] В числе ранних поступлений — семь блоков от архивольта портала Рождественского собора во Владимире.

Очень значительная часть коллекции — это находки археологических экспедиций под руководством Н. Н. Воронина в 1936—1955 гг. в Боголюбове, районах церкви Покрова на Нерли, Дмитриевского собора и детинца, Успенского собора Княгинина монастыря и Спасской церкви (время и место находок многих фрагментов даны по отчетам и архивным материалам Н. Н. Воронина). Затем, в ходе работ ВСЭНРПМ, коллекция пополнилась материалами по Успенскому собору, церкви Покрова на Нерли, Рождественскому собору в Суздале, церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

Некоторую часть коллекции составляют отколовшиеся в результате естественного разрушения белого камня фрагменты декора, а также случайные находки, которые трудно связать с каким-либо определенным памятником.

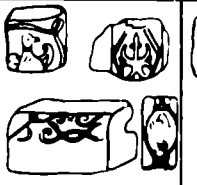
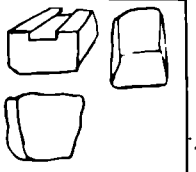
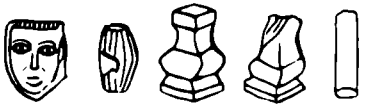
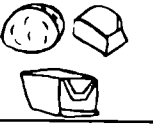
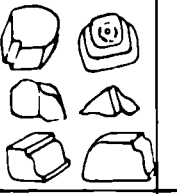
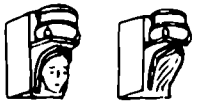
Наиболее интересные для истории белокаменного зодчества камни опубликованы в ряде изданий. В 1852 г В. Доброхотов описал боголюбовский крест с крестопохвальной надписью, четырехликую капитель и водосвятскую чашу [5], в 1857 г. К. Тихонравов издал надпись на камне о начале Рождественского

© Т. П. Тимофеева, 1990 г.



I

I. Сводная систематическая таблица владимиро-суздальского белокаменного лапидария. *1* — малые архитектурные формы; *2* — элементы декора (выделена круглая скульптура), *3* — элементы цилиндрических конструкций; *4* — профили; *5* — желоба-водометы; *6* — блоки

Церковь Спаса						
Церковь Бориса и Глеба в Кидекше						
Рождественский собор в Суздале						
Поздние камни (Суздаль)						
Поздние камни (Боголюбово)						
Поздние камни (церковь Покрова на Нерли)						
Поздние камни (Владимир)						

II

II. Продолжение таблицы. В таблице представлена основная, наиболее интересная часть коллекции. Ввиду резкой разномерности камней масштаб соблюден лишь относительный, внутри каждой отдельной ячейки

монастыря во Владимире [6], А. Бобринский опубликовал плиты с резными барсами и грифонами [4] Практически все значительные резные камни проанализированы Г К. Вагнером [7, 8]; многие изучены и использованы Н. Н. Ворониным [2, 3, 9—13], некоторые суздальские находки опубликованы А. Д. Варгановым [14] и А. Ф. Дубыниным [15]. Однако коллекция в целом не рассматривалась. До сих пор не составлен каталог собрания, и настоящая публикация является попыткой восполнить этот пробел (рисунок).

В составе коллекции более 250 единиц, образующих несколько групп по принадлежности памятнику и функциональному признаку. Представлены следующие памятники: дворцовый комплекс в Боголюбове, церковь Покрова на Нерли, Дмитриевский собор и детинец (надвратная церковь Иоакима и Анны), Рождественский собор во Владимире, Успенский собор, Спасская церковь, Успенский собор Княгинина монастыря, Рождественский собор в Суздале, церковь Бориса и Глеба в Кидекше, неустановленные, более поздние памятники в Суздале. По своему конструктивно-функциональному использованию материал коллекции довольно разнообразен.

Небольшую, но уникальную группу составляют малые архитектурные формы из Боголюбова: четырехликая капитель, крест с крестопохвальной надписью, саркофаг и водосвятная чаша. Из суздальского собора происходит второй саркофаг, идентифицируемый с погребением Святослава Юрьевича 1174 г. [15, с. 98] Каждый из этих памятников, единичных в коллекции, редок и в целом для древнерусской культуры. Не до конца ясно назначение четырехликой капители — оригинального образца белокаменной пластики. Так, например, В. Доброхотов принял рельеф капители — нимбированные женские маски за изображение Спаса. Камень был вделан в монастырскую ограду так, что три другие стороны не были видны [5, с. 30] Возможно, камень венчал меморативный богородичный столп у северо-западного угла Боголюбовского собора [1], в то время как с противоположной, юго-западной стороны помещался киворий (сооружение в виде сени с водосвятной чашей под ней), реконструкция которого с чашей выполнена Н. Н. Ворониным [11, с. 64]. К группе памятных крестов относится белокаменный крест, стоявший, очевидно, в устье р. Нерли. Особенную ценность придает ему надпись XII в. с формулой «похвалы кресту», делающая его памятником древнерусской эпиграфики. Интересны необычной формы саркофаги с оплечьем, сближающим их, с одной стороны, с современными им саркофагами западного происхождения, а с другой — с раннемосковскими гробницами.

Боголюбовские камни в коллекции наиболее многочисленны и разнообразны. К декору собора относятся три женские маски, две из которых обнаружены в 1937 г. при раскопках западного фасада собора и одна — в 1954 г. Все три сохранились фрагментарно. Не только скульптура масок заслуживает внимания, но и конструктивная особенность: две из них сохранили хвостовые части в виде плит, под прямым углом примыкающих к лицевой плите. Других таких камней с хвостовинами ни в нашем, ни в юрьевском лапидарии нет. К декору боголюбовского комплекса принадлежат фрагменты зооморфной скульптуры: крыло, головка петуха, бедро зверя, барсовидная голова. Два последних являются редкими в белокаменном зодчестве образцами круглой скульптуры, местонахождение и назначение которой проблематичны. Н. Н. Воронин высказал предположение о месте круглой скульптуры в нишах по бокам арочных проемов перехода, по образцу романского зодчества [12, с. 82] Б. А. Огнев использовал барсовидную голову для реконструкции водомета [2, с. 182]. Неизученным остается вопрос о наполнении интерьеров домонгольских памятников. К круглой же скульптуре относятся два овальных в сечении валика, один из которых изогнут дугой, и маленький фрагмент, в сечении совпадающий с бедром зверя.

---

[1] Реконструкция столпа предложена Г К. Вагнером [7, с. 93]

К утраченным частям дворцового ансамбля может быть отнесен ряд фрагментов аркатурно-колончатого фриза: обломки фустов диаметром от 9,5 до 13 см, обколотая база колонки с характерным профилем в виде круглой подушки с угловым рогом, мелкие фрагменты резных капителей, один целый блок с капителью колонки и рустом вторичного использования.

Большую группу фрагментов можно условно обозначить как элементы цилиндрических конструкций. К системе фасадных полуколонн диаметром 40—42 см относятся обломки фустов, две резные капители с пальметтами и листьями аканфа. Два обломка колонны были найдены в раскопе кивория и могут быть отнесены к этому сооружению. Так, Н. Н. Воронин отметил положение этой колонны на третьей ступени кивория, выходившей на вымостку [16, л. 44а, 33] Есть фрагменты, диаметр кривизны которых соответствует полуколонне северного фасада собора на стыке с переходом — 28 см, портальной полуколонке или колонке тройного окна (в верхней части) — 21 см (обмеры проведены автором). Фрагменты с диаметром кривизны 24—25, 18, 16 и 15 см точно не идентифицируются пока ни с какой определенной конструкцией. Правда, диаметр 23 см имеет в основании колонка тройного окна. На внутренних обломах некоторых камней заметны прямоугольные каналы для дополнительного крепления блоков в кладке металлическими связями. К круглой тяге архивольта портала принадлежит блок, закругленный полувалом с резной пальметтой в овальном медальоне. Несколько небольших фрагментов соответствуют по профилю цоколю стены или пилона; три базовых камня с угловым рогом, полувалик, полувалики с выкружкой.

Элементы конструктивных узлов, а также фасадного декора были учтены в реконструкциях собора и переходов [2, с. 224, 252, 258]

Группа камней из раскопа Боголюбовского собора демонстрирует приемы кладки и обработки камня, сохраняя следы тески молотком и топором [2]: прямоугольные стеновые квадры, блоки с одной вогнутой гранью от внутренней облицовки апсид, два массивных дугообразных блока. Один из них найден возле фундамента помещения перехода между двумя арочными пролетами. Н. Н. Воронин предполагал на этом объеме глухую арку и в ее составе этот камень [2, с. 238, 239]. К дворцу или южной части его крепости относятся несколько мелких фрагментов тесаных блоков белого камня и туфа, плоские пластины плитняка из фундамента [3] В коллекции собрано несколько желобов-водометов: три целых блока и боковая стенка прямых водостоков с круглым лотком глубиной 5—7 см от вымостки Боголюбовского дворца и холма церкви Покрова на Нерли; такой же блок, но с более мелким и угловатым лотком, найденный в районе церкви Покрова; крайняя закругленная и отогнутая книзу часть водомета от Успенского собора Княгинина монастыря.

Среди камней, относящихся к церкви Покрова на Нерли и ее утраченным конструкциям, наиболее интересны две пары плит с резным изображением вздыбленных барсов и грифонов в редкой для них позе полета. Замечателен квадратный блок с полувалом (находка 1955 г.). На одной из граней — два распластанных неполных пятилистника, очевидно, продолжавшихся на соседних блоках. Этот камень остается единственным известным для середины XII в. случаем рельефа, не ограниченного размерами блока. Он послужил основой для реконструкции Н. Н. Ворониным опорного столба галереи церкви Покрова [2, с. 290] На соседней грани — геометрическая графья-разметка: две горизонтальные, две вертикальные и одна полуциркульная линии.

Группа камней передана в музей во время реставрации постамента барабана церкви Покрова в 1984 г — фрагменты тесаных белокаменных блоков и туфа. Боголюбовского происхождения — предположительно из района церкви Покро-

---

[2] Вопрос о теске белого камня исследовала С. М. Новаковская [17]

[3] Материал из раскопок В. П. Глазова 1984 г., возобновившего раскоп Н. Н. Воронина 1934 г., вскрывшего фундаменты южной башни.

ва — небольшой цельный блок со сложным, довольно мелким профилем карнизно-цокольного типа, в виде четвертного валика, двух мелких выносов и желоба. Одна боковая поверхность имеет уступ, видимо, для лучшего соединения с соседним блоком в кладке. Поверхности сохраняют следы древней обработки.

Группой резных фрагментов представлены в коллекции Дмитриевский собор и детинец: маска льва из интерьера собора, отколовшаяся от левого лежащего льва на северной щеке юго-восточного пилона, мужская головка в царской шапочке с навершием, в трехчетвертном повороте. (Обнаруживает большое сходство с головой кентавра с зайцем в руке, справа от окна на северном прясле западного фасада [4, табл. X] В настоящее время в этом месте утрата).

Во время разведки к югу от собора в 1938 г. найден арочный камень со ступенчатым профилем, с диаметром кривизны 130 см, с шириной ступеней 3,5—4—4,5 см. Выше профиля заметно начало какого-то плоского рельефа в виде двух остроугольников. К декору Дмитриевского собора принадлежат два обломка фустов фризовых колонок диаметром 13,5 и 14 см, с плетеным орнаментом. Судя по заострению на одном конце, это нижние части колонок, вставлявшиеся в углубление базы. К фризу Дмитриевского собора, очевидно, относится и третий, совсем небольшой фрагмент фуста, с резным мотивом овального плетения, с вписанной в овал пальметтой и дельтодоном в боковом интервале. Обломок блока от пилона Дмитриевского собора сохранил масляную живопись XVIII в. с цветочным орнаментом в виде сердцевидных медальонов и василька. Этот орнамент на отколовшемся камне южной щеки юго-западдного пилона отметил Н. П. Сычев [18, с. 145—146] Подобный орнамент находится на восточной щеке того же пилона (фотоархив ЛОИА АН СССР, Q 830. 103).

Из раскопок детинца 1936—1937 гг. происходит целая группа мелких резных фрагментов, видимо, относящихся к надвратной церкви Иоакима и Анны: клиновидная консоль, цокольный валик, обломок круглой тяги архивольта портала с частью резной пальметты в медальоне, осколки лиственных капителей, фризовых колонок (диаметром 8,5 и 9 см); на одном плоском небольшом фрагменте тесаная поверхность покрыта коричневой краской. Единственным зооморфным фрагментом в раскопе детинца является маленький обломок с резным бедром зверя. Вместе с другими материалами раскопок (плитками пола, панельной мозаикой, образцом раствора) это единственное, что осталось от детинца и надвратной церкви.

Немногое сохранилось и от Рождественского собора во Владимире — семь блоков архивольта портала. Вероятно, это те самые камни архивольта западного портала, которые были вставлены в 1678 г. в паперть у западного фасада, сломанную при перестройке собора в 1859 г. [2, с. 385]. Но на фотографиях порталов перестроенного собора, опубликованных Н. Н. Ворониным [2, с. 387],— архивольты с двумя внешними тягами такого же орнамента, как на коллекционных блоках. Если допустить, что архивольт из разобранной паперти был вновь переставлен на собор, то попасть в музей эти камни могли только после утраты Рождественского собора, т. е. не ранее 1930 г.: этим годом датирована фотография с раскопкой гробниц в соборе, а 1929 г.— фотография, на которой виден собор (фототека ГНИМА, фонд уникальных фотографий). По размерам и орнаменту блоки составляют две группы: более длинные и узкие, с лентой из S-образных завитков на лицевой поверхности и более короткие и широкие, с размашистым побегом и пальметтами разного рисунка на лицевых гранях. Интересно отметить, что этот побег не имеет бороздки, столь характерной для любых стеблей, жгутов, побегов и прочих контуров в белокаменной резьбе.

Успенский собор представлен в собрании резными блоками фасадного декора: маской льва, элементом городчатого пояса с барабана, двумя фасадными капителями, прямоугольным блоком с клинчатой консолью от фриза, а также плитами и квадрами из кладки.

Ряд маловыразительных белокаменных обломков не может быть привязан

ни к какому конкретно зданию и не имеет точных датировок. Несколько профилированных фрагментов из Боголюбова могут вызывать сомнение в датировке и определении функций; есть основания часть из них отнести к более позднему времени. Например, фрагмент № В-32285/56 совпадает с профилем нижней части белокаменного наличника Богородицерождественского собора 1751 г. Интересен квадратный в плане камень со ступенчатым профилем со всех четырех сторон, со сквозным отверстием и следом от колонки. Однако небрежность, с которой он выполнен, не позволяет с уверенностью датировать его XII в. Необычен небольшой кубический блок с углублением.

Суздальская часть коллекции содержит камни в основном от двух белокаменных памятников: Борисоглебской церкви и Рождественского собора. Из церкви Бориса и Глеба происходит обколотый с двух сторон блок с сохранившейся частью фрески на тонком штукатурном слое, с отчетливыми следами тески молотком. Второй камень из церкви Бориса и Глеба — фрагмент блока с частью резного плоского рельефа не выше 0,6 см, напоминающего основание крыла. Оба камня найдены А. Д. Варгановым в раскопе центральной апсиды при исследовании церкви в 1948 г.

В результате реставрационных работ в Рождественском соборе (освобождение от поздних пристроек, восстановление притворов) в музей поступило большое количество резных камней, в основном обломков фризовых колонок. После снятия поздних пристроек оказалось, что в аркатурно-колончатом фризе много утрат. Колонки, сохранившиеся лишь фрагментарно, были переданы музею, а места утрат восполнены слепками-новоделами с простейшим орнаментом. Коллекционные фрагменты существенно дополняют орнаментику фриза. Несколько резных камней можно отнести к утраченному верхнему ярусу собора: два фрагмента полуколонны, один с голубем, другой с пальметтой, и блок, на одной стороне которого орнамент ромбического плетения, а на другой — цокольный профиль вторичного использования. На основе этих камней Г. К. Вагнером предложена реконструкция полуколонны второго яруса собора [8, с. 33]

Единичные камни принадлежат орнаментальному поясу над аркатурно-колончатым фризом, поребрику притвора [4], порталу, цоколю, водостоку. К криволинейной конструкции (арке или своду) относится блок радиальной формы, с прямоугольным в сечении каналом.

Во владимиро-суздальской архитектуре белый камень использовали и в более позднее время. К поздним памятникам следует отнести два белокаменных столбика, балясину в форме «дыньки», подкрестное яблоко, рукомой — суздальские находки, не связанные с определенными зданиями. При исследовании ворот Ризположенского монастыря в 1946 г. найден обломок плиты с надписью о закладке паперти [19] Надпись барельефная, состоит из трех строк с надстрочными знаками, буквы прямоугольного сечения:

«[нач]ата делати паперть
...енья в Суздале в Ризпо [ложенском соборе]
...ко левичем и л...

Трудно связать с каким-либо определенным зданием мужскую маску на тонкой плите, обколотой по контуру лица. Иконография маски заставляет сомневаться в ее домонгольской датировке: при плоскостной резьбе и отсутствии профиля применен совершенно не характерный для пластики Владимира, Суздаля и Юрьева прием обработки глаз, надбровий, ушей, рта. Особенно поражают глаза: неправильной формы, без круглого глазного яблока и углубленного зрачка, обведенные толстым контуром, с несимметричными надбровьями в виде валиков, они кажутся гипертрофированными, без всякой художественно-эмоциональной нагрузки. Очень странно выполнены уши (сохранилось одно):

[4] Принадлежность поребрика установил А. Д. Варганов. Он же определил необычный «навесной» характер поребрика [14, с. 143, 144]

не развернуты фронтально, как это свойственно прочим маскам, а прижаты к голове. И только нос — прямой, с тонким кончиком и широкими ноздрями — сравним с резьбой XIII в. В целом маска производит впечатление непрофессиональной, слабой работы. На оборотной стороне широкие следы, которые мог оставить топор древнего каменотеса. Приходится предположить, что перед нами либо ученический экзерсис древнего подмастерья, либо более поздняя работа.

Многие камни лапидария сыграли свою роль в исследовании архитектурных форм и скульптуры памятников зодчества Владимиро-Суздальской Руси. Несколько в стороне от внимания исследователей осталась тема приемов кладки и обработки белого камня; лапидарий в этом ракурсе открывает дополнительную возможность.

Наблюдение обработанных поверхностей позволяет добавить к известным инструментам каменодельца [5] еще два: топор, оставляющий более широкие и менее регулярные следы, чем молотки, и рашпиль, применявшийся в основном для обработки криволинейных поверхностей и дававший несколько шероховатую фактуру с заметными иногда узкими и частыми регулярными следами. Рашпилем пользовались при изготовлении профилей и рельефов и крайне редко — на прямой плоскости. Топор применяли для обработки нелицевых граней.

Для придания белокаменной кладке дополнительной прочности строители пользовались целым рядом приемов. Один из них — соединение блоков металлическими связями, заводившимися в специальные каналы внутри блоков. В коллекции есть цилиндрические блоки колонн, капители; на этих фрагментах каналы сохраняют следы ржавчины. Другой прием — неровная, с уступами боковая поверхность, видимо, для перевязки с соседним блоком. Не находит пока достаточного объяснения прием крепления фасадной плиты хвостовиной; этот прием заставляет подозревать какое-то необычное местоположение таких камней. На материале коллекции можно пронаблюдать остроумный способ зажима колонки фриза между капителью и консолью. Верхней, профилированной частью она входит в незначительное углубление капители; нижний конец заострен под углом и входит в углубление базы. Орнамент, если это резная колонка, не прерывается механически на концах, а имеет логическое завершение. Несколько раз на камнях, как древних, так и более поздних, встречена нами геометрическая графья — предварительная разметка прямыми и полуциркульными линиями, приблизительно намечающими размеры и контуры граней.

Таким образом, владимиро-суздальский лапидарий содержит ценный материал для изучения белокаменного зодчества. Несмотря на достаточную степень его изученности, есть перспективы работы, касающиеся круглой скульптуры, а также возможных элементов архитектурных интерьеров. Большой коллекцией белого камня от Георгиевского собора XIII в. располагает Юрьев-Польской филиал Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Следует иметь в виду, что белый камень владимиро-суздальских памятников хранится и в других музеях.

Возможен сравнительный анализ лапидария владимиро-суздальских памятников и аналогичных лапидариев галицких, черниговских и раннемосковских памятников древнерусского зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викторов А. М., Звягинцев Л. И* Белый камень. М.: Наука, 1981.
2. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
3. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т II. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
4. *Бобринский А.* Резной камень в России. Вып. 1. М., 1916.
5. *Доброхотов В.* Древний Боголюбов-город. М., 1852.
6. *Тихонравов К.* Владимирский сборник. М., 1857
7 *Вагнер Г К.* Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово. М.: Искусство, 1969.

[5] С. М. Новаковская называет молотки с прямой и профильной заточкой, тесло и инструментарий скульптора [17, с. 74]

8. *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М.: Искусство, 1975.
9. *Воронин Н. Н.* Новые памятники русской эпиграфики XII в. // СА. 1940. № 6.
10. *Воронин Н. Н.* Боголюбовский саркофаг // КСИИМК. 1947 Вып. 14.
11. *Воронин Н. Н.* Боголюбовский киворий // КСИИМК. 1946. Вып. 13.
12. *Воронин Н. Н.* Основные вопросы реконструкции боголюбовского дворца // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
13. *Воронин Н. Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. 1949. № 11.
14. *Варганов А. Д.* Новые данные по архитектурной истории суздальского собора XI—XIII веков // СА. 1960. № 4.
15. *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.) // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
16. *Воронин Н. Н* Дневник архитектурных и археологических разведок во Владимире и Боголюбове в 1937 г. // ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. № 521.
17. *Новаковская С. М.* Камнетесное дело во Владимиро-Суздальской Руси в XII—XIII вв. // СА. 1986. № 3.
18. *Сычев Н. П.* К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире // Памятники культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
19. *Варганов А. Д.* Отчет о ремонтно-реставрационных работах в Суздале. 1946 г. // Архив ВСМЗ. № 480.

T. P. TIMOFEYEVA

COLLECTION OF CUT STONES IN VLADIMIR-SUZDAL ARCHITECTURAL RESERVE AND ITS SIGNIFICANCE IN STUDYING THE MONUMENTS OF WHITE-STONE ARCHITECTURE OF THE 12TH AND 13TH CENTURIES

Summary

This collection that comprises archaeological finds and restored carved stones is an invaluable source on the history of white-stone architecture and minor arts in Bogolyubovo, Suzdal and Vladimir. They also provide an idea about the landmarks that did not come down to us: the palace in Bogolyubovo, the galeries in the Church of the Protection on the Nerl, the gate church in the Vladimir Kremlin, the cathedrals of the Nativity and of the Saviour in Vladimir, the second tier of the Cathedral of the Nativity in Suzdal and St. George's Cathedral in Yuriev-Polsky. Many items are introduced for the first time as reconstructed by N. Voronin, G. Vagner and B. Ognev. The collection comprises 250 items that can be divided into several groups: smaller architectural details, sculptures, carved capitals and their fragments, elements of arcature friezes, gutters and construction materials. The collection also provides an idea on white-stone architectural design and technological principles.

Б. Я. ВИЛЕНЧИК

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ ДАТИРОВОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВ РУССКИХ ЕПИСКОПИЙ XIII В.

Данная статья написана после проверки интересной версии В. Л. Янина относительно некоторых дат новгородской и смоленской епископских хронологий начала XIII в. [1, с. 87—96] Надпись на найденной недавно печати: «Лазор, епис[к]уп См[оле]ньск[ий]» — требует от исследователя ответа на вопрос: в какое время в Смоленске был епископом человек по имени Лазарь?

В. Л. Янин указывает на то, что под 1180 г. летопись упоминает в Смоленске епископа Константина, а под 1197 г.— епископа Симеона. Затем он сообщает, что под 6714 (1206) г. в летописях упомянут некий безымянный смоленский епископ. Этот епископ присутствует при отпевании Марии — жены Всеволода Большое Гнездо. Епископа прислал во Владимир смоленский князь Мстислав Романович для переговоров о мире [1, с. 88] «Такова сумма достоверных сведений о смоленских епископах ранней поры». Но тут В. Л. Янин указывает: А. Ф. Бычков, Н. П. Барсуков и В. О. Ключевский придерживались того мнения, что упоминаемый в летописях под 1206 г. смоленский епископ носил имя Игнатий [1, с. 88] При этом В. О. Ключевский отметил, что Игнатий «только однажды упомянут в летописи, под 1206 г.» [2, с. 56]. В. Л. Янин считает, что В. О. Ключевский имел здесь в виду одно из вышеуказанных упоминаний безымянного смоленского епископа в Лаврентьевской и Воскресенской летописях [1, с. 88; 3, с. 424, 425; 4, с. 112], и отождествление «смоленского епископа 1206 года» и епископа Игнатия произошло под влиянием «Жития Авраамия Смоленского», в котором упоминаются и епископ смоленский Игнатий, и его преемник, по имени Лазарь [1, с. 88—89] Однако реальная летописная ситуация выглядит по-другому.

Эпизод 1206 г. упомянут не только в Лаврентьевской (вариант — в Радзивилловской) и Воскресенской летописях. Этот эпизод под 6713 г. (другой стиль летоисчисления) упомянут в Тверской летописи, где смоленский епископ назван Иоанном [5, ст. 301, 302] Поскольку на отпевании жены Всеволода Большое Гнездо должен был обязательно быть тогдашний епископ ростовский и владимирский Иоанн, то, очевидно, он по ошибке и объединен с присутствовавшим там же смоленским епископом. И, действительно, в летописи по воскресенскому списку оба епископа упомянуты рядом [4, с. 112]

В. Л. Янин, говоря о том, что Лаврентьевская летопись упоминает под 1206 г. о безымянном епископе смоленском, ссылается на том I, вып. 2 «Полного собрания русских летописей», вышедший в свет в 1927 г. вторым изданием [3, ст. 425] Здесь используются: 1) рукопись бывш. Московской духовной академии, обозначающаяся А, и дается примечание, что эта рукопись в 1-м издании тома названа Троицкой 1; 2) Троицкий пергаментный список, найденный Карамзиным в библиотеке Троицкой лавры, сгоревший в 1812 г., обозначающийся Т. Первое издание 1-го тома под названием «Лаврентьевская и Троицкая летописи» вышло в Санкт-Петербурге в 1846 г. Здесь во II части используются Лаврентьевская, Радзивилловская и Троицкая 1 (А) летописи. Поскольку рукопись Московской духовной академии (А) названа была «Троицкой летописью», от внимания исследователей могла ускользнуть сгоревшая карамзинская летопись (Т),

© Б. Я. Виленчик, 1990 г.

реконструированная М. Д. Приселковым по цитатам в «Истории Карамзина» и т. п. и изданная в 1950 г. в Москве под названием «Троицкая летопись». Соответствующая цитата из этой летописи, приведенная Карамзиным в III томе «Истории государства российского», примечание 118, называет смоленского епископа в эпизоде 1206 г. Игнатием [6, с. 290; 7, с. 31, прим. 45] «Житие Авраамия Смоленского» здесь оказывается ни при чем. Поэтому основанное только на толковании «Жития Авраамия Смоленского» рассмотрение, согласно которому правление Игнатия в Смоленске сдвигается на период ранее 1200 или даже 1190 г., следует признать некорректным.

Но только в «Житии Авраамия Смоленского» указывается, что смоленским епископом после Игнатия был Лазарь. Поэтому нижней хронологической границей правления Лазаря становится 1206 год. Для установления верхней границы В. Л. Янин вслед за исследователями прошлого использует послание владимиро-суздальского епископа Симона (преемника Иоанна) к черноризцу Поликарпу из Киево-печерского патерика. Согласно тексту послания Поликарп просит назначить его епископом или в Новгород «на Онтониево место», т. е. на кафедру, освободившуюся после архиепископа Антония, или в Смоленск «на Лазарево место», или в Юрьев «на Олексеево место» [8, с. 481] Для датирования этой ситуации В. Л. Янин производит рассмотрение запутанной хронологии правления в Новгороде архиепископа Антония (об епископе юрьевском Алексее нет сведений). И вслед за неправомерным перенесением в XII в. правление Игнатия переносит на период до 1219 г. правление в Смоленске его преемника Лазаря и даже предлагает считать возможным, что именно Лазарь был во Владимире в 1206 г. Последнее предположение не соответствует карамзинской цитате из Троицкой летописи, но, главное, хронология новгородских архиепископств не является единственным источником для датирования отставки Лазаря — для этого достаточно даты послания Симона Поликарпу. А оно датируется периодом с 8 сентября 1225 г., когда Симоном была освящена упоминаемая в тексте послания как действующая Суздальская церковь, до 22 мая 1226 г., даты смерти Симона [8, с. 569]. Это и есть верхний предел смоленского епископства Лазаря — не ранее марта 1206 г. и не позже мая 1226 г.

Заметим, однако, что вел. княгиня Мария умерла 19 марта, в субботу, что имело место в 1205, а не в 1206 г. [3, ст. 425; 9, с. 176—177] 1205 год соответствует 6713 г., если применяется мартовский стиль летоисчисления, и 6714 г., если применяется ультрамартовский стиль летоисчисления, 1206 год здесь вообще не должен упоминаться. Епископ Симон умер 22 мая 6735 или 6734 г., по разным источникам. Лаврентьевская летопись дает здесь 6734 г. без указания дня недели. Однако затем сообщается, что на место Симона был поставлен епископом Митрофан и произошло это 14 марта 6735 г., в воскресенье, [10, с. 190], что совпадает в 1227 г. [9, с. 176, 177] и свидетельствует о применении здесь мартовского стиля. Тогда 22 мая 6734 г. при мартовском стиле соответствует 1226 г. Срок в 10 месяцев между освобождением кафедры и утверждением нового епископа нормален, если учесть, что в данном случае Митрофану не нужно было ездить в Киев, так как митрополит оказался тогда во Владимире. Так, после того, как князь Михаил Черниговский, прибывший в Новгород в 6737 г., 21 апреля (в субботу [11, с. 224], что имело место в 1229 г. [9, с. 176, 177], стиль летоисчисления мартовский), потребовал замены новгородского архиепископа Антония, по жребию был избран архиепископом Спиридон в том же 6737 г.: «... и выняся Спиридон. И послаша на него в монастырь, и приведоша, посадиша его во дворе, дондеже поиде в Киев ставится» [12, с. 68, 275] 17 декабря 6737 г. он выехал в Киев и вернулся в Новгород 19 мая 6738 г. (в воскресенье [12, с. 68, 69, 275, 276], что совпадает в 1230 г. [9, с. 176, 177], стиль летоисчисления мартовский). Лаврентьевская летопись сообщает: «В лето 6734 мая 22 преставился... Симон Суздальский и Володимерский. Того же лета князь Георгий Всеволодович ходил в помощь Михаилу Всеволодовичу на Олега Курского и створь мир между ними, зане приключися ту быти присланну Владимиром

Рюриковичем митрополиту Кирилу. И возвратился вел. князь Гюрги, створь мир, поим с собою митрополита в град Владимир... в лето 6735 14 марта в день воскресный, поставлен бысть Митрофан митрополитом Кирилом и 4 епископами... в граде Володимире... в присутствии князя Гюрги... приключился и мне тут быти» [13, с. 426] События летописного 6734 года здесь непосредственно предшествуют событиям 6735/1227 г. Освящение Суздальской церкви Симоном датируется 8 сентября 6733 г. в тех случаях, когда смерть епископа падает на 6734/1226 мартовский год, а поставление Митрофана на кафедру — на 6735/1227 мартовский год. Когда же освящение этой церкви указывается под 8 сентября 6734 г., то смерть Симона падает на 6735 / 1226 ультрамартовский год, а поставление Митрофана — на 6736 / 1227 ультрамартовский год. Отсюда следует, что Суздальская церковь была освящена 8 сентября 1225 г. Таким образом, смоленское епископство Лазаря оказывается заключенным в пределах марта 1205—сентября 1225/мая 1226 г.

Нам, следовательно, для датирования найденной печати нет нужды исследовать неопределенную хронологию «Жития Авраамия Смоленского» и запутанную хронологию новгородских архиепископств начала XIII в. Однако послание Симона датируется точно, и поскольку его дата одновременно является датой отставки (одной из отставок) новгородского архиепископа Антония, а летописи такой даты отставки Антония не желают подтвердить, то возникает возможность под данным углом зрения заняться пересмотром хронологии в самих летописях, противоречивость показаний которых за этот период давно известна.

Согласно Новгородской 1-й летописи, в 6719 г. новгородцы и их князь Мстислав изгнали из Новгорода архиепископа Митрофана и послали в Киев на утверждение к митрополиту монаха Антония, который и вернулся в Новгород новым архиепископом [12, с. 52, 250]. В 6727 г. Антоний выехал в Торжок, в его отсутствие новгородцы вновь призвали Митрофана, а к Антонию прибыл их посланец со словами: «Поиди, кде ти любо». Антоний, однако, вернулся в Новгород. Князь и новгородцы отправили обоих архиепископов к митрополиту, и в 6728 г. Митрофан прибыл архиепископом в Новгород, а Антоний был отправлен епископом в Перемышль [12, с. 60, 261] В 6731 г., 3 июля, Митрофан умер [12, с. 61, 263] Поскольку это произошло в понедельник, то мы имеем здесь мартовский 1223 год [9, с. 176—177]

Теперь начинаются странности. Под тем же 6731 г. Новгородская 1-я летопись указывает, что на архиепископский двор в Новгороде был введен «Арсений, чернец с Хутина» [12, с. 61, 263], т. е. из Хутынского монастыря. Но почему здесь ничего не говорится о необходимой поездке к митрополиту в Киев? Под 6733 г. сообщается: «Приде архиепископ Антоний ис Перемышля в Новгород и седе на своем столе...» [12, с. 64, 270] Здесь поездки в Киев не требуется, ибо Антоний — бывший новгородский архиепископ, уже побывавший в Киеве, однако ни слова не говорится об отставке Арсения. Под 6736 г. сообщается об уходе Антония «на Хутино... по своей воли» [12, с. 65, 270], но ни о какой его замене ни слова не говорится, и лишь через 1,5 страницы — под тем же годом — вдруг сообщается об изгнании Арсения, бежавшего «на Хутино» [12, с. 67, 272] Арсения заменяют вновь Антонием, дав последнему в помощь «2 мужа»,— случай беспрецедентный. Под 6737 г. прибывший княжить в Новгороде Михаил объявляет новгородцам, что «у вас нету владыки», что «бог казнь свою возложил на Антония» и что нужно найти замену Антонию. По жребию избранным оказывается чернец Спиридон, которого посылают «Кыеву ставиться» [12, с. 68, 275]. И, наконец, под 6740 г. летопись сообщает: «Том же лете преставился архиепископ Антоний октября в 8... преже изгнания седе в епископии лет 8 по Митрофане, а в изгнании лет 6; по сем приде ис Перемышля в Новгород и седе лета 2, и онеме на святого Ольксия: бысть лет 6 в болезни той и 7 месяц и 9 дни и тако умре...» [12, с. 72, 281]. Поскольку, согласно НПЛ, конфликт Антония с новгородцами приходится на 6727/6728 г., то его возвращение в Новгород из Перемышля после 6 лет изгнания должно было случиться в 6733/6734 г., а «лета

2» его нового правления должны были истечь в 6735/6736 г., и если к этой дате прибавить около 6 с половиной лет его болезни, то мы получим 6741/6742 г. вместо указанного в той же летописной записи 6740 г. Если же мы отнимем от октября 6740 г. около 6 с половиной лет болезни Антония, то мы получим 6733/6734 г. как дату начала его болезни. Еще более запутанной картиной событий отличается реестр «А се архиепископы»: «...А Антонии бе владыкою 8 лет и дасть ему епископью в Перемышле митрополит. А Митрофан опять бе владыкою 3 лета и 4 месяци и преставился июля в 3... Того же дни введоша во двор Арсениа черньца с Хутина, и бе 2 лета. И опять Антонии бе 3 лета и съиде на Хутино. И опять Арсении седе в дворе в владычни... И тои осени наиде дождь велик день и нощь... Тогда диавол... вздвиже на Арсениа крамолу велику... и аки злодея пхающе, за ворота выгнашя... и съниде на Хутино. И заутро введоша во двор опять Антониа архиепископа и седев 2 лета, и разболелся велми, а онеме на Алексеев день, бысть в болезни тои не глаголя лет 6 и месяц 7 и 9 дни и преставися» [12, с. 473, 474]. Здесь после «изгнания», длящегося 5 лет и 4 месяца, проходит еще около 6 лет (3 + 2 года правлений Антония и несколько месяцев второго правления Арсения) до начала 6 с половиной лет болезни Антония, что отодвигает дату его смерти на 6745/6746 г. Поэтому следует обратить внимание на то, что в реестре совпадает с летописью: срок 6 лет, 7 месяцев и 9 дней болезни Антония, ее начало в день св. Алексея, предшествующие 2 года правления Антония. Как мы указали, при использовании летописной даты смерти Антония — 8 октября 6740 г.— мы получаем 6733/6734 г. как время начала его болезни и 6731/6732 г. как время начала предшествующего ей его правления. В. Л. Янин пишет: «Если Антоний был нем на протяжении 6 лет 7 месяцев и 9 дней, значит его болезнь случилась 27 февраля 1226 года, что соответствует концу мартовского 6733 года и никак не совпадает с указанной в летописи календарной датой начала его болезни — 17 марта (день св. Алексея). Напротив, к концу мартовского 6733 года относится летописное известие не о болезни, а о начале второго архиепископства Антония...» [1, с. 90] Но срок 6 лет 7 месяцев и 9 дней указан и в реестре «А се архиепископы», и в летописи под 6740 г., реестр и летопись, повидимому, не зависят здесь друг от друга, и «вес» этого срока пока равен «весу» известия о начале в 6733 г. второго правления Антония. То, что с помощью этого срока мы получаем вместо 17 марта 27 февраля как дату начала болезни Антония, не является, по нашему мнению, решающим. Расхождение здесь минимальное, заболеть Антоний мог 27 февраля, а онеметь — 17 марта; кроме того, одна дата может быть дана по юлианскому (христианскому), а другая — по лунному (языческому) календарю [14, с. 63]. Еще существеннее отсутствие каких-либо доказательств того, что поставленный в НПЛ 6733 год, во всяком случае по отношению к известию о возвращении Антония в Новгород из Перемышля, является мартовским. Нет таких доказательств и в книге Н. Г Бережкова [15, с. 262]. Под 6734 г. НПЛ сообщает о смерти архимандрита Савватия 16 апреля, в четверг, что совпадает в 1226 г. [9, с. 176—177], и это свидетельствует о мартовском стиле. Однако битва на Калке происходит здесь «в лето 6732 г.», что свидетельствует об ультрамартовском стиле, поскольку мартовской датой битвы будет пятница 16 июня 6731 г. [9, с. 153; 11, с. 218] Если признать летописную дату смерти Антония — 8 октября 6740 г.— мартовской (чему тоже нет доказательств), после чего она будет соответствовать 8 октября 1232 г., то в этом случае после вычитания 6 лет 7 месяцев и 9 дней начало его болезни приходится на весну 27 февраля 6733/1226 г. или 17 марта — 6734/1226 г., что окажется в соответствии с датировкой послания Симона Поликарпу (если ее ограничить в свою очередь периодом с февраля/марта по май 1226 г.). Отсюда следует, что 8 октября 6740 г.— дата действительно мартовская, а срок 6 лет 7 месяцев и 9 дней — реальный.

Опираясь на эти даты, мы приходим к следующей неожиданной догадке: в летописи при переписывании с источников были переставлены местами реальные даты начала правлений Антония и Арсения: после смерти Митрофана ка-

федру естественным образом — без повторного утверждения — занял вернувшийся из Перемышля Антоний, что произошло летом 6731/1223 г. После того как он заболел весной 6734/1226 г. и уехал в Хутынь, кафедра была занята приехавшим из того же монастыря Арсением. Быть может, Антоний и прислал из Хутыни на кафедру вместо себя хутынского же монаха. В 6736/1228 г. Арсений был изгнан восставшими новгородцами и на его место был возведен уже более 2 лет немой Антоний, которому «в помощь» были приданы два человека. Однако все равно в 6737/1229 г. Антония пришлось заменить Спиридоном, поехавшим — исключений быть не могло — к митрополиту в Киев. В 1223 г., согласно летописи, кафедру «занял» Арсений, а в 1226 г.— «занял» Антоний; в летописи Арсений оказался «нехиротонисанным», т. е. не утвержденным митрополитом, поскольку в 1223/1224 г. он в Киев ездить не мог, а в 1226/1227 г. ездил, но в летописи уже оказался на его месте Антоний. Когда НПЛ под 6733 г. сообщает о возвращении Антония из Перемышля, она не упоминает об отставке Арсения по той причине, что реально Арсений стал архиепископом именно весной мартовского 6733/6734 г. Когда же летопись под 6736 г. сообщает об отставке Антония, она не упоминает о начале правления Арсения по той же самой причине.

Наша перестановка находит подтверждение в некоторых сообщениях источников, не согласующихся с общей их хронологией. Так, Новгородская 3-я летопись — «Книга, глаголемая Летописец Новгородский вкратце церквам божиим...» — под 6734 г. сообщает «...маиа в 3 день заложиша церковь каменну святого Иакова в Неревском конце. Написано в другой ряд из иной книги; а в то время бысть в дому владычни Арсений чернец Хутынский» [16, с. 203], и дается примечание: «В 6734 году новгородским архиепископом был Антоний, а не Арсений». Под 6734 г. в НПЛ записано совещание игумена Св. Георгия Савватия с архиепископом Антонием, имевшее место около 2 марта. Оно предшествовало смерти Савватия 16 апреля 6734/1226 г., в четверг [12, с. 65, 67, 270, 272]. В самом конце записи НПЛ за 6734 г. говорится о заложении церкви Св. Иакова в Неревском конце. Но 6734 год в записи НПЛ — мартовский (16 апреля было четвергом в 1226 г.) [9, с. 176—177] Следовательно, рассмотренная запись за 6734 г. Новгородской 3-й летописи также датируется мартовским стилем и также относится к 1226 г. Но, как мы установили, Антоний оставил епископию и уехал в Хутынский монастырь, откуда прибыл на его место Арсений, 27 февраля или 17 марта 6734/1226 г. Таким образом, в Новгородской 1-й летописи под 6734 г., незадолго до 2 марта, описано, может быть, последнее совещание Антония. Запись же за 6734/1226 г. Новгородской 3-й летописи может быть понята как указание на то, что уже 3 мая этого года Арсений исполнял обязанности архиепископа, хотя не был еще утвержден Киевом.

В. Н. Татищев, знакомый с пропавшими затем летописями, под 6733 г. сообщает: «Антоний архиепископ, уведов о смерти Митрофана, приехал из Перемышля в Новград» [11, с. 219]. Но Митрофан-то умер в 6731 мартовском году! Согласно этой записи, именно Антоний, а не Арсений, сменил Митрофана. То же самое следует из летописи Авраамки под 6731 г.: «Бысть на Калках брань велика... того же лета преставися Митрофан владыка, и пакы прииде Антоний, и возведоша его на владычество» [17, ст. 49].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* К хронологии новгородского летописания первой трети XIII в. // Новгородский исторический сборник. 2 (12). Л.: Наука, 1984.
2. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
3. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1927. Т. 1. Вып. 2.
4. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. 1856. Т. 7.
5. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. 1863. Т. 15.
6. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
7. *Макарий.* История русской церкви. Т. III. СПб., 1868.
8. Повести Древней Руси XI—XII века. Л.: Лениздат, 1983.
9. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М.: Наука, 1981.

10. Лаврентиевская летопись // ПСРЛ. 1846. Т. 1.
11. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М.; Л.: Наука, 1964.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
13. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.
14. *Данилевский И. Н.* Нерешенные вопросы хронологии русского летописания // ВИД. 1983. Вып. XV
15. *Бережков Н. Г* Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
16. Новгородские летописи. СПб., 1879.
17 Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. 1889. Т. 16.

B. Y. VILENCHIK

ON THE MORE PRECISE DATES OF RUSSIAN BISHOPS AND ARCHBISHOPS IN THE 13TH CENTURY

Summary

The dating of the seal containing the name of „Lazarus, bishop of Smolensk" provided by Valentin Yanin in 1984 is revised. Aided by the chronicle of Troitsk the author has ascertained that Bishop Ignaty who preceded Lazarus in Smolensk, was mentioned in the chronicle for the year 1205. It is pointed out that the dismissal of Lazarus which coincided in time with that on Antony, Archbishop of Novgorod, also coincided in time with the letter by Simon, Bishop of Vladimir and Suzdal, to Polucarp dated September 1225- May 1226. Since chronicles cite a diffrent date of Antony's dismissal, the author has been able to point to an error in the chronicle that resulted from the fact the dates of the bishopric of Antony and Arseny, his successor were confused.

Б. Н. ХАРЛАШОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОГОСТОВ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Изучение истории развития средневековых сельских поселений Северо-Западного региона Руси тесно связано с детальнейшим рассмотрением вопроса о времени возникновения, происхождении и развитии погостов. Погосты, являвшиеся административными и культовыми центрами сельской округи, хорошо известны в Новгородской земле. В Псковской земле местное управление также осуществлялось через погосты. В результате многочисленных работ историков и археологов имеется обширная научная литература о происхождении погостов. Специалисты склоняются к мнению, что начало сложению погостской системы на Северо-Западе Руси было положено в X в. [1] Существование погостов в XI—XIII вв. отражено в письменных источниках. Однако разветвленное деление Новгородской земли на погосты-округа с центрами в погостах-местах зафиксировано лишь писцовыми книгами конца XV в., а в Псковской — XVI в. Встает вопрос о том, существует ли преемственность между древнерусскими погостами и погостами писцовых книг, а также — в чем она состоит.

Анализ сведений, почерпнутых из письменных источников, позволяет определить функции погостов и их роль в социально-политической системе Русского государства. Но лишь на основе археологического материала можно проследить эволюцию этого вида поселений.

В последние годы в связи с ростом объема полевых исследований появились новые данные о новгородских погостах. Г С. Лебедев представляет в качестве погоста, возможно, «установленного» Ольгой, изученное им городище Городец под Лугой [2, с. 129] Городец рассматривается исследователем в качестве предшественника Дремяцкого погоста XV—XVI вв., расположенного неподалеку.

Н. И. Платонова предполагает преемственную связь некоторых погостов писцовых книг с полужскими городищами [3, с. 49] В соседней с Новгородской Псковской земле также сложилась погостская система с тем внешним отличием, что погосты-округа получили названия губ [4]. Центрами губ являлись погосты.

До настоящего времени псковские погосты специально не изучались. Общие вопросы, связанные с этой категорией сельских поселений, были затронуты И. Д. Беляевым при рассмотрении административно-территориального деления Псковской земли [5, с. 11—20]. Н. Н. Суворов, занимаясь вопросами Псковского церковного землевладения, опубликовал перечень губ, характеризовал погосты как центры этих территориальных подразделений [6, с. 249—252]. Псковские губы с центрами в погостах привлекались к исследованию в связи с обзором размещения феодального землевладения в «Аграрной истории Северо-Запада России» [7, с. 87]

Отсутствие специальных исследований о псковских погостах вызвано тем обстоятельством, что письменные источники крайне скупо отражают существование этих поселений. Одно из самых ранних упоминаний термина «погост» в

---

[1] Имеется в виду летописное известие о поездке княгини Ольги по северным землям в 947 г [1, с. 47]

© Б. Н. Харлашов, 1990 г.

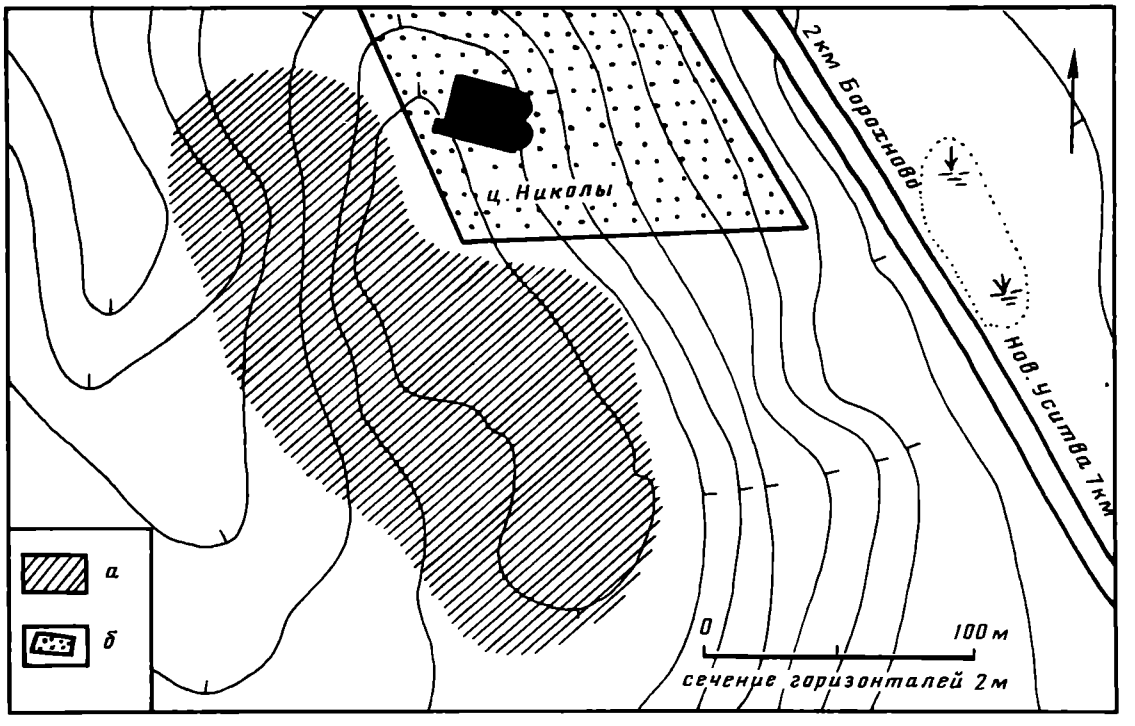


Рис. 1. Селище на Смолинском погосте. *а* — селище; *б* — кладбище

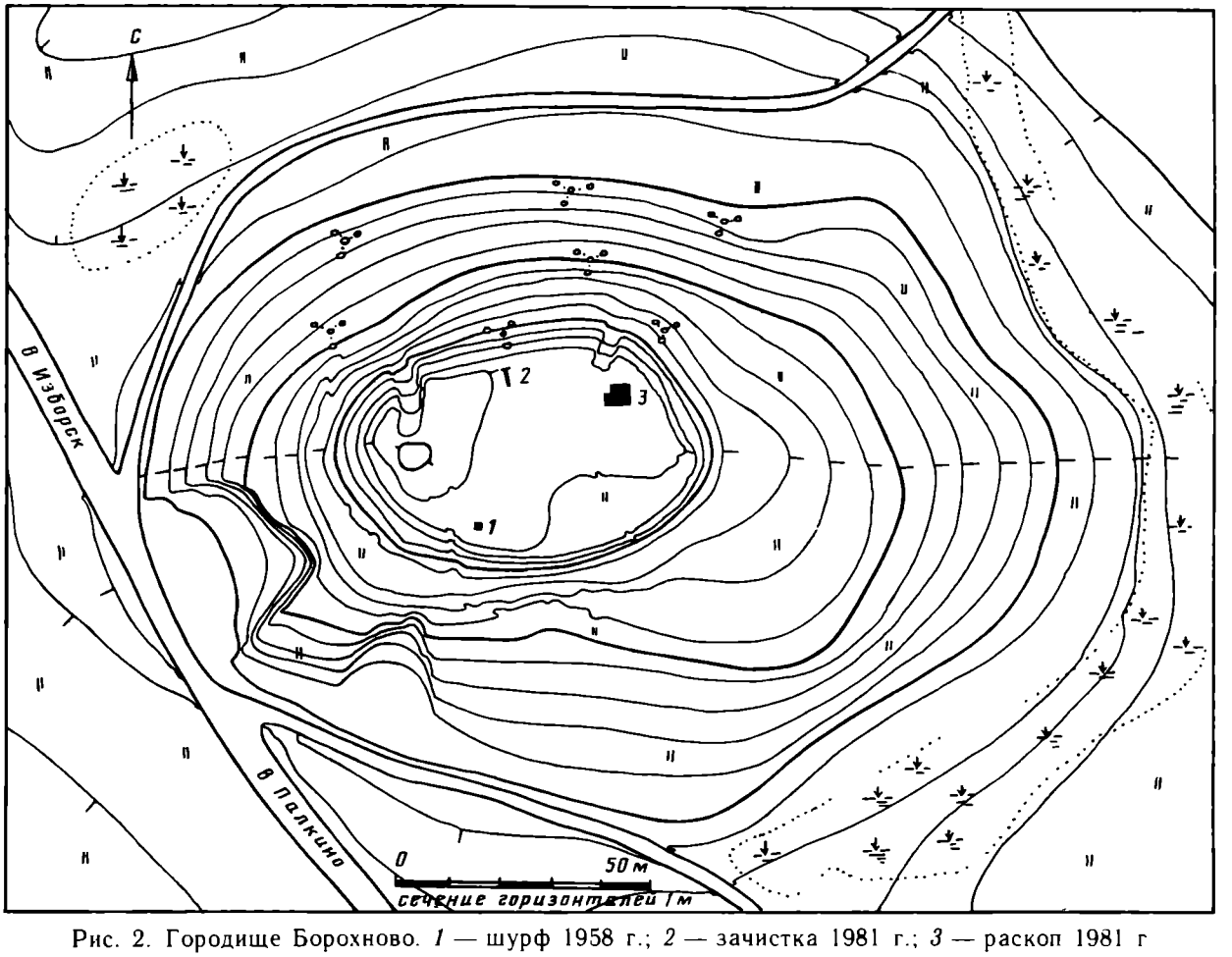


Рис. 2. Городище Борохново. *1* — шурф 1958 г.; *2* — зачистка 1981 г.; *3* — раскоп 1981 г

псковских летописях относится к 1348 г. [8, т. 1, с. 12]. Названия отдельных погостов встречаются в актах XIV—XV вв. [9, № 3—6, 25, 29, 30], а позже в писцовых книгах [4]. Таким образом, решающая роль при характеристике погостов отводится полевым археологическим исследованиям. Сопоставление материалов, полученных археологами при обследовании самих погостов, с материалами обследования их округи (губы) проливает свет на такие принципиально важные вопросы, как происхождение, время возникновения и облик центров сельской округи. Рассмотрим результаты археологических работ на некоторых псковских погостах и в их окрестностях.

Смолинский погост находился в 20 км южнее г. Изборска, у истока р. Смолинка, вытекающей из Смолинского озера. Близ погостской церкви Николы открыто большое, в 4—5 раз превыщающее по размерам окрестные селище площадью ~3 га (рис. 1). Культурный слой (0,4 м) распахивается. Он потревожен пашней на всю глубину, раскопки на погосте не производились. Самые ранние фрагменты керамики, найденные на селище, относятся к XIV в. В это же время погост впервые отмечен в письменных источниках [9, № 14, 15, 30, 31].

Основная масса памятников археологии в окрестностях Смолинского погоста относится к первой половине нашего тысячелетия — это селища, курганные и жальничные могильники, каменные кресты. Несомненно, погост являлся центром хорошо освоенной и обжитой территории. В 2 км от Смолинского погоста находится Борохновское городище. Территориальная близость городища и погоста наводит на мысль об их связи. Рассмотрим подробнее результаты археологического изучения городища, поскольку они имеют непосредственное отношение к истории Смолинского погоста как центра округи.

Борохновское городище расположено на останце высотой 17—18 м близ Смолинского озера (рис. 2). В древности у его основания протекал ручей. Памятник был открыт И. К. Голуновой при обследовании среднего и нижнего течения р. Кудебь. Шурфовка, проведенная исследователем в южной части площадки городища, выявила на глубине 0,45—1 м мощный слой обожженной глины [10].

В 1970 г. городище было осмотрено В. В. Седовым в числе других псковских городищ. Культурный слой не изучался [11, с. 29].

Исследование городища было продолжено автором настоящей статьи в 1981 г Площадка городища (~1800 м^2) имеет овальную форму, хорошо задернована, но сильно изрезана траншеями и ямами военного времени. Ров и вал на городище отсутствуют. В верхней части холма хорошо видны следы искусственной подрезки склона, увеличивающей крутизну подъема на площадку.

Для выяснения стратиграфии культурного слоя была зачищена стенка одной из ям в северной части площадки: под темно-серым слоем (толщина 0,3—0,4 м) идет плотный слой обожженной глины мощностью от 0,1 до 0,6 м (увеличивающийся к краю площадки городища), под ним — углистый слой (0,07—0,15 м) с крупными кусками обугленной древесины, ниже — слой обожженной глины (0,15—0,2 м), под которым над самым материком прослежена тонкая (0,02—0,04 м) углистая прослойка (рис. 3, *а*).

Неподалеку от зачистки был заложен небольшой разведочный раскоп (20,5 м^2). Под темно-серым рыхлым слоем почти по всей площади раскопа, за исключением юго-западного угла, открылся мощный слой обожженной глины. На свободном от глины участке удалось расчистить печь-каменку хорошей сохранности. Печь была сложена из мелкого булыжника, под печи оконтуривали крупные камни (рис. 4). Печи подобной конструкции исследованы на поселении, примыкавшем к городищу Кентескалнс под Ригой [12, с. 103]. Раскопки Изборского городища показали, что на рассматриваемой территории печи-каменки приходят на смену глинобитным, каменно-глиняным печам и очагам не ранее X в. [13, с. 155]

Изучение культурных напластований в раскопе позволило выделить два строительных горизонта (см. восточный профиль, рис. 3, *б*). Нижний горизонт представляет собой мощный слой пожара, перекрытый обожженной глиной.

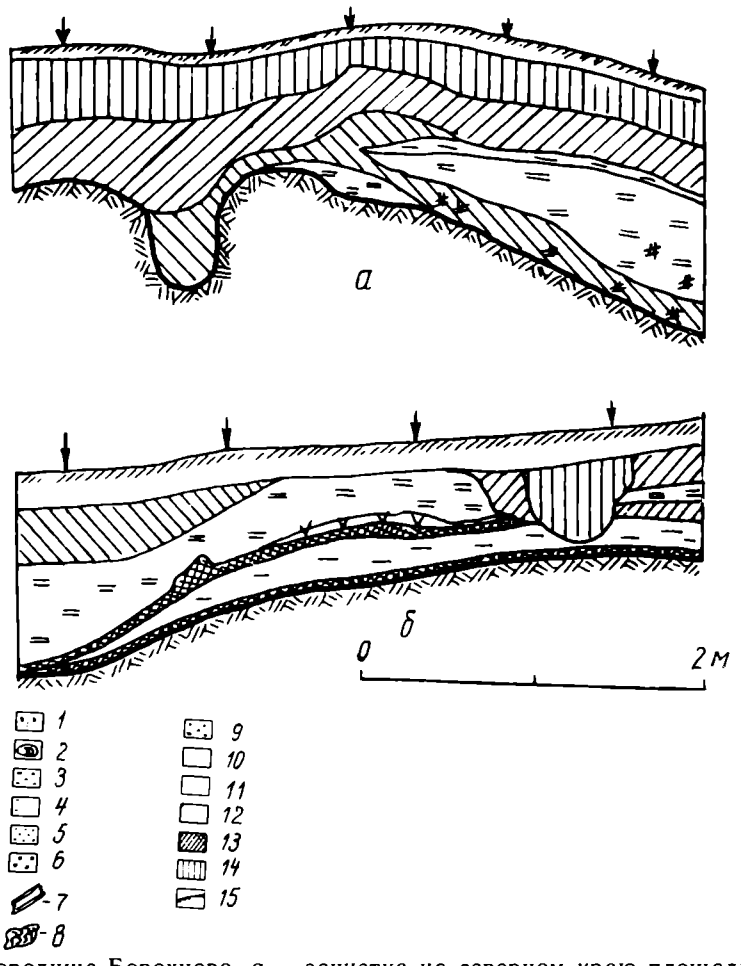


Рис. 3. Городище Борохново. *а* — зачистка на северном краю площадки; *б* — профиль восточной стенки раскопа. *1* — дерн; *2* — булыжник; *3* — обожженная глина; *4* — необожженная глина; *5* — зола; *6* — уголь; *7* — бревно; *8* — береста; *9* — известь; *10* — песок; *11* — темный слой; *12* — темно-серый слой; *13* — углистый слой; *14* — перекоп; *15* — материк

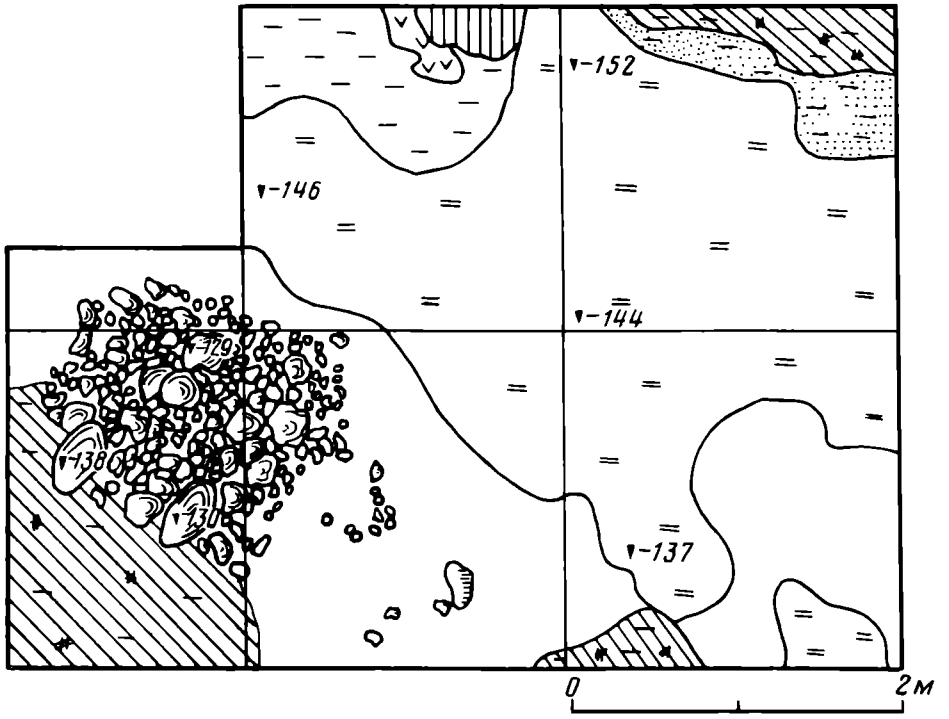


Рис. 4. Городище Борохново. Печь-каменка и слой обожженной глины верхнего горизонта (условные обозначения те же, что и для рис. 3)

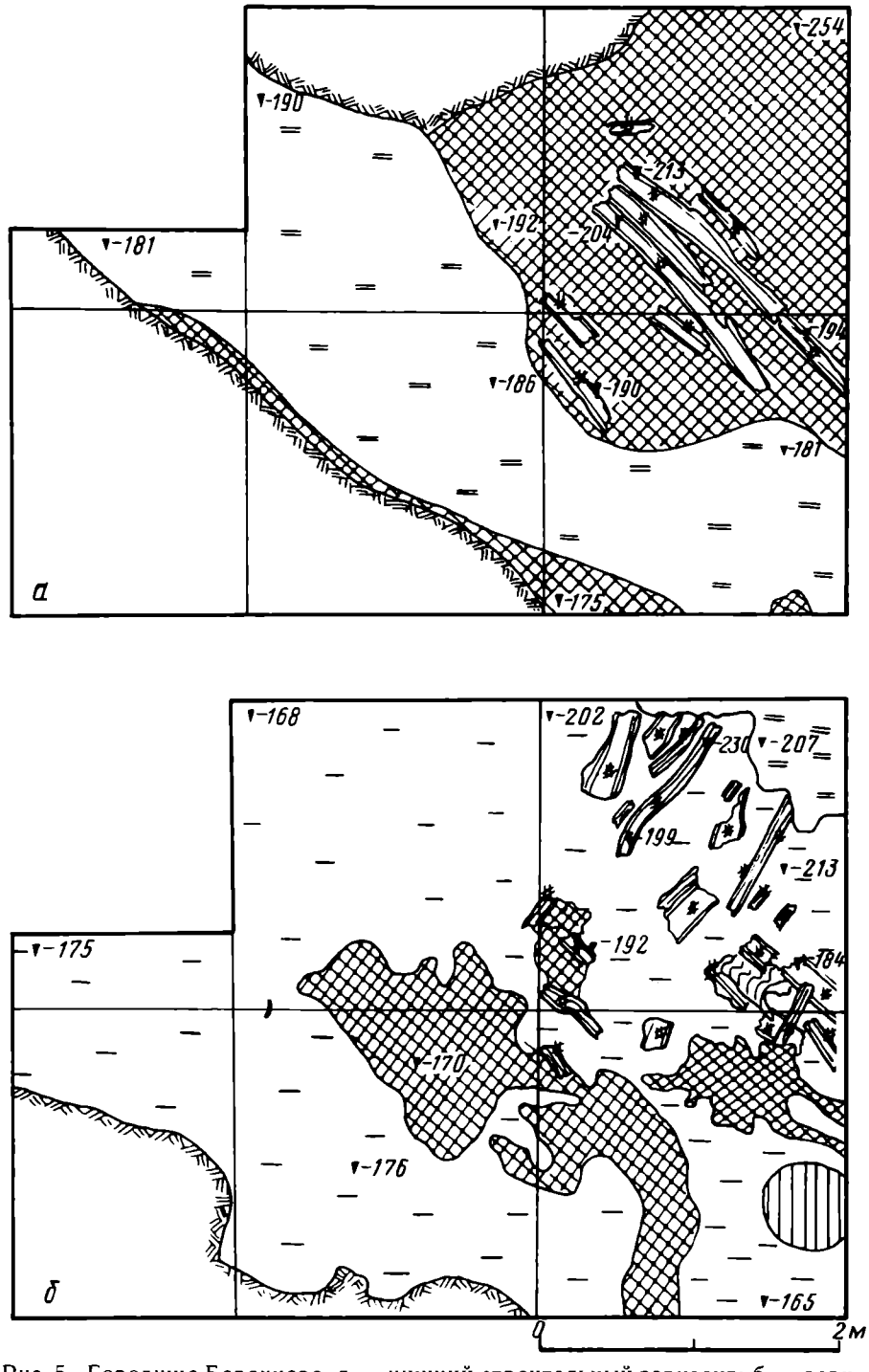


Рис. 5. Городище Борохново. *а* — нижний строительный горизонт; *б* — верхний строительный горизонт; слой пожара

В слое пожара сохранились крупные фрагменты обугленных бревен, ориентированных параллельно краю площадки городища (рис. 5, *а*). Слой пожара и обожженная глина — это следы первоначального поселения на городище. Нижний и верхний горизонты разделяет необожженная глина, попавшая сюда, видимо, в процессе выравнивания площадки под новое строительство. В ней содержится материал времени функционирования сооружений нижнего горизонта. Над необожженной серо-желтой глиной — новый слой пожара (рис. 5, *б*) и перекрывающий его мощный (до 0,6 м) слой прокаленной глины (рис. 4). Перечисленные слои образуют верхний строительный горизонт. Обугленные брев-

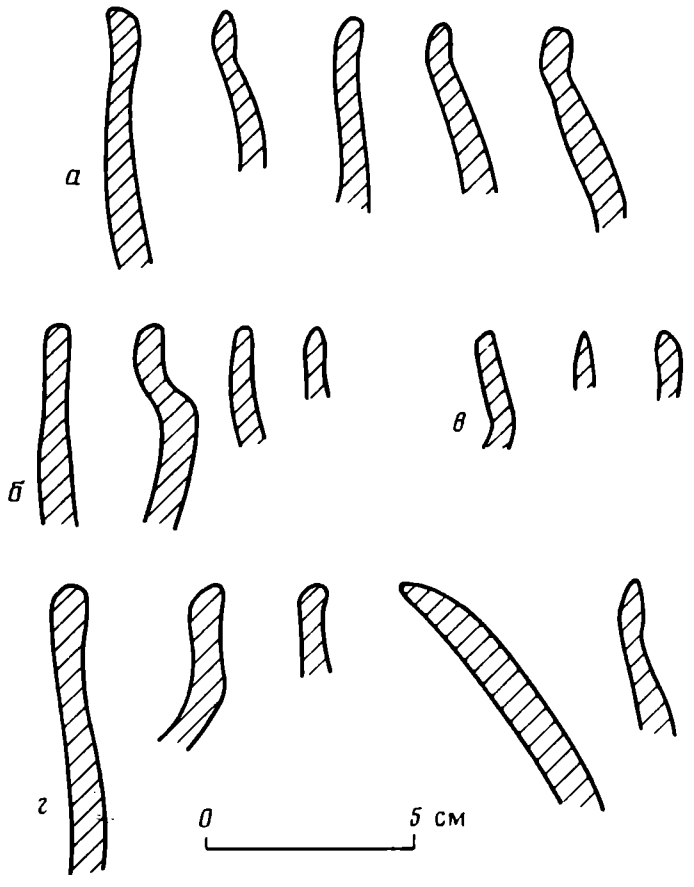


Рис. 6. Лепная керамика Борохновского городища. *а* — из печи-каменки; *б* — из слоя пожара верхнего горизонта; *в* — фрагменты чаш с подлощенной поверхностью; *г* — из нижнего горизонта

на в верхнем пожарище, как правило, перпендикулярны краю площадки, а прокаленная глина зафиксировала их диаметры (~0,18 м).

Большую часть находок составляет мелкофрагментированная лепная гладкостенная керамика. В верхнем строительном горизонте, к которому следует отнести и печь-каменку, найдены фрагменты горшков тюльпановидной и баночной форм, сосудов с «уступом» на плечике и коротким вертикальным венчиком (рис. 6, *а, б*), фрагменты чаш с подлощенной поверхностью (рис. 6, *в*). Керамика подобных форм имеет аналогии в нижних слоях Изборского и Псковского городищ, а также на некоторых памятниках Юго-Восточной Эстонии [14, с. 65; 15, с. 6; 16, с. 351].

Среди керамических находок нижнего горизонта кроме перечисленных форм присутствуют фрагменты округлобоких сосудов с загнутым внутрь верхним краем (рис. 6, *г*). Отсутствие целых форм затрудняет их точное определение, однако представляется возможной реконструкция горшков, сходных с типом «6 *б*» лепной керамики Тимеревского поселения [17, с. 114] При исследовании культурного слоя близ печи-каменки найдены глиняное биконическое пряслице с широким каналом и точильный камень.

Характер чередования слоев обожженной глины и пожаров, а также размещение и ориентировка фрагментов обугленных бревен позволяют предположительно реконструировать наклонный бревенчатый настил, промазанный сверху глиной. Материалы шурфовки 1958 г и зачистки 1981 г. в сочетании с раскопками и осмотром ям свидетельствуют о том, что это сооружение проходило по периметру площадки и являлось составной частью ее укрепления. Подобные конструкции прослежены археологически на некоторых городищах Смоленщины [18, с. 60]. Судя по результатам проведенных исследований, городище возникло не ранее середины I тыс. н. э. и погибло вследствие пожара в конце I тыс. н. э.

Археологические памятники, синхронные поселению на городище, в его окрестностях неизвестны, за исключением двух небольших групп длинных и полусферических курганов у деревень Бунгино и Кузнеченки. Раскопанные в 20-е годы нашего века полусферические курганы с трупоположениями и бронзовыми украшениями близ Смолинского погоста, по-видимому, относятся к первым векам II тыс. н. э. [19, с. 34].

В начале II тыс. Борохновское городище выполняло функции убежища для населения окрестных селищ. Одно из них располагалось у подошвы городищенского холма [20]. О существовании на городище укрепления свидетельствует частокольная канавка, открытая исследованиями 1958 и 1981 гг. Ее ширина достигает 0,6 м при глубине 0,6—0,9 м от уровня дневной поверхности. Очевидно, частокол был составлен бревнами значительных размеров. Это сооружение нарушало более ранние напластования второй половины I тыс. н. э., что хорошо видно в зачистке и восточном профиле раскопа (рис. 3, *а, б*). Канавка прослежена по периметру площадки в 2—3 м от ее края. В заполнении канавки найдены фрагменты гончарной керамики первой половины II тыс. Однако малое количество находок и отсутствие ярко выраженного культурного слоя этого времени не позволяют атрибутировать городище начала нашего тысячелетия как поселение. Предположение о функционировании здесь городища-убежища подтверждается письменными источниками. В акте XV в. на этой территории упомянуты «городские Затвористые ворота», вполне отождествимые с укреплением на городище [9, № 27, с. 65]

В результате археологического обследования Смолинского погоста и Борохновского городища можно сделать несколько выводов, касающихся высказанного предположения об их взаимосвязи.

1. Во второй половине I тыс. н. э. городище Борохново как единственное в округе укрепленное поселение, несомненно, выполняло функции ее центра.
2. После гибели поселения городище-убежище Борохново, вероятно, функционировало в качестве укрытия от врагов. Таким образом, функция центра округи частично сохраняется.
3. Смолинский погост с церковью возникает вблизи городища не ранее чем три столетия спустя после гибели поселения на нем и непосредственно не связан преемственностью с древним очагом жизни.

В 6 км западнее Пскова, рядом с древним городищем Камно (Камень), располагался Каменский погост.

При раскопках городища Камно выяснилось, что нижняя часть культурного слоя относится к VIII— началу X в. [21, с. 14, 16]. Стратиграфия культурных напластований и анализ вещевого материала показывают, что поселение после запустения в X в. возрождается не ранее второй половины XII—XIII вв. [22, с. 95] К. М. Плоткин, занимавшийся изучением городища, связывает прекращение жизни на нем с тем временем, когда часть родоплеменных центров гибнет, а часть перерождается в древнерусские города [23, с. 165]. Археологические данные подтверждаются сведениями, почерпнутыми из псковских летописей, в которых топоним «Камень» впервые употреблен под 1237 г. [8, т. 1, с. 13] Впоследствии Камень периодически встречается как в летописях, так и в актовом материале [9, № 3—6, 29] Возродившееся в XII—XIII вв. поселение явилось основой для возникновения Каменского погоста с церковью Георгия — центра Каменской губы Завелицкой засады [4, с. 138—139] Вопрос о том, являлось ли новое поселение погостом с момента его возникновения, остается открытым, однако хронологический разрыв между первым и позднейшим поселениями на Камно, падающий на X—XII вв., полностью стирает предположение о преемственной связи между ними.

Одним из топографически совпавшим с раннесредневековым поселением на рассматриваемой территории являлся Колбежицкий погост, располагавшийся в 15 км восточнее Смолинского, на берегу р. Великая.

Вблизи погостской церкви Покрова открыто селище общей площадью

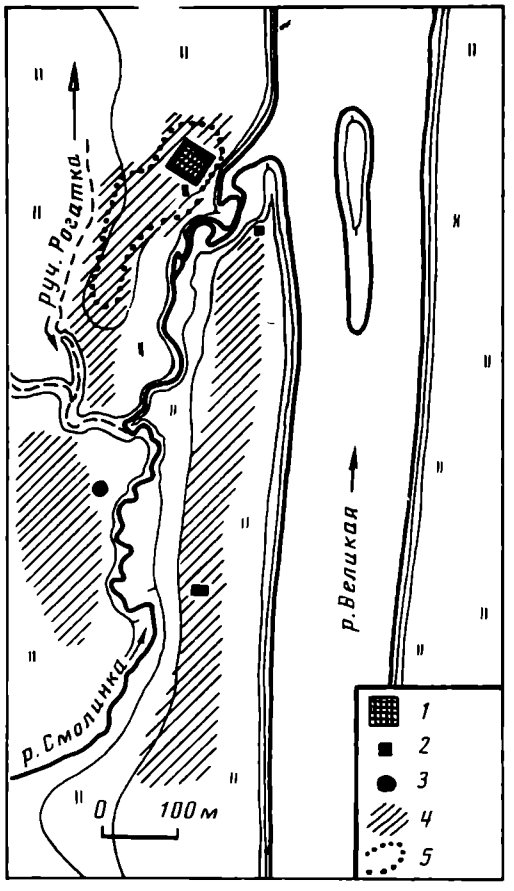


Рис. 7 Селище на Колбежицком погосте. *1* — место расположения погостской церкви; *2* — раскопы 1982—1983 гг.; *3* — поклонная горка; *4* — культурный слой селища; *5* — распространение керамики XIV—XVI вв.

~ 10 га. Оно занимает оба берега р. Смолинка у места впадения ее в р. Великую и разделено ручьем Рогатка, впадающим в Смолинку (рис. 7). Река и ручей делят селище на три приблизительно равных по площади участка. На стыке участков селища, в устье ручья Рогатка, находится поклонная горка, которую местные жители называют «Мокрый Илья». Ее диаметр — 16 м, а высота — 0,8 м. Траншея на склоне горки показала, что она целиком насыпана культурным слоем близлежащего селища с керамикой XII—XIII вв.

Мощность культурного слоя на Колбежицком селище достигает 0,8 м, верхняя его часть нарушена пашней. В результате небольших раскопок (76 м^2), проведенных на различных участках селища и сбора подъемного материала, оказалось, что междуречье рек Великая и Смолинка близ места их слияния было заселено уже в середине I тыс. н. э. В предматериковом слое здесь найдены фрагменты лепной посуды с «текстильным» орнаментом, широко распространенной в ареале финно-угорских племен и исчезающей в середине I тыс. н. э. [24, с. 14]. Эта керамика составляет ~3% от общего числа фрагментов лепной гладкостенной посуды второй половины I тыс. н. э. (рис. 8, *а*). Найдено несколько фрагментов сосудов с подлощенной поверхностью. В целом формы лепной керамики аналогичны встречающимся на славянских городищах в Изборске и Пскове [25, с. 56—57]

В древнерусское время площадь селища достигла наибольшей величины и в 15 раз превышала размеры рядового селения в округе. На всех участках селища встречены фрагменты гончарной орнаментированной керамики XI—XIII вв. (рис. 8, *б*). Керамика более позднего времени (XIV—XVI вв.) локализована на ограниченной территории близ погостской церкви Покрова (рис. 7, 8, *в*). Видимо, это и есть следы Колбежицкого погоста — центра одноименной губы, упоминаемого в письменных источниках XV—XVI вв. [9, № 25; 4, с. 153]

Основываясь на материалах обследования Колбежицкого селища, приходим к следующим выводам.

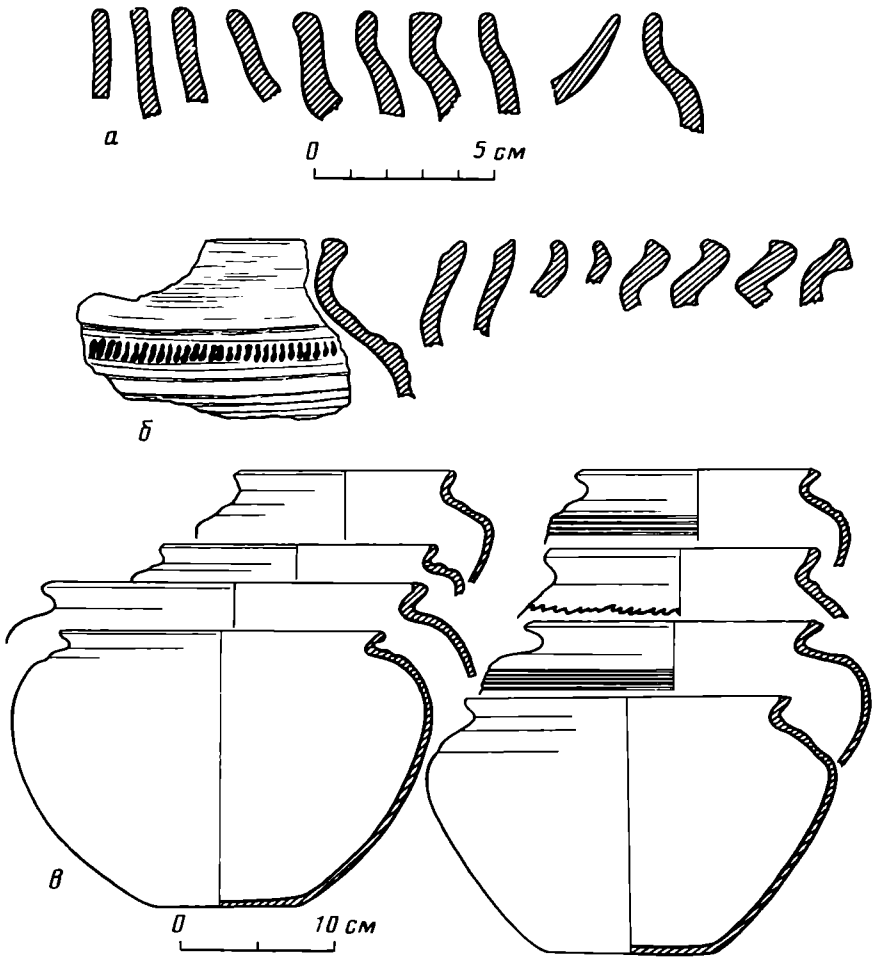


Рис. 8. Керамика Колбежицкого селища. *а* — лепная керамика второй половины I тыс. н. э.; *б* — древнерусская гончарная керамика; *в* — «погостская» керамика XIV—XV вв.

1. Колбежицкое поселение возникло на местной финно-угорской основе.

2. В древнерусское время поселение достигло огромных по сравнению с окрестными селищами размеров и, вероятно, выполняло функции общинного и религиозного центра.

3. Колбежицкий погост возникает на окраине древнерусского поселения после прекращения на нем интенсивной жизнедеятельности либо на последнем ее этапе, о чем свидетельствует резкое сокращение площади поселения. Становление погоста знаменовалось постройкой церкви, т. е. организацией нового культового центра.

Кроме перечисленных — Смолинского, Каменского и Колбежицкого погостов было обследовано еще шесть. Раннесредневековые поселения, которые могли бы послужить основой для их формирования, не выявлены. Время возникновения этих погостов определяется ранними датами селищ близ погостских церквей. Наличие многих общих черт исключает необходимость характеризовать каждый из этих погостов в отдельности. Подведем лишь общие итоги обследования.

К церкви на Новоуситовском погосте примыкает большое (~3 га) селище, культурный слой которого датирован на основании находок керамики не ранее XIV в. Чирской, Уситовский Старый, Михайловский, Муравейский и Староусицкий погосты находились на берегах рек. Рядом с погостскими церквями открыты небольшие селища, самая ранняя керамика на которых может быть от-

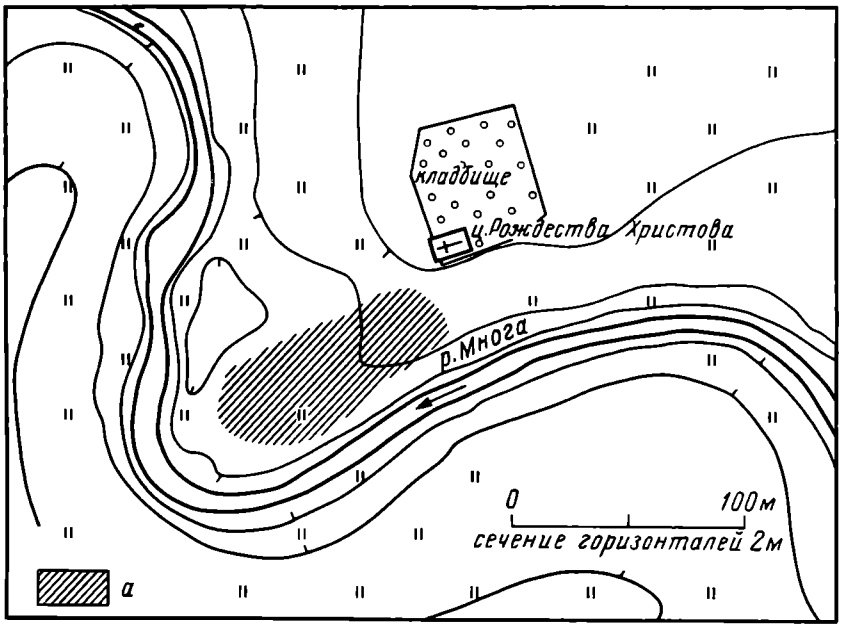


Рис. 9. Чирской погост. *а* — культурный слой селища

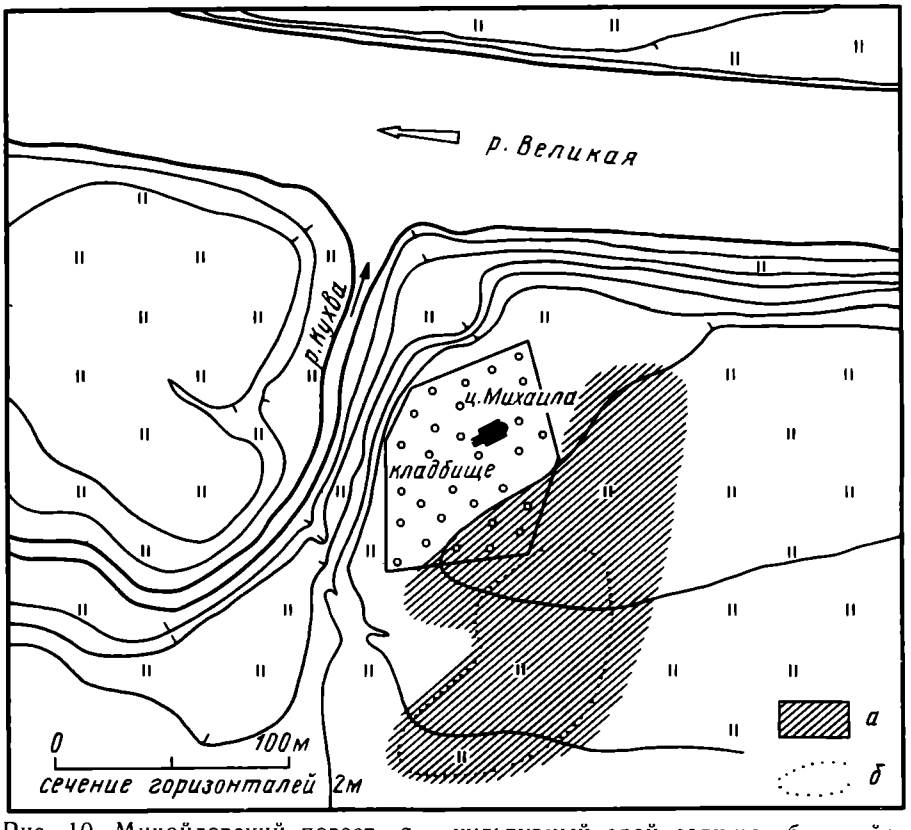


Рис. 10. Михайловский погост. *а* — культурный слой селища; *б* — район наибольшей концентрации подъемного материала

несена к XIV—XV вв.[2] Очевидно, в это время и возникли перечисленные погосты (рис. 9, 10).

Выводы о времени возникновения погостов, сделанные на археологическом материале, подкреплены данными из псковских летописей и актов. Первые сведения о Чирском погосте относятся к 1420 г. [8, т. 1, с. 34; 8, т. 2, с. 37] Уситов-

[2] Мощность культурного слоя на селищах, как правило, не превышает 0,4 м, площадки распахиваются. Основой для датировки послужил подъемный материал.

ский Старый впервые упомянут под 1470 г. [8, т. 2, с. 171] [3]. Муравейский и Староовсицкий погосты появляются на страницах письменных источников только в XVI в. [8, т. 2, с. 243].

Внешне некоторые погосты XIV—XVI вв. представляли собой церковь, к которой примыкали усадьбы церковников и, возможно, представителей других социальных групп. Об этом свидетельствуют небольшие по размерам селища, обнаруженные вблизи погостских церквей (Чирской, Муравейский и др.). Другие сельские административные и религиозные центры — это довольно крупные поселения с погостскими церквями. Примером таких погостов могут служить Новоуситовский и Смолинский. Подобные различия наблюдаются и среди новгородских погостов. Согласно подсчетам авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», большая часть погостов-мест в Новгородской земле имела менее 10 дворов, но встречались и крупные погосты [26, с. 83, 117]. По-видимому, уже в XIV—XVI вв. начало формироваться понятие погоста как церкви с усадьбами священника и причта, закрепленное в XIX в. [27, с. XXXI]

Дальнейшее изучение псковских погостов позволит уточнить дату образования погостской системы в Псковской земле. По имеющимся в настоящее время данным, этот процесс начался не ранее XIV в.

Возникновение погостской системы в Псковской земле не было обособленным явлением. Исследование сельских поселений в округе Изборска показало, что в XIV— начале XV вв. значительная часть древнерусских селищ приходит в запустение. В то же время возникают новые поселения как в прежних топографических условиях (по берегам рек и озер), так и на водоразделах, не освоенных ранее. Подобные изменения наблюдаются и в других частях Псковской земли [28, с. 100] Широкая колонизация необжитых земель в середине II тыс. н. э. имеет объективные причины, заключающиеся в социально-экономическом развитии региона, в эволюции культуры землепользования [29, с. 101; 30, с. 50]. С возникновением новой группы селищ возникают и погосты — новые центры сельской округи.

Каковы же итоги предварительного изучения псковских погостов. Во-первых, часть погостов возникает в непосредственной близости от раннесредневековых крупных поселений, после прекращения на них активной жизнедеятельности и представляет собой новый этап в развитии центров округи. Территориальную близость старых поселений и некоторых погостов, вероятно, следует объяснить сохранением традиции расположения культового и административного центра округи. Эти погосты находятся, как правило, в зонах скопления археологических памятников. Предположение о преемственной связи погостов писцовых книг с древнерусскими центрами округи, высказанное в ряде работ по результатам археологических изысканий в Верхнем Полужье [3, с. 49] и Мстинско-Моложском междуречье [31, с. 8], на псковских материалах не подтверждается.

Во-вторых, появившиеся в XIV—XV вв. погосты — это административно-религиозные комплексы, включавшие погостскую церковь, усадьбы священника и причта, не равнозначные центрам старых территориальных общин, что подчеркивал Б. А. Романов [32, с. 368]. Функции погостов XIV—XVI вв. известны по письменным источникам и хорошо изучены [33, с. 58; 34, с. 4—5].

Археологические материалы в сочетании со сведениями, содержащимися в письменных источниках, полностью подтверждают высказывание А. Н. Насонова об ином происхождении погостов писцовых книг по сравнению со старыми, древнерусскими [35, с. 96].

В-третьих, образование погостов в Псковской земле не было изолированным процессом и сопровождалось «угасанием» жизни на древнерусских селищах, возникновением новых, а также широким освоением не заселенных ранее территорий. К этому же времени относится окончательное оформление административно-территориального деления Псковской земли.

[3] Необходимо уточнить, что из летописи не совсем ясно, о каком погосте идет речь — об Уситовском Старом или Новоуситовском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 2.
2. *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977
3. *Залевская Н. И.* К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
4. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. М., 1913.
5. *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. Кн. 3. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867.
6. *Суворов Н. С.* Псковское церковное землевладение XIV—XVI вв. // ЖМНП. 1905. Ч. CCCLXII.
7. Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л.: Наука, 1978.
8. Псковские летописи / Ред. Насонов А. Н. Т. 1—2. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1955.
9. *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.
10. *Голунова И. К.* Отчет о разведке в Палкинском районе Псковской области в 1958 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1865.
11. *Седов В. В.* Разведки в Псковской области // АО—1970. М., 1971.
12. *Stubavs A.* Kentes Pilskalns un Apmetne. Riga: Zinatne, 1976.
13. *Седов В. В.* Некоторые итоги раскопок в Изборске // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
14. *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. Вып. 155.
15. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. Вып. 160.
16. *Аун М. Э.* Лепная керамика городищ и селищ Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. // Изв. АН ЭССР. 1976. Т. 25. № 4.
17. *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
18. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Изд-во АН СССР, 1963.
19. *Кошевский Б. А.* Отчет о палеэтнологическом обследовании в Псковском округе в 1928 году // Архив ЛОИА: Ф. 2. 1928, № 117.
20 *Артемьев А. Р.* Отчет о разведке в Изборской округе // Архив ИА АН СССР Р-1, № 7038.
21. *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно // КСИА. 1974. Вып. 139.
22. *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. 1977 Вып. 150.
23. *Плоткин К. М.* Псков и его округа в конце I тысячелетия н. э. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
24. *Аун М. Э.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на юго-востоке Эстонии: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛОИА, 1979.
25. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
26. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV— начало XVI в. Л.: Наука, 1971.
27 Санктпетербургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года. СПб., 1864.
28. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М., Станюкович А. К., Фролов В. П., Шишкин К. В.* Сельское расселение на Северо-Западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука, 1985.
29. *Пьянков А. П.* Сельская община Северо-Восточной Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
30. *Шапиро А. Л* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977
31. *Харитонов Г. В.* О времени возникновения и эволюции погостов на территории Мстинско-Моложского междуречья // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974.
32. *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
33. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л.: Наука, 1980.
34. *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
35. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

B. N. KHARLASHOV

ON THE EMERGENCE OF POGOSTS IN THE PSKOV LAND

Summary

Historians regard pogosts as administrative and religious centres of small territorial units that existed between the 14th and 16th centuries. Written sources provide little information about such centres in the Pskov land, so historians have to rely on archaeological finds when probing into their history. The studies of some of the pogosts and the adjacent regions showed that they emerged close to early mediaeval large settlements when life there began to subside. As a rule, the pogosts are found in the zones of high concentration of archaeological sites; still the surmise that the pogosts of the middle of the second millennium A. D. arose where early Russian administrative centres had been before them find no confirmation in the Pskov materials. The pogosts of the 14th-16th centuries were administrative and religious units, a new stage in administrative development. The continued tradition of citing the local religious and administrative centres is, prodably, responsible for the fact that some pogosts were situated close to the earlier settlements. The system of pogosts in the Pskov land developed together with the decline of the old and emergence of new settlements.

В. А. БАШИЛОВ, К. А. РОДРИГЕС, Э. САЛЬГАДО ЛОПЕС

ИССЛЕДОВАНИЯ ДОИСПАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАБО ДЕ ЛА ВЕЛА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ КОЛУМБИИ

Территория современной Колумбии до испанского завоевания являлась ядром культурно-исторической Промежуточной области, лежавшей между Мезоамерикой и Центральными Андами — двумя областями древнеамериканских цивилизаций. Как свидетельствуют письменные источники времен конкисты, ее население лишь в отдельных случаях подошло к рубежу классового общества. Эта территория была одновременно и ядром Колумбийского центра древней металлургии Нового Света, характеризовавшегося высоким уровнем металлообработки, использованием тумбаги — сплава золота с медью, по своим качествам эквивалентного бронзе, и широким распространением техники литья по утраченной восковой модели.

До последнего времени Колумбия оставалась страной, археологически слабо изученной. Ее древности были известны главным образом по богатейшим коллекциям золотых изделий и художественной керамики в музеях и частных собраниях как в самой Колумбии, так и за ее пределами. Эти вещи были добыты профессиональными грабителями могил — «уакерос» и обычно не имели научного паспорта. Однако то, что они распадаются на достаточно четкие стилистические группы, связанные с определенными районами, позволило выделить на территории Колумбии ряд археологических зон (рис. 1), которые в литературе иногда называли «культурами» [1, 2].

Со второй половины 70-х годов значительно активизировались полевые исследования, в основом колумбийских археологов. Полученные результаты еще не систематизированы в масштабе всей страны, но уже сейчас можно говорить о расслоении некоторых традиционных «культур» на хронологические и территориальные комплексы (см., например, [3, 4]).

Подобное явление наблюдается и в археологии зоны Калима, находящейся в среднем течении р. Каука (бассейн Атлантического океана) и в центре невысокого горного массива Западной Кордильеры, в верхней части долин рек Калима и Дагуа, принадлежащих к Тихоокеанскому бассейну. Это одна из богатейших археологических зон Колумбии, известная как золотыми украшениями, так и интереснейшей фигурной керамикой.

Научные исследования начались здесь в 30-х годах, когда шведский археолог С. Г Вассен раскопал несколько катакомбных могил в районе г Рестрепо в Западной Кордильере [5]. В последующие годы полевые работы в этом районе велись от случая к случаю [6—10] В середине 40-х годов работы Дж. А. Форда позволили говорить о существовании различных территориальных и, вероятно, хронологических комплексов в долине Кауки, несколько южнее рассматриваемого нами района [11]. В середине 60-х годов, работая в окрестностях г Йотоко, У Брей и М. Э. Мосли стратиграфически выделили три последовательных хронологических комплекса: Йотоко, Сонсо и Моральба [12] Из них два первых послужили в дальнейшем основой для периодизации древностей всего района, включая и горные долины за водоразделом Западной Кордильеры.

С 1979 г. в зоне Калима работает совместная колумбийско-британская экспе-

© В. А. Башилов, К. А. Родригес, Э. Сальгадо Лопес, 1990 г.

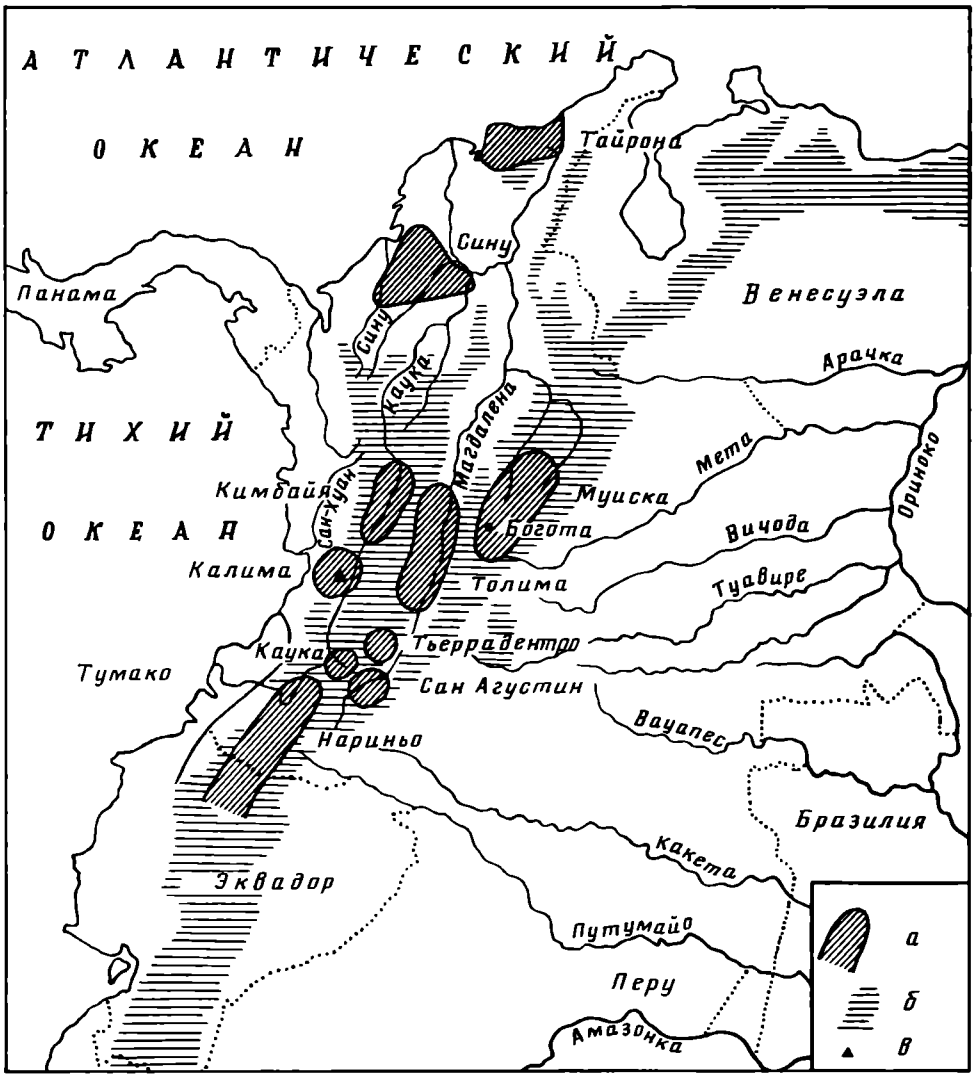


Рис. 1. Археологически зоны Колумбии (по К. Пласас де Ньето и А. М. Фальчетти де Саенс): *а* — археологические зоны; *б* — горные массивы; *в* — Кабо де ла Вела

диция под руководством У Брея. Ее основные задачи: разработка хронологии, ограниченные раскопки древних поселений и изучение экологического фона их существования [13, с. 7—8; 14, с. 385—387] В последние годы экспедиция сосредоточила работы вблизи Рестрепо, где были заложены траншеи и шурфы на ряде жилых платформ, на древних полях и дорогах. Кроме того, исследовался ряд погребальных памятников [14—18].

Специфические задачи экспедиции У Брея, делавшей основной упор на изучение палеоэкологии, и в частности древних почв, обусловили и методику раскопок жилых памятников небольшими шурфами и траншеями, не дававшими представления об их планировке и конструкции жилищ. В ходе работ была уточнена периодизация древностей этого района, включающая три периода: Илама (Ранняя Калима), Йотоко и Сонсо.

В 1983 г. в зоне Калима были проведены совместные раскопки Вальекаукан-ского института научных исследований (г. Кали) и Института археологии АН СССР [1] Для раскопок было выбрано поселение доиспанского времени — Кабо

[1] С колумбийской стороны работу вели К. А. Родригес и Э. Сальгадо Лопес, с советской стороны — В. А. Башилов. В раскопках также участвовали археологи О. Осорио Гонсалес и Х. Гутьеррес. Это были первые археологические исследования на территории Южной Америки с участием советского специалиста.

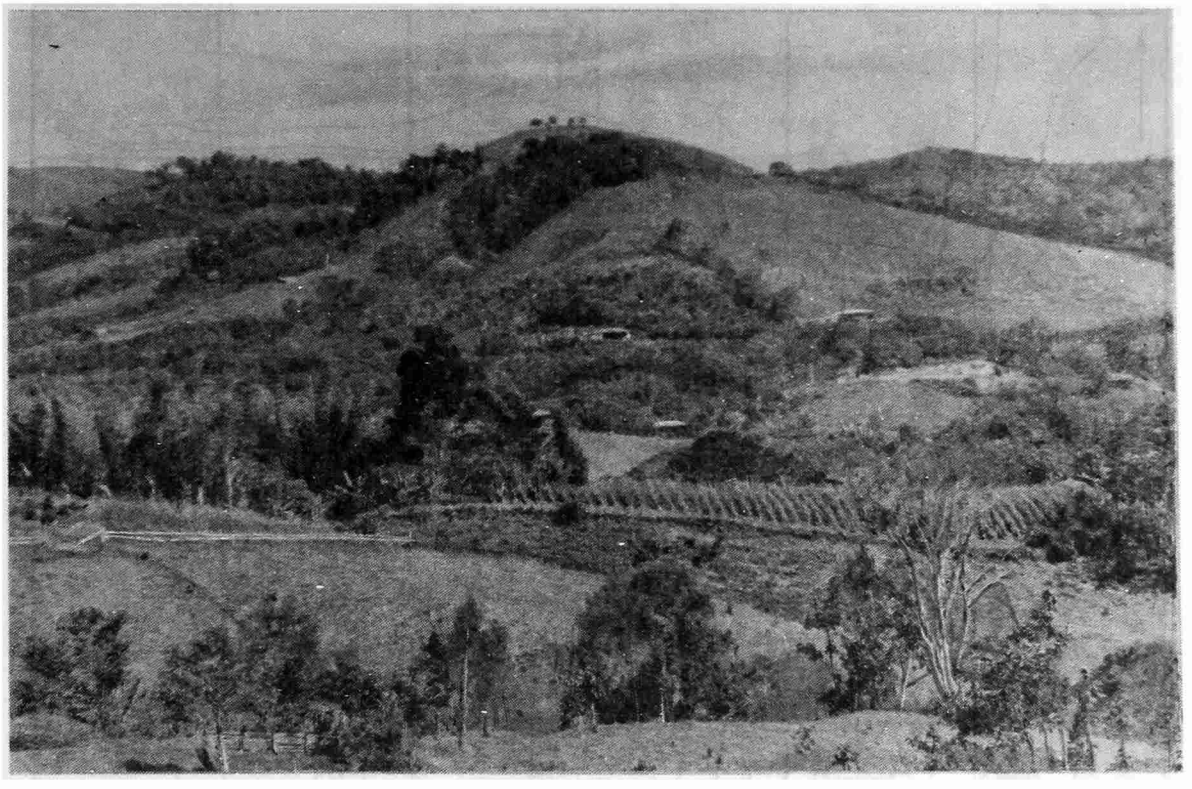


Рис. 2. Кабо де ла Вела. Вид с запада

де ла Вела, находящееся в 8 км к западу от г. Йотоко и в 7—8 км к юго-востоку от г. Дарьен [19, 20]. Оно расположено в глубине одного из ответвлений долины Калимы, называемого местными жителями вальесито (маленькая долина) Хигуалес.

Поселение находится на горе Серро Кабо де ла Вела (высота — 1500 м над ур. м.), на высоте более 100 м над уровнем окружающей местности. В своей самой высокой части гора имеет круглую форму, а в основании представляет собой равнобедренный треугольник, вытянутый к западу. С двух сторон гора ограничена глубокими оврагами, в которых протекают ручьи. Находясь в глубине вальесито Хигуалес, Серро де ла Вела доминирует над долиной, что, видимо, и определило ее использование населением этих мест до испанского завоевания (рис. 2).

На вершине горы расположена искусственная круглая площадка (рис. 3) диаметром более 30 м. Ее южная половина изрыта грабительскими ямами. Удалось насчитать пять таких ям, но, возможно, число разграбленных могил больше. Северная половина площадки при наружном осмотре представляется нетронутой. Зондирование показало, что культурный слой здесь не превышает 0,40 м. Можно предполагать, что эта площадка являлась центром древнего поселения.

На вершине и на склонах горы расположен ряд платформ — «тамбо» различных размеров, на которых в древности стояли жилые постройки. Платформы врезаны в склон горы и заметны, несмотря на покрывающую их растительность. При поверхностном осмотре они имеют форму полукруга, внешняя сторона которого увеличена за счет насыпки земли, вырытой при их сооружении, и мусора, накопившегося в процессе жизни.

На Кабо де ла Вела найдено 24 таких платформы. В основном они сосредоточиваются на более пологих северо-западном и северо-восточном склонах, иногда группируясь по две и более на небольшом расстоянии друг от друга. Так, сгруппированы, например, на северо-восточном склоне тамбо № 1 и 2, № 3 и 4. Скопление тамбо, включающее и самое большое из них — № 14, находится на северо-западном склоне.

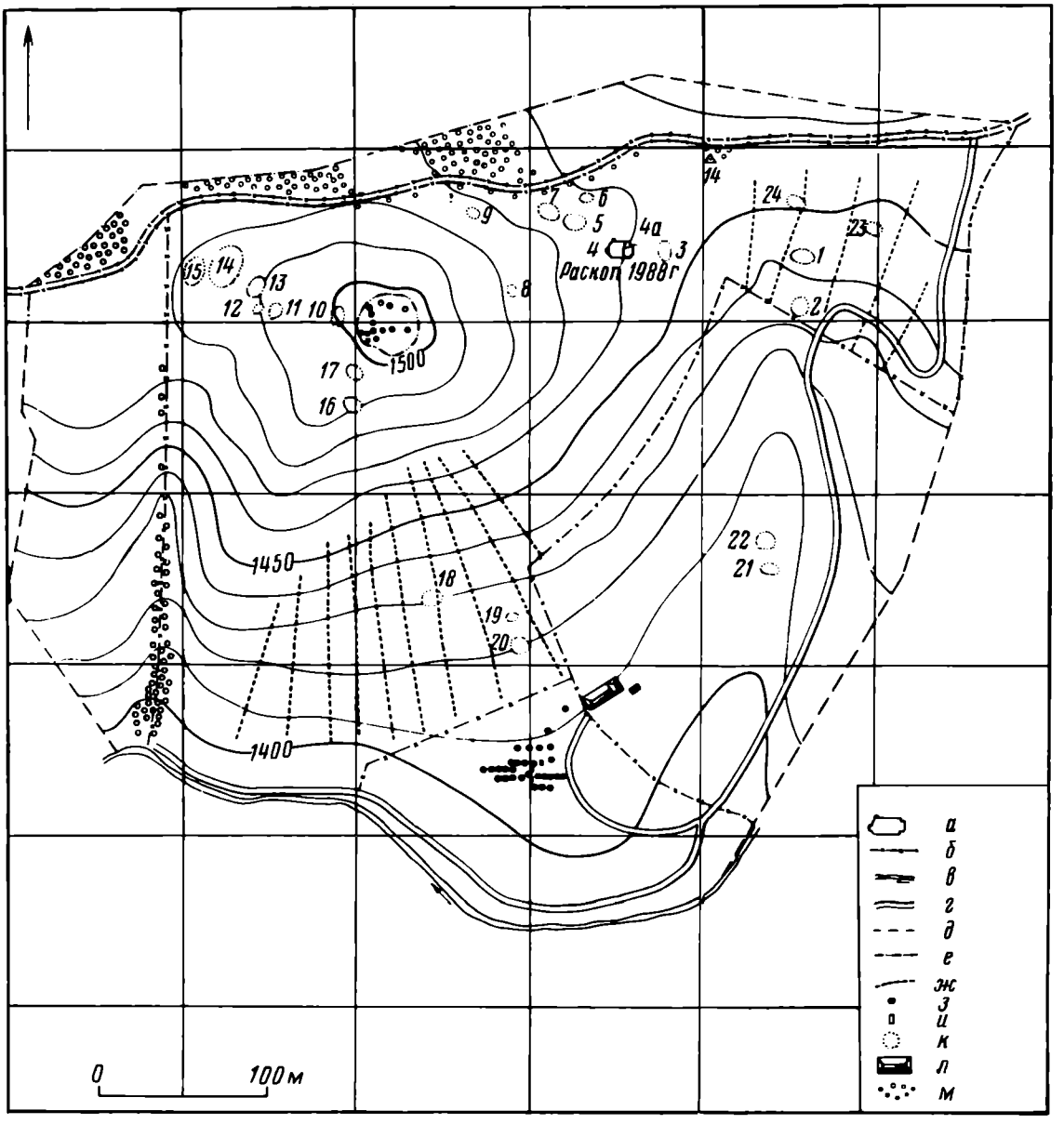


Рис. 3. Кабо де ла Вела. Топографический план: *а* — раскоп; *б* — изгороди; *в* — ручей; *г* — дороги; *д* — границы земельного владения; *е* — границы центральной площадки; *ж* — дренажные земледельческие каналы; *з* — ограбленные могилы; *и* — раскопанные могилы; *к* — тамбо; *л* — дом; *м* — деревья

У южного подножья горы располагается могильник, почти сплошь разграбленный. Удалось насчитать 29 грабительских ям. Кроме того, с помощью уакерос были найдены три неразграбленные могилы.

На склонах горы видны вертикальные линии дренажных каналов, между которыми находились «эрас де культиво» — грядки, использовавшиеся в древности для возделывания растений. Плантации такого типа до сих пор встречаются в горных районах Колумбии.

Таким образом, Кабо де ла Вела представляет собой относительно компактное поселение с четко выраженным структурным центром. Не исключено, что вследствие своего топографического положения оно занимало центральное место среди поселений вальесито Хигуалес. Здесь же расположены могильник и возделываемые земли. Все это определило наш особый интерес к исследованию этого памятника.

В результате раскопок 1983 г удалось полностью вскрыть два тамбо, одно из которых (№ 4а) принадлежало к периоду Йотоко, а другое (№ 4), располо-

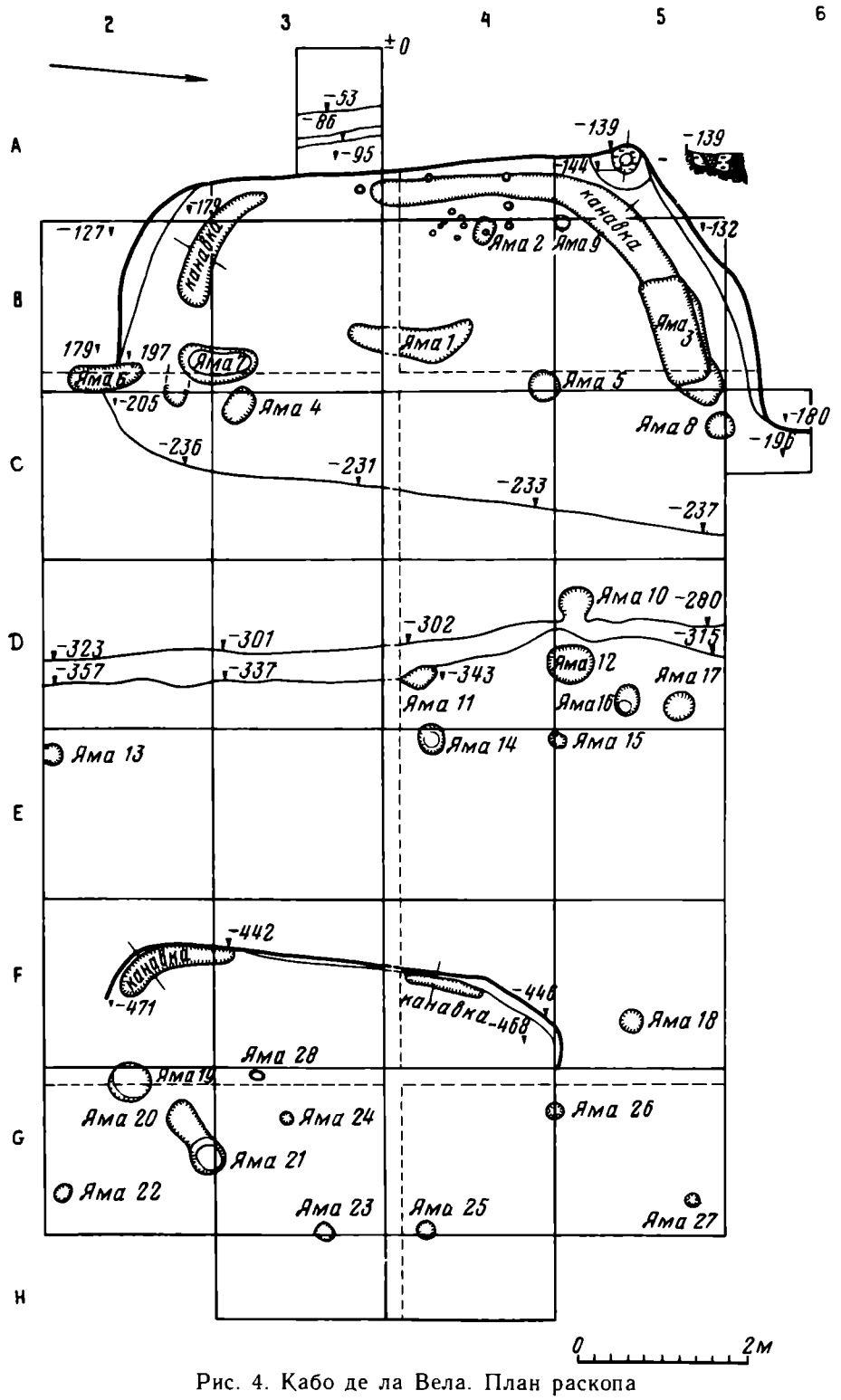


Рис. 4. Кабо де ла Вела. План раскопа

женное выше по склону,— к периоду Сонсо по хронологии У Брея (рис. 4, 5). К последнему относятся и три погребения, раскопанных на могильнике. Тамбо № 4а совершенно не прослеживалось на поверхности и было обнаружено лишь при раскопках перекрывшего его слоя мусора, выброшенного с тамбо № 4. Это заставляет предполагать, что на склонах Кабо де ла Вела могут находиться и другие жилые платформы, не имеющие внешних признаков.

При раскопках тамбо № 4 и 4а найдены только обломки керамики и изделия из камня. Примечательно, что не найдено ни одного обломка кости или изделия

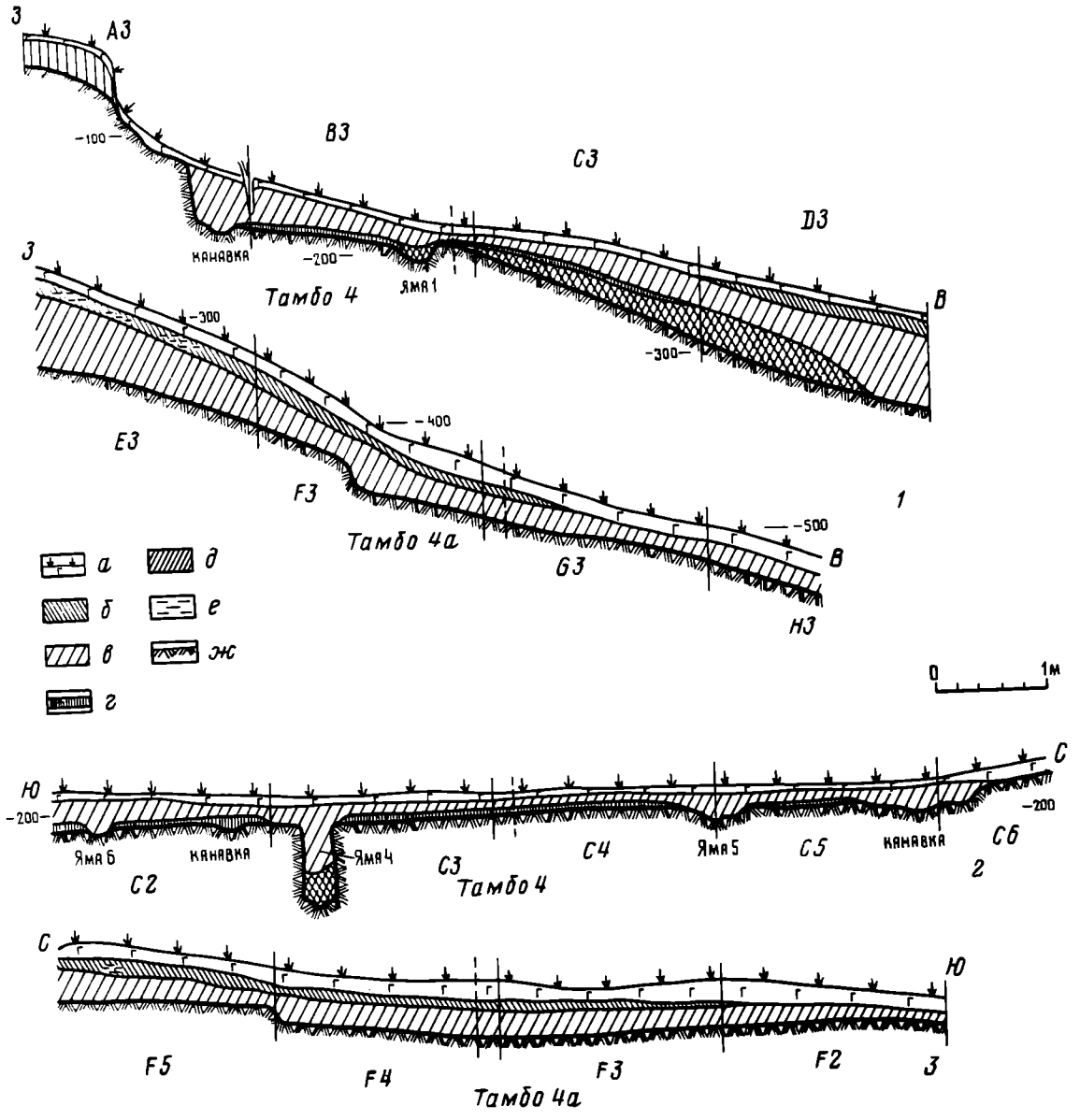


Рис. 5. Кабо де ла Вела. Разрезы: 1 — разрез по северной стенке кв. А3-Н3; 2 — разрез по западной стенке кв. С2-С6; *3* — разрез по восточной стенке кв. F5-F2, *а* — гумус; *б* — коричневатый слой; *в* — черная земля; г — «желтый пол»; *д* — выброс; *е* — включения желтой глины; *ж* — материк

из нее. Видимо, большая кислотность почвы привела к полному исчезновению органических материалов. Единственное исключение — обломок какой-то рукоятки из чрезвычайно твердой древесины пальмы чонта, найденный на тамбо № 4а, но и он совершенно обуглен.

Керамика, происходящая из тамбо № 4 и 4а, различна. Естественно, при их непосредственной близости происходило смешение материала. Примесь керамики Сонсо в верхнем 10-сантиметровом горизонте нижнего и древнейшего из двух тамбо довольно значительна. Тем не менее состав материала из двух залегающих ниже горизонтов, где преобладает керамика Йотоко, позволяет рассматривать его как довольно чистый открытый комплекс. Керамика Йотоко совершенно отсутствует в материале тамбо № 4, что позволяет считать его чистым комплексом Сонсо. На этой основе удалось расчленить керамический материал всего раскопа.

Материалы периода Йотоко. Тамбо № 4а невелико (рис. 4). Оно представляет собой вырез в склоне, открытой стороной обращенный к юго-востоку — востоку. Его длина по продольной оси — 5,30 м, ширина 2,80—3,00 м. Западная

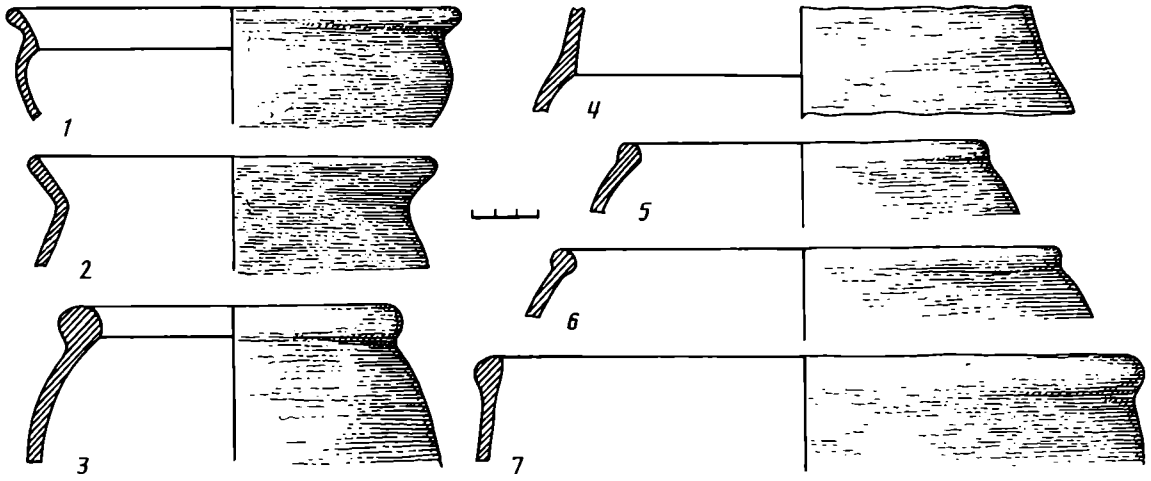


Рис. 6. Кабо де ла Вела. Поселение. Керамика периода Йотоко

стенка почти вертикальна и достигает 0,25 м в высоту. На юге она плавно поворачивает под тупым углом к юго-востоку, а на севере довольно резко сворачивает к востоку.

Площадка тамбо № 4а понижается к востоку на 0,50 м (рис. 5). Затем начинается более крутой склон. У юго-западного угла тамбо и в северной части у его западной стены прослежена канавка шириной от 15 до 30 см и глубиной ~5 см. На площадке и ниже по склону обнаружено много ям разного диаметра (0,20—0,25 м) и глубины (0,15—0,4 м), но какой-либо системы в их расположении уловить не удалось. Против южного края тамбо находилась большая и необычайно глубокая (1,85 м) яма 19 диаметром 0,50 м. На глубине 0,40 м в ней был уступ, у дна она сужалась. Назначение ямы неясно, но можно предполагать, что она была столбовой.

Аналога яме 19 на другом конце тамбо нет. Здесь находилась только небольшая яма 26, расположенная точно против конца северной стенки. К северу от нее находились еще две большие ямы — 18 и 27 Напротив площадки, более или менее параллельно оси тамбо, располагались три небольшие ямы (22, 23 и 25). В яме 22 найдены следы древесного тлена. Еще одна яма (24) находилась почти в центре тамбо. О роли этих ям в конструкции постройки ничего определенного сказать нельзя.

Интересна двойная яма (20/21), состоящая из двух частей одного диаметра — 0,40 м. Яма 21 с ровным плоским дном была заглублена на 8 см больше, чем более аморфная яма 20. Не исключено, что это две слившиеся разновременные ямы. Представляется, что они имели хозяйственное назначение. На полу тамбо, в его северном конце, обнаружено бесформенное скопление камней, среди которых были обломки терочников и нуклеус. Здесь же найдены и черепки сосудов.

То, что тамбо № 4а было перекрыто выбросом с тамбо № 4 с большим содержанием керамики Сонсо, позволяет думать, что в момент сооружения и существования последнего нижнее тамбо было уже давно заброшено.

Имеющаяся керамика периода Йотоко не дает полного представления о наборе посуды того времени. Однако нами найден ряд типичных форм сосудов (рис. 6).

Сосуды с утолщенным краем. Всего найдено девять обломков венчиков, шесть из них принадлежат глубоким закрытым сосудам с округлым туловом без шейки или горлышка. Средний диаметр устья — 15 см. Край венчика имеет заметное утолщение, иногда круглое в сечении, иногда с гранью на внутренней стороне (рис. 6, *5, 6*). На одном из фрагментов это утолщение имеет 1,8 см в диаметре (рис. 6, *3*). Эта форма сосудов чрезвычайно характерна для керамики Йотоко [15, рис. 3, 4, 17, *4*, 30, *4*; 16, рис. 45, *12*] Один фрагмент с венчиком этого

типа принадлежит сосуду с почти вертикальными стенками, с диметром устья 28 см (рис. 6, *7*). Это совсем другой тип сосуда, чем описанный выше, но и он имеет аналогии в одновременной керамике [15, рис. 17, *8*, 30, *1, 2*].

Сосуды с отогнутым венчиком представлены двумя обломками, несколько утолщающимися к краю. Перегиб туловища к венчику хорошо выражен плавной, округлой линией. Один из фрагментов дает представление о пологих плечиках сосуда (рис. 6, *2*), другой имеет короткий венчик, изнутри резко отделенный от тулова ребром (рис. 6, *1*). Сосуд имел диаметр 24 см, и, видимо, не был высоким. Известны обломки подобных сосудов периода Йотоко из раскопок колумбийско-британской экспедиции [15, рис. 17, *1—3*, 30, *6*]. Фрагменты стенок с ребром на внутренней стороне часто встречаются на нижнем участке раскопа, особенно в слоях, связанных с тамбо № 4а (рис. 6, *4*). Они, видимо, принадлежали сосудам с двухчастным делением тулова [15, рис. 3, 6; 16, рис. 45, *11*].

Удалось выделить шесть технологических групп керамики Йотоко, но убедительно скоррелировать их с формами посуды на данном, достаточно ограниченном материале не представляется возможным [2]

Группа 1. Тесто светлое, розоватого или желтого цвета, с большой примесью мелкого песка и частиц железняка. Черепок пористый в изломе, средней толщины, хорошо обожженный. Поверхность того же цвета, что и тесто, гладкая с обеих сторон. Встречается хорошее лощение. На некоторых фрагментах — следы красного ангоба.

Группа 2. Тесто красновато-коричневое, светло-желтое или серое. В нем встречаются мелкий песок и включения песчаника. Черепок в изломе пористый, мягкий, средней толщины или тонкий. Обжиг неполный: на внутренней стороне черепка в изломе — серая полоса. Цвет поверхности совпадает с цветом теста. Снаружи она гладкая, со следами заглаживания. Изнутри поверхность сильно разрушена.

Группа 3. Тесто красного цвета, с включением частиц коричневой глины (шамота?), мелкого песка. Тонкие, хорошо обожженные черепки в изломе пористые, мягкие. Цвет поверхности совпадает с цветом глины. Обычно она сильно разрушена, но на одном венчике сохранились следы лощения.

Группа 4. Тесто светло-желтое или светло-коричневое с большим количеством мелкого песка, с частицами темного камня, белого кварца и слюды. Черепки в изломе неровные, пористые, средней толщины или тонкие, обжиг полный. Поверхность грубая, со следами неравномерного лощения, цвет ее совпадает с цветом глины.

Группа 5. Тесто красное и коричневое с включениями мелкого песка и слюды. Черепок тонкий, плотный, хорошо обожженный. Поверхность хорошо заглажена, особенно с внутренней стороны, цвет ее совпадает с цветом глины.

Группа 6. Тесто желтое или коричневое с включениями мелкого песка, мелких камешков, кварца и слюды. Черепок тонкий, плотный. Обжиг неполный, с темной сердцевиной в изломе черепка. Поверхность неровная, со следами заглаживания, цвет ее совпадает с цветом глины.

Каменные изделия, происходящие из слоев с керамикой Йотоко, весьма немногочисленны. Это прежде всего орудия, из скопления камней в кв. G4. Здесь найдена половина терочника из базальта (?), овальной формы, с необработанным верхом. Обломок продолговатого терочника имеет более определенную форму. У него прямой конец и выпуклые боковые стороны. Верхняя и нижняя стороны уплощены и заполированы до блеска, видимо, в ходе использования.

---

[2] В отчете, представленном в Вальекауканский институт научных исследований в 1984 г., Э. Сальгадо Лопес предложил систематизацию керамики периодов Йотоко и Сонсо, в которой деление проводилось по наличию на черепках ангоба. В полученных группах («с ангобом» и «без ангоба») керамика разделена по цвету теста или по наличию лощения на одной или двух сторонах. По мнению В. А. Башилова и К. А. Родригеса, предлагаемая здесь классификация по технологическим группам, которая была выработана для предварительного отчета в 1983 г. всеми тремя авторами, отражает более существенные стороны группировки керамического материала.

Еще два обломка терочников не дают представления о форме орудий. Кроме этих изделий в слоях тамбо № 4а найдены несколько базальтовых отщепов и нуклеус (?).

Принадлежность описанных материалов к периоду Йотоко схемы У Брея не вызывает сомнений ввиду их явных аналогий с находками колумбийско-британской экспедиции в районе Рестрепо. Не вызывает сомнения, что в стратиграфической колонке они предшествуют материалам Сонсо. Однако вопрос об абсолютной дате гораздо сложнее.

Первоначально У Брей, используя радиокарбонные и термолюминесцентные датировки из памятников долины Каука (Моральба и Паромная переправа в Йотоко), отнес период Йотоко к 1000—1200 гг [12, с. 88, 97—98; 13, с. 2; 21, с. 79—88]. Но получив в 1979—1983 гг. даты из различных памятников района Рестрепо (Ла Аурора, Альсасия и др.), группирующиеся между серединой I тыс. до н. э.— серединой I тыс. н. э. [14, рис. 3; 15, рис. 2], он удревнил нижнюю границу периода на тысячу лет и даже более, не называя, однако, конкретной ее даты [14, рис. 2; 16, с. 2—4].

Длительность периода Йотоко более чем в полторы тысячи лет вызывает, конечно, сомнение, что отмечают и авторы раскопок [14, с. 387] Представляется также спорным объединение в рамках одного периода (У Брей и его соавторы не пользуются концепцией археологической культуры) разновременных групп памятников, расположенных в совершенно различных геоморфологических условиях — на плоском дне долины Каука и за водоразделом Западной Кордильеры.

Единственная радиокарбонная дата, полученная на Кабо де ла Вела,— 1020 ± 70 г. н. э. (В 10334—930 ± 70 г. до наст. вр.) — совпала с датировками памятников долины Каука. В то же время керамика тамбо № 4а находит прямые аналогии в опубликованных материалах из района Рестрепо. Таким образом, вопрос об абсолютных датах периода Йотоко и его длительности остается открытым.

Материалы периода Сонсо. Тамбо № 4 представляет собой вырез в склоне, обращенный открытой стороной на восток (рис. 4). Его длина с севера на юг — 7,50 м, ширина 3,50—4,00 м (рис. 5). Западная стена вертикальна и достигает 0,50 м в высоту. К северу и югу она понижается, а затем поворачивает под тупым углом соответственно на северо-восток и юго-восток. Вдоль стены тамбо дугой идет канавка, прослеженная на уровне материка в виде темных продолговатых пятен в южной части площадки и в виде длинной темной полосы в северной ее части. В ее заполнении были найдены камни и обломки керамики. Ширина канавки 30—50 см, глубина 4—5 см.

По центральной оси площадки на расстоянии 3,50 м друг от друга располагались ямы 4 и 5 диаметром 0,40 м, глубиной 0,70 и 0,90 м. В заполнении ямы 5 найдены скопление камней и обломки керамики. По всей вероятности, в описанных ямах находились столбы, один из которых был заклинен камнями. По взаимному расположению ям ясно, что они были связаны с единой планировкой сооружения, стоявшего на тамбо.

С северной стороны канавку у стены тамбо прорезала большая прямоугольная яма 3. Ее глубина — в среднем 0,70 м. Стенки почти отвесны. В яме было найдено только несколько обломков керамики. С южной стороны канавку прорезала яма 7 глубиной $\sim 0{,}30$ м, «бобовидной» формы, с плоским дном и скошенными стенками. Яма 6, имеющая такую же форму, обнаружена напротив окончания юго-западной стены тамбо. Третья «бобовидная» яма 1 находилась в самом центре площадки. Она самая большая из трех. Все «бобовидные» ямы расположены в одну линию, близки типологически и, несомненно, были конструктивно связаны между собой. То, что одна из них перерезала канавку, а другая — линию юго-западной стены, заставляет отнести их также ко второму этапу застройки площадки. К нему же относятся и остатки столбовой ямы, прослеженной в специально для нее подрезанном северо-западном углу тамбо.

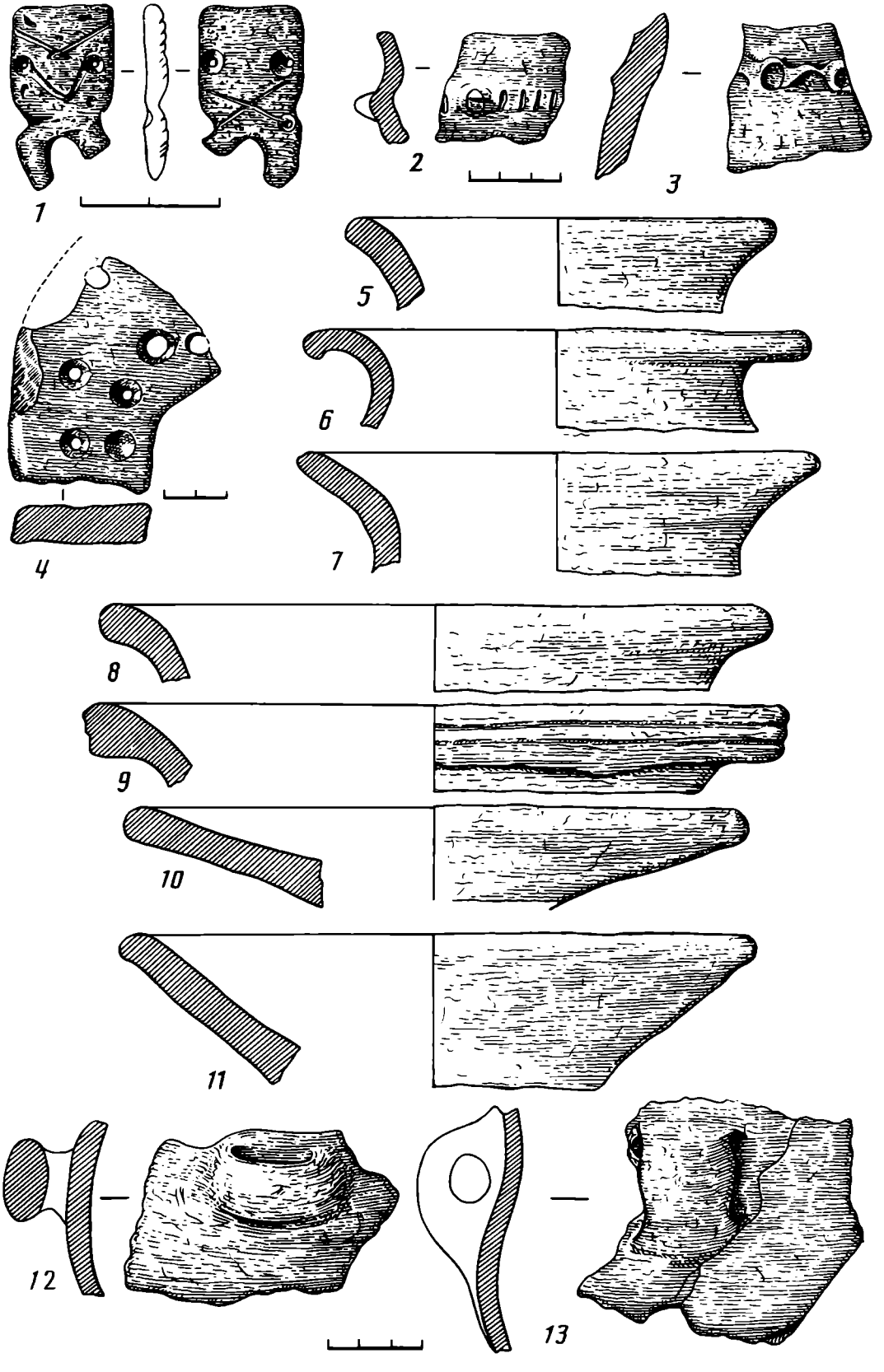


Рис. 7 Кабо де ла Вела. Поселение. Керамика и каменная антропоморфная подвеска периода Сонсо

Таким образом, строительные остатки на площадке тамбо № 4 распадаются на два разновременных комплекса: ранний (ямы 4, 5 и канавка) и поздний с «бобовидные» ямы 1, 6, 7, яма 3 и остатки столба в северо-западном углу). Кроме того, здесь находится еще несколько объектов, не имеющих прямой связи с каким-либо из двух выделенных комплексов. Это ямы 2, 8, 9 и скопление маленьких (5—10 см в диаметре и 10—15 см глубиной) ямок, видимо от кольев. Три наиболее крупные, располагались в ряд вдоль западной стены тамбо. Две из них были врезаны в край канавки. В 2,0—2,5 м ниже края площадки находился ряд ям (11—17), часть которых, вероятно, была связана с постройкой, существовавшей на тамбо.

На основании расположения строительных остатков на площадке тамбо № 4 и ниже ее по склону, стратиграфических наблюдений и этнографических аналогий можно реконструировать постройку первого этапа как овальное жилище с коньковой крышей [22] Западная половина его находилась на площадке, а восточная стояла на деревянной платформе, поддерживаемой опорными столбами. Эта реконструкция находит подтверждение и в описаниях письменных источников. Постройку второго этапа подробно реконструировать не удается, но ясно, что она занимала только юго-западную часть тамбо и носила хозяйственный характер [22, с. 124—125].

На площадке тамбо № 4 нет иных материалов, кроме керамики типа Сонсо, что позволяет отнести оба этапа ее застройки к этому периоду. Найденная керамика не дает исчерпывающего представления о формах посуды этого времени (рис. 7). Тем не менее отдельные сосуды можно себе представить.

Горшки и кувшины. Эти формы хорошо известны по целым сосудам из погребений и фрагментам, найденным на поселениях [5, рис. 11, *C, D*, 13, *B*, 26, *A, B*; 15, рис. 27, *6—9*, 35, *2, 5, 7*; 16, рис. 21, *1—7*, 24, *1*, 25*a*, *b*, 45, *1, 2*] Большие, грубые кухонные горшки имеют округлое или грушевидное тулово и сильно отогнутый массивный венчик. У кувшинов более узкое горло, более округлое тулово и несколько меньшие размеры. Они лучше выделаны и иногда украшены росписью. На кувшинах часто три вертикальные ручки. Однако по обломкам венчиков, профиль которых очень сходен, различить эти две формы сосудов практически невозможно (рис. 7, *5—9*). Найденные венчики сильно отогнуты и составляют с горизонтальной плоскостью угол не более 40° Есть грубые, толстые венчики с краем толщиной 1,5—1,7 см (в одном случае 2,1 см). Но есть и группа более тонких венчиков, возможно принадлежавших кувшинам.

Блюда (?). Большие, грубые, плоские сосуды диаметром ~30 см (рис. 7, *10, 11*). Их стенки толщиной 1,7 см идут под углом 20° к горизонтальной плоскости. Снаружи вдоль края иногда проходит пальцевая бороздка. Не исключена возможность, что найденные фрагменты принадлежали не блюдам, а сильно отогнутым краям очень больших сосудов, поскольку ни в одном случае не найдены днища.

Кроме этих форм найден обломок большого открытого сосуда (не менее 34 см в диаметре) с утолщенным венчиком, горизонтально выровненным по краю. Верхняя плоскость венчика покрыта красной краской. Такие сосуды встречаются на памятниках этого периода [17, рис. 21, *1, 7*] Другой сосуд индивидуальной формы — небольшая тонкостенная миска с ребром, по которому идет ряд вдавлений палочкой или каким-то другим прямым стержнем (рис. 7, *2*). На сохранившемся фрагменте среди этих вдавлений — конический налеп с ногтевым вдавлением на вершине. На некоторых черепках встречаются вертикальные и горизонтальные ручки (рис. 7, *12, 13*), характерные для керамики Сонсо [5, рис. 11, *C*; 15, рис. 35, *6*; 16, рис. 24, *8*, 20, *E, F, H*]. Для нее характерно и украшение посуды налепными валиками с ногтевыми вдавлениями (рис. *7, 3*) [5, рис. 11, *C*, 20, *A, C, D, G*; 12, табл. XII *h, m*; 13; рис. 9, *5*; 15, рис. 27, *5*, 35, *1, 3*; 16, рис. 21, *6*]. Один фрагмент покрыт красной краской.

По технологическим признакам удалось выделить четыре группы керамики.

Кроме того, единичные, преимущественно мелкие фрагменты имели специфические характеристики, не позволившие включить их ни в одну из групп.

Группа 1. Тесто светло- и темно-коричневое, иногда розоватого цвета. В качестве примеси встречаются песок, мелкая дресва и, возможно, шамот. Черепки массивные, в изломе грубые, пористые. Обжиг неполный, с черной или серой сердцевиной в изломе, хотя встречаются и более прокаленные фрагменты. Внешняя поверхность, цвет которой совпадает с цветом глины, часто имеет следы заглаживания. К этой группе относятся практически все описанные выше формы.

Группа 2. Тесто желтое и желтовато-коричневое. В нем большое количество мелкого песка, включений бурого железняка, частиц слюды и, возможно, шамота. Глина с более тонкой структурой, чем в первой группе. Черепки тонкие и средней толщины, хорошо обожженные, одноцветные в изломе. Поверхность, цвет которой совпадает с цветом глины, обычно заглажена. На одном фрагменте заметны следы красной краски. К этой группе относится лишь один формообразующий черепок — обломок миски с вдавлениями по ребру.

Группа 3. Тесто красное и коричневато-красное. В нем большое количество мелкого песка, частиц слюды, включений бурого железняка. Черепок плотный, средней толщины, хорошо обожженный. Поверхность, цвет которой совпадает с цветом глины, ровная, заглаженная. На одном черепке отмечены следы красного ангоба.

Группа 4. Тесто красновато-коричневое с включением песка, большого количества частиц слюды и, может быть, шамота. Черепок плотный, массивный, хорошо обожженный. Цвет поверхности совпадает с цветом глины. На всех фрагментах — темные пятна от неравномерного обжига. Поверхность довольно неровная. На ней заметны частицы примесей.

По всей вероятности, указанные группы были связаны с различными категориями посуды. Группа 1, к которой относилось подавляющее большинство фрагментов, и группа 4 представляют, видимо, кухонную посуду. Более тонкостенные черепки групп 2 и 3, скорее всего, относятся к посуде столовой. Но это разделение, несомненно, очень условно и может быть подтверждено лишь при накоплении материала. Среди керамики был найден обломок головного убора антропоморфного сосуда (рис. 7, *4*) — формы, известной в период Сонсо [16, рис. 51] В целом виде такой убор представлял собой широкую дугу, идущую вокруг головы. Найденный нами обломок — боковая часть такой дуги с достаточно характерным изгибом. Он был, вероятно, покрыт красной краской. На плоскости изделия в два ряда расположено пять отверстий диаметром 0,8—0,9 см. На изломах видны следы еще четырех отверстий.

В культурном слое, содержавшем керамический материал времени Сонсо, было найдено много камней, в том числе и со следами обработки. Их можно разделить на две группы: изделия из базальта, обработанные техникой скола, и обломки шлифованных орудий, скорее всего терочников, из других пород камня. Базальтовые изделия массивны, грубы. Тем не менее среди них есть несколько достаточно хорошо разработанных форм. Выделены две формы нуклеусов: первая — два крупных камня со следами беспорядочных сколов, вторая — четыре изделия, имеющих по две ударные площадки. Одна из них — естественная плоскость, а другая образована горизонтальным сколом. На боках нуклеуса — следы мелких сколов.

Из круглых базальтовых желваков сделаны четыре ударника, одна сторона которых обычно имеет естественную плоскость. Камни подправлены беспорядочными ударами, в двух-трех местах они имеют следы сработанности.

Два изделия можно условно считать скребками. Одно из них сделано из массивного скола, треугольного в продольном сечении. С боков он подправлен так, чтобы образовались параллельные плоскости. Передний край обработан несколькими нерегулярными сколами. Следов сработанности нет. Другой скребок сделан на основе плоского нуклеуса с двумя параллельными площадками, имеющими округлую форму. Рабочий край подправлен несколькими мелкими скола-

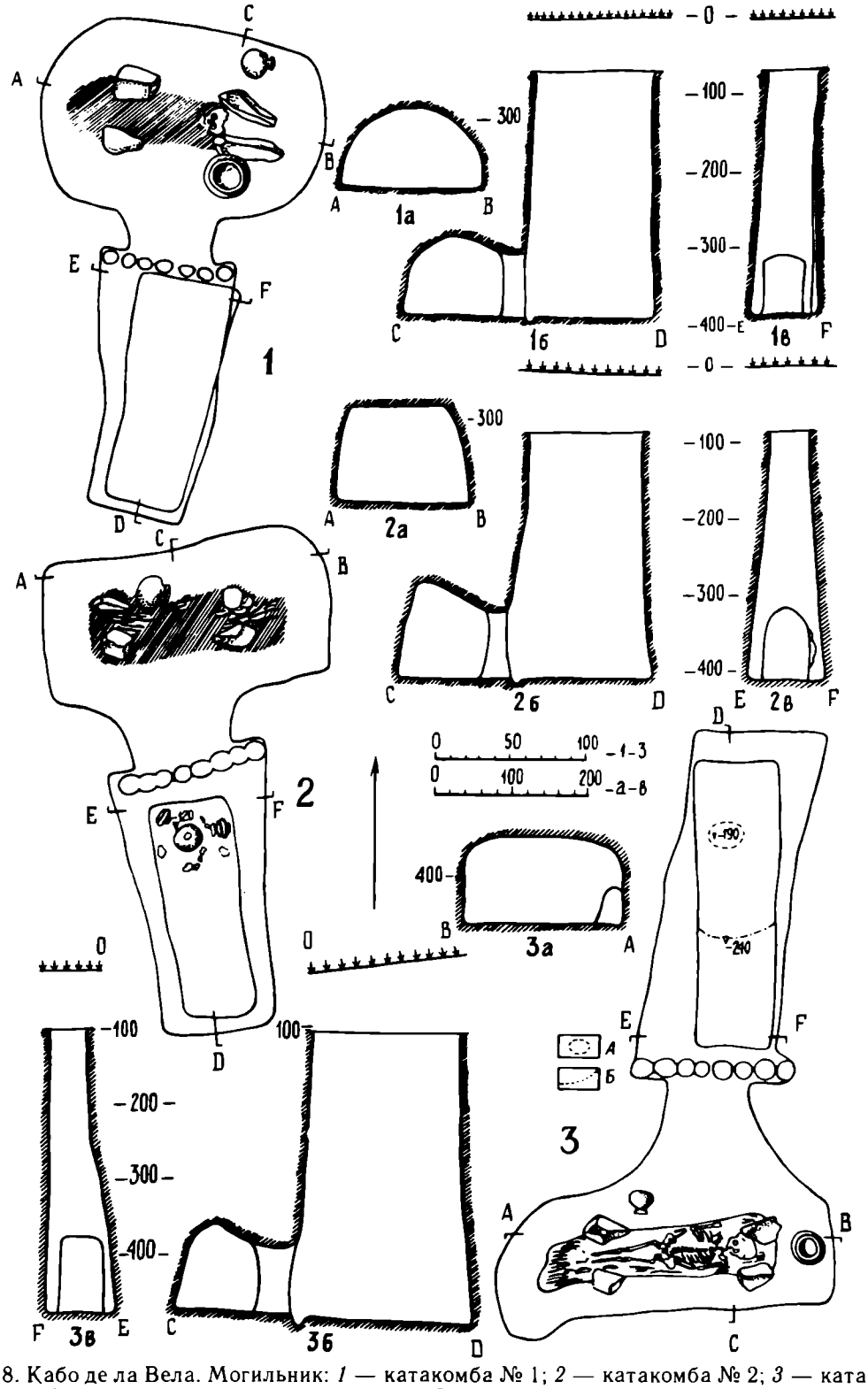


Рис. 8. Кабо де ла Вела. Могильник: *1* — катакомба № 1; *2* — катакомба № 2; *3* — катакомба № 3: *А* — развал чаши (глубина 1,9 м), *Б* — граница слоя угля (глубина — 2,40 м)

ми, которые могли образоваться и в результате использования изделия в качестве скребка.

Большинство отщепов — это простые осколки камня, но есть и несколько массивных отщепов более регулярной формы. Следов вторичной обработки или сработанности на них нет.

В заполнении ямы 6 на площадке тамбо № 4 найдена плоская подвеска, вырезанная из тонкой пластинки мягкого камня в виде антропоморфной фигурки

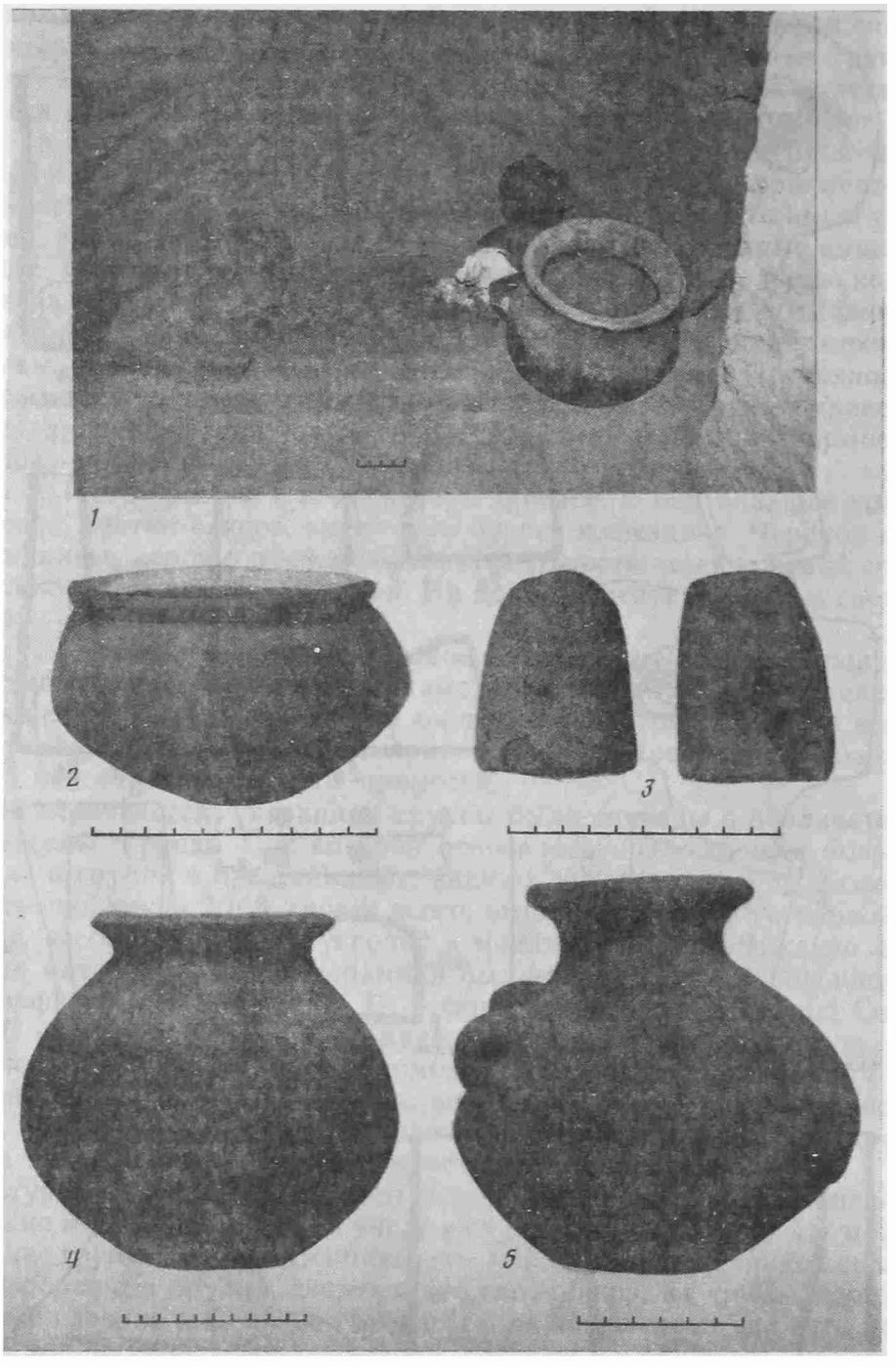


Рис. 9. Кабо де ла Вела. Могильник. *1* — погребение (катакомба № 1); *2* — чаша (катакомба № 2, входная яма), *3* — каменные орудия (катакомба № 2, входная яма), *4* — горшок (катакомба № 2, погребение), *5* — кувшин (катакомба № 1, погребение)

высотой 2,6 см (рис. 7, *1*). Фигурка имеет прямоугольное туловище, талия обозначена двумя выемками по бокам. Ниже выемок — короткие ноги, из которых левая обломана. В верхней части туловища двумя нарезками изображено треугольное лицо, на котором тремя маленькими насечками обозначены глаза и рот. По бокам туловища — двусторонне просверленные отверстия для подвешивания. От них вниз, углом, идут две резные линии, видимо передающие руки. Из района Рестрепо известно несколько маленьких антропоморфных фигурок, в том числе и глиняных [13, рис. 23 справа; 16, рис. 37; 17, рис. 26]. Из них к фигурке Кабо де ла Вела ближе всего изображения, найденные на поверхности в асьенде

Ла Суиза, и в раскопках на платформе 4 в Эль Дорадо. Антропоморфная фигурка другого типа, датируемая XVII в., найдена в северной части зоны Калима при раскопках в Кортихо де лос Калимас, к западу от Дарьена [15, рис. 36]. Очень близкая ей статуэтка хранится в Археологическом музее Кембриджского университета [15, рис. 37].

На могильнике у подножья Кабо де ла Вела были раскопаны три неразграбленные могилы.

Могила № 1 (рис. 8, *1*). Катакомба с прямоугольной входной ямой со скругленными углами, обнаруженной на глубине 0,70 м от поверхности. Длина ямы на этой глубине — 1,50 м, ширина 0,50—0,60 м. Она ориентирована с север — северо-востока на юг — юго-запад. Глубина ямы от поверхности — 3,20 м. На уровне пола ее размеры увеличены.

В северной стене входной ямы находилось устье погребальной камеры. Перед ней на полу — 7 круглых углублений диаметром в среднем 10, глубиной 5 см. Внутри углублений обнаружены следы древесного тлена. В них, по-видимому, стояли бамбуковые (?) столбы, закрывавшие вход в камеру. Вход имеет прямоугольные очертания со слегка приподнятым посередине верхним краем. Его высота — 0,74 м, ширина — 0,52 м, длина устья — 0,30 м.

Погребальная камера перпендикулярна длинной оси входной ямы и ориентирована с северо-запада — запада на юго-восток — восток. Ее форма близка к широкому овалу. Северная и южная стенки почти прямые, а западная и восточная — округлые. Длина — 1,85 м, ширина — 1,26 м, высота — 1,04 м. Потолок имеет форму вытянутого купола, мягко переходящего в стенки. На них, так же как и на стенках входной ямы, хорошо заметны следы плоского орудия с прямым лезвием, которым копалась могила.

В центре камеры, вдоль ее оси, располагалось погребение ребенка (рис. 9, *1*) головой на юго-восток — восток. Костяк не сохранился, остался только череп, по-видимому деформированный, в плохом состоянии. Череп был закреплен двумя большими камнями, лежавшими по его сторонам. Такие же два камня фиксировали, видимо, и положение ног. Слева от черепа, за камнем, стоял большой горшок, а справа, между другим камнем и стенкой камеры, лежал на боку небольшой узкогорлый кувшин. Горшок имел округлое тулово и дно. Венчик отогнут, его скругленный край украшен двойным маленьким налепом и полосой, нанесенной красной краской. На тулове — следы сажи. Сосуды этого типа были, по-видимому, обычными кухонными горшками. Тулово кувшина тоже округлое, но несколько асимметричное (рис. 9, *5*), дно круглое. Горло суженное, венчик со скругленным краем отогнут. С одной стороны сосуда на плечике — две вертикальные налепные ручки. На противоположной стороне, в месте перегиба тулова ко дну,— восьмеркообразный след отвалившейся ручки. Судя по этому следу, она прикреплялась с помощью заостренных концов, пропускавшихся сквозь стенку сосуда еще до обжига. Расположение ручек, типичное для этих кувшинов, заставляет исследователей считать, что они предназначались для переноски воды. Через ручки пропускался ремень, который закреплялся на лбу у носильщика. Следы сажи на нашем кувшине говорят о том, что его ставили на огонь.

Могила № 2 (рис. 8, *2*). Катакомба с почти прямоугольной входной ямой, обнаруженной на глубине 0,86 м от поверхности. Длина ямы на этом уровне — 1,44 м, ширина — в среднем 0,50 м. Она ориентирована с юга на север с очень слабым отклонением к северо-западу. Глубина ямы от поверхности, с которой она была выкопана,— 3,30 м. В северном конце заполнения ямы, на глубине 0,25 м от поверхности, был обнаружен большой фрагмент крупного сосуда, которым было накрыто скопление более мелких сосудов, видимо остатков погребальной тризны. Один из сосудов сохранился полностью. Он лежал кверху дном среди обломков керамики и каменных орудий (терочники, фрагмент топора). Среди фрагментов найдены четыре небольшие глубокие чаши на невысоких конических поддонах, незначительно различающихся между собой размерами и пропорциями. Подобная чаша встречена в раскопках платформы № 1 в Эль Дорадо

[17, рис. 21, *3*]. У трех чаш венчик — в виде грубого налепного валика. По плечикам они покрыты орнаментом из тонких нарезных линий, которые, пересекаясь, образуют косую сетку [19, рис. 1] В двух случаях эта сетка очень мелкая, в третьем она крупнее. Четвертая чаша не орнаментирована. Она имеет плоский отогнутый венчик (рис. 9, *2*). Кроме того, в скоплении найдены обломки крупного сосуда, возможно кувшина, с вертикальной ручкой и два фрагмента стенок других сосудов. Здесь же лежали обломки каменных терочников (рис. 9, *3*): один — широкий, с плоской рабочей поверхностью и ребром на верхней стороне; второй — узкое орудие с зашлифованной рабочей стороной. Кроме них найден обушок прямоугольного в сечении каменного топора (?).

На уровне пола размеры входной ямы значительно увеличиваются. В северной ее стенке находится устье погребальной камеры. Перед ним в полу — восемь углублений от столбов, некоторые из которых слились в одну канавку. Диаметр углублений ~ 10 см, глубина 5—6 см. Вход имел прямые параллельные боковые стенки и закругленный верхний край. Его высота — 0,88 м, ширина — 0,60 м. До начала камеры устье имеет в длину 0,34 м. Его стенки слегка расходятся в направлении камеры.

Погребальная камера перпендикулярна длинной оси входной ямы и ориентирована с запада на восток с очень слабым отклонением к северо-востоку. Она имеет почти прямоугольную форму с несколько скругленным северо-восточным углом. Ее длина — 1,86 м, ширина — 1,00 м, высота — 1,25 м. Потолок камеры, довольно полого поднимаясь от входа, затем круто падает к полу, образуя наклонную стенку. Этот перелом, так же как и линии углов камеры, четко обозначен. На стенках хорошо видны следы орудий, которыми копалась могила.

В центре камеры, вдоль ее оси, располагалось погребение, обозначенное двумя парами больших камней и черным пятном на месте совершенно истлевшего костяка. Судя по размерам пятна, погребение было детским. В пятне были прослежены обуглившиеся (в результате окисления) отдельные растительные волокна от подстилки или покрывала. Около западной пары камней, между пятном и задней стенкой камеры, лежал на боку большой, сильно закопченный, толстостенный горшок с почти сферическим туловом и отогнутым венчиком (рис. 9, *4*).

Могила № 3 (рис. 8, *3*). Катакомба с прямоугольной входной ямой, обнаруженной на глубине 1,04 м от поверхности [3] Длина входной ямы на этой глубине — 1,88 м, ширина — 0,50 м. Яма ориентирована с севера на юг. Глубина ее от поверхности, с которой она была выкопана,— 3,70 м. В заполнении ямы, на глубине 0,86 м от той же поверхности, найдена разбитая на мелкие куски чаша, аналогичная найденным в могиле № 2. На глубине 1,36 м в северной половине ямы обнаружен слой угля толщиной ~5 см с хорошо различимыми кусками обугленных ветвей. На уровне пола размеры входной ямы увеличиваются, и она приобретает форму параллелограмма, длинные стороны которого ориентированы с севера — северо-востока на юг — юго-запад. В южной стене находится устье погребальной камеры. Перед ним на полу — восемь углублений от столбов, диаметром 10 см и глубиной 6 см. Вход высотой 1,00 м, шириной 0,54 м имел прямоугольные очертания. До начала камеры устье имеет в длину 0,65 м. Его стенки плавно расходятся в стороны.

Погребальная камера перпендикулярна длинной оси входной ямы и ориентирована с запада на восток. Дно ее полого поднимается к задней стенке. Камера имеет грубо прямоугольную форму, но северо-западный угол ее сильно скруглен, а у юго-западного угла в западной стенке находится неглубокая полукруглая ниша. Общая длина — 2,20 м, ширина 0,70—0,80 м, высота — 1,07 м. Потолок полого поднимается от входа, но затем круто спускается к задней стенке, тоже наклонной. На стенках видны следы орудия, которым была выкопана могила.

---

[3] Могила № 3 расположена на довольно крутом склоне; эта глубина замерена от поверхности над северным краем входной ямы, у южного края она меньше.

Вдоль длинной оси камеры, немного ближе к ее задней стенке, располагалось погребение ребенка 12—15 лет. Костяк сохранился полностью. Покойник был положен на спину, головой к востоку. Слегка деформированный череп был закреплен по сторонам двумя большими камнями. Такими же камнями были зафиксированы голени покойного. Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти лежали на тазовых костях. Под костяком находилась толстая подстилка из растительных материалов, совершенно обуглившаяся. В головах покойного стоял большой горшок с толстыми стенками и горизонтально отогнутым венчиком, сильно закопченный. Справа от костяка лежал на боку небольшой кувшин. Его округлое тулово имеет мягкое ребро в нижней части. Довольно высокое горло переходит в расходящийся раструбом венчик. Ручек нет. Поверхность сосуда хорошо лощеная, покрыта тонкими параллельными линиями «негативной» росписи.

Раскопки могильника в Кабо де ла Вела подтвердили его синхронность с поздним периодом существования поселения, поскольку был выявлен ряд типичных черт погребальных сооружений и обряда периода Сонсо, прямо перекликающихся с уже известными материалами. Горшки и кувшины, найденные в погребениях, полностью совпадают с соответствующими типами посуды Сонсо из раскопок поселения. Это свидетельствует об их принадлежности к одному времени и позволяет говорить о функциональной связи поселения и могильника.

Период Сонсо первоначально датировался 1200—1550 гг. [12, с. 92; 13, с. 2]. Но затем результаты раскопок в Кортихо де лос Калимас и асьенде Варсовия показали, что сходные материалы продолжали существовать и после конкисты, по крайней мере до XVII в. [14, рис. 3; 15, с. 2, 17] На Кабо де ла Вела были получены две радиокарбонные даты. Одна происходит из слоя угля во входной яме могилы № 3 — 1330±40 г. н. э. (ЛЕ 2466). Другой образец был взят с площадки тамбо № 4 — 1550±70 (В 10333). Эти даты вполне вписываются в указанный хронологический диапазон периода Сонсо.

Картина, полученная в результате раскопок Кабо де ла Вела, хорошо согласуется с описаниями поселений индейцев Юго-Западной Колумбии в испанских хрониках эпохи завоевания. Предположительно можно говорить и об этнической идентификации населения этого района. Он мог быть заселен либо племенами яко, которых К. Ромоли локализует в верховьях р. Калима, либо входить в территорию племен индейцев чанко, простиравшуюся от верховьев р. Гаррапатас до водораздела рек Калима и Дагуа [23, с. 28, 29]. Резкое отличие материалов предшествующего времени (период Йотоко) позволяет ставить вопрос о смене населения этих мест в начале II тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reichel Dolmatoff G.* Colombia. L., 1965.
2. *Plazas de Nieto C., Falchetti de Saenz A. M.* La Orfebrería Prehispánica de Colombia // Boletín del Museo del Oro. Banco de la República. Año 1, Septiembre—Diciembre. Bogotá, 1978.
3. *Uribe M. V* Asentamientos Prehispánicos en el Altiplano de Ipiales, Colombia // Revista Colombiana de Antropologia. V XXI, 1977—1978, Bogotá, 1979.
4. *Bouchard J. F* Investigaciones Arqueológicas en la Costa Pacífica Meridional de Colombia: El Proyecto Tumaco // Revista Colombiana de Antropología. V XXI, 1977—1978. Bogotá, 1979.
5. *Wassén H.* Un Estudio Arqueológico en la Cordillera Occidental de Colombia // Cespedesia. V V № 17—18. Cali, 1976.
6. *Hernández de Alba G.* Arqueología Calima en Colombia, Compendio Arqueológico. Bogotá, 1938.
7. *Pineda Giraldo R.* Material Arqueológico de la Zona Calima // Boletín de Arqueología. V I. № 6. Bogotá, 1945.
8. *Cubillos J. C.* Informe Preliminar sobre las Investigaciones Arqueológicas en el municipio de Vijes // Boletín de Arqueología. Universidad del Cauca. Popayán, 1967
9. *Caldas A. M., Chávez A., Villamizar M.* Las Tumbas de valle de El Dorado // Cuadernos de Antropología. Universidad de los Andes. Bogotá, 1972.
10. *Illera Montoya C. H.* Secuencia arqueológica del municipio de Calima. MS. Monografía de Grado. Departamento de Antropología. Universidad del Cauca. Popayán, 1983.
11. *Ford J. A.* Excavations in the vicinity of Cali, Colombia // Yale University Publications in Anthropology. № 31. New Haven, 1944.
12. *Bray W., Moseley M. E.* Archaeological Sequence from the vicinity of Buga, Colombia // Ñawpa Pacha. 7—8. Berkeley, 1968—1970.

13. *Bray W* Pro Calima. Archäologisch-ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien / Südamerika. V. 1. Basel, 1980.
14. *Herrera L., Cardale de Schrimpff M., Bray W* El hombre y su medio ambiente en Calima (Altos rio Calima y rio Grande, Cordillera Occidental) // Revista Colombiana de Antropologia. V. XXIV, 1982—1983. Bogotá, 1984.
15. *Bray W., Herrera L., Cardale de Schrimpff M.* Pro Calima. Archäologisch-ethnologisches Projekt im westlichen Kolumbien / Südamerika. V. 2. Basel, 1981.
16. *Bray W., Herrera L., Cardale de Schrimpff M.* Report on the 1981 Field Season in Calima // Pro Calima. Archäologisches Projekt im westlichen Kolumbien / Südamerika. V. 3. Basel, 1983.
17 *Bray W., Herrera L., Cardale de Schrimpff M.* Report on the 1982 Field Season in Calima // Pro Calima. Archäologisches Projekt im westlichen Kolumbien / Südamerika. V 4. Basel, 1985.
18. *Bray W., Herrera L., Cardale de Schrimpff M.* Report on the 1984 Field Season in Calima // Pro Calima. Archäologisches Projekt im westlichen Kolumbien / Südamerika. V 5. Basel, 1988.
19. *Башилов В. А.* Советско-колумбийские археологические исследования в долине р. Калима // АО—1983. М., 1985.
20. *Rodríguez C. A., Bashilov V A.* Excavations in Prehispanic Settlement Sites at Jigualęs, Calima (First Season) // Pro Calima. Archäologisches Projekt im westlichen Kolumbien / Südamerika. V 5. Basel, 1988.
21. *Sampson E. H., Fleming S. J., Bray W.* Edad de la cerámica colombiana del estilo Yotoco, revelada por termoluminescencia // Cespedasia. V V № 17—18. Cali, 1976.
22. *Башилов В. А., Родригес К. А.* Доиспанское жилище в юго-западной Колумбии // СЭ. 1987. № 5.
23. *Romoli K.* El Alto Chocó en el siglo XVI. Pt II: Las Gentes // Revista Colombiana de Antropologia. V XX, 1976, Bogotá, 1978.

V. A. BASHILOV, K. A. RODRIGEZ, E. SALGADO LOPEZ

STUDIES OF CABO DE LA VELA, A PRE-COLUMBIAN SETTLEMENT IN SOUTH-WESTERN COLUMBIA

Summary

In 1983, a joint Soviet-Columbian team investigated a pre-Columbian settlement on the Cabo de la Vela Mountain in the Calima River valley. It seems, that a man-made round platform on the mountain top was the settlement's structural centre. All in all, there were 24 man-made platforms on the slopes to accommodate the dwellings. Fields were disposed on the slopes while the cemetery was situated at the mountain's foot. Two platforms have been investigated. The upper one (No. 4) was dated to the Sonso period (the 13th-16th centuries) while the lower (No. 4a) belongs to the Yotoko period (early first millennium A. D.-the 12th century). Platform 4a was completely covered with deposits from the upper platform. Three catacomb burials were studied. They contained burial remains that had avoided plundering. The dead were east-oriented. Stones were used to keep them in place. The grave-goods consisted of vessels. All the burials belong to the Sonso period. The settlement's general make-up and the finds fully coincided with 16th-century Spanish descriptions of the American Indian settlements. The authors believed that the territory belonged to the Yako or Chanka tribes.

Дискуссии

От редакции

Из многочисленных откликов на статью Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева «О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья» (СА, № 2, 1989) мы отобрали такие, которые бы освещали не только конкретные положения статьи, но и основные направления изучения эпохи бронзы Волго-Уральского региона. Вооружась новыми фактами, авторы откликов спорят с устоявшимися догмами, предлагают, возможно с излишней поспешностью, другие решения. Но в какие бы крайности ни впадала в поисках истины исследовательская мысль, будем помнить, что предложенные идеи и концепции — это не истина в последней инстанции, а лишь попытки найти пути движения к ней.

Редакция, публикуя статьи В. И. Мельника, В. В. Отрощенко, Т М. Потемкиной, Г Г Пятых, отчетливо понимает, что каждая их них, несомненно, имеет налет субъективизма, объясняемого личными научными пристрастиями и особенностями индивидуального стиля ведения дискуссий. Но при всей, может быть иногда излишней, полемичности, эти работы отражают неравнодушие к теме и заинтересованность авторов в разрешении поднятых вопросов.

В. И. МЕЛЬНИК

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛТАВКИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Определение культурной принадлежности памятников эпохи средней бронзы Степного Поволжья длительное время остается разноречивым. Первый исследователь, разработавший схему культурного членения бронзового века Нижнего Поволжья, П. С. Рыков (в 1927 г.) квалифицировал их в рамках стадии «А» хвалынской культуры [1, с. 77—93], а уже в следующем году вышла работа П. Д. Рау [2, с. 12—29], в которой эти памятники получают специальное название и трактуются уже не как стадия хвалынской культуры, а как самостоятельная «полтавкинская ступень» эпохи бронзы Нижнего Поволжья. В дальнейшем наметившиеся тенденции рассматривать памятники средней бронзы как менее самостоятельные (П. С. Рыков) и более самостоятельные (П. Д. Рау) получают закрепление в новых формах. Первая реализуется в работах И. В. Синицына — «ранний этап срубной культуры» [3, с. 185—188], вторая — О. А. Кривцовой-Граковой — самостоятельная «полтавкинская культура» [4, с. 153—155]. Однако дело осложнилось еще и тем, что некоторые исследователи включали рассматриваемые памятники в катакомбную культуру (Б. А. Латынин, А. Я. Брюсов [5, с. 244—250; 6, с. 9]).

В 1955 г. на секции эпохи бронзы отчетного пленума ИИМК завязалась дискуссия о полтавкинской культуре. Как свидетельствует К. Ф. Смирнов, участники дискуссии нашли согласие по следующим вопросам: «1) бесспорная генетическая связь полтавкинской группы с ямной культурой Нижнего Поволжья; 2) на этом этапе развития древнее население Нижнего Поволжья испытывало воздействие катакомбной культуры; 3) в это время складывается ряд существенных черт срубной культуры» [7, с. 311].

© В. И. Мельник, 1990 г.

Тезис о самостоятельной полтавкинской культуре был развит Н. К. Качаловой. Поскольку ряд исследователей рассматривал полтавкинские памятники как раннесрубные, то основной упор в ее работе был направлен на отделение полтавкинских памятников от срубных. Это было сделано убедительно, однако не все противоречия трактовки этой группы памятников были сняты. А. С. Клейн, допуская включение полтавкинской культуры в состав круга катакомбных культур, тем самым заострил одно из противоречий [8, с. 178] Позиция в этом вопросе таких исследователей, как Н. Я. Мерперт и В. П. Шилов, которые специально занимались изучением эпохи бронзы в Поволжье, хотя и претерпела изменения, но не стала идентичной точке зрения Н. К. Качаловой. Н. Я. Мерперт стал называть полтавкинские памятники просто «группой» [9, с. 96, 97], а В. П. Шилов стал их характеризовать как памятники «полтавкинской ступени» [10, с. 92—107], вернувшись по сути дела к определению, данному П. Д. Рау. В. П. Шилов отмечал, что эту группу памятников не следует считать культурой, поскольку по обряду погребения она не представляет единого целого [10, с. 92]. Таким образом, был поставлен вопрос о культурной монолитности данной группы памятников.

Указанный вопрос оказался связанным с тем, что наряду с памятниками, причисляемыми к полтавкинским (в разной их трактовке), стали выделяться на тех же территориях памятники, относящиеся также к эпохе средней бронзы, но определяемые как катакомбные. Вначале это вопрос был поставлен И. В. Синицыным [3, с. 188—190] Его поддержал В. П. Шилов [11, с. 412, 413, 416] Эту же позицию разделял В. А. Фисенко [12, с. 181]. Но по данному вопросу возникли разночтения.

К. Ф. Смирнов, признавая проникновение катакомбных племен в Заволжье, подверг, однако, сомнению существование катакомбной культуры одновременно с полтавкинской [6, с. 310; 13, с. 238; 239] Более обстоятельно эта точка зрения обосновывалась Н. К. Качаловой — указанные памятники рассматривались ею как полтавкинские с катакомбными чертами. Вывод, к которому она пришла, заключался в следующем: возможность существования в тот же период на той же территории полтавкинских племен параллельно с катакомбными исключается. По ее мнению, можно говорить лишь о проникновении отдельных групп, которое нашло свое отражение в погребальном обряде и керамике полтавкинских памятников [6, с. 11]. Взяв за основу 33 погребения и 2 находки из Нижнего Поволжья, которые, по ее мнению, имели катакомбные черты [6, с. 9—13, вклейка], Н. К. Качалова рассмотрела эти памятники в трех аспектах: погребальный обряд — керамика — деформация черепа, получив при этом 10 комбинаций с различным сочетанием катакомбных и полтавкинских черт. В связи с этим важно выяснить, какие же признаки здесь считать полтавкинскими и какие — катакомбными. Итак, полтавкинский обряд зафиксирован в 14 случаях. Общим признаком здесь выступает форма могилы в виде четырехугольной в плане ямы, часто со скругленными углами, иногда с заплечиками. Что касается позы погребенных, то она различна: на спине скорченно, на боку скорченно, с руками, протянутыми к ногам, и на боку скорченно с руками, расположенными перед лицом. Катакомбный обряд, по мнению автора рассматриваемой версии, представлен также в 14 случаях. За основу этого обряда взята форма могилы в виде катакомбы. Поза погребенных, как правило, скорченно на боку и руки протянуты к ногам, т. е. один из вариантов позы полтавкинского обряда, по Н. К. Качаловой. Таким образом, различие между полтавкинским и катакомбным обрядом определяется по форме могилы: простая четырехугольная яма у полтавкинцев, катакомбы — у катакомбников. Наличие полтавкинской керамики отмечено в 10 случаях, и в 2 случаях — сочетание катакомбной формы сосудов с полтавкинской орнаментацией. Деформация черепа, отмеченная в 10 случаях, считается катакомбным признаком, при этом справедливо замечено, что при сочетании с элементами другой культуры этот признак не может являться определяющим. Значительное накопление нового материала со времени публикации рассматри-

ваемой статьи заставляет несколько по-иному оценить характер культурно-типологической ситуации в изучаемом районе. В частности, анализ представленных сосудов показывает, что большинство из них находит аналогии в катакомбных памятниках соседних районов.

Поза погребенных в полтавкинских могилах Н. К. Качаловой определяется в основном тремя типами: «скорченно на спине», «скорченно на боку и руки протянуты к ногам», «скорченно на боку, руки протянуты к лицу». Позиция «скорченно на боку и руки протянуты к лицу» отмечена лишь в единичных случаях. Какова же позиция погребенных в катакомбных погребениях, и в первую очередь соседних районов? Для катакомбных погребений Нижнего Дона С. Н. Братченко указывал, что погребенные здесь имеют скорченное положение на боку, кисти рук находятся у бедер или колен. Особо выделяются погребенные, у которых руки согнуты и протянуты к лицу [14, с. 21]. Ю. П. Матвеев, не определяя положения рук, констатирует, что для среднедонской катакомбной культуры наиболее типичен обряд трупоположения скорченно на боку [15, с. 56] Как наиболее типичную для всей территории юго-восточного варианта катакомбной культуры, и особенно для районов Калмыкии и Маныча, В. А. Фисенко отмечал позу, когда погребенные лежат на левом боку, с ногами, согнутыми в коленях и подтянутыми к животу, а руки слегка согнуты в локтях, вытянуты перед грудью и кистями положены между бедер [16, с. 74, 75] Общую картину позиций погребенных рассматриваемого и сопредельных районов дает Д. Я. Телегин. В частности, из составленных им таблиц для районов Подонья и Северского Донца видно решительное преобладание позы «скорченно на боку и руки протянуты к ногам» — «скачущего всадника» (IIIа) в катакомбных погребениях. Очевидно также преобладание позиции «скорченно на спине» для ямных погребений и позиции «скорченно на боку, руки к лицу» — «адорации» (IIIб) для срубных погребений. Однако данные по срубным погребениям Поволжья здесь неточны в связи с тем, что некоторые исследователи включали сюда погребения эпохи средней бронзы, рассматривая их как ранний этап (полтавкинский) срубной культуры [17, с. 18, 19]

Для срубных погребений Нижнего Поволжья Н. К. Качалова отмечает подавляющее преобладание позы «скорченно на левом боку, с руками, согнутыми в локтях, и кистями, расположенными у лица» [18, с. 18, 19]

При этом следует подчеркнуть, что позицию погребенных не следует абсолютизировать, и, используя ее в качестве культурного индикатора, нужно исходить из территориального и хронологического контекста в каждом случае отдельно, а также учитывать возможные контакты.

Таким образом, группа памятников, трактуемая Н. К. Качаловой как полтавкинская с преимущественно катакомбными элементами, по своим характерным чертам позволяет большинство из представленных памятников интерпретировать как катакомбные.

Накопление материалов в 70-х годах дало возможность И. Б. Васильеву выделить в Среднем Поволжье группу полтавкинских погребений, имеющих черты своеобразия. На основании этого он предложил рассматривать нижневолжскую и средневолжскую полтавкинские группы в качестве отдельных культур, добавив сюда еще приуральскую и прикаспийскую и объединив их в полтавкинскую общность [19, с. 47—49] Затем Н. К. Качалова сделала обзор этих материалов в рамках уже полтавкинской общности, правда с делением уже не на культуры, а на варианты-группы [20, с. 4—19]. Представляется, что как прикаспийская, так и приуральская группы в настоящее время не представлены материалом, необходимым для их определения в качестве самостоятельных вариантов культуры, а тем более особых культур. Первая базируется преимущественно на сборах фрагментированного материала, вторая — на погребальных комплексах, большинство которых в культурном плане либо аморфны, либо укладываются в рамки алакульских древностей.

Изменение таксономического ранга полтавкинских памятников в связи с рас-

ширением источниковедческой базы — дело вполне естественное. Однако для придания того или иного статуса этой группы следует учитывать характер образующих ее компонентов. Одним из таких компонентов выступает серия погребений, которые могут рассматриваться как катакомбные и не могут быть включены в состав полтавкинских (пример — группа погребений с катакомбными чертами, по Н. К. Качаловой). Но если исключить такого рода погребения из полтавкинских, иным предстает и характер собственно полтавкинских погребений. Эта группа становится монолитной. Подпрямоугольные ямы, поза погребенных на спине скорченно, баночно-яйцевидные сосуды — таковы некоторые из главных ее черт. Нетрудно увидеть здесь и черты предшествующей ямной культурной группы, причем связь эта довольно плотная, несмотря на имеющиеся различия. Именно это обстоятельство не позволяет видеть в полтавкинской группе обычную самостоятельную культуру, а только культуру-дериват. И именно это обстоятельство не позволяет рассматривать полтавкинские варианты или даже культуры в рамках самостоятельной полтавкинской общности. Здесь имеет место общность другого характера — ямно-полтавкинская культурно-генетическая общность.

Обобщая разработки последних лет, Н. К. Качалова и И. Б. Васильев в статье «О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья» [21] посвятили значительное место критике положений моей диссертационной работы «Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур)». Масса недоуменных вопросов и сомнений, приведенных в указанной статье, обращенных к диссертации, базируется на тексте автореферата. Очевидно, авторы статьи не читали текста диссертации, иначе большинства из задаваемых ими вопросов просто бы не возникло. Автореферат, разумеется, не может заменить полного текста работы, а выдвигаемые обвинения тем самым просто теряют под собой почву.

Остановлюсь на некоторых замечаниях, связанных с моими статьями. Так, в контексте сопоставления позднего периода средней бронзы Степного Поволжья со срубным сказано, что первый представлен погребениями с деформированными черепами, ориентировкой в южном секторе, позой «скачущего всадника», катакомбой-подбоем [22, с. 24] Смысл данного абзаца не в том, чтобы дать характеристику позднего периода средней бронзы Степного Поволжья, поэтому в нем не было оговорено, в какой степени и в каком сочетании встречаются перечисленные признаки, но это послужило основанием для упрека в искажении именно характеристики памятников этого периода. Н. К. Качалова и И. Б. Васильев не захотели в данном случае понять автора.

Заявление оппонентов о том, что В. И. Мельник и Г Г Пятых, опираясь на выводы друг друга, образовали тем самым «замкнутый круг» в попытках решения проблемы [21, с. 213], не соответствует действительности. Я не опирался на выводы Г Г Пятых в своих разработках, что легко проверяется.

Объявляя ошибочными основные выводы диссертации, а следовательно, в том числе: 1) существование в Поволжье наряду с полтавкинскими памятниками катакомбных; 2) наличие погребений, в которых сочетаются полтавкинские и катакомбные элементы; 3) постепенное проникновение катакомбных племен в Поволжье; 4) проникновение сюда носителей разных катакомбных культур (обо всем этом написано в моем автореферате [23, с. 9—10, 13, 15]), оппоненты тем самым отвергают эти положения. Тем не менее это не мешает им на с. 219 и 220 их статьи [21] выдвигать те же самые положения. При этом они ссылаются на работы различных авторов, но уже не упоминают о моих разработках. Зачем же нужно было оппонентам отрицать эти положения в моей работе?

Дискуссия по полтавкинской проблеме продолжается длительное время, и она лишний раз свидетельствует, что для обоснования тех или иных положений необходима система аргументированных доказательств. Декларации и передергивания в критике не укрепляют позиции исследователя и не способствуют решению сложных вопросов исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыков П. С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области. Саратов, 1927
2. *Rau P.* Hockergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928.
3. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953) // МИА. 1959. № 60.
4. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1947 Вып. XVII.
5. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
6. *Качалова Н. К.* О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
7. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.
8. *Клейн Л. С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
9. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
11. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
12. *Фисенко В. А.* Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал // СА. 1962. № 4.
13. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
14. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
15. *Матвеев Ю. П.* История населения среднедонской катакомбной культуры: Канд. дис. Воронеж, 1982 // Архив ИА АН СССР. Ф. Р-2. № 2307
16. *Фисенко В. А.* Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока // Археологический сборник. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966.
17. *Телегин Д. Я.* Об основных позициях в положении погребальных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
18. *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры // КСИА. 1967 Вып. 112.
19. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Науч. тр. КГПИ. Т. 230. Куйбышев, 1979.
20. *Качалова Н. К.* О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
21. *Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
22. *Мельник В. И.* К вопросу о происхождении срубной культуры // КСИА. 1982. Вып. 169.
23. *Мельник В. И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур): Автореф. канд. дис. М.: 07 00.06, 1985.

В. В. ОТРОЩЕНКО

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ПОЛТАВКИНСКИХ И КАТАКОМБНЫХ ПЛЕМЕН В СЛОЖЕНИИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Дискуссионная статья Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева «О некоторых вопросах эпохи бронзы Поволжья» [1] вызывает желание высказаться по существу затронутых в ней проблем. Справедливо критикуя ряд положений в работах В. И. Мельника и Г Г Пятых, авторы статьи прошли мимо позитивных моментов, установленных молодыми исследователями. В 1978 г. на I Совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности В. И. Мельник показал, что гипотеза о генетической связи полтавкинской и срубной культур, разработанная О. А. Кривцовой-Граковой, недостаточно обоснована изначально и не подвергалась критической проверке впоследствии. Докладчик пришел к выводу, что «если какая-то связь между этими культурами и существует, то она носит, несомненно, более сложный характер» [2, с. 56, 57]. За прошедшие с тех пор 10 лет никто не опроверг этот исходный вывод на конкретном материале. В работе о формировании срубной культуры Поволжья вновь постулировано «общее генетическое родство между полтавкинскими и срубными племенами» по признакам, которые могут расцениваться и как определенные культурные традиции [3, с. 14—19] Здесь же высказано мнение, что полтавкинские памятники непосредственно предшествуют срубным в Поволжье [3, с. 21].

© В. В. Отрощенко, 1990 г.

Реальные различия между памятниками полтавкинской и срубной культур, сформулированные В. И. Мельником, свидетельствуют скорее всего о хронологическом разрыве между ними. К такому выводу прямо или косвенно пришли несколько исследователей, занимающихся памятниками сопредельных с Поволжьем территорий. К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина предложили схему хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья и смежных областей, согласно которой полтавкинская и катакомбная культуры сменяются новокумакским типом памятников, абашевской и многоваликовой культурами, а на смену последним в свою очередь приходят алакульская и срубная культуры [4, с. 26, рис. 8] Выделив предсрубный культурно-хронологический горизонт памятников на Украине, С. С. Березанская синхронизировала его с горизонтом постшнуровых культур Правобережной Украины на западе, абашевской культурой и новокумакским горизонтом на востоке [5, с. 82, 83], подчеркнув, что все перечисленные культуры и типы памятников относятся к досейминским памятникам, а значит, и к досрубному времени. Обе эти схемы не конкретизировали ситуацию в Поволжье, но, рассредоточив во времени катакомбно-полтавкинский и срубно-алакульский блоки культур (по терминологии В. С. Бочкарева) к востоку и западу от бассейна Волги, фактически стимулировали поиск промежуточных памятников в рассматриваемом регионе. Куйбышевские археологи выделили вначале отдельные погребения новокумакского типа в Нижнем и Среднем Поволжье [6, с. 17, 18, рис. 10], а затем и целый Потаповский могильник раннепетровского (ранненовокумакского) времени [7, с. 72] По их мнению, материалы Потаповского могильника «отражают процесс участия полтавкинского, абашевского и раннепетровского населения в сложении срубной культуры». Но ведь полтавкинское население, с одной стороны, абашевское и петровское — с другой, жили в разное время. Полтавкинцы могли принять участие в сложении памятников петровской культуры (новокумакского типа) и типа Потаповского могильника, но не срубной культуры, с которой они хронологически не соприкасались. До срубного времени доживают отдельные полтавкинские традиции, что неадекватно прямому генетическому родству.

Культурно-историческую ситуацию в Нижнем и Среднем Поволжье с учетом новейших археологических открытий отражает хронологическая схема Э. С. Шарафутдиновой, согласно которой, полтавкинскую культуру сменяют памятники типа: Потаповский могильник — Новый Кумак — Петровка. «Генезис срубной и алакульской культур, например, выявляется при распаде блока предшествующих культур (памятники типа Новый Кумак — Петровка)»,— комментирует свою схему автор [8, с. 44, вклейка] Вряд ли правомерно применение понятия «блок культур» к памятникам типа Новый Кумак — Петровка. Горизонт культур представляется более удачным в данном случае, однако в схеме это частное разночтение ничего не меняет.

Сторонники генетической линии от катакомбной культуры к срубной сталкиваются с той же проблемой хронологического разрыва между культурами, связываемыми в генетическую цепочку, что и сторонники полтавкинской версии. Г Г Пятых допускает, что именно в Поволжье имел место контакт, более того — сосуществование катакомбной культуры со срубной, на том основании, что в регионе отсутствуют памятники культуры многоваликовой керамики [9, с. 91, 92] Однако, пусть немногочисленные, памятники культуры многоваликовой керамики на Правобережье Волги есть [10, с. 241—244], и соприкасаться они здесь должны с памятниками типа Новый Кумак — Потаповка, которые уже известны к западу от Волги.

Смена катакомбно-полтавкинского блока культур памятниками предсрубного горизонта сопровождалась радикальными новшествами в средствах передвижения — сменой сплошных дисковых колес колесами со спицами и, как результат, появлением легкой боевой колесницы. Наиболее яркие и богатые погребальные памятники этой эпохи связаны с захоронениями воинов-колесничих [11, с. 144—147; 12, с. 135] Обстановка нестабильности и постоянной

военной опасности не могла не привести к значительным перемещениям населения в предсрубный период. В таких условиях сложение срубной культуры означало поворот от неустойчивости к стабильности. Воинское сословие, которое в период формирования гарантировало жизнестойкость новой культуры, некоторое время продолжает занимать ведущее положение в обществе, а затем уступает место основным производителям материальных благ, что находит отражение в обряде погребения, а конкретнее — в исчезновении со временем погребений с оружием. Такова предельно общая схема возможного варианта сложения срубной культуры, определяющая раннюю хронологическую позицию захоронений воинов в системе срубных древностей.

Ключевое значение в системе срубных древностей по-прежнему принадлежит Покровским курганам. Грандиозные раскопки, предпринятые в Поволжье в последние 40 лет, лишь оттенили их особую роль и уникальность. Куйбышевские исследователи обратили внимание на необычность сопровождающего инвентаря кург. 35 в юго-западной группе у г. Покровска и отнесли его к числу новокумакских [6, с. 15]. В. С. Бочкарев отметил предсрубный набор металлических изделий из этого кургана [13, с. 101] Уточнив хронологическое взаимоотношение Сейминского и Турбинского могильников и обосновав синхронизацию Турбино с абашевскими и петровскими памятниками, а Сеймы — с раннесрубными и алакульскими [13, с. 107—109], В. С. Бочкарев привел новые факты в пользу реальности предсрубного горизонта памятников в Поволжье и включил в него, основываясь на данных типологического и спектрального анализа, кург. 35 у Покровска [13, с. 101] В свете новых наблюдений Покровские курганы представляются своеобразным мостиком из предсрубного периода в срубную культуру.

Такой взгляд на Покровские курганы и мнение об их относительно раннем возрасте среди памятников срубной культуры расходятся с хронологической схемой Н. К. Качаловой, помещающей покровский горизонт погребений срубной культуры после бережновского [14, с. 76, рис. 3] Позднее Н. К. Качалова отнесла ведущие комплексы Покровских курганов, как инокультурные, ко второму периоду срубной культуры Нижнего Поволжья, т. е. опять-таки после памятников первого периода, именовавшихся ранее бережновскими [15, с. 33, рис. 5] Выделение раннего (бережновского) пласта срубных памятников Степного Поволжья считается принципиально важным [1] К сожалению, до сих пор никто не произвел критического разбора бережновских комплексов, не уточнил возможности реального датирования их.

Курганы срубной культуры Поволжья дают минимальное количество фактов прямой или хотя бы относительной стратиграфии интересующих нас погребений. Имеющихся стратиграфических наблюдений явно недостаточно для построения убедительной стратиграфической колонки погребений срубной культуры Поволжья. Специально посвященная этому вопросу статья Н. К. Качаловой наглядно показывает, как нереальны попытки хронологически разграничить погребения срубной культуры, ориентированные на восток и северо-восток. В трех случаях ориентированные на восток погребения перекрыты могилами с северо-восточной ориентировкой, в одном — наоборот [16, с. 30, 31, рис. 2] Однако меня более убеждает стратиграфическая ситуация в кург. 88—90 в группе Бережновка II, где в одном стратиграфическом горизонте находятся 11 погребений, ориентированных на восток, и захоронений с северо-восточной ориентировкой. Особенно показателен курган 90, где основным было погребение 2, ориентированное на северо-восток и сопровождавшееся бронзовым ножом и каменным навершием булавы [17, с. 92, рис. 35,*1,2*]. Из других погребений срубной культуры в этом кургане 5 ориентированы на восток и 2 — на северо-восток. Н. К. Качалова, проанализировав стратиграфическую ситуацию, пришла к выводу, что все 8 погребений срубной культуры в кург 90 «практически одновременны» [16, с. 33, 34, рис. 2, *90*] Но, принимая одновременность погребений в кург. 90, следует допустить и возможность синхронизации

первой и второй стратиграфических групп погребений срубной культуры Нижнего Поволжья, различающихся практически только по ориентировке. Нет убедительных данных относительно стратиграфического взаиморасположения бережновской и третьей обрядовой группы погребений срубной культуры, в которой умершие ориентированы на север и северо-запад и где наиболее явственно заметны абашевские элементы. Обычно погребения, ориентированные на восток и север, находятся в разных курганах. К тому же бережновские и покровские памятники занимают в основном различные территории: первые сосредоточены в Волгоградской и на самом юге Саратовской обл., а вторые занимают север Саратовской и юг Куйбышевской обл.

В целом стратиграфия курганов не дает убедительных фактов в пользу относительной древности бережновской группы погребений. Поражает скудость сопровождающего инвентаря в этих комплексах (помимо керамики). Особенно это заметно на фоне насыщенных инвентарем погребений второй и третьей стратиграфических групп [15, с. 54, рис. 2] Но и те немногие предметы, которые Н. К. Качалова относит к бережновскому горизонту, фактически не вписываются в него. Упоминавшийся комплекс погр. 2 кург. 90 у с. Бережновка, с ножом и булавой, строго говоря, не может фигурировать в бережновских таблицах, так как умерший в этой могиле ориентирован головой на северо-восток. Бронзовый нож с ромбическим окончанием черенка из погр. 4 кург. 80 в группе Бережновка II характерен для абашевско-срубных и абашевско-алакульских комплексов. А. Д. Пряхин отмечает, что в заведомо срубных или алакульских комплексах такие ножи неизвестны [18, с. 147, рис. 28]. Н. М. Малов опубликовал сосуд из этого погребения как образец керамики абашевского типа в погребениях бережновского горизонта [19, с. 208, рис. 3,*3*] Он же упоминает еще 6 погребений бережновского горизонта с керамикой абашевского типа. В погр. 7 кург. 3 у с. Максютово Саратовской обл. вместе с горшком абашевского типа обнаружено ожерелье из 30 сурьмяных бус. Аналогичный сосуд обнаружен и в погр. 5 из этого же кургана [19, с. 207, рис. 3, *9,14*]. Думаю, что и погр. 4 кург. 3 у с. Максютово со слабо скорченным положением умерших, горшковидным сосудом, бронзовыми пронизями и височной подвеской также содержит элементы абашевской культуры. Поскольку Н. К. Качалова настаивает на исключении из числа срубных тех погребений, которые содержат керамику абашевского типа [14, с. 71], то и упомянутые выше комплексы следует также вычленить из числа бережновских. Но в таком случае бережновский горизонт вообще лишается датирующих вещей, за исключением одного ножа листовидной формы (Бережновка I, кург. 36, погр. 1).

Особая древность бережновских памятников в системе срубных древностей не имеет надежных обоснований. Думается, их и не будет. Больше 10 лет прошло со времени выделения бережновского горизонта, а список достоверно бережновских комплексов остается прежним, если не сокращается, хотя раскопки курганов в Поволжье ведутся весьма интенсивно. Модели бережновской группы погребений более всего соответствуют яркие погребения срубной культуры с территории Украины, но здесь они стратиграфически следуют за погребениями срубной культуры с элементами абашевской, в которых умершие ориентированы на север и северо-восток [20, с. 52, 53, табл. 2; 21, с. 30]. Очевидно, исследователям Поволжья следует учесть стратиграфические наблюдения, полученные в западных регионах срубного мира, тем более что они косвенно подтверждают относительную древность Покровских курганов, так же, как подтверждают ее материалы курганов лесостепного Поволжья. Г М. Буров относит к раннесрубной культуре (покровскому периоду) подавляющее большинство срубных погребений, которые он подразделяет на два этапа: ишеевский, с выраженными абашевскими элементами, и ягодненский, маркируемый алакульскими влияниями [22, с. 54—60]. И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина и А. П. Семенова в трехчленной схеме развития срубной культуры лесостепного Поволжья определяют место памятников покровского типа среди древностей первого

периода срубной культуры. Ими допускается синхронность погребений покровского и бережновского типов. «Данных, показывающих, что покровским памятникам на Волге предшествуют чистые ранние срубные памятники, нет» [7, с. 71] В последней фразе чувствуется принципиальное несогласие с периодизацией срубной культуры Нижнего Поволжья, но критики бережновского горизонта за ней не последовало.

Справедливости ради замечу, что и трехчленная периодизация срубной культуры Среднего Поволжья в куйбышевском варианте представляется неоправданно дробной. Между памятниками второго и третьего периодов нет различий на уровне датирующих вещей; следовательно, они одновременны. Такую же претензию можно предъявить всем трех- и четырехэтапным периодизациям срубной культуры Поволжья. Если раньше обилие памятников объяснялось длительностью существования срубной культуры, то ныне в системе хронологии эпохи бронзы Восточной Европы ей может быть отведено два-три века, и феномен состоит в обилии памятников на относительно коротком отрезке времени. В данной ситуации определенная сдержанность периодизации Г М. Бурова более всего соответствует археологическим фактам.

Из культур предсрубного горизонта наибольший вклад в сложение срубной внесла абашевская культура. Речь идет о реальном вкладе, фиксируемом по материалам многих поселений и сотен погребений по всему срубному ареалу, за исключением самых дальних окраин. Этот вклад нельзя объяснить контактами между носителями абашевской и срубной культур, так как первая предшествует второй. В силу отмеченной разновременности нельзя памятники с абашевскими чертами относить к абашевской культуре, объявлять их синкретичными и т. п. О. В. Кузьмина выделила так называемые срубно-абашевские памятники в особый тип, названный позднее покровским [7, с. 71; 23, с. 18, 19] Покровский тип рассматривается в системе памятников срубной культуры I периода, и ни к какой иной культуре он принадлежать не может. Важно, что О. В. Кузьмина рассматривает памятники покровского типа в целом, без членения на степные и лесостепные. Такая постановка вопроса предполагает одновременное появление их в степи и лесостепи, а не поэтапно, т. е. в лесостепи в первый период и в степи во второй [24, с. 31—35]. Тем более, что граница степи и лесостепи на Левобережье Волги в древности остается предметом оживленной дискуссии. Г Г Пятых обращает внимание на то, что южная часть Среднего Поволжья, в пределах Куйбышевской обл., захватывает северную часть заволжской степи. Именно в этом, по сути степном регионе расположены памятники «лесостепной» полтавкинской культуры и наиболее ранние памятники «средневолжской» срубной культуры [25, с. 61]

Огромная территория, занимаемая памятниками срубной культуры Поволжья, предполагает большее число локальных вариантов, чем известные на сегодняшний день степной и лесостепной. В порядке обсуждения предлагаю лесостепной вариант поволжской срубной культуры ограничить на юге естественной (по выражению Г Г Пятых) границей степи и лесостепи, которая в Заволжье проходит по рекам Самара и Кинель. Северный степной вариант займет зону разнотравно-дерновинно-злаковых степей до г Покровска. Южный степной вариант, с памятниками бережновского типа, займет зону дерновинно-злаковых сухих и зону полынно-дерновинно-злаковых опустыненных степей. При таком территориальном делении памятников срубной культуры удается выделить ареал наибольшего сосредоточения комплексов покровского типа в северной степной зоне. Только в Заволжье, между Самарой и Покровском, раскопаны воинские курганные могильники (Покровск, Натальино, Песочное, Новопавловка). Здесь наиболее высокий процент погребений воинов относительно всех погребений срубной культуры, наибольший процент «богатых» захоронений и погребений, выполненных по обряду кремации. Вероятно, события, происходившие в зоне сосредоточения наиболее ранних и наиболее ярких памятников, сыграли решающую роль в сложении срубной культуры как таковой.

В заключение хочется подчеркнуть, что достижения археологии последних десятилетий позволяют достаточно уверенно говорить о решающей роли культур предсрубного горизонта, а не катакомбной и полтавкинской, ему предшествовавших, в формировании срубной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
2. *Мельник В. И.* Об основании гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур (критико-историографический анализ) // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1978.
3. *Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.
4. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977
5. *Березанская С. С.* Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1978.
6. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1983.
7 *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.
8. *Шарафутдинова Э. С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1987
9. *Пятых Г. Г.* К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1983.
10. *Монахов С. Ю.* Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1.
11. *Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта // АО—1984. М., 1975.
12. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
13. *Бочкарев В. С.* К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 3. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1986.
14. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978. № 3.
15. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.
16. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
17 *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // МИА. 1960. № 78.
18. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.
19. *Малов Н. М.* Конструктивные особенности псалия из Краснополья // СА. 1983. № 4.
20. *Гершкович Я. П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней — поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
21. *Березанская С. С.* Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
22. *Буров Г. М.* Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. Ульяновск: Приволж. кн. изд-во, 1981.
23. *Кузьмина О. В.* Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1983.
24. *Качалова Н. К.* О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
25. *Пятых Г. Г.* Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры // СА. 1985. № 3.

Г. Г. ПЯТЫХ

К ДИСКУССИИ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В дискуссионной статье Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева «О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья» [1] большое внимание уделено критике, направленной в адрес В. И. Мельника и мой. Суть моих расхождений с оппонентами — в мнении об истоках происхождения срубной культуры в Поволжье. Оппоненты полагают, что главной основой сложения этой культуры явилась так называемая «полтавкинская культура» [1, с. 222]; на мой взгляд, основная роль принадлежит здесь катакомбной и абашевской культурам.

Полтавкинская концепция основывается на следующих основных положениях: 1) полтавкинские и срубные захоронения совершены в простых ямах; 2) в погребальных конструкциях обеих культур имеется сходство и по наличию перекрытий ям деревом (в полтавкинской культуре — преимущественно на раннем этапе); 3) погребенные в могильниках обеих культур скорчены; 4) отмечается «некоторая преемственность» в формах керамических сосудов.

Критика полтавкинской концепции происхождения срубной культуры основывается прежде всего на том, что в ее рамках не находят решения вопросы ряда основных характеристик срубной культуры, таких, как приводимые ниже. Традиция захоронений в ямах широко распространена и не может быть выведена исключительно из «полтавкинской культуры». Деревянные конструкции присущи более всего раннеполтавкинским погребениям. В полтавкинских захоронениях погребенные скорчены на спине или на боку с руками, протянутыми к коленям, в срубных — на боку, с руками у лица. Генетическая основа для ряда форм сосудов срубной культуры в полтавкинских памятниках попросту отсутствует. При построении генетического ряда развития срубной керамики из полтавкинской используется неприемлемо малый материал, происходящий к тому же из нестратифицированных памятников.

Орнаментика на срубной керамике существенно отличается от полтавкинской по мотивам, элементам орнаментов, система их нанесения и технике исполнения. Из «полтавкинской культуры» невозможно вывести типы металлических орудий труда срубной культуры, вооружения (как металлического, так и всего остального), украшений; генетическая основа металлических изделий срубной культуры на уровне типологии в «полтавкинской» просто отсутствует. То же относится и к остальному инвентарю срубной культуры. Для погребений позднеполтавкинского этапа, на основе которого, по логике, и должна была сложиться срубная культура, не характерны ни формы, ни размеры, ни типы погребальных сооружений, присущие раннесрубной культуре, ни количество и состав инвентаря. В рамках полтавкинской гипотезы невозможно объяснить, как такое колоссальное образование, как срубная культурно-историческая область, могло сложиться на основе небольшой «полтавкинской культуры».

Из всех этих положений делался вывод, что срубная культура сложилась, видимо, на более широкой основе, а полтавкинская могла явиться лишь одним из компонентов такой основы. Критика полтавкинской концепции была суммирована мною в работе 1985 г. [2, с. 57 сл.] Подчеркну, что часть этих критических положений была обоснована самой же Н. К. Качаловой. В этой же работе [2] рассматривается гипотеза И. Б. Васильева о «полтавкинской культурно-исторической общности», будто бы состоящей из «средневолжской» («лесостепной»), «нижневолжской», «приуральской» и «прикаспийской» «полтавкинских культур». Объективно гипотеза И. Б. Васильева направлена на снятие тезиса о количественной и территориальной недостаточности «полтавкинской культуры» для выведения из нее срубной. Исследователь полагает, что именно на основе «полтавкинской общности» и произошло сложение срубной. Мое несогласие с И. Б. Васильевым [2, с. 57 сл.] сводится к следующему.

© Г. Г Пятых, 1990 г.

1. Поздний этап «средневолжской полтавкинской культуры» представлен И. Б. Васильевым всего 10 погребениями, которые не смогут снять тезис о количественной недостаточности «полтавкинской культуры» как основы сложения срубной.

2. Эти 10 погребений, как отмечает И. Б. Васильев, имеют большое сходство с поздними погребениями «нижневолжской полтавкинской культуры» (или «степной»), и неясно, почему они выделены в отдельную культуру, тем более что расположены они не в лесостепи, а в степи.

3. И. Б. Васильев не сообщает, какие принципы он кладет в основу отделения одной культуры от другой или на основе чего отличает культуру от культурно-исторической общности.

4. «Приуральская полтавкинская культура» выделена на основе нескольких погребений, по заключению Н. Я. Мерперта и В. П. Шилова к полтавкинским древностям отношения не имеющим. И. Б. Васильев этого и не отрицает, но культуру выделяет.

5. «Прикаспийская полтавкинская культура» выделена на керамических материалах с барханов Прикаспия, но при этом не было приведено никаких доказательств в пользу того, что эта керамика характеризуется набором черт, присущих именно полтавкинским памятникам, тем более что сам И. Б. Васильев отмечает в этой керамике ряд своеобразных особенностей.

6. Не приводится доказательств, что пустыни Прикаспия были регионом сложения срубной культуры наряду с другими районами.

7 С позиций «полтавкинской культурно-исторической общности» по-прежнему не решаются проблемы происхождения в срубной культуре таких ведущих характеристик, как ряд форм сосудов, орнаменты, техника их нанесения, типы металлических орудий, металлического и всего остального оружия, украшений, важнейших характеристик погребального обряда и т. д.

В этой же работе [2] был проделан и анализ доказательств Н. К. Качаловой и сделан вывод, что в состав характеристик «полтавкинской культурно-исторической общности» ею были включены материалы, которые к полтавкинским отнести нельзя. Общий вывод исследования обоснований «полтавкинской культурно-исторической общности» был таков, что данная «общность» является искусственно сконструированным понятием, ибо ее выделение не обеспечено необходимым материалом ни в качественном, ни в количественном отношении, в доказательствах отсутствует развернутый и строго научный анализ, зато есть противоречия и натяжки [2, с. 57—63]

Уже с 60-х годов исследователями ставился вопрос о поисках иных, нежели полтавкинская культура, истоках происхождения ведущих характеристик срубной. И проделанные в последнее десятилетие исследования указывают в качестве таковых на позднекатакомбные и абашевские культурные образования. В пользу этой точки зрения свидетельствует, на мой взгляд, система следующих фактов: 1) более раннее сложение этих культур относительно срубной; 2) для очень больших территорий — прямое совпадение ареалов этих культур со срубным; 3) наличие в катакомбных культурах «позы адорации» погребенных, которая получает господствующее распространение в срубной культуре; 4) широкое распространение в катакомбных и абашевских культурах ориентировок погребенных, характерных для срубной культуры, а также существование в этих культурах и всех остальных погребальных традиций, встречаемых в раннесрубных памятниках; 5) часто отмечаемое сходство либо даже тождество конструктивных принципов погребальных сооружений в поволжских раннесрубных и донских абашевских памятниках; сходство большинства форм сосудов, происходящих из раннесрубных памятников Поволжья, с формами посуды катакомбных и абашевских культур (проведенный мною анализ керамики показывает, что сосуды из раннесрубных памятников разделились более чем на 30 разновидностей; прототипы и даже прямые аналогии большинству из них обнаружились в катакомбных и абашевских материалах); 6) то же выяви-

лось и в отношении орнаментов: все основные и второстепенные элементы раннесрубных орнаментов — горизонтальные линии, зигзаги, образующие треугольники вершинами вверх и вниз, крестообразные фигуры, разного рода ямки, расчесы зубчатым штампом, «личинки» и все остальные, вплоть до редко встречаемых, а также традиция орнаментации среза венчика, преимущественного расположения орнамента в верхней части сосуда — все эти характеристики очень часто встречаются в катакомбных и абашевских культурах; 7) в этих же культурах были распространены и технические приемы нанесения орнаментов, наиболее характерные для срубной культуры; 8) прототипы основных категорий металлических орудий труда и вооружения срубной культуры, не встречаемые в полтавкинских памятниках, находятся среди катакомбных и абашевских древностей (можно предполагать, что металлургическое производство в культурах сейминского горизонта, в том числе в срубной, основывалось на использовании всех конструктивных и технических достижений Циркумпонтийской металлургической провинции, «...сыгравшей важнейшую роль в формировании металлургии Евразийской провинции» [3, с. 75]); 9) с традициями катакомбных культур, судя по аналогам, вероятнее всего, связываются по происхождению и находки в раннесрубных погребениях каменных полированных топоров, булав, деревянной посуды и других категорий инвентаря, которые невозможно вывести из полтавкинской культуры.

Все эти положения о возможной роли катакомбных и абашевских культур в сложении срубной были обоснованы и изложены автором в различное время в нескольких докладах, прочитанных на проблемных археологических конференциях (Челябинск, 1980; Куйбышев, 1982; Саратов, 1984), в докладах по выполненным плановым темам на заседаниях Отдела неолита и бронзового века ИА АН СССР и опубликованы в трех статьях [4—6]

Ведение дискуссии предполагает исследование положений оппонента или собственных, ибо само слово «discussio» переводится с латинского как «исследование», «разбор» [1] Соответственно обязанностью участников дискуссии является: 1) изложение исследуемого тезиса, 2) всесторонний разбор его доказательств. Если дискуссия идет по целостной концепции, изложению и исследованию подлежат все ее составные части. К сожалению, Н. К. Качалова и И. Б. Васильев в своей статье, опубликованной в академическом журнале, отказались от правил ведения академической дискуссии. Оппоненты не раскрывают содержания и не приводят доказательств ни одного положения моей концепции или тезиса критики полтавкинской гипотезы происхождения срубной культуры. Кроме того, по существу дискуссии они отвечают лишь на два конкретных тезиса. Во-первых, они отвергают положение о недостаточности материалов для выделения «полтавкинской культурно-исторической общности», но не приводят при этом ни конкретных цифровых данных, ни критериев достаточности. Они просто сообщают, что новых полтавкинских материалов очень много и, «...чтобы не видеть их, нужно просто не хотеть» [1, с. 218]. Однако мой вывод был основан на конкретных подсчетах материалов, которые к выходу моих статей опубликовали или на которые ссылались оппоненты. Далее оппоненты ссылаются (опять без конкретизации численности) на новые материалы последних лет из Прикаспия, Оренбуржья, Среднего Поволжья, которые «резко увеличили количество полтавкинских материалов» [1, с. 218]. Что касается материалов из Среднего Поволжья, на которые оппоненты указывают в сноске 21, то здесь странное недоразумение. Эти материалы — совсем не результат работ последних лет, они были опубликованы еще в 1979 г., в моей работе [2] на эту публикацию ссылка есть, и «резко увеличить» количество самих себя эти материалы не в состоянии.

При проверке ссылки 20 на полтавкинские материалы из Оренбуржья

---

[1] Аналогичное значение имеет слово «критика» (греч. *κριτική* — оценка, разбор, обсуждение предмета, явления, теории и т. п.).

выяснилось, что речь идет о четырех погребениях, действительно трактуемых автором раскопок как «ямно-полтавкинские». Но их характеристики таковы: погребенные скорчены на спине, головой на восток, обильно посыпаны охрой, два погребения безынвентарны, в одном — кремневые предметы и круглодонный сосуд, еще в одном — «нож полтавкинского типа» [7, с. 143]. Отмечу, что ножей специфически полтавкинского типа пока не выделено. Судя по всем остальным признакам эти четыре погребения отчетливо относятся к ямной культуре и тоже не могут сколько-нибудь увеличить количество полтавкинских памятников.

Материалы из Северного Прикаспия, опубликованные после выхода моих работ, представлены двумя целыми сосудами, действительно схожими с полтавкинскими [8, рис. 10] и большим количеством фрагментов венчиков различных типов. Не буду сейчас касаться правомерности отнесения большинства этих фрагментов к числу безусловно полтавкинских, ибо это требует тщательного сравнительного анализа и написания отдельной работы. Укажу лишь на то, что по-прежнему не дано доказательств того, что пустыни Прикаспия были одним из основных регионов сложения срубной культуры Поволжья, и по-прежнему не указано, какие конкретно ведущие характеристики поволжской срубной культуры унаследованы от «прикаспийской полтавкинской».

Положение о хронологическом вклинивании абашевской культуры на территории лесостепи между культурами среднего бронзового века и раннесрубной оппоненты пытаются отвести, обвиняя меня в «схоластических разговорах» об абашевском вклинивании, «... что противоречит высказываниям самого Г Г Пятых... в той же статье» (ссылка на: [2, с. 63].— *Г П.*) [1, с. 217] Снова недоразумение. На указанной странице такое вклинивание не только не отрицается, но и не упоминается даже в контексте. Само же положение об абашевском хронологическом вклинивании основано на выводах обобщающих работ В. С. Горбунова, Ю. А. Морозова, А. Д. Пряхина и Е. Н. Черных [2, с. 59] Таким образом, для доказательства схоластичности моего вывода Н. К. Качаловой и И. Б. Васильеву необходимо сначала доказать схоластичность выводов этих авторов.

Этим и ограничиваются, к сожалению, претензии оппонентов к конкретным положениям моих разработок. Чтобы не отвечать на остальные положения моих исследований (поскольку, видимо, аргументов у оппонентов нет), они подводят читателя к мысли о моей полной научной бесплодности: «Г Г Пятых... не предъявил какой-либо позитивной концепции и ограничивается критическими положениями, весьма расплывчатыми, построенными в основном по принципу „все не так“ („как“ — теряется в неизвестности)»; «...какая-либо позитивная концепция у него отсутствует» [1, с. 213, 216]; «Основной оригинальный вывод Г Г Пятых, что формирование срубной культуры — это „достаточно сложный процесс“» (ссылка на: [2, с. 62]— *Г П.*) [1, с. 218] Последнее утверждение могло бы, конечно, несколько приукрасить мою полную научную бесплодность, но, к сожалению, единственный «основной оригинальный вывод» — и тот не мой. Этот вывод, который, по убеждению И. Б. Васильева и Н. К. Качаловой, «...сейчас... едва ли устроит кого-то из серьезных исследователей» [1, с. 218], принадлежит Н. Я. Мерперту и А. Д. Пряхину, на что в моей работе указывается ссылкой [2, с. 62]

Вся остальная критика построена таким же образом. Оппоненты не делают анализа моих конкретных положений и ни в одном случае их выводы и заключения не основаны на фактах. Приведу несколько показательных примеров. Они пишут: «Исследования В. И. Мельника и Г Г Пятых взаимосвязаны еще и потому, что каждый опирается на выводы другого, что в результате образует замкнутый круг» [1, с. 213]. Ссылок на конкретные работы при этом не дают, и не случайно: В. И. Мельник никак не мог опираться на мои выводы, ибо его работы по данной тематике вышли раньше моих. «Там, где Г Г Пятых пытается... высказывать свои предположения, присутствуют явные противоречия. То он вслед за В. И. Мельником признает правомерность объединения

позднеполтавкинских памятников и катакомбной области, то говорит о самостоятельности позднеполтавкинской культуры» ([2, с. 87].— *Г П.*) [1, с. 216, 217]. Недоразумение того же порядка: в указанной оппонентами работе нет не только такого высказывания, но и такой страницы. Далее: Г Г Пятых «...заключает, что из наличия полтавкинской культурно-исторической общности делается вывод о территориальной ограниченности срубной культуры в Поволжье» (ссылка на: [2, с. 57, 58].— *Г П.*) [1, с. 216] Снова недоразумение: никаких подобных заключений в указанной работе не существует. «Очень удивляет, что ...Г Г Пятых полностью проигнорировал заключение Н. М. Малова..., который показал распространение памятников данной культуры (многоваликовой керамики.— *Г П.*) в поволжском правобережье и отсутствие их в Заволжье» [1, с. 217]. Я проконсультировался у Н. М. Малова, и он сообщил, что никогда не показывал распространения памятников культуры многоваликовой керамики в Поволжье, а писал как раз об обратном: «Культура многоваликовой керамики... не имела распространения в Поволжье и прилегающих к нему районах» [9, с. 225]. «Результаты работы, отражающей современное состояние проблемы, были изложены в совместном докладе Н. Я. Мерперта, Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева на Всесоюзном срубном совещании в 1982 г. в Куйбышеве и нашли свое отражение в печати (следует ссылка на работу этих исследователей [10], опубликованную в 1985 г.— *Г П.*) В частности, удалось выявить и роль абашевского населения в этом процессе (в сложении срубной культуры.— *Г П.*), на что указывает Г Г. Пятых как на свое принципиальное решение проблемы» (ссылка на: [5, с. 82, 83].— *Г П.*) [1, с. 216] Здесь оппоненты дают понять, что я претендую на их плодотворную идею. Во-первых, снова недоразумение: в работе [5] никаких подобных указаний с моей стороны нет. Во-вторых, если уж оппоненты подняли вопрос о приоритете в выдвижении тезиса об участии абашевской культуры в сложении срубной, то такое положение было обосновано в моем докладе на Семинаре по проблеме андроновской культурно-исторической общности в 1980 г. в Челябинске. В 1983 г. доклад был издан в виде статьи [4], в том же году вышла другая моя статья, концептуально близкая первой [5]. На Семинаре 1980 г. в Челябинске И. Б. Васильев был, так что доклад и статьи оппонентам должны быть хорошо известны. Однако в их статье 1985 г [10], на которую они ссылаются, на эти работы нет ни единой ссылки. Надеюсь, все эти факты снимут недоразумение и помогут оппонентам исключить меня из узкого круга тех исследователей Поволжья, которые способны претендовать на чужие идеи.

Во всех остальных случаях, в которых оппоненты сопровождают критику в мой адрес конкретными ссылками на источники, путем сравнительного анализа легко устанавливается, что и эти их высказывания основаны на столь же печальных недоразумениях.

Не вызывает особого удивления ни отказ оппонентов от правил ведения дискуссии, ни вызывающий сожаление тон их статьи, ни те почти три десятка печальных «недоразумений», на которых основана вся их критика в мой адрес. Удивление вызывает одно: неужели оппоненты искренне убеждены, что с помощью подобных методов доказательств и ведения полемики можно действительно укрепить свои позиции и разрушить концепции научных противников? Очень хотелось бы, чтобы такое впечатление оказалось недоразумением уже с моей стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
2. *Пятых Г Г* Некоторые вопросы историографии происхождения срубной культуры // СА. 1985. № 3.
3. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

4. Пятых Г Г. Общие компоненты сложения алакульской и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та. 1983.
5. *Пятых Г Г* К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1983.
6. *Пятых Г Г* О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 1984. № 2.
7. *Моргунова Н. Л.* Раскопки курганов в Западном Оренбуржье // АО — 1984. М., 1986.
8. *Васильев И. Б., Колев Ю. И., Кузнецов П. Ф.* Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1986.
9. *Малов Н. М.* Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Ч. 2. Баку, 1985.
10. *Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.

Т. М. ПОТЕМКИНА

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Нет ничего удивительного, что одна из дискуссий на страницах журнала «Советская археология» посвящена проблемам эпохи бронзы степей Евразии, конкретно — срубной тематике. Развернувшиеся научные споры являются лишь частью большого круга дискуссионных вопросов, существующих в проблематике «степной бронзы» — катакомбной, срубной, андроновской, и многих сюжетов, с ними связанных. Резко возросшие за последние два десятилетия масштабные исследования на широкой территории от Днестра до Енисея, в том числе в районах, ранее совершенно не исследованных, применение новой методики полевых и кабинетных исследований, привлечение данных естественных и смежных наук привели к накоплению огромного количества разнообразных новых источников, во многом ранее неизвестных, требующих научного осмысления на новом качественном уровне.

Возникла необходимость соотнести новые данные с существующими культурно-хронологическими схемами и историческими обобщениями, проверить их на новых, более массовых материалах, обработанных с применением современных статистико-комбинаторных методов. Как выяснилось, новые материалы во многих случаях не укладываются в старые схемы и не соответствуют прежним представлениям. Это привело к возникновению в последнее время неоднозначных точек зрения на многие проблемы эпохи бронзы, особенно степной и лесостепной зон. Очень важно, насколько каждая концепция аргументирована конкретным материалом, основанным на научном анализе.

Особенно сложной оказалась ситуация в регионах, занимающих промежуточное положение как в географическом, так и в историческом плане. Одним из таких районов является Волго-Уральское междуречье — пограничная территория, связывающая западный, восточноевропейский мир, с восточным — западносибирским и казахстанско-среднеазиатским. Это обстоятельство, как справедливо отмечают Н. К. Качалова и И. Б. Васильев, создает дополнительную сложность при археологическом изучении памятников эпохи бронзы Поволжья (да и не только бронзы), ибо требует не только самостоятельного регионального исследования, но и широкого привлечения материалов сопредельных областей на каждом конкретном историческом отрезке времени. Выявленные культурные комплексы могут получить наиболее объективное историческое осмысление, если будут рассматриваться не только в пределах занимаемой ими территории, но и во взаимосвязи с соседними культурными группами, как синстадиальными, так и предшествующими и последующими.

© Т М. Потемкина, 1990 г.

В оценке местных вариантов памятников первостепенное значение имеет выработка единых критериев при анализе вещевого материала. При этом, как показывает опыт исследований, чрезвычайно важно проводить всякого рода сопоставления, привлекать аналоги в тесной связи с природно-климатическими условиями, являющимися одним из решающих факторов формирования культурно-исторических явлений. Только при таком подходе возможно объяснить ситуации, когда явления одного порядка проявляют себя по-разному или, наоборот, различные по сути явления дают сходные результаты.

Статья Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева [1, с. 212—224] вызывает необходимость высказаться по крайней мере по двум аспектам: содержанию и предмету спора, характеру и стилю дискуссии.

Предметом развернувшейся полемики, как представляется, являются следующие основные вопросы.

1. Являются ли полтавкинские памятники ранней стадией срубной культуры [2; 3, с. 185—188; 4, с. 408] или образуют самостоятельное культурное образование, распространенное только на территории Поволжья [5, с. 153—155; 6, с. 15—26; 7, с. 308—311; 8; 9, с. 107; 10, с. 63; 11, с. 11]

2. Существовали ли полтавкинские древности как единая культура с двумя локальными вариантами (нижневолжским и средневолжским) [11, с. 11] или как общность с четырьмя локальными вариантами (группами) [12, с. 14—19; 13, с. 16—18] либо культурами (средневолжской, нижневолжской, прикаспийской, приуральской) внутри нее [14, с. 47—51, рис. 8]

3. В каком культурно-хронологическом соотношении находились полтавкинские памятники с катакомбными, абашевскими, алакульскими? Конкретно: являлись ли полтавкинские памятники по сути своей катакомбными [15, с. 244—250; 16, с. 178] или существовали самостоятельно с катакомбными в разных вариантах, тесно взаимодействуя в степной зоне (подчеркивается практически всеми авторами) на всем протяжении своего существования, образуя различного рода смешанные типы [3, с. 187—190; 4, с. 411, 413; 7, с. 310; 11, с. 15—16; 17, с. 9—13] При этом катакомбные комплексы во времени предшествовали полтавкинским и вместе с ямными участвовали в сложении последних, постепенно растворяясь в местной среде [8, с. 19; 11, с. 10, 12; 12, с. 11] Как катакомбники, так и полтавкинцы унаследовали древнеямные элементы, что являлось одним из условий их близости. В дальнейшем катакомбные группы в степном Поволжье, сменив полтавкинцев, на финале своего существования вступили в новые отношения уже со срубной культурой [11, с. 16] Поздние полтавкинцы сосуществовали и тесно взаимодействовали с абашевцами в южных районах лесостепной зоны Поволжья [18, с. 16—18; 19, с. 9] и Приуралья, куда проникали в абашевскую среду эпизодически и небольшими группами [20, с. 109] Предполагается, что зарождение культурных связей между полтавкинскими и абашевскими племенами и их дальнейшее развитие, как и в случае с катакомбным населением, изначально базировалось на общей подоснове в лице древнеямной культурно-исторической общности [13, с. 20;19, с. 9—11] Особенно тесное взаимодействие полтавкинских и абашевских групп отмечается в эпоху становления срубной культуры.

4. Спорным является вопрос о полтавкинских памятниках в Приуралье. Существовали ли полтавкинцы в этом районе: а) в виде небольших групп населения, периодически проникающих в среду местных протоалакульских и алакульских племен в степи — лесостепи [21, с. 42—58] и абашевских в лесостепи [20, с. 109], б) как самостоятельное образование в форме локального варианта, группы полтавкинской культуры [12, с. 11—13, табл. 4; 13, с. 16]; в) как отдельная приуральская «полтавкинская культура» полтавкинской культурно-исторической общности [14, с. 49, рис. 8]? Или же для этих предположений нет никаких данных и «приуральские полтавкинские» памятники в действительности являлись алакульскими либо близкими последним [9, с. 105—107; 10, с. 58; 11, с. 11, 17; 22, с. 24, 25]

5. Являлась ли полтавкинская культура (общность) единственной подосновой срубной культуры (общности), или наряду с формирующей полтавкинской основой в ней участвовали различные культурные субстраты? Какие конкретно? Подавляющая часть исследователей в настоящее время считает, что срубная культура сложилась на широкой основе [8, с. 22; 11, с. 16; 13, с. 24; 23, с. 81—92]. В различных районах этот процесс протекал неоднозначно и особенно был осложнен разного рода привнесениями на периферии срубного мира. Так, в поволжских и приуральских степях наряду с основным ямно-полтавкинским субстратом большую роль играли катакомбные воздействия [13; 24, с. 239], в меньшей степени — абашевские и то лишь на границе с лесостепью. В лесостепном Поволжье значительный вклад в становление и формирование срубного населения внесли абашевцы [1, с. 222; 13, с. 19, 21; 18, с. 18, 19; 25, с. 33, 34] В Приуралье предшествующим пластом была уральская абашевская культура. Срубники большой массой продвинулись сюда на раннем этапе существования из Среднего Поволжья, где шло формирование мощного ядра срубных племен [20, с. 108, 109] В это же время с востока проникает алакульское население.

Было бы слишком рискованно взять на себя смелость ответить хотя бы на часть поставленных здесь вопросов, тем более исследователю, не занимающемуся непосредственно полтавкинскими и срубными проблемами и знакомому с материалами раскопок в основном по публикациям. Подавляющая же часть источников еще не введена в полном объеме в научный оборот. Мы попытаемся взглянуть на спорные вопросы истории полтавкинских и срубных племен с позиции их восточного соседа — андроновского (алакульского) населения. Это оправданно не только с точки зрения контактов и взаимодействия двух соседних культурно-исторических образований на всем протяжении их существования, но и в плане общего историко-культурного процесса, протекавшего в ямно-полтавкинско-срубное время на обширных степных и лесостепных пространствах Евразии. Ход и конкретные формы его в Поволжье могут быть глубже поняты в связи с теми процессами, которые развивались при сходных природных условиях и культурно-исторических судьбах на Южном Урале, юге Западной Сибири, в Казахстане.

За последние два десятилетия в изучении андроновской общности также произошли заметные изменения: резко возросла источниковедческая база, расширился ареал, появились новые представления о многих аспектах этого многогранного явления. Отметим лишь те из них, которые в том или ином плане связаны с поставленными выше вопросами.

В настоящее время большинство исследователей считают возможным говорить о существовании в пределах андроновской общности как минимум трех самостоятельных культур: алакульской, федоровской, алексеевско-саргаринской [26; 27, с. 341—345; 28, с. 132—155]. В последнее время обосновано выделение четвертой, наиболее ранней, петровской культуры, предшествующей алакульской и генетически с ней связанной [28, с. 132—139] Ранее петровские комплексы рассматривались как ранний этап алакульской культуры [29, 30]. Хотя петровские и алакульские древности связаны генетически, но территориально они не совпадают: петровские занимают в основном северо-западные районы алакульского ареала — Южный Урал, Зауралье, Северный Казахстан. Собственно алакульские древности распространены кроме указанных территорий на юге Западной Сибири, в Центральном Казахстане, Средней Азии [26, с. 15; 31, с. 79, рис. 1] Алакульскую и федоровскую культуры одни исследователи [30, с. 272, 273; 32, с. 244—246; 33, с. 81] считают сосуществующими, каждую со своими истоками происхождения, но тесно взаимодействующими на всем протяжении их существования; другие [28, с. 144; 34, с. 24] — хронологически последовательными и генетически связанными. Хотя алексеевско-саргаринские комплексы рассматриваются сейчас как самостоятельная культура в пределах андроновской общности, но есть все основания считать их отдельной общностью, занимающей промежуточное положение как

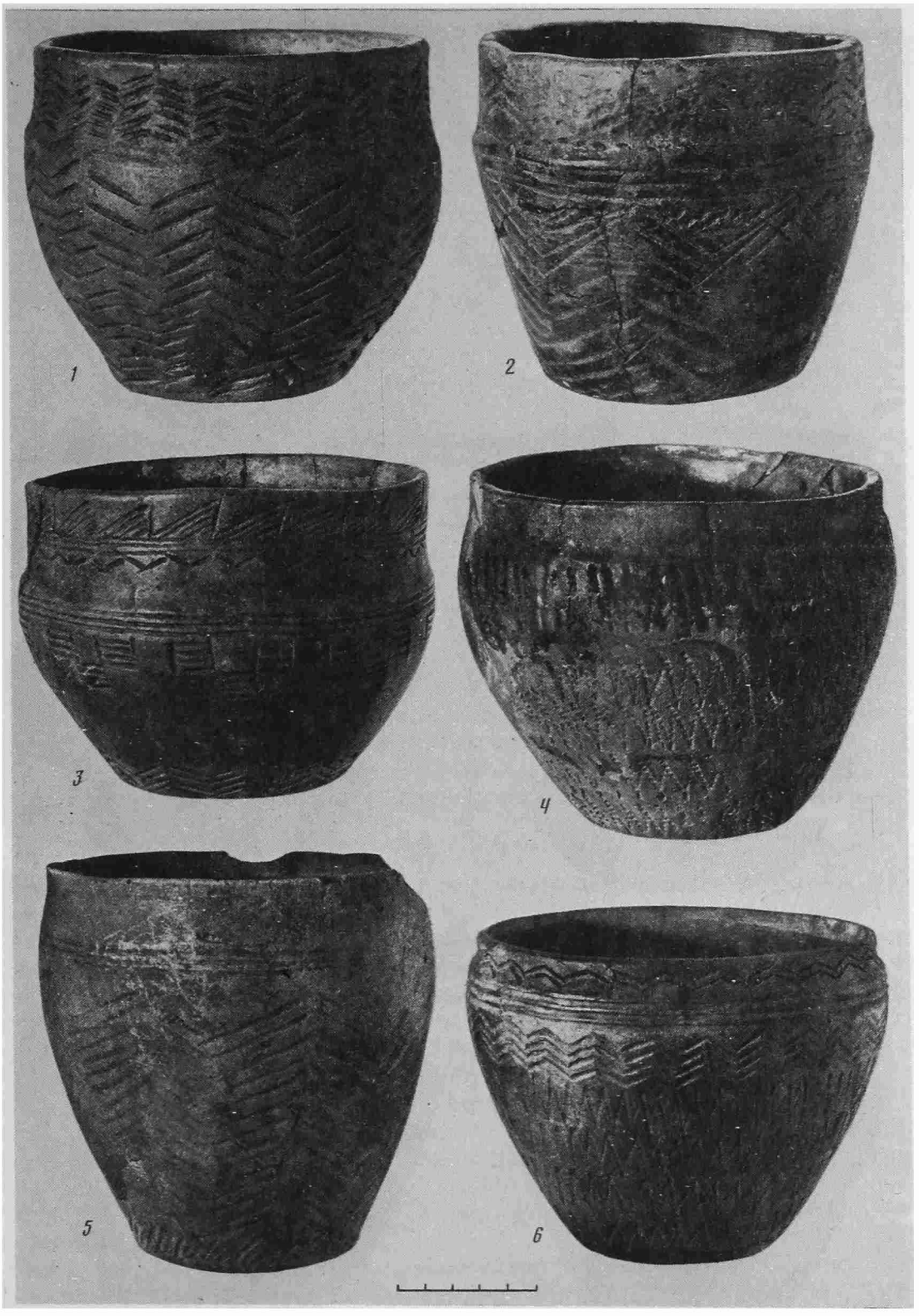


Рис. 1. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика из погребений I группы

в культурно-историческом, так и в хронологическом плане, между андроновским и сармато-сакским образованиями. Основополагающим началом в сложении алексеевско-саргаринских комплексов явились алакульские древности.

Данные типологического, стратиграфического, планиграфического анализа материалов Притоболья [27, с. 260—271, 292; 35, с. 44—53] позволили наметить четкое членение алакульской культуры на два этапа с отдельными ступенями внутри каждого из них: 1) раннеалакульский этап (вторая половина XVII —

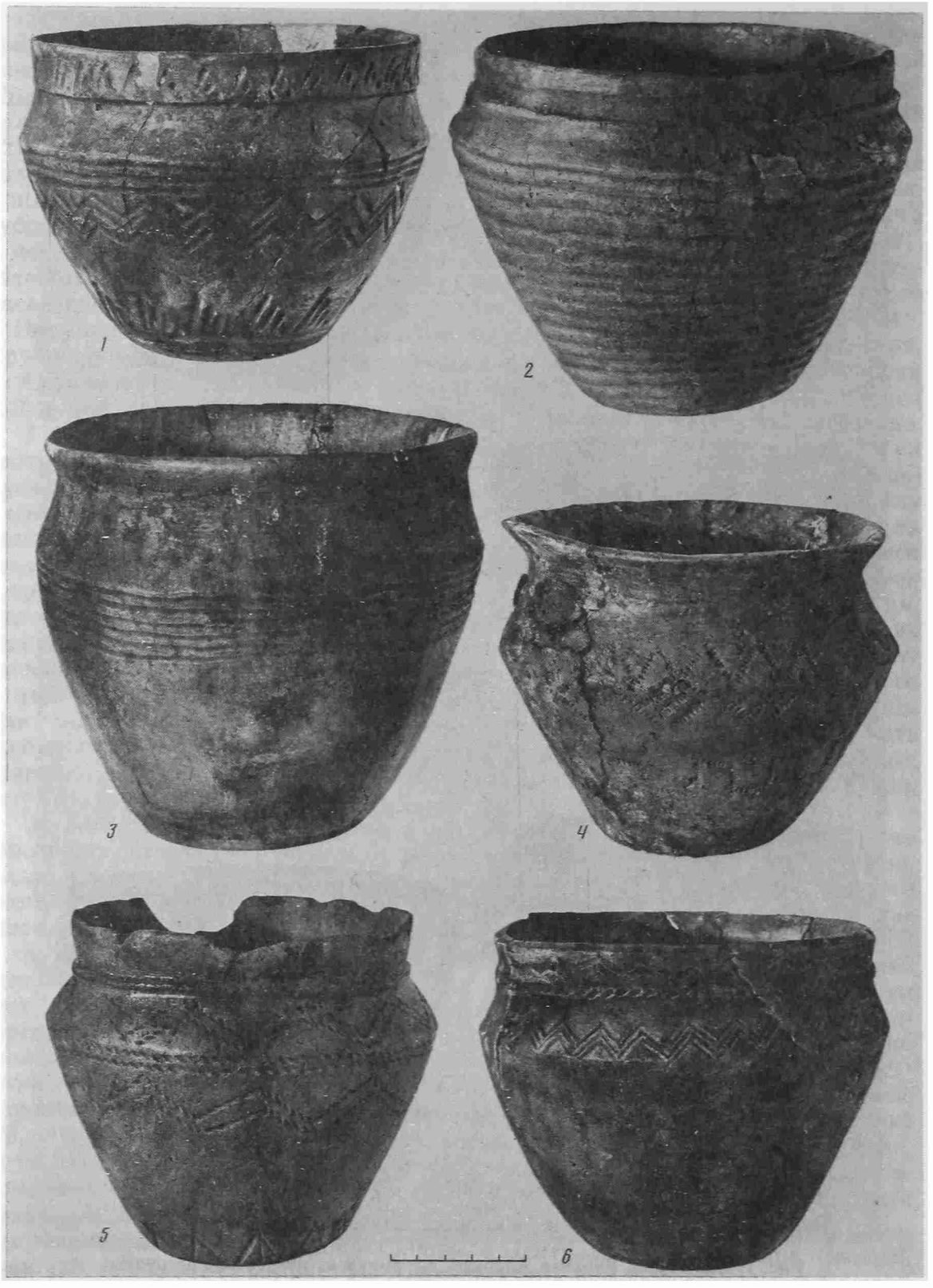


Рис. 2. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика: *1—4* — II группа погребений; *5* — I группа; *6* — III группа

XVI в. до н. э.): а) допетровские раннеалакульские комплексы (вторая половина XVII — начало XVI в. до н. э.), б) раннеалакульские комплексы петровского типа (XVI в. до н. э.); 2) алакульский этап (XV—XIII вв. до н. э.): а) постпетровская ступень (первая половина XV в. до н. э.), б) классическая ступень

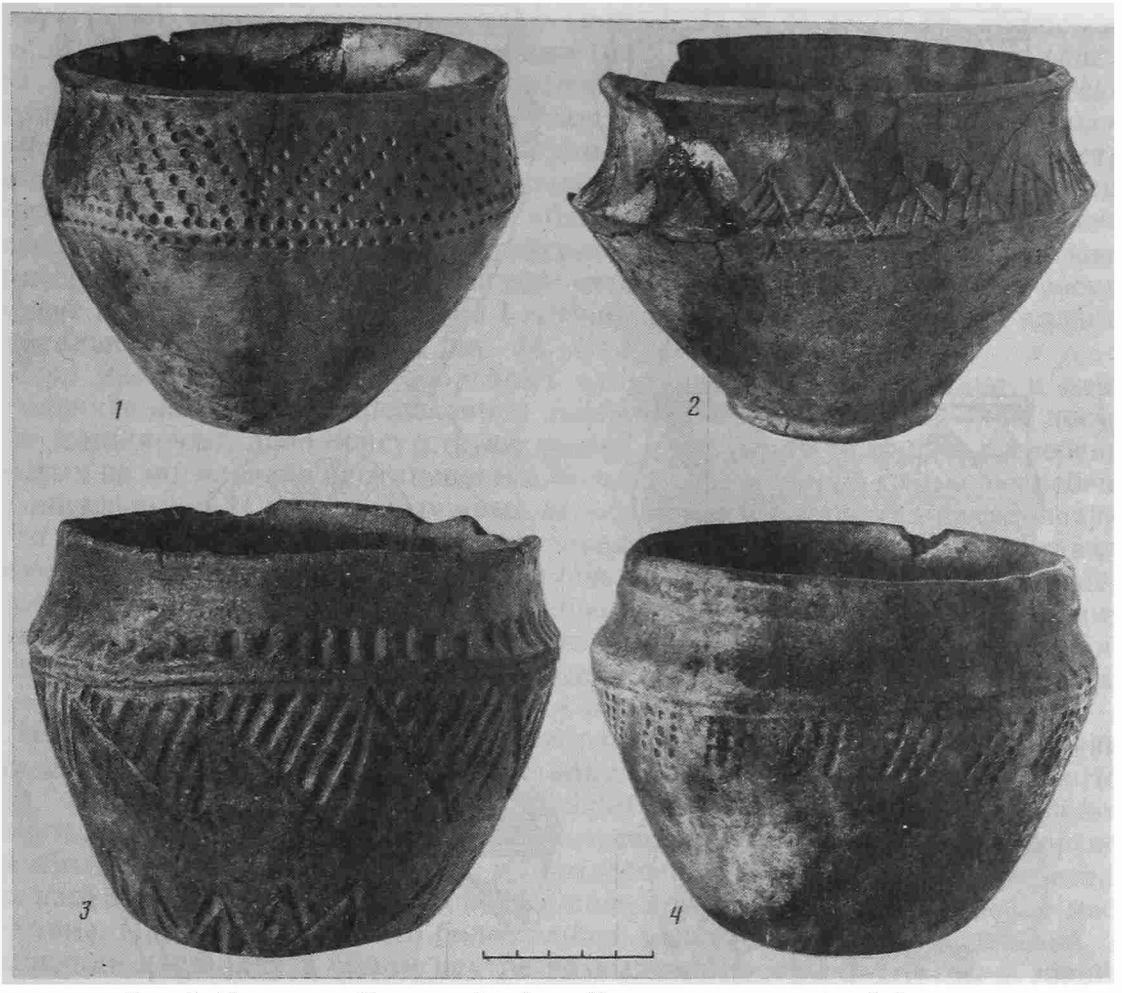


Рис. 3. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика из погребений I группы

(вторая половина XV—XIV в. до н. э.), в) поздняя ступень (конец XIV—XIII в. до н. э.).

Данная схема развития алакульской культуры подтверждается новыми материалами и за пределами Притоболья. Особенно хотелось бы обратить внимание на положение о существовании на раннеалакульском этапе двух комплексов: собственно раннеалакульского, сформировавшегося на местной основе, близкой древнеямной, с участием северо-восточных культур одиновско-крохалевского типа, и петровских. Последние появились в Зауралье несколько позже собственно раннеалакульских и сформировались в основном под воздействием абашевской культуры и в какой-то мере — позднекатакомбного влияния первоначально в Приуралье и на Южном Урале и только позже распространились в более восточные районы. Какое-то время петровские и раннеалакульские комплексы существуют совместно, но затем первые полностью растворяются в местной алакульской среде.

Важно отметить также, что в разные периоды существования алакульского населения направление его связей менялось. На раннем этапе (XVII—XVI вв. до н. э.) преобладало западное направление контактов с абашевским, полтавкинским, катакомбным, раннесрубным населением лесостепи и степи, что находит особенно яркое проявление в керамике и бронзовых изделиях [27, с. 268, 269, 279—284] На собственно алакульском этапе (XV—XIII вв. до н. э.) ведущим становится северное и восточное направление связей с федоровским, позже — черкаскульским населением лесной зоны [27, с. 272, 273, 286, 287], смешение которых в конечном счете привело сначала к консолидации андроновского населения, затем к трансформации алакульской культуры и формированию на ее основе нового населения алексеевского типа. В этот же период

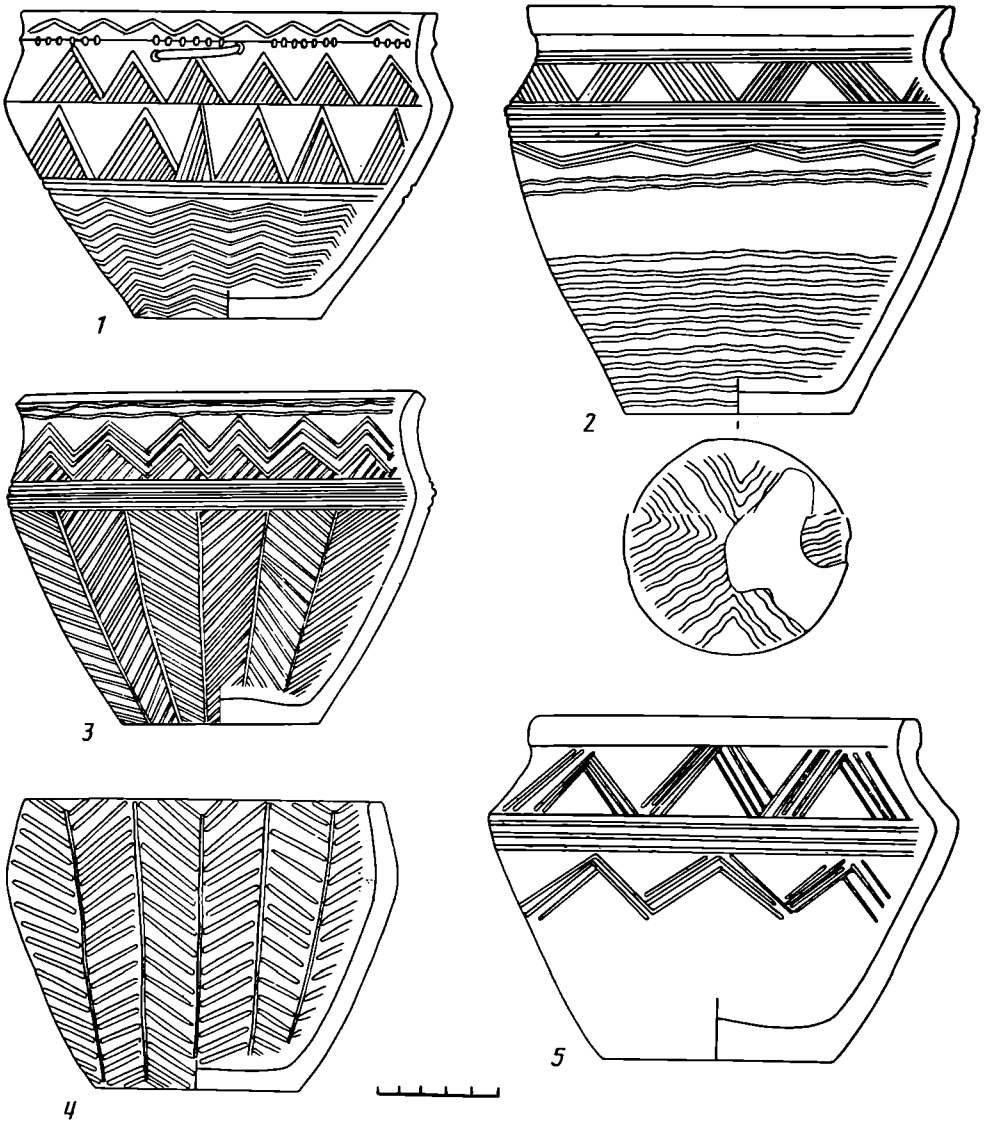


Рис. 4. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика: *1, 3—5* — III группа погребений; *2* — IV группа

(XV—XIII вв. до н. э.) продолжают иметь место также контакты алакульского и федоровского населения в западном направлении, со срубными племенами Приуралья и Поволжья, вплоть до Подонья и Поднепровья [36, с. 157, 158; 37, с. 100—110]

Следовательно, наиболее активные связи зауральского населения эпохи бронзы с западным миром выявлены на раннеалакульском этапе. В настоящее время восточные пределы катакомбного, полтавкинского, раннесрубного влияния фиксируются в Притоболье, абашевские доходят до Ишима. Наиболее исследованным памятником в Притоболье, где присутствуют элементы всех вышеперечисленных культур, является могильник Верхняя Алабуга, расположенный в пограничье лесостепи и степи. За все годы работ на памятнике вскрыто более 80 погребений и 40 жертвенных ям эпохи средней бронзы [1] Это пока один из наиболее ранних памятников алакульской культуры. Здесь наряду с основной раннеалакульской (рис. 1, *1—3*) и петровской (рис. 2, *1*) керамикой

[1] Раскопки Т. М. Потемкиной 1977—1980 гг. [27, с. 148—200], В. Ф. Зайберта и М. Т. Вохменцева 1984, 1986 гг. [38, 39].

присутствуют сосуды синташтинские[2] (рис. 2, *2*; 3, *4*; 4, *1—4*), абашевские (рис. 2, *3, 4*), сходные с полтавкинскими (рис. 1, *4—6*), катакомбными (рис. 2, *5, 6*), раннесрубными (рис. 3, *1, 2*) и смешанные типы — алакульско-петровские, петровско-абашевские, петровско-синташтинские (рис. 4, *5*), алакульско-срубные (рис. 3, *3*) и др. При этом сосуды указанных культурных типов встречаются в погребениях совместно в следующих сочетаниях: раннеалакульские и петровские; раннеалакульские и абашевские; петровские и алакульские; петровские и абашевские; синташтинские и петровские; раннеалакульские и раннесрубные; раннесрубные и близкие катакомбным [27, с. 269] Все сосуды, близкие полтавкинским, найдены в I группе погребений, где основной является раннеалакульская посуда [27, рис. 74, *3—5, 10*; 77, *10—13*]

При наличии столь разнообразных культурных типов керамики в одном могильнике намечается определенная закономерность: отдельные типы посуды либо доминируют, либо присутствуют только в той или иной группе погребений, которых на могильнике насчитывается четыре. Так, в первой группе погребений (57 могильных и 24 жертвенных ямы) основной является посуда раннеалакульского типа, но имеют место также петровские горшки и сходные с полтавкинскими и раннесрубными. Во второй группе (12 могил и 3 ямы) все сосуды — петровские и абашевские. В третьей группе (7 погребений и 4 жертвенные ямы) вместе с раннеалакульскими и петровскими сосудами встречены сходные с катакомбными. В четвертой (7 погребений и 6 ям) доминируют петровские и синташтинские горшки, но имеются и раннеалакульские.

Несмотря на различия групп погребений в соотношении типов керамики, украшений и некоторых признаков устройства могильных ям [27, с. 164—169, табл. 17], нет никаких данных о разном времени их функционирования. Напротив, в пределах отдельных групп погребения и связанные с ними жертвенные ямы расположены компактно, в определенной закономерности, без взаимных нарушений, хотя и очень тесно. Каждая группа занимает отдельное место на холме. Представляется, что более ранней является I группа погребений, занимающая площадку в самом центре возвышения (останца). Есть основания считать отдельные группы погребений семейными или родовыми кладбищами, функционировавшими в относительно небольшие отрезки времени, без значительного хронологического разрыва (два-три поколения людей). Различие в типах посуды и разнообразие их при доминировании в каждой группе погребений строго определенного типа керамики свидетельствуют о неоднородности этнокультурного состава групп населения, оставивших отдельные могильные комплексы. Если исходить из количественного соотношения представленных типов посуды, то основная часть населения должна быть раннеалакульской, меньшая — петровской. Носители полтавкинских, абашевских, катакомбных, раннесрубных традиций составляли незначительное число. Всего в Притоболье памятников с керамикой указанных типов и другими признаками соответствующих культур, по раскопочным данным, немного: с полтавкинской — 2 (поселение Камышное I, могильник Верхняя Алабуга), с абашевской — 5 (могильники Убаган I, Верхняя Алабуга, Раскатиха, Царев Курган; поселение Камышное II), с раннесрубными — 3 (Верхняя Алабуга, Раскатиха, Камышное II), с катакомбными — 2 (могильники Убаган I, Верхня Алабуга). Количество керамики данных типов в комплексах также невелико — 4—18%.

Важно отметить, что полтавкинские и катакомбные влияния в Зауралье (керамика, отдельные вещи: двушипные стрелы, рожковая бусина и др.) выявлены только на раннеалакульских памятниках ранней и петровской сту-

---

[2] Автор не ставит полного знака равенства между синташтинскими и петровскими комплексами. Синташтинские рассматриваются как вариант позднего абашева с катакомбными, полтавкинскими и раннеалакульскими воздействиями на территории степной зоны Приуралья и Южного Урала; петровские — как результат синтеза собственно раннеалакульских и пришлых синташтинских или их влияния в лесостепных районах Зауралья и Северного Казахстана. Рамки публикации не позволяют рассмотреть этот вопрос более детально.

пени, при этом катакомбные — только в степной зоне и на границе с современной лесостепью, где в древности предполагается степной ландшафт. Абашевская и раннесрубная керамика присутствует в комплексах как раннеалакульской и петровской ступени, так и в более поздних, постпетровских памятниках, в основном в лесостепной зоне [27, рис. 106, 107] На алакульском этапе классической ступени керамика и другие признаки ни одной из вышеуказанных культур не встречаются. Следовательно, пришлые небольшие группы населения из западных районов, если они были, смогли сохранить признаки своей культуры недолго, в пределах одного-полутора столетий. Сосуществуя с раннеалакульским населением, контактируя и смешиваясь с ним, пришельцы постепенно растворились в местной среде. Алакульские традиции в XV в. до н. э. стали основными. Интересно, что очень близкие процессы в рассматриваемый период наблюдаются и в западных районах срубной ойкумены — в Подонье [26, с. 122—163] Это еще раз подтверждает единство исторических процессов, происходящих в бронзовом веке в степной и лесостепной зоне Евразии.

Итак, в плане рассматриваемых вопросов материалы западных районов андроновского ареала свидетельствуют о следующем.

1. Распространение керамики, сходной с позднеполтавкинской, вплоть до Зауралья указывает на довольно широкую территорию, занимаемую полтавкинскими племенами, выходящую в восточном направлении далеко за пределы непосредственно Поволжья. Позднеполтавкинская керамика восточных районов имеет большое сходство с раннеалакульской допетровской и петровской ступеней и встречается совместно с последними. Нахождение в одной группе погребений сосудов раннеалакульских, позднеполтавкинских и раннесрубных позволяет предполагать, что оформление раннеалакульского типа посуды происходило во время соответствующей заключительной стадии полтавкинской культуры — начальной раннесрубной. Об этом же свидетельствуют находки сосудов, сходных с раннеалакульскими, в полтавкинских комплексах Поволжья [3, рис. 9, 7; 17; 15] Раннеполтавкинская посуда сопоставима по ряду своих признаков с керамикой одиновско-крохалевского и вишневского типов, предшествующих раннеалакульской в Зауралье и Северном Казахстане и являющихся основой сложения последней [27, с. 277—279] Близость полтавкинской керамики зауральской как на раннеалакульском, так и на предшествующем этапе обусловлена в первую очередь древнеямной подосновой, достоверно выявленной как в Приуралье [40, с. 89—97], так и в более восточных районах, вплоть до Притоболья [27, с. 150—157, 275, 276, рис. 63] Определенную роль сыграли также сходные природные условия, оказавшие решающее влияние на формирование хозяйственно-культурного типа населения и направление связей; взаимные контакты, усиленные единым южноуральским источником металла и отдельных видов каменного сырья [27, с. 344, табл. 134; 41, с. 364—366]

Сходство позднеполтавкинской и раннеалакульской керамики при слабой изученности района к востоку от Поволжья и отсутствии при выделении полтавкинской приуральской группы (культуры) [12, с. 11—13; 14, с. 47—51] хронологического членения алакульской культуры явилось причиной неправомерного включения отдельных находок алакульской и срубно-алакульской керамики ранних этапов в полтавкинскую группу, на что указывали некоторые исследователи [4, с. 107; 11, с. 11], хотя выводы последних об отсутствии полтавкинских комплексов в Приуралье и возможности их синхронности с алакульскими [11, с. 17] не подтвердились новыми материалами. Речь идет о таких памятниках, как Новая Белогорка, кург. 2, погр. 15, 17 [12, табл. 4, 5, 11; 42, с. 87—96, рис. 264—300]; Герасимовка I, кург. 3, погр. 1; кург. 11, погр. 4; кург. 12, погр. 4 [12, с. 13, табл. 4, *3, 2, 13*; 43, с. 31—38, рис. 72, *102—121*]. Что касается полтавкинского погребения из кург. 17 могильника Хабарное I [12, с. 13, табл. 49; 44, с. 16—17, 24, рис. 60, 61], то, на наш взгляд, вполне правомерно считать его полтавкинским, но со своеобразными чертами керамики,

явившимися результатом реминисценции местной энеолитической подосновы, близкой суртандинской культуре.

2. Имеющихся на сегодня материалов недостаточно, чтобы более обоснованно ответить на вопрос, являлись ли полтавкинские памятники в Приуралье локальным вариантом культуры или самостоятельной культурой полтавкинской общности. Пока больше данных в пользу заключения о локальном варианте [12, с. 14—19; 13, с. 16—18], хотя оба положения в качестве научной гипотезы имеют право на существование.

Сходство позднеполтавкинских и раннеалакульских древностей, а также предшествующих им комплексов затрудняет определение восточных границ полтавкинской культуры и западных алакульских на раннем этапе, пока не будет получен массовый материал, позволяющий провести сравнительный анализ всех признаков, характеризующих как данные культурные группы, так и другие, синхронные им в Приуралье. Только при этих условиях можно будет определить, где собственная территория указанных культурных групп населения, где контактная зона, где отдельные случаи проникновения в другую среду. Следовательно, концепция полтавкинской общности, особенно в восточной части, нуждается в дополнении, уточнении, корректировке по мере накопления нового материала, что неоднократно отмечали сами авторы [12, с. 13; 13, с. 22]

3. Наряду с полтавкинским в степной зоне Приуралья и далее на восток до Тобола выявлено катакомбное влияние (Новый Кумак, Синташта, Верхняя Алабуга, Убаган I), выразившееся в присутствии сосудов, сходных с катакомбными, погребений с подбоями, отдельных вещей катакомбного круга: пастовых рожковых бусин, кремневых наконечников стрел с шипами. Видимо, катакомбные импульсы дошли до Южного Урала вместе с полтавкинским населением или через полтавкинское население, тесно контактировавшее с катакомбниками в степном Поволжье, и оказали влияние на формирование комплексов синташтинского и петровского типов. В пограничье степи — лесостепи и в южных районах лесостепи аналогичную роль в становлении петровских древностей сыграли абашевцы [31], также тесно контактировавшие и с полтавкинцами в лесостепной зоне Поволжье и Приуралья [18, с. 16—18; 19, с. 9, 10; 20, с. 109] Особенно тесные контакты абашевцев с поздними полтавкинцами в Поволжье и ранними алакульцами в Зауралье прослеживаются в период становления срубной и алакульской культур.

Таким образом, на материалах алакульской культуры раннего этапа в Зауралье подтверждается сосуществование на определенном отрезке времени полтавкинского, катакомбного, абашевского, раннеалакульского населения, но в каждом отдельном случае приуроченного к определенной природной зоне. В лесостепи полтавкинцы тесно контактировали с абашевцами, далее на восток — с ранними алакульцами и петровскими группами, в степи — с катакомбниками и синташтинским населением. И только в пограничье лесостепи и степи отмечена их взаимовстречаемость, что свидетельствует об одновременности их существования на определенном этапе (вторая половина XVII — первая половина XVI в. до н. э.). В этот же период происходят формирование раннесрубной культуры и вступление ее носителей в контакт со всеми вышеуказанными группами населения.

Видимо, зарождение связей и близость всех культурных групп, о которых идет речь, вызваны существованием общей для них древнеямной основы, что отмечалось уже в каждом конкретном случае рядом исследователей.

4. Очевидно, в сложении срубной, равно как и алакульской, культуры наряду с формирующей основой, в каждом случае своей, но близкой (полтавкинской и протоалакульской), участвовали в той или иной степени, в зависимости от природно-географических условий, абашевские, катакомбные племена, что явилось одной из причин близости алакульской и срубной культур на развитом этапе.

Таким образом, историческая ситуация, сложившаяся в эпоху средней брон-

зы в степной и лесостепной зоне Волго-Уральского и Урало-Западно-Сибирского регионов, была не только сходной, но и достаточно сложной. Это обусловлено в первую очередь усилившимся перемещением населения и связанными с этим изменениями в хозяйственной и социальной жизни общества: дальнейшим развитием скотоводства и стремлением овладеть наиболее благоприятной для разведения скота территорией, каковой являлось пограничье лесостепи — степи; появлением новых средств передвижения в виде конных двухколесных колесниц; новыми достижениями в развитии металлургии и металлообработки и желанием в связи с этим захватить рудные источники, находящиеся на Урале; усилением имущественной и социальной дифференциации.

Итак, имеющиеся на сегодня в Зауралье материалы алакульской культуры, особенно ее раннего этапа, согласуются практически со всеми положениями, высказанными в статье Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева по вопросу средней бронзы Поволжско-Уральского региона, и в частности полтавкинских древностей Приуралья. В первую очередь это касается определения содержания и границ восточных полтавкинских памятников, высказывания об их типологической близости с синхронными восточными, особенно петровскими (раннеалакульскими), памятниками, о тесном взаимодействии, об общей подоснове в сложении полтавкинских и петровских комплексов, о многокомпонентности сложения срубной культуры и т. д. [1; 12, с. 13; 13, с. 22—24; 19, с. 72, 73]. Не находит подтверждения лишь тезис авторов об отсутствии катакомбного проникновения в Приуралье [1, с. 221; 12, с. 13] Как было показано выше, оно фиксируется достаточно четко вплоть до Притоболья. В этом вопросе представляется более верным заключение В. И. Мельника о распространении катакомбной культуры до Южного Урала [22, с. 25].

С моей точки зрения, в публикациях В. И. Мельника по дискутируемым проблемам [11, 22] много интересных наблюдений, аргументированных выводов, которые по основным вопросам сближаются с заключениями Н. К. Качаловой, И. Б. Васильева и ряда исследователей Куйбышевской школы. Во всяком случае, по изложенным выше вопросам расхождения видятся лишь в деталях, если рассматривать исследования этих авторов как раскрывающие разные стороны одного и того же процесса. Слабая изученность огромных территорий, особенно к востоку от Волги, отсутствие единой методики работы с материалом, зачастую разночтения в понимании содержания используемых археологических понятий, особенно касающихся культурно-исторических определений, приводят к бесплодным спорам, когда все спорящие по-своему правы, если смотреть на предмет спора не только с позиций конкретного вопроса или отдельного памятника, а с учетом всего комплекса проблем региона на определенном этапе.

Наконец, второй аспект дискуссии — ее форма. Любая критика, тем более научная, должна быть конструктивной. Потому не могу не согласиться с оценкой Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева критических взглядов Г Г Пятых по поводу дискутируемых вопросов в одной из его статей [10] Постановка Г Г Пятых вопросов о правомерности выделения полтавкинской культурно-исторической общности, о компонентах, слагающих срубную культуру, и др. вполне закономерна с точки зрения развития научной мысли и не может вызывать возражений. Но поставив такие важные вопросы на предмет их пересмотра или уточнения, недостаточно только найти слабые места в концепции своих оппонентов и всячески их обыграть, взяв из текста отдельные неудачные построения вне концепции в целом, без учета всего круга работ авторов [10, с. 60] Важно представить и обосновать на конкретном материале свою концепцию, свои взгляды на вещи, чтобы читатели имели право выбора. Но кроме известных ссылок на авторитеты, никаких новых доказательств по поставленным вопросам автор статьи не представляет. Думается, взявшись за критику, пересмотр и дальнейшее развитие отдельных положений, Г Г Пятых должен был бы прежде всего следовать собственным требованиям к научным публикациям

других авторов: необходимость обеспечения любых построений материалом как в количественном, так и в качественном отношении, наличие развернутого и строгого научного анализа [10, с. 63]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
2. *Рыков П. С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краеведческого института изучения Южно-Волжской области. Саратов, 1927
3. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953) // МИА. 1959. № 60.
4. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
5. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1947 Вып. XVII.
6. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
7. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.
8. *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры // КСИА. 1967. Вып. 112.
9. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
10. *Пятых Г Г* Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры // СА. 1985. № 3.
11. *Мельник В. И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур): Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1985.
12. *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
13. *Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.
14. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Т. 230. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1979.
15. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952.
16. *Клейн Л. С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
17 *Качалова Н. К.* О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
18. *Кузьмина О. В.* Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1983.
19. *Агапов С.А., Васильев И. В., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1983.
20. *Горбунов В. С., Морозов Ю. А.* Периодизация срубной культуры Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.
21. *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. 1962. Т. 1.
22. *Мельник В. И.* Памятники эпохи средней бронзы степного Поволжья и проблемы их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1984.
23. *Пятых Г Г* К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1983.
24. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
25. *Качалова Н. К.* О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
26. *Потемкина Т М.* Алакульская культура // СА. 1983. № 2.
27. *Потемкина Т М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985.
28. *Зданович Г Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
29. *Зданович Г Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. 1973. № 12.
30. *Зданович Г Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3.
31. *Потемкина Т М.* Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
32. *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири // СА. 1965. № 2.
33 *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
34. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1979.
35. *Потемкина Т М.* О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. 1982. № 169.
36. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988.
37. *Березанская С. С., Гершкович Я. А.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

38. *Зайберт В. Ф.* Отчет о раскопках на территории Курганской области // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9394.
39. *Вохменцев М. П.* Отчет об археологических исследованиях Курганского музея в 1986 г. // Архив ИА АН СССР Р-1. № 11442.
40. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
41. *Кузьминых С. В., Черных Е. Н.* Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Притоболья (предварительные результаты) // *Потемкина Т М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985.
42. *Федорова-Давыдова Э. А.* Отчет о работе Чкаловской экспедиции ИИМК АН СССР, ГИМ и Оренбургского краеведческого музея в 1957 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1686, 1686а.
43. *Смирнов К. Ф.* Отчет о работе Оренбургского отряда Южно-Уральской экспедиции ИА АН СССР и Оренбургского областного музея в 1964 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2927, 2927а.
44. *Федорова-Давыдова Э. А.* Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1929, 1929а.

Публикации

Б. Д. МИХАЙЛОВ

ПЕТРОГЛИФЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ «ПОДКОВА» НА ХОЛМЕ КАМЕННАЯ МОГИЛА В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

В 1983 г. на восточном склоне холма Каменная Могила, известном памятнике первобытного искусства вблизи Мелитополя, автором открыто новое местонахождение 53[1] (пещера «Подкова») с петроглифами [1, с. 42]

Вход в пещеру (рис. 1) находился в южной стенке большой ямы — расщелины подпрямоугольной формы, перекрытой двумя плитами (первая: длина — 1,2 м, ширина — 0,8 м, толщина — 0,4 м; вторая: длина —1,1 м, ширина 0,8 м, толщина — 0,4 м). У входа в песке (глубина — 0,3 м) найдены железный плоский наконечник стрелы с черенком (длина — 4,5 см, ширина —1,5 см) и два обломка железной скобы (?), датируемые IX—XI вв. (рис. 2, *1*).

Пещера (длина — 7,5 м, ширина — 1—2,5 м, высота — 0,8—1,2 м) ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На потолке с севера на юг нанесены изображения, выполненные в различной технике и стиле (рис. 3) Ниже приводим их описание по стратиграфическому соотношению на потолке пещеры и стилистико-типологическому признаку.

I группа. Рисунки выполнены в технике протирания широких (0,8—1,2 см) линий с округлым и неглубоким дном. На потолке пещеры расположены следующие изображения: подковообразный рисунок, на одном из концов которого имеется небольшое округлое углубление (ямка); изображение пары человеческих ступней, перечеркнутое линиями крест-накрест в технике мелкого и тонкого поверхностного штриха. На одном из рисунков вследствие отслоения поверхности песчаника имеются следы разрушения; изображение второй пары человеческих ступней нанесено к югу от первой пары и перечеркнуто тонкими линиями в той же технике. Вблизи расположена фигура в виде двух параллельных линий (на верхней линии перпендикулярно нанесены две короткие бороздки) с округлым окончанием, напоминающая фаллос.

II группа. Выполнена в технике протирания и врезывания узких линий-бороздок с округлым и острым дном. Между двумя группами человеческих ступней расположено изображение в виде антропоморфного существа с распростертыми руками-крыльями (правая рука — трехпалая, левая — двухпалая, на правой руке имеются две короткие бороздки), крестообразной головой-шапкой (?) и короткими ногами (высота — 18,5 см) С правой стороны находится изображение животного, выполненное короткой вертикальной и горизонтально-дугообразной двойной линиями. На верхней линии нанесено 11 вертикальных узких и глубоких коротких бороздок, воссоздающих гриву животного (коня?)

К юго-востоку от названных рисунков расположено изображение, явно напо-

---

[1] Продолжение нумерации М. Я. Рудинского и В. Н. Даниленко.

© Б. Д. Михайлов, 1990 г.

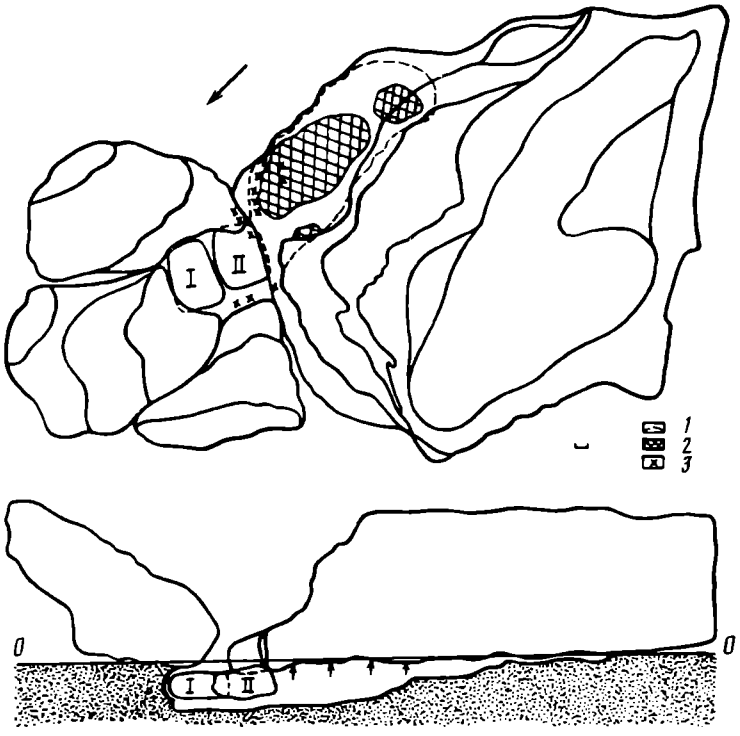


Рис. 1. План и разрез пещеры «Подкова» на Каменной Могиле в Северном Приазовье. *1*— граница пещеры; *2*— схема расположения петроглифов; *3*— археологические находки в культурном горизонте. I—II— плиты перекрытия входа в пещеру

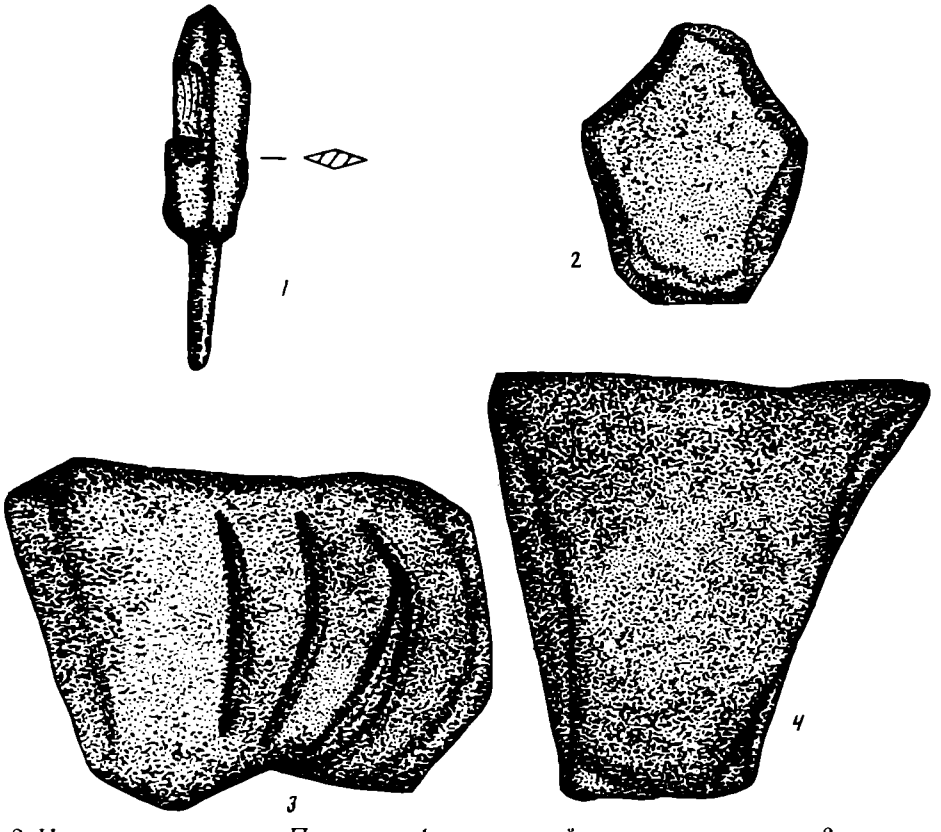


Рис. 2. Находки из пещеры «Подкова». *1*— железный наконечник стрелы; *2*— антропоморфная фигурка; *3* — песчаниковая плитка (чуринга — ?) с бороздками; *4*— голова быка

Рис. 3. Древние рисунки из пещеры «Подкова»

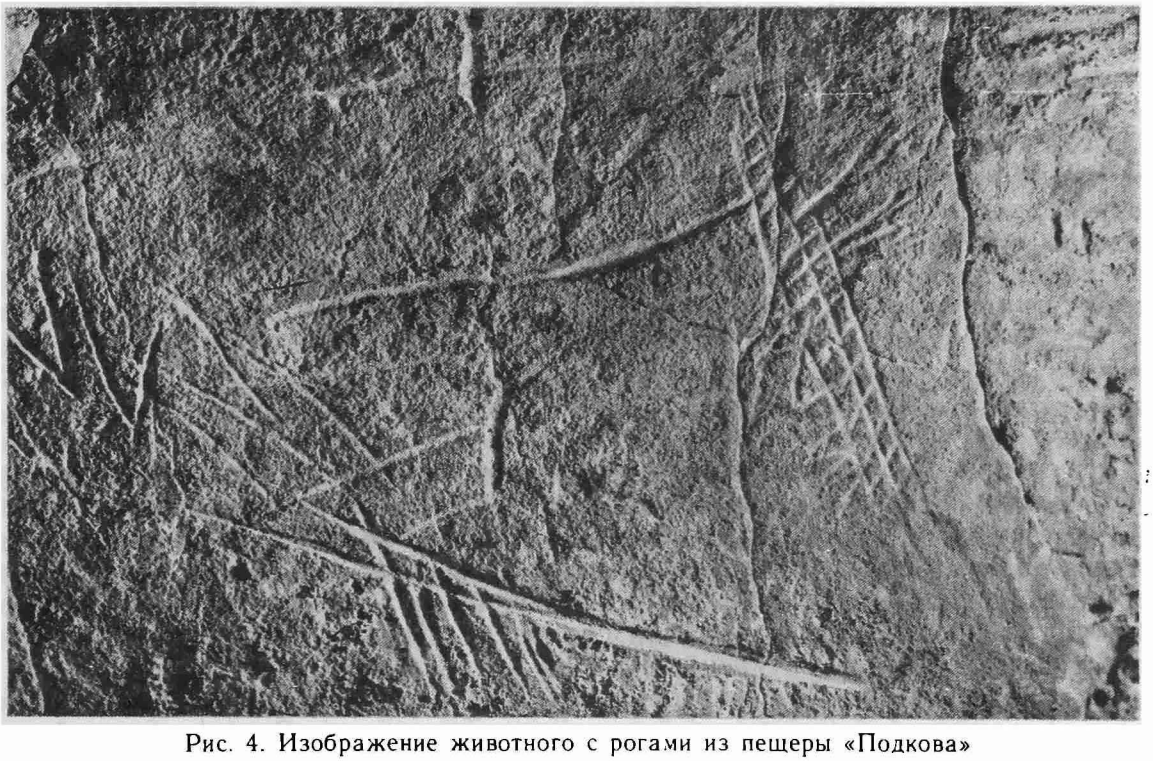


Рис. 4. Изображение животного с рогами из пещеры «Подкова»

минающее широкий массивный серп-секач (длина 27 см, ширина 8 см). В западной стороне потолка находится изображение животного в стиле «летящего галопа» с рогами и выпуклыми острыми зубами (рис. 4). Фигура животного выполнена широкой бороздкой-линией, голова — с помощью острого и тонкого орудия, в стиле «косого решетчатого квадрата». В южной стороне потолка пещеры помещено изображение месяца-луны (?) и наконечника копья с втулкой (?), а также изображение антропоморфно-хтонического существа, стыкующегося в нижней части с вертикальной бороздкой-линией (шест), с откинутой назад миндалевидной головой и массивным фаллосом. К этой же группе рисунков относятся петроглифы на карнизе при входе в пещеру, выполненные в стиле «косого решетчатого квадрата» (рис. 5).

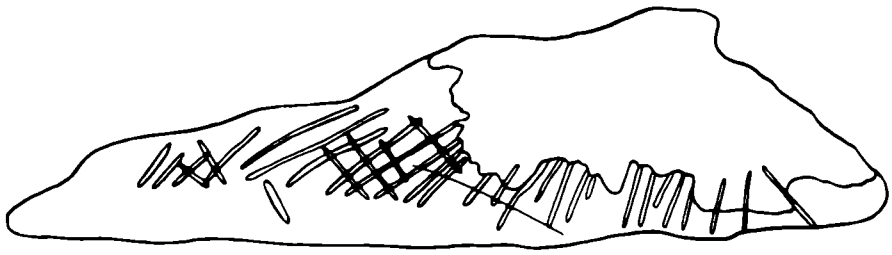


Рис. 5. Линейно-геометрические изображения из пещеры «Подкова»

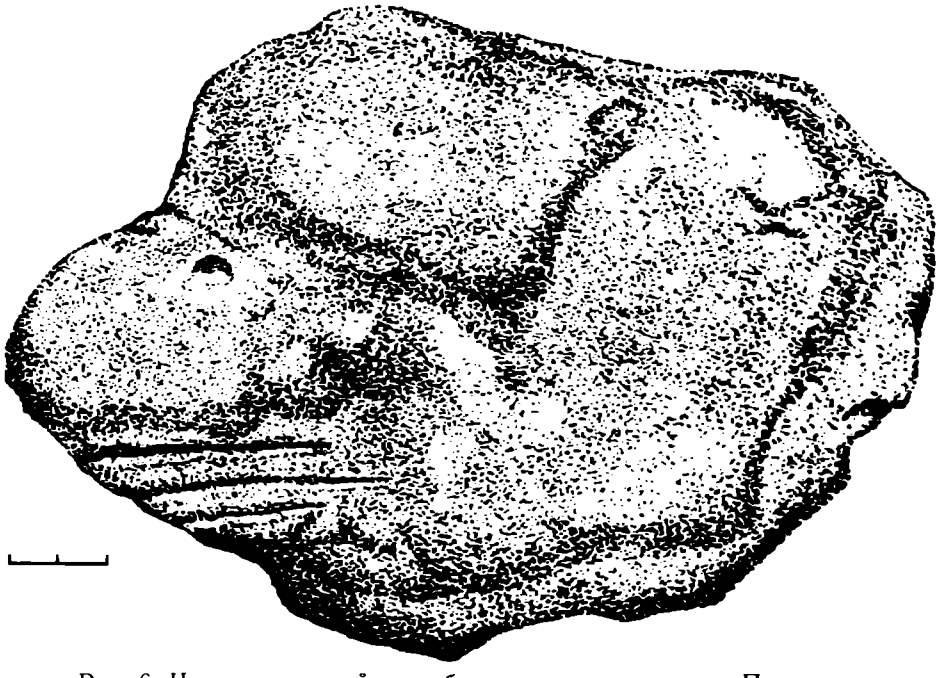


Рис. 6. Чуринга с линейными бороздками из пещеры «Подкова»

III группа. Многочисленные линейно-геометрические рисунки наложены на изображения I и II групп и выполнены в технике мелкого поверхностного штриха. Все бороздки — различной длины, от 5—8 до 20—30 см, и нанесены на бороздки большей длины, иногда сгруппированные по 2, 3, 4, 11, 25, 27 шт. Среди них имеются два А-образных знака, большой, сложной формы лук с плоской стрелой (перо стрелы протерто), а справа на неровной поверхности потолка изображены отдельные буквенные знаки.

В пещере заложен раскоп (2×4 м), где в смешанном темновато-сером песке обнаружен культурный слой (мощность 30—40 см). В кв. 1—2-а найдены две чуринги: первая выполнена на плоской массивной широкой плитке-конкреции (длина 18,4 см, высота 13,2 см), на внешней стороне которой нанесены три небольшие горизонтально-параллельные бороздки и небольшая ямка (рис. 6), вторая чуринга — это небольшая, обработанная шлифовкой плитка (длина 8 см, высота 5—6 см) с тремя вертикальными бороздками (рис. 2, *3*). В кв. 1-в находилась песчаниковая антропоморфная фигурка (высота 5,3 см, ширина в плечах 4 см) (рис. 2, *2*), а вблизи находились четыре небольших (8—12 мм) кусочка красной охры; в кв. 2-а найдена песчаниковая, подтреугольной формы плитка, оббитая с двух сторон крупными сколами, напоминающая по конфигурации голову быка (8,5×8,8 см) (рис. 2, *4*). В кв. 1—2-б-в найдены шесть обломков мелкозернистого песчаника от ударного инструмента (топор-молоток).

Исследованные петроглифы имеют аналогии в материалах датируемых памятников. Так, подковообразный знак находит аналогии в изображении на из-

вестняковой плите из кургана 11 вблизи с. Зольное в Крыму, датируемого кеми-обинским или ямным временем [2, рис. 4, *14*; 3, с. 167], в рисунках на камнях в бассейнах рек Буг и Ингул [4, с. 78, 81, 82]. Подобные изображения имеются на мегалитических предметах из Западной Европы [5, с. 185]

Изображения человеческих ступней известны на плите из кургана вблизи с. Марьино в Крыму, относящегося, по мнению А. А. Щепинского, к кеми-обинской культуре [6, с. 45, 46; 7, с. 166, 167, рис. 60]; на антропоморфных стелах позднеямного времени из Новочеркасского музея [8, с. 93, рис. 35, *1*], у с. Керносовка на Днепропетровщине [9, с. 44, рис. 3, 4].

В последнее десятилетие стали известны изображения ступней, выполненные охрой на дне катакомбных могил в бассейнах рек Буг и Ингул [10], в погребении вблизи г. Северска на Донетчине [11, с. 205, 206, рис. 1, 2].

Изображение антропоморфной фигуры с распростертыми руками и стоящего рядом коня находит аналогии в наскальных рисунках Гехамских гор, датируемых А. А. Мартиросяном и А. Р. Иераслян эпохой бронзы [12, с. 43, рис. 249, 251]. К этому времени относится, по-видимому, изображение животного с рогами (рис. 4). Рисунок серпа-секача напоминает орудие середины эпохи бронзы, т. е. досабатиновского и сабатиновского времени [13, с. 165, 175, рис. 13, *6—11, 17, 20*].

Линейно-геометрические изображения и греческие буквенные знаки, претерпевшие, по мнению Э. И. Соломоник, модификацию [2], выполненные в технике поверхностного штриха и перекрывающие рисунки эпохи бронзы, явно датируются более поздним временем, т. е. IX—XI вв. Эта датировка подтверждается изображениями плоского наконечника стрелы и большого лука сложной формы, характерными для эпохи средневековья [14, с. 353, 354], а также находкой наконечника стрелы у входа в пещеру, датируемого указанным временем.

Археологический материал, содержащийся в культурном слое пещеры, подтверждает датировку части описанных петроглифов временем ранней и средней бронзы. Например, антропоморфная статуэтка известна в раннемайкопских памятниках [15, с. 52, рис. 29, *7*], голова быка по своей конфигурации напоминает скульптуру быков в усатовской культуре позднего Триполья [16, с. 124, 125, рис. 41, *1, 2*] и особенно скульптуру из погребения I кургана 12 на р. Чунгул (приток, р. Молочная) вблизи г. Токмак Запорожской обл., датируемого ямным временем [3] Вероятно, к этому времени следует отнести песчаниковые чуринги, на которых имеются рисунки-бороздки.

Учитывая приведенные данные, описанный культурно-исторический комплекс петроглифов в пещере 53 на Каменной Могиле считаем возможным датировать ямно-катакомбным и средневековым временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михайлов Б. Д.* До питання про вивчення Кам'яної Могили. Зб.// Матеріали до зводу пам"яток історії те культури народів СРСР по Українській РСР Київ, 1984.
2. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3.
3. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству // МИА. 1969. № 165.
4. *Ястребов В. Н.* Опыт топографического описания древностей Херсонской губернии // ЗООИД. 1984. Т. XVIII.
5. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству // МИА. 1969. № 165.
6. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3.
7. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству // МИА. 1969. № 165.
8. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства. М.: Наука, 1966.
9. *Крылова Л. П.* Керносовский идол // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
10. *Шапошников О. Г* Отчет о работе Ингульской экспедиции // Архив ИА АН УССР Ф. 1973/8; 1974/12; 1975/3.

---

[2] Автор благодарит Э. И. Соломоник за консультацию.

[3] Раскопки В. В. Отрощенко. Хранится в Токмаковском филиале Мелитопольского краеведческого музея. Инв. № КВ-10511.

11. *Санжаров С. Н.* Катакомбное погребение близ г. Северска // СА. 1983. № 3.
12. *Мартиросян А. А., Ераслян А. Р* Наскальные изображения Гехамских гор // Археологические памятники Армении. Вып. 1. Ереван, 1971.
13. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР Киев: Наук. думка, 1967
14. *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах // Тр. АС в Тифлисе. М., 1887.
15. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1979.
16. *Збенович В. Г* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1974.

B. D. MIKHAILOV

PETROGLYPHS FROM THE "PODKOVA" CAVE IN THE "KAMENNAYA MOGILA" MOUND ON THE NORTHERN AZOV COAST

Summary

In 1983 the author discovered a cave with petroglyphs on the eastern slope of the „Kamennaya Mogila" mound. Stratigraphic, stylistic, typological and archaeological analyses identified three groups of drawings dated to the pit-catacomb grave period and the Middle Ages.

М. В. ВЛАСКИН, Л. С. ИЛЬЮКОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ С РОВИКАМИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ САЛА И МАНЫЧА

Сальско-манычские степи в раннем средневековье были заняты кочевниками, входившими в состав Хазарского каганата и принимавшими участие в формировании и развитии салтово-маяцкой культуры [1, рис. 2; 2, рис. 38, 39] Кочевнические памятники этого междуречья пока слабо освещены в литературе [1, с. 195; 3; 4, с. 147; 5, с. 143; 6, с. 214]

В 1985 г. Мартыновский отряд Ростовского университета в двух могильниках, расположенных между Салом и Манычем, юго-восточнее р. п. Большая Орловка Мартыновского р-на Ростовской обл., исследовал 15 курганов времени салтово-маяцкой культуры. Один могильник, находившийся близ хут. Новосадковский, получил название «Новосадковский». Он содержал 11 курганов этого времени (№ 4, 6, 11, 12, 16, 21, 22, 24, 27, 28). Во втором могильнике — «Кировский V», расположенном восточнее Новосадковского могильника, было зафиксировано 4 аналогичных кургана (№ 2, 3, 9, 10) (рис. 1). Только в одном кургане (№ 27) Новосадковского могильника погребение не было окружено рвом; в остальных индивидуальные насыпи опоясаны рвами.

В рассматриваемых могильниках, подвергавшихся ежегодной вспашке, некоторые из курганов были едва заметны. В Новосадковском могильнике в четырех курганах с рвами (№ 4, 6, 21, 28) отсутствовали могильные ямы и останки умерших (рис. 2, *1, 2*; 4, *2*). В одном кургане, в центре площадки, ограниченной рвом, находилась неглубокая аморфная пустая яма (рис. 3, *1*). В остальных курганах было по одному погребению. К сожалению, все могилы разрушены грабителями. В кургане 21 Новосадковского могильника и 9 Кировского V могильника зафиксированы два впускных ровика (рис. 6, *1*) и остатки деревянной статуи половецкого времени.

Ров в плане имел квадратную или близкую к ней форму. В Кировском V могильнике два сооружения — трапециевидные (рис. 5, *17;* 6, *6*). Обычно стороны площадок, окруженные рвами, были прямыми, иногда вогнутыми или выпуклыми. Ко дну ров сужался. Ширина его по верху 2,50—0,65 м, по дну 1,05—0,10 м. Глубина рва с уровня древнего горизонта 1,25—0,50 м. Размеры площадок, оконтуренных рвами, колебались в пределах от 41,6 до 557,6 м ^{2} (табл. 1). Описываемые конструкции были ориентированы по четырем сторонам света, иногда со значительным отклонением. Как правило, в углах находились перемычки. В одном кургане, где не было угловых проходов, единственная перемычка располагалась в центре северной траншеи (рис. 4, *1*). Особое место среди этих сооружений занимает конструкция кургана 24 Новосадковского могильника, находившегося в отдалении от курганной цепи. К западной стороне оконтуренной основной площадки этого кургана примыкала небольшая квадратная пристройка, также ограниченная рвом, с разрывами по углам. В восточной половине кургана в пределах основной площадки была зафиксирована небольшая полуразрушенная каменная вымостка, около которой найдено несколько костей животных и фрагмент керамики (рис. 4, *3*). Только в двух крупных курганах

© М. В. Власкин, Л. С. Ильюков, 1990 г.

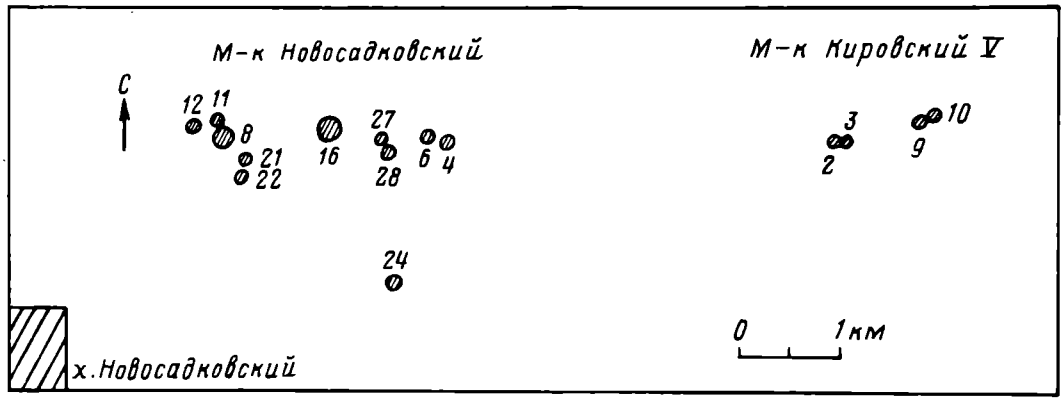


Рис. 1. План могильников у хут. Новосадковский

удалось проследить, что материковый выкид из рва сложен в виде вала по внешнему периметру (рис. 2, *3;* 3, *6*). В остальных, сильно распаханных курганах эти стратиграфические детали не прослежены. Обычно заполнение рвов плотное, затечное; лишь в одном случае, в сильно распаханном кургане 22 Новосадковского могильника, оно было рыхлым черно-серым, т. е. ров был засыпан.

Подобные конструкции, впервые на Нижнем Дону выделенные экспедицией Л. С. Клейна в начале 1970-х годов [7, с. 133, 134], к настоящему времени зарегистрированы в различных могильниках бассейна р. Дон [8—17] и смежных территорий [18] Большинство их не опубликованы, и поэтому они не могут в полной мере использоваться в данной статье. Среди этих «классических» конструкций четырехугольной формы выделяются курганы с пристройкой, расположенной обычно с восточной либо (реже) с западной стороны. Интересно, что в курганах, имевших западную пристройку, в могильной яме подбой находился не под южной, как обычно, а под северной стенкой, и погребенный в таком подбое был ориентирован головой не на запад, а на восток [7, с. 134] К редким формам относится вытянутая в широтном направлении площадка, обнесенная рвом, обнаруженная в Саловском могильнике. В ее западной части находились

Таблица 1

Размеры подкурганных площадок, окруженных рвами

Курган	Размеры сторон, м				Площадь, м²
	С(СВ)	В(ЮВ)	Ю(ЮЗ)	З(СЗ)	
			Новосадковский могильник		
4	8,2	7,5	8,1	7,6	61,6
6	6,3	6,6	6,7	6,2	41,6
8	15,2	16,2	15,0	15,3	239,9
11	9,3	10,0	9,0	9,6	89,7
12	8,7	8,6	8,4	9,0	75,8
16	22,2	23,5	24,2	24,5	557,6
21	11,0	10,4	10,6	10,6	113,7
22	10,7	10,8	10,2	10,9	111,4
24*	13,3	13,3	12,4	13,1	167,8
	3,3	2,8	3,7	3,6	11,1
28	10,6	10,6	9,9	10,3	107,1
			Кировский V могильник		
2	9,4	8,7	9,2	8,2	78,6
3	10,2	10,6	12,1	10,7	92,2
9	8,7	8,7	7,8	7,9	68,2
10	6,2	7,5	7,8	6,5	48,6

* В двух строчках указаны размеры основного рва и пристройки.

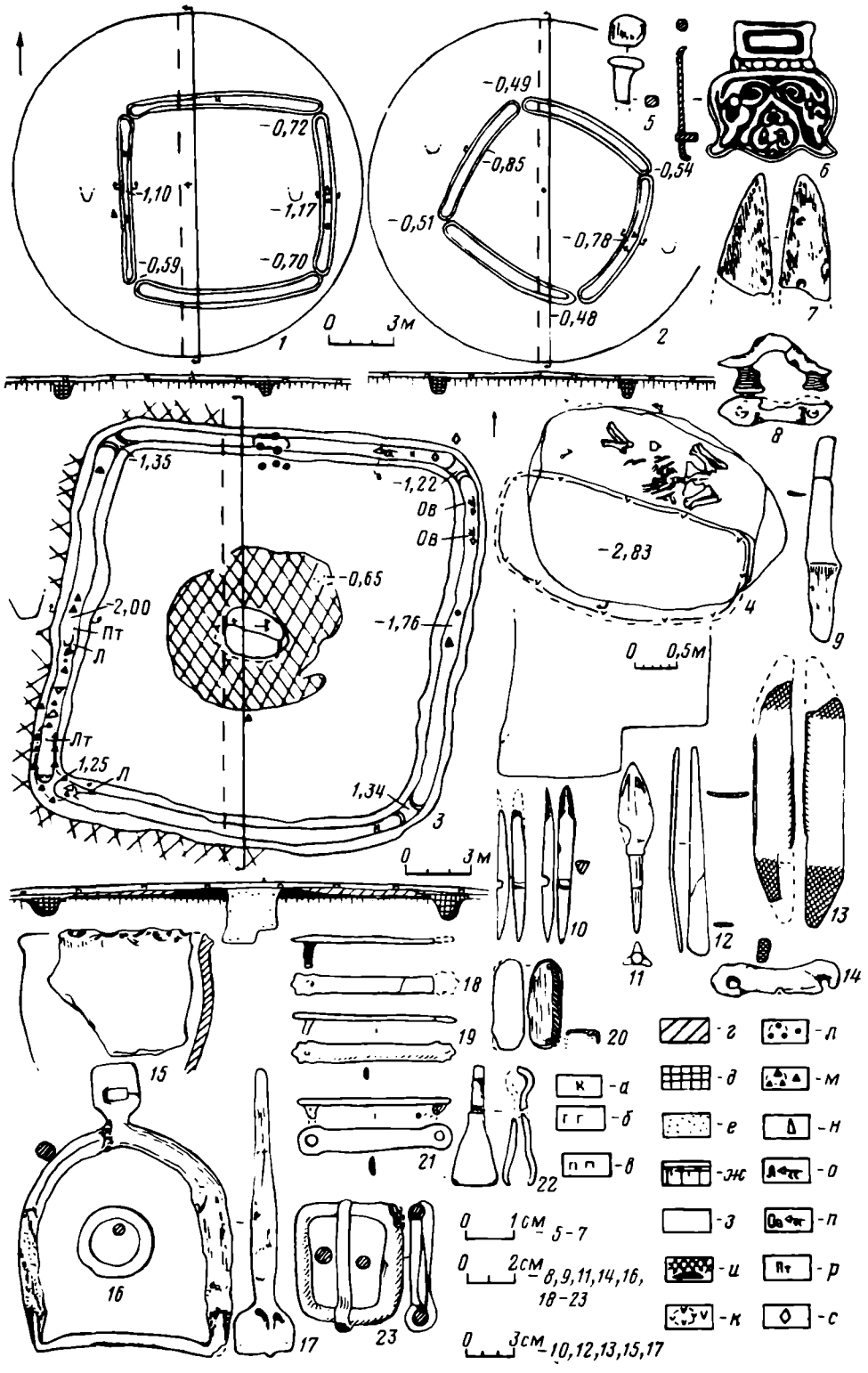


Рис. 2. Новосадковский могильник. *1* — кург 4; *2* — кург 6; *3—23* — кур. 8; (*5, 8, 9, 11, 14, 16—23* — железо; *6*— серебро; *7*— дерево; *10, 12, 13*— кость; *15*— керамика). *а* — керамика; *б* — гумусный слой; *в* — пахота; *г* — насыпь; *д* — заполнение рва; *е* — заполнение могильной ямы; *ж* — погребенная почва; *з* — материк; *и* — материковый выкид; *к* — древесный уголь; *л* — скопления и отдельные кости овцы; *м* — скопления и отдельные кости лошади; *н* — череп лошади; *о* — скелет лошади; *п* — скелет овцы; *р* — птичьи кости; *с* — камень

Таблица 2

Характеристика скоплений костей животных во рвах

Могильник, курган	Сектор рва, уровень залегания костей	Лошадь					Овца				
		череп	челюсть	ноги, таз лопатки	ребра, позвонки	возраст (год)	череп	челюсть	ноги, таз лопатки	ребра, позвонки	возраст (год)
Новосадковский	В	+				> 5		+	+		> 4—5
Кург. 4	запол.										
	З										
	запол.		фр				фр				
Кург. 6	ЮВ										
	запол.		фр			5—7					
Кург 8	С										
	запол.						+				< 2
									+		
								+	+	+	1
	дно						Скелет барана				> 2
	В										
	дно			+				Скелет			< 2
								»			> 3,5
									+		
	Ю										
	запол.			+		5					
	дно	Скелет без задних ног				10—12					
	З										
	запол.		фр	+	+	5—6 (3 особи)		+			
			фр	+	+	1					
			фр	+	+	< 1					
		+	+			5—7					
			фр	+		< 1					
		фр	+			3,5—4,5					
	дно	Скелет без задних ног				5—7					
Кург. 11	С										
	запол.		фр			7—12					
	В										
	запол.	+									
		+				3—4					
	дно			+							
	З										
	запол.				+					+	
Кург. 12	ЮВ										
	дно								+		
Кург. 16	СВ										
	запол.			+		< 1,5					
	у рва			+	+	> 5					
	ЮВ										
	запол.	+	+			5—7					
				+		> 1					
		+	+	+	+	9—10					
	ЮЗ										
	запол.			+		< 1,5					
	СЗ										
	запол.		+	+	+	< 1		+	+		< 0,5
		фр		+	+	> 4			+	+	> 3,5
			+	+		5—7			+		< 3
		фр		+		1,5—3,5					
	дно		Скелет			> 4					
			»			< 1,5					
			»			< 4					
	у рва	+				5—7					

Таблица 2 (продолжение)

Могильник, курган	Сектор рва, уровень залегания костей	Лошадь					Овца				
		череп	челюсть	ноги, таз лопатки	ребра, позвонки	возраст (год)	череп	челюсть	ноги, таз лопатки	ребра, позвонки	возраст (год)
Кург. 21	С										
	запол.			+							
	В										
	запол.			+		> 1					
		+	+			> 5					
		+				5—7					
		+	+			3,5—4,5					
	дно		+	+		12					
				+		> 1					
			фр			5—7					
	Ю										
	запол.		фр			> 5					
			фр	+		< 1					
	дно		фр								
	З										
	запол.		+			3,5—4,5	+				1
		+	+			2—2,5					
		фр	+	+		7—8					
	дно						+				
Кург. 22	СВ										
	дно									+	
	ЮЗ										
	запол.								+		2
	СЗ										
	запол.								+		< 3,5
Кург. 24	В										
	запол.	фр	фр			< 5					
		фр	фр			5—7					
			фр	+	+	6—12					
		фр		+	+	3,5—4,5			+	+	< 2
	дно		фр			5—7		+			< 1
	З										
	запол.	+									
		+	+			5—7					
		+	+			6—12					
		+				5—7					
		+		+		> 5					
		+									
		+	+			> 10					
		+				3,5—4,5					
		+				5—7					
		+				5—7					
		+	+			5—7					
		+									
		+									
	дно	+				5—7					
Кург. 28	В										
	запол.	+	фр			5—7					
	у рва	+				> 5					
		+									
		+		+		> 5					
		+									
		+		+							
	Ю										
	запол.	фр		+							
	З										
	запол.		+			< 5					
			+			5					
	дно	фр	+		+	< 5					
Кировский V	З										

Таблица 2 (окончание)

Могильник, курган	Сектор рва, уровень залегания костей	Лошадь					Овца				
		череп	челюсть	ноги, таз лопатки	ребра, позвонки	возраст (год)	череп	челюсть	ноги, таз лопатки	ребра, позвонки	возраст (год)
Кург. 3	дно		фр								
Кург. 9	С запол.	+	+			5—7					
	З запол.			+		> 1,5					
Кург 10	В запол.	+	+			5—7					
		+	+			3,5—4,5					

две подбойные могилы [12, с. 121]. Особое место в раннем средневековье занимал известный памятник VIII в. у с. Вознесенка, также ориентированный в широтном направлении [19].

Во рвах зафиксировано два уровня залегания костей животных: в заполнении и на дне (табл. 2) [1] На дне двух наиболее крупных рвов расчищены скелеты лошадей и овец (рис. 2, *3;* 3, *6*). Так, в кургане 8 две лошади, лишенные задних конечностей, находились в смежных траншеях юго-западного сектора кургана. В противоположном секторе этого кургана тоже в смежных траншеях зафиксированы три скелета мелкого рогатого скота: овцы, барана и ягненка. Во втором крупном кургане 16 скелеты трех лошадей разного возраста находились в северо-западной траншее. Кроме этих животных изредка встречались отдельные кости домашних животных (табл. 2). В кургане 21 Новосадковского могильника и 3 Кировского V могильника на дне рвов отмечены скопления древесных углей, а в кургане 16 Новосадковского могильника — остатки дерева.

Иным был состав костных остатков в заполнении рвов, где обнаружена большая часть находок, но где не было ни одного нерасчлененного скелета животного. В целом концентрация этих костей аналогична вышеотмеченной. Очень часто в полузасыпанный ров аккуратно складывали черепа (иногда без нижней челюсти), их ориентировали по осевой линии траншеи. В кургане 8 Новосадковского могильника в заполнении западной траншеи обнаружены кости птиц: серого гуся, ястреба-тетеревятника и канюка-курганника [2] Несколько невыразительных обожженных костей животных было зафиксировано в верхней части рвов двух больших курганов. В одном из этих курганов (№ 8), против северо-восточной перемычки отмечено пятно древесных углей, а у самой перемычки — разбитый на несколько кусков песчаниковый валун. В семи курганах Новосадковского могильника маловыразительные осколки лепной и кружальной посуды встречались на поверхности погребенной почвы, но чаще — в верхних слоях рва. В кургане 28 этого же могильника, в восточной траншее, рядом с черепами лошадей обнаружен невыразительный фрагмент бронзовой пластинки.

Могильная яма, ориентированная в широтном направлении, всегда располагалась в центре кургана. Ее ориентировка совпадала с ориентировкой четырехсторонней площадки, только в кургане 16 Новосадковского могильника яма ориентирована по диагонали площадки. Зафиксировано два типа могильных конструкций: яма со ступенькой и подбоем, расположенным под южной (7 погребений) (рис. 2, *4;* 4, *19;* 5, *15;* 6, *7*) или под северной стенкой (1 погребение) (рис. 4, *4)*; яма с продольными уступами, на которых находились плахи пере-

[1] Определение видов и возраста животных сделаны канд. биол. наук Ю. Я. Кожевниковой (Ростовский пединститут).

[2] Определение выполнено О. Потаповой, сотрудником Зоологического института АН СССР.

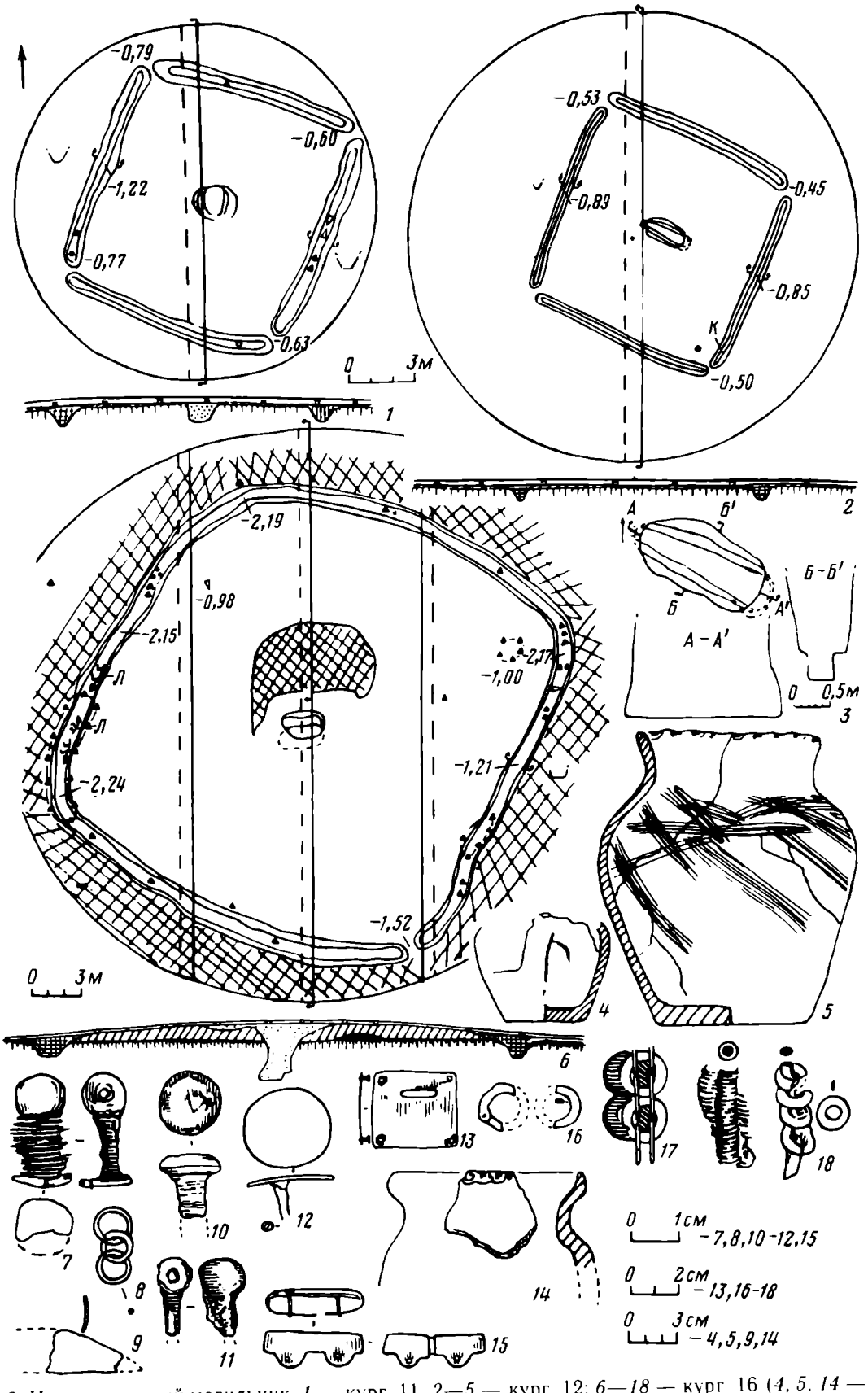


Рис. 3. Новосадковский могильник. *1* — кург 11, *2—5* — кург 12; *6—18* — кург 16 (*4, 5, 14* — керамика; *7, 10, 11, 16—18* — железо; *8* — бронза; *9* — кость; *12, 13, 15* — серебро) Условные обозначения см. рис. 1.

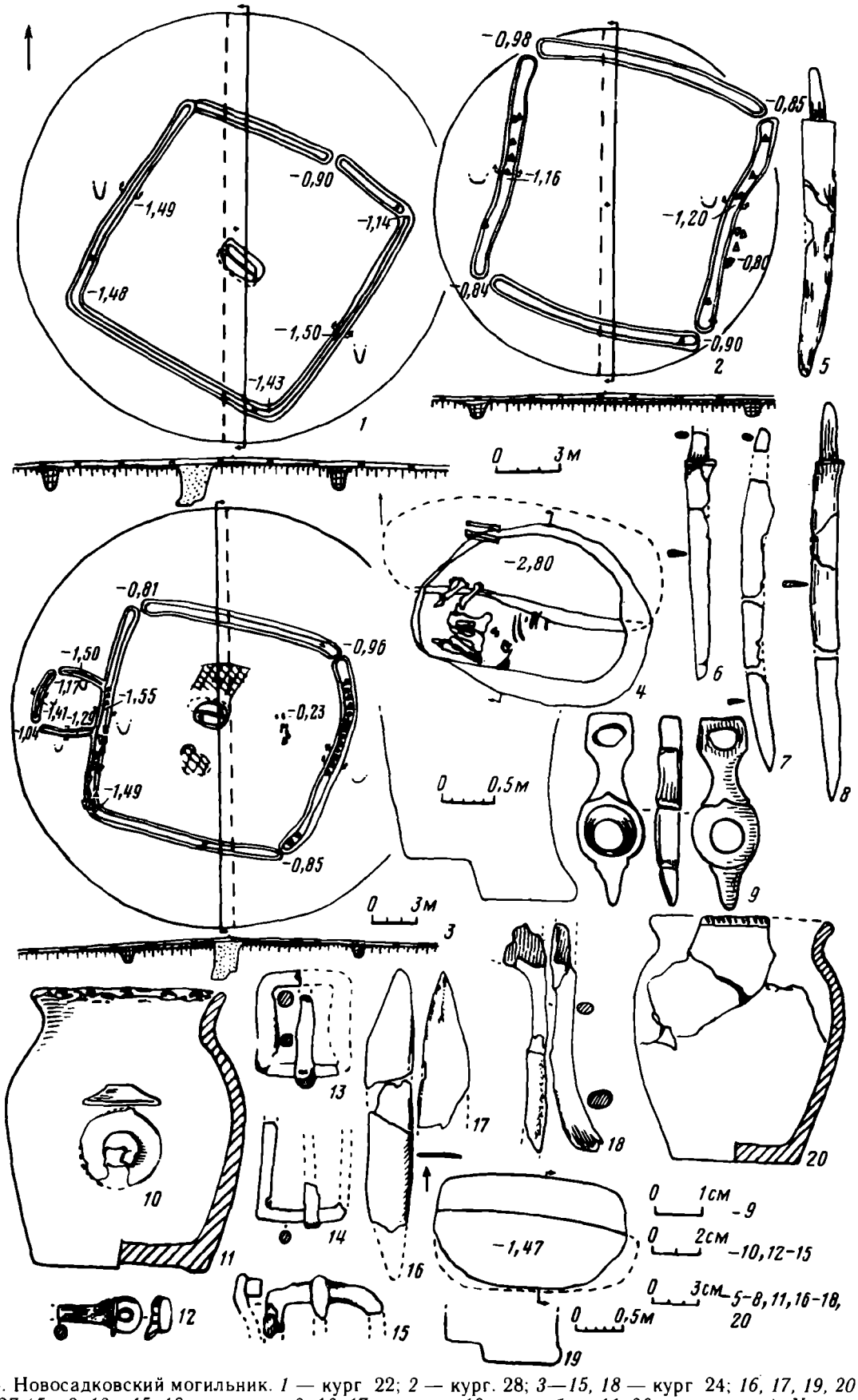


Рис. 4. Новосадковский могильник. *1* — кург. 22; *2* — кург. 28; *3—15, 18* — кург. 24; *16, 17, 19, 20* — кург. 27 (*5—8, 12—15, 18* — железо; *9, 16, 17* — кость; *10* — серебро; *11, 20* — керамика). Условные обозначения см. рис. 1.

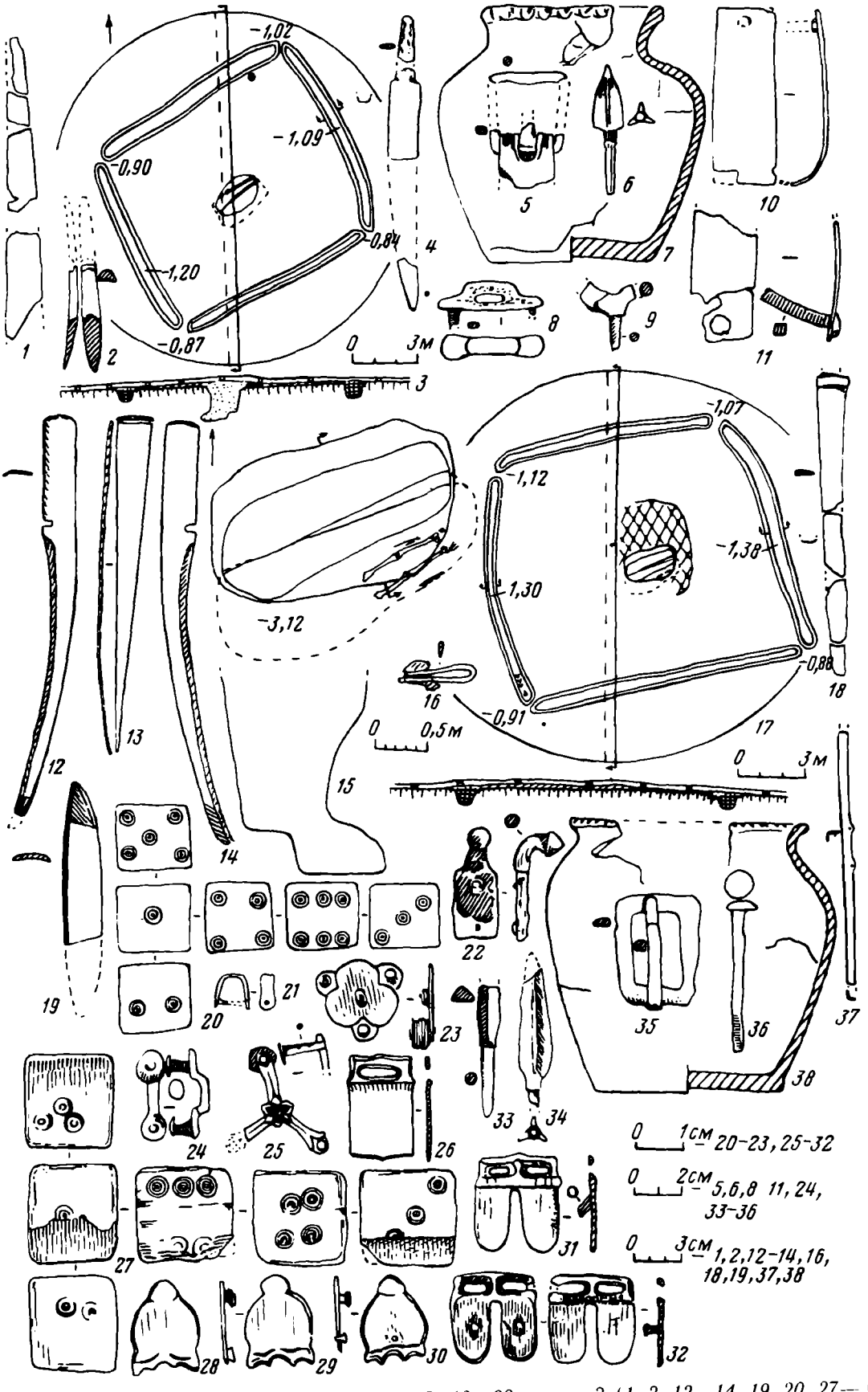


Рис. 5. Кировский V могильник. *1—11*— кург 2; *12—38*— кург 3 (*1, 2, 12—14, 19, 20, 27*— кость, *4—6, 8—11, 16, 18, 22, 24, 33—37*— железо; *7, 38*— керамика; *21, 23, 25, 26, 28—32*— бронза) Условные обозначения см. рис. 1.

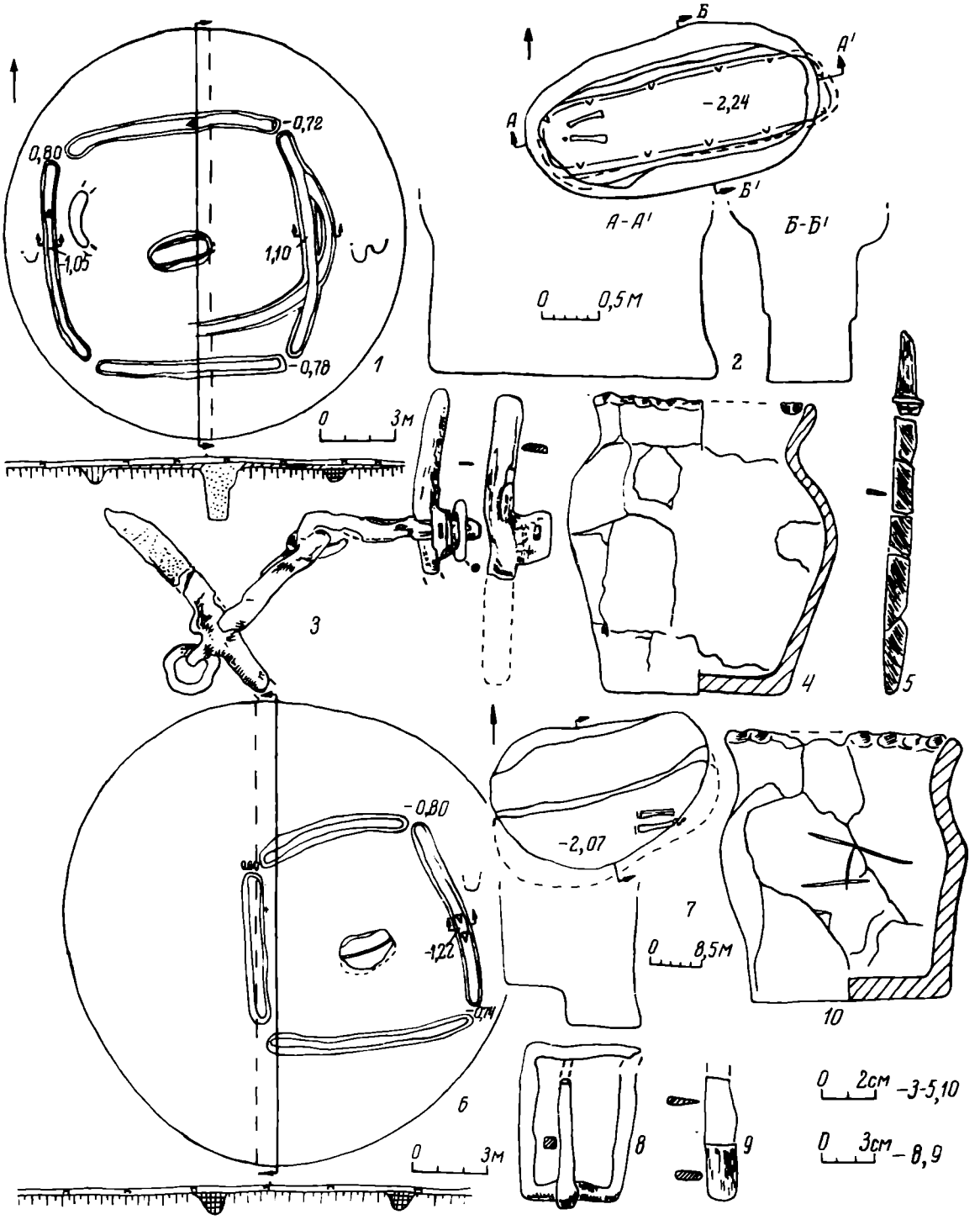


Рис. 6. Кировский V могильник. *1—5*— кург. 9; *6—10*— кург 10 (*3, 5, 8, 9*— железо; *4, 10*— керамика). Условные обозначения см. рис. 1.

крытия (2 погребения) (рис. 3, *2, 3*; 6, *2*). Оба типа конструкций известны в каждом из описываемых могильников. В нескольких могилах на дне подбоев сохранились пятна коричневого тлена, следы мела. Толстые подстилки из остывших древесных углей выявлены на дне двух подбоев в курганах 8 и 16 Новосадковского могильника и на дне ямы с заплечиками в кургане 9 Кировского V могильника. В кургане 8 среди углей оказался фрагмент сожженного деревянного предмета (рис. 2, *7*).

Таблица 3

Возраст, пол и ориентировка погребенных

Курган	Пол	Возраст	Ориентировка	Примечание
		Новосадковский могильник		
8	М	25—30	З	
12	Ж	25—30	ЮВ?	
16	М	35—40	?	Правая рука сломана, кости с патологией
22	Ж	30—40	?	
24	Ж	25—30	В	
27	М	25—30	З	
		Кировский V могильник		
2	М	20—25	?	
3	М	18—20	ЮЗ	Череп проломлен, кости с патологией
9	М	35—40	ВСВ	
10	М	18	З	

В курганах были захоронены мужчины и женщины 18—40 лет (табл. 3) [3] По-видимому, умершие были захоронены в одинаковых позах: на спине, вытянуто. Ориентировка их прослежена не во всех случаях (табл. 3). В ямах с заплечиками погребенные ориентированы только в восточную сторону. В подбоях, расположенных под южной стенкой ямы, умершие ориентированы головой в западную сторону, а в единственном подбое, вырытом под северной стенкой (курган 24 Новосадковского могильника), женщина была обращена головой на восток.

Согласно погребальной традиции, на дне входной ямы, у закрытого плахами подбоя или на деревянном перекрытии, в яме с заплечиками помещалась верховая лошадь 5—7 лет. К сожалению, все скелеты этих животных разрушены грабителями. Только в двух новосадковских курганах сохранились остатки взнузданных и оседланных лошадей, ориентированных головой на запад (курган 8) (рис. 2, *4*) и на восток (курган 24) (рис. 4, *3*). В каждом погребении встречались кости овец, по одной особи 2—3,5 лет. В одной могиле, не окруженной рвом, находились кости двух овец.

Инвентарь, собранный в разрушенных погребениях Новосадковского и Кировского V могильников, небольшой, но выразительный, находит аналогии в уже известных салтово-маяцких памятниках.

В описываемых погребениях обнаружены лепные черноглиняные горшки, выполненные из глины грубого замеса с примесью шамота. Край венчика всегда орнаментирован пальцевыми защипами (рис. 2, *15;* 3, *14;* 4, *11;* 5, *7;* 6, *4, 10*) или оттисками лопаточки (рис. 4, *20;* 5, *38*). На тулове сосуда иногда процарапывались знаки (рис. 3, *4;* 6, *10*) либо зубчатым инструментом наносились хаотические полосы (рис. 3, *5*). Лепная керамика из сальско-манычских курганов аналогична кухонной посуде салтово-маяцкой культуры [1, с. 103, 104; 18, рис. 3, *1*; 20, с. 86, рис. 6, *11, 12, 15*; 21, с. 122, 123; 22, с. 315, рис. 1, 2]

Остатки снаряжения коня зафиксированы в нескольких курганах. Железные детали уздечного набора лучше сохранились в одном комплексе. Это двусоставные удила с восьмерковидными окончаниями, псалиями и дополнительными поводными кольцами (рис. 6, *3*). В одном кургане от двусоставных удил уцелело только поводное кольцо (рис. 2, *16*); в другом кургане найден фрагмент псалия (рис. 4, *18*). Аналогичные уздечные комплекты характерны для салтово-маяцких памятников [1, с. 166; 2, рис. 36; 18, рис. 6, *6*; 23 рис. 15; 24, табл. 27, *2*]. В кургане 8 Новосадковского могильника на скелете лошади сохранились остатки дере-

[3] Определение мл. науч. сотр. Е. Ф. Батиевой (Ростовский университет).

вянного седла, украшенного железными пластинками. Непотревоженными были две пластинки с гвоздиками, лежавшие параллельно друг другу на древесном тлене от седла (рис. 2, *18, 19*). Еще пара железных пластинок, имеющих на округленных концах по гвоздику (рис. 2, *21*), оказалась в заполнении ямы. Кроме них, в заполнении ямы найдены: фрагменты двух железных пластинок с отверстиями на концах; короткая железная пластинка со скругленными концами, крепившаяся гвоздиком, расположенным в центре ее; железный пластинчатый крючок (рис. 2, *14*). К седлу подвешивалась пара железных стремян (рис. 2, *17*). Фрагменты двух аналогичных стремян оказались в кургане 24 этого же могильника. Подобные стремена типичны в снаряжении коня VIII—IX вв. [2, рис. 36; 18, рис. 6, *8*; 24, табл. 27, *6—12*; 25, рис. 15, 16]. Видимо, деталями седла или колчана являлись железные гвозди, петельки (рис. 2, *5*; 3, *7, 10, 11;* 4, *12;* 5, *36*) и пластинки, крепившиеся к деревянному каркасу (рис. 5, *10, 11*). По-видимому, к сбруе относились крупные четырехугольные железные пряжки (рис. 2, *23*; 4, *13—15;* 6, *8*), бронзовая круглая бляха (рис. 4, *10*) и костяная фигурная пластинка (рис. 4, *9*). Четырехугольные пряжки меньшего размера, видимо, были поясными (рис. 5, *5, 35*). Описанный тип рамчатых пряжек с подвижными язычками зарегистрирован в различных пунктах обширной салтово-маяцкой культуры [2, рис. 36; 26, с. 80, 81, рис. 18, *15*] Костяная пластинка аналогична бронзовым изделиям из Маяцкого могильника [25, рис. 15, *9*], Саркела [27, рис. 30], Кривой Луки [18, рис. 7, *5*].

В одном погребении обнаружены остатки кольчуги, железные склепанные пластины доспеха (рис. 3, *16—18*) и обломки копья; в двух других — фрагменты сабель, находившихся в ножнах с железными наконечниками (рис. 2, *20*). Остатки кольчатых и пластинчатых доспехов зафиксированы на Северном Кавказе [26, с. 78, 79, рис. 22, *17—30*], в Юго-Восточной Европе в VIII—IX вв. [28, с. 199, 200]

Из мужских погребений происходят костяные детали луков. Рукоять покрыта двумя симметричными трапециевидными пластинами (рис. 2, *13;* 3, *9;* 4, *16, 17;* 5, *19*). На концах лука располагались накладки: узкая короткая с поперечным желобком под тетиву (рис. 2, *10*; 5, *2*); «саблевидная» с вырезом под тетиву (рис. 5, *12, 14*); вытянутая треугольная (рис. 2, *12*; 5, *1, 13*). В одном кургане, судя по сохранившемуся концу лука, между двух «саблевидных» костяных накладок, расположенных по бокам, была зажата длинная треугольная пластина, находившаяся на внутренней стороне лука (рис. 5, *12—14*). В двух других курганах было иное оформление лука. Вместо боковых «саблевидных» костяных накладок использовалась одна короткая пластина с вырезом под тетиву, крепившаяся на внешнюю поверхность лука; на противоположной стороне находилась длинная треугольная пластина (рис. 2, *10, 12;* 5, *12*). Костяные накладки сложного лука — частая находка в кочевнических комплексах. Обе разновидности оформления деревянной поверхности лука, описанные по археологическим памятникам сальско-манычских степей, хорошо известны в литературе [2, рис. 36; 25, рис. 19, *8—13*; 26, с. 67]. В погребальном комплексе из Нижнего Поволжья на концах лука были две боковые «саблевидные» пластины, соединенные попарно железным штифтом [18, с. 88, рис. 4, *2*]. К. И. Красильников ошибочно интерпретировал узкие короткие пластины с поперечным желобком, аналогичные сальско-манычским (рис. 2, *10*; 5, *2*), как «челноки для плетения сетей» [29, с. 84, рис. 4, *9*]

В сальско-манычских курганах найдены три типа черешковых железных наконечников стрел: рамчатый (рис. 5, *9*); трехгранный (рис. 5, *33*) и трехлопастной (рис. 2, *11;* 5, *6, 34*). Аналогии им имеются в коллекциях салтово-маяцких древностей [2, рис. 36; 18, рис. 6, *2*; 26, с. 70; 30, табл. XXIX, *15, 16*]. Стрелы, по-видимому, находились в колчанах. В одном погребальном комплексе найдены фрагменты железных кантов (рис. 5, *37*), которыми, очевидно, был оббит деревянный каркас колчана. В этом же погребении обнаружены: уголок железной

пластинки, прижимавший конец узкой костяной обкладки; три железных петельки, одна из них прочно крепилась заклепками к деревянной планке колчана (рис. 5, *24*), две другие, более изящные, сохранившиеся частично, могли использоваться в конструкции сумочки. Кроме упомянутых железные петли зафиксированы еще в двух могилах (рис. 2, *8*; 5, *8*). В погребении, где найдены остатки окантованного колчана, оказался железный крючок, крепившийся двумя заклепками к концу ремня (рис. 5, *22*). В кургане 8 Новосадковского могильника найден простой наконечник ремня из согнутой пополам железной прямоугольной пластинки. Железные петли с заклепками характерны для колчанов кочевников VIII—IX вв. [26, с. 72]. Крючки, аналогичные кировскому, зарегистрированы в донских степях, на Северном Кавказе [26, рис. 19, *22*; 31, рис. 3, *3*] Изящный колчанный крючок с грибовидным окончанием входил в состав Муравьевского клада [28, рис. 2, *4*].

В трех курганах обнаружены бронзовые (рис. 5, *21, 23, 25, 26, 28—32*) и серебряные украшения (рис. 2, *6*; 3, *12, 13, 15*), по-видимому, крепившиеся к кожаной или деревянной поверхности пояса, сбруи, сумочки, колчана. Среди них серебряный наконечник ремня (рис. 3, *15*) — это наиболее простой вариант известных салтовских наконечников, часто декорированных деталями лотоса [2, рис. 44; 12, с. 121; 32, рис. 4] В одном кургане найдены две разновидности бронзовых сдвоенных бляшек. Один вид пластин (рис. 5, *28—30*) не имел щелевидных отверстий, во втором (рис. 5, *31, 32*) перегороженное отверстие подчеркнуто пояском ложной зерни. К этим изделиям близок бронзовый наконечник ремня, снабженный узким отверстием для крепления (рис. 5, *26*). Едва заметные симметричные выступы, расположенные на узких гранях по оси пластины, подчеркивают стилистическое родство этого предмета с остальными бляшками из этого погребения. Ближайшие аналогии поясным бляшкам имеются в Романовском I и Саловском могильниках [10, с. 113; 12, с. 121], расположенных на правобережье р. Сал. Подобные сдвоенные пластинки известны в различных памятниках салтово-маяцкой культуры или в синхронных ей евразийских культурах [2, рис. 37; 33, рис. 2, *18;* 34, вклейка] Серебряная бляшка с растительным узором имеет выступающую планку со щелевидным отверстием, выделенную бордюром ложной зерни (рис. 2, *6*). Этот орнаментальный прием известен на вышеописанных сдвоенных бронзовых пластинках. Аналогичная бляшка имеется в Муравьевском кладе [28, с. 196, рис. 2, *1*] В кургане 3 Кировского V могильника были еще две бляшки: трехлучевая с миниатюрным трилистником в центре и тремя заклепками на концах (рис. 5, *25*) и трехлепестковая с центральным отверстием и дополнительными миниатюрными листочками, снабженными тремя заклепками (рис. 5, *23*). По-видимому, особой разновидностью этих изделий могли быть круглые бляшки с длинной центральной заклепкой (рис. 3, *12*). Подобная круглая бляшка была зафиксирована в поволжском погребении на одежде умершего [18, с. 89, рис. 7, *10*] Прямоугольная пластинка (рис. 3, *13*) из новосадковского кургана 8 имеет широкие аналогии в различных раннесредневековых памятниках Евразии [1, рис. 44, *44*; 34, вклейка; 35, рис. 63, *1, 3*]. Узкая, согнутая пополам бронзовая пластинка с железной заклепкой (рис. 5, *21*), видимо, являлась скрепкой.

Узкие, длинные железные ножи находились почти в каждом погребении (рис. 4, *5—8;* 5, *4, 18*; 6, *5*), в двух могилах обнаружены короткие ножи (рис. 2, *9*; 6, *9*). Один экземпляр длинного ножа был в древности согнут пополам (рис. 5, *16*). Железные ножи одна из наиболее распространенных категорий инвентаря в погребениях и на поселениях салтово-маяцкой культуры [36] В трех могилах (курганы 12, 16, 24 Новосадковского могильника) найдены кремневые отщепы.

Отметим редкие находки в описываемых курганах: железный пинцет (рис. 2, *22*), бронзовую цепочку (рис. 3, *8*). В одном комплексе обнаружены три костяных игральных кубика: два маленьких и один большой (рис. 5, *20, 27*). Аналогичные предметы известны не только на бытовых памятниках [1, с. 156, рис. 42, *6, 7*; 29, с. 88, рис. 7, *17*], но и в погребениях [4, с. 147; 30, с. 48]

Таким образом, весь комплекс инвентаря, судя по приведенным аналогиям, датируется VIII—IX вв. Сальско-манычские курганы с ровиками относятся к третьему типу погребальных сооружений салтово-маяцкой культуры, по С. А. Плетневой [2, с. 71]. Вопрос о выделении этого типа погребальных памятников впервые был поставлен после раскопок соколовского кургана 11 под г. Новочеркасском [7, с. 133, 134]. С. А. Плетнева отметила, что в курганах, окруженных квадратными рвами, «могилы... не всегда подбойные, попадаются и ямные (иногда с заплечиками), однако подбои характернее» [2, с. 71]. В литературе уже появились две версии об этнической принадлежности погребенных в курганах с квадратными рвами: хазарская [37, с. 181, 182; 38, с. 78, 79] и печенежская [18, с. 93, 94].

Важное значение в решении сложных проблем культурно-исторической принадлежности этого типа погребальных сооружений имеет вопрос о том, как, в какой последовательности возводился курган с квадратным рвом, каковы функции рва в погребально-поминальной обрядности.

Суммировав данные стратиграфии курганных могильников бассейна р. Сал, мы предлагаем следующую реконструкцию кургана. Сооружение кургана начиналось с оконтуривания площадки. По ее периметру выкапывали ров [4], его окружали валом, являвшимся глинистым выкидом из рва. В центре площадки сооружалась могила. В некоторых случаях в погребальном обряде огню придавалось особое значение. Согласно тюркским представлениям, дух огня помогал душе умершего переправиться в царство Эрликхана. В. Д. Кубарев проанализировав археологические, исторические и этнографические источники, резюмировал: «... древние тюрки сжигали поминальные юрты (точнее — деревянные жилища) с тем, чтобы душа умершего могла вознестись на небо вместе с языками пламени и дыма последнего гигантского костра» [39, с. 76]. Например, у алтайцев «на седьмой день, если умерший жил один, его аил сжигали» [39, с. 76]. По мнению В. Д. Кубарева, жилище сооружалось над могилой и затем сжигалось. В сальско-манычских степях в среде кочевников, очевидно, культивировались несколько иные представления. Юрту (жилище) умершего сжигали в стороне от могилы, а из остывших древесных углей, перенесенных в погребение, устраивали ложе для покойника (Новосадковский, курганы 8, 16; Кировский V, курган 9). После совершения захоронения на площадке возводили земляную насыпь. По-видимому, грунт поступал через перемычки, оставленные, как правило, по углам площадки. К сожалению, в распахиваемых курганах форма первоначальной насыпи не сохранилась. Целые туши и отдельные кости лошадей и овец оставляли не на огороженной площадке, а у ее основания (фундамента), их складывали на дно рва, в основном в западной и восточной траншеях. Спустя некоторое время, в ров, слегка заполненный землей, укладывали черепа лошадей и овец, бросали отдельные кости либо части туш жертвенных животных. В заполнении одного рва оказались кости птиц. По-видимому, количество жертвенных домашних животных было регламентировано (рис. 7). Судя по этнографическим источникам, большое практическое значение имела масть животных [40, с. 167]. В сальско-манычских степях в жертву приносили лошадей разного возраста, тогда как в могилу опускали среднерослую верховую лошадь 5—7 лет. По наблюдениям Г А. Федорова-Давыдова, аналогичная поэтапность заполнения рва была отмечена в поволжском кургане в группе Кривая Лука XVII, где на дне восточной траншеи был обнаружен скелет барана. После этого жертвоприношения ров был частично засыпан. В верхней части заполнения обнаружено 15 скоплений и отдельных костей баранов и «крупного рогатого скота» [18, с. 90].

Курганы междуречья Сала и Маныча близки древнетюркским поминальным оградкам, окруженным рвом и валом [38; 39, с. 50 и сл.]. В. Д. Кубарев пред-

---

[4] По наблюдению Г А. Федорова-Давыдова, сооружение кургана хазарского времени в Нижнем Поволжье (Кривая Лука XVII, курган 5), тоже начиналось с выкапывания рва [18, с. 80]

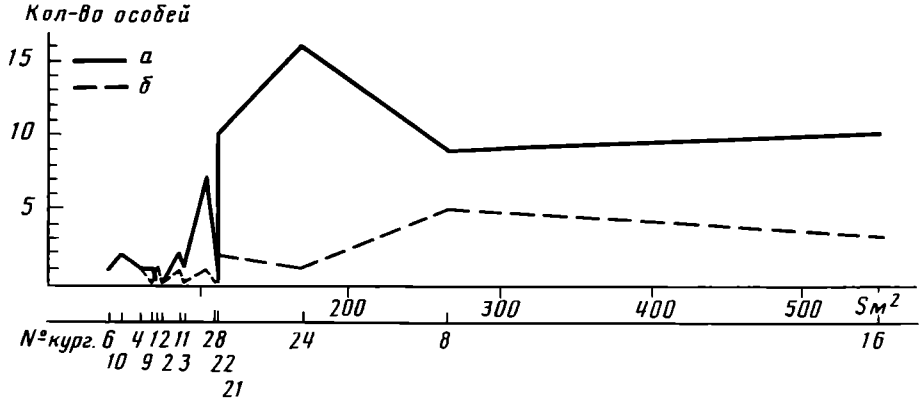


Рис. 7 Соотношение количества жертвенных животных и размеров огражденных площадок. *а* — лошадь; *б* — овца. Курганы 4, 6, 8, 11, 12, 16, 21, 22, 28— Новосадковский могильник; курганы 2, 3, 9, 10— Кировский V могильник

ложил оригинальную реконструкцию поминальных обрядов восточноазиатских тюрок. По его мнению, «оградка не что иное, как жилище — своеобразное последнее пристанище души (духа) умершего» [39, с. 79]. После окончания последних поминок жилище, устроенное для духа умершего, сжигалось, его забрасывали камнями [39, с. 80]. По-видимому, своеобразные восточноевропейские подкурганные рвы, окружавшие площадки, имитировали основание (фундамент) жилища. На бытовых памятниках салтово-маяцкой культуры известны жилища и хозяйственные постройки, весьма близкие подкурганным конструкциям [41; 42, рис. 14]. Часто вход в жилую постройку находился в углу [2, рис. 43; 42; 43]. В раннем средневековье из квадратных кирпичей сооружались квадратные крепости с квадратными цитаделями [2, с. 67]. По-видимому, квадрату придавалось особое значение.

В евразийских степях в раннем средневековье прощание с умершим осуществлялось в несколько этапов, о чем ярко свидетельствуют археологические источники. Очередную поминальную площадку могли сооружать в насыпи. Например, в поволжском кургане после сооружения рва и могилы вся территория, окопанная рвом, была покрыта тонким слоем глины. На ее поверхности к востоку от могилы, на слое из органики («видимо, кучи листьев и травы» [18, с. 89]) был сооружен деревянный прямоугольный настил, ориентированный по сторонам света, как и ров. От настила «сохранились остатки крайних западных и северных плах, ограничивавших площадку» [18, с. 89] [5] На заключительном этапе формирования насыпи все было перекрыто земляной платформой, состоявшей из комьев, а поверх нее был насыпан рыхлый грунт [18, с. 91] Судя же по донским материалам, очередную поминальную площадку могли пристраивать к восточной или западной траншее рва (Новосадковский могильник, курган 24; Терновский II [14, с. 127]) либо сооружать в стороне от места захоронения человека (Новосадковский, курганы 4, 6, 21, 28). Как правило, в восточной и западной траншеях, т. е. там, где были или могли быть пристройки, концентрировались жертвенные приношения, находились черепа лошадей (Новосадковский, курганы 8, 16, 24, 28). Очевидно, в этих местах располагался символический вход (выход). Отметим, что на Алтае в древнетюркских погребально-поминальных комплексах вход обычно находился с восточной стороны и около него располагались антропоморфные каменные изваяния и аллеи балбалов, являвшиеся символическими коновязями [39, с. 68, 69].

Кости животных, зафиксированные во время раскопок сальско-манычских курганов, являлись остатками жертв, принесенных во время погребально-поминальных обрядов. Эти жертвоприношения, по-видимому, были направлены на то, чтобы в ином мире обеспечить умершего табуном или отарой домашних

[5] По нашему мнению, описанные крайние плахи могли быть частью деревянного венца поминального сооружения.

животных, чтобы обеспечить будущий приплод скота [44, с. 214], тогда как верховой конь, сопровождавший умершего, предназначался для поездки в преисподнюю [45, с. 221] По фольклорным данным, возраст коня имел социальную значимость: «Батыр должен ездить на семилетнем великолепном коне... Использование под седлом коня в раннем возрасте — свидетельство бедности его владельца, так как тот не имеет возможности ждать, пока конь достигнет нужного возраста» [45, с. 243]

Жертвенных животных укладывали в основание (фундамент) специально огороженной площадки. Подобные приношения семиотически близки жертвам, которые закладывались в фундамент жилища [46, гл. II]. «В семантическом плане „строительная жертва" была связана со сложным комплексом представлений о сакральности жилища, его „выводимости" из тела жертвы, взаимоперекодировки между жертвой, жилищем и концепцией устройства мира» [46, с. 63]

По сообщению Ибн-Фадлана, если умирал каган, то строился для него большой двор (усадьба), в котором находилось 20 домов (по мнению А. П. Ковалевского, это, несомненно, были отдельные постройки), и в каждом из этих домов вырывалась могила. Под двором текла быстрая и большая река. Когда каган был захоронен, то рубили шеи тем, кто его хоронил, чтобы не было известно, в каком из домов находилась его могила [47, с. 146, 147]. Очевидно, «Большой двор», разделенный на «двадцать домов» («отдельных построек»), в каждом из которых сооружалась могила,— это «аккумулированное» описание всего комплекса погребально-поминальных сооружений, возводившихся после смерти кагана. В этих «домах» («отдельных постройках»), по-видимому, совершался цикл обрядов прощания с умершим. Судя по археологическим источникам, для прощания с умершим сооружался ряд поминальных конструкций, в рамках которых выполнялись предписанные традицией обряды и жертвоприношения. В конечном счете погребально-поминальные постройки являлись специфической моделью мира кочевника.

Большой интерес представляют сведения хазарского кагана Иосифа о своей стране. Описывая столицу домена, он указывает, что она делится на три неравные части (три «квадрата».— *М. В., Л. И.*). В самом меньшем из них (3×3 фарсаха) живет сам каган Иосиф [48, с. 11]. Описание размеров своего домена с указанием протяженности каждой из его сторон Иосиф начинает с восточной стороны: восток (20 фарсахов) — юг (30 фарсахов) — запад (30 фарсахов) — север (20 фарсахов) [49, с. 103] По подсчетам С. А. Плетневой, размер домена равнялся 50×50 фарсахов [48, с. 11].

Таким образом, мир кочевника, замкнутый в четырехстороннем («квадратном») пространстве, ориентированном по сторонам света, моделировался в погребально-поминальных обрядах во время проводов умершего человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА, 1967. № 142.
2. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР М.: Наука, 1981.
3. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 131.
4. *Узянов А. А.* Нижнесальские курганы // АО — 1975. М., 1976.
5. *Смирнов Ю. А., Узянов А. А.* Нижнесальские курганы // АО — 1977 М., 1978.
6. *Братченко С. Н., Швецов М. Л* Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА. 1984. № 3.
7. *Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО — 1971. М., 1972.
8. *Казакова Л М., Копылов В. П., Науменко С. А.* Раскопки курганов у поселка Центрального // АО — 1975. М., 1976.
9. *Житников В. Г., Копылов В. П., Науменко С. А.* Раскопки курганов в зоне Донской оросительной системы // АО — 1976. М., 1977.
10. *Копылов В. П* Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО — 1979. М., 1980.
11. *Копылов В. П.* Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО — 1980. М., 1981.
12. *Копылов В. П.* Работы в Ростовской области // АО — 1981. М., 1983.
13. *Копылов В. П.* Работы на Дону // АО — 1982. М., 1984.

14. *Науменко С. А.* Работы в зоне строительства Донской оросительной системы // АО — 1983. М., 1985.
15. *Житников В. Г* Раскопки на севере Ростовской области // АО — 1983. М., 1985.
16. *Максименко В. Е., Безуглов С. И., Захаров А. В.* Раскопки курганных могильников на р. Быстрая // АО — 1983. М., 1985.
17 *Беспалый Е. И* Работы Приморского отряда // АО — 1984. М., 1986.
18. *Федоров-Давыдов Г А.* Погребения хазарского времени из кургана «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы хронологии степей Евразии. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1984.
19. *Амброз А. К.* О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
20. *Савченко Е. И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука, 1986.
21. *Гадло А. В.* Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
22. *Ляпушкин И. И.* Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. 1958. № 62.
23. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
24. *Раев Б. А.* Каталог археологических коллекций. Новочеркасск, 1979.
25. *Флеров В. С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
26. *Магомедов М. Г* Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983.
27. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
28. *Афанасьев Г Е.* Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) // СА. 1987 № 1.
29. *Красильников К. И.* Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2.
30 *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. М.: Наука, 1974.
31. *Кузнецов В. А.* Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска // СА. 1985. № 3.
32. *Фонякова Н. А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. // СА. 1986. № 3.
33. *Айбабин А. И* Погребения конца VII— первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
34. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. // КСИА. 1979. Вып. 158.
35. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л. Наука, 1980.
36. *Міхеев В. К. Степанська Р. Б., Фомін Л. Д.* Ножі салівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. № 9.
37. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
38. *Семенов А. И.* Центральноазиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1982.
39. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
40. *Потапов Л. П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977.
41. *Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение // МИА. 1958. № 62.
42. *Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
43. *Красильников К. И* Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. № 3.
44. *Липец Р. С.* Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982.
45. *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.
46. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
47. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фалдана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956.
48. *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976.
49. *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

M. V. VLASKIN, L. S. ILYUKOV

THE EARLY MEDIAEVAL BURIAL MOUNDS WITH MOATS IN THE SAL-MANYCH INTERFLUVE

Fifteen burial mounds dated to the Saltovo-Mayak culture were investigated in 1985 by the Rostov University expedition. They were part of two burial grounds (Novosadkovsky and Kirovsky V) in the Sal-Manych interfluve (Martynovo District, Rostov Region) The authors offer a description of the newly studied mounds, one of their distinguishing features being rectangular moats that ran along three of the four sides enclosed with small dams at each side. In two cases a moat was limited by a clay wall on the outer side. Two levels of buried horse and sheep bones were discovered in the moats (Plate 2). The burial that was a pit with a shaft took the mound's centre. There were remains of a saddle-horse in the entrance pit, human remains that were east or west-oriented were found on the bottom of the burial. All the burials had been robbed. Judging by what remained of the varied though not rich grave-goods the mounds can be dated to the 8th or 9th centuries and regarded as being close to the early Turkic burial-constructions.

В. И. БАЛАБИНА, Л. А. БОРИСЕНОК, Л. К. ЯХОНТОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ОХР ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЗОВЬЯХ ДОНА

Во многих культурах (от эпохи неолита до конца эпохи средней бронзы) в погребениях систематически отмечают употребление красной охры различных оттенков. Наибольшее количество погребений с охрой сосредоточено в европейских степях и относится к так называемым курганным культурам ямного и катакомбного времени. Частота употребления краски и количество ее в отдельном комплексе вполне сопоставимы и даже превосходят встречаемость изделий из металла. Поэтому не лишено основания предположение о существовании в эпоху бронзы производства по добыче и приготовлению охры.

С минералогической точки зрения, наиболее распространенный в природе пигмент красного цвета — железная охра — представляет собой смесь оксидов и гидрооксидов железа, таких минералов, как гематит Fe_2O_3, гетит FeOH, гидрогетит $FeOH \cdot nH_2O$ и др. Названные минералы образуются в корах выветривания горных пород, при окислении руд, в процессах осадконакопления. В зависимости от условий образования каждое рудопроявление охры приобретает свой специфический набор микроэлементов, что в ряде случаев может служить руководством при поиске источников пигмента.

Вместе с тем оксиды и гидрооксиды железа, и по сей день служащие сырьем для приготовления красок красно-коричневого спектра, — это не что иное, как железная руда, из которой в домницах выплавляли сыродутное железо [1] То, что железная руда и даже ее термическая обработка были известны гораздо раньше металлургии меди, неоднократно отмечалось исследователями [1, с. 10; 2, с. 372]. Следует обратить внимание также и на то, что широкое ритуальное использование охристой красной краски в погребальном обряде внезапно прекращается в культурах поздней бронзы, т. е. на грани железного века, что, возможно, связано с изменившимся отношением к веществу, утратившему статус сакрального и получившему новую хозяйственную функцию.

Специальных анализов охры нет ни для эпохи бронзы, ни для другого времени. Красные, коричневые и желтые красители, определенные как охра (умбра, сиена, мумия), упоминаются среди анализов разнообразных красок, происходящих из раскопок [2—6]. Так, некоторые образцы пигментов из египетских раскопок признаны красной охрой, или «осадочной разновидностью гематита» [2, с. 527]. Установлено, что в античное и эллинистическое время охра применялась для фресковых росписей [3, с. 51; 7, с. 27] и для раскрашивания терракот [6, табл. I]. В этот период она была одним из сортов красной краски и почти единственной желтой [3, с. 49].

К античности относятся и наиболее ранние письменные сведения о добыче и изгототовлении охры. Упоминаются два типа охр, известных в древности: рудные охры и красные глины. В рудниках добывалась в основном желтая

---

[1] Любопытно, что при моделировании сыродутного процесса пользовались болотной железной рудой Янинских торфоразработок — сырьем для производства красок [8, с. 202]

© В. И. Балабина, Л. А. Борисенок, Л. К. Яхонтова, 1990 г.

Таблица 1

Морфологические разновидности охр в ямное и катакомбное время

Время	Формованные куски	Куски без следов формовки	Мелкие плотные комочки	Рыхлые комки	Порошок
Ямное	7	3	4	3	22
Катакомбное	20	—	6	10	34
Неизвестно	1	—	—	—	—

Таблица 2

Размеры формованных кусков охры, мм

Удлиненные куски			Круглые куски			
			диск		цилиндр	
длина	ширина	толщина	диаметр	толщина	диаметр	высота
82	33	25	68×61	33	48×40	40
78	43	45	65×65	40		
82	55	21				
93	50	44				
?	46	34				
?	36	33				
?	31	23				
?	37	35				
?	35	25				
?	36	25				

и темно-желтая рудная охра. Для придания ей красного цвета охра отжигалась в глиняных горшках, густо обмазанных глиной [3, с. 49] Рудная охра добывалась в Ахайе, на о-ве Скирос, в Италии. Лучшей же считалась аттическая охра из Лаврийских рудников, где ее находили вместе с серебряной рудой [3, с. 49]. О сопутствующей добыче охры в золотых и серебряных рудниках сообщает Плиний при описании Кавказа (Plin. XXXIII, 158).

Одно из самых известных месторождений красной глины (красной земли) находилось в Каппадокии. В Грецию краска доставлялась через Синопу и называлась поэтому «синопской землей». Существовало несколько сортов этой «земли»: ярко-красная, умеренно красная и бледно-красная [3, с. 49] Подобная краска добывалась также на о-ве Лемнос, в Испании и Египте. Римляне высоко ценили египетские красные глины rubrica и sinoris [2, с. 527] Краска, получаемая из такого сырья, обычно требовала обжига.

В настоящей работе впервые представлены результаты серийного исследования охры из степных погребений эпохи бронзы [2] (материалы Донской экспедиции 1975—1978 гг.). Наибольшее количество погребений с охрой ямного и катакомбного времени содержал Балабинский I могильник. Дополнительные материалы были привлечены из небольших или мало раскопанных могильников: Старосоленовского I, Талового, Лопатинского, Ажиновского III, Арпачина II, Балабинского III, Чумного кургана, Сторожевого кургана. Все эти памятники расположены на довольно узком участке левобережья Дона, вдоль его притоков — Сала и Маныча.

Учтено 109 образцов охры, 38 из которых относятся к ямному и 70 — к катакомбному времени. Спектральный анализ выполнен для 53 образцов, соответственно 24 — ямного и 29 — катакомбного времени.

Среди исследованных образцов морфологически были выделены плотные формованные куски, плотные куски без следов формовки, рыхлые комки, мелкие

[2] Анализов пигментов из отечественных раскопок весьма мало. Можно указать лишь на некоторые публикации [5, с. 59; 9, с. 10]

плотные комочки и порошок. В погребениях все эти разновидности охр могут сочетаться в различных комбинациях. Количественно среди образцов и ямного, и катакомбного времени преобладают порошок и формованные куски (табл. 1).

Формованные куски — это преднамеренно обточенные куски охры. Из ямных погребений происходят только обломки формованных кусков со старыми сколами; видимо, целых кусков охры туда не клали. В катакомбных же могилах встречены исключительно целые формованные куски охры, иногда с незначительной стертостью от использования. К сожалению, большинство целых кусков охры растрескалось от обезвоживания в процессе хранения. Те, что удалось склеить, вместе с несколькими сохранившимися целиком были описаны и промерены.

По форме куски охры можно разделить на удлиненные с плоским основанием и круглые в плане, также на плоском основании. Среди удлиненных кусков выделяются брусочки с почти вертикальными боковыми гранями и выпуклой спинкой, с прямоугольными или закругленными торцами и куски, по форме близкие к кабошону. Круглые куски охры представлены дисками (диаметр превышает толщину) и цилиндрами (высота равна диаметру). Возможно, существовали куски сегментовидной формы. Целых сегментов нет, а часть обломков можно отнести и к сегменту, и к кабошону. Достоверные размеры целых и фрагментированных кусков сведены в табл. 2. У целых кусков промерялись длина или диаметр и сечение. У части обломков было замерено достоверное сечение, и, наконец, у некоторых кусков — только их толщина.

Как следует из табл. 2, в погребениях чаще встречаются куски удлиненной формы. Размеры их варьируют слабо, наиболее устойчива длина. Малый объем выборки не позволяет уверенно говорить о «стандартных» размерах кусков, однако если стандартизация формы и размеров обусловлена удобством, то приведенные параметры удлиненных кусков очень близки к современным кускам мыла, которые должны помещаться в руке. В пользу предположения о стандартизации размеров кусков охры свидетельствуют и очень близкие друг другу параметры дисковидных кусков.

Куски охры без следов формовки встречены только в одном погребении, в количестве трех штук. Размеры их сечения близки к размерам формованных кусков, длина 50—70 мм.

Мелкие плотные комочки охры, округлые или несколько вытянутой формы. Их размеры колеблются от 10 до 20 мм в поперечнике. Несмотря на свою малочисленность, они представляют интерес, напоминая в ряде случаев округлые фрагменты оолитовой железной руды осадочного происхождения, характерной, к примеру, для Керченских железнорудных месторождений.

Порошок. Этот вполне конкретный морфологический признак является в данном случае собирательным. Кроме очевидных посыпок и подпосыпок к порошковидной охре отнесены и охристые пятна в могилах.

Рыхлые комки охры имеют неясную природу. Это с равной вероятностью могут быть и развалившиеся куски, и слежавшийся порошок.

Охра гигроскопична. Изменение влажности среды влияет на ее цвет больше всех других факторов. Высыхая, образцы обычно тускнеют и изменяют цвет (из ярко-алого в бордо, из малинового в коричневый и т. д.), так что окраска влажного образца несопоставима с цветом сухого. Для унификации степени влажности образцов окраска их определялась через несколько месяцев после окончания полевого сезона. В течение этого времени образцы хранились в одинаковых условиях. Сухим образцом охры окрашивался квадратик белой ватманской бумаги. Для определения оттенков красного спектра были использованы таблицы колеров [10] Первоначально получилось 16 оттенков охр, потом, при повторном просмотре, они были объединены в более достоверные 7 оттенков: темно-желтый, само, оранжевый, терракот, бордо, бурый, блекло-малиновый.

Таблица 3

Сопоставление морфологии, цвета и геохимического типа образцов

Цвет	Ямное время				Катакомбное время			
	порошок	рыхлые комки	мелкие плотные комочки	формованные куски	порошок	рыхлые комки	мелкие плотные комочки	формованные куски
Блекло-малиновый			х				хх	
Бурый	х м				х			
Бордо	ххх		р	ррр	ххм		хр	м
Терракот	ххх		х		ххххх			хх
	ххх	м	р	х	хххххххх	хххх	м	ммммм
	ммммммм			ммммм	ххххх			ммм
					ммммр			рррррр
Оранжевый	х м				хххх	ххх	х	х
				мм	мм	мм		м
								р
Само	х				х			
	мм	мм			м			
Темно-желтый						м		

Примечание: р — оксидная охра (руда), м — силикатная охра (монтмориллонит), х — нет анализа.

Частотное распределение оттенков для охры ямного и катакомбного времени показывает резкое преобладание цвета терракот (табл. 3). При сопоставлении цвета и морфологии образцов оказалось, что наибольшую вариабельность цвета имеет порошок (от бурого цвета до само, но преобладает терракот). Цвет рыхлых комков варьирует в светлой части оттенков. Цвет мелких плотных комочков, наоборот,— в темной части оттенков. Наиболее устойчив цвет формованных кусков, что характерно и для ямного, и для катакомбного времени (табл. 3).

Для образцов охры были выполнены количественные спектральные анализы. В соответствии с этими данными оказалось возможным выделить две группы охр, характерные как для ямных, так и для катакомбных материалов. Первой группе свойственны алюминий и кремний в основе, что свидетельствует о преобладании в составе этих охр силикатов алюминия. В этих охрах постоянно присутствуют цирконий и хром, концентрация фосфора составляет десятые доли процента (табл. 4, 5). Вторая группа охр характеризуется резко пониженным содержанием Al и Si. В их составе нет циркония и хрома, но есть висмут и германий. Концентрация фосфора очень высока — от 1 до 3%. По сравнению с первой группой повышены также концентрации мышьяка, сурьмы, свинца и цинка. Скандия и редких земель (церия, лантана) в охрах второй группы либо нет, либо их концентрация значительно ниже, чем в охрах первой группы (табл. 6). Достоверность различия этих групп проверена по *t*-критерию. Сравнивались средние концентрации химических элементов. Четыре группы охр: ямные, содержащие и не содержащие силикаты, и катакомбные, содержащие и не содержащие силикаты, проверялись на однородность попарно между собой (табл. 7).

1. Охры ямного времени, содержащие и не содержащие силикаты. По *t*-критерию значимо отличаются концентрации 17 из 29 элементов. Это большинство халькофильных (As, Br, Sb, Cd, Zn, Pb, Sn, Ge) и литофильных элементов (Mg, Mn, Cr, Sc), элементы, входящие в щелочные породы (Na, Ba, Zr), редкие земли (Ce, La).

2. Охры катакомбного времени, содержащие и не содержащие силикаты. По *t*-критерию отличаются в еще большей степени — 22 из 29 элементов. Это почти все халькофильные (As, Bi, Sb, Mo, Cd, Ag, Zn, Pb, Ge) и все седерофильные (Ni, Co) элементы, большинство литофильных (Mg, Mn, Cr, Sc), элементы, входящие в щелочные породы (Nb, Zr, Ti), редкие земли (Ce, La).

Таблица 4

Результаты спектрального анализа силикатных охр ямного времени

Химические элементы	Номер анализа								
	1	2	4	5	7	9	10	11	14
Be	1	3	5	5	5	10	5	5	10
As	110	90	—	—	100	—	80	90	30
P	0,5	0,3	0,5	1—2	1—2	2—3	0,5	0,3	0,5
Sb	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pb	55	10	25	21	24	55	26	18	26
Sn	—	—	—	3	—	—	—	2	—
Cu	300	35	50	40	80	60	90	40	90
Ag	0,1	0,08	0,1	0,08	0,09	0,3	0,6	0,1	0,6
Zn	140	160	200	200	140	310	125	125	140
Co	—	—	10	10	5	5	10	10	10
Ni	7	6	28	40	35	28	50	45	16
Zr	100	400	500	2000	1700	320	900	2000	1200
Mo	5	8	5	1,5	3	10	19	3	2
Nb	10	10	16	13	13	15	11	13	11
Bi	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ge	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ga	32	13	17	21	22	12	18	18	22
Cr	70	45	70	75	100	100	140	100	105
V	150	100	150	110	110	320	280	150	150
Na	0,3	0,3	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Ba	700	650	700	900	650	1000	700	850	700
Sr	1000	550	800	180	140	1200	650	200	360
Al	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Mg	0,5	0,5	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2
Mn	300	500	1100	1000	1000	1000	500	500	3000
Ti	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3	0,2	0,4	0,4	0,5
Si	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Sc	9	10	11	10	11	8	10	12	12
La	30	50	100	100	50	30	100	100	50
Ce	—	—	100	100	—	—	100	100	—

Примечание. Содержания всех элементов даны в г/т ($n \cdot 10^{-4}$%), кроме P, Na, Al, Mg, Ti, Si, Ag, для которых содержания даны в % весовых.

Таблица 5

Результаты спектрального анализа силикатных охр катакомбного времени

Химический элемент	Номер анализа									
	24	6	26	27	28	30	31	32	33	34
Be	10	10	10	3	15	8	8	10	5	10
As	—	30	—	—	—	—	—	—	—	—
P	0,5	0,5	0,3	0,2	0,5	0,3	0,1	0,3	0,6	0,4
Sb	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pb	12	15	18	17	21	26	26	19	21	21
Sn	—	—	—	2	—	—	—	3	2	2
Cu	35	120	120	40	35	60	55	50	50	70
Ag	0,25	0,6	0,17	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,1
Zn	110	200	135	150	550	120	130	130	150	110
Co	3	5	5	3	20	5	5	10	15	3
Ni	17	40	33	13	150	25	35	45	32	20
Zr	120	600	1200	1000	130	300	300	250	1000	250
Mo	3	14	3	3	4	4	2	3	5	4
Nb	9	10	12	12	10	10	13	15	13	10
Bi	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ge	—	—	—	—	—	—	—		—	
Ga	13	15	15	20	19	26	15	18	20	11
Cr	45	110	100	50	65	60	110	60	60	120
V	190	1500	750	210	130	190	1200	150	145	300
Na	0,2	0,5	0,3	0,1	0,3	0,5	0,3	0,3	0,3	0,2

Номер анализа									
15	16	18	19	20	21	22	23	40	53
10	10	10	3	3	8	5	5	5	3
—	—	—	150	—	—	—	—	—	—
0,3	0,3	1—2	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
—	—	—	—	10	30	10	20	—	—
18	38	17	38	30	38	19	20	26	16
2	2	2	2	3	—	—	—	2	3
45	50	80	65	65	50	55	80	60	55
0,07	0,2	0,25	0,2	0,25	0,11	0,15	0,1	0,6	1,0
120	140	260	230	200	150	200	160	200	200
10	5	30	—	—	3	—	5	20	6
24	16	160	20	12	19	15	33	45	16
1100	320	400	100	120	300	600	600	450	450
7	23	5	15	6	3	3	15	23	4
11	12	15	9	10	11	10	11	17	15
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
21	17	15	18	13	25	17	18	22	14
60	30	20	50	35	100	100	45	65	85
200	150	250	80	250	400	100	100	120	130
0,3	0,3	0,5	0,3	0,3	0,4	0,4	0,1	0,5	0,5
700	800	700	700	650	750	550	700	700	450
100	700	300	100	300	100	1200	110	300	110
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
1—2	1—2	1—2	0,5	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	0,5
1000	1000	3000	500	5000	500	500	1000	1000	500
0,3	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1	0,3	0,3	0,5	0,3
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9	10	25	15	9	25	10	8	16	12
30	50	30	—	—	30	300	50	30	30
—	—	—	—	—	—	1000	—	—	300

Номер анализа										
35	36	37	39	42	43	45	48	50	51	52
10	3	5	5	5	5	5	5	3	1	3
—	130	—	—	—	—	150	190	100	320	—
0,3	0,5	0,3	0,3	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	30	35	13	20	40	16	45	11	60	35
2	3	3	2	3	2	30	3	2	3	3
60	45	40	80	60	60	45	70	100	80	60
0,11	0,13	0,09	0,1	0,14	0,07	0,07	0,13	0,08	0,07	0,07
160	200	220	250	200	240	230	280	280	250	280
5	7	5	10	11	7	11	10	8	10	6
16	11	26	65	40	40	150	16	16	45	7
900	150	120	300	550	230	350	100	500	100	190
5	5	7	23	4	14	23	18	6	50	21
13	14	15	14	17	19	18	16	19	14	16
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	3	—	—	—	—	—	—	3	—
14	16	14	17	25	13	16	23	8	12	10
50	60	70	100	65	55	70	55	40	100	90
145	80	120	170	130	150	190	320	190	380	300
0,2	0,3	0,3	0,5	1—2	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3	0,3

Химический элемент	Номер анализа									
	24	6	26	27	28	30	31	32	33	34
Ba	600	850	600	550	1000	600	750	900	750	550
Sr	550	1300	150	80	100	300	80	300	170	250
Al	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Mg	3—5	1—2	1—2	0,5	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2
Mn	1000	800	500	300	1000	500	500	1000	1000	500
Ti	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,1	0,3	0,3	0,3	0,3
Si	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Sc	8	11	8	10	14	17	40	50	10	9
La	30	50	50	30	40	200	30	50	30	30
Ce	—	—	—	—	—	300	—	—	—	—

Примечание. Содержания всех элементов даны в ($n \cdot 10^{-4}$%), в г/т, кроме P, Na, Al, Mg, Ti, Si, Ag, для которых содержания даны в % весовых.

Таблица 6

Результаты спектрального анализа оксидных охр

Химический элемент	Номер анализа				
	3	8	12	13	17
	Ямное время				
Be	10	2	1	1	15
As	165	200	500	550	600
P	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2
Sb	—	10	30	30	30
Pb	50	120	70	70	60
Sn	2	2	2	2	3
Cu	40	80	30	35	25
Ag	0,13	0,75	0,2	0,13	0,4
Zn	480	250	360	320	350
Co	10	3	—	—	10
Ni	25	3	35	36	26
Zr	—	—	—	—	—
Mo	5	70	7	7	5
Nb	11	10	10	12	10
Bi	1	3	3	3	10
Ge	5	5	6	5	10
Ga	12	18	16	16	16
Cr	—	—	—	—	—
V	60	45	50	50	100
Na	0,05	0,3	0,1	0,1	0,1
Ba	700	500	500	550	450
Sr	100	110	170	650	100
Al	0,3	0,1	0,1	0,5	0,1
Mg	0,5	0,3	0,3	0,5	0,5
Mn	500	10	100	100	300
Ti	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Si	1—2	1—2	1—2	2—5	1—2
Sc	5	—	—	—	6
La	—	—	—	—	—
Ce	—	—	—	—	—

Примечание. Содержания всех элементов даны в г/т, кроме Ag, P, Na, Al, Mg, Ti, Si, для которых содержания даны в % весовых.

Таблица 5 (окончание)

Номер анализа										
35	36	37	39	42	43	45	48	50	51	52
700	1100	580	450	700	450	500	500	550	600	700
170	1200	1200	200	500	500	100	500	500	600	500
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	0,5	0,5	0,5	0,3	0,5	0,5
1000	500	1000	2000	1000	500	500	500	500	500	300
0,5	0,5	0,3	0,5	0,5	0,5	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
10	10	12	16	14	12	14	12	8	12	12
30	30	30	30	—	30	30	30	—	30	30
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Номер анализа							
25	29	38	41	44	46	47	49
Катакомбное время							
1	3	1	3	5	3	8	5
165	—	380	750	200	320	480	450
2—3	0,5	1—2	2—3	1—2	1—2	2—3	1—2
10	—	10	30	—	20	—	—
40	9	20	32	55	35	120	50
—	3	3	2	1	30	2	2
30	130	50	2000	40	65	80	40
0,18	0,06	0,09	0,48	0,06	0,08	1	0,32
200	320	500	500	400	320	320	310
—	—	5	7	5	7	7	2
3	9	5	10	15	5	3	2
100	100	50	60	—	—	—	—
55	70	20	12	12	10	25	100
12	11	11	10	11	11	11	11
3	—	—	—	3	1	3	1
3	15	15	10	10	3	3	3
36	9	12	15	24	12	21	25
—	25	40	25	20	—	—	35
60	130	60	60	70	70	70	120
0,1	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2	0,3
450	600	450	480	700	500	800	600
200	650	100	150	150	100	200	110
2—5	1—2	1—2	0,5	0,5	0,5	0,3	0,5
0,3	0,5	0,3	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1
30	500	300	300	300	200	200	100
0,01	0,05	0,1	0,03	0,03	0,01	0,01	0,05
1—2	*	2—3	2—3	2—3	2—3	1—2	2—3
—	10	7	6	5	5	5	6
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 7

Значение *t*-критерия при сравнении средних концентраций химических элементов в составе охр

Химический элемент	Значения критерия			
	ямные охры с силикатами и без них	катакомбные охры с силикатами и без них	ямные и катакомбные охры с силикатами	ямные и катакомбные охры без силикатов
As	**7,208**	**5,861**	2,007	0,452
Bi	**4,79**	**0**	**0**	1,709
Sb	**3,243**	**0**	**0**	1,472
Cu	1,276	1,372	1,309	0,802
Ag	0,975	**2,229**	**2,481**	0,211
Zn	**5,976**	**3,830**	0,57	0,222
Pb	**5,589**	**2,584**	1,268	1,542
Sn	**2,184**	1,485	1,643	1,703
Ge	**10,47**	**5,61**	0,083	0,597
Ga	1,314	0,695	0,764	0,878
Co	0,571	**2,077**	0,82	0,286
Ni	0,546	**2,707**	0,414	**3,241**
Mo	1,635	**3,646**	0,197	1,012
Na	**4,642**	1,778	0,232	0,808
Ba	**3,471**	1,555	0,871	0,469
Nb	1,192	**2,368**	1,894	0,594
Zr	**0**	**3,174**	1,597	**0**
Ti	0	**7,477**	1,117	0
Be	0,47	**2,801**	0,682	0,695
P	0	**7,614**	1,284	0
V	1,303	1,688	0,079	1,237
Sr	1,447	1,274	1,02	0,146
Cd	**4,986**	**5,140**	1,803	1,389
Mg	**5,187**	**4,885**	0,995	**2,425**
Mn	**2,178**	**3,904**	0,674	0,382
Cr	**0**	**5,672**	0,436	**0**
Sc	**4,093**	**2,974**	0,856	1,883
Ce	0	0	0,964	0
La	0	0	1,121	0
t табличное	2,069	2,064	2,03	2,160

Примечание. Выделены значимые величины.

3. Охры ямного и катакомбного времени, содержащие силикаты. По *t*-критерию отличаются концентрации только трех халькофильных элементов: Bi, Sb, Ag.

4. Охры ямного и катакомбного времени без силикатов. По *t*-критерию отличаются концентрации четырех элементов смешанного типа: Ni, Zr, Mg, Cr.

Таким образом, принцип разделения охр по наличию или отсутствию в них силикатов оправдан. По две статистически достоверные группы есть и среди ямных, и среди катакомбных охр. А так как охры с силикатами ямного и катакомбного времени чрезвычайно близки между собой и столь же близки охры без силикатов, то в действительности можно говорить о двух группах охр, или о двух их типах, характерных для ямного и катакомбного времени,— силикатной и оксидной охре.

Для уяснения минералогической природы выделенных групп восемь образцов охры были исследованы методом рентгенофазового анализа (из них два образца оксидного типа и шесть — силикатного типа). Установлено, что охры оксидного типа состоят из гидрогематита с незначительной примесью кварца. Охры силикатного типа сложены в основном монтмориллонитом и гидрогематитом с примесью кварца. Эти данные подтверждены данными электронной микроскопии. Охра первого типа по минералогическому составу представляет собой природную железную руду — лимонит. Охра второго типа — либо ожe-

лезненная монтмориллонитовая глина, либо искусственная смесь лимонита и монтмориллонитовой глины.

Преимущественное содержание в изученных охрах гидрогематита позволяет предположить прокаливание материала. Известно, что другие минералы, обычно входящие в состав лимонита (гидрогетит, лепидокрокит и др.), при прокаливании, дегидротируясь, переходят в маггемит и гематит. Последние во влажной среде (в почве) переходят в гидрогематит. Кварц в охрах мог присутствовать как изначально, так и образоваться в процессе обжига, при разложении глинистых минералов.

Высокое содержание в оксидных охрах халькофильных элементов (мышьяка, сурьмы, свинца, серебра, галия, цинка), а также фосфора, бария и стронция позволяет предполагать в качестве весьма вероятного источника сырья железные руды на Керченском полуострове. Эти руды образуют многочисленные выходы на поверхность в прибрежной зоне [11] Характерный элементный состав керченской руды и оксидные охры из погребений Нижнего Дона весьма близки, однако предложенная привязка не может считаться единственно возможной.

Охры силикатного типа, изготовленные из глинистого вещества и обогащенные комплексом элементов, связанных со щелочными породами (барий, стронций, цирконий, лантан, церий, скандий) и в меньшей степени с халькофильными элементами, близки по составу монтмориллонитовой глине майкопской свиты, отложения которой распространены в Предкавказье. Особенно показательны в этом отношении такие элементы, как скандий, лантан, церий, высокие концентрации которых, согласно данным Л. Ф. Борисенкова и Е. И. Семенова, являются характеристичными для глин майкопского горизонта [12, 13]

При сопоставлении геохимического типа и морфологии исследованных образцов установлено их соответствие друг другу (табл. 3). Для охр ямного и катакомбного времени наблюдается общая закономерность. Из охры оксидного типа (руды) состояли формованные куски и мелкие плотные комочки (лишь одна проба этого типа оказалась порошком). Охра силикатного типа (монтмориллонит) могла быть и порошком, и рыхлыми комками, и формованными кусками. Менее прочные силикатные охры употребляются чаще и разнообразнее. Оксидная охра (руда) встречается в 4 раза реже и в ограниченном «ассортименте». Среди формованных кусков рудными по составу оказались большинство кабошонов (пять из восьми) и цилиндр, но три бруска и диск были из монтмориллонита. Малая выборка формованных целых анализированных кусков не позволяет уверенно говорить о неслучайном соответствии форм кусков геохимическому типу охры.

Суммируя полученные результаты, можно констатировать присутствие двух типов охры с преобладанием силикатного в ямное и катакомбное время. Казалось бы, перед нами та же разработка двух типов сырья, что и в античности, тем более, что «синопская земля» из Каппадокии, скорее всего, есть отложения, аналогичные майкопским по другую сторону Кавказа. Но весьма вероятно и искусственное изготовление краски второго типа, путем разведения на местном монтмориллонитовом суглинке привозной рудной охры. Анализ суглинка с берега р. Сал показал микроэлементный состав, очень близкий силикатным охрам. В пользу последнего предположения свидетельствует и то, что рудными по составу были только формованные куски и мелкие плотные комочки.

На материалах самого крупного из раскопанных могильников, Балабинского I, мы проверили, имеются ли соответствия в обряде ямного и катакомбного времени для каждого из типов охры.

Поскольку использование охры в катакомбных погребениях уже рассматривалось [14], ограничимся кратким изложением некоторых выводов.

В Балабинском I могильнике катакомбные погребения без охры относительно более поздние. Они сконцентрированы в насыпях ямных курганов. Очень мало таких погребений в насыпях собственно катакомбных курганов.

Зависимости между присутствием в могиле охры и мела, а также охры и углей нет.

Куски охры бывают преимущественно в погребениях взрослых.

Относительно расположения охры в могиле установлено, что из всего многообразия пятен достоверно не случайной оказалась точка «справа у рук». Такое расположение охры характерно более всего для погребений в полах кургана.

Сопоставление погребений с охрой первого и второго типа приводит к следующим результатам.

Силикатная охра (21 образец из 21 погребения) была в основных и впускных катакомбах, находившихся в курганах собственно катакомбного и ямного времени. Рудная охра (8 образцов из 8 погребений) оказалась только в относительно поздних могилах, впущенных в основном в старые насыпи ямного времени, где группировались погребения без охры.

В свое время не удалось найти зависимости между предметами набора и присутствием охры в могилах [14, с. 195]. Теперь же оказалось, что в погребениях с рудной охрой обеднен набор. В них ни разу не встретились ни жаровни, ни курильницы, а сосуды были только в двух могилах. В то же время в 16 из 18 (сохранившихся полностью) погребений с силикатной охрой были сосуды, а в 9— жаровня или курильница. По данным С. Н. Братченко, такая встречаемость жаровен и курильниц соответствует норме памятников манычского типа [15, с. 80] Поэтому если рудная охра своего рода хронологический маркер, то она соответствует погребениям с обедненным набором.

Поскольку погребения ямного времени из Балабинского I могильника еще не систематизировались, необходимо дать их краткое описание. Курганы ямного времени можно разделить на две группы, одна из которых составляет центр могильника (курганы 13, 22, 23, 26, 34), а другая, не столь монолитная, растянута по периферии, вдоль края террасы (курганы 9, 14, 35, 37, 39). Все курганы первой группы содержали по одному погребению ямного времени, где погребенные ориентированы головой на восток. В курганах второй группы было по несколько ямных погребений: одно — в центре, остальные — в южной поле. Погребенные ориентированы головой на запад. В центре — погребения взрослых и подростков, в полах кургана — погребения маленьких детей, чаще — младенцев. Кроме этих достаточно четких групп курганов в могильнике есть еще несколько насыпей, которые можно считать промежуточными. В кургане 27 было не менее трех ямных погребений [3], но погребенные ориентированы головами на восток. В курганах 21 и 28 было по одному погребению, но ориентированы они головами на запад. Эти два кургана располагались среди насыпей первой группы. Сочетаний в одном кургане погребений с восточной и западной ориентировкой не было.

Погребений первой группы восемь. Все они принадлежат взрослым [4], похороненным лежа на спине, с согнутыми ногами (коленями вверх), щиколотки у всех связаны (ноги упали вправо, влево, крест-накрест). Руки строго вытянуты вдоль корпуса, видимо, припеленуты к грудной клетке (у всех плечевые суставы подняты до уровня подбородка, а грудинные концы ключиц и грудина резко опущены). Кисти лежат ладонями вниз. Могильные ямы — просторные, 2-метровой длины. Погребенные уложены настолько близко к западной стенке, что разогнуть ног нельзя. Между головой и восточной стенкой образуется свободное пространство. Тлены и подстилки в могилах редки, погребального набора нет [5] Охры употребляли мало, только порошок. Часть могил охры не содержит. Следует отметить, что только младенец, похороненный у головы взрослого в кургане 22, был целиком засыпан охрой.

---

[3] Курган 27 остался недокопанным.

[4] В кургане 22—погребение взрослого с очень маленьким младенцем.

[5] В двух могилах встречены створки unio, дважды — мелкие скислившиеся украшения.

Погребений с западной ориентировкой (вторая группа) — 20, из них 16— детские.

Центральные погребения с западной ориентировкой отличает большее разнообразие поз, но ноги всех погребенных повернуты вправо, что, видимо, свидетельствует о некотором полуобороте или наклоне вправо. Два погребения — основные и единственные в кургане (одно — детское, одно — взрослое). Поза их напоминает погребения первой группы с некоторыми отличиями в положении рук и ног: руки не привязывались к корпусу, они слабо согнуты в локтях, одна или обе — на костях таза; следов стягивания ног в щиколотках нет. Еще четыре погребения — основные, но не единственные. Двое взрослых похоронены сидя или полусидя, с подогнутыми ногами (в обоих случаях голова находилась на костях нижнего отдела грудной клетки, лицом вниз). Два погребения совершены на правом боку (подросток и взрослый с младенцем вдоль правого предплечья). И у взрослого, и у подростка правая рука вытянута, левая согнута в локте. Размеры могильных ям — такие же, как в первой группе, но расположение погребенных иное: все лежат головой близко к западной стенке, а между ногами и восточной стенкой остается свободное пространство. Во всех могилах на дне был тонкий слой белого вещества, в большинстве — под скелетом коричневый тлен и черное сажистое пятно слева за головой. В детских погребениях этой группы находились сосуды. В одном кроме сосуда был обширный набор предметов. Среди взрослых только у двух, похороненных сидя, было по небольшому предмету из металла (у одного — нож, у другого — шило). Во всех центральных погребениях с западной ориентировкой была охра. Краски в могилах гораздо больше. В погребениях взрослых отмечен только порошок, а в детских и около младенцев при взрослых — порошок и обломки формованных кусков.

Погребения в полах кургана с западной ориентировкой принадлежат только маленьким детям. Они располагаются компактными группами к югу от центра кургана, не пересекая друг друга. Таких погребений в могильнике — 14. Позы большинства детей неопределимы из-за плохой сохранности скелетов. Западная ориентировка установлена по расположению черепа. Лишь в четырех погребениях сохранность скелетов была приличной. Трое детей похоронены на боку (правом или левом), с подогнутыми ногами, один — на спине, с подогнутыми ногами, распавшимися ромбом. Ямы детских погребений невелики и прямоугольны. Белый пигмент и тлен на дне менее систематичны. В 10 из 14 погребений были сосуды. У маленьких детей они стояли в головах (слева в головах), у подростка — слева в ногах. Прочий набор небогат: иногда встречаются створки unio, кремневые пластины, кости животных. Охра присутствует во всех погребениях. Порошок отмечен почти во всех могилах. В восьми погребениях были мелкие плотные комочки и фрагменты формованных кусков охры. Детям клали от одного до трех небольших кусочков краски. Иногда сочетаются куски разного цвета. В погребениях младенцев куски охры всегда находятся в головах. В могиле подростка куски были у колен.

Для Балабинского I могильника употребление кусков и комков охры, так же как присутствие сосудов в могилах, является детской нормой обряда. В погребениях маленьких детей охра лежит либо рядом с сосудом, либо в сосуде (иногда в створке unio, находящейся внутри сосуда).

Проанализирован 21 образец охры из 12 погребений ямного времени рассматриваемого могильника. Порошок и рыхлые комки состояли из монтмориллонита (силикатная охра). Часть формованных кусков была из руды, часть — из монтмориллонита. Оказалось, что в одном погребении могут сочетаться куски охры первого и второго типов.

Так как куски охры являются принадлежностью детских погребений с западной ориентировкой, то и рудная охра отмечена только в них. Традиционно погребения с восточной ориентировкой сочетаются более ранними, а с западной — более поздними. Если принимать такое хронологическое членение, то со-

суды в могилах и куски охры — детская норма позднеямных погребений. Для них вообще характерно употребление большого количества охры. Но в Балабинском I могильнике, раскопанном на 85%, детские погребения ямного времени имели только западную ориентировку, а хронологический разрыв между погребениями с восточной и западной ориентировкой неочевиден. Если же рассматривать погребения ямного времени в могильнике как единую структуру, то в ее пределах для детских погребений обязательны западная ориентировка, наличие сосудов и кусков охры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колчин Б. А.* Проблемы изучения технологии древнейших производств // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
2. *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
3. *Максимова М. И.* Сырьевая база и первичная обработка материалов // Эллинистическая техника. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
4. *Ребрик Б. М.* У колыбели геологии и горного дела. М.: Недра, 1984.
5. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука, 1975.
6. *Caley E. R.* Ancient Greek Pigments from the Agora // Hesperia. XIX. № 2. Baltimore, 1945.
7. *Живкова Л.* Казанлыкская гробница. М.: Искусство, 1976.
8. *Колчин Б. А., Круг О. Ю.* Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.
9. *Красников И. П.* Трипольская керамика (технологический этюд) // СГАИМК. 1931. № 3.
10. Colonor-Export Group of Norwegian Paint and Varnis'h Manufactures (Colonor Exterior House Paint based on alkyd oil). Catalog. Oslo, [197—].
11. *Яхонтова Л. К., Андреева Н. Я., Цирупский С. И., Науменко П. И.* Новые данные по минералогии и генезису Керченских железных руд // Минерал. журн. 1985. Т. 7. № 2.
12. *Борисенков Л. Ф.* О происхождении скандия в костных остатках рыб третичного возраста // Тр. ИМГРЭ. 1961. Вып. 7
13. *Семенов Е. И.* Минералогия редких земель. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
14. *Балабина В. И.* К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона. М.: Наука, 1983.
15. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка. 1976.

V. I. BALABINA, L. A. BORISENOK, L. K. YAKHONTOVA

STUDIES OF OHRE FROM THE BURIALS OF THE BRONZE AGE IN THE LOWER DON

Summary

The authors deal with the chemical and technological properties of ohre obtained from the EBA and MBA burials in the Lower Don. A quantitative spectral analysis has identified two groups of ohre: the oxide and the silicate, with corresponding criteria employed to justify such identification. An X-ray phase analysis and electronic microscopy showed that one of the two ohre groups was natural iron ore while the other was montmorillonite. The iron ore prodably came from the Kerch Peninsula, while silicate ohre was made by diluting oxide ohre by the local montmorillonite loam or came for the ferruginous deposits of the Maikop suite in the Caucasian foothills. Both types were roasted before using. The authors have established that both the pit-grave and catacomb-grave cultures mainly used silicate ohre. In the Lower Don a large amount of ohre and lumps of ohre were used for child burials during the pit-grave period. For the catacomb-grave period ore ohre is of dating significance pointing to later burials with scarce grave goods.

В. И. МОЛОДИН, А. П. ПОГОЖЕВА

ПЛИТА ИЗ ОЗЕРНОГО (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Летом 1978 г. Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области, в 1,5 км к северо-востоку от пос. Озерное, на берегу озера найдена каменная плита с изображением животных [1] (рис. 1, 2) Плита была выпахана трактором при глубокой вспашке обширного поля (около 1,5 км длины и 0,5 км ширины). Более точное место находки тракторист указать не смог, так как заметил ее уже на краю поля, где трактор делал разворот и поднял плуг. Мы обнаружили плиту прислоненной к стене кошары и полузасыпанной навозом и соломой. Осмотр поля выявил остатки древнетюркских оград, найдены обломок характерного изваяния (в настоящее время опубликовано В. Д. Кубаревым) [1, с. 108, табл. III, *24*], сильно распаханные курганы скифского времени. Глубокая многолетняя вспашка практически уничтожила рельеф могильного поля. Плита с изображениями не может быть отнесена к зафиксированным на поле могильникам тюркского или скифского времени. Дело в том, что, несмотря на значительный материал по наскальному искусству, относящийся к этим эпохам на территории как Горного Алтая, так и Центральной Азии, собранный и проанализированный в трудах Э. Б. Вадецкой, М. А. Дэвлет, В. Д. Кубарева, Н. В. Леонтьева, Г А. Максименкова, А. Н. Марьяшева, Э. А. Новгородовой, А. П. Окладникова, Е. А. Окладниковой, Б. Н. Пяткина, Д. Г Савинова, А. А. Формозова, Я. А. Шера и др.— не было встречено хотя бы отдаленных аналогий рассматриваемому объекту. Вероятнее всего, плита была связана с более древним памятником. Этим прежде всего объясняется высокая степень актуальности данного объекта исследования.

Плита из серого сланца, из которого сложены и окружающие озеро останцы. Высота ее 1,38 см, ширина в нижней части 0,75 м, ширина в верхней части 0,5 м, толщина от 0,14 до 0,25 м. Очевидно, первоначальная форма плиты была подпрямоугольной, что диктуется сохранившейся частью и композицией рисунка. Верхний правый угол уже после нанесения рисунка был отбит, в результате чего утеряна почти пятая часть поверхности плиты. Левая сторона сохранилась более полно, хотя и здесь есть мелкие сколы. Оббита также и нижняя, более массивная, слегка закругленная часть плиты. Здесь на месте сколов заметны заизвесткованность, следы длительного пребывания в почве. Обратная сторона плиты не подвергалась дополнительной обработке. Сохранившаяся часть лицевой гладкой плоскости плиты, несущей изображения, имеет размеры в крайних точках 1,13×0,76 м. Изображения животных в правой верхней и нижней части плиты частично уходят в изломы. Всего на сохранившейся поверхности насчитывается 13 фигур животных разной сохранности, выполненных в одинаковой технике и едином силуэтном стиле.

Говоря о технике нанесения изображений, следует отметить сочетание нескольких приемов при изображении животных — это сплошная выбивка с эле-

---

[1] Плита из Озерного перевезена в г Новосибирск и хранится в Музее истории и культуры народов Сибири при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

© В. И. Молодин, А. П. Погожева, 1990 г.

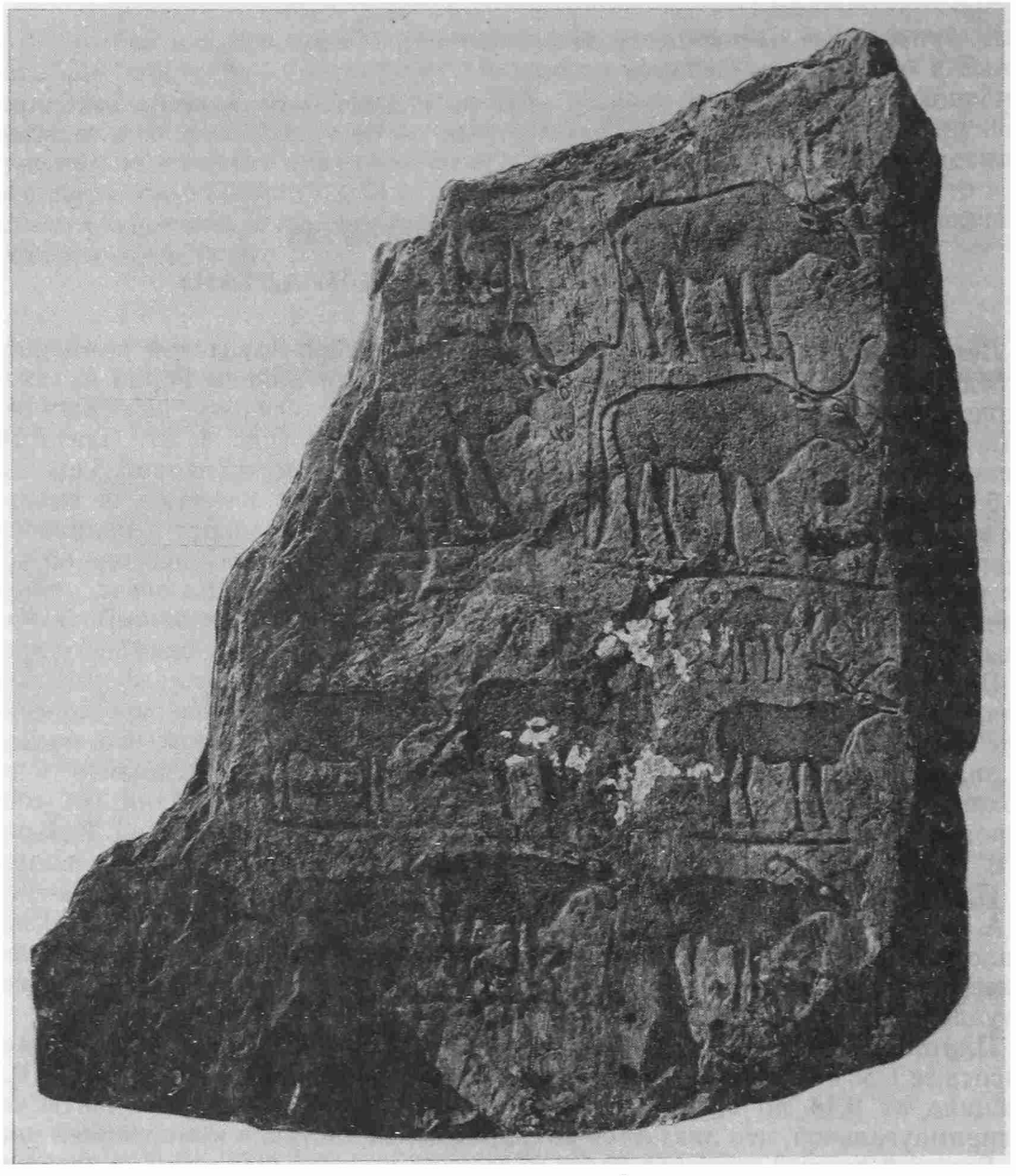


Рис. 1 Плита из Озерного. Фото

ментами барельефа и резьбой. Можно реконструировать последовательность работы мастера над фигурами: разметки резцом контуров и деталей объекта, сплошная выбивка глубиной 2—3 мм по всей площади фигуры, при этом сохранялась нетронутой поверхность камня на месте глаз, ушей, ноздрей, губ и копыт, что придает этим деталям выразительную рельефность. Затем резцом подправляются линии контура и слегка зашлифовывается выбитая поверхность. На некоторых изображениях большей или меньшей глубиной выбивки делается попытка передать характерную мускулатуру корпуса животного. Вертикальные и горизонтальные линии, а также чашеобразное углубление под мордой левого нижнего животного в верхнем фризе переданы выбивкой. Привязь к вертикальным палкам трех животных в верхнем фризе передана резцом. Сочетание этих технических приемов характерно для всех изображений на рассматриваемой плите и позволяет отнести их к одному стилю и времени.

Сложная техника исполнения позволяет достигнуть необычайной четкости, реалистичности и выразительности изображений животных, для которых характерны статика и монументальность. Единообразные технические приемы и

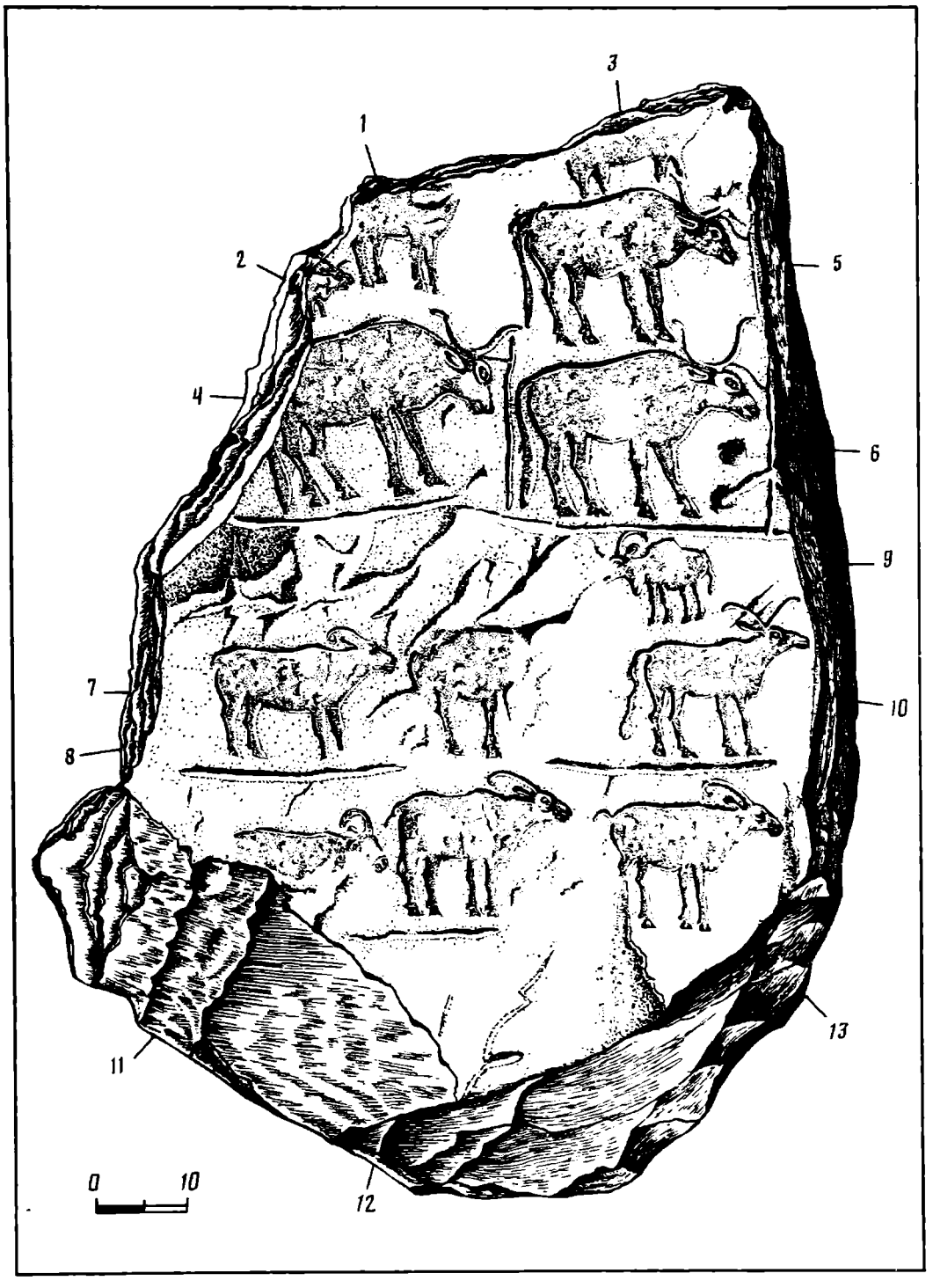


Рис. 2. Плита из Озерного. Прорисовка

стиль изображений позволяют рассматривать это произведение древнего искусства как единовременную, продуманную композицию. Композиция состоит из трех горизонтальных фризов. Высота сохранившейся части верхнего фриза 52 см, среднего —25 и нижнего 17 см. Фризы разделены прерывистой горизонтальной выбитой линией, которая одновременно может служить условным обозначением поверхности, на которой стоят основные фигуры, хотя они на 2—3 см приподняты над этой линией. Горизонтальные линии расположены строго под основными фигурами животных и прерываются в промежутках между фигурами, не составляя единой декоративной черты. Это позволяет предполагать, что они служат обозначением поверхности земли, однако, поскольку животные

расположены параллельными горизонтальными рядами, создается четкое впечатление разделенности всей плоскости плиты на три фриза, и эти линии служат их границами. Наиболее выразительны изображения верхнего фриза (рис. 1, *1—6*; 2). Здесь в первую очередь выделяются три профильные фигуры быков с лировидными развернутыми ап face мощными рогами (рис. 1, *4—6*). Все животные повернуты головой вправо и представлены стоя в спокойной позе. Изображения сугубо реалистичны, пропорциональны и детально проработаны. Характерны крупное тулово с горбатой в холке, четкой линией спины, слегка опущенная голова, мощная грудная часть и слегка поджарое брюхо. Под шеей передан подгрудок. У каждого из животных изображено по четыре слегка расставленные ноги. Их контуры проработаны детально: хорошо видны естественные утолщения в области суставов, копыта переданы выпукло, рельефно. Хвост расширен в дистальной половине и свободно свисает до уровня копыт. Выразительны головы с проработанными деталями. На фоне выбивки изображены рельефом выпуклые овальные глаза со зрачками, подработанными резцом, рельефные овальные уши, губы и ноздри. На двух лучше сохранившихся фигурах (рис. 1, *5, 6*; 2) заметна попытка передать объемы тела и мускулатуру при помощи различной глубины выбивки. Фигура 4 сохранилась хуже. Голова животного опущена ниже, чем у двух предыдущих, морда шире, корпус более мощный, шея короче, рога более массивны. Половые признаки отсутствуют у всех трех фигур. Исходя из посылок Н. В. Леонтьева, рассмотревшего морфологические признаки крупного рогатого скота на окуневских плитах [2, с. 27—36], можно было бы предположить по относительной грацильности форм и длине рогов в фигурах 5, 6 коров или волов, а в фигуре 4— быка, однако определения этих различий расплывчаты и не могут быть достоверно проиллюстрированы на рассматриваемой плите. Поэтому в дальнейшем мы будем условно называть все три фигуры быками, не исключая возможности более детального морфологического анализа и определения персонажей. Две нижние фигуры (4 и 6) подчеркнуты горизонтальными выбитыми линиями, отделяющими верхний фриз от среднего. Под верхней фигурой 5 такой черты нет. Перед головой каждого из трех животных вертикально выбита линия высотой почти в его рост. От основания рогов каждого животного к вертикальной линии проходит тонкая линия, очевидно, передающая веревку. Таким образом, все три животных стоят около вертикальной палки или столба, к которым они привязаны за основание рогов. В верхней части плиты над фигурой быка 4 сохранились изображение четырех ног и контур живота (1), принадлежащих еще одной фигуре копытного животного, но меньших размеров (рис. 1, *1*; 2). Стилистически остатки этого изображения очень близки вышеописанным, и естественно предположить в нем еще одного быка или теленка. В этой же части плиты сохранилось изображение передней части какого-то небольшого животного (*2*), выполненного в той же технике сплошной выбивки (рис. 1, *2*; 2). Хорошо различаются профильное изображение горбатой морды с круглым выпуклым глазом и передняя часть корпуса с поставленными параллельно ногами. Горбоносая голова напоминает характерный силуэт сайгака, но с уверенностью определить эту фигуру не представляется возможным. Наконец, в верхнем правом обломанном углу плиты можно увидеть следы шестой фигуры верхнего фриза 3; здесь прослеживаются две передние и менее явственно две задние ноги и часть корпуса какого-то стоящего животного (1, *3*; 2). Необходимо упомянуть, что под головой быков заметны углубления, выбитые в камне, но если лунки под головой верхних животных не оформлены, то особенно тщательно сделано круглое чашечное углубление диаметром 3—4 см под мордой быка 6 (рис. 1, 2). Всего в верхнем фризе насчитывается шесть фигур, три из которых определенно связаны единым сюжетом; это, вероятно, одомашненные быки, стоящие на привязи.

Средний фриз включает четыре профильные фигуры животных (7—10), три из них, примерно одинаковых размеров, повернуты головой вправо, и каждая подчеркнута выбитой линией (7, 8, 10); она может рассматриваться как поверх-

ность земли, на которой стоят животные, и как разделительная черта от нижнего фриза (рис. 1, 2). Все фигуры также спокойно стоящие и выполнены в той же технике, что и на верхнем фризе. Изображение 10, очевидно, принадлежит оленю (рис. 1, *10*; 2) (по определению профессора Н. Н. Воронцова — северному) [2] Формы животного изящны, грациозная голова его, увенчанная V-образными рогами, поднята, сзади головы рельефно передано настороженное ухо. Глаз и губы также переданы рельефом, под шеей отчетливо выражен подвес, четыре выпрямленные ноги проработаны детально, особо тщательно суставы, голень, копыта. Довольно длинный, нехарактерный для оленя хвост передан выбитой линией. Вообще идентификация образа достаточно сложна. Так, известные нам в писаницах Северной Азии изображения северного оленя мало похожи на вышеописываемого и отличаются прежде всего характерными для этого животного рогами, как, впрочем, и не менее характерным в профиль туловищем «трапециевидной» формы [3, с. 93—124] Форма рогов этого оленя более характерна для марала. И уж совсем необычен длинный хвост, которого не бывает ни у одного вида оленей. Поэтому не исключено, что перед нами вообще синкретический образ, кстати, чрезвычайно характерный для изобразительного искусства окуневской культуры [4, табл. LII, *117,* LIII, *127*]

Следующая центральная фигура 8 почти не сохранилась из-за сбоев по поверхности плиты (рис. 1, *8*; 2). Можно проследить только одну переднюю и часть задней ноги, линию живота, частично — спины и округлый круп. Фигура 7 несколько массивнее двух первых (рис. 1, *7*; 2). Крупная голова на толстой шее имеет сколы поверхности в верхней части. Здесь как будто неясно прослеживается круто закрученный рог, характерный для барана. Но рог, как можно судить по выщербленной поверхности, был передан не выбивкой, как у других животных, а скорее рельефом. Детали широкой морды проработаны слабо. Корпус мощный, круп более поджарый и не округлый, как у остальных фигур, а заканчивается углом. Хвоста нет. Спина передана почти прямой линией, ноги длинные и сухие. Проработаны суставы и копыта. На этом же фризе над фигурой оленя помещено еще одно изображение небольшого копытного животного 9, единственного на всей плите повернутого головой влево (рис. 1, *9*; 2) Сравнительно короткое туловище на высоких ногах с хорошо переданными острыми копытами, низко опущенная голова с удлиненной мордой и круто закругленный вокруг рельефного уха рог могут передать фигуру дикого барана.

Нижний, самый узкий фриз содержит три стоящие фигуры (11—13). Задняя 11 смещена чуть ниже относительно двух других и сохранилась плохо (рис. 1, *11*; 2). Нижняя часть ее уходит в излом, остальное повреждено сбоями на поверхности. Хорошо видна только прямая линия спины с бугорком над плечом, и лишь угадывается опущенная морда.

Две другие фигуры, центральная и правая [12, 13], сохранились достаточно хорошо (рис. 1, *12, 13*; 2). Обе изображают один и тот же вид животного, относящегося к семейству полорогих. Тонкая, грацильная голова с выпуклым круглым глазом венчается длинным, идущим назад саблевидным рогом, который круто завивается в неполный оборот на самом конце; под рогом прорисовано небольшое ухо. В отличие от фигур быков и оленя рога не развернуты an face, а переданы в профиль, сливающимися в один. Длинная шея с подвесом переходит в подпрямоугольное тулово, короткий хвост едва намечен. Передние и задние ноги выпрямлены и отчетливо проработаны. Все фигуры подчеркнуты выбитой снизу горизонтальной линией. Несмотря на хорошую сохранность, определить вид изображенного животного пока не удалось. Биологи затрудняются идентифицировать его с каким-либо конкретным видом, а канд. биол. наук Н. Д. Оводовым [3] была даже высказана мысль, что перед нами, возможно,

---

[2] Авторы благодарны проф. Н. Н. Воронцову и к. б. н. В. М. Сечкину за определения персонажей животных на плите из Озерного.

[3] Авторы благодарны к. б. н. Н. Д. Оводову за определения персонажей животных на плите из Озерного.

изображение вымершего представителя семейства коровьих антилоп — парабубала, которое просуществовало, как предполагает проф. Н. К. Верещагин, на Алтае вплоть до I тыс. до н. э. [5, с. 396] В размерах это животное, вероятно, не уступало маралу. Этот довод может быть подкреплен описанием единственного обломка черепа парабубала из Забайкалья [6, с. 127—134]

К сожалению, несмотря на многочисленные сборы позднеплейстоценового и голоценового палеотериологического материала, остатки парабубала с территории Алтая палеонтологам пока не известны.

Итак, среди 13 изображений животных на сохранившейся части плиты можно выделить 9 основных фигур, на которых базируется вся композиция. Это 3 фигуры быков, 3 фигуры, расположенные в ряд среднего и 3 — нижнего фриза. О фрагментах изображений, уходящих в верхний излом, сказать что-либо трудно. Из 9 основных фигур надежно определимы только 7, две плохо сохранились. Своеобразна верхняя фигура среднего фриза (9), повернутая влево. Несмотря на идентичную остальным технику изображения, она статистически и композиционно «выпадает», но, возможно, имеет какую-то семантическую значимость. Повторение стоящих фигур, одинаково повернутых влево, соблюдение определенных уровней изображений, организующих ряды животных и фризы, создают четкую ритмичность композиции. Древний художник цепко подметил и точно передал особенности каждого вида животных и строгие пропорции их тела. У всех основных сохранившихся фигур отношения высоты в холке к длине тулова (от крупа до конца морды) одинаковы и равны 0,74. Только у фигуры барана (?) в среднем фризе, повернутой влево, это отношение равно 0,90. Соблюдены в основном и естественные соотношения величины животных. Быки верхнего фриза примерно в 1,5 раза (1,46) крупнее фигуры оленя, барана и антилоп.

Единый, высокохудожественный, реалистичный стиль изображений всех животных, общие сложные технические приемы, при помощи которых они выполнены, организация пространства поверхности плиты в три фриза и особый ритм фигур, которые располагаются горизонтальными рядами и одновременно, находясь друг под другом, образуют вертикальные ряды, что особенно строго выражено в двух нижних фризах, объединяют основные фигуры в законченное произведение, сделанное по единому замыслу. Каков же был сюжет этой композиции? Мы видим определенную иерархию животных, на вершине которой располагаются быки, ниже — олень и баран (?) и в самом низу, очевидно, реликтовые антилопы (?) с характерными, но неизвестными у современных видов рогами. При этом быки выделены особой своей причастностью к человеку, привязавшему их за рога к столбу. Несомненно, это домашние животные, чего нельзя сказать о всех прочих. Кроме того, быкам сопутствуют выбитые под головой углубления, особенно четко такая круглая лунка показана под головой левой нижней фигуры в верхнем фризе. Если принять широко бытующую у специалистов по петроглифам точку зрения, то подобные круглые лунки относятся к солярным или астральным изображениям [7]. Можно совместить эти представления и предположить, что у местных древних скотоводов существовал культ быка, посвященный астральному божеству. Это согласуется с «бычьими» культами, хорошо известными в древности в Средиземноморье, Юго-Восточной Европе, Северной Африке, Передней и Средней Азии, а также в более близкой территориально Минусинской котловине, где этот культ зафиксирован в бычьеголовых рогатых личинах, на окуневских каменных плитах, стелах, писаницах, несомненно, относящихся к культовым атрибутам [4, рис. 10] Тогда не исключено предположение, что эти культовые животные являются жертвенными и потому находятся на привязи. Однако при такой трактовке не вполне понятна роль других животных, представленных в композиции [4]

[4] Интерпретируя одно из изображений быка на плите из Озерного. В. Д. Кубарев считает, что чашевидное углубление может «информировать о том, что была принесена жертва, в данном случае бык» [7, с. 72, рис. 3, *4*] (Рисунок, воспроизводимый В. Д. Кубаревым в данной работе (рис.3, *4*), крайне схематичен.)

Плита с изображениями найдена на могильном поле и, возможно, входила в погребальный комплекс. Предполагаемая подпрямоугольная форма ее дает возможность считать, что она могла быть использована в конструкции каменного ящика. Однако массивная нижняя часть плиты и необработанная ее сторона свидетельствуют против этой возможности. Некоторые исследователи не без основания полагают, что плиты с изображениями окуневской культуры использованы в качестве строительного материала для погребальных каменных ящиков вторично, а первоначально они принадлежали особым святилищам. Однако подобные святилища нам не известны. Кроме того, бесспорны специально нанесенные на внутренние стенки ящиков краской рисунки из могильника Каракол (онгудайский) и роспись ящиков из крымских курганов эпохи бронзы [9, с. 38—47].

Таким образом, вопрос о назначении изучаемой плиты остается пока открытым.

Сложной является проблема определения культурно-исторического места этой уникальной находки. Организация композиции в горизонтальные фризы, столь характерные для Египта и Ближнего Востока в эпоху бронзы, как, впрочем, и сложная техника барельефа (сюда можно добавить наскальные изображения Северной Африки),— почти совершенно не характерные для эпохи бронзы Северной и Центральной Азии. Достаточно сказать, что авторам известно лишь одно изображение, выполненное сплошной выбивкой с элементами барельефа и резьбой,— это изображение головы лося с Каменных островов на Ангаре, опубликованное А. П. Окладниковым [10, с. 63]. Кроме того, техника изображения деталей рисунков (глаза, ноздри, губы) барельефом известна на некоторых оленных камнях. Ярусное построение композиции [10, с. 63] шагающих друг за другом животных известно на металлическом сосуде Майкопского кургана эпохи бронзы, однако и это произведение, по мнению специалистов, принадлежит к образцам переднеазиатского искусства [11, с. 38, рис. 30—32] Нам известны лишь две плиты из Минусинской котловины, где композиционное построение сходно с плитой из Озерного. Г Ф. Миллером в первом томе его «Истории Сибири» на рис. 16 опубликовано изображение могильного камня с нанесенными на нем фигурами животных (рис. 3). Точное место находки не указано. Это зарисовка с натуры прямоугольной каменной плиты, где изображено семь горизонтальных рядов животных [12, с. 171] Три верхних ряда содержат по четыре профильные фигуры хищников из семейства собачьих с пышными длинными хвостами, по морфологическим признакам их следует отождествлять с лисами или песцами. Четыре нижних ряда содержат по три профильные фигуры маралов с широкими развесистыми рогами. Все фигуры повернуты вправо, они изображены стоящими на четырех ногах. Судя по рисунку, у всех маралов точечным углублением переданы глаза.

В начале 60-х годов в Малых Копенах Л. П. Зяблиным была найдена плита подпрямоугольной формы, оббитая в верхней и нижней части. Плита была вторично использована при возведении ограды карасукского могильника [5], а затем перевезена в музей г. Абакана, где и хранится. На этой плите контуром изображены семь рядов животных (рис. 4). Сверху — задняя часть фигуры зверя (остальное оббито) и ноги, принадлежавшие, по свидетельству М. Ф. Косарева, реставрировавшего плиту в Абакане из ее обломков, двум человеческим фигурам в птицеголовых масках (на предоставленной нам фотографии видны только ноги двух человеческих фигур). Следующие три ряда изображают хищников из семейства собачьих, по 4—5 в каждом ряду. Три нижних ряда

[5] Авторы сердечно благодарят д. и. н. М. Ф. Косареву, указавшему на эту аналогию и предоставившему в наше распоряжение любительскую фотографию плиты. Прорисовку отчетливо видимых изображений мы публикуем в данной статье. Следует иметь в виду, что при работе с оригиналом могут быть обнаружены новые изображения.

Рис. 3. Плита из Минусинской котловины (по Г Ф. Миллеру)

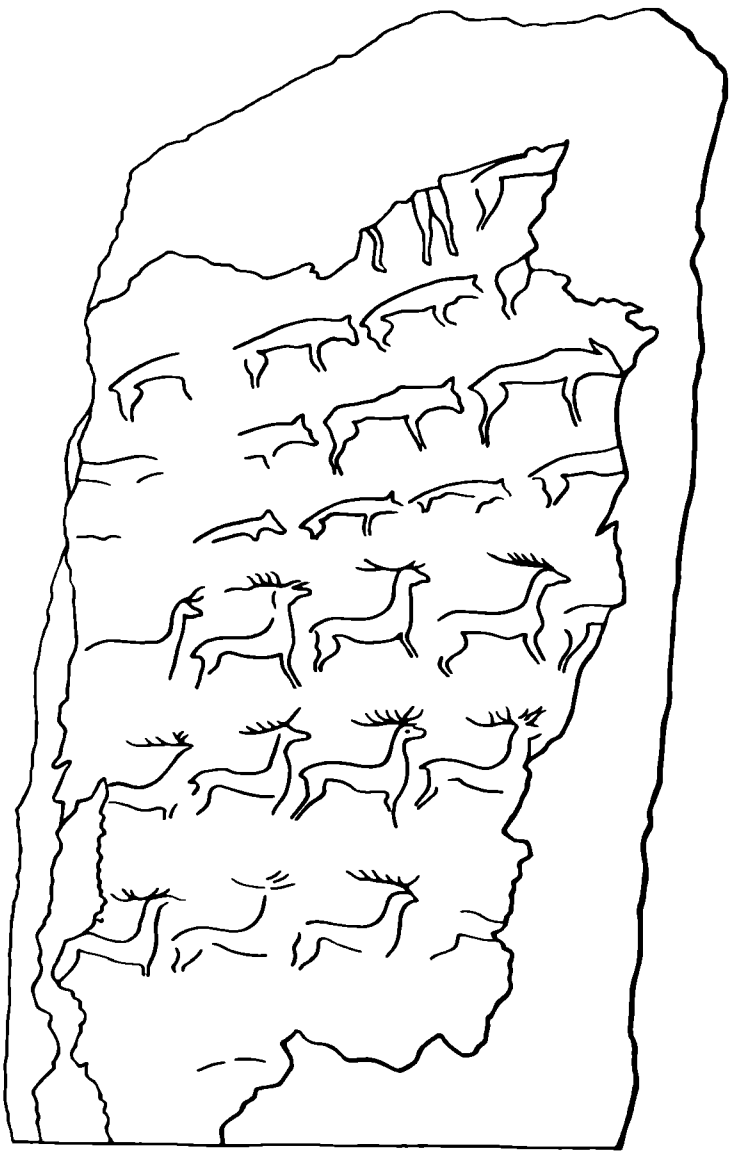


Рис. 4. Прорисовка фотографии плиты из могильника Малые Копены

представлены фигурами маралов, по 4—5 особей в каждом. Все изображения контурные, резные, все повернуты вправо. Однако у каждого из животных изображено только по две ноги, и рога маралов не развернуты на зрителя, а также переданы в профиль. Как видно по сюжету и композиции, обе плиты весьма близки. Таким образом, в настоящее время на территории Южной Сибири известны три плиты с необычной композицией, выстраивающей в параллельные ряды фигуры стоящих животных, повернутые вправо. Можно с достаточным основанием утверждать, что если они и не синхронны, то довольно близки по времени. Так, плиту из Озерного и миллеровскую находку сближают помимо композиции стилистические особенности — прорисовка у каждого животного всех четырех ног при общем профильном изображении, разворот рогов на зрителя и передача глаза (к сожалению, техника нанесения изображений на миллеровской плите неизвестна). Абаканская плита близка миллеровской композиционно и по сюжету. Именно эта плита имеет чрезвычайно важное значение для определения хронологии анализируемых памятников. Во-первых, она найдена при вторичном использовании в ограде могильника, курганы которого относятся к окуневской, карасукской и тагарской культурам [13, с. 12]; более точное место ее находки, к сожалению, неизвестно. Во-вторых, птицеголовые антропозооморфные существа, реконструированные М. Ф. Косаревым, живо напоминают изображения подобных существ из могильника оку-

невской культуры Тас-хазаа [14, рис. 2]. Аналогичные рисунки, выполненные красками, вместе с изображениями животных и антропозооморфных существ с бычьими рогами недавно обнаружены в кургане 2 у с. Каракола близ Онгудая В. Д. Кубаревым в Горном Алтае, в 50—60 км от Озерного [15, с. 102—104] Специфичен и погребальный обряд этих захоронений, что, с одной стороны, сближает их с погребениями из могильника Озерное, исследованного А. П. Погожевой [16], с другой — демонстрирует несомненные параллели с окуневской культурой. На юго-западном берегу озера, у с. Озерное, и к югу от озера, непосредственно за небольшой горной грядой, на территории пос. Озерное и на его южной окраине, сохранились по крайней мере три могильника, каждый из которых состоит из нескольких больших земляных курганов. Некоторые из них окружены врытыми ребром каменными плитами. Средний диаметр курганов 20—30 м, высота сохранившейся насыпи достигает 1,5 м. Один из разрушенных при строительстве курганов был доисследован в 1976 г. [16, с. 80—84]. Под земляной насыпью обнаружено несколько каменных ящиков. На торцевой плите одного из ящиков изображена антропоморфная фигура в грибовидном головном уборе, нанесенная бордовой краской. Уже приходилось отмечать, что по ряду признаков этот памятник можно отнести к культуре эпохи бронзы, весьма близкой окуневской [16, с. 80—84] и относящейся к самусьско-сейминскому культурно-хронологическому пласту [17, с. 109—111] Начаты исследования и второго такого могильника у с. Озерное [18, с. 66]

Фигура быка, выполненная в силуэтном стиле техникой сплошной выбивки на камне 108 в Мугур-Сарголе (верховье Енисея), датируемая М. А. Дэвлет окуневским временем, наиболее близка по всем признакам изображению быков на плите из Озерного [19, с. 103—104] Фигуры быков, переданные сплошной силуэтной выбивкой, с развернутыми рогами, иногда с лункой (солярный знак?), встречаются в петроглифах Горного Алтая (Кызыл-Кёль) [20, табл. 1, рис. 1; табл. 5, рис. 16; табл. 104, рис. 3), в Монголии (Орхон Сапон и Ховцгайт) [21, табл. 98, *7*, табл. 5, *1*] У остальной массы фигур быков, выбитых и прочерченных в контурном и силуэтном стиле, рога переданы параллельными кривыми линиями, обычно направленными вперед [22, табл. III]; в самих окуневских памятниках развернуты рога только на личинах и антропоморфных стелах, в остальных случаях рога окуневских быков даны, как правило, двумя параллельными изогнутыми линиями. Корпус окуневского быка характерно развернут таким образом, что особо выделена задняя часть животного. Не случайно, что она часто отмечена солярной символикой. Уместно отметить, что изображения отдельно взятых рогов окуневских быков в виде двух параллельных изогнутых линий являются обязательной составной частью всех фантастических композиций окуневской культуры, где элементы фантастического существа выполнены в виде реалий, оторванных от того или иного реалистического изображения. Приходится так подробно акцентировать на этом внимание, поскольку появляются, на наш взгляд, крайне спорные интерпретации сюжетов окуневского искусства [23, с. 19—33], связываемые с земледелием, которого никогда не было у окуневцев, во всяком случае в развитом виде. Таким образом, изображение быка у окуневцев весьма специфично и культурно значимо. Для Тянь-Шаня и Памиро-Алтая характерен совсем другой, битреугольный стиль изображений тулова быка [22, табл. III] Изображения быков с территории Казахстана [24, рис. 99, с. 180] близки в целом изображениям Алтая и Монголии и имеют, как правило, параллельно вытянутую вперед пару рогов. Говоря об аналогиях изображений реликтовых антилоп, мы рискуем впасть в ошибку, ориентируясь на публикации изображений, чаще всего очень мелкомасштабные. Уверенно можно говорить, пожалуй, лишь об одном известном нам изображении этого животного — в Западном Тянь-Шане [25] Однако здесь сходен лишь образ (что в данном случае небезынтересно); трактовка образа, манера исполнения — несопоставимы.

Таким образом, пытаясь выделить круг сюжетов первобытного искусства [7, с. 21], можно, видимо, говорить о распространении сходных по сюжету и трактовке образов на территории Саяно-Алтая и Монголии, что объясняется, скорее всего, бытованием здесь сходного круга культур типа окуневской. В связи с этим совершенно уместно поставить вопрос о культурной принадлежности плиты из Озерного. Приведенный круг аналогий и рисунок на плите из Абаканского музея, думается, достаточно убедительно говорят о датировке плиты окуневским временем, т. е. серединой — второй половиной II тыс. до н. э. К этому времени на территории Горного Алтая, очевидно, принадлежат могильники у с. Озерное и Каракол [15, 16] (онгудайский), стелы окуневского типа из Тюргуна и Куруузека [26, с. 80, рис. 6, *1, 2*], изваяние каменной «головы» с. р. Елангаш и обломки изваяния из окрестностей р. Иня Онгудайского р-на [27, с. 9, рис. 2, с. 10] К этому же времени, а возможно, и к одной культуре следует отнести керамические комплексы из Озерного [28, с. 59, рис. 4, *12*], своеобразный комплекс керамики поселения Кара-Тенеш [29, с. 94, 95], керамику из слоя 10 Денисовой пещеры [15—19; 30, рис. 14, *2, 3*], стратиграфически доказывающие культурно-историческое место данного круга культур на Горном Алтае. К этой культуре (или группе родственных (?) культур) следует отнести и случайные находки ножей и кинжалов срубно-андроновского облика из различных мест Горного Алтая [26, с. 84, рис. 7, *2*; 28, с. 57, рис. 3, *7—9*, с. 61, рис. 5, *4*] Специфика керамики и отличие ее от комплекса окуневской посуды, несмотря на разительное сходство в некоторых памятниках искусства (могильник у с. Каракол (онгудайский), каменные изваяния), не позволяют, по нашему мнению, говорить о существовании в Горном Алтае племен — носителей собственно окуневской культуры. Культура эта, несомненно, особая, достаточно специфичная; с окончательным ее выделением и присвоением названия, думаем, торопиться не стоит, во всяком случае до тех пор, пока на достаточном массовом материале не удастся провести сравнительный анализ керамических комплексов и погребального обряда памятников Горного Алтая, Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
2. *Леонтьев Н. В.* Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980.
3. *Диков Н. Н.* Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971.
4. *Вадецкая Э. М.* Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980.
5. Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен — современность. Л.: Наука, 1981.
6. *Громова В. И.* О новой ископаемой антилопе (Parabubalis copricornis n. gen. et n. sp.) из Забайкалья // Ежегодник зоологического музея АН СССР. 1931. Вып. 32.
7. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству // МИА. 1969. № 165.
8. *Кубарев В. Д.* Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986.
9. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3.
10. *Окладников А. П.* У истоков искусства Сибири // Искусство. 1961. № 1.
11. *Блек В. Б.* Искусство Кавказа медного и бронзового века // История искусства народов СССР. Т. 1. М.: Искусство, 1971.
12. *Миллер Г Ф.* История Сибири. Т 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
13. *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копены 3. М.: Наука, 1977.
14. *Липский А. Н.* Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961.
15. *Кубарев В. Д.* О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1986.
16. *Погожева А. П., Кадиков Б. Х.* Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979.
17 *Молодин В. И.* К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.
18. *Молодин В. И., Петрин В. Т* Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1985.
19. *Дэвлет М. А.* Петроглифы Муруг-Саргола. М.: Наука, 1980.

20. *Окладников А. П., Окладникова Е. А.* Петроглифы Кызыл-Кёля. Новосибирск: Наука, 1985.
21. *Окладников А. П.* Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981.
22. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
23. *Мартынов А. И.* Растительная символика на изваяниях окуневской культуры // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1983.
24. *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977.
25. *Маджи А. Е.* Наскальные рисунки в горах Моголтау // Изв. АН Тадж. ССР. Отд.-ние обществ. наук. 1957. Вып. 14.
26. *Кубарев В. Д.* Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980.
27. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
28. *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1982.
29. *Погожева А. П., Молодин В. И.* Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980.
30. *Деревянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В.* Исследование Денисовой пещеры. Предварительный анализ источников голоценовых культурных слоев. Препринт. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР 1985.

V. I. MOLODIN, A. P. POGOZHEVA

A PLATE FROM OZERNOE (GORNY ALTAI)

Summary

The stone slab that was found at the village of Ozernoe is dated to the Bronze Age. It shows realistically executed animal figures arranged into three friezes. Seven figures out of the total 13 can be easily identified: they are bulls, a reindeer, probably rams and ancient antelopes. Other figures are damaged. The slab's purpose remains unclear since it was displaced by a tractor Undoubtedly, it was connected with a burial ground. Analogies were found among the slabs from the Minusinsk Depression, one of them known from G. Miller's publication. They also showed animals arranged in rows. The drawings were made in a similar manner though the drawing technique was different. Besides, partial analogies can be found among the drawings of the Okunevo culture and petroglyphs of the same period. An analysis of these objects and the newly discovered Bronze Age materials in Gorny Altai relate the slab to the Okunevo culture type represented by the complexes from the synchronous levels in Kara-Tenesh, the Denis Cave, etc. The slab is tentatively dated to the first half-middle of the second millennium B. C.

Н. Г. ГОРБУНОВА

ФЕРГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК ХАНГИЗ I

Могильник Хангиз I находится к северу от сел. Хангиз Фернанского р-на Ферганской обл., на пологих склонах адыров [1], рассеченных сухими руслами небольших паводковых рек на три участка, в соответствии с которыми располагались три группы курганов общим числом 150 насыпей и 12 выкладок из камня (рис. 1): I — восточная группа; II — центральная группа; III — западная группа. Последний участок обрывается в долину р. Алтыарык-сай, прорезающей здесь адырную гряду перед выходом в центральную часть долины. На нем исследован также могильник Хангиз II, а напротив находились остатки крепости Мугкала [2, с. 549—550]

Всего раскопаны 51 курган и 2 выкладки, т. е. могильник удалось исследовать только на 1/3. За отсутствием места ограничимся общим анализом исследованных курганов, а данные о части наиболее интересных погребений приводим в таблице.

Погребальный обряд. Насыпи курганов округлые, диаметром от 3 до 10 м, высотой от 0,3 до 1,5 м, из земли с небольшой примесью гальки. Могильные ямы обнаруживались по серому гравийному или каменному заполнению, выявлявшемуся на фоне коричневой погребенной почвы. В 37 (73%) курганах погребение совершено в катакомбах (I/4, 20, 27, 36, 39, 59; II/1, 2, 7, 10—17, 19, 33—36, 38, 40—47, 49, 115; III/21, 23—25, 29 (рис. 2, *1, 3*; рис. 3). В 10 курганах (19%) — в подбоях (I/48; II/3, 5, 6, 8, 9, 31, 118; III/28 и 30 (рис. 2, *2, 4*) и в 4 — в грунтовых могилах (II/18, 22, 32, 50). Таким образом, из исследованных преобладающим типом могил были катакомбные. Все дромосы их были вытянуты в направлении юг — север с незначительными единичными отклонениями. Все они прямоугольные с закругленными углами, только в кургане II/10 дромос короткий, широкий и бесформенный. Длина их — от 80 до 250 см, ширина 60—160 см, соотношение длины и ширины 1,1:1,5 (18 случаев) и 1,6:2 (10 случаев), 0,7:1 (5 случаев) и как крайние варианты 0,2 (курган 10) и 2,5 (курган 45) Глубина дромосов — от 20 до 10 см в южной части, до 50—140 см в северной, дно прямое, покатое или с одной мелкой поперечной ступенькой посередине. Катакомбы примыкают к северному, иногда слегка расширенному концу дромоса, обрывавшегося крутой ступенькой или пологим спуском. Катакомбы в плане овальные, размерами 110—240×85—160 см, высота сохранившихся (наиболее четких в третьей группе) сводов 60—110 см. Закладка входов состояла из крупных булыжников (один раз среди них была зернотерка — курган 8), иногда из сырцовых тяжелых кирпичей размерами 40—50×20—25×

Он был открыт в 1953 г. ферганским краеведом П. Т Коноплей, раскопавшим один курган (I/36). Тогда же сотрудниками Ферганского и Ошского музеев Б. З. Гамбургом, Н. Г Горбуновой и Ю. Д. Баруздиным был снят глазомерный план и раскопано семь курганов (I/4, 27, 39, 48, 59; II/115 и 118 — при снятии плана была дана сплошная нумерация курганов [1]). В 60-е годы половина курганов (вся первая группа) была распахана. В 1973 г. Ферганской экспедицией Государственного Эрмитажа и Ферганского музея был снят план II группы, которую в 1976 г. начали распахивать. Распашка была остановлена экспедицией, но почти все насыпи были уже уничтожены. Раскопками 1977/78 г. исследованы все курганы, местоположение которых удалось установить. Материал хранится в Ферганском музее и Эрмитаже.

© Н. Г Горбунова, 1990 г.

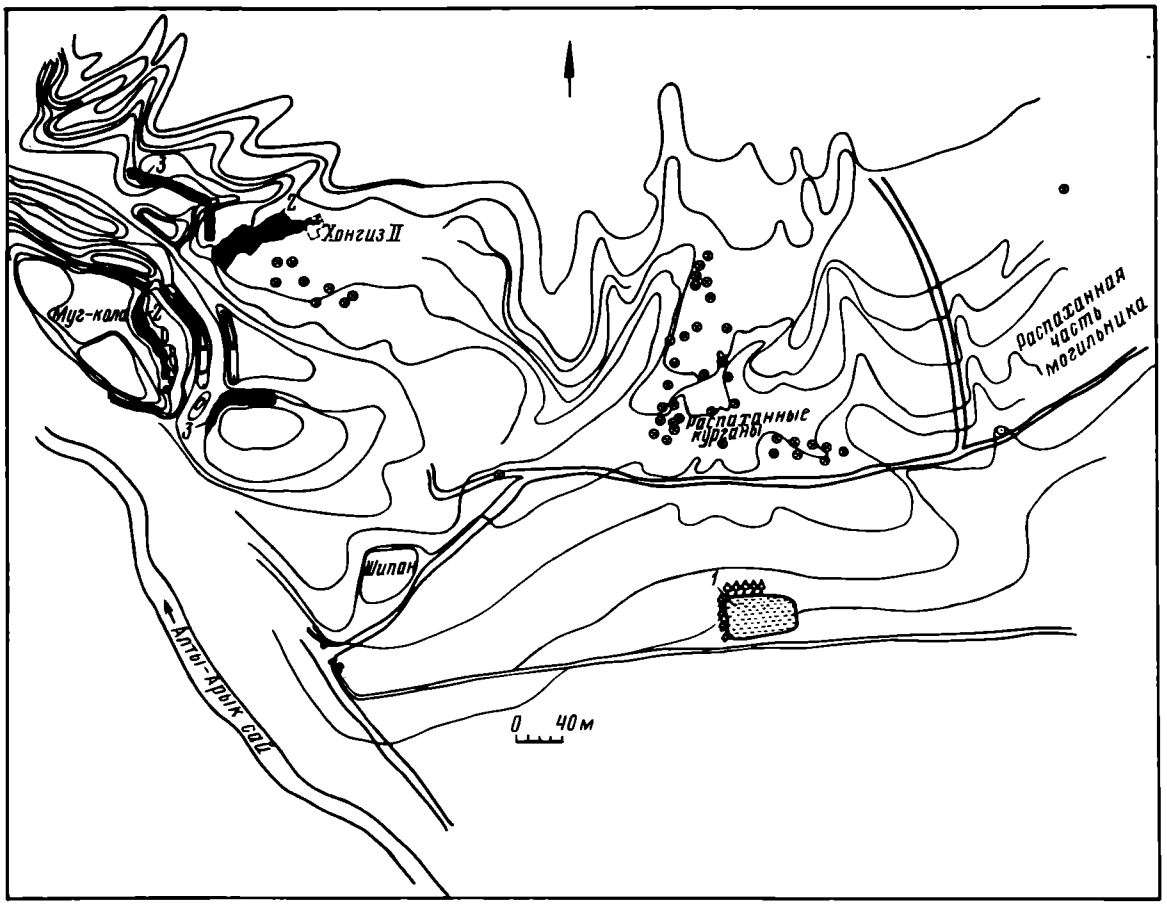


Рис. 1. План могильника. *1* — озеро; *2* — развалы керамики; *3* — остатки крепостных сооружений

×10 см (курганы II/12, 13, 16, 41; III/23). Заклад начинался от пола катакомбы и поднимался вдоль ступеньки, постепенно закупоривая вход. В четырех катакомбах прослежены следы глиняной обмазки, которой покрывали заклад (курганы II/13 и 16; III/23 и 29). Заполнение дромосов и катакомб было преимущественно из крупных камней, гальки, земли и гальки, редко — из обломков кирпичей. Подбои в девяти курганах сделаны в западной стенке входной ямы и лишь один раз — в восточной (I/48). Размеры входных ям 180—300×90—110, глубина 50—90 см, подбоев 180—230×50—100, глубина 80—100 см; они почти все овальные, половина их — короче входной ямы, четыре — равны и один — длиннее. Спуск в подбои имел одну или две ступеньки, почти все входы заложены булыжниками, только в кургане II/5 — такими же, как в катакомбах, сырцовыми кирпичами. Заполнение всюду такое же, как в катакомбах. Грунтовые могилы вытянуты по линии север — юг, размеры их 80—100×70—130 см, глубина 50—160 см; пустые или разграбленные.

О положении погребенных можно судить только по 38 погребениям, так как в пяти катакомбах (I/20; II/17, 41; III/24 и 25), четырех подбоях (II/9, 115; III/28, 30) и одной грунтовой могиле (III/22) кости были разбросаны, а в двух грунтовых могилах и одной катакомбе не было ни погребенных, ни инвентаря (II/32, 43 и 50). В 21 катакомбе находилось по одному погребенному, в 10 — по два (I/4, 27, 59; II/2, 10, 11, 16, 19, 33, 38). Из них в четырех, скорее всего, были одновременные погребения (I/27, 59; II/16 и 38), а в остальных — повторные. Некоторые погребения были смещенными: женские при погребении мужчин (II/10, 11), женское при погребении женщины (II/2), юношеский скелет выброшен при погребении женщины (II/19), пол обоих погребенных неясен (II/33; I/4). Все погребенные в катакомбах лежали головой на восток, на спине, руки и ноги почти всюду вытянуты, за исключением курганов II/34 и 35, где ноги

Характеристика погребений могильника Хангиз I

№ группы и кургана	Тип могилы	Погребенные			Кости барана	Керамика					Прочий инвентарь
		количество	пол и возраст	ориентация		кувшины	горшки		миски	миниатюрные сосуды	
							без орнамента	с орнаментом			
II/2	К	2	Ж 18—20 Ж 30—35	СВ	+	фр.	фр.	+ и фр.	+ и фр.		Бляшки, фрагмент ткани, булавка, бусы, бубенчики, браслет из бус, перстни, нож
I/4	К	2	Ж?	В	—	—	+	—	+ +	+	Сурьматаш, нож
II/5	П	1	М 25—35	Ю		—	—	+	+		Нож, пряжка, подвеска
II/6	П	2	Ж 30—35	С		—	+	+ +	+ +	+	Бубенчики, серьги, подвески, перстни, нож
			Ж 20—25								Бляшка, серьга, бусы, перстень, иголка, обломок стекла
II/7	К		Ж 25—30	В							Бляшки, бусы, серьги, подвески, перстень, железные застежки (?), зеркало
II/8	П	1	М 35—40	Ю	—	+	—	+	фр.	—	Бусина, альчик, нож
II/10	К	2	Ж 40—45	В		фр.		+ + +	+	+	Бусы
			М 40—50								Бусина, фрагмент железного стержня
II/11	К	2	Ж 30—40 М 50—60	В	+	+ + +	—	—	+	—	Нож
II/12	К	1	М 20—25	СВ	+	+ и фр.	—	—	+ и фр.	—	
II/14	К	1	Ж 30—40	В		—	—	+	+	+	Бусы, серьги, булавка
II/15	К	1	Ж 30—35	В	+			+ +			Бляшки, серьги, булавка, бусы, монета у-шу, перстни, железная пластинка с налипшей тканью, игольник, нож
II/16	К	2	Ж 30—35	В	—	—	—	+ +	+	+	Бляшки, прясло, бусы, перстень
			М 45—55								Нож

№ группы и кургана	Тип могилы	Погребенные			Кости барана	Керамика					Прочий инвентарь
		количество	пол и возраст	ориентация		кувшины	горшки		миски	миниатюрные сосуды	
							без орнамента	с орнаментом			
II/19	К	2	Ж 40—50 14—16	В	+	фр.		+	++	+	Бусы, монета у-шу, браслет из бус Перстень
III/21	К	1	Ж	В	—					фр.	3 прясла, сурьматаш, графит, железная пилка, серьга, бусы, браслет из бус, перстни, кольцо, кусок мела
III/23	К	1	Ж 20—25	В	+						Прясло, серьга, бусы, монета у-шу, подвеска, браслет из бус, перстни
I/27	К	2	Ж? Ж?	В	—	—	++	+++	+	+++ +++	2 прясла, 2 сурьматаша с 2 графитами, серьга, бусы, браслет из бус, кольца, перстни
III/28	П	1	М 25—30	?	—	фр.					Шило, пряжка, железная пластинка, наконечники стрел, накладка на лук, деревянный предмет
III/29	К	1	М 40—45	В	—	фр.	—	—	фр.	—	Пряжка, часть наконечника стрелы, накладка на лук, крючок, нож, оселок
II/34	К	1	Взрослый	В	—	—	—	+	+	—	Бусы, наконечник стрелы, нож, рог
II/38	К	2	Взрослые	В	—	—	—	++ ++	+	++	Ритон, прясло, серьги, бубенчик, перстень
II/39	К	1	Взрослый	В	—	+	+	—	—	—	2 ножа, крючок, накладка на лук
II/42	К	1	Ж?	СВ	+	—	—	++	+	++	3 прясла, бляшки, бусы, подвески
II/49	К	1	Взрослый	В	+	++	—	—	+	—	Нож, кинжал, наконечник стрелы
I/59	К	2	Ж? Череп ребенка	В	—	++	—	+	+	—	Бусы, кольцо
II/115	К	1	Взрослый	?	—	+	—	—	+	+	2 прясла, керамическая плитка
II/118	П	2	Взрослые	С	—	+	—	—	+	—	Бусы, нож, железная пластинка

Примечание. К — катакомба; П — подбой; фр.— фрагмент

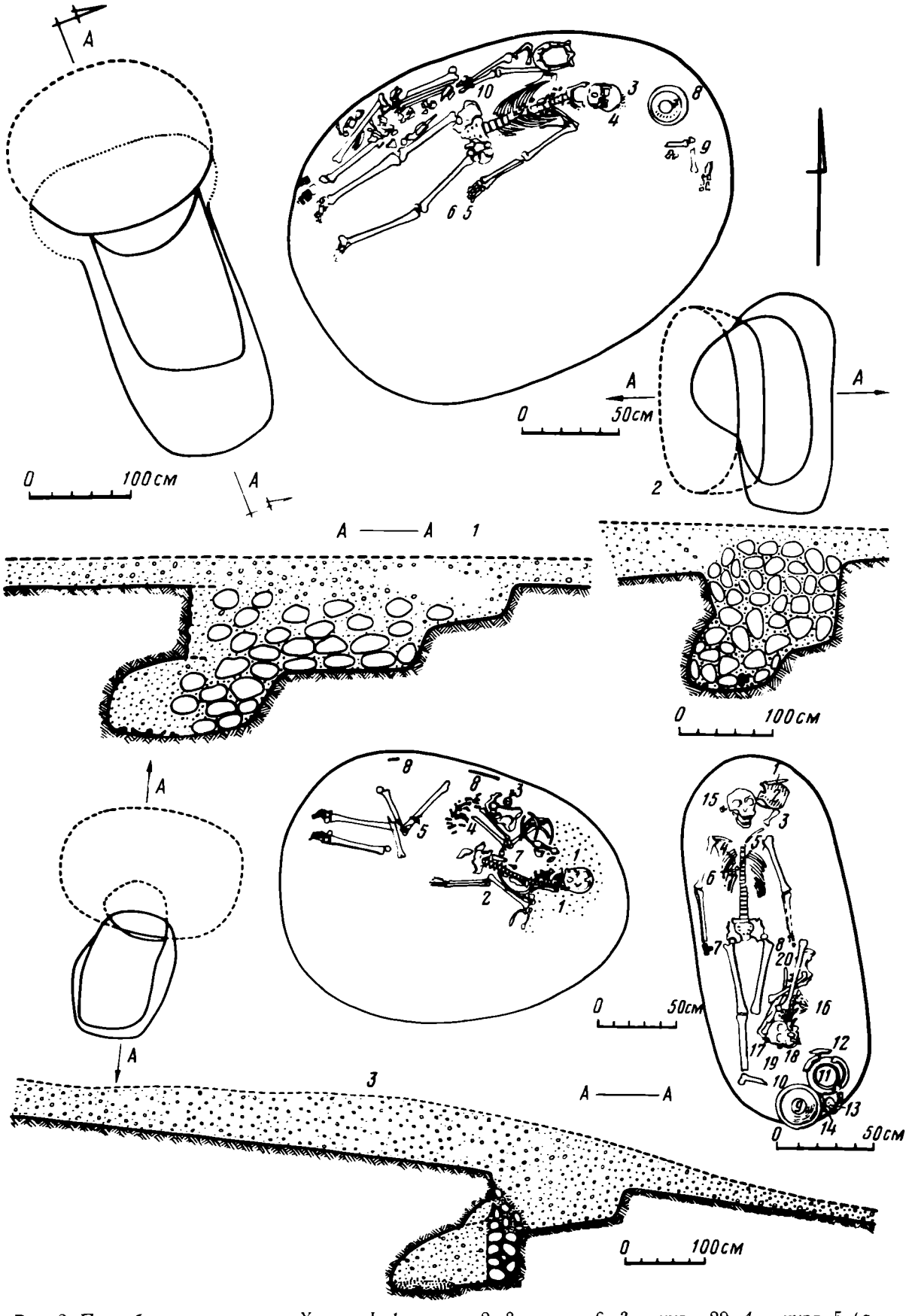


Рис. 2. Погребения могильника Хангиз I. *1* — кург 2; *2* — кург 6; *3* — кург 29; *4* — кург 5 (*а* — следы тростниковой подстилки, *б* — камни на глиняном растворе, *в* — рыхлое заполнение с галькой, *г* — глиняный раствор, *д* — гравий, *е* — кирпич)

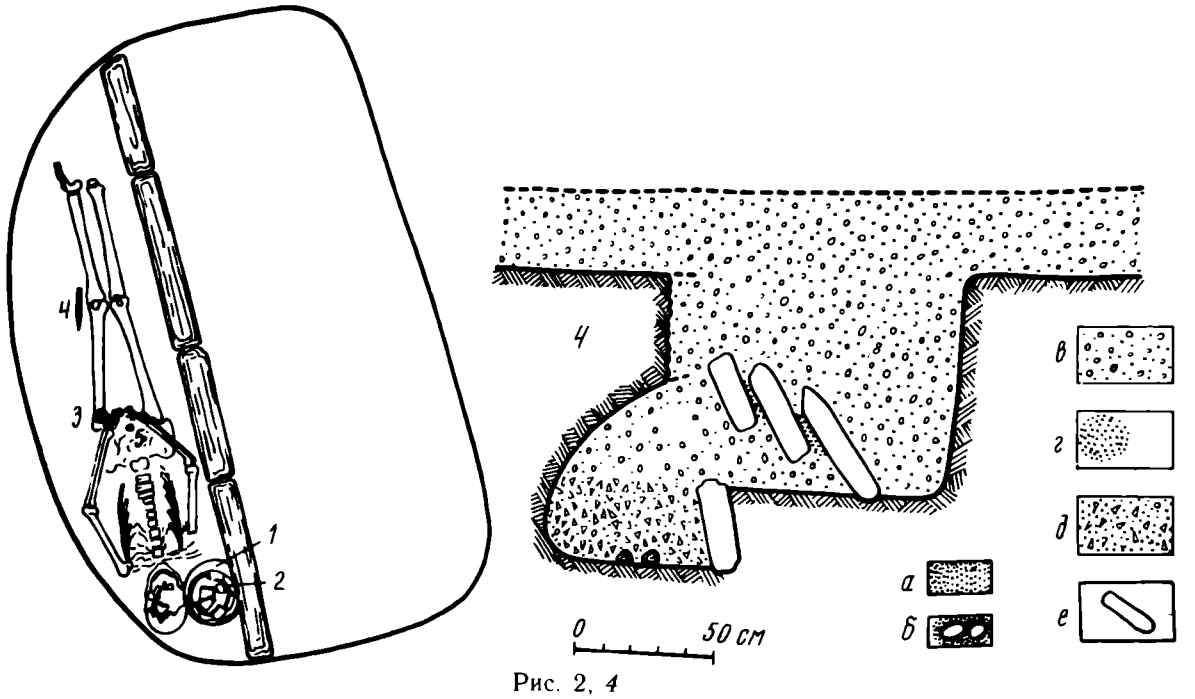


Рис. 2, *4*

погребенных были перекрещены в голенях. В семи подбоях погребено по одному умершему (I/48; II/3, 5, 8; III/28, 31), в трех — по два: две женщины, причем кости одной смещены (II/6 и 118), и мужчина и женщина, но кости обоих смещены (III/30). Погребенные лежали на спине, головами на север (II/3, 6, 118; I/48) или на юг (II/5, 8, 31; III/30) независимо от пола и возраста. Руки и ноги вытянуты, только у погребенного в кургане II/5 руки лежали на лобке. Среди определенных по полу и возрасту [2] женщин (пять в возрасте 18—25 лет, шесть — 20—25 лет, пять — 40—50 лет) и 13 мужчин (один — 20—25 лет, пять — 30—40 лет, семь — 40—60 лет). Из числа погребенных, определенных по инвентарю, пять женских и одно мужское, два детских (предположительно — еще девять женских и одно мужское). Если учесть все, в том числе и предположительные, данные, то в Хангизе I погребены 31 женщина, 15 мужчин и 3 ребенка (неясным остался пол еще 10 погребенных). По возрасту погребенные распределяются следующим образом: шесть — в возрасте 20—25, одиннадцать — 30—40, двенадцать — 40—50, т. е. средний возраст умерших, видимо, 30—40 лет. Если допустить, что число парных погребений во второй, наиболее исследованной группе (9 из 33, т. е. 27%) в какой-то степени отражает общее соотношение одиночных и парных погребений в могильнике, то можно предположить, что в нераскопанных примерно 100 курганах могло быть погребено еще 73 человека по одному и 27 по два, т. е. еще около 130 человек, а с учетом раскопанных — всего около 200 человек (слишком большой допуск и отсутствие половозрастных данных для большинства погребений не позволяет делать заключение о реальной группе населения, погребенной в могильнике).

Существенное значение имеют состав и расположение сопровождающего погребального инвентаря. В 13 погребениях (26%) (II/2, 6, 11, 12, 15, 17, 19, 33, 35, 42, 47, 49; III/23) были найдены кости барана — всегда ноги, частично с лопаткой, т. е. помещали, видимо, переднюю часть туши (лопатка не всегда сохранялась). Они найдены в шести курганах у женщин (и предположительно еще в двух женских), в двух мужских, в двух парных, мужских и женских (но в одном случае лежали у ног женщины), и в одном неясном. В шести погребениях

---

[2] Определение пола и возраста было сделано Т. К. Ходжайовым только для 30 погребений (раскопки 1977 г. I/20; II/1—19; III/21—30). Антропологический материал 1978 г., по-видимому, утерян в Институте археологии АН УзССР, пол определялся, когда было возможно, по инвентарю. В четырех случаях Т. К. Ходжайов сделал заключение по расовой характеристике [3, с. 96—98]

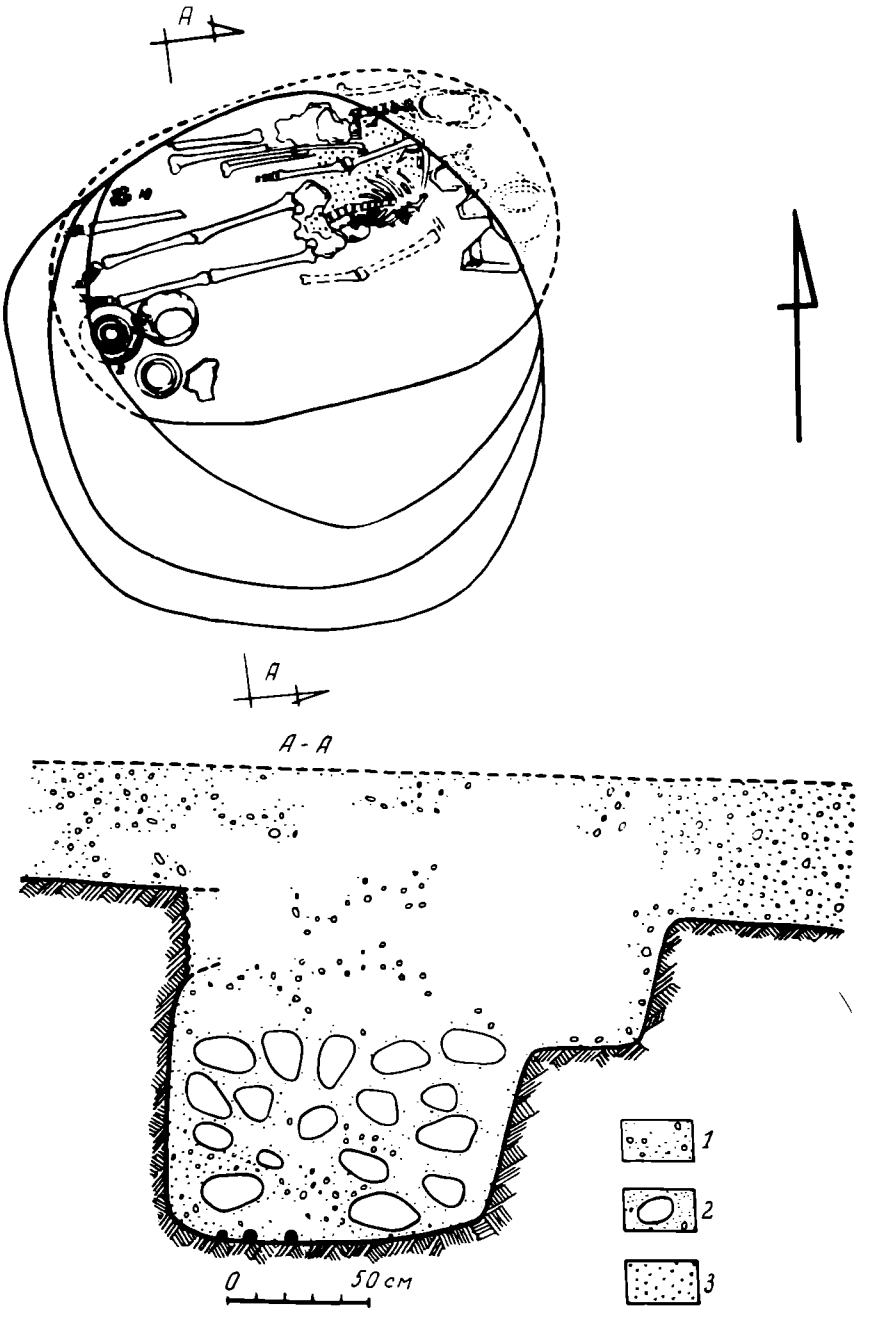


Рис. 3. Курган 10 могильника Хангиз I. *1* — рыхлое заполнение с галькой, *2* — камни, *3* — следы тростниковой подстилки

кости барана лежали у ног погребенных, в трех — у головы, в четырех — около сосудов. Погребальный инвентарь найден в 42 погребениях и состоял из глиняной посуды, предметов быта, украшений и вооружения, причем в семи погребениях (II/3, 13, 24, 31, 45, 46, 48) была только посуда, а в шести — различный инвентарь, но без посуды (II/1, 7, 17, 47; III/21 и 23). Глиняная посуда представлена кувшинами, орнаментированными и неорнаментированными горшками, мисками, миниатюрными сосудиками и частью сосуда с рожками-выступами. Обычное количество сосудов 2—3, но иногда 4—5. Посуду ставили в ногах (11 случаев), головах (8 случаев), в ногах и головах (11 случаев), причем разное размещение не было связано ни с количеством и полом погребенных, ни с типом могилы, ни с типом сосудов. Миски в 17 погребениях закрывали горшки или кувшины, как крышка, т. е. были перевернуты вверх дном. Миниатюрные сосудики находились либо рядом с большими сосудами, либо в одном из них. Ана-

лиз распределения типов сосудов в зависимости от пола погребенных показывает, что из 32 орнаментированных горшков 21 найден в двенадцати женских погребениях, 5 — в двух совместных мужских и женских (II/10 и 16), только 2 — в мужских (II/5 и 8) и 3 — в трех неясных по полу. Таким образом, орнаментированные горшки помещали прежде всего в женские погребения. Также в женских (15) или совместных мужских и женских (2) погребениях найдены все миниатюрные сосудики. Кувшины, неорнаментированные горшки и миски помещали в могилу независимо от пола и возраста погребенных. Сочетание в одном погребении кувшинов и орнаментированных горшков отмечено только в кургане II/31, где пол определить не удалось, так как другого инвентаря не было, а фрагменты кувшинов найдены только в заполнениях погребений II/2, 31 и 33, т. е. кувшины и орнаментированные горшки были взаимозаменяемы и служили, скорее всего, для жидкой пищи. В женских погребениях найдены глиняные прясла, лежавшие в сосудах или около них, небольшие железные ножички, находившиеся у плечей, бедра, колена, справа от таза или на нем, на груди, около костей барана; зеркало, лежавшее на груди; сурьматаши (каменные косметические палочки) с графитом и без него, находившиеся в разных местах; игольник в виде железной трубочки на груди, уховертка; под затылком у 16 погребенных женщин найдены украшения (из них 11 определены антропологически и 5 — по инвентарю, в первую очередь по предметам быта). У 3 из них около черепа или шеи и груди лежали бронзовые бляшки от головных повязок, причем в одном случае найден край шапочки (?) овальной формы с кромкой. Ткань — полотняного переплетения, на кромке — более плотная. Может быть, в этом случае бляшки были нашиты на головной убор (II/2)? У погребенной в кургане II/16 бляшки лежали у пояса, в кургане II/6 была только одна золотая бляшка. У 8 погребенных около висков были серьги. У 14 погребенных на шее и груди найдены различного типа нагрудные украшения, у 7 на запястьях правой или левой руки находились браслеты из бус. В одном случае такой браслет был на правом локте (II/2), в другом — на запястье и локте левой руки (I/27). У 10 погребенных на пальцах правой или левой руки, иногда на обеих, были найдены бронзовые и железные перстни и кольца. В двух погребениях найдены фрагменты булавок — бронзовой и железной, лежавшие у лопатки и на груди. В кургане I/7 вместе с нагрудным украшением лежали железные застежки. В мужских погребениях инвентарь беднее. Из предметов одежды в трех погребениях найдены пряжки на поясе, у одного погребенного возле таза лежала крупная голубая ребристая бусина (II/8) В пяти погребениях найдены предметы вооружения: железные наконечники стрел, костяные накладки на лук, крючки от колчана, кинжал; из предметов быта — шило, ножи и оселок. Погребения нарушены, и зафиксировать местоположение удалось только для некоторых предметов: накладка на лук у правого бедра, крючки у левого локтя или правого бедра, кинжал слева у таза, рукояткой на бедре, острием к кисти левой руки, наконечники стрел и ножи в разных местах, оселок у пояса. Особо следует отметить наконечник стрелы из кургана 49, вонзившийся в правый локоть мужчины.

Таким образом, очевидно, что всем погребенным полагалось ставить посуду для еды и питья, какой-то части умерших — класть мясо барана; женщинам — иметь личные украшения, предметы туалета и орудия труда, мужчинам — оружие и предметы быта.

Характеристика погребального инвентаря. Глиняная посуда почти вся сделана на гончарном круге, следы от вращения на котором хорошо видны. В двух случаях имеются кольцевые выпуклые отпечатки от подставки круга. Тесто плотное, без примесей, обжиг хороший, цвет черепка розово-красный. Низ сосуда иногда подрезали ножом. Поверхность покрывали красным ангобом, и в зависимости от обжига ангоб был более темный, иногда до черноты, иногда светлый. Лепные сосуды представлены фрагментами из двух курганов (II/10 и 45) и семью миниатюрными горшочками. Круговой посуды найдено 102 целых сосуда и от 20 — фрагменты.

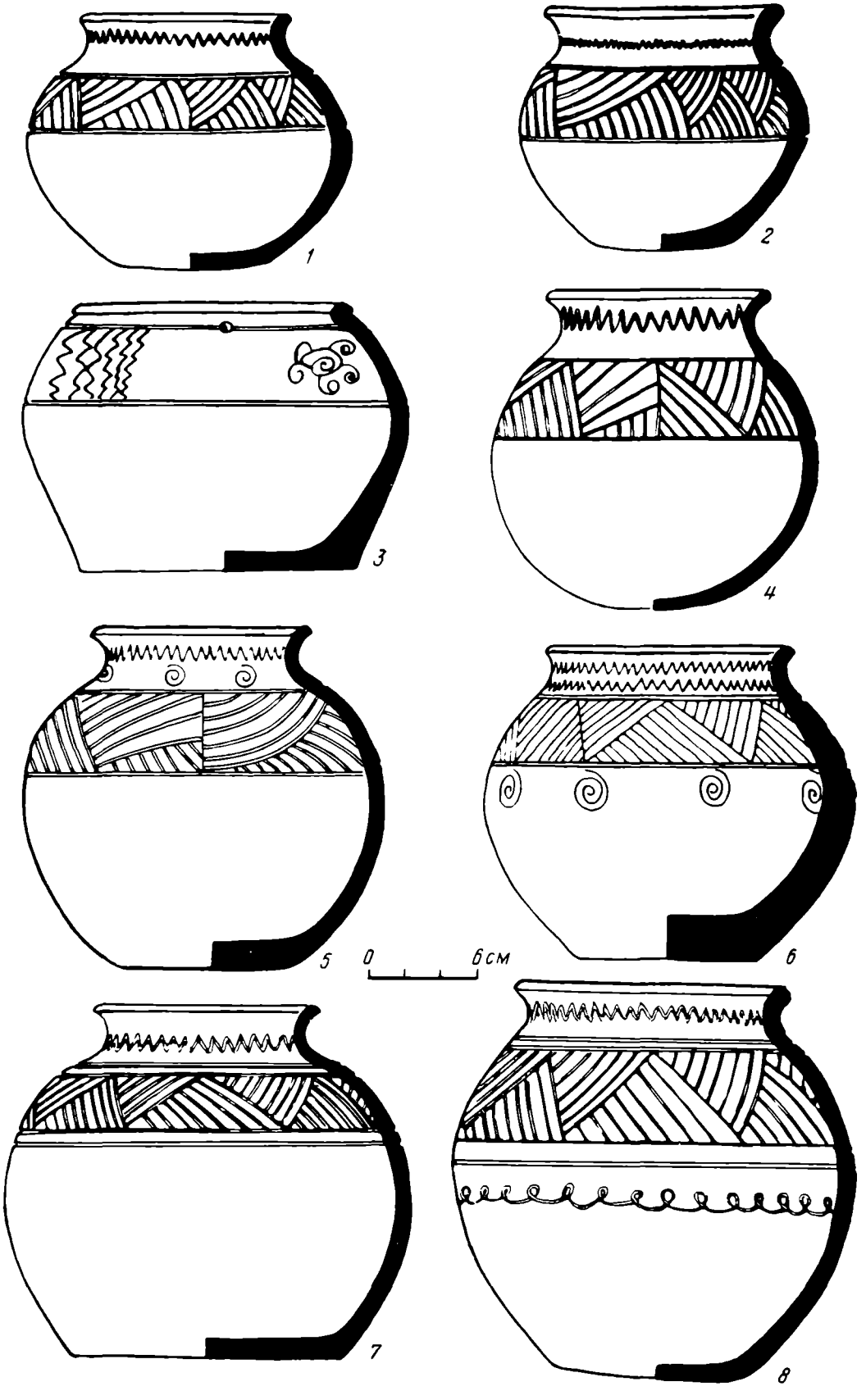


Рис. 4. Горшки с орнаментом из могильника Хангиз I. *1, 7* — кург II/15; *2* — кург II/16; *3* — кург II/42; *4* — кург II/2; *5* — кург II/10; *6, 8* — кург II/6

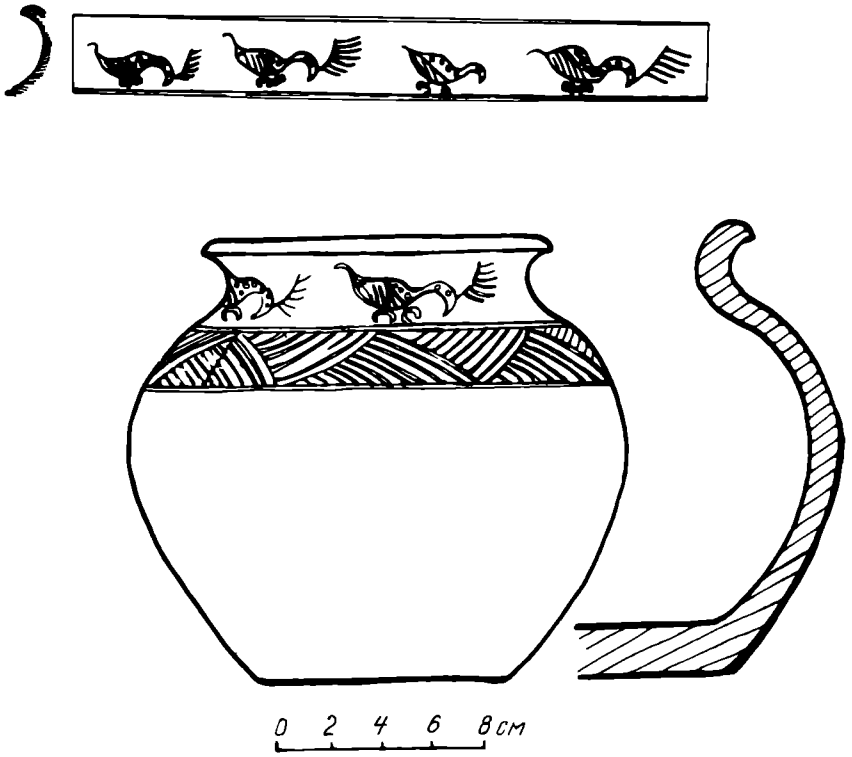


Рис. 5. Горшок с изображением птиц из кург. 10

Горшки. 39 экземпляров, из них 32 орнаментированных, почти все одного типа, IIг [3] по нашей классификации [4, с. 121] (рис. 4). Горшки различаются размерами и оформлением края: иногда устье оформлено утолщением. В одном случае под слегка скошенным наружу краем расположено четыре прямоугольных выступа с проткнутыми в них отверстиями [1, рис. 3, *12*], в двух — под «накладным» скошенным краем четыре отверстия (рис. 4, *3*). Высота горшков 13,5—18 см, диаметр устья 11—14, тулова 14—22, дна 7—15 см. Ангоб покрывает верхние 2/3 сосуда. Для орнаментации общим является нанесение на плечики до ангобирования сосуда двух кольцевых линий, ограничивающих орнаментальный пояс шириной от 3 до 9 см (с высотой сосудов не связано). Иногда эти линии двойные (рис. 4, *7*). Внутри пояса расположены различные узоры, процарапанные уже по подсушенному ангобу, до обжига [5, с. 160, 161] На шейках горшков нанесена одна, редко — две зигзагообразных линии. На большинстве горшков орнаментальный пояс состоит из плотно прилегающих друг к другу, заштрихованных треугольников разных очертаний, причем штриховка большей частью небрежная и нередко пересекает ограничительные линии. Перед тем как нанести такой орнамент, мастер проводил вертикальную черту и от нее начинал узор, заканчивая, не всегда пропорционально и удачно, с другой стороны. На пяти горшках ниже пояса процарапаны еще спирали либо между двойной кольцевой линией (II/35), либо как бы висящие на нижней из них (рис. 4, *6*), либо просто ниже нее (II/38), либо под поясом (II/10 и 34, рис. 4, *5*). На одном из горшков ниже пояса нанесена волнистая кольцевая линия (рис. 4, *8*). Особый интерес представляет горшок со сложной композицией на шейке (рис. 5), где вместо зигзагообразной линии изображены четыре птицы,

[3] Деревянные бусы определены старшим научным сотрудником Лесотехнической академии им. С. М. Кирова, канд. биол. наук М. И. Колосовой. Бусы из кургана III/23 — преимущественно цилиндрические, размерами 2—3×1 мм, есть несколько кольцевидных, все черные. Две 12-гранных (III/23, II/15), черные (гагат?). Остальные — из хвойного дерева (под очень большим вопросом — из лиственницы). Возможно, деревянной была многогранная черная бусина из кургана II/2 (рис. 10, *8*), но определение ее сделать не удалось. Наличие деревянных бус — явление неожиданное, аналогий им нет, и требуется дополнительное исследование.

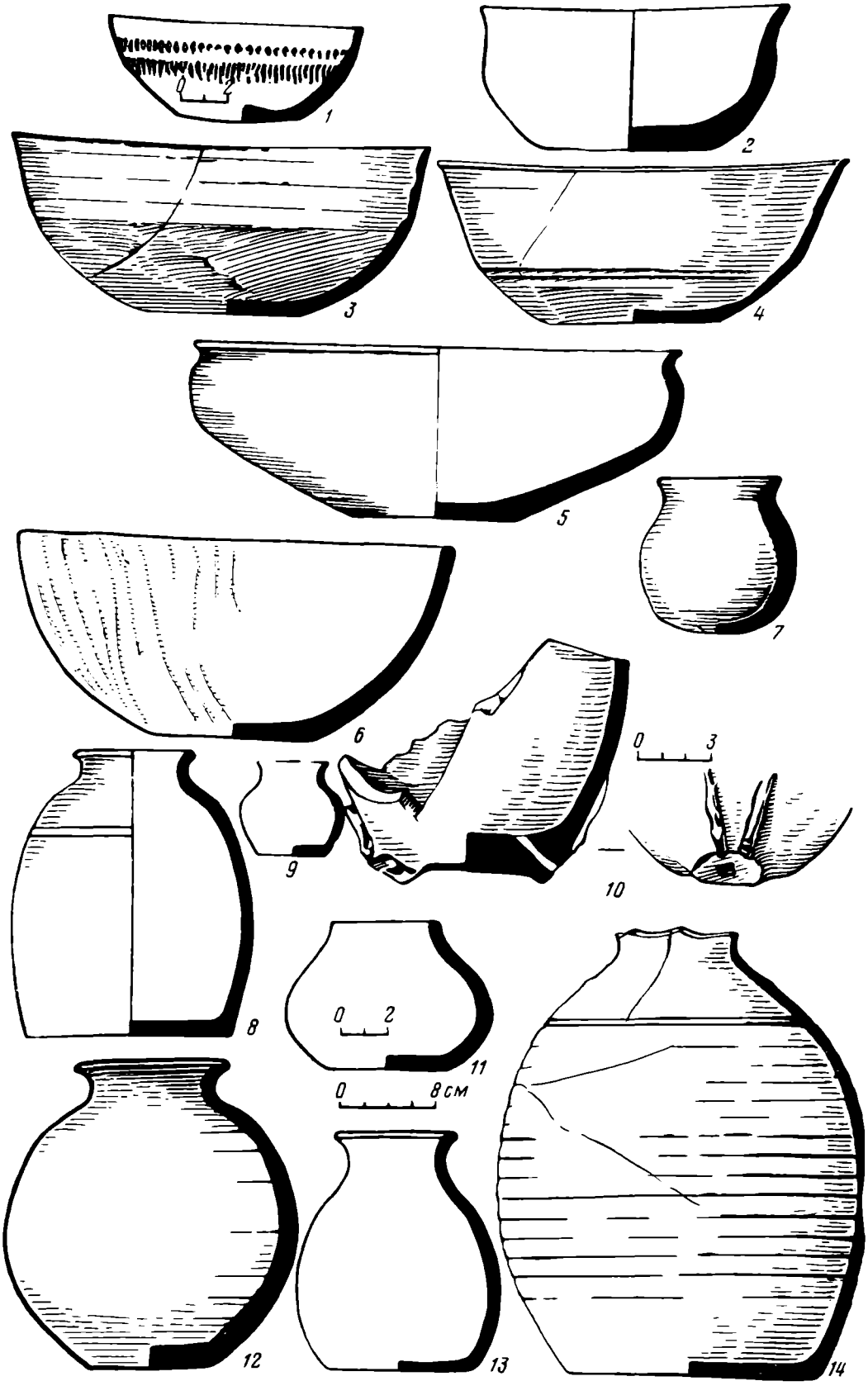


Рис. 6. Керамика могильника Хангиз I. *1, 9* — кург 10; *2* — кург 42; *3, 4, 12* — кург 11, *5* — кург 34; *6, 10, 11* — кург 38; *7* — кург 16; *8* — кург 12; *13* — кург 13, *14* — кург 32

следующие друг за другом. Из четырех птиц три, видимо, самцы, так как на головах у них гребни. Ниже птиц расположен обычный пояс из треугольников. Отличается от остальных и орнамент еще на одном горшке (рис. 4, *3*). Второй тип горшков представлен одним экземпляром из кургана I/59. Наибольший диаметр у него не посередине тулова, а на плечиках. Орнаментальный пояс просто заштрихован косой клеткой [1, рис. 3, *13*] Третий тип — тоже один экземпляр (I/27) — баночной формы, со слегка прогнутыми стенками (разновидность типа IIа) Высота — 16 см, диаметр — 7 см. Орнамент идентичен орнаменту большинства горшков [1, рис. 4, *26*]. Горшки без орнамента (шесть целых и один фрагмент) представляют собой нечто среднее между орнаментированными горшками и кувшинами, и все различаются по форме тулова и диаметру устья. Высота 10—12 см, наибольший диаметр 12—14, диаметр устья 7—8, дна 6,5—14 см [1, рис. 3, *7—10*]

Кувшины. 22 целых и фрагменты от 13. Ангобом покрыты большей частью верхние 2/3 или половина сосуда. Реже — вокруг тулова одна или две широкие полосы ангоба, а по венчику — узкая. В одном случае есть узкая полоса по венчику, затем горло и часть плечиков без ангоба, а ниже, до половины,— опять ангоб. На отдельных кувшинах следов ангоба не видно (II/36). Практически это все один тип, но с вариантами (тип IIIа [4, с. 123]).

Общими признаками являются низкое горло или слегка уплощенный венчик, плоское дно. Различия в основном в форме тулова, размере дна и пропорциях: 1) тулово округло-вытянутое, плечики покатые, наибольший диаметр посередине; высота 20—25 см, диаметр устья 9—12, тулова 16—25, дна 11—17 см; отношение наибольшего диаметра к высоте 0,8:1 (рис. 6, *8, 13, 14*); 2) тулово шаровидное; размеры и цвет поверхности близки к вышеуказанным; только кувшин из кургана 31 серый, а ангобные полосы черные (3 экземпляра, II/31, 46 и 49, рис. 6, *12*); 3) тулово вытянутое, диаметры дна и устья почти равны, отношение наибольшего диаметра к высоте 0,6:0,7 (3 экземпляра из курганов I/48, 59, II/115 [1, рис. 3, *5, 6, 10*].

Найдена также нижняя часть сосуда с небольшим плоским дном, по двум сторонам которого имеются выступы с отверстиями, обрамленные изображениями рогов (рис. 6, *10*).

Миски. 31 целый экземпляр и от 4 — фрагменты. Они обычно покрыты плотным ангобом с обеих сторон, исключением является миска из кургана II/5, покрытая только снаружи. На некоторых мисках на верхней части видно мелкое рифление (II/2, 31, 45, 49), на четырех по ангобу нанесено вертикальное лощение (I/36, II/11, 38 и 48, рис. 6, *6*), на одной нанесен пояс мелких ромбиков (рис. 6, *1*). Выделяются три типа: 1) 17 экземпляров (I/36; II/2, 4, 5, 6(2), 10, 11(3), 12, 16, 19(2), 31, 33, 45) имеют почти прямые стенки, слегка скошенные ко дну (рис. 6, *6*) [1, рис. 4, *14—16*]; 2) 7 экземпляров (I/4, 27, 36; II/14, 38, 42, 49) с широко развернутыми краями, стенки плавно скошены ко дну (рис. 6, *1*); вариантами 1-го и 2-го типов являются три миски с чуть отогнутым краем (II/11, 59, рис. 6, *3, 4*); 3) 4 экземпляра с отогнутым краем и выпуклыми плечиками (тип I, в 4 [5, с. 118]) — I/48, II/34, 35, 115 (рис. 6, *5* [1, рис. 4, *17, 19*]).

Миниатюрные сосудики повторяют форму горшков без орнамента, часть из них покрыта красным ангобом. Высота 4,5 см, диаметр устья 3—5, доньев 3—7 см (рис. 6, *7, 9, 11* [1, рис. 4, *20—25*]).

Бытовая утварь и предметы туалета. Ножи железные, 18 экземпляров. Основная часть — небольшие, длиной 7—12 см, шириной 1,5—2 см, черенок посередине покатых или прямых плечиков (рис. 7, *17, 18, 20*). Один маленький, с горбатой спинкой (рис. 8, *17*). Более крупные ножи, длиной до 15—20 см, шириной 2—3 см, из трех мужских погребений могли служить оружием (рис. 8, *14, 15*). На черенке, а иногда и на полотне видны следы дерева от деревянных рукоятей или ножен. Имеется и небольшая железная «пилка» (рис. 7, *19*). Оселок плоский, изношенный, с отверстием (рис. 8, *19*). Пряслица (14 экземпляров) глиняные, почти все биконические, с кольцевыми нарезками на одной поло-

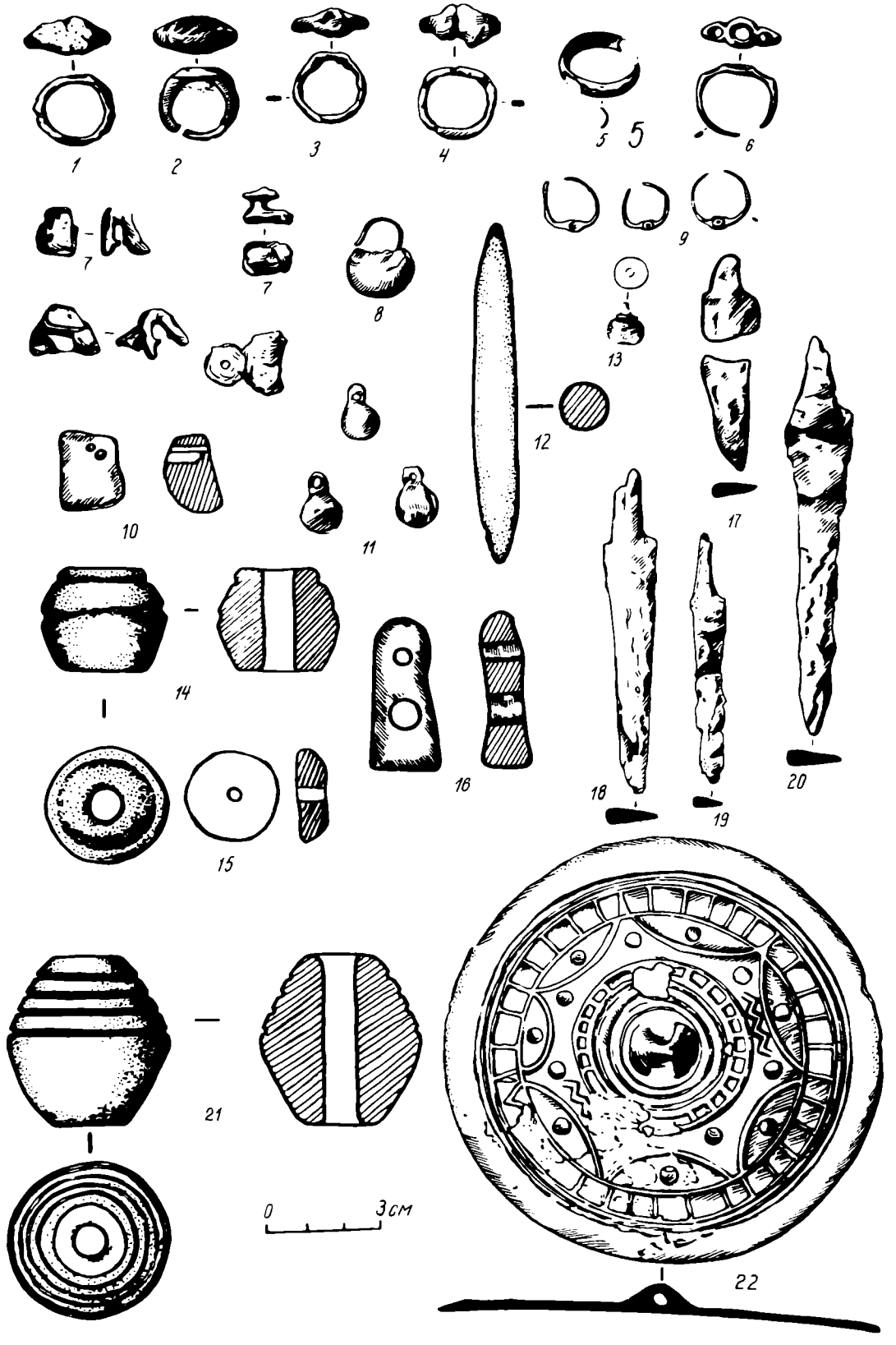


Рис. 7 Инвентарь женских погребений. *1, 18* — кург 2; *2, 9* — кург 38; *3* — кург 19; *4, 5, 19* — кург 21, *6, 11, 12, 16, 20* — кург 6; *7, 13, 22* — кург 7; *8* — кург 15; *10, 15* — кург 42; *14, 17, 21* — кург. 16 (*1—4, 7 17—20* — железо; *5, 6, 8, 9, 11, 22* — бронза; *10, 12, 15, 16* — камень; *13* — стекло, железо; *14, 21* — глина)

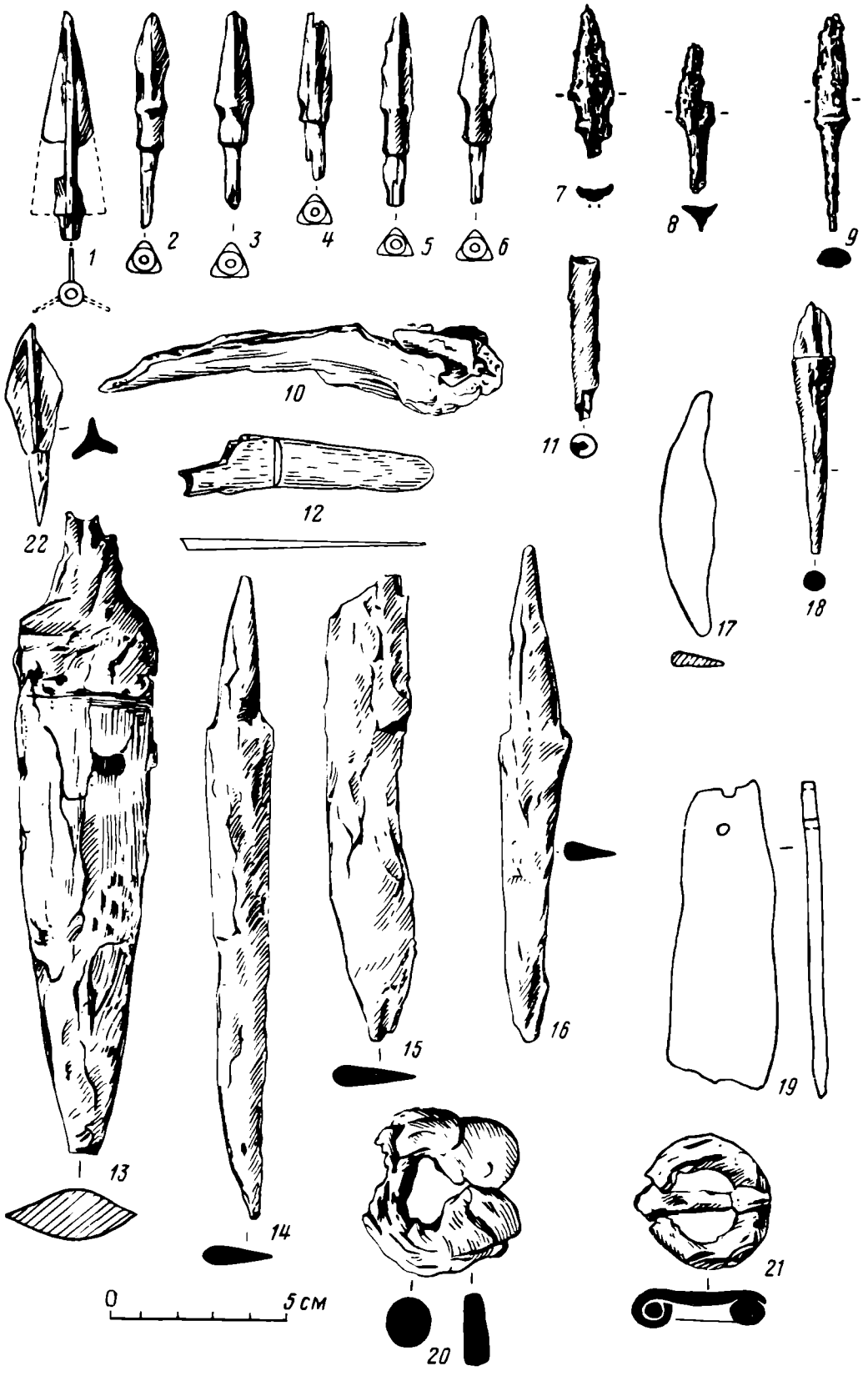


Рис. 8. Инвентарь мужских погребений. *1—6, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 18, 20* — кург 28; *7* — кург 30; *10, 11* — кург 49; *16* — кург 5; *17* — кург 17; *19, 21* — кург 29; (*1—9, 13—17, 20—22* — железо; *10, 11* — кость, железо; *12* — кость, *18* — железо, дерево; *19* — камень)

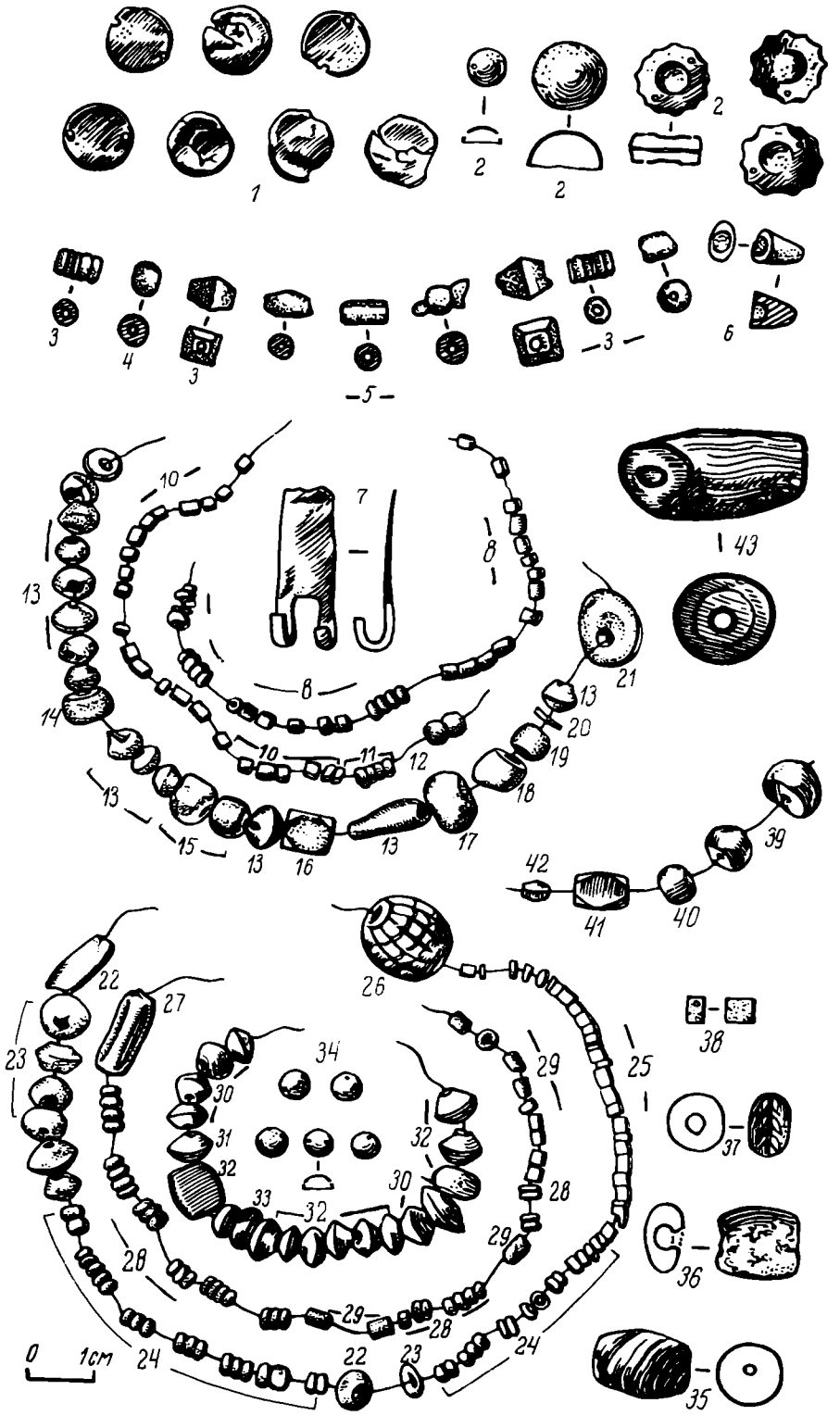


Рис. 9. Украшения из женских погребений. *1* — кург 42; *2, 39—42* — кург. 15; *3—6* — кург. 10; *7—33* — кург. 23; *34* — кург 2; *35—38* — кург 7; *43* — кург 6 (*1, 2, 7, 34* — бронза; *3* — стекло светлое; *4, 14, 18, 33* — стекло синее; *5, 12, 13, 23—27, 30* — стекло зеленое; *6* — мел; *8, 10, 20, 25, 29* — дерево; *9, 11, 17, 22, 24, 28, 31* — стекло желтое; *15* — стекло коричневое; *19* — стекло синее с белым; *21* — камень белый; *26* — стекло голубое; *32* — стекло коричнево-желтое; *35* — агат; *36* — янтарь; *37* — стекло серо-желтое с черным и белым; *38* — пирит; *39* — сердолик; *40* — стекло зеленое; *16, 41* — гагат (?); *42* — стекло желтое; *43* — кость)

вине (рис. 7, *14* и *21*), покрыты красным ангобом, из семи погребений (I/27(4), 59(2); II/16, 38, 42, 115(2); III/21(3). Сурьматаши (5 экземпляров) веретенообразные, длиной 7—11 см, один — с отверстием (I/4, 27(2), II/6, III/21), иногда с кусочками графита, в котором протерт желобок (рис. 7, *12*) [1, рис. 5, *15, 16*]). Зеркало одно, бронзовое, дисковидное, с утолщенным ободком по краю, полусферической ручкой в центре и рельефным орнаментом (рис. 7, *22*). Ухоковертка бронзовая, с ложечкой на конце и витым стержнем [6, рис. 6, *9*].

Женские украшения и остатки тканей. Эти находки наряду с пряжками из мужских погребений — единственное, что позволяет в некоторой степени судить о принадлежностях костюма погребенных. Бляшки от головных повязок или головного убора были полусферические, диаметром 4—5 см (рис. 9, *34*), полусферические большего диаметра в сочетании с бляшками с волнистыми краями и углублением в центре (рис. 9, *2*) и двойные, из плоских кружочков (рис. 9, *1*). Серьги — несколько типов, все бронзовые: колечко с несомкнутыми краями (II/2 и I/27); бобовидные (II/6 и 14, рис. 7, *8*); в виде пластинки с гравированным изображением животного (?), прикрепленные к дужке (II/7 [6, рис. 6, *16*]); несомкнутые колечки с расширением в центре и точечным углублением в нем (II/14, 38, рис. 7, *9*), возможно, к ним тоже крепились пластинки, как в кургане II/7; несомкнутое кольцо с полой пирамидкой (II/21 [6, рис. 6, *14*; 7, табл. XLI, *31*]). Бусина, сделанная в технике микромозаики, с железным штырем в ней, возможно, тоже была частью серьги (рис. 7, *13*).

В кургане II/2 у погребенной было ожерелье (рис. 10, *14—32*), в центре которого находилась плоская крупная янтарная бусина, а в обе стороны от нее — агатовые, сердоликовые и стеклянные бусы, чередовавшиеся с бубенчиками. Кроме того, в это ожерелье входили еще 11 бусин: 10 стеклянных (рис. 10, *9—13*) и одна (рис. 10, *8*), возможно, из дерева (см. ниже). Найденное здесь же маленькое железное колечко, видимо, являлось застежкой (рис. 10, *7*). Нагрудные украшения с бубенчиками были в кургане II/6 (рис. 7, *11, 16*) и II/38 (ожерелье из стеклянных зеленых и голубых бус с сердоликовой шаровидной). В кургане II/7 нагрудное украшение двухчастное: на шее небольшая нитка из 13 бусин: полушаровидной из горного хрусталя, двух агатовых — цилиндрической и полушаровидной, семи стеклянных разной формы и цвета, в том числе одна в технике микромозаики (рис. 9, *37*), прямоугольной пиритовой (рис. 9, *38*), плоской янтарной (рис. 9, *36*), подвески из голубого фаянса (?) в виде руки, сжатой в кулак, и бубенчика [6, рис. 6, *22, 25*] Вторая нитка состояла из семи неправильной формы подвесок (нефрит, сланец, боксит, окаменелая раковина) [6, рис. 2, *22, 25*] Возможно, к нагрудному украшению или к одежде относились и пять железных застежек на левом плече (рис. 7, *7*). В трех погребениях в составе ожерелий было по одной китайской монете у-шу. В кургане II/15 на шее и на груди лежали стеклянные, деревянная и сердоликовые бусы, бисер и монета (рис. 9, *39—42*). В кургане III/23 стеклянные и деревянные бусы лежали кучками у шеи, головы, на груди и правом плече (рис. 9, *8—29*). На груди лежали монета с остатками ниток в отверстии, фрагменты костяных бусин и бронзовая подвеска с загнутыми концами (рис. 9, *7*). В кургане II/19 кучка стеклянных бус (биконические, цилиндрические, синего и зеленого цветов) лежали вместе с монетой под перевернутой миской («запасной гарнитур»?). В курганах II/10 (рис. 9, *3—6*), II/14 (рис. 10, *1—4*), III/21, I/27, II/42 и 118 на погребенных были ожерелья из стеклянных бус шаровидной, биконической, цилиндрической форм, синего, зеленого, светло-желтого цветов, иногда с орнаментом (III/21), в сочетании с подвесками из местных пород камня (рис. 7, *10, 15*), раковинами каури (I/27 [1, рис. 5, *14*]), сердоликовой бусиной (II/34).

Браслеты из бус, почти все из стеклянных,— разной формы и цвета (рис. 9, *30—33*). В кургане II/2 в составе одного из браслетов было две сердоликовых бусины с травленым белым узором: овальная, с восьмеркообразным узором и полушаровидная, с зигзагообразной линией [6, рис. 6, *23*; 7, табл. XLII] В кургане I/27 на шее одной погребенной было ожерелье из бисера и трех рако-

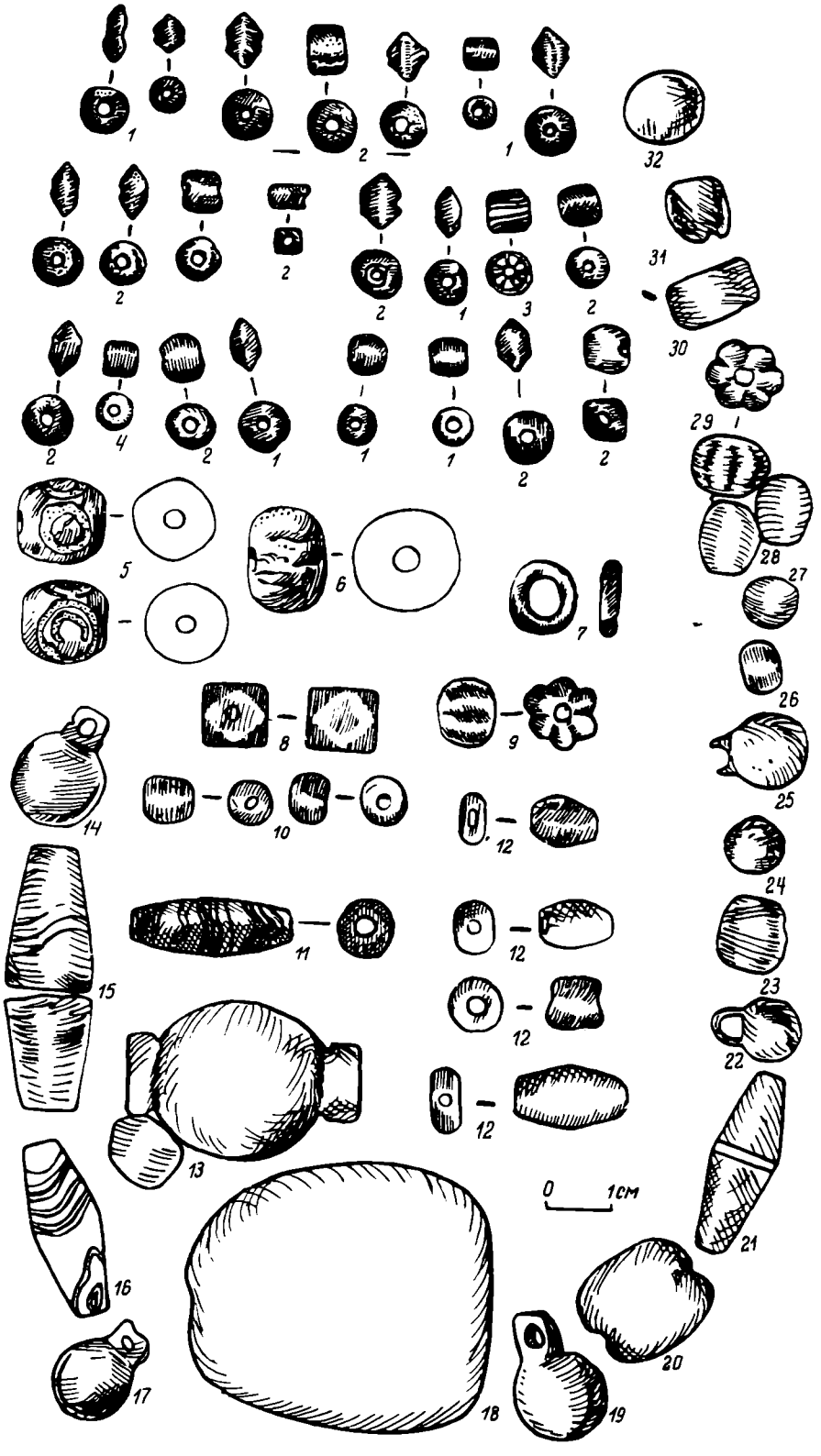


Рис. 10. Украшения из женских погребений. *1—4* — кург 14; *5, 6* — кург 21; *7—32* — кург. 2; *1, 10* — стекло синее; *2* — стекло зеленое; *3* — стекло зеленое с белым; *4, 12, 13* — стекло желтое; *5, 6* — стекло желто-зеленое с углубленным орнаментом; *7* — железо; *8* — стекло (дерево?) черное; *9, 29* — стекло голубое; *11* — стекло многоцветное; *14, 17, 19, 22, 25* — бронза; *15, 16, 21* — агат; *18, 20* — янтарь; *23* — стекло многоцветное; *24, 32* — сердолик; *26—31* — стекло

вин каури, а у другой на локте и запястье левой руки — браслеты из такого же бисера, с тремя раковинами в каждом [1, рис. 5, *13*]. Всего в Хангизе I найдено примерно 730 бусин, из них 614 (83%) стеклянных, 74 деревянных (10%) [3], 31 (4,6%) каменная, 10 из раковин и 2 костяные. В стеклянных преобладает бисер (410—66%), на втором месте шаровидные — 108 (17%), далее — биконические — 43 (12%), боченковидные — 27 (4%), в том числе с инкрустацией, а также в небольших количествах — катушковидные, биконусовидные, цилиндрические, прямоугольные, реберчатые и пр. Из каменных 8 сердоликовых (6 шаровидных и 2 плоских инкрустированных), 2 пиритовых, 4 агатовых, 3 янтарных, 1 из горного хрусталя, 13 из местных пород камня.

Кольца железные и бронзовые, пластинчатые (II/21 (2), I/27 (6) — рис. 7, *5*). Перстни железные, с овальными щитками (II/2 (2), 6, 15, 16, 19, III/23, II/38 — рис. 7, *1—4*), бронзовые двух типов: перстень-печатка с гравированным изображением «жертвенника» в курганах III/23 [8, рис. 1] и I/27 (причем в кургане 27 был еще один такой же перстень, но затем переделанный [1, рис. 5, *12*]) или летящей птицы в овале из точек (курган II/6 [8, рис. 8]); с ажурным щитком (рис. 7, *6*).

Остатки тканей сохранились помимо краев головного убора, указанного выше, на оплывшем железном предмете с мелкими стеклянными бусинами, лежавшем на груди погребенной в кургане II/15. Ткань шерстяная (определение научного сотрудника Эрмитажа Е. А. Миколайчук), полотняного переплетения, уток толще основы, плотность 15×12, Z-крутка. Отпечатки ткани имеются также на перстне из кургана III/21. Остатки ткани на перстнях уже встречались в других могильниках, что свидетельствует либо о длинных рукавах одежды, скрывавших кисти рук, либо о погребальном покрывале.

Пряжки в мужских погребениях — железные бесщитковые, округло-рамчатые (рис. 8, *21*) и прямоугольно-рамчатые (II/5), две со слегка прогнутым язычком и одна — в виде кольца с расплющенными концами (рис. 8, *20*). Шило с костяной округлой рукояткой и остатками железа (рис. 8, *18*).

Предметы вооружения. Железные наконечники стрел (13 экземпляров), найденные в пяти могилах, относятся к пяти типам: 1) трехперые, с небольшим прямым или скошенным основанием, длиной головки 2,5 см (рис. 8, *7, 8, 10*); 2) трехперая, с намечающимся изломом грани посередине, длина головки 3,7 см (рис. 8, *22*); 3) трехперая, с прямым основанием, крупная, длина головки 5 см (рис. 8, *1*); 4) трехгранные с упором (рис. 8, *2—6*); 5) пулевидная (рис. 8, *9*). Костяные накладки на лук — срединные, шириной 3 см, длиной 39,5 см, узкие, со срезанными концами, длиной 14,2 см, шириной 0,8 см (II/39 [1, рис. 5, 18]), и обломок концевой (рис. 8, *12*). Железные крючки — 2 экземпляра (II/29 и I/39). На одном сохранились остатки ремешка, завязанного узлом [1, рис. 5, 18*а*] Кинжал, на котором сохранились остатки деревянных ножен, поверх которых находилась железная обойма для крепления (рис. 8, *13*).

Могильник раскопан на 1/3, причем в самой большой I группе раскопано только девять курганов. Следовательно, судить в целом о датировке памятника нельзя, можно датировать только исследованные курганы. Самые ранние — два кургана.

1. II/26 — под распаханной насыпью была кольцевая выкладка из булыжников, в центре которой находилась грунтовая могила, вытянутая в направлении запад — восток, с мелкими остатками костей погребенного; на юго-западном краю могилы стояла лепная полусферическая миска с отпечатками ткани от матерчатого шаблона внутри. 2. I/37 — под малозаметной насыпью из камней и земли две выкладки из камня. В одной из них скелет взрослого человека головой на юго-запад, в другой — остатки костей. Инвентаря нет. Оба кургана относятся к эйлатано-актамской культуре Ферганы VI—III вв. до н. э. [9, с. 97—98, рис. 1, *2*; 2, *6*].

Для датировки основной массы курганов можно использовать керамику, наконечники стрел, пряжки, некоторые украшения, в небольшой степени —

монеты. Керамика относится к среднему этапу кугайско-карабулакской культуры Ферганы, к I—IV вв. н. э. [6, с. 40]. Высокий процент орнаментированной посуды (25%) известен на поселениях Куюк-тепе (слой I [4, с. 126]) и, видимо, Тудаи-Калон (Ашт III [10, с. 9—12]). Оба слоя относятся к этому времени. Однако ассортимент орнаментированной посуды поселений значительно разнообразнее, что объясняется скорее всего ограниченностью погребального набора (так, например, баночные сосуды, широко представленные в указанных поселениях, в могильниках вообще встречаются редко). Сосуд с выступами-рожками аналогичен сосуду, найденному в слое Беграм II в Афганистане (II—III вв.) [11, табл. XLI, B, g, *465*] Наконечник стрелы, найденный вместе с орнаментированной посудой (рис. 8, *22*), занимает как бы промежуточное положение между наконечниками лавролистной формы и наконечниками с ромбическим очертанием пера. Последние датируются временем не ранее IV в. н. э. [12, с. 36]; следовательно, наш, может быть,— несколько раньше, как и трехперые и пулевидные [12, с. 33—35] Исключением является крупный трехперый наконечник, найденный вместе с трехгранными с упором, датируемыми временем не ранее IV в. и позднее [7, с. 167; 12, с. 35—36]. Почти все наконечники стрел происходят из курганов третьей группы, где керамика представлена только одним целым (III/24) и фрагментами кувшинов в других курганах, а обломков орнаментированных сосудов нет. В этой же группе найдена железная пряжка (рис. 8, *21*), которая по типу язычка может относиться к III—IV вв. Таким образом, третья группа скорее всего может относиться к IV в. (началу?). Для датировки второй группы могут быть учтены и еще некоторые находки. К III—IV вв. относятся бронзовые перстни-печатки [8]. В то же время среди находок имеются и более архаичные вещи. Бусы в технике микромозаики наибольшее распространение получают в I в. н. э. [13]. Сердоликовые бусы с орнаментом, в том числе восьмерковидные, ближайшие аналогии имеют в сакских могильниках Памира, но могут существовать и позднее, вплоть до VII в. [14, с. 81, табл. 27, 28, *7*] Зеркало представляет собой образец подражания двум типам китайских зеркал: типу «g [11]» III в. до н. э., по классификации Калгрена [15, табл. 67], и, судя по зигзагообразным линиям, которыми, видимо, пытались передать надпись, а также по неудачно сделанной семи- (а не восьми-)-угольной фигуре — типу «ming-kuang» I в. до н. э. — II в. н. э. [16, с. 30—31]. Подражание китайским зеркалам, скорее всего, появилось в III в. н. э. [7, с. 171]. Выпуск монет датируется временем западно-ханьского императора Сюань-ди (73—47 гг. до н. э. — II/5); 14 г. н. э. (узурпатор Ван Ман) — II/19 и предположительно рубежом новой эры — III/23 [4], т. е. время их чеканки охватывает узкий период I в. до н. э. — I в. н. э. При этом в курганах II/15 и 19 в комплексе с ними были и одинаковые орнаментированные горшки. Все монеты — плохой сохранности, что может быть отнесено за счет длительного употребления, использования в качестве украшений, за счет длительного нахождения в земле. В целом диапазон находок во II группе I—III вв. н. э. Учитывая, однако, сходство украшений во II и III группах, можно высказать предположение, что погребения II и III групп совершены в III—IV вв. Даже если допустить, что в первой группе могли быть и несколько более ранние погребения, то вряд ли в целом дату могильника можно отодвинуть далее чем на конец II в.

Подкурганные погребения в катакомбах и подбоях в Фергане (и — шире — в Средней Азии) неоднократно рассматривались исследователями [7, с. 8, 9; 17, с. 60—70]. Принято относить их к кладбищам скотоводческого населения в противоположность бескурганным некрополям земледельцев [18, 19] наряду с погребениями в мелких грунтовых могилах с бедным инвентарем [7, с. 180] или погребениями, случайно открытыми во время земляных работ. При анализе различного типа катакомб Ю. А. Заднепровским был выделен «хангизский» тип

---

[4] Все определения монет сделаны старшим научным сотрудником Эрмитажа Н. В. Ивочкиной. В моей статье одна из монет ошибочно отнесена к 118 г. до н. э. [6, с. 40]

[20, с. 167; 21], отличающийся от кенкольского с его глубокими и длинными многоступенчатыми дромосами (до 6 м длиной) [21; 22; 23; с. 204—205; 24, с. 163—178; 25, с. 202—205] Исследования Г А. Брыкиной в могильнике Кайрагач позволили ей высказать предположение о том, что «кенкольские» катакомбы несколько более ранние, чем типа «хангизских», а в целом могильник оставлен оседлыми жителями данного района [26] Не исключено, что «хангизские» катакомбы можно рассматривать как трансформацию «кенкольских», распространенных преимущественно в скотоводческих районах. Может быть, здесь соединились две погребальные традиции: одна, по которой покойника надо запрятать поглубже и прочнее «запереть» могилу, и другая, по которой умершего погребали в неглубоких, открытых грунтовых могилах, что и привело к появлению полуоткрытых, неглубоких хангизских катакомб. В этой связи следует отметить, что ассортимент глиняной посуды Хангиза I отличается от ассортимента посуды в других, подобных ферганских могильниках абсолютным преобладанием круговой керамики, значительно бóльшим числом орнаментированных горшков и большим количеством мисок. Определенный интерес представляют форма орнаментированных сосудов (только горшки) и орнамент. Треугольники — традиционный женский символ [27, с. 292], зигзагообразные линии (вода? змеи?), изображения птиц и растений, спирали (солнце?) связаны прежде всего с идеей плодородия [28; 29, с. 253; 30, с. 101—108]. При этом нахождение орнаментированных сосудов в женских погребениях, что характерно, как удалось проследить, также для Карабулакского и Исфаринских могильников, позволяет высказать предположение о том, что эти сосуды могли быть связаны с молочным хозяйством, которым, судя по данным этнографии, занимались женщины [31, с. 3, 4]. Определенное назначение этих сосудов остается неясным (маслобойки? подойники? [30, с. 66, с. 262, рис. 78, *5, 6*]). К молочному хозяйству относится, видимо, и сосуд с выступами и отверстиями, найденный вместе с орнаментированной посудой в явно женском погребении II/38. По свидетельству Р. Гиршмана, местные рабочие в Афганистане говорили, что такие сосуды служили для сбивания масла [11,с. 57]. Наибольшее сходство в ассортименте посуды и стиле ее орнаментации находим в могильнике Кош-тепе, в 20 км севернее Хангиза I, где, правда, погребенные лежали в грунтовых могилах [32, с. 41—57], а остальной инвентарь был значительно беднее. Население, оставившее оба могильника, явно получало посуду из одного источника. Таким могло быть, например, поселение Киткон-тепе, керамика из которого аналогична керамике обоих могильников (форма мисок, венчики сосудов, орнамент на сосудах, есть даже изображение птицы) [5], т. е. в этом районе определенно имелись свои особенности в керамическом производстве как в одном из гончарных центров Ферганы [6, с. 41—43] При этом явно «земледельческий» ассортимент посуды сочетается с довольно разнообразным инвентарем, более характерным для погребений скотоводов.

Можно высказать предположение о том, что здесь погребено оседлое население, в хозяйстве которого скотоводство (отгонное?) играло значительную роль. Не исключено, что некогда оно было пришлым, но уже в достаточной степени смешалось с местным населением. Это нашло отражение и в некотором изменении устройства погребальных камер, и в ряде общих черт материальной культуры. Как могильники, так и поселения принадлежали здесь жителям Алтыарыксайского ирригационного района — одного из округов древней Ферганы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З.* Могильник Хангиз // Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук. 1957 Вып. 14.
2. *Горбунова Н. Г Шигин А. Е.* Могильники и крепость у Хангиза // АО—1978. М., 1979.

[5] Раскопки Г П. Иванова, которому приношу благодарность за разрешение использовать материал.

3. *Ходжайов Т. К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980.
4. *Горбунова Н. Г* Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // Тр. ГЭ. 1979. Т. XX.
5. *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
6. *Горбунова Н. Г* Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3.
7 *Gorbunova N. G.* The Culture of Ancient Ferghana VI Century B. C.—VI Century A. D. // BAR. Intern. Ser. 1986. 281.
8. *Горбунова Н. Г* Об одной группе ферганских перстней // СГЭ. 1983. № 48.
9. *Горбунова Н. Г* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. 1962. Вып. 5.
10. *Салтовская Е. Д.* Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе: Ин-т истории АН ТаджССР, 1971.
11. *Ghirshman R.* Bégram recheraches archeologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire // MDAFA. 1946. T. XII.
12. *Брыкина Г А., Горбунова Н. Г* Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1981.
13. *Алексеева Е. И.* Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э. — II в. н. э. // СА. 1971. № 4.
14. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972.
15. *Kalgren B.* Huai and Han // BMFEA. 1941. № 13.
16. *Bulling A.* The Decorations of Mirrors the Han Period. Switzerland, 1960.
17 *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
18. *Заднепровский Ю. А.* Некрополь городища Темир-Коруг // УСА. 1979. Вып. 4.
19. *Горбунова Н. Г* Зортепинский могильник в Фергане // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986.
20. *Горбунова Н. Г* О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тыс. н. э. // АСГЭ. 1984. Вып. 22.
21. *Заднепровский Ю. А.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э. — VI в. н. э.) // Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
22. *Кожомбердыев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
23. *Максимова А. Г., Мерщиев М. В., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968.
24. *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тыс. н. э. М.: Наука, 1971.
25. *Обельченко О. В.* Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1974.
26. *Брыкина Г. А.* Могильник Кайрагач в Южной Киргизии // КСИА. 1982. Вып. 170.
27. *Борозна Н. Г* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
28. *Григорьев Г В.* Тус-Тупи // Искусство. 1937. № 1.
29. *Беленицкий А. М., Мешкерис В. А.* Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. 1986. № 3.
30. *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ. 1959. Т. 42.
31. *Пещерева Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Ташкент, 1927.
32. *Жуков В. Д.* Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // Тр. ИИА АН УзССР. 1951. Т. 4.

N. G. GORBUNOVA

KHANGIZ I, A BURIAL GROUND IN FERGHANA

Summary

The author publishes the materials from a curgan burial one-third of which she excavated herself in 1953, 1977 and 1978. Single and rare double burials were found under the mound. They were made mainly in catacombs with short dromoses or in shafts. Pit burials were rare. Sometimes burials contained bones of small cattle (forelegs). Grave goods consisted of wheeled pottery (jars, bowls, ornamented and plain pots and miniature vessels), objects of everyday use (whorls, stone cosmetic sticks, knives, mirrors, etc.), female ornaments (earrings, rings, signet rings, breast bead ornaments, pendants), buckles, weapons (arrowheads, bow plates, daggers and large knives). The burial is dated to the 3rd-4th centuries. A. D. It was formed by settled cattlebreeders from the south of Ferghana.

В. Д. ГОПАК, В. Е. РАДЗИЕВСКАЯ

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО КОЛОМАКСКОГО ГОРОДИЩА В VI—III ВВ. ДО Н. Э.

Для характеристики всех сторон жизни и деятельности племен раннего железного века важную роль играет изучение ранних этапов развития железообрабатывающего ремесла, так как широкое внедрение железных и стальных изделий в различные отрасли хозяйства и военного дела во многом определяло уровень их развития. Это обусловливает и то внимание, которое уделяется истории железообработки, и те значительные результаты, которые достигнуты при изучении кузнечного дела и металлургии лесостепной и степной Скифии [1—6]

Вместе с тем наряду с разработкой общих вопросов металлообработки раннего железного века большое значение здесь приобретает исследование комплексов железных предметов, принадлежащих отдельным центрам, которыми являлись лесостепные городища скифского времени. Изучение их позволяет не только углубить наши представления о проблеме в целом, но и выявить ряд локальных особенностей местного железообрабатывающего ремесла.

С этой целью нами подвергнут исследованию комплекс железных вещей, найденных в процессе раскопок городища, расположенного у пос. Коломак Валковского района Харьковской обл. Краткие сведения о городище публиковались неоднократно [7, с. 256, 257; 8, с. 98; 9, с. 78, 79] Начиная с 1976 г. здесь проводятся систематические раскопки [10—15]

Городище располагается на пологом мысу правого берега р. Коломак (левый приток Ворсклы), в урочище Лозовый Яр. Оно состоит из главного двора площадью 5,4 га и прилегающего к нему с напольной стороны предградья площадью 8 га. В древности все городище было обнесено мощной линией валов с деревянными конструкциями и рвов протяженностью 1750 м. У входа с напольной стороны существовала дополнительная ограда.

Еще недавно высота оборонительных сооружений от дна рва до вершины вала достигала 5—6 м, однако в последние годы при выравнивании полей оборонительные сооружения были срыты и в настоящее время с напольной стороны едва заметны.

За время раскопок городища здесь вскрыта площадь более 3,5 тыс. м^2 Обнаружены остатки жилищ и хозяйственных сооружений, зерновых ям, колодца и пр. Одновременно собран разнообразный вещественный материал. По характеру лепной керамики и другим признакам Коломакское городище оказалось близким культуре восточного укрепления Бельского городища и поселений скифского времени в бассейне Северского Донца. Очевидно, оно являлось одним из заметных хозяйственных и торговых центров на территории лесостепи, у водораздела бассейнов Ворсклы и Северского Донца.

Обломки античной керамики [1], втульчатые наконечники стрел и прочие датируемые материалы позволяют ограничить время существования городища второй половиной VI — рубежом IV—III вв. до н. э.

---

[1] Определение античной керамики произведено И. Б. Брашинским, которому авторы выражают свою благодарность.

© В. Д. Гопак, В. Е. Радзиевская, 1990 г.

В процессе раскопок городища найдено свыше 150 железных предметов, в том числе большое количество ножей, шилья, иглы, серпы, уникальные деревообрабатывающие и слесарные инструменты, лучковые сверла, наконечники копий и дротиков, втульчатые трехлопастные и двухлопастные наконечники стрел, другие предметы вооружения, а также булавки, браслеты, пряжки и пр. К сожалению, предварительное изучение показало, что далеко не все они пригодны для проведения металлографических анализов, так как некоторые из них, в особенности такие мелкие изделия, как чешуйки панцирей и наконечники стрел, оказались полностью окислившимися.

В работе использованы результаты исследований 76 железных предметов широкого ассортимента: орудия труда — 28 ножей, 9 шильев, швейная игла, игла для плетения, 6 серпов, 2 плоских тесла, скобель, фрагменты лучкого сверла и пилы, проушный топор, 2 небольших слесарных зубильца, пробойник; предметы вооружения — наконечник копья, 2 наконечника дротиков или легких копий, вток, боевой нож, портупейный крючок; украшения и предметы бытового обихода — 7 булавок, 2 целых и 1 фрагментированный железный браслет, 3 пряжки, а также 2 железных фрагмента и 1 предмет неустановленного назначения (рис. 1—4).

В их числе точно датируется нож (рис. 1, *1183*), найденный в закрытом комплексе ямы 31 вместе с обломком амфоры V в. до н. э. В пределах IV — начала III в. до н. э. датируются подпружная пряжка с крючком (рис. 4, *1487*) и сюльгама (рис. 4, *1489*), происходящие из ямы 23, в которой были найдены также колчанный набор из 41 наконечника стрел и верхняя часть амфоры этого же времени [11, с. 377]. Большинство прочих находок стратиграфически может быть ддатировано V—IV вв. до н. э., т. е. периодом расцвета жизни на городище. По данным стратиграфии, наиболее ранним предметом может являться шило (рис. 2, *1181* [а]), найденное в нижнем слое, относящемся ко второй половине VI в. до н. э. Изделия, найденные в поверхностном, сильно перепаханном слое, могут быть датированы лишь в общих пределах существования городища, т. е. VI—III вв. до н. э. Изучено также звено витых удил, найденное на расположенном вблизи городища и, несомненно, связанном с ним селище скифского времени Лозовое I. Типологически предмет относится к уздечным наборам IV—III вв. до н. э.

Исследованные ножи в соответствии с классификацией Б. А. Шрамко [16, с. 137—152; 17, с. 35, табл. 5, 6] типологически расчленяются на несколько групп, подгрупп, типов, подтипов и вариантов. К первой, наиболее многочисленной группе принадлежат черенковые ножи. Среди них наиболее простыми и распространенными являются ножи I типа, для которых характерна дугообразно изогнутая спинка, переходящая в черенок без верхнего уступа. Со стороны лезвия черенок обычно отделен от лезвия закругленным уступом. При этом линия режущей кромки характерным признаком не является, так как форма ее изменяется в процессе стачивания лезвия при его эксплуатации. В нашей коллекции к I типу первой группы относятся 13 ножей (рис. 1, *1190, 1244, 1245, 1252, 1255, 1452—1456, 1464, 1472*), и, очевидно, сюда с некоторыми оговорками следует отнести нож (рис. 1, *1250*), черенок которого частично обломан. У одного из ножей (рис. 1, *1472*) вдоль спинки проковано одностороннее ребро жесткости, что позволяет отнести его ко 2-му варианту I типа. Длина полностью сохранившихся экземпляров — в пределах 112—134 мм, ширина лезвия 11—17 мм, толщина спинки 2,5—4,3 мм, вес 13—20 г. Длина черенков не превышает 37 мм.

Четыре ножа I типа оказались цельностальными, в том числе три экземпляра (рис. 1, *1245, 1453, 1455*) были изготовлены из среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода, содержание которого в различных зонах металла изменяется от 0,1% или следов до 0,5%. Четвертый нож (рис. 1, *1250*) откован из высокоуглеродистой стали. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода — 0,6—0,8%, микротвердость 206—254 кг/мм ^{2} Термической обработке ножи не подвергались. В трех случаях сталь прокована тща-

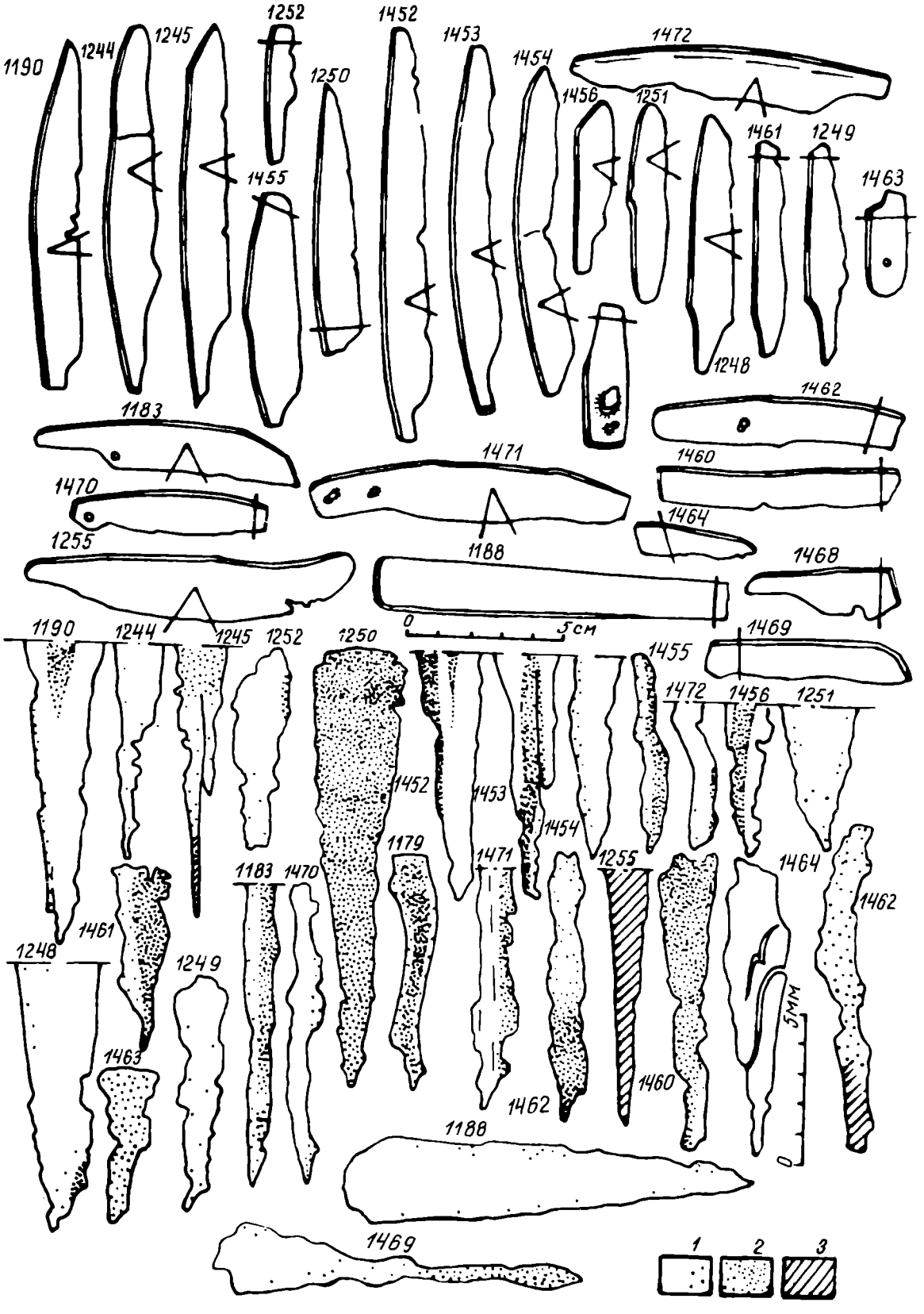


Рис. 1 Рисунки и технологические схемы изделий. Нумерация соответствует номерам анализов. *1* — железо; *2* — сталь без термической обработки; *3* — сталь, термически обработанная

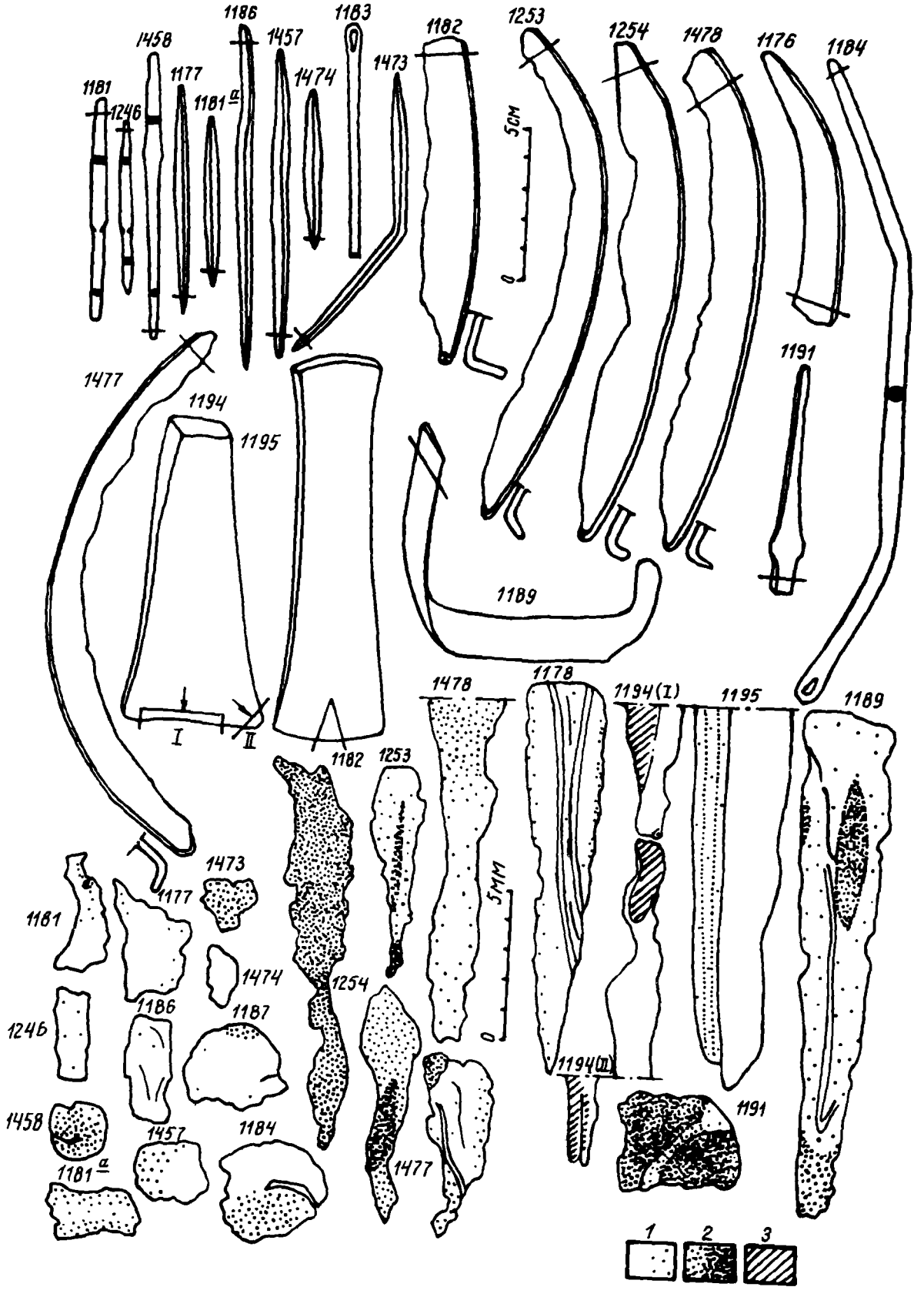


Рис. 2. Рисунки и технологические схемы изделий. Нумерация соответствует номерам анализов. *1* — железо; *2* — сталь без термической обработки; *3* — сталь, термически обработанная

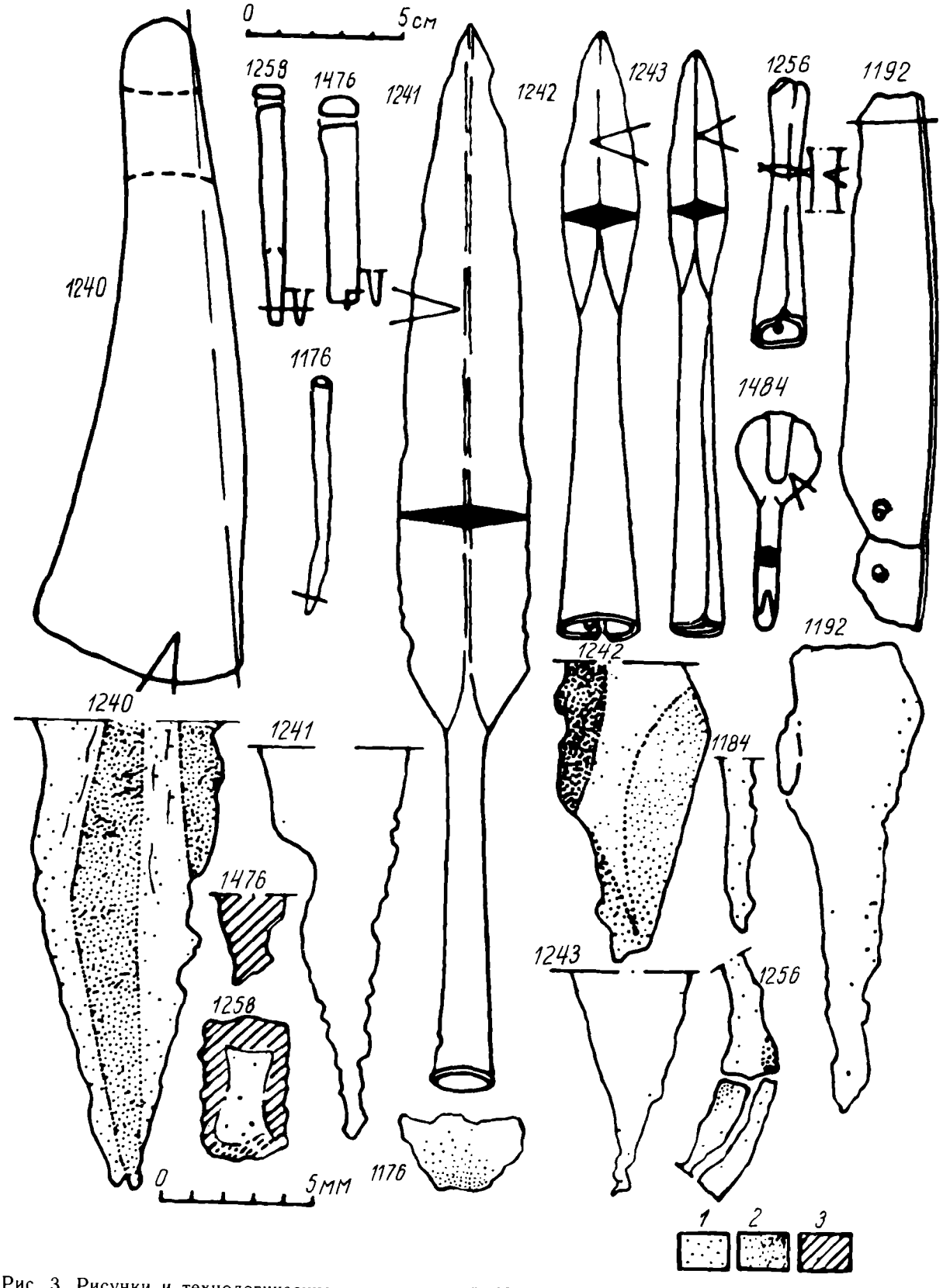


Рис. 3. Рисунки и технологические схемы изделий. Нумерация соответствует номерам анализов. *1* — железо; *2* — сталь без термической обработки; *3* — сталь, термически обработанная

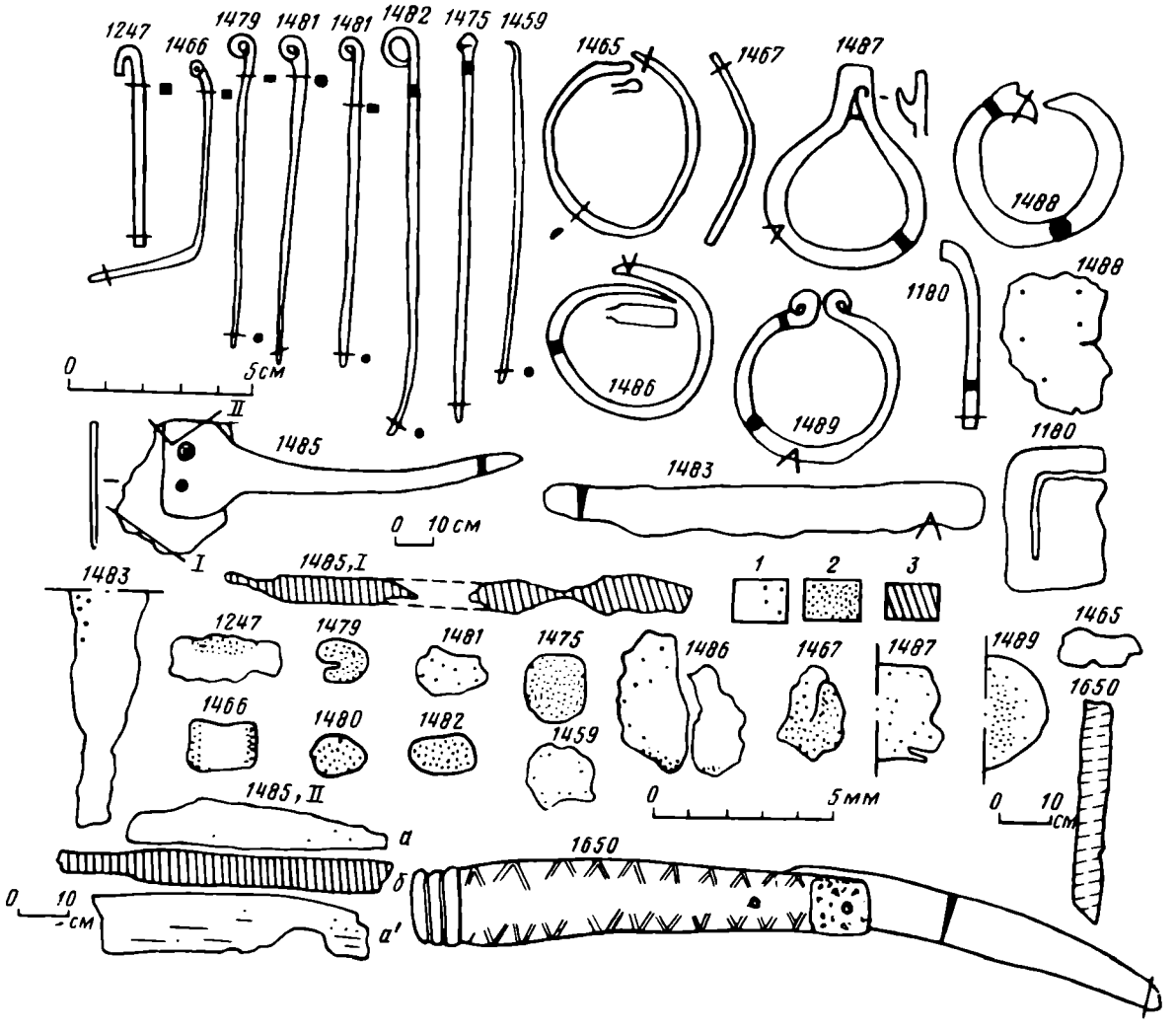


Рис. 4. Рисунки и технологические схемы изделий. Нумерация соответствует номерам анализов. *1* — железо; *2* — сталь без термической обработки; *3* — сталь, термически обработанная

тельно и шлаковых включений в ней почти не осталось; в одном (рис. 1, *1455*) металл прокован крайне слабо.

Пять ножей изготовлены из кричного железа (рис. 1, *1190, 1244, 1252, 1452, 1454*). У двух из них (рис. 1, *1190, 1252*) в металле много шлака, у остальных (рис. 1, *1244, 1454*) металл прокован значительно лучше. Микроструктура изделий — феррит, местами заметны участки случайного науглероживания. Микротвердость колеблется от 128 до 236 кг/мм^2

Своеобразным вариантом ножей I типа первой группы является небольшой нож (рис. 1, *1456*), у которого спинка, переходящая без уступа в короткий черенок, не обладает дугообразной формой, а передний конец скошен. Нож хорошо сохранился. Длина его — 57,5 мм, максимальная ширина лезвия — 13,2 мм, толщина спинки — 2,6 мм, длина черенка — 17,5 мм, вес — 3,9 г. Микроструктура центральной зоны поперечного сечения лезвия — феррит и перлит, содержание углерода — ~0,3%, структура боковых зон — феррит. Встречаются вытянутые частицы шлаковых включений, но полосы сварных швов нигде не прослеживаются. Видимо, при ковке произошло обезуглероживание боковых зон лезвия. Термической обработке нож не подвергался. Микротвердость шлифа колеблется в пределах 110—170 кг/мм^2

К особому, второму подтипу ножей I типа, не выделенных в типологии Б. А. Шрамко, относится редкий для Скифии специализированный нож с изогнутым вверх концом лезвия (рис. 1, *1255*). Длина его — 103 мм, ширина лезвия — 20 мм, толщина спинки — 2,8 мм, вес — около 13 г. Нож тщательно от-

кован из стальной среднеуглеродистой заготовки, подвергнут термической обработке. Прослеженная микроструктура сорбита закалки не исключает применение закалки в мягком охладителе. Микротвердость лезвия 297—383 кг/мм^2; остатков шлака в металле почти нет.

IV тип первой группы представлен четырьмя ножами с прямой или слегка изогнутой спинкой и черенком, отделенным от лезвия уступами как со стороны спинки, так и лезвия. Подобные изделия в Скифии редки, появляются не позднее конца IV — начала III в. до н. э. и получают более широкое распространение начиная с сарматской эпохи [16, с. 140]

Металлографический анализ позволил установить, что исследованные два ножа IV типа (рис. 1, *1248, 1249*) были откованы из грубого кричного железа с большим количеством остатков шлака в металле. Микроструктура — феррит, следы перлита, в одном случае (ан. 1248) у острия заметен участок местного поверхностного науглероживания. Средняя микротвердость в обоих случаях одинакова — 160 кг/мм^2 Третий нож (рис. 1, *1251*) изготовлен из тщательно прокованной пластины малоуглеродистой стали, близкой по качеству к кричному железу. Содержание углерода 0,1—0,2%. Микроструктура металла — феррит, мало перлита, микротвердость 206 кг/мм^2 Длина ножа — 67 мм, ширина лезвия — 12 мм, вес — 7,2 г. Четвертый нож (рис. 1, *1461*) цельностальной. Термической обработке он не подвергался. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода неравномерно и изменяется в различных зонах изделия от 0,5% до следов. Микротвердость 151—206 кг/мм^2 Толщина спинок ножей — 3—4 мм, ширина лезвия — в пределах 11—15 мм.

Ко второй группе относятся ножи с деревянной (подгруппа «А») или костяной (подгруппа «Б») рукоятью, крепящейся при помощи заклепок. В первой подгруппе наиболее примитивны ножи I переходного типа, у которых набитая на черенок деревянная, реже — костяная рукоятка крепится одной заклепкой. Это наиболее ранний тип, встречающийся еще в архаичных памятниках Скифии [16, с. 141]. Нами исследовано три ножа, причем, полностью сохранившийся экземпляр (рис. 1, *1183*) длиной 84 мм и весом 9,8 г относится к редкому варианту, так как отверстие для заклепки у него расположено не на черенке, а в начале лезвия. Он был изготовлен из хорошо прокованной среднеуглеродистой стали, без термической обработки. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода неравномерно и колеблется от 0,1 до 0,5%. Микротвердость 116—170 кг/мм^2 Второй нож (рис. 1, *1462*) также цельностальной, на черенке — остатки костяной рукоятки. Микроструктура металла — феррит и перлит, содержание углерода 0,3—0,5%. Третий экземпляр (рис. 1, *1470*) цельножелезный. Микроструктура — феррит, местами слабое поверхностное науглероживание. Средняя микротвердость — 193 кг/мм^2

Второй, весьма распространенный в Скифии тип ножей первой подгруппы второй группы с рукояткой, крепящейся двумя заклепками [16, с. 142, 143], представлен тремя экземплярами. К ним относятся нож длиной 110 мм и весом 15 г (рис. 1, *1471*), нож с обломанным лезвием (рис. 1, *1179*) и фрагмент черенка с двумя отверстиями для заклепки (рис. 1, *1463*). Все ножи оказались цельностальными, в том числе один (ан. 1471) был изготовлен из заготовки, подвергнутой односторонней цементации. Микроструктура лезвий ножей — феррит и перлит, микротвердость 128—254 кг/м^2 Следов термической обработки нет. Одновременно деформация зерен микроструктуры в зоне лезвия одного из них (рис. 1, *1179*) указывает на оттягивание режущей кромки вхолодную. Это может свидетельствовать о преднамеренном использовании наклепа для упрочения лезвия, тем более что микротвердость зоны острия здесь повышена до 236 кг/мм^2, в то время как на остальных участках она заметно ниже — 160—221 кг/мм^2

На Коломакском городище были распространены также ножи второй группы — с костяными или роговыми рукоятками. Однако в большинстве случаев эти рукояти на ножах не сохраняются, а встречаются без лезвий, в виде быв-

ших в употреблении образцов или заготовок. Поэтому особый интерес представляет хорошо сохранившийся нож с дугообразным лезвием, черенок которого закреплен двумя заклепками в пропиле цельной роговой рукоятки (рис. 4, *1650*). Форма ручки нехарактерна для Скифии. Она имеет овальное сечение и слегка изогнута вдоль длинной оси. Ее полированная поверхность покрыта односторонней геометрической резьбой — двумя рядами косых крестов, отделенных на тыльном конце тремя резными линиями. На другом конце рукоятки сохранились остатки двух отдельных, тонких, сильно коррозированных железных пластинок, служивших, видимо, украшением. Они прикреплены к черенку ножа вместе с роговой ручкой, одной заклепкой. Этот нож мы выделяем в особый, третий подтип II типа ножей второй подгруппы. Нож цельностальной. Лезвие изготовлено из хорошо прокованной среднеуглеродистой нормализованной стали (микроструктура — сорбитообразный перлит — сорбит закалки). Углерод распределен равномерно, инородных шлаковых включений мало. Микротвердость 236—274, средняя по шлифу — 254 кг/мм^2.

К третьей группе относятся ножи с металлическими ручками. В наших исследованиях они представлены двумя экземплярами I типа (рис. 1, *1183*; 4, *1483*). В этой группе подобные изделия относятся к наиболее простым и распространенным [16, с. 147]. В нашей коллекции они представлены образцами с хорошо сохранившимися ручками и обломанными лезвиями. В одном случае (рис. 4, *1483*) видно по обломку лезвия, что оно имело изогнутую спинку и сильно сработанный режущий край. Ножи изготовлены из слабо прокованного кричного железа с большим количеством шлаковых включений. Микроструктура металла — феррит, следы перлита, микротвердость 116—236 кг/мм^2

В числе четырех фрагментов ножей, типологическое определение которых невозможно, три экземпляра (рис. 1, *1460, 1468, 1469*) были изготовлены из среднеуглеродистой стали с содержанием углерода 0,3—0,4%. Один из них (ан. 1468) сохранил термическую обработку зоны режущей кромки на высоту 3—3,5 мм. Микроструктура термообработанной зоны — троостит отпуска, переходящий выше в феррито-перлитную структуру. Заготовка прокована некачественно, в металле много включений шлаков. Четвертый нож (рис. 1, *1464*) — цельножелезный.

Исследованные шилья конструктивно расчленяются на две типологические группы. К первой относятся три экземпляра с округлой в сечении рабочей частью и четерыхгранным черенком (рис. 2, *1181, 1256, 1458*). Максимальный диаметр острия во всех случаях ~4 мм, но длина шильев различна. Наиболее крупное из них даже с обломанным концом острия достигает длины 94,4 мм, наиболее короткое, хорошо сохранившееся — 61 мм.

Вторая типологическая группа представлена шестью шильями, имеющими четырехгранные в сечении лезвие и черенок (рис. 2, *1177, 1181а, 1186, 1457, 1474*). Длина их находится в пределах 115—54 мм.

Пять шильев (рис. 2, *1177, 1181, 1186, 1246, 1474*) были откованы из кричного железа. Микроструктура — феррит, иногда следы перлита, микротвердость 105—206 кг/мм^2 Два экземпляра (рис. 2, *1458, 1473*) цельностальные. Микроструктура — феррит и перлит, содержание углерода 0,3—0,6%, микротвердость 181 и 254 кг/мм^2 Высокая микротвердость образца 1473 объясняется тем, что его металл (сталь с содержанием углерода 0,5—0,6%) был нормализован в результате быстрого охлаждения откованного изделия. Термической обработке они не подвергались. Два шила изготовлены из малоуглеродистой стали с содержанием углерода ~0,2%, близкой по качеству к кричному железу (рис. 2, *1181а, 1457*).

Крупная швейная игла с обломанным концом острия и хорошо сохранившимся ушком (рис. 2, *1187*) оказалась цельножелезной. Микроструктура металла — феррит, следы перлита, у края микрошлифа — участок местного науглероживания. Микротвердость 135—193 кг/мм^2.

Массивная игла для плетения с ушком на тыльном конце (рис. 2, *1184*) имеет длину 228 мм, диаметр сечения 7 мм. Она была изготовлена из первично неравномерно науглероженной заготовки. Микроструктура науглероженной зоны — сорбитообразный перлит, остальной части микрошлифа — феррит. Переход между зонами постепенный. Микротвердость соответственно уменьшается от 181 до 128 кг/мм^2

Сельскохозяйственный инвентарь представлен довольно многочисленной серией столбиковых серпов (11 штук), характерной чертой которых является наличие вертикальных штырьков у черенков, на торцах, служащих для фиксации рукоятки. Такие серпы существуют вплоть до раннего средневековья [18, с. 234, рис. 2, *б*] Судя по находкам на Трахтемировском [19, с. 109, рис. 8, с. 111] и Бельском [19, с. 184, рис. 3, *10*] городищах, они получили распространение в Скифии по крайней мере начиная с VI в. до н. э.

Среди подвергнутых металлографическому анализу шести серпов три оказались изготовленными из среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода. В двух случаях (рис. 2, *1182, 1254*) содержание его колеблется в пределах 0,4—0,7%, в одном (рис. 2, *1253*) — 0,2—0,7%. Следов термической обработки нет, микроструктура — феррит и перлит, микротвердость — 135—274 кг/мм ^{2} Два серпа откованы из малоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,1—0,3% (рис. 2, *1477, 1478*). Остатков термической обработки они также не сохранили. Обломок лезвия серпа с хорошо сохранившейся насечкой (рис. 1, *1178*) цельножелезный. Микроструктура — феррит, следы перлита. Ясно видна слоистость железа. Микротвердость 110—151 кг/мм^2 Интересно отметить, что по краю излома здесь сохранились остатки двух отверстий для заклепок. Очевидно, кузнец пытался отремонтировать сломавшийся серп путем соединения двух обломков заклепками. Впрочем, попытка оказалась не совсем удачной, так как серп вновь оказался сломанным.

Плоское тесло, имеющее длину 112 мм, ширину лезвия 48 мм (рис. 2, *1194*), отковано из первично неравномерно науглероженной заготовки. Лезвие тесла закалено в холодной воде. На микрошлифах его продольного и поперечного сечений ясно видны участки мартенситной и ферритной структур. Микротвердость мартенситных зон — 572—724, ферритных — 110—128 кг/мм^2 Металл изделия прокован хорошо, включений шлака немного. Второе тесло (рис. 2, *1195*) выполнено в технике продольной наварки малоуглеродистой полосы на железную основу. Качество сварки низкое. При взятии проб образцы по плоскости сварки расслоились. После очистки изделия от коррозии на нем, как в месте взятия проб, так и непосредственно на корпусе, заметны участки непроварившихся стыков. Микроструктура малоуглеродистой полосы — феррит, мало перлита, содержание углерода не превышает 0,2%, прослеживается полосчатость. Структура железной основы — феррит. Термической обработке тесло не подвергалось. Микротвердость обеих зон находится в пределах 160—193 кг/мм^2 В металле много включений шлака.

Деформированный, редкий для Скифии скобель (рис. 2, *1189*) первоначально представлял собой плоскую полосу с оттянутой режущей кромкой и отогнутыми в плоскости лезвия короткими черенками, один из которых был обломан в древности. Ширина лезвия скобеля — 20,5 мм, толщина спинки — 3,3 мм, высота черенка — 33 мм. Скобель откован из перегнутой пополам, тщательно сваренной железной пластины. Микроструктура металла — феррит, следы перлита, местами отдельные участки феррито-перлитной структуры. Четко выделяется светлая полоса сварного шва. Микротвердость 151—193 кг/мм^2 Сварка железа с железом нецелесообразна и была вызвана отсутствием подходящей заготовки.

От лучкового сверла сохранился прямоугольный в сечении черенок с оттянутыми у основания закраинами и обломанной рабочей частью (рис. 2, *1191*). Он изготовлен из высокоуглеродистой стали. Содержание углерода в наружных зонах изделия достигает 0,7—0,8% и уменьшается к центру до 0,6%. У краев

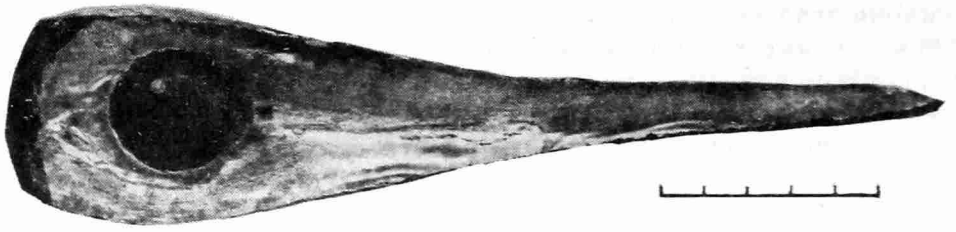


Рис. 5. Топор, ан. 1240. Макроструктура вертикального среза переднего торца

заметны участки местного обезуглероживания. Остатков термической обработки не сохранилось, микроструктура — перлит и феррит, микротвердость 135—236 кг/мм^2 Сверла подобной конструкции известны и на других крупных ремесленных центрах Скифии, в частности на Бельском городище [20, с. 184, рис. 3, *1*] Они использовались в основном для обработки кости и рога [21, с. 31, рис. 4, *1—5*]

К уникальным специализированным инструментам костореза относится также фрагмент части пилы с рукояткой (рис. 4, *1485*). Он представляет собой длинный (95 мм), заостренный на тыльном конце черенок с раздвоенным плоским широким основанием, куда была вставлена и закреплена двумя заклепками пластина цельностального лезвия толщиной 0,7—0,8 мм. Орудие закалено и отпущено. Микроструктура лезвия — равномерный мелкоигольчатый троостит отпуска. Микротвердость — в пределах 350—514, средняя по обоим шлифам — 464 кг/мм^2 Включений шлака в металле почти нет. Рукоятка пилы откована из кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зерна № 8), мало перлита ($\sim$0,1% углерода). Структура мелкозернистая, равномерная. С одной стороны — местами слабая полосчатость. Микротвердость 181—193 кг/мм^2 Металл прокован хорошо, шлака почти нет. Высокое качество металла и термической обработки указывает на его, вероятно, не местное производство.

Узколезвийный проушной топор длиной 222 мм и весом 1210 г (рис. 3, *1240*) откован из массивной стальной заготовки с неравномерным распределением углерода. Термической обработке топор не подвергался. Микроструктура лезвия топора — феррит и перлит, содержание углерода изменяется от 0,2 до 0,5%, микротвердость 105—193 кг/мм^2 Втулка топора получена путем гибки на оправке оттянутого конца заготовки с последующей кузнечной сваркой стыкующихся поверхностей. Это хорошо заметно на фотографии макрошлифа вертикального среза переднего торца изделия, где выделяется четкая граница светлого, обезуглероженного железа и темной стальной зоны, вдоль которой видны узкие полоски остатков сварочного флюса (рис. 5). Подобный метод изготовления свидетельствует о том, что кузнец-изготовитель на располагал необходимым инструментом для прошивки отверстия в столь массивном изделии.

Два небольших зубильца, которые, несомненно, относятся к слесарному инструменту, закалены в холодной воде. Одно из них, длиной 74 мм, откована из цементованного железного стержня (рис. 3, *1258*). Микроструктура наружных зон изделия — мартенсит, центральной — феррит, следы перлита. Микротвердость мартенсита — 724—946, феррита 236—254 кг/мм^2 В металле много шлаковых включений. Второе зубильце (рис. 3, *1476*), высотой 69 мм, цельностальное. Микроструктура острия — мартенсит, троостит закалки, микротвердость 322—824 кг/мм^2, включений шлака в металле почти нет. Из двух пробойников, обнаруженных на городище, исследован наиболее сохранившийся (рис. 3, *1176*). Это довольно массивный заостренный стержень длиной $\sim$75 мм. Прямоугольная в сечении ударная часть его деформирована при использовании. Инструмент изготовлен из первично неравномерно науглероженной заготовки, следов термической обработки не имеет.

Втульчатый наконечник копья с остролистным ромбовидным в сечении пером и утолщенным ободком на торце конусовидной втулки (рис. 3, *1241*) откован из

кричного железа. Микроструктура лезвия — феррит, местами следы перлита, микротвердость 122—151 кг/м^2 Длина наконечника — 348 мм, размеры лезвия — 230×45 мм, толщина — 5—7 мм. Максимальный диаметр втулки — 21 мм, у торца втулки прошито небольшое отверстие для крепления наконечника к древку. Наконечник копья этого типа датируется временем не ранее V—IV вв. до н. э. [22, с. 42]

Оба наконечника дротиков или небольших копий-сулиц снабжены короткими листообразными, ромбовидными в сечении лезвиями и длинными коническими втулками с отверстиями у торцов для крепления. Один из них (рис. 3, *1242*) изготовлен из цементированной заготовки. Микроструктура лезвия — феррит и перлит, содержание углерода уменьшается от поверхности к центру от 0,6—0,7 до 0,2—0,3%, микротвердость — соответственно от 254 до 181 кг/мм^2 Термической обработке наконечник не подвергался. Длина наконечника — 200 мм, вес — 109 г. Второй экземпляр (рис. 3, *1243*) цельножелезный. Микроструктура металла — феррит, следы перлита. Микротвердость — 151 кг/мм^2 Длина наконечника — 194 мм.

Вток копья рюмкообразной формы, характерный для IV—III вв. до н. э., получен из свернутой в трубку и прокованной железной пластины (рис. 3, *1256*). Длина втока — 90 мм, максимальный диаметр втулки — 17 мм. У торца прошито небольшое отверстие для крепления втока к древку. Микроструктура металла — феррит, местами — участки поверхностного науглероживания. Микротвердость 122—193 кг/мм^2

Большой фрагмент массивного боевого ножа (рис. 3, *1192*) имеет клиновидное в сечении лезвие с дугообразной спинкой, переходящее в широкий плоский черенок с двумя сохранившимися заклепками длиной 13—14 мм, крепившими боковины накладной рукояти. Ширина лезвия ножа — 29 мм, максимальная толщина спинки — 5,7 мм. Боевые ножи подобного типа хорошо известны в лесостепной Скифии [16, с. 145, рис. 6] Нож оказался цельножелезным. Микроструктура — феррит, следы перлита, микротвердость 122—193 кг/мм^2 В металле много включений шлака. Из грубого кричного железа был изготовлен и портупейный крючок (рис. 3, *1184*).

Наличие в коллекции серии (9 шт.) посоховидных булавок, среди которых явно незаконченные экземпляры — незаостренные, с непритупленными гранями и не до конца спрофилированными головками (рис. 4, *1459, 1481*) — может указывать на их местное производство. В числе исследованных семи посоховидных булавок (рис. 4, *1247, 1459, 1466, 1479—1482*) две были изготовлены из кричного железа, одна сохранила остатки случайной неглубокой цементации, в том числе участки заэвтектоидной зоны с сеткой цементита, четыре откованы из среднеуглеродистой стали (содержание углерода 0,2—0,3%). Из высокоуглеродистой стали изготовлена булавка с небольшой биконической головкой (рис. 4, *1475*).

Стержневые браслеты представлены тремя образцами. Два близких типологически браслета с заходящими концами сохранились хорошо (рис. 4, *1465, 1486*). Один из них (рис. 4, *1465*) имеет на конце утолщение, видимо, имитирующее змеиную головку, второй конец обрублен. Предмет найден в горизонте культурного слоя вместе с бронзовым трехлопастным наконечником стрелы V—IV вв. до н. э. Второй браслет (рис. 4, *1486*), с лопаточкообразным одним концом и обрубленным другим, был найден в верхнем, наиболее позднем горизонте культурного слоя. Оба изделия цельножелезные, микроструктура — феррит, участки местного науглероживания, средняя микротвердость 110 и 193 кг/мм^2 Предмет цельностальной, имеет структуру нормализованной среднеуглеродистой стали, близкую к сорбитообразному перлиту. Средняя микротвердость по шлифу — 221 кг/мм^2 В металле много точечных включений шлака. Из стали изготовлены также две из трех исследованных пряжек. Подпружная пряжка (рис. 4, *1487*) сделана из стали с содержанием углерода 0,2—0,3%, сюльгама с утерянным язычком (рис. 4, *1489*) — с содержанием углерода в центре шлифа 0,6% и постепенным уменьшением его к краям шлифа до полного отсутствия. Обе находки

относятся к комплексу вещей IV—III вв. до н. э. из ямы 23. Подобные известны в Скифии [23, с. 16, рис. 3, с. 41, рис. 29; 24, табл. 24, *66*]. Третья пряжка (рис. 4, *1488*) — круглая с раздвоенным одним концом и заостренным другим — цельножелезная. Сварка ее концов по типу ласточкиного хвоста велась некачественно, и концы разошлись. Звено удил из Лозового I отковано из цельножелезной заготовки. Предмет неустановленного назначения (рис. 4, *1180*) изготовлен из хорошо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит (балл зернистости № 6), микротвердость 105—135 кг/мм^2 Остатков шлака почти нет.

Таким образом, результаты исследований железных предметов Коломакского городища свидетельствуют о довольно высоком для своего времени уровне развития железообрабатывающего ремесла. Здесь отмечен широкий ассортимент кузнечной продукции, указывающий на достаточно сложный и многогранный характер хозяйственной деятельности населения. Наряду с универсальными орудиями труда, типа ножей и шильев, здесь широко представлены специализированные инструменты разнообразного назначения. Частые находки серпов подтверждают большую роль земледелия. Широкая номенклатура деревообрабатывающих орудий свидетельствует о значительном распространении деревообработки. Разнообразие предметов вооружения отражает важную роль военного дела в жизни жителей городища.

В изготовлении многих железных изделий кузнецы достигают высокой степени совершенства. На это указывают законченность конструктивных форм предметов и тщательность их исполнения, требующие высокого мастерства кузнецов и знакомства их со всеми известными до настоящего времени операциями свободной ковки металла. Встречены, хотя и относительно редко, изделия, изготовленные с применением кузнечной сварки и термической обработки стали. Слабое распространение термообработки стальных предметов вообще характерно для кузнечной продукции Скифии [2, с. 55]. К сожалению, на городище, за исключением двух небольших слесарных зубил и, возможно, пробойника, железообрабатывающие орудия пока не найдены. Однако, как показали исследования Б. А. Шрамко, скифские мастера располагали достаточно широким ассортиментом кузнечных инструментов [4]

Для изготовления изделий на городище широко применялось как кричное железо, так и сталь. Удельный вес стали в общем объеме кузнечного полуфабриката достаточно высок. Из 24 стальных изделий Коломакского городища большинство (20 экз.) выполнены из среднеуглеродистой стали (содержание углерода 0,3—0,6%). Лишь 4 предмета сделано из высокоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,6—0,8%. При этом подавляющее большинство цельножелезных изделий характеризуется невысокой зернистостью феррита (балл зерна № 6—8) [2], что свидетельствует о правильном соблюдении кузнецами интервала ковочных температур железа. Исключение составляют три экземпляра (рис. 1, *1248;* 3, *1241;* 4, *1465*), высокая зернистость (№ 4, 5) металла которых свидетельствует о перегреве.

Характерной особенностью стальных предметов Коломакского городища является значительная неравномерность распределения углерода в стали, содержание которого у большинства изделий колеблется в различных зонах от 0,5—0,7% до почти полного отсутствия. Реже встречается среднеуглеродистая сталь более равномерного состава (0,4—0,7% углерода), а также высокоуглеродистая (0,6—0,8%). При этом металл различного качества употребляется для изготовления предметов одинакового функционального назначения. Например, в числе четырех цельностальных ножей I типа первой группы содержание углерода у одного изменяется от 0,4% до следов, у двух — от 0,1 до 0,5%, у одного — от 0,6 до 0,8%, хотя изделия из высокоуглеродистой стали без термической обработки особых преимуществ перед среднеуглеродистыми как по твердости, так и по износостойкости не имеют. Это относится и к орудиям для обработки дерева, в чис-

[2] Балл зерна феррита определен по шкале зернистости аустенита (ГОСТ 5639-51).

ле которых топор откованный из среднеуглеродистой стали с содержанием углерода 0,2—0,5%, одно тесло — из частично цементованной заготовки, второе выполнено в технике наварки малоуглеродистой полосы на железную основу, а скобель вообще цельножелезный.

Неравномерность распределения углерода в стали указывает как на широкое использование изначально неравномерно науглероженной кричной стали, так и на получение стали методом цементации железных заготовок. Это характерно и для прочих памятников скифской эпохи [2, с. 53] На Люботинском городище известна находка целого производственного комплекса скифского времени, производившего цементацию железных заготовок [3, с. 77, 78].

Вместе с тем отмеченная неравномерность химического состава стали показывает, что эмпирические навыки местных металлургов были еще недостаточны для обеспечения такой стабильности технологических параметров производственного процесса, которая позволяла бы получать более однородную сталь, что чаще наблюдается в изделиях более поздних археологических культур. В целом же местная технология получения и обработки черного металла находилась на уровне, характерном для прочих памятников Скифии, хотя и имела, очевидно, свои локальные особенности.

К ним следует отнести, во-первых, слабое распространение поверхностной цементации готовых цельножелезных предметов, известное на других скифских памятниках [6, с. 58] Среди исследованных предметов применение цементации можно предположить всего лишь у двух ножей (2,7% общего числа). Цементация же булавки технологически не оправдана и, очевидно, случайна.

Во-вторых, слабо распространена кузнечная сварка, в первую очередь железа со сталью, довольно широко применявшаяся скифскими кузнецами [2, с. 54] В числе исследованных изделий имеются лишь три предмета, при изготовлении которых бесспорно применение сварочных операций: заварка уха топора, заварка железной полосы скобеля, низкокачественная наварка малоуглеродистой пластины на железную основу тесла. Лишь в последнем случае сварка использовалась для улучшения рабочих характеристик изделия.

В-третьих, вероятно знакомство местных кузнецов с закалкой стали в мягком охладителе. Во всяком случае на это указывает микроструктура одного из исследованных предметов (ан. 1255). Не исключено, что локальной особенностью является также широкое распространение на городище цельножелезных орудий труда и предметов вооружения, значительно реже встречаемых на других скифских памятниках [21, с. 15]

Своеобразной чертой материальной культуры городища является также большое разнообразие типов железных изделий, в частности ножей. Среди последних встречаются образцы новых типов и вариантов, неизвестных ранее на памятниках лесостепной Скифии (рис. 1, *1183, 1255, 1456*; 4, *1650*).

Оценивая всю совокупность материалов Коломакского городища, следует обратить внимание на то, что среди них, с одной стороны, имеются высококачественные стальные изделия (использование редко встречающейся в скифское время закалки и случай отпуска стальных изделий), с другой стороны, здесь отмечено значительное число предметов, изготовленных из обычного железа, случаи некачественной сварки железа с малоуглеродистой сталью, наивная попытка соединения заклепками двух частей поломанного серпа. Таким образом, здесь налицо два различных уровня техники кузнечного производства. Это может быть объяснено наличием в находках как изделий местных, не обладающих особо высокой квалификацией кузнецов, обслуживающих сравнительно узкий круг жителей городища и близлежащих селищ, так и привозных, качественных предметов, изготовленных в условиях крупного, высокоразвитого центра металлообработки, которым, возможно, являлось расположенное сравнительно недалеко гигантское Бельское городище, отождествляемое с городом Гелоном [25]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шрамко Б. А.* Новые данные о добыче железа в Скифии // КСИА. 1962. № 91.
2. *Шрамко Б., А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. 1963. № 4.
3. *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство скіфськоі епохи // Вестн. ХГУ. 1966. № 17. Вып. 1.
4. *Шрамко Б. А.* Орудия скифской эпохи для обработки железа // СА. 1969. № 9.
5. *Солнцев Л. А., Степанская Р. Д., Фомин Л. Д., Шрамко Б. А.* О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе // СА. 1969. № 1.
6. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. О., Фомін Л. Д.* Техніка виготовлення скіфськоі наступальноі зброі з заліза й сталі // Археологія. 1970. Т. XXIII.
7. *Филарет.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 2. М., 1857
8. *Фукс М.* Про городища скитськой доби на Харьківщині // Записки ВУАК. 1931. Т. 1.
9. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.
10. *Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А.* Раскопки в бассейнах Северского Донца и Ворсклы // АО—1976. М., 1977.
11. *Радзиевская В. Е.* Раскопки городища у с. Коломак // АО—1977 М., 1978.
12. *Радзиевская В. Е.* Продолжение исследований Коломакского городища // АО—1978. М., 1979.
13. *Радзиевская В. Е.* Исследование Коломакского городища // АО—1979. М., 1980.
14. *Радзиевская В. Е.* Раскопки Коломакского городища // АО—1980. М., 1981.
15. *Радзиевская В. Е.* Работы на Коломакском городище // АО—1982. М., 1984.
16. *Шрамко Б. А.* Металеві знаряддя виробництва Лісостепової Скіфії (ножі) // Питання історіі народів СРСР. Вып. 1. Харьков: Изд.-во Харьк. ун-та, 1965.
17. *Шрамко Б. А.* Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков, 1983.
18. *Гопак В. Д., Пачкова С. П.* Железные изделия с поселения Круглик на Буковине // СА. 1983. № 2
19. *Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища // АИУ 1968. Вып. II.
20. *Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А.* Усадьба с костерезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4.
21. *Радзіэвська В. Э.* Обробка кістки та рогу в Лісостеповій Скіфіі // Археологія. 1982, № 41.
22. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
23. *Замятнин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии — 1910—1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII.
24. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.
25. *Шрамко Б. А.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.

V. D. GOPAK V E. RADZIEVSKAYA

FORGING AT THE KOLOMAK FORTIFIED SETTLEMENT IN THE 6TH-3RD CENTURIES B. C.

Summary

The authors trace back the metalworking technologies among the population of a Scythian fortified settlement at Kolomak (Valki District, Kharkov Region). A metallographic analysis of 74 iron and steel objects showed that the local smiths produced a wide assortment of artefacts, used steel, knew how to use forge welding of iron and steel and how to harden steel products. The local metalworking technologies were marked by poor development of carburising and welding, slow cooling was probably employed. The materials contain two synchronous groups of products of different qualities that point to two development levels. One cannot exclude a possibility that imported objects of high quality were brought from some large centre, probably the huge Belsk fortified settlement, a comparatively close neighbour The rest of objects were locally made by the smiths who had no specialisation and supplied the local people with products of all kinds.

Е. И. БЕСПАЛЫЙ

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ У Г. АЗОВА

Приморский археологический отряд экспедиции Азовского краеведческого музея с 1981 г. проводит исследования курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы, на водоразделе рек Дон и Кагальник [1, с. 109; 2, с. 109] Курганы составляют единый могильник, протянувшийся цепью по гребню водораздела от окраины г. Азова на 15 км к юго-востоку. Большинство насыпей сооружено в раннем железном веке. В данной работе остановимся на некоторых из них, содержавших погребения позднесарматского времени. Эти погребения как встречались под индивидуальными насыпями, так и были впущены в насыпи существующих курганов, причем впускные погребения располагались преимущественно в северных и западных секторах.

В 1981 г. при исследовании юго-восточной части цепи могильника (группа Высочино-VII) в кургане 17 скифского времени встречено впускное погребение 1 (рис. 1, *1*), высота кургана 0,7 м. Погребение совершено в северо-западном секторе кургана в 4 м от репера на глубине 1,6 м [1] Могильная яма прослежена частично, возможно, она была подбойной конструкцией с подбоем к северу. Погребенная женщина в возрасте около 30 лет лежала вытянуто на спине, головой к северо-востоку. У стоп встречена гончарная керамика: серолощеный сосудик с примесью песка и мелкого шамота в тесте (рис. 1, *2*), чернолощеный кувшин с примесью песка в тесте (рис. 1, *20*) Слева у черепа стоял небольшой гончарный серолощеный кувшинчик с утраченным в древности налепом на ручке, в тесте примесь песка (рис. 1, *8*). У левого плеча погребенной находилась корзиночка, плетенная из кожаных полосок шириной 0,4 см и тонких прутиков лозы (?), размеры корзиночки не восстанавливаются. В ней находилось большое количество предметов женского туалета: две бронзовые проволочные фибулы, скрепленные между собой (рис. 1, *4*); бронзовая булавка (рис. 1, *2*); семь шаровидных полых золотых бусин (рис. 1, *18*); золотой кулон с утраченной в древности вставкой (рис. 1, *19*); две серебряные подвески в виде сдвоенных ведерок (рис. 1, *3*); электровая подвеска-ведерко (рис. 1, *14*); остатки деревянного пенала высотой 1,5 см, на боковой стенке его изнутри прорезан паз для задвигавшейся крышки; бронзовое дисковидное зеркало с петлей на обороте (рис. 1, *23*); обломанная в древности игла от бронзовой проволочной фибулы (рис. 1, *6*); две серебряные пластинки лепестковидной формы (рис. 1, *13*); обломок бронзовой пружинной фибулы с ромбическим щитком (рис. 1, *7*) — возможно, на щиток фибулы крепилась стекланная вставка каплевидной в плане формы (рис. 1, *17*); бронзовая круглая пластина с посеребрением на одной стороне, вдоль края следы деревянной оправы (рис. 1, *11*); бронзовая шайбочка (рис. 1, *12*); фрагменты железной пружинной фибулы очень плохой сохранности; поделка из перламутра (рис. 1, *16*), крупная цилиндрическая пронизь из оникса (рис. 1, *9*); крупная короткоцилиндрическая подвеска из янтаря (рис. 1, *10*); 10 сердоликовых 14-гранных бусин (рис. 1, *21*); 24 плоские янтарные бусины (рис. 1, *22*); мелкие короткоцилиндрические гагатовые бусы (рис. 1, *15*). Под черепом встре-

[1] Здесь и далее расстояния и глубины даются от центрального репера.

© Е. И. Беспалый, 1990 г.

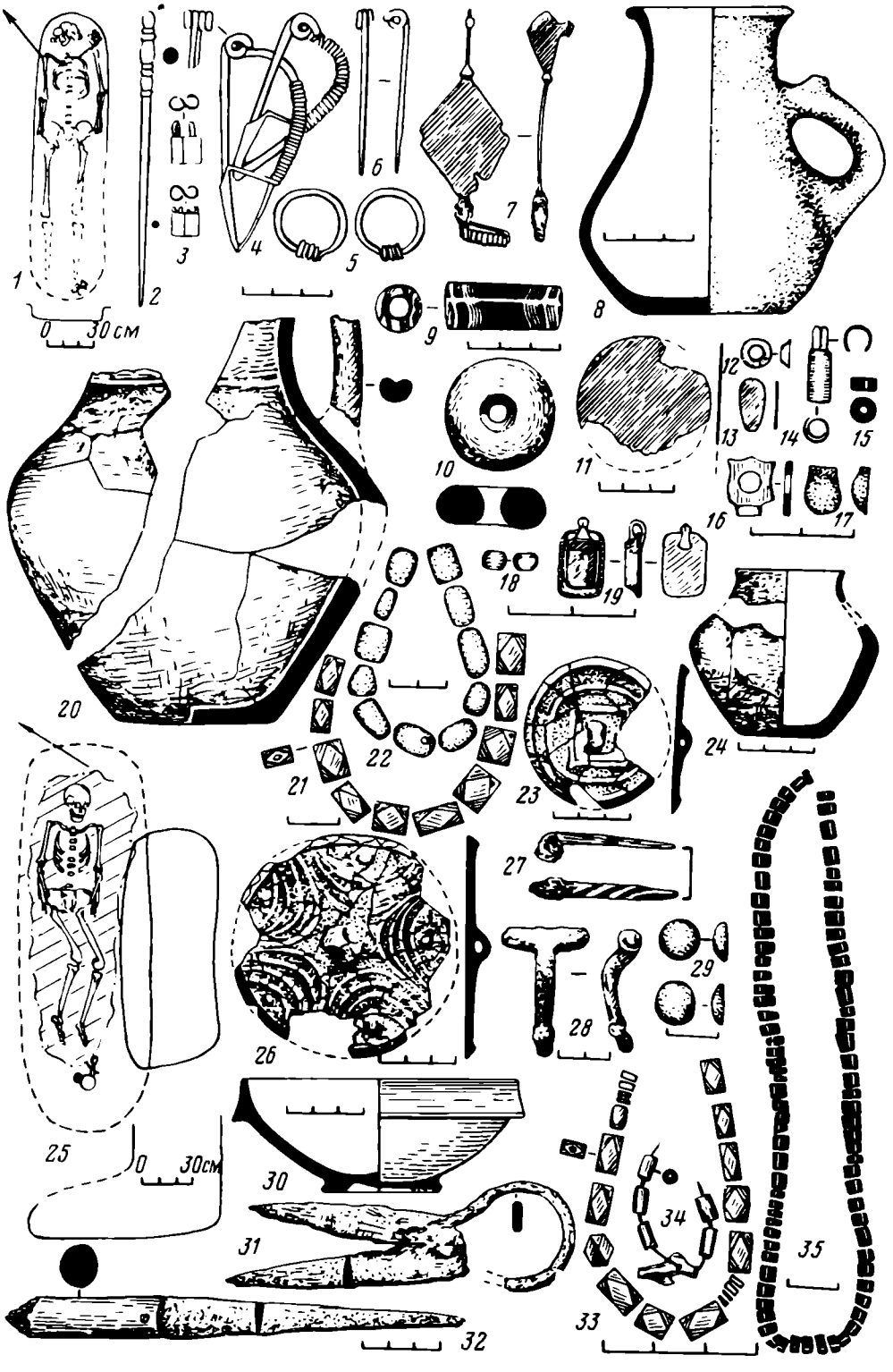


Рис. 1 *1—24* — Высочино-VII, кург 17, погр. 1; *25—35* — Высочино-V кург 2, погр. *2, 8, 20, 24, 30* — глина; *2, 4, 6, 7 11, 12, 23, 26* — бронза; *3, 5, 13, 14* — серебро; *18, 19* — золото; *27, 28, 31, 32* — железо; *10, 22* — янтарь; *21, 33* — сердолик; *9* — оникс; *17, 29* — стекло; *16* — раковина; *34* — коралл; *35* — гагат

чены две проволочные серебряные серьги с завитым в четыре оборота одним концом, в который вставлялся заостренный край (рис. 1, *5*).

В 1983 г. в могильнике Высочино-V, расположенном в центральной части цепи могильников, был раскопан курган 2 высотой 0,4 м среднесарматского времени, в котором зафиксировано впускное погребение 2 (рис. 1, 25) позднесарматского времени. Могильная яма подбойной конструкции сооружена в северо-северо-западном секторе в 6,5 м от репера на глубине 2,15 м. Входной колодец небольших размеров имел сложное заполнение: на уровне погребенной почвы — чернозем, в предматериковом слое — светлый суглинок, переходящий ниже в чистую глину, отличающуюся от материка лишь меньшей плотностью. Подбой расположен к северо-западу от входного колодца. Погребенная взрослая женщина лежала на спине с чуть подогнутыми влево ногами, ориентирована головой к северо-востоку. По дну подбоя прослеживался коричневый тлен, под левым плечом встречены остатки золотых нитей парчи. Между предплечьем левой руки и грудной клеткой находились четыре стеклянные вставки из бесцветного и желтого прозрачного стекла (рис. 1, *29*), вставки залегали в слое серого крупнозернистого тлена, возможно, от свинцовой пластинки. У левой ключицы лежала сильно коррозированная пружинная фибула (рис. 1, *28*). У стоп находились железные пружинные ножницы (рис. 1, *31*), здесь же стояла небольшая краснолаковая мисочка на кольцевом поддоне (рис. 1, *30*), лак оранжевого цвета, тесто хорошо отмучено, в примеси мелкие известковые включения. Вплотную к миске лежал железный нож с костяной рукоятью (рис. 1, *32*). Рядом с миской находилось бронзовое зеркало с петлей на оборотной стороне (рис. 1, *26*). Под миской, ножницами и зеркалом прослеживался древесный тлен, в котором найдены железные гвоздик и литой стерженек (рис. 1, *27*). В области грудной клетки обнаружены сердоликовые 14-гранные бусы, пронизи из коралла, лигнитовый и гагатовый бисер (рис. 1, *33—35*). Вероятно, с этим погребением можно связать встреченный в 1 м к востоку от входного колодца на глубине 0,7 м вертикально стоящий череп лошади без нижней челюсти.

В 1984 г. в западной части цепи могильника Новоалександровка-I было раскопано несколько курганов, содержащих погребения позднесарматского времени.

Курган 17 высотой 0,4 м содержал два позднесарматских погребения: основное в катакомбе и впускное — подбойное. Вокруг основного погребения на погребенной почве прослеживался глинистый выкид, располагавшийся подковой и имеющий разрыв в северо-восточном секторе. По выкиду встречались фрагменты двух узкогорлых светлоглиняных амфор типа Д [3, с. 18, 19]

Погребение 1 (рис. 2, *1*) совершено в подборе, в 5 м к северо-западу от репера, на глубине 2,4 м. Заполнение входной ямы пестрое, с преобладанием глины, подбой расположен к востоку, на дне входной ямы и во входе — прослойка камыша. В заполнении встречен ряд предметов, которые, вероятно, были выброшены на насыпь грабителями из погребения 2, а затем при засыпке случайно попали в яму погребения 1, хотя также можно допустить, что эти вещи вынесены из подбоя погребения 1 грызунами: кости барана (челюсть и позвонок), пяточная кость коровы, обломок оселка (рис. 2, *16*), бронзовая литая обойма от нагайки (рис. 2, *5*)

Погребенный старый мужчина лежал на спине с чуть подогнутыми влево ногами, ориентирован головой к северо-западу. Под костяком светло-коричневый тлен, а в области стоп и черепа — черный тлен и чешуйки красной краски. У черепа стоял краснолаковый кубок (рис. 2, *3*). Цвет лака от оранжевого до бурого, придонная часть лишена покрытия. У темени встречены фрагменты каплевидных подвесок из голубого стекла. Вдоль левого плеча залегали остатки деревянной рукоятки нагайки с двумя серебряными обоймами (рис. 2, *11*) — деревянная рукоять крепилась посредством бронзовой заклепки, здесь же встречен железный кинжал (рис. 2, *7*). Под кинжалом находился железный нож (рис. 2, *8*). Под рукоятью кинжала лежала серебряная пряжка с прямоугольным щит-

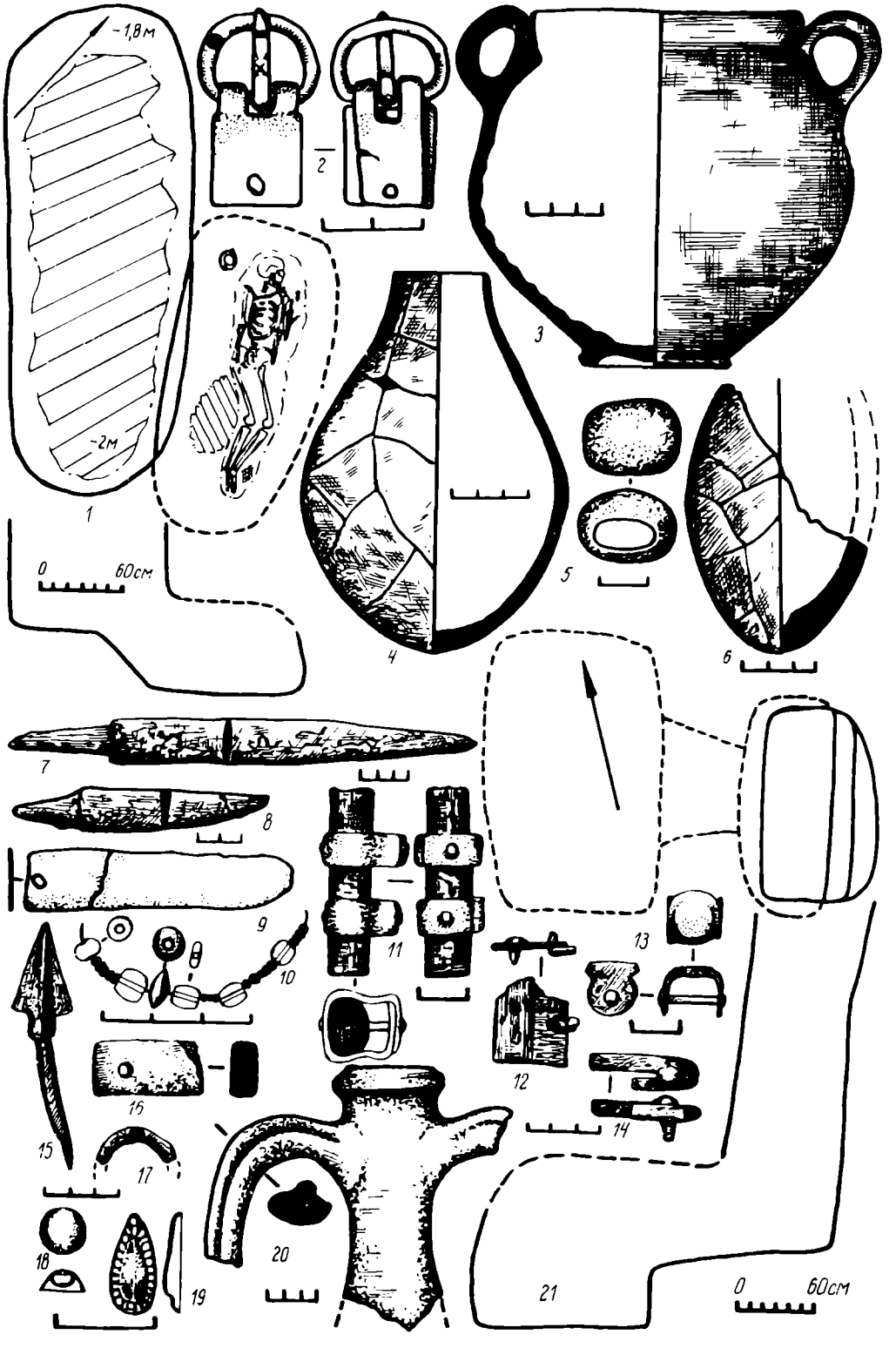


Рис. 2. Новоалександровка I, кург 17, погр. 1 — *1—3, 5, 7—9, 11, 13, 15, 16*; погр. 2 — *4, 6 10, 12, 14, 18—21 3, 4, 6, 20* — глина; *2, 9, 11, 13* — серебро; *5* — бронза, *7, 8, 12, 14, 15, 17* — железо; *10* — стекло; *18, 19* — золото; *16* — камень

ком (рис. 2, *2*), поверх кинжала встречена серебряная пластинчатая накладка — наконечник ремня (рис. 2, *9*), снизу под заклепку была подложена тонкая железная шайба. У левого плечевого сустава найдено серебряное навершие нагайки (рис. 2, *13*). Под шейными позвонками находился крупный железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы — вероятно, он и явился причиной смерти погребенного (рис. 2, *15*).

Погребение 2 (рис. 2, *21*) основное, совершено в катакомбе, в центре кургана на глубине 4,6 м. Погребение ограблено в древности. Обломки костей человека и остатки погребального инвентаря встречались на дне и в заполнении входного колодца. Судя по костям, в камере были погребены взрослая женщина и подросток. Остатки инвентаря: 20 астрагалов барана, фрагменты двух стеклянных сосудов, один — тонкостенный из бесцветного стекла, вероятно стакан, второй — толстостенный (толщина 0,4 см) из рыхлой крупнокристаллической массы молочного цвета, размеры сосудов не восстанавливаются; бисер и бусы: рубленый бисер из глухого светло-зеленого стекла с внутренней позолотой, биконическая бусина из янтарно-желтого стекла и короткоцилиндрическая сердоликовая; фрагмент железного кольца (рис. 2, *17*); обломки железных накладок на деревянную шкатулку (рис. 2, *12, 14*); остатки неопределимых железных предметов (рис. 3, *19, 21, 22*); фрагменты двух лепных круглодонных сосудов грушевидной формы, на внутренних поверхностях слой сажи, внешние поверхности тщательно сглажены, в примеси песок, шамот, следы выгоревших частиц (рис. 2, *4, 6*); горло светлоглиняной амфоры (рис. 2, *20*) типа Д (3, стр. *18, 19*); золотые нашивные бляшки: полусферической формы с припаянными изнутри пластинчатыми ушками (рис. 2, *8*) и лепестковидные (рис. 2, *19*), орнаментированные по краю пуансоном, а по длинной оси выпуклым ребром, для пришивания имелись два отверстия.

В этом же году в кургане 20 встречены два погребения позднесарматского времени (рис. 3, *1*). Курган подвергался ограблению, но грабители не вышли на погребения:

Погребение 1 (рис. 3, *23*) основное, совершено в подбое на глубине ~2,1 м. Заполнение входной ямы на уровне погребенной почвы и предматерика по цвету практически не отличалось от окружающего грунта, с уровня материка заполнение — чистая глина. Западная часть колодца частично разрушена при сооружении могильной ямы погребения 2. Подбой расположен к северу, во входе сохранились остатки деревянных плашек, положенных на ребро. Погребенная взрослая женщина лежала вытянуто на спине, головой на восток — северо-восток. Череп имеет высокую лобно-затылочную деформацию. Под костяком прослеживался коричневый тлен.

В северо-восточном углу подбоя встречены остатки деревянного ковшика; судя по сохранившимся частям, ковшик был овальный в плане и имел деревянную ручку в виде кошачьего хищника. На венчике и стенках сохранились серебряные накладки и стяжки, вокруг шеи хищника — серебряный ошейник, от которого опускается узкая серебряная пластина — налобник (рис. 3, *16*). Здесь же стоял стаканчик из бесцветного стекла (рис. 4, *3*), под стаканчиком — скопление золотых нитей парчи. У левой и правой височных костей находились золотые шумящие подвески, инкрустированные сердоликовыми и пастовыми вставками, на оборотной стороне прочерчен орнамент (рис. 3, *15*). На шее погребенной были бусы и коралловые пронизи: 21 гранатовая (рис. 3, *9*), 8 сердоликовых (рис. 3, *8*), 9 из горного хрусталя (рис. 3, *5*), 15 коралловых цилиндрических и 3 в виде веточки (рис. 3, *14*). На левой ключице лежала перламутровая пряжка с серебряным язычком (рис. 3, *2*). На груди, вероятно, по вырезу горловины платья был нашит сложный орнамент, состоящий из нескольких элементов: вдоль края были нашиты золотые полусферические бляшки (рис. 3, *13*), вплотную к ним примыкал ряд перламутровых пронизей крестовидной формы (рис. 3, *4*), далее был нашит ряд лепестковидных золотых бляшек, расположенный перпендикулярно предыдущим. У левого плеча, вероятно, в матерчатой сумке

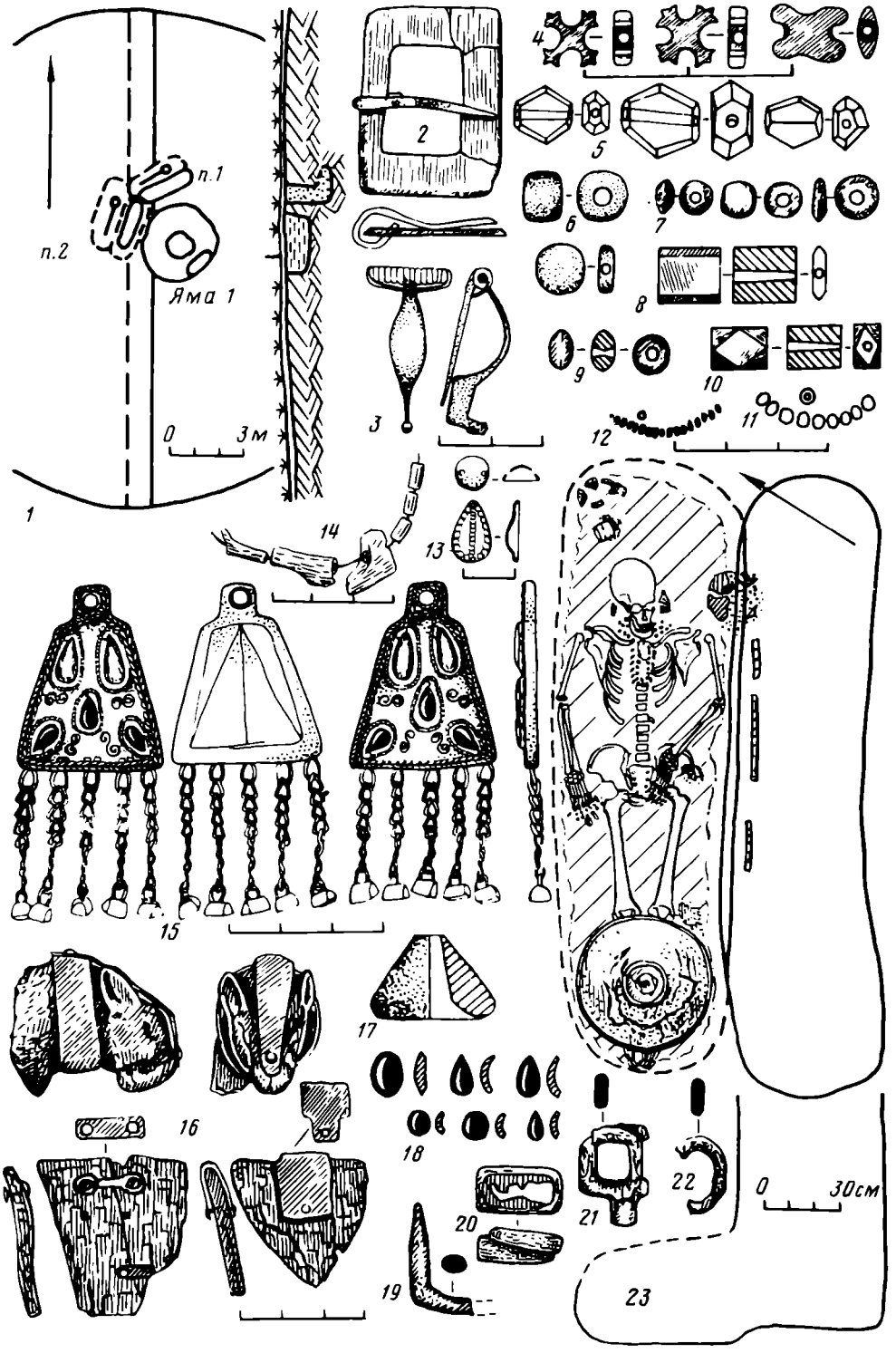


Рис. 3. Новоалександровка I, кург. 20., *1* — общий план; *2* — *23* — погр. 1. *2* — перламутр и серебро; *16* — дерево и серебро; *15* — золото, сердолик, паста; *3* — бронза; *4* — перламутр; *5* — горный хрусталь; *6, 12* — стекло, *7* — янтарь; *8, 10* — сердолик; *9, 18* — гранат; *11, 14* — коралл; *13* — золото; *17* — глина; *19—22* — железо

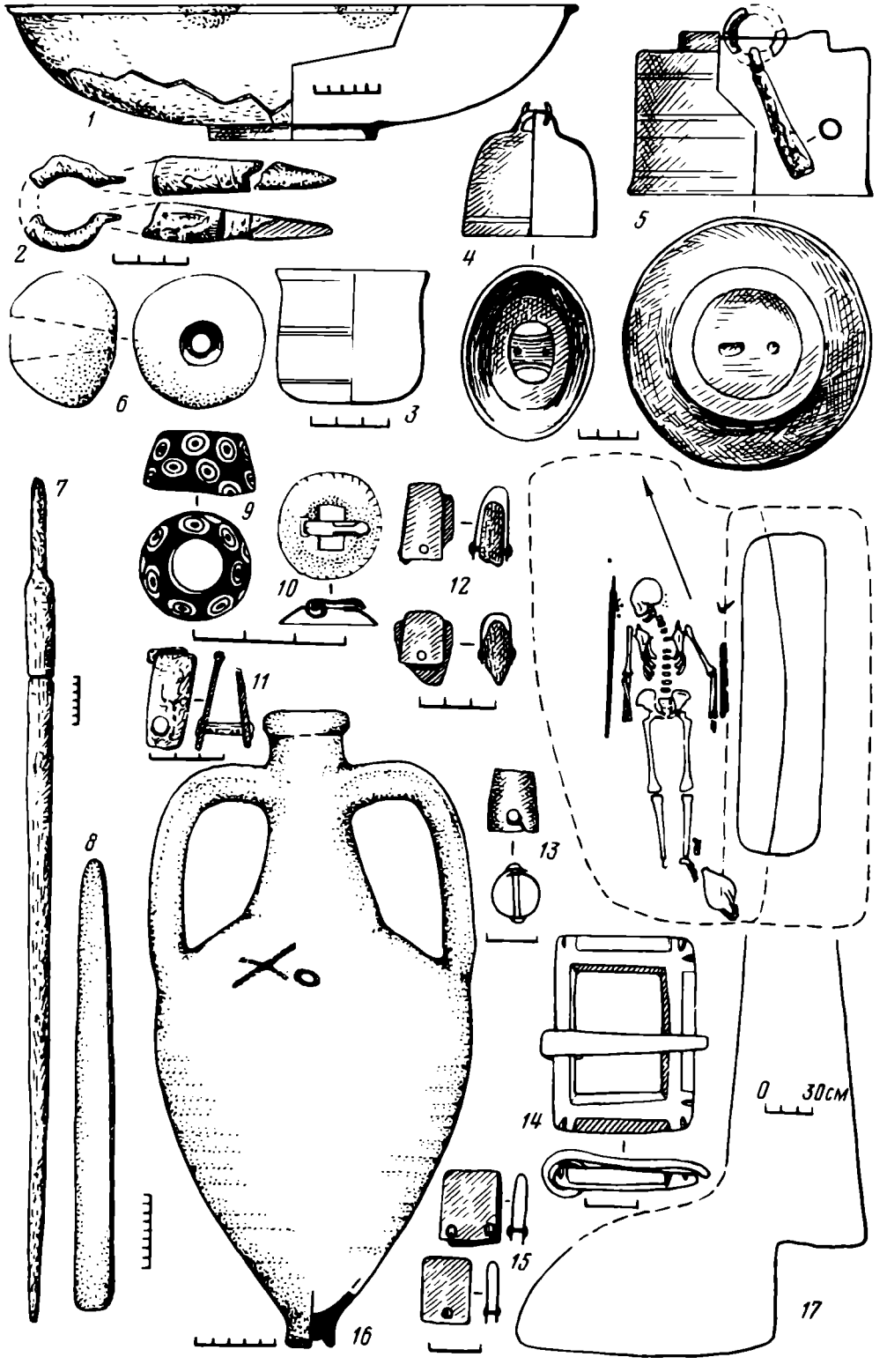


Рис. 4. Новоалександровка I — 84, кург. 20, *1—5* — погр. 1; *6—17* — погр. 2. *1, 4, 5, 12, 14* — бронза; *2, 7, 11* — железо; *3, 9* — стекло; *6* — халцедон; *8* — камень; *10, 13, 15* — серебро; *16* — камень

находились следующие предметы: фрагменты деревянного пенала (размеры не восстанавливаются); глиняное пряслице (рис. 3, *17*); обломок кремня с желвачной коркой; 70 янтарных бусин (рис. 3, *7*); 14-гранные сердоликовые бусы (рис. 3, *10*); большое количество бисера из глухого светло-зеленого стекла (рис. 3, *12*), вероятно, им была расшита сумочка; железные пружинные ножницы (рис. 4, *2*); бронзовая фибула (рис. 3, *3*). На левой тазовой кости золотые нити парчи. Длинные рукава платья были обшиты по краю двумя рядами полусферических и лепестковидных бляшек (рис. 3, *13*), между которыми располагались крестовидные перламутровые пронизи и коралловый бисер (рис. 3, *11*). У левого коленного сустава — скопление золотых нитей парчи. На берцовых костях лежал перевернутый вверх дном бронзовый таз с утраченными в древности ручками (рис. 4, *1*). Под тазом находилась бронзовая с посеребрением чаша, переделанная в колокольчик (рис. 4, *5*), в сурчине встречены гранатовые вставки (рис. 3, *18*) и обрывки золотой фольги. В заполнении подбоя, в норах грызунов найдены: железная обойма и деревянный предмет (рис. 3, *20*); две вставки из полупрозрачного белого стекла, диаметр 0,6 см, толщина 0,3 см; одна круглая и шесть плоских бусин из полупрозрачного синего стекла (рис. 3, *6*).

Погребение 2 (рис. 4, *17*) впускное, совершено в подбое в 1 м от репера на глубине 3,8 м. Принцип заполнения входного колодца повторяет заполнение предыдущего погребения. При сооружении могильной ямы был частично поврежден западный край входного колодца предыдущего погребения, подбой расположен к северо-западу. Погребенный взрослый мужчина лежал вытянуто на спине, головой к северу. Череп имеет высокую лобно-затылочную деформацию, под костяком по дну подбоя подсыпка мелом (?), коричневый тлен и остатки камыша. В северо-западном углу подбоя встречены две бронзовые накладки на толстостенный деревянный сосуд (рис. 4, *12*), здесь же находились шесть накладок на венчик тонкого деревянного сосуда, которые крепились одной заклепкой, и три накладки с двумя заклепками (рис. 4, *15*). Вдоль правой руки лежал длинный железный меч (рис. 4, *7*), на лезвии сохранились остатки бересты, окрашенной в красный цвет. У рукояти меча встречены халцедоновая (рис. 4, *6*) и глазчатая бусины (рис. 4, *8*). У правого плеча находилась серебряная пряжка с насечками по краю (рис. 4, *10*), здесь же у локтя найдена бронзовая пряжка (рис. 4, *14*). Рядом с левым плечом встречены фрагменты железного черешкового ножа. Вдоль левой руки лежал крупный оселок, квадратный в сечении (рис. 4, *8*). Длина оселка 44 см. В заполнении северо-западного угла подбоя встречены остатки деревянного стерженька с серебряным навершием (рис. 4, *13*). В 20 см от левого плеча — скопление неопределимых накладок (?) и обойма из железа (рис. 4, *11*). Под черепом встречались фрагменты каплевидных подвесок из голубого стекла и золотые нити парчи. У левой голени находились ребра и позвонки барана. В юго-восточном углу подбоя светлоглиняная амфора со слабо профилированными ручками (рис. 4, *16*). На плече надпись красной краской.

Курган 25 содержал одно погребение, почти полностью разрушенное при рытье канала (рис. 5, *1*). Могильная яма не прослеживалась. От костяка сохранились частично кости ног, большая часть инвентаря и костей были собраны в отвале экскаватора. Погребенный взрослый мужчина лежал вытянуто на спине, головой к северу. Между коленными суставами находилась железная пряжка (рис. 5, *5*), здесь же в скоплении желтого тлена лежал окатанный галечный кремень. У правой стопы — железная пряжка (рис. 5, *3*), кольцо (рис. 5, *2*) и железные наконечники ремня (рис. 5, *8—9*). К югу от стоп стояла перевернутая вверх дном краснолаковая миска (рис. 5, *6*), лак светло-коричневого цвета с бурыми потеками у дна. Под миской находилась железная пряжка (рис. 5, *4*) и фрагменты железных пластинок.

При разборке отвала найдены следующие предметы: фрагмент бронзовой фибулы (рис. 5, *11*); железный кинжал с прямым перекрестием (рис. 5, *15*); железный наконечник копья (рис. 5, *14*); длинный железный меч без перекрестия (рис. 5, *13*); крупный серолощеный кувшин (рис. 5, *7*), в тесте примесь песка,

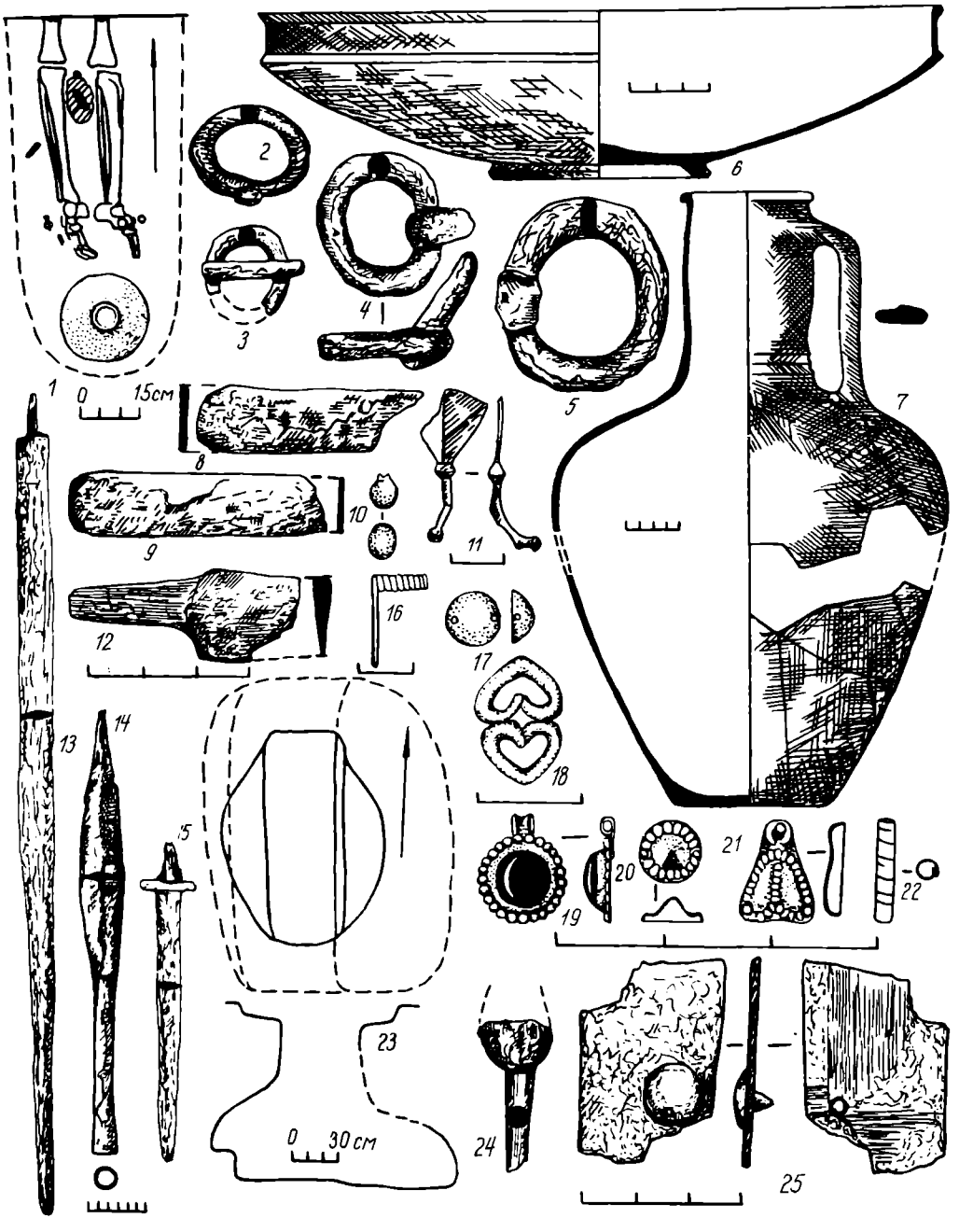


Рис. 5. Новоалександровка I, кург. 25 и 28. *1—15* — кург. 25, погр. 1; *16—25* — к. 28, погр. 1. *2, 5, 8, 9, 12—15, 24, 25* — железо; *6, 7* — глина; *10* — стекло; *11, 16* — бронза; *17, 18, 20, 22,* — золото; *19* — золото и стекло

мелких белых блесток и следы выгоревших частиц; каплевидная подвеска из голубого стекла (рис. 5, *10*).

Курган 28, высота 0,7 м, содержал два погребения: основное среднесарматского времени в квадратной яме и впускное позднесарматского времени.

Погребение 1 (рис. 5, *23*) совершено в подбое в 4 м к юго-западу от репера на глубине 2, 3 м, подбой расположен к востоку, в противоположной стенке входной ямы устроена неглубокая ниша. Погребение полностью ограблено в древности, все находки встречены в заполнении у дна. Судя по костям, в подбое была погребена взрослая женщина. Остатки инвентаря: игла бронзовой пружинной фибулы с железной осью (рис. 5, *16*); фрагменты толстостенного стеклянного сосуда с насечками по внешней поверхности из бесцветного стекла; бусы: коротко-цилиндрические гагатовые (диам. 0,4 см), округлые сердоликовые, (диам. 0,5 см), несколько стеклянных и бисер из голубого фаянса: восемь золотых труб-

чатых пронизок (рис. 5, *22*), четыре золотые подвески со вставками из прозрачного стекла красного и синего цвета (рис. 5, *19*); семь золотых полусферических бляшек (рис. 5, *17*); коническая золотая бляшка с пуансоном по краю (рис. 5, *20*); золотая бляшка в виде сдвоенных сердечек (рис. 5, *18*); 13 золотых бляшек подтреугольной формы, орнаментированных пуансоном (рис. 5, *12*); железные детали деревянной шкатулки (рис. 5, *24—25*) и обломок железного ножа (рис. 5, *12*).

Представленные восемь погребений резко отличаются от погребений среднесарматского времени как по инвентарю, так и по конструкции могильной ямы (в исследуемой группе могильников для среднесарматского времени характерны квадратные, реже прямоугольные ямы). Среди инвентаря показательно отсутствие наконечников стрел, а другие предметы вооружения встречены пока только в мужских погребениях. Длинные мечи без перекрестия имели широкое распространение во II—IV вв. н. э. [4, с. 151; 5, с. 20] Не выходят за рамки этой датировки кинжалы и наконечник копья из описанных погребений. Наконечник стрелы (рис. 2, *15*), хотя и не может относиться к погребальному инвентарю, аналогичен наконечнику из некрополя Танаиса [6, с. 42]. Краснолаковая керамика, найденная в погребениях, хорошо известна в Северном Причерноморье, боспорских некрополях и некрополе Танаиса. К наиболее распространенным формам относится краснолаковый кубок (рис. 2, *3*), обычно встречающийся в комплексах середины II — начала III в. н. э. [6, с. 83, 90; 7, рис. 4, *3*; 8, с. 32] Краснолаковые мисочки (рис. 1, *30*) на таком же грубом поддоне известны в Танаисе в погребении II в. н. э. [16, с. 68] и Мермекии в комплексах II—III вв. н. э. [9, с. 301, рис. 3, 5] Крупная краснолаковая миска (рис. 5, *6*) имеет аналогии в комплексах того же времени [10, с. 204, рис. 79, *4*; 11, с. 290, рис. 5, *2*] В Танаисе подобные тарелки известны только в помещениях, разрушенных в середине III в. н. э. [6, с. 78, рис. 2, *10*]. Первой половиной III в. н. э. датируется светлоглиняная амфора (рис. 4, *16*) типа Д [3, с. 19, рис. 1, *7*], подобные амфоры часто встречаются в городских некрополях [8, рис. III, *12*], но единичны в погребениях степных курганов.

Бронзовому тазу (рис. 4, *1*) прямые аналогии нам не известны. Близкий по форме таз из ст. Некрасовской на Кубани опубликован В. В. Кропоткиным [12, рис. 58, *2*] и датируется I в. н. э., но в отличие от нашего он имеет на дне рельефный медальон, а по отогнутому венчику проходит ряд округлых выпуклин.

Бронзовые фибулы (рис. 1, *4*) встречаются в комплексах конца II—III в. н. э. на широкой территории от Боспора до Нижней Волги [6, с. 168, с. 40; 13, с. 79, рис. 1] Они относятся к пятому варианту одночленных лучковых проволочных фибул [14, с. 51, табл. 9, рис. 11—13]

В большом количестве женских погребений найдены бусы из различных материалов. Во всех неграбленных женских погребениях присутствуют сердоликовые 14-гранные бусы в сочетании с янтарными. Подобные наборы хорошо известны в степных погребениях позднесарматского времени на Нижнем Дону [15, с. 73, рис. 1, *4—5*], в погребениях конца II—III вв. н. э., в Поднепровье [16, с. 77, рис. 2, *2—3*] в комплексах конца II — начала III в. н. э., в Нижнем Поволжье [4, с. 147, рис. 3, *4*]

Большой интерес представляют золотые подвески (рис. 3, *15*), прямые аналогии которым неизвестны. Близкая по стилю и технике орнаментации подвеска происходит из погребения III в. н. э. у с. Новая Норка в Нижнем Поволжье [4, с. 149, рис. 4, *2*].

Остальные находки в рассмотренных погребениях так же широко распространены в степных памятниках позднесарматского времени и не выходят за рамки II—III вв. н. э.

Исходя из приведенных аналогий и учитывая взаимное сочетание вещей, описанную группу погребений можно датировать временем не ранее середины II и не позднее середины III в. н. э.

Появление данной группы погребений в Левобережье Нижнего Дона во второй половине II в. н. э. свидетельствует о притоке новой этнической группы населения, как считает Д. Б. Шелов, скорее всего аланской [17, с. 90—92] А тот факт, что описанные погребения имеют неустойчивую ориентировку и различные конструкции погребальных сооружений, на наш взгляд, говорят о неоднородности этой группы [2]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беспалый Е. И.* Исследование курганов близ г. Азова // АО—1981. М., 1983.
2. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда // АО—1982. М., 1984.
3. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
4. *Берхин И. П.* О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
5. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
6. *Арсеньева Т М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
7. *Секерская Н. М.* Краснолаковая керамика из Никония // Северное Причерноморье (Материалы по археологии). Сборник научных трудов. Киев: Наук. думка, 1984.
8. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
9. *Книпович Т Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА. 1952. № 25.
10. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых Боспорских городов. // МИА. 1959. № 68.
11. *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. № 85.
12. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
13. *Синицын И. В.* К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Т. VIII.
14. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
15. *Мошкова М. Г* Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
16. *Гущина И. И.* Памятники позднесарматской культуры в Поднепровье // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40.
17. *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1.

E. I. BESPALY

LATE SARMATIAN BURIALS AT AZOV

Summary

A group of burial mounds was investigated between 1981 and 1984 at Azov. The greater part of them was dated to the Iron Age. This kungan group was dated between the middle of the 2nd and the middle of the 3rd centuries A. D. An analysis of the grave goods and burial constructions testifies that a new ethnic group came to the Don basin in the second half of the 2nd centry B. C.

[2] Раскопки в 1985 г. на этом водоразделе дали четыре погребения позднесарматского времени, содержащие еще более многочисленный инвентарь. Два погребения были совершены в подбоях, одно в подквадратной яме и одно в узкой яме с заплечиками по всему периметру.

В. Л. МЫЦ

КРЕСТООБРАЗНЫЙ ХРАМ МАНГУПА

Важность изучения Мангупа (Феодоро) для понимания истории средневековой Таврики в целом уже неоднократно отмечалась в археологической литературе [1, с. 333; 2, с. 123—127; 3, с. 3—5 и др.]. В результате проведенных на городище и в его окрестностях раскопок, начало которым было положено работами А. С. Уварова [4, с. 7 и сл.], накоплен большой фактологический материал, требующий обобщения [3; 5, с. 161—240] Но многовековая история Мангупа (особенно на ранних этапах) пока не ясна во всей своей конкретности [1, с. 333] Поэтому до настоящего времени является актуальным продолжение изучения отдельных вопросов истории города, в том числе и вопроса проникновения и укрепления христианской идеологии (или религии) в среде местного населения.

Внимание ученых, изучавших Мангуп (наряду с хорошо сохранившимися здесь оборонительными сооружениями), в первую очередь привлекали руины культовых зданий. И это не случайно: при узости базы письменных источников и их тенденциозности, с чем постоянно сталкиваются исследователи средневекового Крыма, особое значение приобретают археологические раскопки, дающие иногда единственный материал по истории христианства в Крыму.

Активно проводимая Византией пропаганда и насаждение христианства вызвали необходимость значительного строительства храмов и крещален [2, с. 12] Изучение церковных комплексов и погребений, определение относительно точных их дат позволяют в общих чертах проследить процесс укрепления христианской идеологии среди населения глубинных районов Горного Крыма, и в частности Мангупа.

В настоящее время на территории плато Мангупа, в скальных обрывах и на его склонах известны остатки примерно 18 христианских храмов (причем, надо полагать, по мере расширения исследовательских работ их количество будет увеличиваться). Церкви условно можно разделить на две группы: пещерные (3) и наземные (15). В основном это строения, имеющие базиликальную в плане форму с одним—тремя нефами и соответственно с одной или тремя апсидами. До настоящего времени исключение составляла только октагональная (восьмигранная) церковь на мысе Тешкли-Бурун.

Храмы и некрополи Мангупа пока изучены слабо. Обобщающие работы по этому вопросу отсутствуют, а большинство публикаций, посвященных исследованию отдельных памятников, в значительной степени носят описательный характер.

В 1890 г Ф. А. Брауном в цитадели была раскопана небольшая восьмигранная в плане церковь (октагон) [6, с. 21—23; 7, с. 16—17] А. Л. Бертье-Делагард отмечал, что открытая постройка «... очень своеобразна, редкого центрального типа, единственная не только на Мангупе, но и во всем Крыму [8, с. 44]. Время возведения этого здания до сих пор вызывает споры среди специалистов. А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова датировали его VI в. [1, с. 326]. О. И. Домбровский относил время строительства октагона к VIII в. и считал его княжеской капеллой [3, с. 51; 9, с. 122].

Ф. А. Браун в 1890 г. также начал раскопки большой базилики [7, с. 18—19], исследования которой с длительными перерывами ведутся до настоящего време-

© В. Л. Мыц, 1990 г.

ни: в 1912—1914 гг.— Р. Х. Лепером [10, с. 76—77; 11, с. 147; 12, с. 72—79]; в 1938 г.— М. А. Тихановой [13, с. 334—389], а в последние годы — Н. И. Барминой [14, с. 356; 15, с. 30—39] и А. И. Романчук [16, с. 283] О времени строительства этого памятника высказывались различные точки зрения. Раннюю дату возведения базилики (VI в.) отстаивали Р. Х. Лепер [11, с. 297, 300], Л. А. Моисеев [12, с. 73], А. С. Башкиров [17, с. 264], А. А. Васильев [18, с. 181], А. Л. Якобсон [19, с. 205] и М. А. Тиханова [13, с. 387]. Н. И. Репников сооружение этой церкви относил к VIII в. [20, с. 26—31], а А. Л. Бертье-Делагард — к X в. [8, с. 40]. Раскопки Н. И. Барминой [15, с. 39] подтверждают дату, предложенную Бертье-Делагардом, хотя сама Бармина в одной из последних работ датировала базилику рубежом V—VI вв. [21, с. 20]

На протяжении своего существования (с X по XV в.) этот храм подвергался разрушениям и перестраивался. Последнее восстановление этого здания было проведено в конце XIV — начале XV в. [13, с. 387] В 1475 г. при захвате Мангупа турками базилика разрушается и больше не восстанавливается.

На восточном обрыве Тешкли-Буруна в 1912 г. Р. Х. Лепер расчистил вырубленный в скале храм. Потолок этого здания, видимо, был деревянным [10, с. 54] В 1938 г. в нескольких метрах к югу от стены цитадели Е. В. Веймарном открыты следы небольшой одноапсидной часовни X в. [22, с. 420—421], от которой на скале прослеживались очертания плана здания [23, с. 126, рис. 2]. В 1967—1969 гг. им также были обследованы еще несколько церквей, располагавшихся у южных обрывов Мангупа. Время их строительства Е. В. Веймарн отнес к IX—X вв. [23, с. 134]

Из пещерных церквей Мангупа особый интерес представляет храм, входивший в монастырский комплекс, который находился в южном обрыве. В церкви сохранились остатки фресок XIV—XV вв. [24, с. 78—89].

Рядом с храмами и непосредственно в них устраивались усыпальницы или склепы (исключение составляет только октагон, возле которого погребения не обнаружены). При исследовании некрополей, расположенных на плато Мангупа, получен материал, датируемый III—VII, но в основном X—XVIII вв., что указывает на длительность их существования. Позднесредневековые погребения (XVI—XVIII вв.) немногочисленны — это говорит об уменьшении христианской общины после захвата города турками.

В 1938 г. Е. В. Веймарном была сделана попытка определить местонахождение раннесредневекового некрополя Мангупа [22, с. 420] С этой целью он провел разведку на юго-восточном склоне горы. Здесь проходит колесная дорога, ведущая к главным крепостным воротам. По обеим ее сторонам в зарослях кустарника еще до недавнего времени были заметны мусульманские надгробия. Наличие в этом месте позднесредневековых захоронений позволило предположить, что и в раннесредневековую пору где-то рядом находился могильник.

Заложенные разведывательные траншеи на глубине 0,40—0,50 м вскрыли три грунтовые могилы. Погребенные ориентированы головой на запад и лежали на спине в вытянутом положении. Вещей в могилах не найдено, кроме одной, где обнаружены остатки деревянного гроба и восемь кованых гвоздей.

Проведенные работы не дали ожидаемых результатов. Исследованные погребения были сочтены мусульманскими и отнесены ко времени не ранее конца XV в. в [22, с. 420]. На этом раскопки были прекращены, и с тех пор за могильником на юго-восточном склоне Мангупа в научной литературе закрепилось определение «турецкое кладбище XV—XVI вв.» [22, с. 421, рис. 2, 21]

Весной 1981 г. автором при осмотре террас, проложенных на юго-восточном склоне горы Мангуп для посадок сосны, были обнаружены развалины ранее неизвестной церкви (рис. 1—3). Проведенными в том же году охранными раскопками раскрыт крестообразный храм размером 15,50×15,55 м [25, с. 1—13; 26, с. 294, 295]

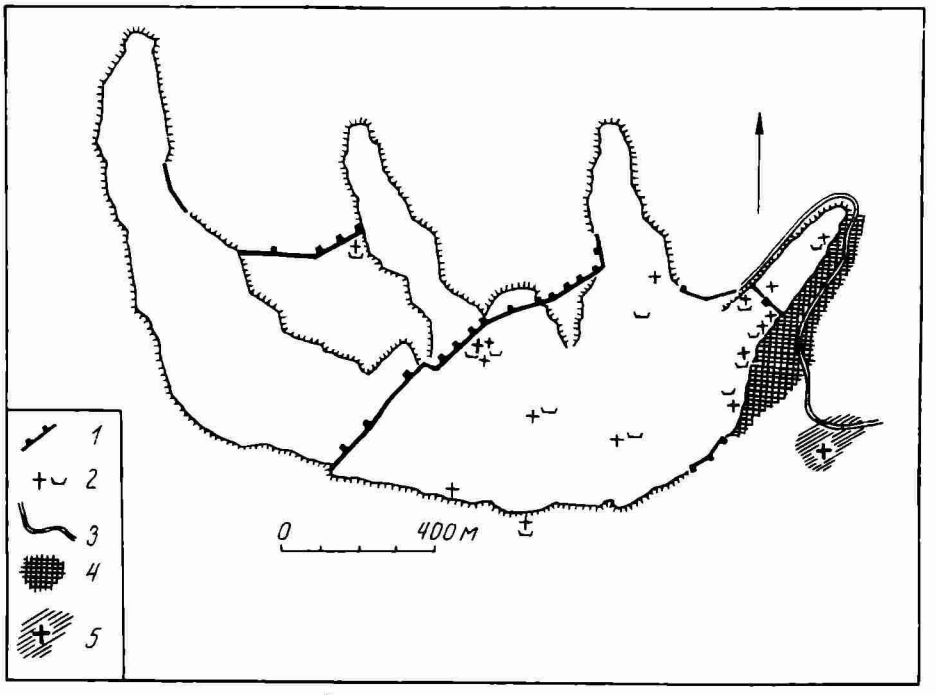


Рис. 1 План Мангупа (по Е. В. Веймарну, с дополнениями автора). *1* — оборонительные стены и башни; *2* — храмы и некрополи; *3* — главная дорога; *4* — поселение IX—X вв., *5* — крестообразный храм и загородный некрополь Мангупа IX—XVIII вв.

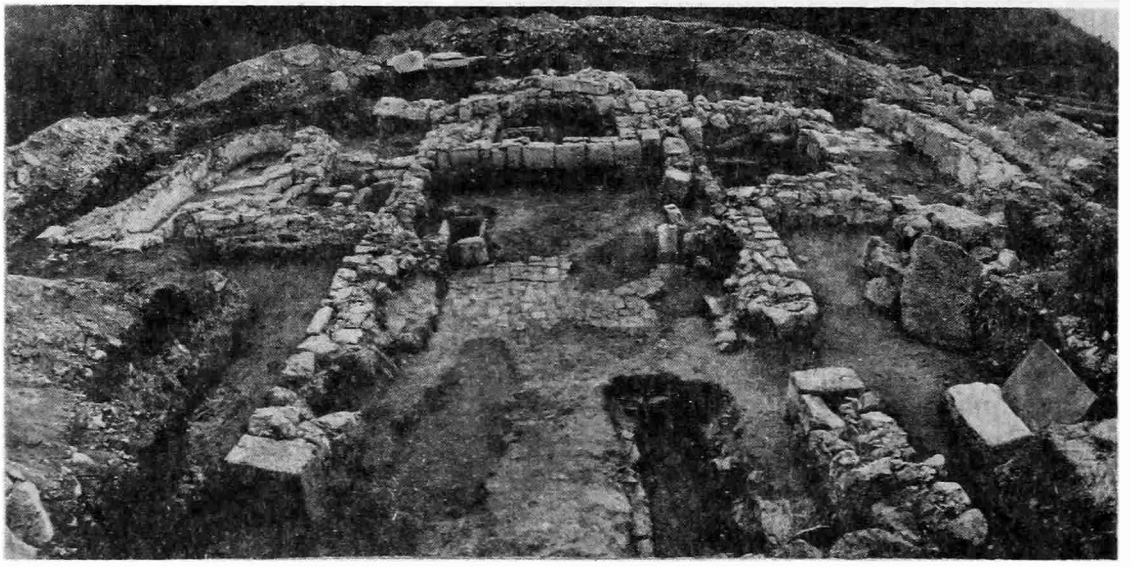


Рис. 2. Крестообразный храм Мангупа после раскопок. Вид с запада

Как показали исследования, храм был построен в конце IX в., а в X в. сильно пострадал от пожара. В X в., до пожара, производились перестройки этого здания. Первоначально церковь представляла собой постройку размером 9,25×11,40 м с тремя входами шириной 0,7—0,8 м, устроенными в щековых стенах. Затем к северной и южной ветвям креста пристраиваются два придела, примыкавшие к входам, в виде небольших часовен 2,5×6,25 м, а к западному входу притвор 4,1×4,95 м. Вероятно, в связи с этими перестройками было произведено утолщение апсиды на 0,3 м и разобрана западная щековая стена.

Каждый из приделов имел свой вход: северный придел — с запада; южный — с юга; в притвор вело два входа — с севера и юга. Такая перемена свидетельствует о каком-то изменении всей строительно-планировочной ситуации вне храма; не исключено, что при дальнейшем исследовании вокруг него могут быть открыты и другие постройки.

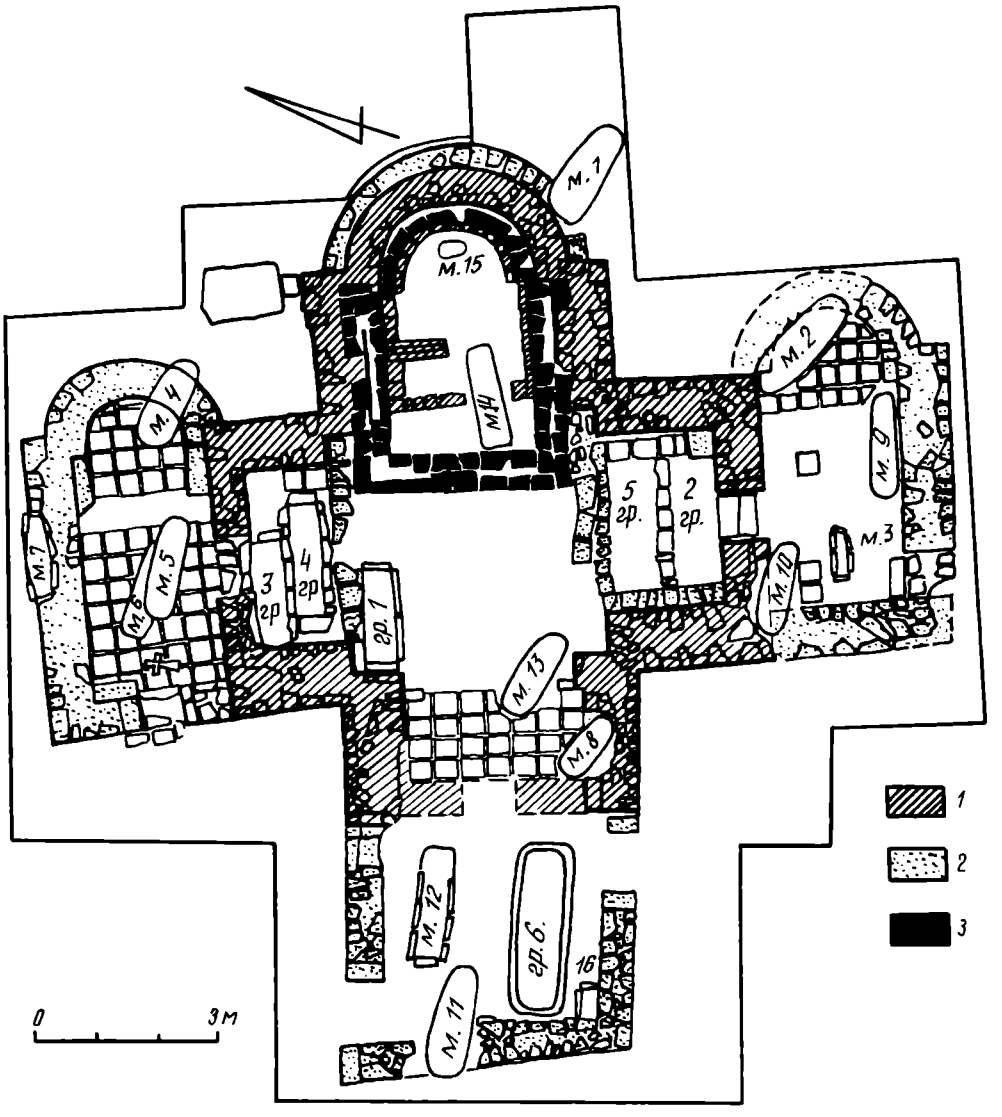


Рис. 3. План крестообразного храма. *1* — первый строительный период; *2* — второй строительный период; *3* — третий строительный период

Несколько позже перестроек, о которых говорилось выше, южная и северная ветви храма вместе с приделами были отгорожены и в них были устроены гробницы 4 и 5 (рис. 3).

После разрушения в X в. храм уже не восстанавливался. В XIII—XIV вв. на его развалинах с использованием центральной апсиды строится небольшая часовня, размером 3,75×5,10 м, которая простояла, видимо, до XVIII в. (об этом говорят позднесредневековые находки на ее полу) Вокруг часовни в течение всего периода ее существования располагался могильник.

Толщина культурного слоя на участке раскопок храма колеблется в пределах от 0,4 до 1,3 м. Здесь прослежены следующие напластования. Под дерновым слоем толщиной 0,1—0,2 м залегал светло-коричневый грунт с включениями известковой крошки и мелкого камня (его толщина 0,05—0,50 м). Два верхних слоя в некоторых местах разрушены при прокладке террас. В этих слоях встречались обломки керамид и калиптеров, плинфы, фрагменты стенок амфор причерноморского типа и кувшинов с плоскими ручками. Слой светло-коричневого грунта образовался после того, как часовня была заброшена, а ее стены разобраны на камень (XVIII—XIX вв.). В это же время, видимо, продолжали выбирать камень и из стен крестообразного храма.

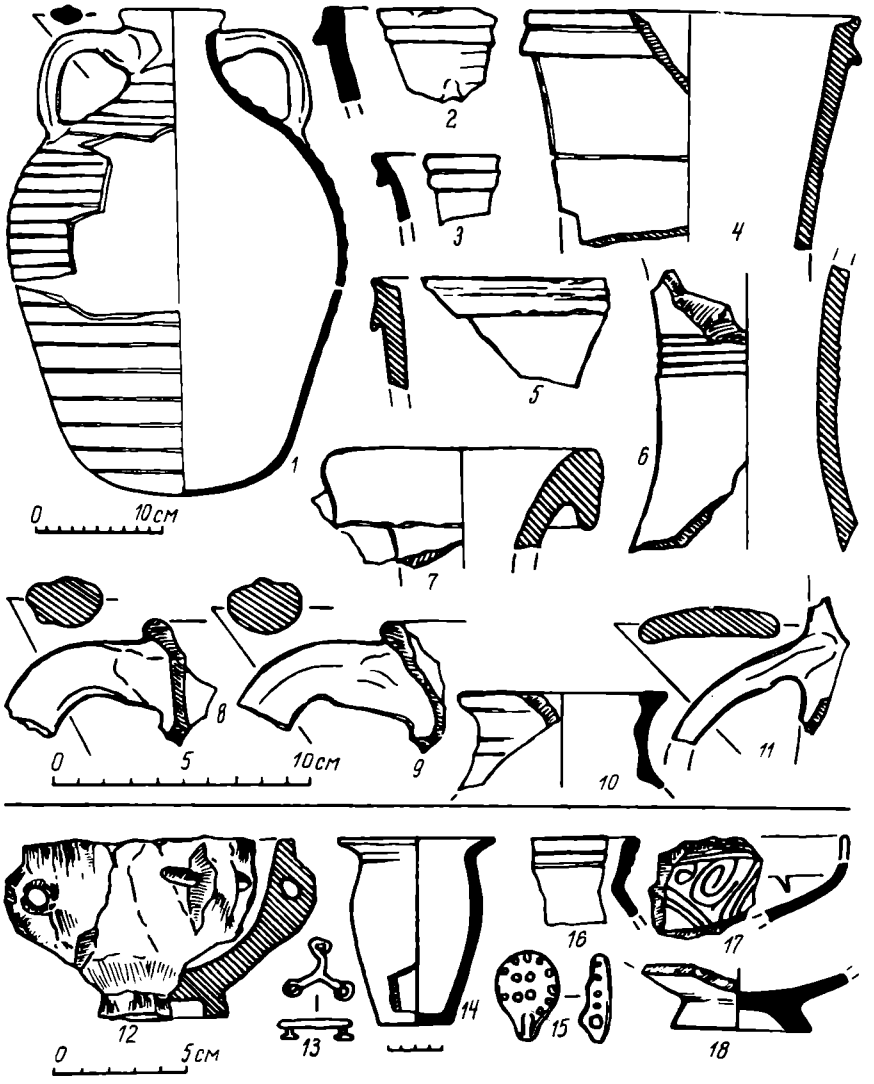


Рис. 4. Находки из раскопок храма. *1—11* — из раскопок церкви IX—X вв. *12—18* — из раскопок часовни XIV—XVIII вв.

Ниже светло-коричневого слоя залегал темный плотный глинистый грунт (его толщина составляла всего лишь 3—5 см). Никакого археологического материала в нем не найдено. Только в некоторых местах собраны обломки костей мелких и крупных домашних (?) животных. Слой плотного глинистого грунта является, видимо, дневной поверхностью XIV—XVIII вв. — времени использования часовни. Внутри нее этот слой не прослежен — он примыкает к сохранившимся частям ее стен с наружной стороны.

В часовне под слоем светло-коричневого грунта залегал слой завала, состоящий из камня (найдено несколько хорошо отесанных квадров), разложившегося известкового раствора, обломков черепицы и темной земли. Завал лежал на глиняном полу. Здесь были собраны обломки черепиц-керамид (123 фрагмента). Из них удалось почти полностью склеить только две (рис. 5, *13, 14*). Тут же найдено и несколько позднесредневековых предметов: красноглиняный по́ливной детский горшок XVIII в., лепной светильник с тремя «ушками» для подвешивания и фаянсовая пуговица (рис. 4, *12, 14, 15*).

Под пол часовни была сделана подсыпка из строительного мусора (известковая крошка, мелкие камни, отески) и земли. В этом слое найдены: донная часть стеклянного бокала, обломок венчика коричневоглиняного горшка и фрагменты поливной керамики XIII—XIV вв. (рис. 4, *16—18*). Эти находки позволяют говорить о том, что церковь построена не ранее XIII—XIV вв.

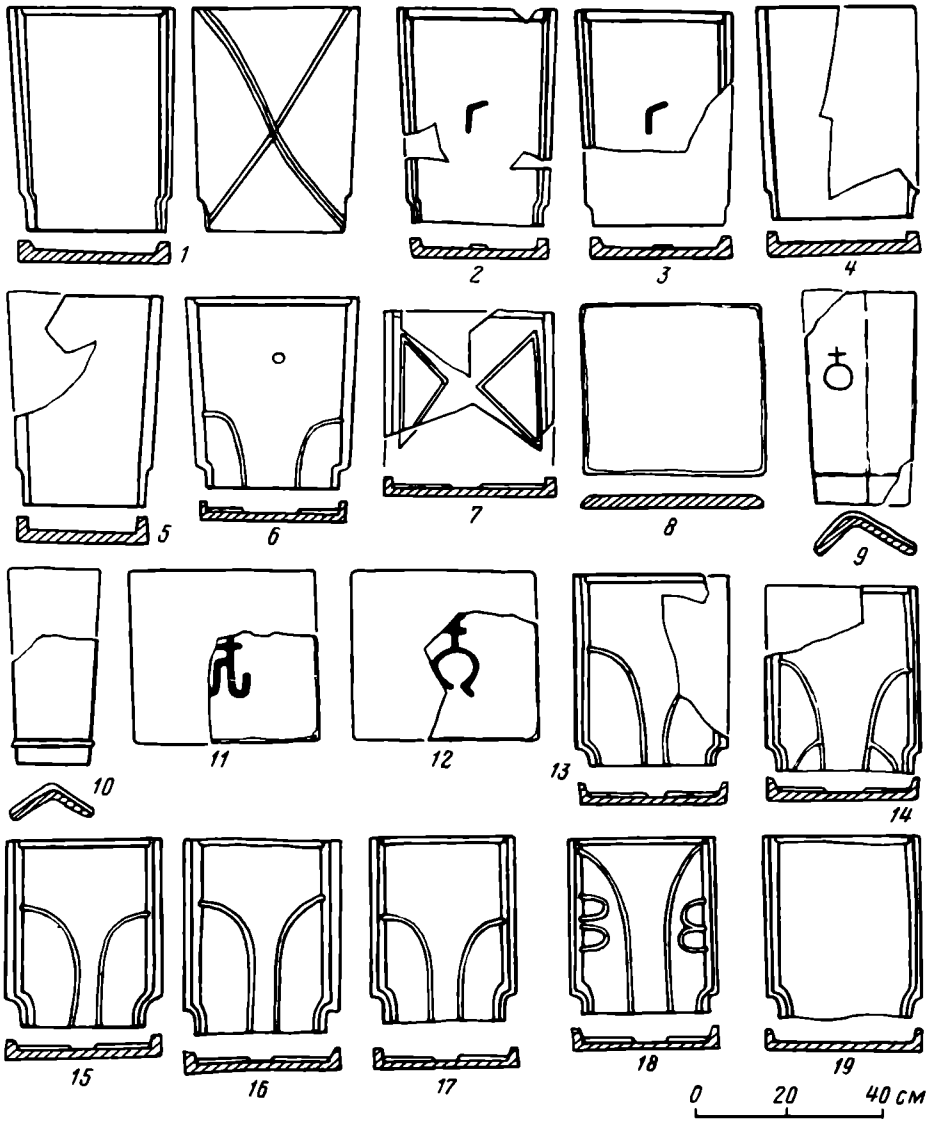


Рис. 5. Черепица и плинфа из раскопок храма. *1—12* — IX—X вв.; *13—19* — XVIII—XIV вв.

Возле западной стены часовни (с внешней стороны) прослежена строительная траншея, которая прорезала нарушенный перекопами слой завала храма IX—X вв. Грунт, заполнявший траншею, по цвету был более темным, чем слой завала.

С наружной стороны стен часовни под слоем темного глинистого грунта залегал слой известковой крошки; вероятно, это следы строительства часовни. Под известковой крошкой шел слой завала храма X в. или следы перекопов, которые образовались при выборке камня из стен храма и совершении погребений. Надо отметить, что следы перекопов прослежены нами при раскопках почти повсеместно.

Из слоев, которые были нарушены перекопами, получен большой, но сильно фрагментированный керамический материал: в основном это обломки керамид, калиптеров и плинфы. В древности нетронутыми остались небольшие участки каменного завала стен храма IX—X вв. Именно отсюда происходят находки нескольких склеившихся керамид и калиптеров (рис. 5, *1—7, 9, 10*)

Следы пожара X в. удалось проследить только в двух местах: в северном приделе и у южной стены притвора (с внешней стороны). В обоих случаях обнаружены остатки сгоревших дверей и дверных рам; здесь зачищено несколько фрагментов обуглившихся брусков. Интересен тот факт, что при раскопках

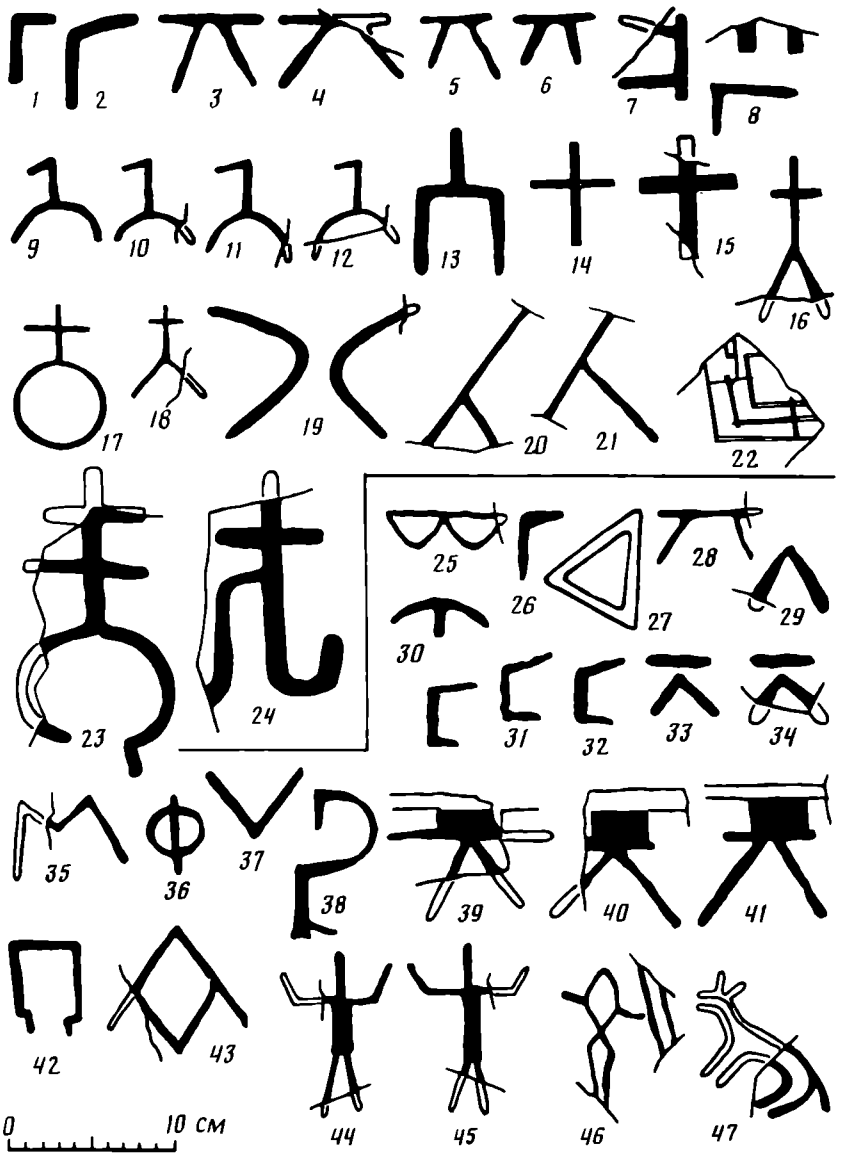


Рис. 6. Метки на черепице и плинфе. *1—24* — IX—X вв., *25—47* — XIII—XIV вв.

храма не найдено ни одного гвоздя. Это говорит о том, то перекрытие церкви было не стропильным, а каменным сводчатым.

Остатки строительной деятельности IX—X вв. прослежены в двух местах: с наружной стороны апсиды и с северной стороны придела, где найдены натеки извести, образовавшиеся при кладке стен, и слой известковой крошки.

Стены храма и его приделов сложены из известнякового бута с подтесанной лицевой стороной, без фундамента и стоят на материковой глине. Толщина несущих стен 0,98—1,05 м; щековых стен, стен приделов и притвора 0,6—0,8 м. В кладке углов использованы тщательно отесанные блоки. Некоторые из них больших размеров — 0,8×0,6×0,4 м и явно вторичного использования — на них налипли кусочки цемянкового раствора.

Стены сложены на прочном песочно-известковом растворе без добавления толченой керамики и сохранились на высоту 0,4—0,8 м. Изнутри и снаружи стены покрыты известковой штукатуркой. На внутренней стороне стен северного придела штукатурка сохранилась на полную их высоту и нанесена в два слоя. Расписной штукатурки при раскопках не найдено. Окна храма были застеклены: об этом говорят обломки оконного стекла округлой формы, найденные с наружной стороны стен южного крыла.

Полы в храме выложены плинфой размером 0,40×0,39×0,03 м, которая укладывалась на жидкий известковый раствор. Вымостка осталась нетронутой только в северном приделе, а в остальных местах сильно повреждена перекопами. В притворе пол был глиняным.

В отличие от кровельной черепицы метки на плинфах встречаются редко. Так, например, при раскопках крестообразного храма в слое завала найдено только два сравнительно крупных фрагмента, на которых оттиснуты рельефные метки в виде креста на круглой и прямоугольной, с расходящимися концами подставке (рис. 5, *11, 12;* 6, *23, 24*)

Крыша храма была покрыта черепицей. Керамиды и калиптеры IX—X вв. довольно больших размеров (34—36×47—50 см), со сливными валиками и без них. Керамиды с крыши часовни XIV—XVIII вв. несколько меньше (32—36× ×40—42 см).

По характеру теста черепицы делятся на четыре группы. К первой отнесены фрагменты керамид и калиптеров, содержащие большие включения шамота. Черенок в изломе от ярко-красного цвета до темного от пережога. Размеры и профили бортиков различны: прямоугольные, овальные, трапециевидные, высотой 4,5—6 см. Из первой группы собрать удалось одну керамиду и калиптер (рис. 5, *6, 9*). У керамиды водосливные валики помещены в нижней части поля, которое сильно сужено. Коньковый калиптер больших размеров — 20—25×50 см. Все коньковые калиптеры имеют одинаковую метку, представляющую собой крест на круге, и, видимо, были изготовлены в одной матрице (рис. 6, *17*).

Ко второй группе отнесены керамиды со светло-коричневым черепком и мелкими включениями шамота (рис. 5, *4, 5*). Они имеют сильно вытянутую форму и высокий (5—6 см) прямоугольный бортик. Третья группа керамид и калиптеров — с пестрым от большого включения белых частиц черепком. В четвертую группу выделены керамиды с кирпично-красным плотным черепком без каких-либо значительных включений.

Во время раскопок храма в общей сложности собрано более 8000 обломков керамид и калиптеров. На 54 из них метки в виде букв, человеческих фигурок, изображения животных и различных знаков (рис. 6). Фрагменты черепиц залегали в различных слоях, что дает нам примерное время бытования тех или иных меток. Одна группа меток отнесена нами к IX—X, а другая — к XIII—XIV вв. (рис. 6).

При раскопках храма найдено 30 вариантов знаков, отличающихся по рельефу, характеру исполнения, размерам. Некоторые из меток встречены на Мангупе впервые [27, с. 181—192, рис. 1—8] и на других памятниках средневекового Крыма неизвестны. Это метки IX—X вв. (рис. 6, *9—12, 17, 19*) и XIII—XIV вв. (рис. 6, *38, 39—41, 44—46*) [28, с. 64—70, рис. 38—42, с. 93—108, рис. 58—66, с. 147—154, рис. 94—100]

Среди знаков на черепице IX—X вв. следует также отметить «вавилон», процарапанный на фрагменте керамиды, где изображено три вписанных прямоугольника (рис. 6, *22*). Изображения «вавилонов» редко встречаются при раскопках средневековых памятников Крыма (в основном церквей). Они также известны в городах Древней Руси (Тмутаракани и Старой Рязани) [29, с. 87, 88, рис. 14—16; 30, с. 82] и Болгарии (Преслав) [31, с. 5, 15, 40 (рис. 16), 61; 32, с. 143, табл. LXVII, *2*]

В кладках храма найдены обломки стенок, ручек и венчиков амфор VIII—IX вв., кувшинов с плоскими ручками IX—X вв. (рис. 4, *1—6, 8—11*) [28, с. 30 и сл., рис. 12, 13, с. 75, рис. 45, *8—10*] Фрагменты амфор из стен храма первого строительного периода — двух видов [13; 28, с. 30, рис. 12] У амфор первого вида высокое вытянутое горло с венчиком, имеющим плоский верхний край, и ручки, профилированные продольным валиком. Черепок этих амфор ярко-красный, со слабой желобчатостью. Отдельные экземпляры покрыты светлым ангобом.

Аналогичные сосуды широко бытовали на территории полуострова, и особенно в его прибрежной и горной части [28, с. 30, рис. 12]. Они также известны в Подонье на памятниках VIII—IX вв. [33, с. 244, рис. 28, *3, 7,* 50, *13—15*; 34, с. 71, рис. 35; 35, с. 345, рис. 13, 14].

Амфоры второго вида — несколько меньших размеров. Они имеют короткое горло, овальный в сечении венчик, под которым верхним концом крепятся профилированные ручки. Сосуды такого рода были распространены в Северном Причерноморье и производились, видимо, в Крыму [28,.с. 31, рис. 13, *1—3*].

Кувшины с широкой плоской ручкой имеют высокое горло, завершающееся профилированным венчиком. Черепок в изломе темно-красный, с большим включением песка. Отдельные фрагменты покрыты изнутри темным смолистым слоем. Такие кувшины известны на многих крымских памятниках IX—X вв., а также в Подонье и Приазовье, где они встречаются значительно реже [28, с. 33, рис. 14]

В северной стене притвора найден фрагмент венчика грушевидной амфоры (рис. 4, *7*). Венчик имеет отогнутый наружу край, напоминающий отложной воротничок. Черепок светло-красный. Эта находка принадлежит к наиболее раннему варианту таких амфор, имевших массивный венчик и уплощенные ручки, незначительно возвышающиеся над ним [28, с. 109 и сл., рис. 68, *1, 3*]. Грушевидные амфоры раннего варианта (X в.) известны в Константинополе [36, с. 46, 148, 149] и Северном Причерноморье — в Херсонесе [37, с. 93, рис. 22, 23], Саркеле, Тмутаракани и Боспоре [28, с. 110, рис. 68, *3*; 33, с. 245, рис. 31, *1, 3, 4*; 38, с. 48, рис. 29, 30]. Находка фрагмента этой амфоры дает нам возможность отнести время перестроек крестообразного храма к X в.

На полу северного придела в слое пожара найдены большой каменный крест с расширяющимися ветвями (его размеры 0,6×0,3 м), фрагмент горла кувшина (рис. 4, *6*) и обломки нескольких амфор (частично удалось собрать только один экземпляр — рис. 4, *1*), представлявших собой небольшие сосуды с коротким приземистым желобчатым туловом. Ручки профилированы небольшим продольным валиком. Черепок в изломе красный. Амфоры этого типа встречаются в Херсонесе в слоях X в., хорошо датированных монетами императоров Романа I, Константина Багрянородного, Романа II. Такие же амфоры известны в Саркеле хазарского периода (они являются массовыми находками в слое X в.) [33, с. 244, рис. 21, *1—4*], в Западном Причерноморье [39, с. 905—906, рис. 2; 40, с. 625, рис. V, *7*, с. 659; 41, с. 512—527; 42, с. 250—254; рис. 154, *1*; 43, с. 250—251, рис. 4, *2, 5*] и в Византии [36, с. 46, 148—149, рис. 198] Таким образом, пожар и разрушение крестообразного храма следует отнести к X в. (более позднего материала в слое пожара нет).

У первоначального западного входа в храм (существовавшего до сооружения притвора) в слое завала найдено несколько обломков глиняных вставок для надгробий, архитектурных деталей (рис. 7, *1—8*) и фрагмент плиты, на которой сохранилась верхняя ветвь рельефно выполненного креста с пятистрочной греческой надписью [1] (рис. 8). Плита обломана со всех сторон. Ее высота 14 см, ширина 13 см, толщина 3,5—4 см, высота букв 0,5—0,9 см.

Поверхность лицевой стороны плиты хорошо сглажена. Вверху сохранились остатки рельефной рамки, под которой помещен верхний конец слегка расширяющегося рельефного креста, а справа от него — изображение, напоминающее крыло птицы или пальмовую ветвь (вероятно, слева от креста симметрично располагалось аналогичное изображение). Возможно, это были украшения, заполнявшие пустое поле, а быть может, они имели какое-то символическое значение.

На ветви креста тонко прочерчена надпись, первая строка которой сильно повреждена. После четвертой строки проведена горизонтальная черта, а под ней помещены две крупные буквы.

---

[1] Заключение о надписи сделала по нашей просьбе Э. И. Соломоник.

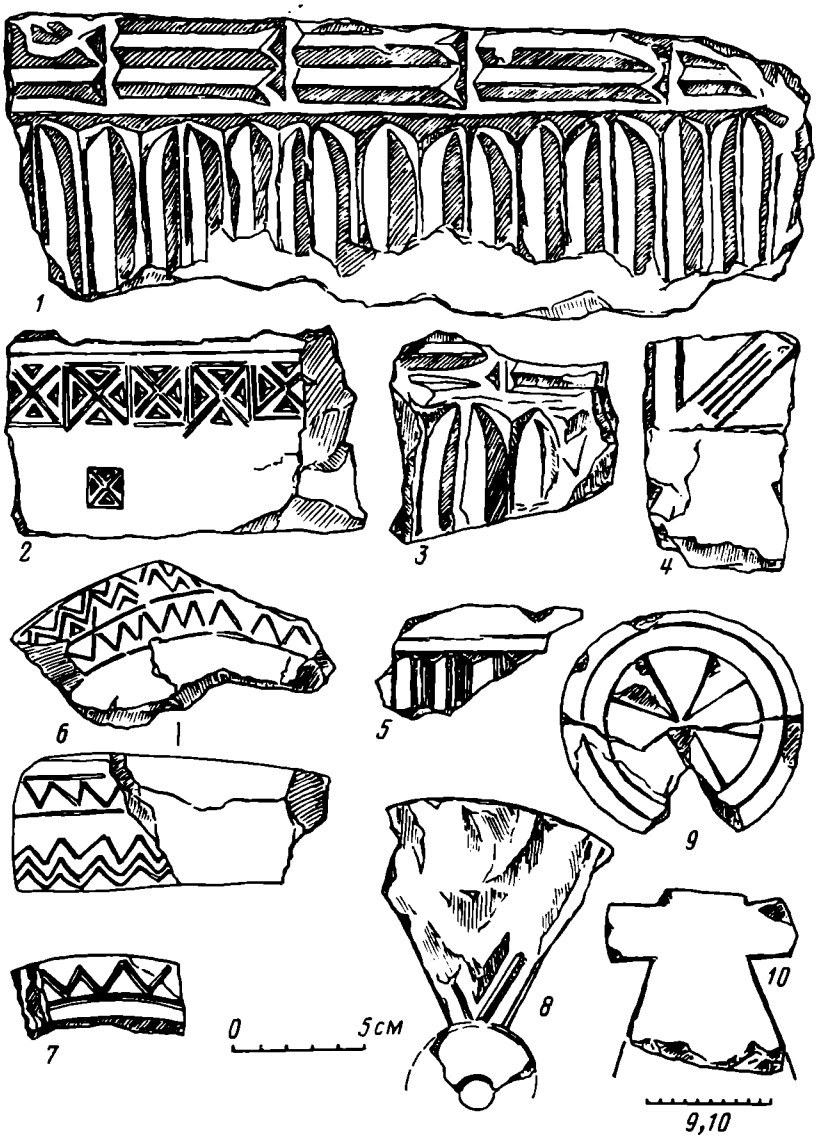


Рис. 7 Фрагменты архитектурных деталей (*1—5*) и надгробных крестов (*6—9*) из раскопок храма. *1—5, 9, 10* — из мергеля; *6—8* — из обожженной глины

Для шрифта надписи характерно курсивное Е, буквы Θ и О удлиненной формы, А со скошенной средней гастой, Δ, π, τ с опущенными от горизонтали концами, Χ и Υ украшены вверху косыми линиями.

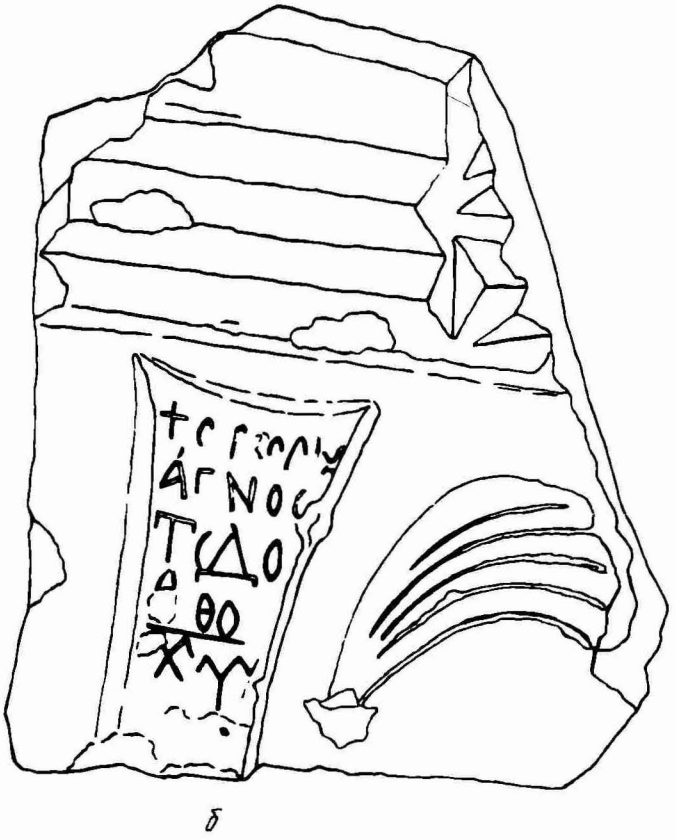
Все эти особенности встречаются в двух датированных надписях из Болгарии, одна из которых относится к 870 г., а другая к 879—886 гг. Аналогичная, сравнительно редкая форма буквы Χ есть и на двух надгробиях, найденных на Кавказе [44, с. 99 и сл.] Концом IX или началом X в. можно датировать и рассматриваемую надпись, что соответствует датировке храма, на развалинах которого она найдена.

1 + ΕΓΘ[...]	1 + Εγθ[...]
ΑΓΝΟΥ	αγνο$\bar{υ}$
ΤΕΔΟ	(Θ)ε(ο)δό--
ΘΟ	(τ)ο(υ)
5. ΧΥ	5. Χ(ριστο)$\bar{υ}$

Перевод: «... святого Феодота. Христа.»

В имени Федота опущено одно О и по ошибке поменяли местами τ и О. Для аб-

а



б

Рис. 8. Фрагмент плиты с надписью (*а* — фото, *б* — прорисовка)

бревиации имени Христа в родительном падеже чаще писали ХРОУ но иногда ограничивались и двумя буквами — ХУ [45, № 107 и 73*а*]. В первой строке, возможно, было слово ЕNΘЕОΣ (боговдохновенный), причем N заменено на Г

Надпись позволяет предполагать, что открытый на юго-восточном склоне Мангупа храм был построен во имя святого Феодота. Греко-православной церковью почитается восемь священномучеников, носивших имя Феодот [46, с. 412], причем пять из них отмечены не в единственном числе, а с другими священномучениками [46, с. 44, 103, 166, 226, 238] и только три почитаются отдельно. Это епископ Киринийский (убит в 320 г. н. э.), Феодот Агкирский (убит в 295 г. н. э.) и Феодот Корчешник [46, с. 53, 142, 288]. Вероятнее всего, храм могли поставить во имя Феодота — епископа Киринийского или Феодота Агкирского, потому что им в месяцеслове уделяется больше внимания (Феодот Агкирский, например, почитается дважды — 18 мая и 7 июня), а о Феодоте Корчешнике, почитаемом 7 ноября, сказано лишь, что он жил в III в. [46, с. 288]

В решении вопроса, которому из священномучеников по имени Феодот был поставлен храм, на наш взгляд, может помочь ориентировка храма, его расположение по отношению к сторонам света. Церковь апсидой ориентирована на северо-восток (57°). Если сделать поправку на склонение магнитной стрелки для Юго-Западного Крыма в 3°, то истинный азимут (магнитный азимут плюс 3°) будет равен 60° В свое время Л. В. Фирсовым было высказано предположение, что строители средневековых храмов при закладке зданий выбирали для их ориентировки вполне определенную точку горизонта, которая соответствовала дате почитания того или иного святого [47, с. 2].

Наиболее северо-восточным является восход Солнца в день летнего солнцестояния: 22 июня Солнце восходит на горизонте Юго-Западного Крыма по азимуту 65° К летнему солнцестоянию близки скользящие даты важных христианских праздников — троицын и духов дни — и довольно близок праздник «всех святых» (Петра и Павла, 12 июля), когда Солнце восходит на 67° [47, с. 41] Азимут 60° близок к концу первой декады июня, что совпадает со вторым днем почитания Феодота Агкирского — 7 июня, во имя которого, видимо, и был возведен крестообразный храм Мангупа.

Церковь имела два строительных периода, отражавших два типологически различных объемно-планировочных решения [2], примененные последовательно [3] В первом строительном периоде храм представлял собой в плане равносторонний крест с очень короткими ветвями и примыкающей к восточной полукруглой апсидой. Во втором строительном периоде у северной и южной ветвей креста появились два симметричных друг другу придела — каждый с апсидой на восточной стороне; одновременно к западной ветви был пристроен притвор. В результате этих добавлений длина боковых ветвей креста стала равной их ширине, а западная сделалась несколько длиннее.

Сооружения, типологически близкие к Мангупскому храму и аналогичные ему в своем первом строительном периоде по размерам и пропорциям планов, были широко распространены и бытовали на протяжении длительного времени по всей территории, куда распространялось византийское влияние,— в районах Черного и Средиземного морей. К ним, в частности, относятся: церковь VII в. в Самцевриси (Грузия) [48, с. 320—324; 49, с. 9], церковь VII—VIII вв. Кармавор в Аштараке (Армения) [50, с. 8, 9, 15, 39, 74—79], церкви XII в. в селе Бобошево и Спарева баня (Болгария) [51, с. 121—122], церковь св. Дионисия в Бунисе (Сербия) [52, с. 39, сл., 48], церковь XI в. в Бин-бир-Килисе (Турция) [53, с. 221—223, рис. 181], Сентинский храм X—XI вв. у сел. Верхняя Тебер-

---

[2] В данном случае не учитывается третий строительный период, когда на руинах крестообразного храма с использованием центральной апсиды была возведена часовня.

[3] Пропорциональный анализ и реконструкция храма были выполнены архитектором Ю. Г Лосицким по нашей просьбе (рис. 9).

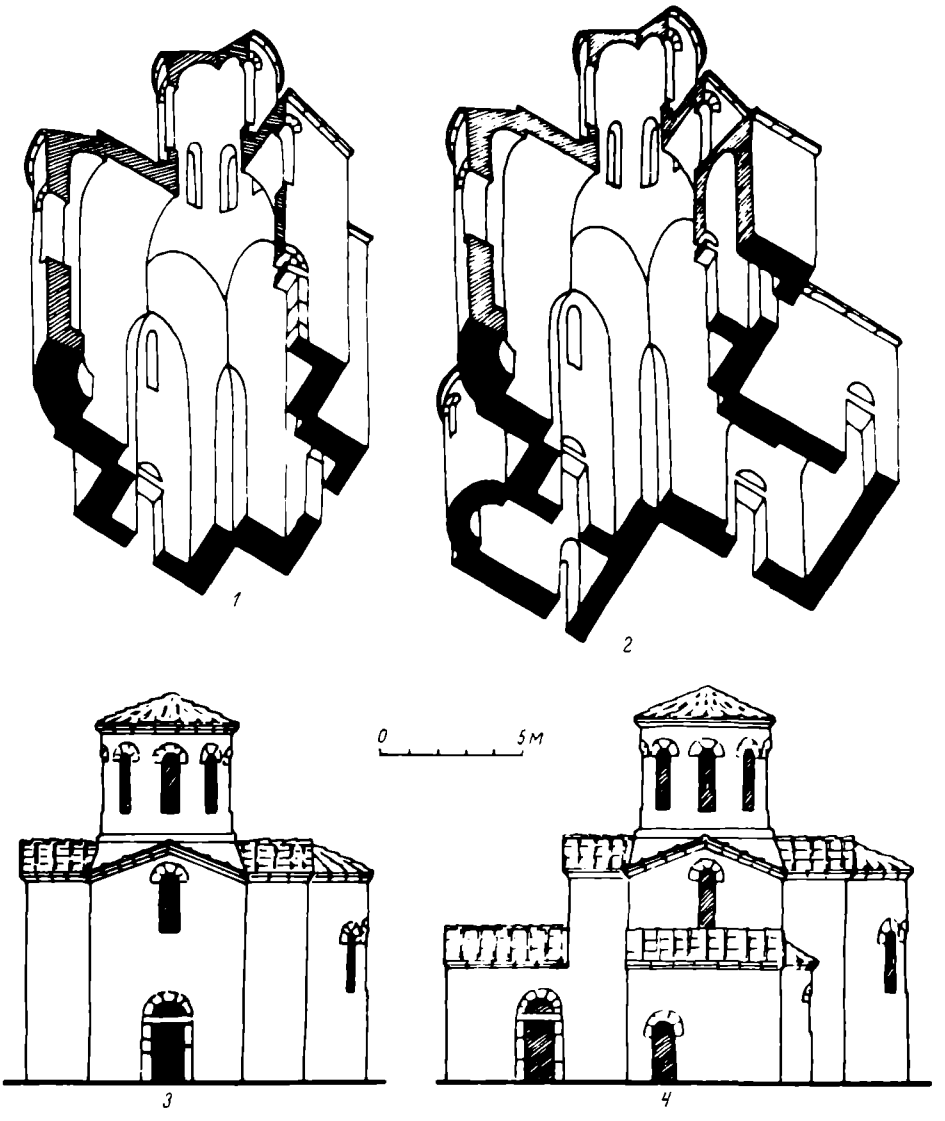


Рис. 9. Крестообразный храм. Первый и второй строительные периоды (реконструкция архитектора Ю. Г Лосицкого) *1* — аксонометрия первого строительного периода; *2* — аксонометрия второго строительного периода; *3* — южный фасад храма в первом строительном периоде; *4* — южный фасад храма во втором строительном периоде

да в Карачаево-Черкесии [54, с. 1—7, рис. 1—4], церковь X в. в Вышеграде [55, с. 653, рис. 327], а также многие другие (рис. 10)

Из приведенных примеров наиболее близок к Мангупскому как по пропорциям плана, так и по технике кладки Сентинский храм, дошедший до нашего времени в своем первоначальном виде. Это и позволило использовать его в качестве аналога при реконструкции первого строительного периода Мангупского храма.

Планировка второго строительного периода также была широко распространенной, и ей в той или иной степени соответствуют: храм Святого креста конца VIII — начала IX в. в Нине (Югославия) [55, т. 3, с. 400—401, рис. 170; 56, с. 182—183], церковь св. Николая (XIII в.) во Львове, церкви св. Даниила в Хероне (ок. 1020 г) и св. Марии в обл. Толедо (ок. 932 г) (Испания) [57, с. 34, 57, рис. 28—30, 71] пятиапсидный храм в Херсонесе (первая половина X в.) [58, с. 66—75; 59, с. 230, рис. 132] и ряд других сооружений.

Из этой типологической группы хорошо сохранился только храм в Нине. По своему внешнему виду — пропорциям, характеру кладки стен, наклонам

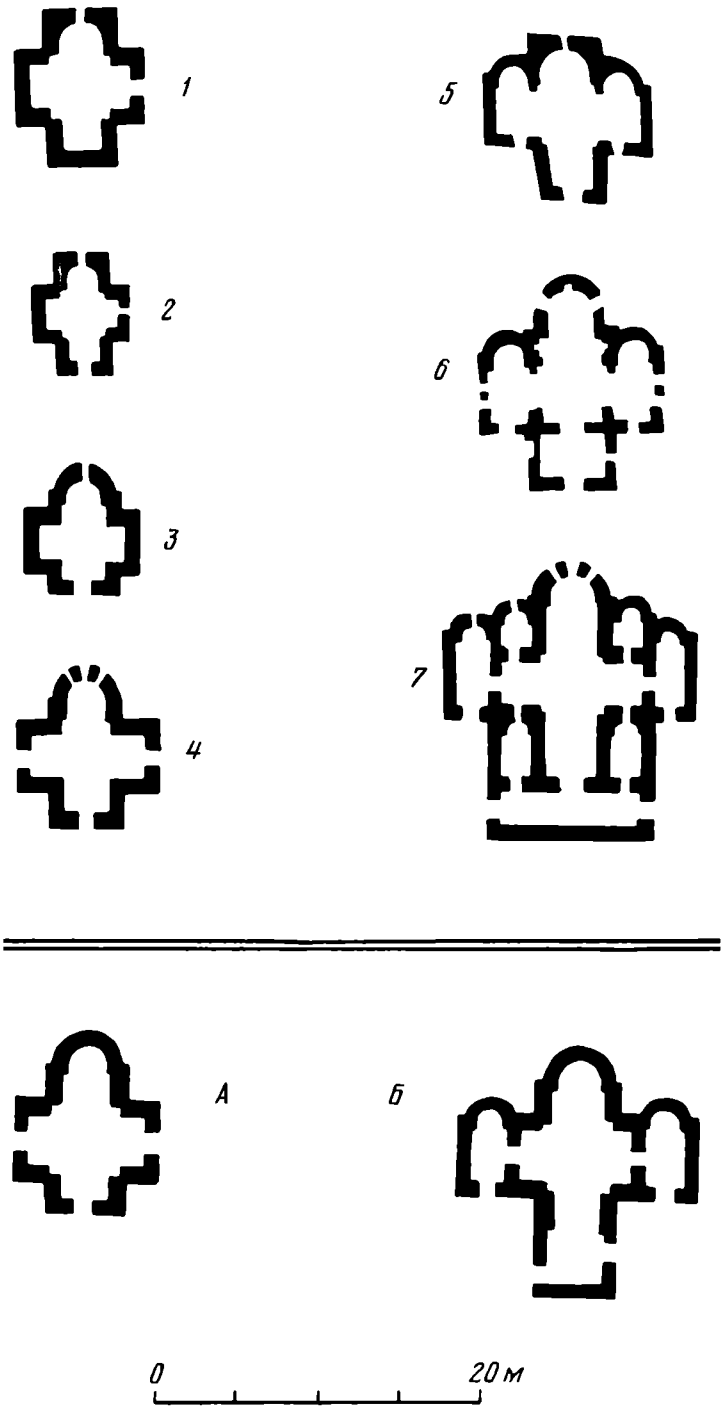


Рис. 10. Сравнительная таблица планов крестообразных храмов для первого (*А*) и второго (*Б*) строительных периодов (составлена архитектором Ю. Г. Лосицким). *1* — церковь Самцевриси (Грузия, VII в.), *2* — церковь Кармавор в Аштараке (Армения, VIII в.), *3* — церковь в с. Бобошево (Болгария, XII в.); *4* — Сентинский храм (Карачаево-Черкесия, XI в.), *5* — храм в Нине (Югославия, конец VIII — начало IX в.), *6* — церковь св. Николая во Львове (XIII в.); *7* — пятиапсидный храм в Херсонесе (первая половина X в.)

скатов крыш, очертанию купола — он очень близок к Сентинскому храму. Сходство этих двух сооружений дает основание полагать, что все подобные сооружения, расположенные в этих пределах, имели общие корни в византийской архитектуре, несколько изменившейся под влиянием различных местных традиций и не получившей еще в каждой местности свои локальные конкретные черты.

Очевидно, те же стилевые особенности были присущи и Мангупскому храму, имевшему вполне византийский облик.

До раскопок 1981 г. крестообразные христианские памятники в Крыму были известны только в Херсонесе, где раскрыто уже пять построек, имеющих в плане форму креста. Это такие здания, как Храм с ковчегом [60, с. 79—112], Храм под собором [61, с. 46—61], Загородний храм [62, с. 1—62], пристройка к Западной базилике [63, с. 51—73] и пристройка к Восточной базилике [64, с. 6—7].

Датировки херсонесских крестообразных храмов, которые в основном были раскопаны в дореволюционный период, остаются в той или иной степени дискуссионными, потому что, как правило, базируются на фактах, имеющих косвенное значение. Ни разу не был привлечен для определения времени возведения церкви массовый археологический материал. Исследователи принимали во внимание почти исключительно объемно-планировочное решение постройки и канонизировали при этом находки монет. Две даты: ранняя — V—VI вв. [65, с. 13, 17, 21, 68; 66, с. 197—207] и поздняя — X—XII вв. [67, с. 35—40; 68; 69] — бытуют в научной и научно-популярной литературе до настоящего времени.

В 1954 г. между А. Л. Якобсоном и О. И. Домбровским вспыхнула дискуссия по вопросу датировки Храма с ковчегом и Загороднего храма. При раскопках первой церкви в 1897 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем в алтарной части был найден серебряный ковчежец-саркофаг (мощехранительница) с клеймом-монограммой, читаемой как «Юстиниан», что и дало основание отнести памятник к середине VI в. Но в 1954 г. О. И. Домбровский, доследуя церковь, вскрыл субструкцию мозаичного пола, под которой находилась засыпь из строительного мусора и грунта. Верхняя часть засыпи содержала керамику VI—VII вв., а нижняя — X—XI вв., в том числе и поливную.

Примерно такая же ситуация возникла при доследовании О. И. Домбровским Загороднего храма, где в 1952 г. под субструкцией мозаичного пола была вскрыта засыпь из строительного мусора, в которой обнаружили обломки поливной керамики X—XII вв. и монету Романа. На основе этого О. И. Домбровский сделал вывод, что Загородний храм сооружен не раньше X в., возможно в X в., и перестраивался в XII в. или даже позднее [68]. Несмотря на полученные новые данные, А. Л. Якобсон продолжал настаивать на ранней дате [2, с. 155, примеч. 78 к I главе; 70, с. 17], объясняя присутствие материала X—XII вв. под субструкцией мозаичных полов в засыпи перемещениями по норам грызунов-землероев. Раскопки Мангупского крестообразного храма, на наш взгляд, подтверждают правильность датировки подобных сооружений в Херсонесе, предложенной в свое время О. И. Домбровским.

Исследованные при раскопках крестообразного храма погребальные сооружения можно разделить на три типа: гробницы (6); плитовые могилы (4); грунтовые могилы (12).

Гробницы (рис. 11, *1—6, 8*). Шесть исследованных гробниц различаются размерами, устройством и числом погребенных в них людей. Они расположены на разных уровнях, что стратиграфически подтверждает их разновременность. Ориентированы гробницы по оси юго-запад — северо-восток. Они перекрывались плитами мергеля толщиной от 0,06 до 0,20 м. Плиты перекрытия двух гробниц (4 и 5) тщательно обработаны и плотно подогнаны. Гробница 2 была вскрыта и ограблена еще в древности. На двух плитах, лежащих в центре перекрытия гробницы 1, процарапаны два знака (рис. 11, *1*). Размеры гробниц: ширина 0,50—0,72; длина 1,6—2,5; глубина 0,5—0,7 м. Стенки гробниц сложены из обработанных плит мергеля и известняка, поставленных на ребро. Северо-западная и юго-восточная стены гробницы 5 сложены из грубо отесанных камней и плиток мергеля в «елку» (рис. 11, *5, 6*). Гробница 6 (находится в притворе) вырублена в мергеле. Для установки плит перекрытия по краю гробницы сделаны заплечики шириной 0,10—0,12 м.

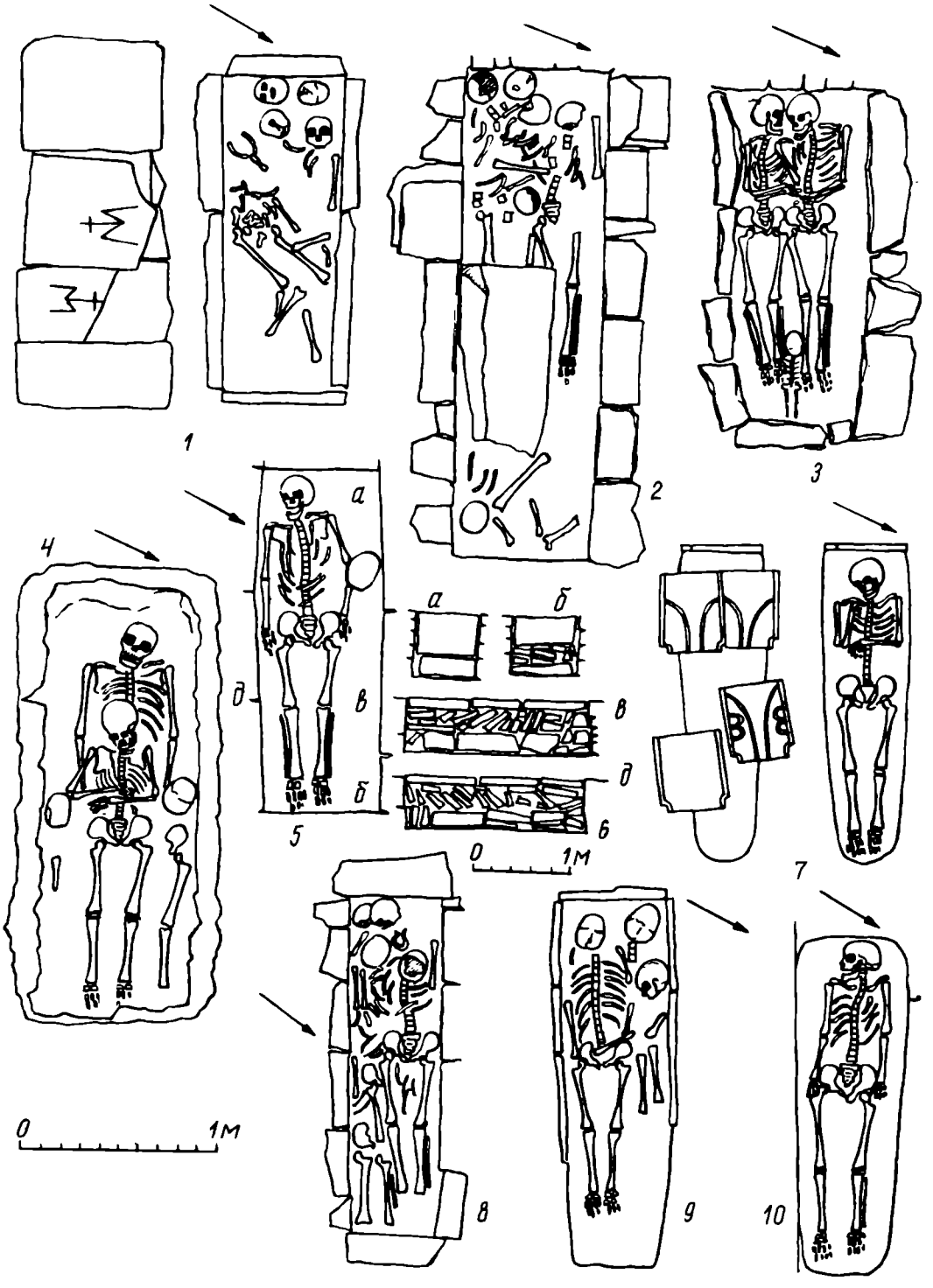


Рис. 11. Планы погребений из загородного некрополя Мангупа X—XVIII вв. *1* — гробница 1; *2* — гробница 2; *3* — гробница 3; *4* — гробница 6; *5* — гробница 5; *6* — фасировки стен гробницы 5; *7* — грунтовая могила 14; *8* — гробница 4; *9* — плитовая могила 12; *10* — грунтовая могила 9

В гробницах найдены останки от 2 до 13 погребенных. В анатомическом порядке лежали кости погребенных в гробницах 3, 5, 6. Кости рук погребенных в гробнице 3 и 6 согнуты в локтях, в гробнице 5 — вытянуты.

Ни в одной из гробниц никаких вещей не найдено. Данные стратиграфии и архитектурно-ситуационный анализ позволяют отнести гробницы 1, 4 и 5 к X в.— времени функционирования крестообразного храма. Остальные же гробницы, видимо, относятся ко времени более позднему, потому что были устроены на развалинах храма.

Плитовые могилы (рис. 3; 11, *9*). Ориентированы по оси юго-запад — северо-восток. Стенки и перекрытия могил сложены из плиток песчаника. По размерам могилы сильно различаются: ширина 0,27—0,55; длина 0,60—1,95; глубина 0,15—0,20 м. В каждой из могил найдены останки 1—3 погребенных (в могилах 7 и 16 были совершены одиночные детские погребения). В могиле 3 не найдено никаких следов погребенного, и, видимо, она представляла собой кенотаф. Эта могила обнаружена под вымосткой пола южного придела, и, очевидно, она синхронна храму X в. Все же остальные плитовые могилы более поздние.

Грунтовые могилы (рис. 3; 11, *7, 10*). Могилы ориентированы по оси запад-восток (1, 4, 8, 13) и юго-запад — северо-восток (2, 5, 6, 9—11, 14); на глубину 0,20—1,26 м вырыты в слое завала храма X в. и на 0,1—0,2 м в плотной материковой глине. Размеры могил: ширина 0,45—1,05; длина 1,5—1,9 м. Во всех грунтовых могилах совершены одиночные погребения. Кости рук и ног погребенных вытянуты (только в могиле 14 кости рук сложены в области груди). Все погребенные лежали головой на запад. Никаких предметов в могилах не найдено.

Погребение 15 (рис. 3) в апсиде храма представляет собой перезахоронение (под полом часовни найдены кости черепа, ног, рук, таза и нескольких позвонков, которые были сложены вместе).

Грунтовые погребения на участке раскопок ситуационно и стратиграфически связаны с часовней, построенной в XIV в. на развалинах крестообразного храма X в., и в общем могут быть датированы XIV—XVIII вв.

Из всех исследованных грунтовых могил особый интерес представляет могила 14 (рис. 3; 11, *7*). Она находится в часовне. Могильная яма прослежена на уровне пола церкви, который она прорезала. При устройстве могилы частично разобран порог предалтарного возвышения. Сверху могила была перекрыта четырьмя керамидами, пятая керамида поставлена на ребро и образовывала юго-западную стенку. Аналогичные черепицы найдены в слое завала часовни. Керамиды из погребения 14 происходят, видимо, с крыши часовни. Само погребение, наверное, совершено в церкви после того, как ее перестали использовать и она разрушилась, т. е. в XVIII в.

Раскопки 1981 г., проведенные на юго-восточном склоне Мангупа, значительно дополняют сведения об исторической топографии города и его округи. В IX—X вв. здесь существовало обширное поселение. На невысоком холме, к которому с севера примыкает поселение (рис. 1), на рубеже IX—X вв. строится крестообразный храм. Вокруг храма возникает христианский некрополь.

В конце X в. поселение погибает в сильном пожаре, который предположительно можно связывать с нападением на Мангуп печенегов. После разрушения в X в. храм уже не восстанавливался, и его стены были постепенно разобраны. В XIV в. на развалинах крестообразного храма строится небольшая часовня (она используется до XVIII в.).

Первые захоронения на юго-восточном склоне Мангупа были, видимо, совершены еще на рубеже IX—X вв., при крестообразном храме, и продолжались вплоть до XVIII в., пока город не был покинут немногочисленной христианской общиной.

На открытом участке некрополя площадью ~ 170 м^2 исследованы 22 погребальных сооружения, в которых найдены останки примерно 47 погребенных. Захоронения разновременны. Первоначально (с конца IX и в X в.) хоронят в гробницах и плитовых могилах. Самыми поздними являются захоронения в грунтовых могилах (XIV—XVIII вв.). Одновременно с грунтовыми могилами продолжают использоваться плитовые могилы и усыпальницы. Ни при одном из погребенных не найдено никаких предметов. В отсутствии инвентаря в могильниках XI—XIII вв. (или его бедности) М. А. Тиханова видела «единообразие социально-экономического уровня населения Таврики в эту пору» [1, с. 328]. Мы же склонны видеть в единообразии погребального обряда и отсутствии сопровождающих покойников предметов не социальную однородность, а нивели-

рующее действие христианской религии. Укоренение христианского мировоззрения среди населения Мангупа привело к подобному явлению.

Насколько можно судить по данным раскопок крестообразного храма, процесс христианизации населения Мангупа завершился на рубеже IX—X вв. Если в VII—IX вв. на городище и его склонах хоронят в склепах (причем погребенные сопровождались инвентарем, позволяющим говорить об этнической и половозрастной принадлежности умерших), то начиная с конца IX—X в. на городище и юго-восточном склоне хоронят в плитовых могилах и церковных усыпальницах, в которых инвентарь практически отсутствует или малочислен.

Формирование христианской идеологии у населения Мангупа происходило под сильным влиянием и через культурные связи с Херсоном — местом почитания многих христианских святынь. Строительство культовых сооружений Мангупа (в том числе и крестообразного храма) велось, видимо, при участии византийских мастеровых.

Погребения мусульман на юго-восточном склоне Мангупа могли появиться не ранее конца XV в., когда город был захвачен турками, а в его цитадели разместился турецкий гарнизон. Сосуществование рядом христианского и мусульманского некрополей можно объяснить веротерпимостью турецкой администрации; кроме того, могло быть и так, что жители города, принявшие мусульманство, продолжали хоронить своих родичей на том же месте, следуя многовековой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
2. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964.
3. *Домбровский О. И., Махнева О. А.* Столица Феодоритов. Симферополь, 1973.
4. *Уваров А. С.* Сборник материалов для биографии. Т. III. М., 1910.
5. *Репников Н. И.* Археологическая карта Крымского нагорья // Архив ЛОИА. Ф. 10. Д. № 9.
6. *Браун Ф. А.* Раскопки, произведенные на Мангупе летом 1890 г. // Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. № 40.
7. ОАК за 1890 г СПб., 1893.
8. *Бертье-Делагард А. Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК, 1918. Вып. 55.
9. Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.
10. *Лепер Р. Х.* Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47
11. *Лепер Р. Х.* Сообщения о раскопках на Мангупе в 1913 г. // ИТУАК. 1914. Вып. 51.
12. ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918.
13. *Тиханова М. А.* Базилика // МИА. 1953. № 34.
14. *Бармина Н. И.* Раскопки базилики на Мангупе // АО — 1971. М., 1972.
15. *Бармина Н. И.* К изучению мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11.
16. *Романчук А. И.* Раскопки мангупской базилики // АО — 1972. М., 1973.
17. *Башкиров А. С.* Историко-археологический очерк Крыма // Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1914.
18. *Васильев А. А.* Готы в Крыму // Изв. ГАИМК. 1927 Т. V
19. *Якобсон А. Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. VI.
20. *Репников Н. И.* О датах базилик Крыма // Архив ЛОИА, Р-1. Ф. 10. Д. № 3.
21. *Бармина Н. И.* Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1983.
22. *Веймарн Е. В.* Мангуп. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34.
23. *Веймарн Е. В. и др.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
24. *Домбровский О. И.* Фрески средневекового Крыма. Киев: Наук. думка, 1966.
25. *Мыц В. Л.* Отчет о раскопках крестообразного храма на южном склоне г. Мангуп в 1981 г // Науч. архив ИА АН УССР. Э. ф. № 9917—18.
26. *Мыц В. Л.* Исследования в Горном Крыму // АО — 1981. М., 1983.
27. *Романчук А. И.* Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // СА. 1977 № 2.
28. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
29. *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.
30. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49.
31. *Станчев Ст., Иванова В. и др.* Надписът на чъргубиля Мостич. София, 1955.
32. *Овчаров Д.* Български средновековни рисунки-графити. София, 1982.
33. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.

34. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 131.
35. *Ляпушкин И. И.* Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница // МИА. 1958. № 62.
36. *Damangel R., Mamboury E.* Le quartier des Manganes et la premire region de Constantinopole. Paris, 1939.
37. *Антонова И. А. и др.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
38. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
39. *Barnea J.* Discoperili arheologica diu epoca feodala la Mangalia // MCA. 1959. VI.
40. *Florescu Gr.* Săpăturile arheologice de la Capidava // MCA. 1959. VI.
41. *Barnea J.* Amforele feodale de la Dinogetia // SCJV. 1954. V. 3, 4.
42. *Barnea J.* Ceramica de import // Dinogetia Asezarea feodala timpurie de la Biserieuta-Garvan, I. Bucuresti, 1967
43. *Чангова И.* Средновековни амфори в България // ИБАИ. 1959. Кн. XXII.
44. ИАК. 1904. Вып. 10.
45. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
46. Полный христианский Месяцеслов с присовокуплением разных статей, к Российской истории и Киевской иерархии относящихся. Киев, 1854.
47 *Фирсов Л. В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического // Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР. Инв. № 167.
48. Всеобщая история архитектуры. В 12-ти т. Т. 3. Л.; М.: Стройиздат, 1966.
49. *Северов А.* Самцевриси // Разыскания института истории грузинского искусства. Т. II. Тбилиси, 1948.
50. *Григорян В.* Малые центричные памятники Армении раннего средневековья. Ереван, 1982 (на арм. яз.)
51. *Попов И.* Пропорции в Българската архитектура. София, 1955.
52. *Дероко А.* Монументална и декоративна архитектура у средновековноі Србиги. Београд, 1962.
53. *Ramsay W M., Bell G. L.* The Thousend and One Churohes. L., 1909.
54. *Владимиров И. А.* Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. 1902. Вып. 4.
55. Slownik starozytnosci slowianskich T. 5, 6. Wroclaw; Warszawa, Krakow; Gdansk, 1975.
56. *Бошкович П.* Архитектура среднего века. Београд, 1967.
57 *Pedro de Palol i Maks Hirmer* Spanija, umetnost rang srednjeg veka od vizigotskog doba do kraja romanike. Beograd, 1976.
58. ОАК за 1906 г. СПб., 1909.
59. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
60. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
61. *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. М., 1905.
62. ИАК. 1904. Вып. 9.
63. ИАК. 1902. Вып. 4.
64. Отчет ООИД за 1876—1877 гг. Одесса, 1878.
65. *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.
66. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
67 *Домбровский О. И.* О полевых археологических исследованиях Загороднего крестообразного храма в Херсонесе // Московское отделение архива ИИМК, Инв. № 911.

V. L. MYTS

A CRUCIFORM TEMPLE IN MANGUP

Summary

A formerly unknown church was discovered in 1981 on the south-eastern slope of the Mangup Mnt. The excavations that followed in the same year revealed a cruciform church 15.50×15.55 m. Further investigations permitted to date it to the turn of the 10th century and to establish that it was probably dedicated to St. Theodotus. In the 10th century the church was damaged by a fire, before which the building had been reconstructed more than once. The original building of 9.25×11.40m with three doors in the side walls got two more side altars at later dates (on the northern and southern parts of the cross). Upon its destruction in the 10th century the church was never restored. A small chapel (3.75×5.10 m) appeared on the ruins in the 14th century that incorporated the old churchscentral apse. The chapel, with a cemetery around it survived through the 18th century. The Mangup cruciform church closely resembled the Sentinsky temple. There is every reason to believe that all buildings of the same type were rooted in Byzantine architecture altered to suit the Russian traditions but not yet cardinally changed by the purely local traits.

Заметки

В. Б. ВИНОГРАДОВ, Т. Н. НЕРАДЕНКО

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СВЯЗЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ЗАКАВКАЗЬЕМ

Из памятников конца II— начала I тыс. до н. э. с территории Северного Кавказа происходит довольно большое количество находок центрально-закавказского типа. К ним относятся кинжалы кахетинского типа, наконечники копий восточно-грузинского типа, кинжальные клинки нескольких видов, бронзовые площики, костяные наконечники стрел с удлиненным черешком, бронзовые плоские тесла, обрезы оснований оленьих рогов, глиняные штампы-пинтадеры, ряд украшений, принадлежностей одежды и др. Некоторые из них уже были предметом внимания и специального исследования [1, с. 37—58; 2, с. 8—9; 3, с. 115—119; 4, с. 70—79; 5, с. 37—58; 6, с. 18—20; 7, с. 170, 171; 8, с. 197—206; 9, с. 105—110; 10, с. 7, 14, 15, 17, 18, 66, 67 и др.; 11, с. 247, 248; 12, с. 160; 13, с. 120—123 и др.]

Они наглядно свидетельствуют о том, что начиная с последней трети II тыс. до н. э. устанавливаются контакты между обитателями горной зоны центральной части Северного Кавказа и их южными соседями — племенами Шида Картли. В последние века II тыс. до н. э., когда в горах центральной части Северного Кавказа расцвела кобанская культура, они приобретают характер регулярного обмена. После расселения кобанских племен в предгорно-плоскостные районы Северного Кавказа на рубеже II—I тыс. до н. э. традиции и формы центрально-кавказских культур продолжают бытовать как составная часть культурного комплекса равнинных кобанцев, получая дальнейшее самостоятельное развитие.

Из случайных сборов последних лет с территории Чечено-Ингушетии происходят новые находки предметов центрально-закавказского облика. В ходе строительных работ в пос. Черноречье (юго-западная окраина г. Грозного), вероятно, было разрушено погребение, от инвентаря которого сохранились каменный оселок и бронзовый цельнолитой кинжал, случайно поднятые и переданные авторам зав. кафедрой политэкономии Чечено-Ингушского университета доцентом С. О. Зоевым (рис. 1). Кинжал имеет богато украшенную рельефной косичкой рукоять и плоский листовидный кинжальный клинок с четко выраженным срединным ребром. Длина кинжала — 28,3 см.

Подобные кинжалы были характерны для раннего этапа культуры эпохи поздней бронзы Мцхета — Самтавро и ее окрестностей. Известно более 10 находок этого вида оружия: 3 из окрестностей Мцхета (Церовани-IV, Мухатгверди-II), 4 — из окрестностей Тбилиси (Грма-Геле, Навтлуга, Глдани, случайная находка), 1 — из Сакдриони (Тианетский р-н), 2— из Кахети (Цинандали, Гулгула) и сходный в деталях кинжал из св. Шилда [13, табл. V, 2; 14, табл., 709; 15, табл., № 215; 16, рис. 2, с. 132, рис. 7, с. 162; 17, рис. 9] Они датируются в целом XIV—XII вв. до н. э. [14, с. 176; 16, с. 155 и др.]

© В. Б. Виноградов, Т. Н. Нераденко, 1990 г.

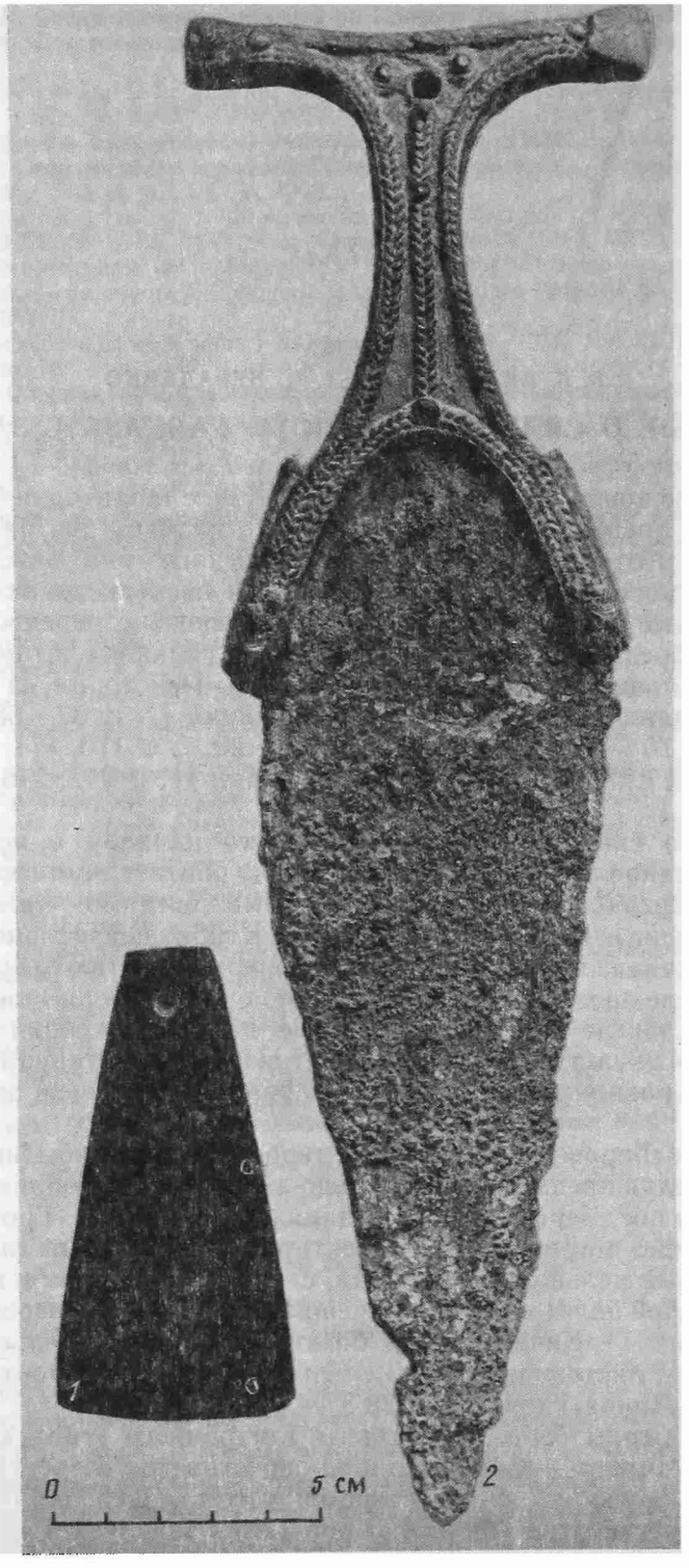


Рис. 1. Находки из пос. Черноречье (Чечено-Ингушетия)
1 — каменный оселок; *2* — бронзовый кинжал

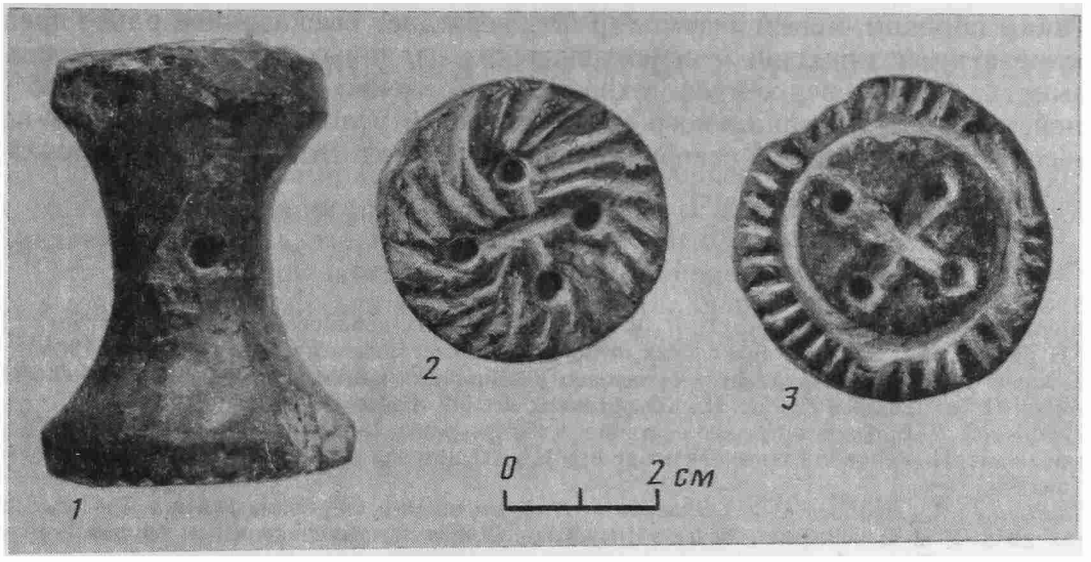


Рис. 2. Глиняный штамп-пинтадера из с. Мескеты (Чечено-Ингушетия). *1* — вид сбоку; *2* — вид сверху; *3* — вид снизу

Кинжал из окрестностей г Грозного, точно повторяя форму и особенности этого типа кинжалов, является, видимо, предметом импорта и может быть датирован последней третью II тыс. до н. э.

Из с. Мескеты (Ножай-Юртовский р-н) происходит глиняный штамп-пинтадера, найденный местным педагогом, народным писателем Чечено-Ингушской АССР А. М. Айдамировым (рис. 2). Он имеет две круглые рабочие поверхности, богато орнаментированные. Высота штампа—5,5 см, диаметр рабочих частей — 4 и 3,7 см. В середине корпуса имеется отверстие для подвешивания.

Из поселений Чечено-Ингушетии начала I тыс. до н. э. известно более 30 находок глиняных штампов [6, с. 17—20; 7, с. 170, 171; 8, с. 197—206; 9, с. 105—110; 18, с. 212—216; 19, с. 162, рис. 1, *1, 2*; 20, с. 23, рис. 2, 3; 21, рис. 48, *2*] Экземпляры с двумя рабочими поверхностями выделены В. И. Козенковой во II тип северокавказских пинтадер [10, с. 66, 67] Новая находка отличается от них более высоким качеством изготовления, более сложным орнаментом и наличием отверстия в середине корпуса.

Исследование северокавказских глиняных штампов показало, что своим происхождением они связаны с Центральным Закавказьем и прилегающими областями (Картли, Северо-Западный Азербайджан). Истоки форм и традиций закавказских пинтадер в свою очередь ведут в области древневосточных цивилизаций бассейна Эгейского моря и Восточного Средиземноморья [4, с. 71, 74]

Глиняный штамп из с. Мескеты не имеет точных аналогий в материалах Закавказья и Древнего Востока. Однако истоки его формы и орнамента прослеживаются достаточно четко. Изображения в виде отходящих от центральной фигуры прямых и загнутых лучей (ромба, креста, спирали, концентрических кругов и пр.) встречаются на штампах Северного Кавказа, Восточной и Западной Грузии, Армении, Азербайджана (Алхаста, Алхан-Кала, Жинвали [1], Дзеври, Мецамор, Сары-тепе, Мингечаур и др.) [4, с. 72, 73, рис. 3, 4; 18, рис. 1, с. 212; 22, с. 134, рис. 132; 23, табл. II, *21*; 24, табл. II, *1—5*, с. 118]. Хорошо известны они и в раннекритской и сиро-хеттской глиптике [25, № 495; 26, табл. XI, *19*, табл. XXI, *7*; 27, № 53(65), 55(67), 59(71), 10д(365), 85(100); 28, рис. 77, *2*, с. 219 и др.] Морфологическое строение нового штампа из Чечено-Ингушетии находит аналогии в тех же областях (Гудабертка, Катнолихва, Ховле, Сары-тепе и др.) [11, № 35, с. 51; 23, табл. I, *1, 7;* 24, табл. I, *1*, с. 116; 25, № 490; 26, табл. X, 1; 27, № 41(50); и др.]

---

[1] Фонды Жинвальской археологической экспедиции. Инв. № 09—XVI—74—119.

Таким образом, новый экземпляр подтверждает высказанное ранее предположение о происхождении северокавказских глиняных штампов. Усложнение орнамента, более совершенная техника изготовления свидетельствуют об усовершенствовании материального производства и усложнении социально-идеологических представлений северокавказских племен. Возможная датировка — VII—VI вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. Б., Нераденко Т Н.* К вопросу о связях кобанской культуры с югом // Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1986.
2. *Дударев С. Л.* О разновидностях бронзовых кинжальных клинков с территории Чечено-Ингушетии // Тез. докл. и сообщ. III Крупновских чтений. Грозный, 1973.
3. *Дударев С. Л.* Бронзовое оружие восточно- и центральнозакавказского типа в Чечено-Ингушетии (конец II— начало I тысячелетия до н. э.) // Душетская научная конференция: Аннотации. Тбилиси, 1984.
4. *Даутова Р. А., Дударев С. Л., Власова Т. Н.* К изучению материалов рубежа II—I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.
5. *Нераденко Т Н.* К вопросу о хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
6. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники Ассиновского ущелья // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XII.
7. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи // Тр. ГИМ. 1947 Вып. XVII.
8. *Krupnow E. I* Kaukasische «Pintaderas» // Mitteilungen der Antropologischen Gesellschaft in Wien, 1963. B. XCII.
9. *Крупнов Е. И.* Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
10. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры // САИ. 1982. Вып. В2-5.
11. *Дударев С. Л.* Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии // СА. 1973. № 4.
12. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 120.
13. *Майсурадзе В. Г., Панцхава Л. Н.* Святилище Шилда. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
14. *Апакидзе А., Абдушелишвили М., Николаишвили В. и др.* Мцхета — полевые археологические исследования 1977 года // Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. 5. Тбилиси, 1981.
15. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // Вестн. ГМГ 1957. Т. XIX-A, XIX-B.
16. *Коридзе Д. Л.* Памятники позднебронзовой эпохи из Тбилиси // Вестн. ГМГ 1953. Вып. XVII-Б.
17. *Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т Н., Двали Н. А.* Технология изготовления древних бронзовых изделий, найденных в окрестностях Тбилиси // Вестн. ГМГ 1956. Вып. XVII-A.
18. *Виноградов В. Б.* Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
19. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. 1979. № 1.
20. *Дударев С. Л., Власова Т Н.* Некоторые итоги разведок памятников раннего железа в Пятигорске и Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
21. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
22. *Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С.* Мецамор. Ереван, 1973.
23. *Лордкипанидзе М. Н.* Корпус памятников глиптики Древней Грузии. Тбилиси, 1969.
24. *Нариманов И. Г* Глиняные штампы Западного Азербайджана // МКАз, 1973. VII.
25. *Schlimann H.* Ilios. Lpz., 1881.
26. *Mätz F* Die Frühretischen Siegel. B., 1928.
27. Corpus des minoischen und mykenischen Siegel B. IV: Yruklion Sammlung Metaxas von Sakellarakis J. A. und Kenna V E.-G. B., 1969.
28. *Чайлд Г* Древний Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

В. Р. ЭРЛИХ

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПТИЦЕГОЛОВЫХ СКИПЕТРОВ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1961 г. немецким археологом Иосифом Вернером была выделена группа так называемых конноголовых скипетров (Pferdekopfzepter), найденных в Средней Европе, на территории Венгрии и Чехословакии [1, с. 348]

В эту группу вошли четыре бронзовых навершия жезлов, которые общим своим контуром напоминали хищную птицу. Два скипетра, являющиеся беспаспортными находками из Сарваш-канала и комитата Туроч, имели окончание клювов птиц, оформленных в виде конских головок (рисунок, *6, 7*). Скипетр из комплекса конца VIII— начала VII в. до н. э. из Пршедмержиц в Чехословакии имел зооморфное окончание клюва и втулку для рукояти (рисунок, *8*). По более упрощенной схеме был изготовлен скипетр из Кис-Косцега в Венгрии, найденный в кладе VIII в. до н. э. (рисунок, *9*). У этого скипетра отсутствует зооморфное окончание клюва, однако подобно скипетрам из Туроча и Сарваш-канала этот жезл имеет петлю для подвешивания.

Еще один среднеевропейский скипетр, не вошедший в сводку И. Вернера, был найден в 1970 г в кладе Прюдь (Венгрия). Он имел грибовидный обушок, четко выделенный глаз на проухе и конноголовое окончание клюва (рисунок, *5*). Кроме скипетра в этом кладе были найдены четыре одноушковых кельта и бронзовая ситула. Опубликовавший этот комплекс Т. Кеменцеи датировал его концом IX в. до н. э. [2, с. 84]

И. Вернер и Т. Кеменцеи указывали на то, что в Средней Европе нет формальных предпосылок для появления этих предметов, и связывали их с проникновением на Дунай восточных кочевников [1, с. 84, 384; 2, с. 84; 3, с. 150]

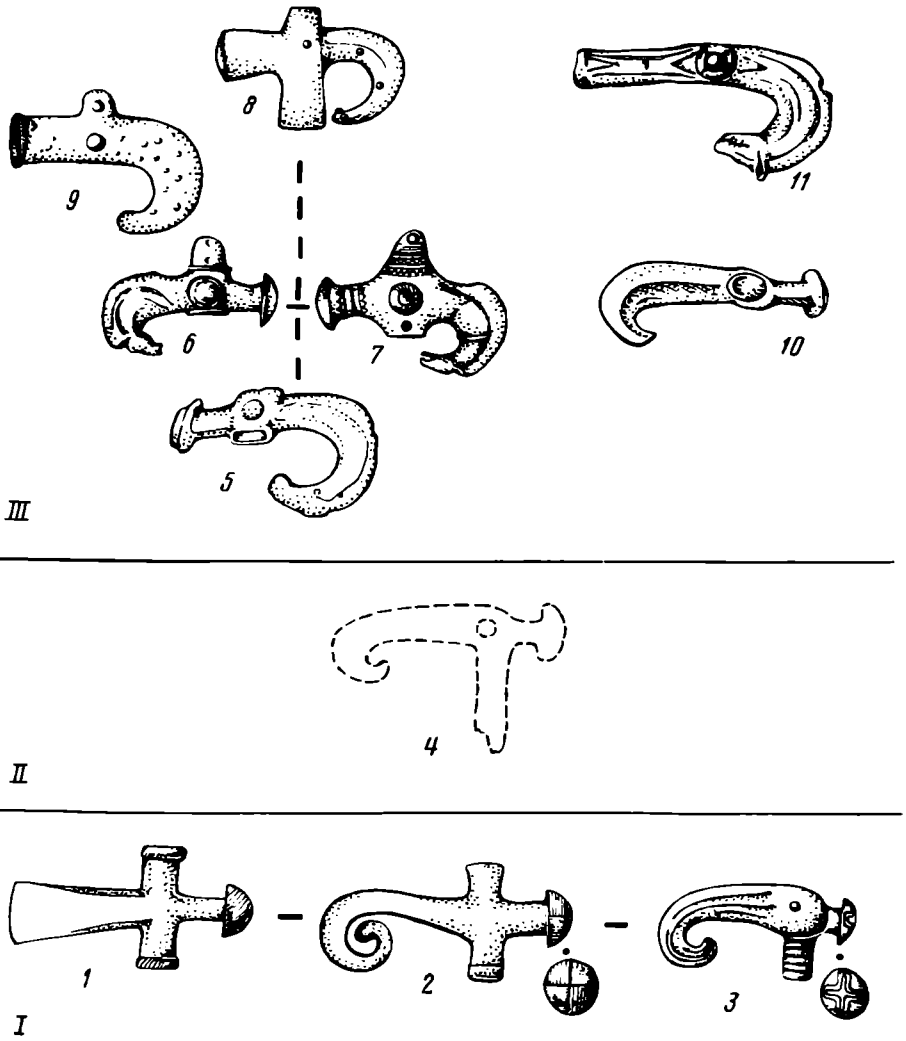
В статье «Культовые жезлы раннескифского и предскифского времени» В. А. Ильинская сопоставила выделенную И. Вернером группу скипетров с известным кисловодским топориком, найденным в могильнике VIII—VII вв. до н. э. на территории мебельной фабрики (рисунок, *11*), считая, что этот скипетр выполнен по той же «конноголовой» схеме [4, с. 208]. На наш взгляд, вполне справедливым явилось замечание В. Б. Виноградова о том, что на конце клюва птицы у этого жезла изображена голова зверя с явно подчеркнутыми признаками хищника [5, с. 155]. Теперь, после публикации Б. В. Теховым навершия из Тлийского могильника в виде трех головок хищного зверя, очень похожего на зверя с кисловодского скипетра, стало ясно, что этот образ был известен в кобанском искусстве и в предшествующее время [6, с. 153, рис. 108, *3*]

В 1986 г. коллекция подобных скипетров пополнилась еще одним экземпляром. Экспедицией Государственного музея искусства народов Востока в грунтовом могильнике Фарс (VIII— первая половина VII в. до н. э.) у станицы Новосвободная Адыгейской АО в погребении воина с конем был найден бронзовый топорик-скипетр в виде головки хищной птицы. Они имел грибовидный обушок, четко выделенный круглый глаз на проухе и загнутый клюв. Длина скипетра — 12 см (рисунок, *10*).

Итак, для предскифского периода в настоящее время нам известно семь скипетров, сделанных по одной и той же схеме — в виде головы птицы с загнутым клювом. Поэтому наиболее подходящее название для этой серии предметов — «птицеголовые скипетры», а не «конноголовые», так как такой признак, как наличие конской головки на конце клюва, не является всеобщим даже для среднеевропейских образцов.

Наиболее интересной является проблема происхождения этих скипетров. Как уже указывалось, появление их на Дунае приписывалось кочевникам с востока. В. И. Козенкова высказала мнение о кавказском происхождении этих предметов, так как зооморфные образы, имеющиеся на них — конские головки

© В. Р. Эрлих, 1990 г.



Хронологическая схема происхождения птицеголовых скипетров. *I* — XIII—XII вв. до н. э.; *II* — XI — вторая половина IX в. до н. э.; *III* — конец IX — первая половина VII в. до н. э. (*5—9* — Средняя Европа; *10, 11* — Северный Кавказ)

и головка хищника на кисловодском топорике,— могли быть заимствованы только из кобанского искусства (бронзовые булавки с конями и трехголовый скипетр из Тли) [7, с. 65]

Однако она никак не объясняет, откуда на Кавказе появились проушные топорики в виде птичьей головки — признак, по которому группируется вся рассматриваемая серия скипетров. Следует отметить, что для кобанских бронз доскифского времени вообще не характерен мотив головы хищной птицы. Считается, что в Закавказье он «несомненно скифского происхождения» [8, с. 97]. Этот мотив был известен в Передней Азии. В Иране голова хищной птицы встречается на обухах некоторых луристанских топоров [9, с. 27] и на подвеске из Марлика [10, табл. III, *в*]. В. Г Луконин считал, что этот мотив в скифском искусстве является «луристанской цитатой» [9, с. 24]. Н. Л. Членова предполагала, что мотив хищной птицы скорее всего восходит к глиптике хеттов и митаннийцев [11, с. 124]. Но образ головки хищной птицы, который несут в себе рассматриваемые скипетры, передан в совсем другой, отличной от переднеазиатской манере. Они скорее всего имеют европейское происхождение.

Древнейшие известные нам птицеголовые скипетры происходят из двух кладов культуры Ноуа. На территории Румынии, в районе Плоешти, в кладе Дражна де Жос был найден топорик, имеющий длинную втулку, рельефный грибовидный обушок и закрученное в волюту лезвие, напоминающее клюв хищной птицы (рисунок, *2*). Функциональное использование данного топора невозмож-

но, что говорит о его вотивном назначении. Все элементы этого предмета, за исключением лезвия-клюва, находят аналогии с трансильванскими топорами с грибовидным или дисковидным обушком (рисунок, *1*). Два таких топора происходят из того же клада, который датируется концом третьего периода бронзового века Румынии, или бронзовым веком D (по Рейнеке), т. е. XIII в. до н. э. [12, P-15a]

Еще один скипетр (рисунок, *3*) был встречен в кладе из Лозова (Молдавская ССР). Этот скипетр имел в нижней своей части втулку, закрученный каннелированный клюв и грибовидный обушок, на котором имелся солярный знак в виде двух крестов, один из которых вписан в другой [11, с. 15, рис. 5, *11*] Сходство этого скипетра с головой хищной птицы намного сильнее, чем у дражнинского топора. Его к тому же подчеркивают имеющиеся с двух сторон отверстия — глаза. О том, что образ головы хищной птицы был знаком населению, оставившему клад, говорят и найденные в нем навершия в виде «трехликого орла» — два втульчатых навершия, имеющие детали, действительно напоминающие контур хищной птицы. В. А. Дергачев датировал лозовский клад XIII—XII вв. до н. э. [13, с. 70]

Таким образом, мы имеем как бы три этапа формирования птицеголового скипетра, начиная от трансильванского топора с грибовидным обушком и кончая уже вполне сложившимся типом птицеголового скипетра из лозовского клада. Вероятно, грибовидный обушок и отсутствие какого-либо другого зооморфного образа у скипетров предскифского времени следует рассматривать как архаические черты.

Явное стилистическое сходство лозовского скипетра со скипетрами с грибовидным обушком предскифского времени делает маловероятным предположение о конвергентном возникновении последних. Существующий хронологический разрыв продолжительностью в два с половиной века объяснить можно либо тем, что эти скипетры — продолжатели лозовской традиции — пока не найдены, либо тем, что эта традиция развивалась в материале, не дошедшем до наших дней,— дереве. Косвенно в пользу последнего предположения может свидетельствовать то обстоятельство, что у выглядящих наиболее архаично скипетров предскифского времени с грибовидным обушком уже отсутствует втулка и рукоять вставляется непосредственно в проух. Возможно, эта форма была взята у жезлов, которые целиком делались из дерева и соответственно не могли иметь втулки. Гипотетически такой скипетр можно реконструировать как отсутствующее звено в эволюционной схеме между лозовским и наиболее архаичными скипетрами предскифского времени. Он, целиком изготовленный из дерева, должен был бы иметь четко выделенный глаз, загнутый клюв и грибовидный обушок (рисунок, *4*).

На эту основу, вероятно, наслоились зооморфные заимствования второго порядка (конские головки, головка хищника), которые, скорее всего, мы можем связывать с кобанским очагом искусства. Это заимствование могло произойти как раз в то время, когда в Юго-Восточной Европе, возможно, бытовали деревянные птицеголовые скипетры.

В заключение следует отметить стилистическую близость птицеголовых скипетров и скифских уздечных пронизей, изготовленных в виде схематично переданных головок хищной птицы с глазами-отверстиями. Некоторые авторы называют их клювовидными или когтевидными. Они чрезвычайно характерны для скифской архаики Северного Кавказа и найдены в Келермесских курганах [14, с. 48, табл. 9, рис. 23—26], Нартане [15, табл. 37, рис. 19], Краснознаменских курганах [16, с. 47, рис. 21], в кургане 41 урочища «Клады» у станицы Новосвободной в Адыгее [1] и в Каменномостском могильнике [17, с. 22, рис. 4] Встречены они также в комплексах VI в. в Среднем Поднепровье [18, табл. 23,

[1] Раскопки А. Д. Резепкина в 1980 г Материал передан в Государственный Эрмитаж.

30]. Наиболее ранней из них, вероятно, является пронизь из Каменномостского могильника, найденная вместе с вещами новочеркасского этапа. Стилистическое родство этих пронизей и птицеголовых скипетров дает возможность предполагать, что помимо переднеазиатского существовал и восточноевропейский источник мотива хищной птицы в скифском искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Werner I.* Bronzes Pferdekopfzepter der Halestatt Zeit aus Prědmerzice bei Hradec Kralove // Pamatky archeologicne. LII, 1961. T. 2.
2. *Kemenezei T.* Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur // Die Hallstattkultur Bericht über das Symposium in Steyr. 1980. Linz, 1981.
3. *Кеменцеи Т.* Предскифская эпоха в Восточной Венгрии // Археология Венгрии. М.: Наука, 1986.
4. *Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени. Новое в советской археологии // МИА. 1965. № 130.
5. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
6. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
7. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
8. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984.
9. *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М.: Наука, 1977.
10. *Negahban E. O.* A Brief Report of the Excavation in Marlik-Tepe and Pilah Qal'eh // Iran. 1964. V II.
11. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М.: Наука, 1967
12. *Alexandrescu A.* Dépots du l'age du Bronze tardif // Inventaria Archaeologica. Fasc. 2. Bucarest, 1966.
13. *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.
14. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
15. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.
16. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
17. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3.
18. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. 1977 Вып. Д1-33.

В. Н. КАМИНСКИЙ, И. Л. АСТАХОВ

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕКОБАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА МОСТОВОГО НА УРУПЕ

В феврале — апреле 1981 г Урупская археологическая экспедиция Краснодарского историко-археологического музея-заповедника проводила исследование части грунтового могильника, попавшего в зону строительства моста и подъездной дороги через р. Уруп (левый приток р. Кубань). Могильник расположен на правом, возвышенном берегу р. Уруп, в 0,2 км к юго-западу от хут. Новоурупский и в 0,5 км к юго-востоку от южной окраины ст. Отрадная.

Поверхность могильника была сильно потревожена строителями, которые уничтожили часть могильника. Под слоем дерна зафиксированы остатки каменного панциря толщиной до 0,3 м, состоящего из речных валунов. Всего было раскопано 93 погребения. Погребения могильника делятся на две хронологические группы [1, с. 118] Ранняя группа погребений относится к скифскому времени, поздняя — к позднесарматской эпохе.

В своей небольшой статье мы остановимся на двух погребениях ранней группы (№ 20 и 30), содержащих захоронения воинов.

Погребение 20. Погребение совершено в яме овальных очертаний. Заполнение ямы — темно-серый суглинок, перемешанный с большим количеством реч-

© В. Н. Каминский, И. Л. Астахов, 1990 г.

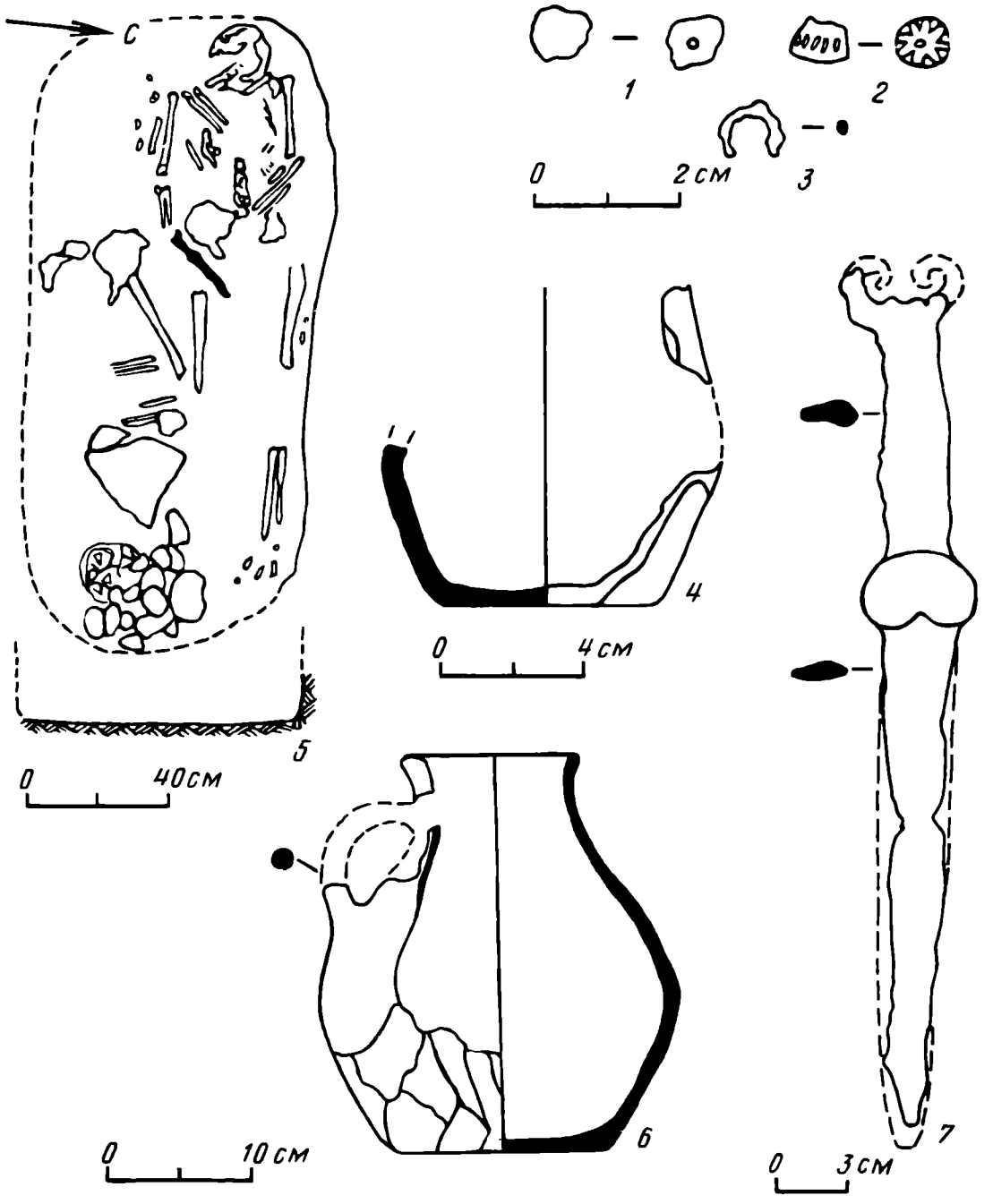


Рис. 1. План и инвентарь погр. 20 могильника Мостового: *1, 3, 7* — железо; *2* — паста; *4, 6* — глина; *5* — план погребения

ных валунов. Длинной осью яма ориентирована по линии восток — запад. В погребении открыто два костяка. Южный костяк лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Северный костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад. В восточной части могильной ямы находилось скопление речных валунов. В ногах южного костяка лежала плита из мелкозернистого песчаника. Инвентаря при южном скелете не обнаружено.

На правом тазобедренном суставе северного костяка острием к средней части бедренной кости левой ноги найден железный меч акинак очень плохой сохранности. Навершие меча — в виде волют, перекрестие почковидное (рис. 1, *7*) Длина меча — 37,8 см. К северу от средней части бедренной кости левой ноги найден небольшой железный стержень длиной 3,2 см. В области шеи найдено скопление бус: железные шарообразные (рис. 1, *1*, 3 экз., диаметр 7—9 мм), пастовая конической формы, зеленого цвета (рис. 1, *2*, 1 экз). Вместе с бусами на-

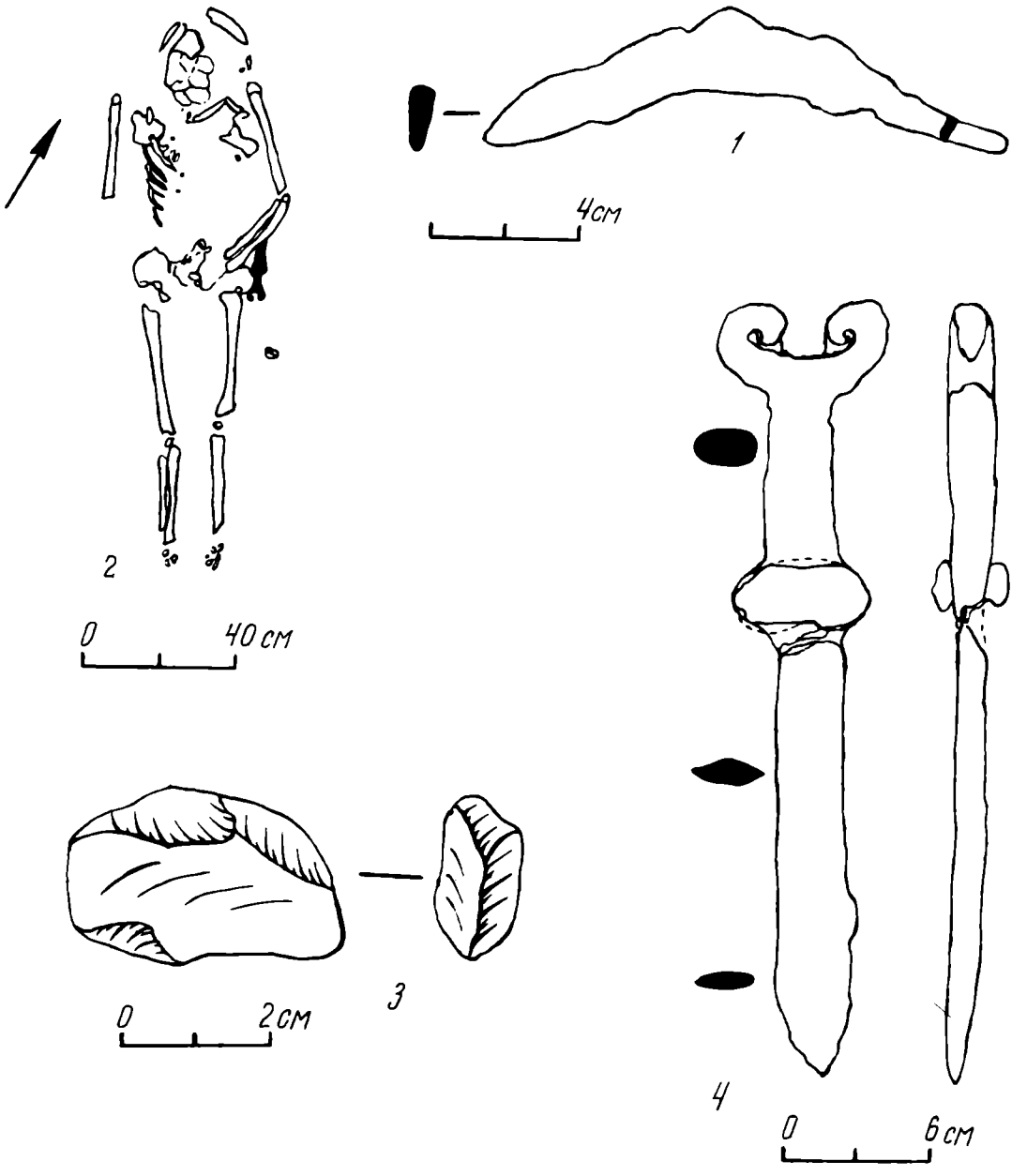


Рис. 2. План и инвентарь погр. 30 могильника Мостового: *1, 4* — железо; *3* — кремень; *2* — план погребения

ходилось шесть фрагментов бронзовых колец, предполагаемый диаметр которых — до 7 мм (рис. 1, *3*).

В восточной части могильной ямы между песчаниковой плитой и речными валунами находился сильно разбитый в древности лепной сосуд. Венчик отогнут наружу. Шейка высокая. Тулово шаровидное, дно плоское (рис. 1, *6*). Тесто серое с примесью дресвы. Поверхность серолощеная. Здесь же находились фрагменты другого лепного сосуда, биконической формы (рис. 1, *4*). Черепки на изломе — черного цвета, с примесью дресвы. Поверхность лощеная.

Погребение 30. Открыто в слое суглинка серо-желтого цвета, средней плотности. Форма погребального сооружения не прослежена.

Костяк принадлежал взрослому человеку. Скелет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Череп повернут лицевой частью влево. Слева от костяка, рукоятью около левого крыла таза, лезвием к локтю лежал железный меч-акинак с почковидным перекрестием и навершием в виде волют (рис. 2, *4*). Под лезвием меча обнаружен железный черешковый нож серповид-

ной формы (рис. 2, *1*). Здесь же в погребении обнаружен кремневый отщеп (рис. 2, *3*).

Керамические изделия, обнаруженные в погр. 20, представляют собой сосуды с расширенным и слегка приплюснутым туловом. Поверхность этих сосудов лощеная. Подобные формы сосудов имеют близкие аналогии среди тарохозяйственной посуды I типа I варианта кобанской керамики, по классификации В. И. Козенковой [2, с. 73] В. И. Козенкова датирует их VI—IV вв. до н. э.

Эту дату подтверждают и мечи-акинаки из рассматриваемых погребений. Эти мечи имеют прямые аналогии в памятниках позднекобанского времени и степных древностях скифского круга. Акинаки с навершием в виде волют и почковидным перекрестием хорошо известны на савроматской территории в Поволжье и Приуралье. К. Ф. Смирнов называет серию экземпляров таких мечей в савроматских памятниках [3, с. 18, 19]. Все они по сопровождающему инвентарю датированы концом VI — началом V в. до н. э. Мечи и кинжалы этого типа соответствуют II отделу, I типу, по классификации А. И. Мелюковой [4, с. 47—49], которые она датирует VI—V вв. до н. э. Аналогичный меч-акинак с волютообразным навершием и почковидным перекрестием найден в 1956 г. в Карабашевском кургане у сел. Маруха в Карачаево-Черкесии, где он датируется концом VI—V в. до н. э. [5, табл. 4,2; 6, с. 58] Меч из погр. 30 близок по оформлению кинжалу из г. Красный Лиман Донецкой обл. [7, с. 253, 254]. Правда, сохранность этого кинжала значительно лучше, чем урупской находки. Все детали кинжала читаются хорошо, прослеживается технология его изготовления. Авторы публикации находки из Донбасса датируют ее второй половиной VI — началом V в. до н. э. [7, с. 254] Аналогичный меч происходит из Елизаветовского могильника на Дону. Этот меч хорошо датируется хиосской пухлогорлой амфорой и аттическим чернолаковым килико м и относится ко второй четверти V в. до н. э. [8, с. 24].

Мечи из погребений № 20 и 30 близки между собой, различает их только степень сохранности. Если согласиться с предложенными датировками мечей, то погребения, в которых они найдены, можно отнести ко второй половине VI — началу V в. до н. э. Этой датировке не противоречит и остальной инвентарь погребений: посуда, бусы, нож [2, с. 6, 7, 73]

Неменьший интерес представляет культурная принадлежность открытых захоронений. Мы отмечали большое сходство лепной керамики из погр. 20 с кобанскими древностями [2, с. 73] Известно, что лепная керамика дольше сохраняет свои культурные и этнические традиции, чем кружальная. В данном случае это весьма важно. Однако в погребальном обряде наблюдаются результаты сложного взаимовлияния степной кочевнической и местной горской культуры. В целом погребальный обряд ранней группы погребений могильника Мостового находит много общих признаков в памятниках позднего этапа кобанской культуры. Могилы представляют собой неглубокие ямы. В конструкции могильных сооружений и заполнений использован камень. Костяки находились в сильно скорченном положении [5, с. 21; 9, с. 20—22] Наличие песчаниковых плит отмечено в кобанских могильниках [9, с. 23] Однако воинские погребения из могильника имели вытянутое положение костяков. Последнее обстоятельство весьма важно, так как вытянутое положение погребенных в кобанских древностях появляется лишь на позднем этапе. Погребения с аналогичным положением костяков и близкой ориентировкой (западный сектор) известны в позднекобанских могильниках — Луговом и Исти-Су в Чечено-Ингушетии [9, с. 23]. Важно отметить, что в погр. 20 сочеталось вытянутое положение со скорченным. Вытянутое положение костяков в кобанских могильниках, вероятно, следует связывать со скифо-савроматским или меотским влиянием.

Открытие позднекобанского могильника на Урупе весьма важно, так как значительно расширяет наши представления об ареале этой культуры на Северо-Западном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каминский В. Н.* Работы Краснодарского музея-заповедника // АО—1981. М., 1983.
2. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2-5.
3. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
4. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
5. *Алексеева Е. П.* Памятники позднекобанского времени на территории Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.
6. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
7 *Кравец Д. П., Швецов М. Л.* Скифский кинжал из Донбасса // СА. 1987 № 2.
8. *Копылов В. П.* Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162.
9. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. 1977 Вып. В2-5.

Л. Б. ГМЫРЯ

ДВУСТОРОННЯЯ ФОРМА ДЛЯ ОТЛИВКИ ЗЕРКАЛ ИЗ ДАГЕСТАНА

В полевом сезоне 1985 г. экспедиция Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР приступила к исследованию Паласа-сыртского поселения, впервые выявленного вблизи известного по раскопкам одноименного курганного могильника IV—V вв. н. э. [1] Поселение расположено на правом берегу р. Рубас, вблизи с. Коммуна Дербентского р-на ДАССР

Многочисленные и разнообразные археологические материалы, добытые в процессе раскопок на поселении, свидетельствуют об оседло-земледельческом характере экономики общества. Население выращивало зерновые культуры, занималось садоводством, разводило крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней, занималось охотой и рыболовством.

На поселении исследованы жилища турлучного типа, зольные и хозяйственные ямы, очаги. Найдены орудия труда, предметы вооружения, украшения из цветных металлов, обломки разнообразных керамических сосудов. Некоторые остатки производственной деятельности (керамический брак, обломки гипсовых форм для выделки сосудов, керамический и металлический шлак) говорят о наличии на поселении гончарного и металлообрабатывающего производства.

Ярким свидетельством развития на поселении обработки цветных металлов является найденный в одной из хозяйственных ям поселения обломок каменной литейной формы для отливки зеркал (рис. 1, 2). Литейная форма представляет большую научную ценность, это первая находка такого рода в археологических комплексах Дагестана.

Найденная литейная форма является двусторонней: на лицевой и оборотной стороне плотного серого камня вырезаны две формы для отливки внешней стороны зеркала с различным орнаментом. Рабочая часть формы, вырезанной на лицевой стороне камня (далее: форма № 1), имеет вид правильного круга диаметром 7 см (рис. 1, *б*; рис. 2, *б*). Лицевая поверхность камня плоская, рабочая часть формы № 1 — с примыкающими участками камня черного цвета. Стенки формы № 1 наклонены наружу (ширина стенки — 0,6 см, высота — 0,4 см). Диаметр отливавшихся в этой форме зеркал достигал 5,5 см. В центре формы имеется углубление для отливки петлевидной ручки; оно обрамлено геометрической фигурой в виде четырехугольника, в каждом углу которого помещено точечное углубление. Геометрическая фигура вписана в круг диаметром 3,4 см. По краю формы зеркала нанесены группы радиально располагающихся бороздок, чередующихся перекрещивающимися линиями (орнамент края зеркала, видимо, состоял из трех групп, составленных семью рельефными линиями, чередовавшимися с крестообразными фигурами).

© Л. Б. Гмыря, 1990 г.

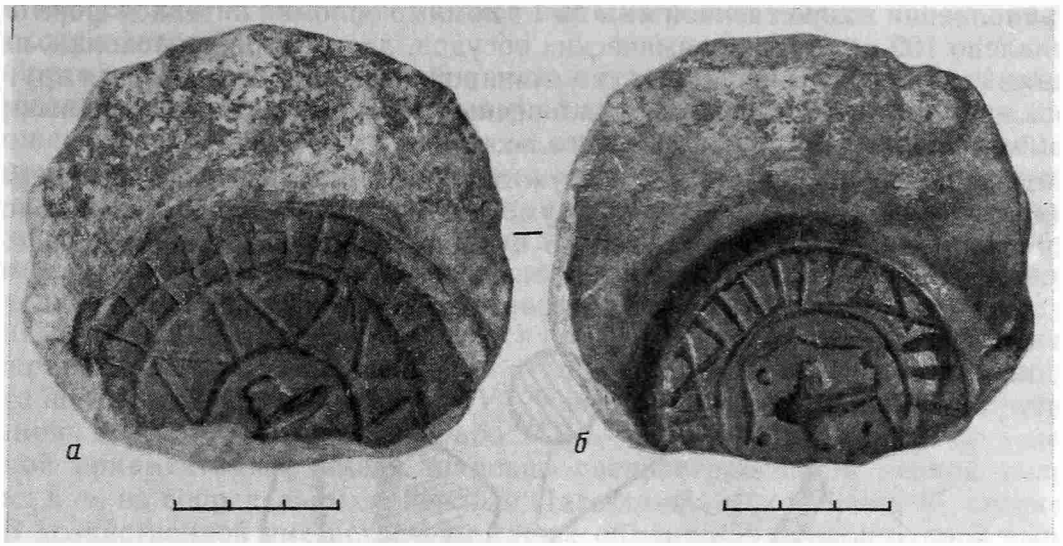


Рис. 1. Литейная форма для отливки зеркал из Дагестана. *а* — оборотная сторона; *б* — лицевая сторона

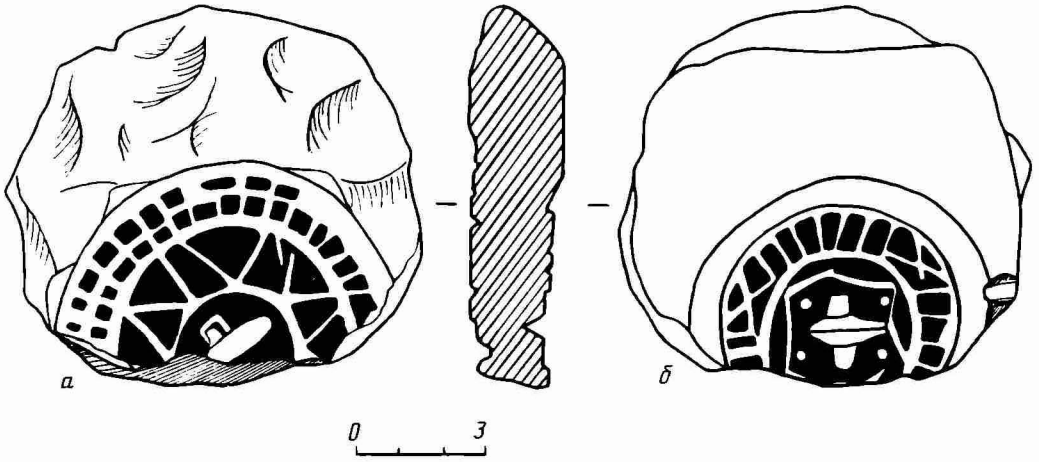


Рис. 2. Литейная форма для отливки зеркал из Дагестана (прорисовка). *а* — оборотная сторона; *б* — лицевая сторона

Оборотная сторона камня, примыкающая к рабочей части формы № 2, имеет следы грубой подтески, в результате которой были сбиты стенки формы, а также повреждена часть орнамента края формы. Рабочая часть формы № 2 имеет вид правильного круга диаметром 9 см; зеркала, отливавшиеся в этой форме, были значительно больше зеркал, производимых в форме № 1, их диаметр составлял 8 см (рис. 1, *а*; 2, *а*). В центре формы № 2 имеется углубление для отливки петлевидной ручки. На форму № 2 нанесен врезной геометрический орнамент, центральную часть которого занимает ломаная линия, составляющая многолучевую звезду (возможно, лучей было семь-восемь). Орнамент края формы составлен из радиально располагающихся бороздок, разделенных пополам небрежно выполненной концентрической линией. Обращает на себя внимание более тщательная техника нанесения орнамента на форму № 1.

Каменные литейные формы для отливки зеркал являются очень редкой находкой. По публикациям нам известно девять каменных форм для отливки дисковидных зеркал с центральной петлей, среди них двусторонних нет [2, рис. 11, *1, 2;* 3, рис. 1; 2, *2*; 4, рис. 11, *5—7*; 5, рис. 1, 2]. Как же могла использоваться двусторонняя литейная форма?

Вопрос этот может быть разрешен датировкой комплекса, в котором был обнаружен обломок литейной формы, а также хронологией функционирования зеркал с аналогичной орнаментацией.

В заполнении хозяйственной ямы № 1 [1] помимо обломка литейной формы было выявлено 102 обломка керамических сосудов, две костяные проколки, выточенное из стенки хума пряслице, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев, десяток кремневых отщепов, несколько речных голышей, камни различных размеров, кости животных, древесные угольки.

Датирующим материалом могут служить фрагменты разнообразных керамических сосудов (кувшинов, горшков, хумов). Среди керамики имеется обломок кружки или небольшого серолощеного кувшинчика ручной выделки (рис. 3).

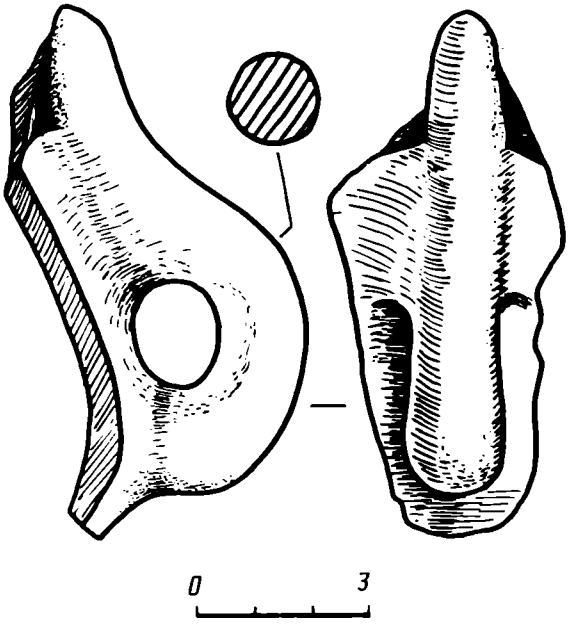


Рис. 3. Зооморфная ручка глиняного кувшина

Обломок представляет собой часть горловины сосуда и верхнюю часть тулова, к которым прикреплена овальная в сечении петлевидная ручка с длинным отростком в верхней части. Данный тип ручек относится к разряду зооморфных со слабо выраженной стилизацией [6, с. 70, 71; 7, с. 43] Реалистично передано гибкое тело животного (вероятно, кошачьего хищника) с выгнутой спиной, плотно прижатыми к сосуду передними лапами и остроконечной головой. Часть ручки в области шеи и головы животного приплюснута с боков, создавая слабо выраженное ребро; само же тулово животного округлое. Передние лапы животного переданы схематично, в виде отходящих от тулова расплющенных и примазанных к сосуду отростков.

Керамические сосуды с ручками в виде стилизованных изображений животных с характерным вертикальным отростком в верхней части имели широкое распространение на Северном Кавказе (сарматский и раннесредневековый периоды) и в Северном Причерноморье (позднеантичный и раннесредневековый периоды) [6, с. 76—79; 7, с. 43] Большинство зооморфных ручек с отростками в верхней части передают стоячую позу животного в отличие от зооморфной ручки из хозяйственной ямы № 1 Паласа-сыртского поселения, где животное передано в позе, изображающей готовность к прыжку. Похожая поза животного передана на зооморфной ручке сосуда из слоев III—IV вв. Тиритаки [8, с. 79, рис. 16, *5*], хотя верхний отросток у нее короче, чем у ручки с Паласа-сыртского поселения. Точная аналогия кружке из хозяйственной ямы № 1 имеется в инвен-

[1] Хозяйственная яма № 1 сооружена в культурных напластованиях. Ее глубина 1,2 м, диаметр устья 1,65—1,34 м, диаметр дна 1,11—1,08 м.

таре погребения кургана 51 Паласа-сыртского могильника IV—V вв. н. э. (раскопки автора).

Среди керамического комплекса из хозяйственной ямы № 1 Паласа-сыртского поселения имеются обломки керамических кувшинов терракотового цвета с залощенной, украшенной глубокими желобками поверхностью. В верхнем культурном слое Паласа-сыртского поселения встречено большое количество обломков сосудов этого типа. Их своеобразие состоит не только в отделке внешней поверхности (рифление), но и в декоре отдельных деталей сосуда. Слив трубчатой формы оформлялся в виде пятачка свиньи; реализм изображения животного подчеркивался проколами, имитировавшими ноздри животного, а также вдавлениями или налепами, наносившимися по обе стороны от слива (имитация глаз). Декорированные подобным образом столовые сосуды встречены в слоях Дербента позднеалбанского времени (IV—V вв. н. э.), известны они и на других поселениях Южного Дагестана [9, табл. III, *1—5, 8*, табл. II, *10, 11*] Сосуды с подобной орнаментацией имели широкое распространение в первой половине I тыс. н. э. на сопредельных с Южным Дагестаном территориях [9, сноска 17].

В хозяйственной яме встречены также обломки кувшинов ручной выделки, покрытых красным ангобом; фрагменты горловин розоволощеных кувшинов с эйноховидными сливами; обломки серолощеных кувшинов, украшенных пересекающимися и вертикальными лощеными полосками; крупные горшкообразные сосуды серого цвета с высокими венчиками; хумы розового цвета, покрытые изнутри и снаружи бессистемно нанесенными расчесами. Перечисленные типы керамических сосудов широко представлены в культурных слоях поселений и инвентаре могильников Приморского Дагестана, где они датируются в пределах IV—V вв. н. э. [1, сноски 10—12]. Таким образом, по совокупности данных дата керамического комплекса из хозяйственной ямы № 1 может быть определена IV—V вв. н. э., а ее сооружение — отнесено к заключительному периоду существования поселения. Датировке комплекса не противоречит также хронология зеркал, типологически близких отливавшимся в литейной форме с Паласа-сыртского поселения. Орнаментика зеркала, отливавшегося в форме № 1, сопоставима с зеркалами типа X [10, с. 68, рис. 5, *3, 4, 6*] позднесарматского и раннесредневекового периода. Это наиболее ранний тип дисковидных зеркал с центральной петлей, орнаментика которых идентична орнаментике зеркал с боковым ушком (поволжский вариант типа IX) [10, с. 67, рис. 4, *6—9*; 11, с. 95]. Отличительной особенностью орнамента зеркала, отливавшегося в форме № 1, является четкий раздел радиальных линий, украшавших края зеркала, на три группы (на позднесарматских зеркалах IX—X типов рельефные линии покрывают край изделия сплошь).

Дисковидные зеркала, украшенные по внешней стороне ломаной линией в виде многолучевой звезды, аналогичные отливавшимся в форме № 2, известны в погребальных комплексах Северного Кавказа, в том числе и в Дагестане, с середины I тыс. н. э. [12, рис. 62, *19, 51, 53*] Наиболее излюбленным такой тип орнаментации зеркал на этой территории является в VII—IX вв. н. э. [12, рис. 62, *79, 97, 117, 167, 168*] С середины IX в. н. э. зеркала с подобным орнаментом получили распространение на памятниках салтово-маяцкой культуры [13, рис. 37, *120, 122, 123*]. Орнамент, нанесенный на форму № 2, отличается от орнамента зеркал VII—IX вв. наличием такой детали, как радиальные рельефные линии, украшающие край зеркала, что сближает его с дисковидными зеркалами конца сарматского — начала раннесредневекового периода. Отличие заключается в характере центральной композиции: вписанная в круг четырехугольная фигура — деталь орнамента позднесарматских зеркал — замещена в паласа-сыртском зеркале ломаной линией. Видимо, зеркала, отливавшиеся в форме № 2, являлись переходным типом, развитие которого привело к появлению зеркал, все поле которых украшалось одной или несколькими ломаными линиями.

Таким образом, анализ орнаментов зеркал, отливавшихся в двусторонней форме из Дагестана, дает возможность считать, что производство зеркал в ней не было одновременным. Изготовление формы № 2 было связано, по нашему мнению, с переходом к производству зеркал с видоизменившимся орнаментом. Дополнительным свидетельством этому может служить больший размер зеркала, отливавшегося в форме № 2, а также более небрежная прорисовка орнамента в форме № 2, что, по наблюдениям С. А. Плетневой [13, с. 75] и В. Б. Ковалевской [12, с. 87], является хронологическим признаком.

Если наша аргументация относительно разновременности литейных форм № 1 и 2 достаточно убедительна, то требует объяснения факт использования оборотной стороны вышедшей из употребления формы для изготовления новой. У многих народов зафиксировано религиозно-магическое значение зеркал [11, с. 89—96; 14, с. 97—103; 15, с. 38; 16, с. 11]. Видимо, материал, использовавшийся в производстве литейных форм для изделий, имевших в представлениях древних магические свойства, также становился священным. Этим объясняется многократное использование одного камня для выделки литейных форм [2]

Для производства зеркал требовалась особая чистота металла [16, с. 11], что делало процесс производства этих изделий трудоемким, а сами изделия — малодоступными для основной массы населения. На Паласа-сыртском могильнике зеркала-подвески встречены только в катакомбных погребениях, сопровождавшихся богатым инвентарем [3]

Радиальная орнаментальная композиция, а также вписанная в круг геометрическая фигура в виде четырехугольника осмысливаются многими исследователями как символизирующие солнце [11, с. 95—96; 14, с. 103].

Орнамент, составленный ломаной линией (фигура звезды), может быть объяснен как символ молнии, символ божества неба, дарующего дождь.

В религиозных представлениях многих народов зеркало являлось атрибутом женского божества, олицетворявшего плодоносящие силы [11, с. 93; 14, с. 101—103]. Следует отметить, что на Паласа-сыртском могильнике зеркала встречены только при женских костяках, причем они занимали в могилах определенное положение (нижняя часть груди, слева от позвоночника). Возможно, женщины, погребенные с зеркалами-подвесками на Паласа-сыртском могильнике, допускались к отправлению языческих ритуалов, связанных с земледельческими культами, имевшими большое распространение в языческой среде раннесредневекового населения Приморского Дагестана [17, с. 90—108].

В литературе неоднократно поднимался вопрос о происхождении зеркал с центральной петлей для подвешивания [10, с. 69; 18, с. 130; 19, с. 44—48]. Большинство исследователей склоняются к мнению о сарматских истоках традиции производства этого вида изделий [10, с. 69; 19, с. 47; 20, с. 55] Отмечается также, что орнаментика зеркал-подвесок зачастую обусловливалась традициями и потребностями населения определенных регионов [12, с. 87; 21, с. 217], вносившими коррективы в широко распространенные образцы.

В раннесредневековом Дагестане имелось несколько крупных ремесленных центров [21, с. 189—224; 22, с. 122—174], разнообразная продукция которых удовлетворяла потребности как местного населения, так и многочисленных кочевых племен, осевших в степях Дагестана. Традиции и потребности последних оказывали большое влияние на ассортимент производимых изделий, их форму и декор, о чем свидетельствуют многочисленные материалы, полученные при исследовании раннесредневековых поселений и могильников Приморского Дагестана. Один из видов этих изделий — металлические зеркала — производился

---

[2] Следы подтески на литейной форме № 2, возможно, связаны с неудачной попыткой выделки формы с новым орнаментом.

[3] Погребения № 1, 2 (раскопки В. Г Котовича), погребения № 1, 20, 43 (раскопки Л. Б. Гмыри).

на Паласа-сыртском поселении, о чем свидетельствуют находка литейной формы, а также отмеченные выше особенности орнаментов зеркал, отливавшихся в ней. Последние можно объяснить спецификой мировоззренческих представлений населения Паласа-сыртского поселения, культурный облик которого несет в себе черты взаимовлияния оседло-земледельческих и кочевых традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гмыря Л. Б.* Паласа-сыртский могильник (По материалам раскопок 1981—1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа, Махачкала, 1985.
2. *Садыкова М. Х.* Сарматские памятники первых веков нашей эры // МИА. 1962. № 115.
3. *Арсеньева Т. М.* Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
4. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв.. Орджоникидзе: Ир, 1971.
5. *Мамаев Х. М.* Литейная форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня) // СА. 1980. № 4.
6. *Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2.
7 *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2.
8. *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1981.
9. *Гаджиев М. С.* Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
10. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
11. *Хазанов А. М.* Религиозно — магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. № 3.
12. *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР М.: Наука, 1981.
13. *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М.: Наука, 1981.
14. *Литвинский Б. А.* Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. 1964. № 3.
15. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959.
16. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
17. *Гмыря Л. Б.* Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
18. *Абрамова М. П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
19. *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА, 1977. Вып. 148.
20. *Книпович Т Н.* Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
21. *Маммаев М. М.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Уч. зап. ИИЯЛ Даг фил. АН СССР. 1969. № 19.
22. *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии. Махачкала, 1982.

Ю. П. ЗАЙЦЕВ

ЗОЛОТОЙ СТАТЕР РИМЕТАЛКА ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Монета (рис. 1) была обнаружена на пригородной территории Неаполя Скифского, в 60 км к югу от главных городских ворот, при раскопках северной полы зольника № 3, в перемещенных верхних слоях первых веков н. э. [1]

Описание: л. с.: внутри точечного ободка круговая легенда *ΒΑCΙΛΕωC ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ*, погрудное изображение царя с короткой бородой и усами, в царской повязке, панцире и палудаменте, вправо, перед ним — палица; о. с.: в точечном ободке бюст римского императора Антонина Пия в лавровом венке, вправо под ним *ΖΜΥ* (447 г. босп. э. = 150/151 г. н. э.). Золото. Вес 7,87 г, диаметр 20 мм. Оттиск оборотного штемпеля несколько смещен влево.

---

[1] Раскопки Симферопольской экспедиции ИА АН УССР. Автор приносит благодарность начальнику экспедиции О. А. Махневой за разрешение опубликовать находку.

© Ю. П. Зайцев, 1990 г.

Рис. 1. Статер Риметалка из Неаполя Скифского. Лицевая и оборотная стороны

Находка уникальна для памятников поздней Скифии — ранее боспорские статеры за пределами царства обнаружены не были. Известно два экземпляра, полностью аналогичных нашему. Один из них хранится в Эрмитаже (ГЭ, № 745) [1, табл. 22, *515*], место хранения другого (из коллекции А. Л. Бертье-Делаларда) неизвестно [2, pl. XX, *29, 30*]

Как известно, на протяжении длительного периода основу денежного обращения Боспора составлял золотой статер. Стабильность весовой нормы, неизменность типа на протяжении длительного периода, наконец, постепенная деградация металла монеты обусловили синхронное обращение и хранение разновременных статеров, неоднократно зафиксированное при изучении боспорских кладов [3, с. 12]

В связи с этим большую важность приобретает вопрос о вероятных способах попадания монеты в позднескифскую столицу, ответ на который, очевидно, следует искать в рассмотрении некоторых моментов истории Боспора II в. н. э.

Возросшая с начала II в. военная активность поздних скифов вызвала ответную реакцию северопричерноморских греческих государств. Воспользовавшись ситуацией, римские власти, стремившиеся к распространению своего влияния на этот регион, стараются возложить на «... Боспор значительную часть военных тягот, связанных с обороной городов Крыма от тавроскифов» [4. с. 18] В свою очередь это еще более обостряет обстановку на боспоро-скифских границах, следствием чего становятся активные и довольно успешные военные действия Савромата I и Котиса II в первой половине II в. н. э. [4, с. 19]

Во второй половине этого столетия нам известен лишь победоносный поход Савромата II, о котором упоминает надпись 193 г. из Танаиса [5, № 1237]

Исходя из этого, наиболее вероятным представляется попадание статера на пригород Неаполя с боспорскими войсками. Возможно, это мог быть неизвестный пока поход Риметалка или Евпатора, однако скорее всего золотая монета была утеряна во время пребывания под стенами города войск Савромата II.

О присутствии в Неаполе военной экспедиции этого правителя впервые высказал предположение П. Н. Шульц, связав с ним погребение так называемого «аланского военачальника» [6, с. 76] Впоследствии дата погребения была удревнена Т. Н. Высотской, однако предположение о возможности похода было поддержано [7, с. 204]

Таким образом, описанная находка является, очевидно, новым археологическим свидетельством, подтверждающим письменные сообщения о походах боспорских правителей в Скифию, и в частности на Неаполь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наук. думка, 1986.
2. *Frolova N. A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 69—238 // BAR. I. Supplement 56. Oxford, 1979.

3. *Голенко К. В.* Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НЭ. 1978. Т. 12.
4. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР М.: Наука, 1984.
5. Корпус боспорских подписей. М.; Л.: Наука, 1965.
6. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945—1950) // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957
7 *Высотская Т Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.

Н. А. МАЖИТОВ

КОМПЛЕКСЫ С МОНЕТАМИ VIII В. ИЗ БИРСКОГО МОГИЛЬНИКА

В процессе систематизации раннесредневековых древностей Южного Урала А. К. Амброзом и автором в качестве эталонных памятников VIII в. были выделены Шареевский и Манякский могильники [1, с. 107, 112; 2, с. 108, 109]. Дальнейшее накопление источников позволило мне, базируясь на материалах указанных памятников, выделить в развитии археологических культур края особый этап в рамках VIII в., к которому еще были отнесены ранняя группа Лагеревских курганов, II Красногорские курганы, часть уфимских погребений (на месте здания Оперного театра) и некоторые другие памятники [3, с. 16—22; 4, с. 5—29; 5, с. 23—28]

Отличительной чертой инвентаря этих памятников является то, что они занимают промежуточное положение между эпохами ранних наборных поясов конца VI—VII в. и яркой салтовской культуры IX— первой половины X в., в составе находок преобладают детали наборных поясов с псевдопряжками, присутствуют самые ранние на Южном Урале стремена и другие изделия. По сравнению с датой, общепринятой в литературе для комплексов с данным составом вещей, предложенная хронология выглядела несколько омоложенной (примерно на 50 лет), что заставляло сомневаться в ее обоснованности. В этом отношении принципиально новые данные получены при продолжении раскопок на широко известном читателям Бирском могильнике в 1984—1985 гг Работы привели к открытию на могильнике ранее неизвестной части, существовавшей в конце VII—VIII в. Она с юга непосредственно примыкает к группе погребений VII в. и представлена более чем 70 могилами со сравнительно однотипным составом находок. В двух из них найдены хорезмийские монеты середины VIII в., что уже не оставляет никакого сомнения в том, что они относятся к периоду не ранее VIII в. Учитывая особую ценность этих находок для дальнейшей разработки хронологии раннесредневековых древностей Южного Урала и сопредельных территорий, ниже дается их полная публикация.

Погребение 382. Могильная яма трапециевидной формы имела размеры: длина 1,75 м, ширина 1,15—0,85 м, глубина 1,30 м. В северо-западной узкой стенке в двух местах имелись неглубокие подбои. Размеры западного: 37×15 см, высота 40 см; восточного: 57×15 см, высота 40 см (рис. 1, *I*). В подбоях стояло по одному глиняному сосуду, типичному для бахмутинской культуры (рис. 1, *II*, *III*). Они имеют широкое низкое горло, округлое тулово и дно, изготовлены из глины с примесью дресвы. Поверхность одного из них сплошь покрыта беспорядочными ямками, а на втором так украшена только верхняя часть тулова.

Погребение содержало парное захоронение, оказавшееся сильно потревоженным. Первоначальное положение сохранили только кости ног ниже колен, судя по которым умершие лежали вытянуто, головой на северо-запад. Остальные кости скелетов, в том числе обломки черепов, беспорядочно лежали на дне могилы и в слое заполнения. В двух местах: в средней части и у восточной

© Н. А. Мажитов, 1990 г.

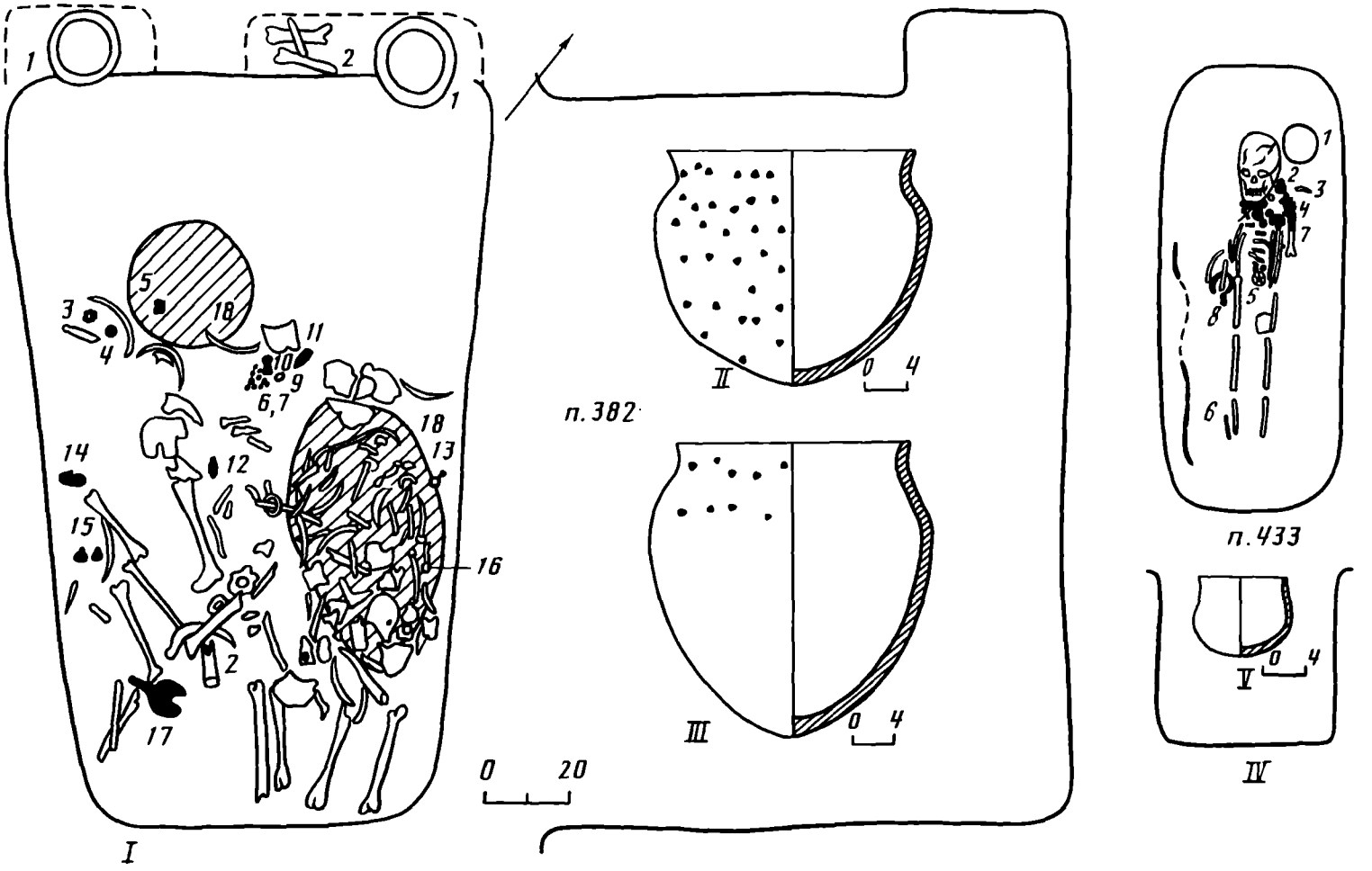


Рис. 1. Погребения Бирского могильника: *I—III* — погр. 382; *IV*, *V* — погр. 433. *1* — план погр. 382: *1* — глиняные сосуды; *2* — кости лошади; *3* — круглая подвеска с выпуклинами; *4* — монета; *5* — псевдопряжка; *6* — бусы; *7* — пронизки; *8—11* — накладки; *12* — подвеска от серьги; *13* — круглая подвеска с отростком; *14* — фибула; *15* — колокольчики; *16* — кольцо от серьги-многогранника; *17* — зеркало; *18* — углистые пятна. *II*, *III*, *V* — сосуды. *IV* — план погр. 433: *1* — сосуд; *2—4* — бусы, монета, колокольчик, фигурка петуха и лошади; *5* — круглая ажурная подвеска; *6* — тлен лука; *7* — обломок пластины из бронзы; *8* — браслет

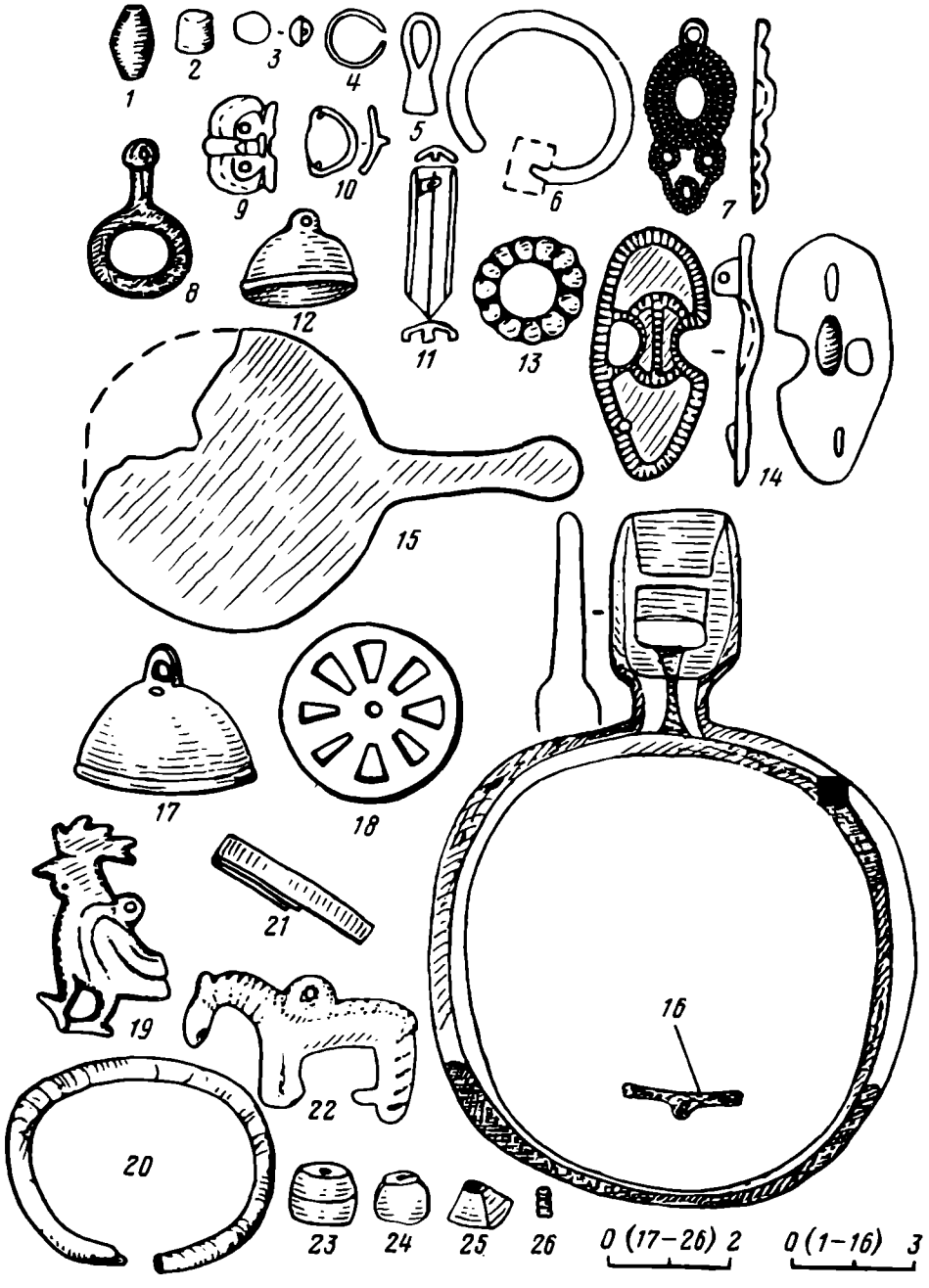


Рис. 2. Находки из Бирского могильника. *1—16* — погр. 382; *17—26* — погр. 433

стенки могилы — встречены прослойки древесных угольков. Их происхождение осталось невыясненным. Из вещей найдены: в средней части могилы, на дне, круглая бронзовая подвеска с выпуклинами (рис. 2, *13*) и бронзовая хорезмийская монета с ушком. По заключению Б. И. Вайнберг, монета принадлежит хорезмийскому царю Савшафану (китайский вариант имени Шаушафар), правившему в 50—60-х годах VIII в. [6, с. 61, 62, 81] На монете четко различается хорезмийская надпись с именем царя. Титул на монете, скорее всего, не поместился. Слева от отверстия — остатки хорезмийской тамги . В центре монеты — всадник в зубчатой короне, конь с поднятой левой ногой. Все изображения и надпись переданы рельефно (рис. 3, *1, 2*). По классификации Б. И. Вайнберг, монета относится к типу ГV/9 или 10, а корона на голове всадника — к типу IX [6, с. 32, 61, 62] Рядом с монетой лежала серебряная накладка, типа псевдопряжки (рис. 2, *9*) и россыпью несколько бусин: одна — сердоли-

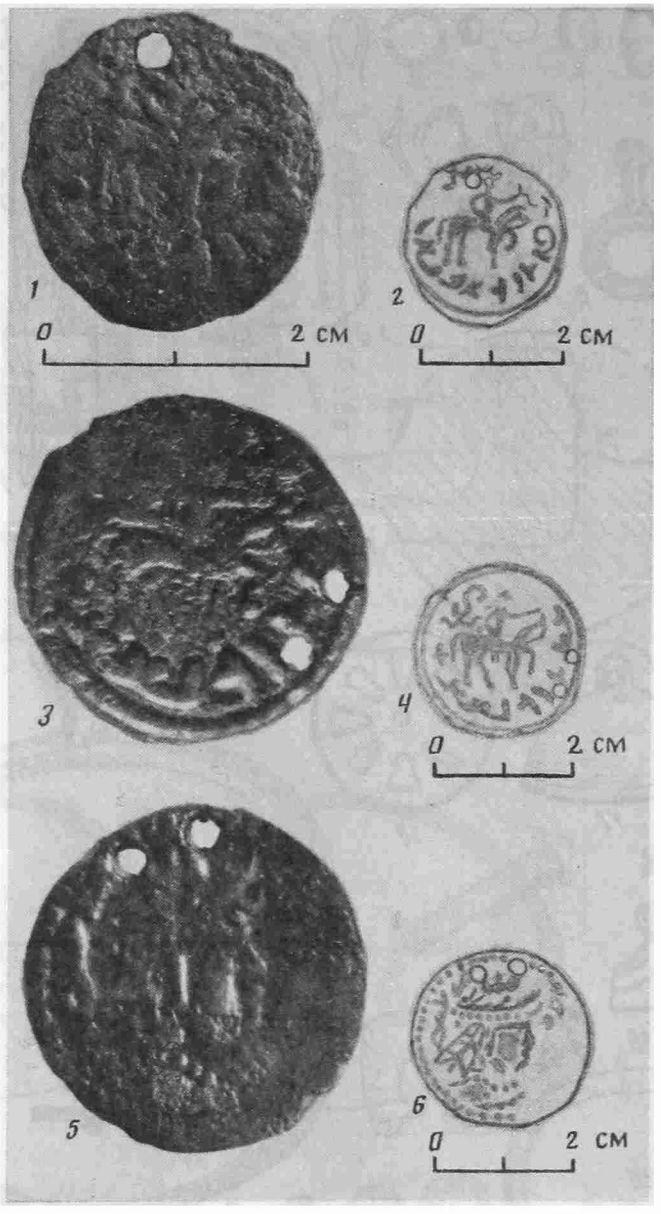


Рис. 3. Хорезмийские монеты VIII в. из Бирского могильника. *1, 2* — фото и прорисовка монеты из погр. 382; *3—6* — фото и прорисовка лицевой и оборотной сторон монеты из погр. 433

ковая (рис. 2, *1*), пять — из белого стекла (рис. 2, *2*) и четыре — из низкопробного серебра (скорее всего, они являются пронизками — рис. 2, *3*). Вместе с ними находились две накладки. Одна — из бронзы, удлиненной формы, с одним заостренным концом и сквозным отверстием на другом, прямо срезанном конце; на обороте на двух концах сохранились следы от шпеньков (рис. 2, *11*). Другая накладка — из низкопробного серебра, с ушком на обороте, возможно, является обломком от геральдической формы (рис. 2, *10*). Недалеко от них — подвеска, которая насаживается на круглую проволочную серьгу. Она литая, обратная сторона гладкая, а лицевая украшена выпуклинами и насечками (рис. 2, *7*). По форме эта подвеска отдаленно напоминает так называемые серьги харинского типа, широко распространенные в Западном Приуралье в конце VI—VII в., но в отличие от них она не составная, а литая; из серьги эта форма превратилась в подвеску от нее. Ее основу составляет овал с выпуклиной в центре (на обороте ей соответствует вогнутость). Вокруг выпуклины и по краям имеется четыре ряда валиков с короткими насечками, имитирующими

зернь. Сверху подвеска имеет ушко, а снизу — отросток, украшенный тремя выпуклыми кружками, вокруг которых также имеются короткие насечки.

У восточной стенки могильной ямы найдены бронзовая круглая подвеска с длинным отростком-ушком (рис. 2, *8*) и круглая бронзовая серьга (рис. 2, *6*), на одном конце которой сохранился след от напускной бусины-многогранника. В Бирском и других могильниках края VII—VIII вв. найдено много целых экземпляров таких составных серег. Бусины у них состоят из смолообразной массы, скреплявшей шесть пластинок-граней со стеклянными вставками посередине [4, рис. 7, *3*] У западной стенки могилы найдены два бронзовых колокольчика (рис. 2, *12*) и небольшая литая серебряная фибула (рис. 2, *14*). По форме она близка двупластинчатым фибулам из памятников Южного Урала VII в. (Бирск, Кушнаренково, Новые Турбаслы) и отличается от них только уменьшенными размерами. Края фибулы слегка утолщены, украшены насечками; на обороте сохранился приемник от иголки. Здесь же лежали бронзовое зеркало с ручкой (рис. 2, *15*) и трубчатая кость лошади. В заполнении могилы находилось железное стремя (рис. 2, *16*). Оно имеет ромбовидную в сечении дужку и высокий отросток, где расположена петля для ремня.

Погребение 433. Раскопано в 1985 г., детское; находилось примерно в 20 м южнее погр. 382. Могильная яма простой формы (ее размеры: 1,05×0,47 м, глубина 40 см). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 1, *IV*). Справа в изголовье — небольшой глиняный сосуд (рис. 1, *V*), а у левого виска — бронзовый колокольчик (рис. 2, *17*). Рядом с ним, у левого плеча, находились бронзовые литые подвески в виде фигурки петуха (рис. 2, *19*) и коня (рис. 2, *22*); обе — с ушком для подвешивания. Вокруг шеи встречены остатки ожерелья из стеклянных бусин (рис. 2, *23—26*), в составе которого была бронзовая монета хорошей сохранности.

Согласно заключению Б. И. Вайнберг, на одной стороне монеты изображен всадник с поднятой рукой на идущем торжественным шагом коне (рис. 3, *3, 4*). За всадником размещено изображение хорезмийской тамги (ясно видна нижняя часть). Титулатура правителя, составлявшая первую часть круговой легенды, ушла за край монетного кружка. Сохранилось имя царя sy'wrsp... — Савшаван (Шаушафар китайских источников). Монета — хорезмийского чекана VIII в. и относится к типу ГV/9 [4, с. 61—62, 81]

После обследования Б. И. Вайнберг монета подверглась химической очистке. На обратной стороне четко выявился портрет царя, ранее едва различимый (рис. 3, *5, 6*). На голове царя — корона, переданная сегментообразным изображением, а впереди — фигурка в виде месяца. Над короной в средней части имеется четкое изображение, напоминающее полуовал с двумя точками в средней части края. Вверху по середине и по краям изображение заканчивается тремя выпуклыми линиями; крайние из них сильно задеты двумя пробитыми круглыми отверстиями. Данное изображение очень напоминает фигурку двугорбого верблюда на коронах хорезмийских монет типа KV [4, с. 23—28, табл. X, с. 5] Сходно и основание короны и другие, не менее важные детали. Например, так же как на короне типа KV, нижний край короны обозначен выпуклыми точками, а сзади от короны свисают лентообразные украшения. Вокруг шеи царя также видны выпуклые точки (очевидно, ожерелье бус), такими же точками окаймлен край монеты.

На груди погребенного лежал также обломок бронзовой пластинки (рис. 2, *21*). На правой руке найден бронзовый проволочный браслет (рис. 2, *20*), а между бедрами — круглая ажурная подвеска из бронзы (рис. 2, *18*). Вдоль западной стенки могилы прослежен тлен деревянного лука длиной 55 см.

Ценность инвентаря описанных погребений состоит прежде всего в том, что он в целом является характерным для памятников Южного Урала типа Маякского могильника и теперь служит новым, но уже бесспорным доказательством того, что основное время их существования приходится на самый конец VII в. и в основном на VIII в. Ближайшим по территории памятником с аналогичным

инвентарем является Бартымский могильник в Верхнем Прикамье, где найдены многочисленные южные монеты, самой поздней из которых является хорезмийская монета Каника второй половины VII в. [7, с. 27]. Р. Д. Голдина до обнаружения этого могильника и публикации его материалов принадлежала к числу многих авторов, которые время существования подобных памятников определяли VI—VII вв. [8; 9, с. 3—66]. На основании поздней монеты дату Бартымского могильника она определила второй половиной VII в. [7, с. 24], что является отходом от старых представлений. Думается, что дата монеты позволяет предполагать более позднее существование памятника — VIII в.

За пределами Южного Урала комплексы с аналогичным инвентарем (поясные наборы с псевдопряжками, в том числе пряжки с бортиками для язычка на передней части, ранние типы стремян) богато представлены в памятниках Южной Сибири и Казахстана, где выделяются в особую кудыргинскую хронологическую группу, относимую многими исследователями к VI—VII вв. (см. [10, табл. 19, *1—59*]). Для определения возраста памятников указанного круга специалисты рассматривают как эталонные материалы Перещепинского клада. Оттуда также происходят многочисленные монеты, но самые поздние из них относятся к 50—60-м годам VII в. [11], что дало основание многим определить время зарытия клада второй половиной VII в. Было очевидно, что эта дата не исключала вероятность отнесения его к VIII в. Об этом, например, писала В. Б. Ковалевская [12]. Для выделения памятников конца VII—VIII в. в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе принципиально важное значение имеют работы А. К. Амброза. Основные идеи этого знатока раннесредневековых древностей, основанные на материалах Крыма, получили поддержку в трудах А. И. Айбабина и других исследователей [13, с. 161—192], которым удалось найти достаточно яркие комплексы с монетами VIII в. Отнюдь не ставя цель дать подробную историографию данного вопроса, нельзя все же не упомянуть исследования венгерского коллеги И. Эрдели. В результате анализа состава находок из комплексов кудыргинского (Сибирь), манякского (Урал) и перещепинского (Восточная Европа) типов он недавно пришел к заключению о расширении верхней их даты до VIII в. включительно [14, с. 248]. Данный вывод этот автор распространяет и на среднеаварские древности, обычно датируемые, как известно, более ранним временем (VI—VII вв.). Таким образом, становится ясно, что принятие новой, уточненной даты для памятников данного круга, о чем до сих пор писалось с некоторой опаской теперь становится настоятельной необходимостью для всех.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А. К.* Проблема раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3.
2. *Мажитов Н. А.* Работы в Северной Башкирии // АО—1967 М., 1968.
3. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977
4. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.
5. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VI—VIII вв.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
6. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
7. *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.
8. *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158.
9. *Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д.* I Агафоновский могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980.
10. *Могильников В. А.* Тюрки // Археология СССР Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
11. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад // МАР. 1914. № 34.
12. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии V—IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е1-2.
13. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII— первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
14. *Erdeli I* Az avarsác és kelet a receszeti források türkélen. Budapest, 1982.

В. П. КОВАЛЕНКО, В. Г. ПУЦКО

ВИЗАНТИЙСКАЯ РЕЗНАЯ ИКОНКА ИЗ ЧЕРНИГОВА

В Чернигове на Подоле, невдалеке от подножия Детинца, на правом берегу Десны (вниз по течению), на одном из разрушенных участков культурного слоя, в 1983 г. случайно найдена костяная иконка, являющаяся предметом предлагаемой публикации (рис. 1).

Это уникальное произведение художественной резьбы, которое имеет не так много близких аналогий как среди древнерусских археологических материалов, так и в ряду изданных византийских рельефов из слоновой кости, весьма многочисленных и разнообразных [1, 2]. Находка хранится в Черниговском историческом музее.

Иконка миниатюрных размеров, 2,6×1,5 см; в нижней части почти прямоугольной формы, с завершением в виде арки с плечиками и выступом, просверленное отверстие в котором должно было служить для продевания шнура. Следовательно, образок мыслился как нагрудный. Характер обработки тыльной стороны изделия, а также неравномерность ширины обрамления позволяют предполагать, что первоначально иконка должна была иметь металлическую оправу. Однако следы ее крепления не прослеживаются. Иконка представляет погрудно Христа Эммануила, с традиционной для этого иконографического образа строго фронтальной постановкой фигуры, трактованной здесь совершенно плоскостно, несмотря на довольно высокий округлый рельеф головы, окруженной широким нимбом с крестовидным делением. Бюст Христа Эммануила хорошего рисунка, с правильными чертами лица, насколько можно об этом судить при потертости резьбы, которой подверглись выпуклые части изображения. Наиболее тщательно было моделировано лицо удлиненной овальной формы с обрамляющими лоб гладкими коротко подстриженными волосами, пряди которых обозначены тонким резцом. Врезанной вглубь линией очерчен контур нимба, перекрестной штриховкой покрыты ветви вписанного в нимб креста, обозначены складки одежд: хитона и равномерно покрывающего плечи гиматия. Насколько искусно и живо передана голова, настолько условно очерчен торс, в выполнении которого сказывается явная упрощенность, почти граничащая с небрежностью. Строгость оценки качественного уровня выполнения этого образка, однако, должны смягчить его крохотные размеры. Если не считать потертости рельефа лица, то сохранность должна быть признана удовлетворительной.

Общий характер черниговской находки указывает на большую древность. Изделия из кости аналогичного типа и назначения, относящиеся к домонгольскому времени, по существу неизвестны, при всей развитости косторезного дела на Руси в IX—XIII вв. [3, с. 413—417] В Новгороде, где резьба по кости являлась одним из традиционных видов художественного ремесла, преобладают бытовые изделия [4, с. 111—142; 5, табл. 82—101]; иконки исключительно редки. Одной из них является круглая иконка Христа Эммануила, диаметром 2,7 см, датируемая XIII в. (рис. 2). Другая иконка, с изображением св. Георгия и св. Власия (на обороте), относится уже к первой половине XIV в. [5, рис. 173, *а, б*] Слоновая кость, из которой изготовлен найденный в Чернигове образок,— материал, не типичный для изделий древнерусских ремесленников, и уже по этой причине можно видеть в рассматриваемой находке предмет художественного импорта.

Для того чтобы судить о распространенности иконографического образа Христа Эммануила в изобразительном искусстве Древней Руси, необходимо учесть данные материалов мелкой каменной пластики. Среди ее многочисленных сюжетов указанное изображение зарегистрировано в шести случаях, когда датировка произведений не выходит за хронологические пределы XII—

© В. П. Коваленко, В. Г Пуцко, 1990 г.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 1. Иконка из Чернигова. Слоновая кость, резьба. Последняя четверть XII в. Чернигов. Областной исторический музей.

Рис. 2. Иконка из Новгорода. Кость, резьба. Последняя четверть XII в. Новгород. Гос. объединеный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Рис. 3. Иконка из Пинска. Серпентин, резьба. XII в. Минск, Институт истории АН БССР.

XIII вв. Фрагмент шиферной иконки, предположительно отнесенный к XII в., найден в Киеве около Десятинной церкви [6, № 14, табл. 2]. Там же, на усадьбе Трубецкого, обнаружен фрагмент иконки XII в. из темно-коричневого полированного камня [6, № 6, табл. 2]. Условно датированный XIII в. стеатитовый образок размером 2,3×2 см из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко [6, № 9, табл. 2], очевидно, византийского происхождения, равно как и прекрасный серпентиновый образок в форме киота, размером 3,5×2,1 см, из раскопок в Пинске, отнесенный к XII в. [6, № 362, табл. 64; 7, с. 295—297] (рис. 3). Рубежом XII—XIII вв. датирован миниатюрный плоский рельеф из плотного известняка довольно грубой резьбы из раскопок в Волковыске [8, с. 129, рис. 26] Примерно на том же уровне выполнена и прямоугольная каменная иконка XIII в. из раскопок в Изяславле [6, № 53, табл. 12] К числу упомянутых образцов следует присоединить еще фрагмент литика второй половины XII в. из новгородских находок [9, с. 264, рис. 1, *2*] Иконография и стиль черниговского рельефа из кости ближе всего к тем памятникам, которые определяем как византийские.

В византийской каменной пластике образ Христа Эммануила встречается на нескольких иконках из стеатита. Большинство из них может быть отнесено к рубежу XII—XIII вв., не исключая также овальный образок диаметром 5 см из университетской коллекции в Торонто [10, № 17, с. 108, табл. 12], а также выделяющийся своим романизированным обликом почти круглый (диаметр 4,2 см) образок из Кливлендского музея [10, № 114, с. 190, табл. 55] В уже упомянутом собрании в Торонто находится также маленький, почти квадратный (2×1,9 см) образок, удивительно тщательно проработанный тонким резцом [10, № 113, табл. 55] Однако по форме и по типу изображения находка в Чернигове скорее должна быть сопоставлена с рельефом Британского музея в Лондоне, по высоте достигающим вместе с ушком 2,2 см [10, № 112, с. 190, табл. 55], а также с еще более крохотным (1,6×1,7 см) изделием из Кабинета медалей Национальной библиотеки в Париже [10, № А-41, с. 244, табл. 89]

По данным византийской нумизматики, образ Христа Эммануила приобретает популярность в XII в., особенно при Мануиле I Комнине (1143—1180) [11, с. 596, 707] О том же говорит и сфрагистика Византии [12, с. 9, 10, табл. 44] Характерно, что иконография проникает и на страницы иллюминованных рукописей Чикаго-Карахиссарской группы. В ее состав, в частности, входит Никомидийское евангелие, в заставки которого вписаны медальоны с бюстом Христа Эммануила. Изображения юного Христа более обычны для рельефов из слоновой кости раннего периода [13, № 107, 112, 113, 125, 132, 133, 142, 160, 214, 221, 223]

Итак, форма и материал костяной иконки, найденной в Чернигове, свидетельствуют в пользу ее византийского происхождения. Известны аналогичной формы стеатитовые образки с завершением в виде полукруглой арки с плечиками, они относятся к XII в. Округлый рельеф головы и уплощенно переданные одежды в целом соответствуют костяной иконке из Новгорода (рис. 2) и серпентиновой иконке из Пинска (рис. 3), хотя в каждом из этих произведений сказываются и черты индивидуальности резчиков. Вряд ли можно ошибиться, предположив в указанных изделиях предметы византийского художественного импорта. Время выполнения черниговской иконки из слоновой кости, с учетом сопоставления со всеми перечисленными образками, должно быть ограничено последней четвертью XII в. Произведения византийского художественного импорта в Киеве известны [14, с. 127—142] В Чернигове пока это первая находка такого рода, уникальная во всех отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

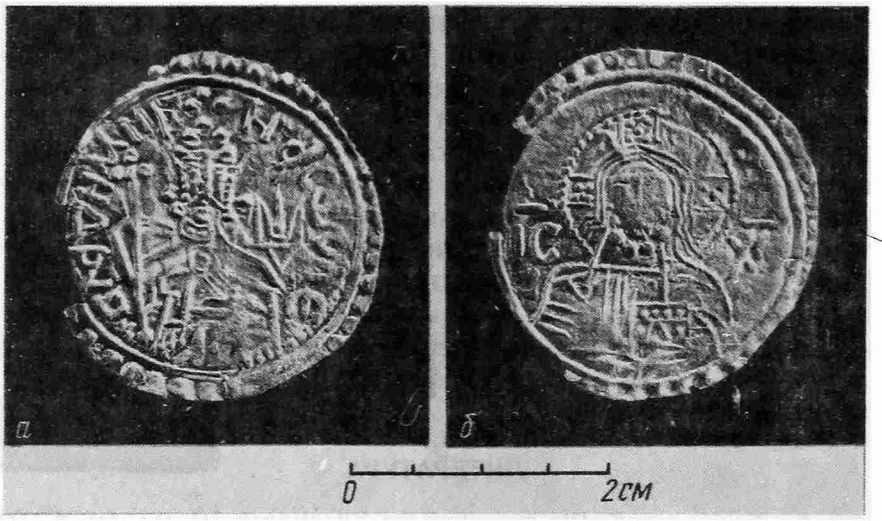
1. *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die byzantinische Elfenbeinskulpturen des X.—XIII. Jahrhunderts. B. II. B., 1934.
2. *Weitzmann K.* Ivories and Steatites (Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. V. III). Wash., 1972.
3. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
4. *Бочаров Г Н.* Резьба по кости в Новгороде (X—XV века) // Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования. М.: Изобразит. искусство, 1983.
5. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985.
6. *Николаева Т В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. // САИ. 1983. Вып. Е1-60.
7. *Лысенко П. Ф.* Каменная иконка из Пинска // СА. 1968. № 2.
8. *Зверуго Я. Г* Древний Волковыск. X—XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975.
9. *Седова М. В.* Каменные иконки древнего Новгорода // СА. 1965. № 3.
10. *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite (Byzantina Vindobonensia. B. XV/1—2). Wien, 1985.
11. *Morrisson C.* Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothéque Nationale. T. 2, P., 1970.
12. *Laurent V* Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican (Medagliere della Biblioteca Vaticana. T 1). Città del Vaticano, 1962.
13. *Volbach W Fr* Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters. Mainz, 1952.
14. *Пуцко В. Г* Византийский художественный импорт в древнем Киеве. // Slavia Antiqua. T XXIX. Poznań, 1983.

Д. Б. МАРКОВ, А. И. СТРОКОВ

О СРЕБРЕНИКЕ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ УССР

С 1950-х годов в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа велась работа над корпусом древнейших русских монет. Итогом ее явилась монография М. П. Сотниковой и И. Г Спасского, где воедино были собраны сведения обо всех известных экземплярах златников и сребреников, хранящихся в собраниях СССР и за рубежом, а также о монетах, известных по упоминаниям в литературе, но со временем исчезнувших [1, 2]

Некоторым дополнением к фундаментальному труду будет публикация одного из сребреников, не имевшего к настоящему времени четкой атрибуции. В ходе систематизации древнерусских монет Музея исторических драгоценностей УССР (филиал ГИМ УССР) и составления научного каталога он был нами идентифицирован с монетой, принадлежавшей в прошлом веке известному киевскому коллекционеру Н. А. Леопардову (рисунок) В сводном каталоге этот экземпляр фигурирует как неразысканный [2, с. 131, № 25-1] Диаметр монеты колеблется от 24 до 27 мм, вес — 2,07 г, соотношение осей — ↑↓. Различие между фотографическим воспроизведением в каталоге и нашим оригиналом состоит лишь в том, что в настоящее время край монеты по неизвестной причине частично обломан. Этим и объясняется разница в весе (по каталогу эта монета должна весить 2,2 г).



Сребреник Владимира Святославича. *а* — л. с., *б* — о. с.

Данный экземпляр был в составе Киевского клада сребреников, найденного в 1876 г В свое время он успел побывать в коллекциях С. В. Бодилевского (1891 г.) и Н. А. Леопардова (1893 г.). В XIX в. его опубликовали в своих работах Н. П. Чернев [3, с. II, j, табл. 6, 9] и И. И. Толстой [4, с. 353, 7, табл. XII, *13, 14*] В 1895 г. в Киеве была издана опись коллекций древних предметов и монет, подаренных Н. А. Леопардовым Церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии [5] На с. 69 этой описи, в разделе «Русские монеты», среди древнейших из них значатся и сребреники Владимира в количестве восьми штук, среди которых, очевидно, находился и данный экземпляр.

Нумизматическая коллекция академии была расхищена вскоре после 1915 г. [2, с. 41] Часть монет позже оказалась в частных собраниях, остальные исчезли бесследно. Относительно данного сребреника можно предположить,

© Д. Б. Марков, А. И. Строков, 1990 г.

что после революции он, как и другие сохранившиеся материалы Церковно-археологического музея академии, был передан в собрание теперешнего ГИМ УССР, из которого в свою очередь поступил в Музей исторических драгоценностей УССР, хотя утрата довоенных книг во время Великой Отечественной войны не дает возможности достоверно проследить его судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sotnikova M. P., Spasski I. G.* Russian Coins of the X—XI Centuries A. D. Recent Research and a Corpus in Commemoration of the Millenery of the Earliest Russian Coinage // BAR. Intern. Ser. 136. Oxford, 1982.
2. *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л.: Искусство, 1983.
3. *Чернев Н. П.* Заметки о неизданных и редких монетах, помещенных на таблицах 6-й, 7-й и 8-й // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. 3—4. Киев, 1891.
4. *Толстой И. И.* О древнейших русских монетах X—XI вв. // ЗРАО. Нов. сер. 1893. Т 6. Вып. 3, 4.
5. Коллекции древних предметов и монет, пожертвованные церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии Н. А. Леопардовым / Сост. Петров Н. И. Киев, 1895.

Д. Б. МАРКОВ, А. А. МОЛЧАНОВ

ДВЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕЧАТИ XII В. ИЗ НИЖНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ

Осенью 1979 г. на правом берегу Десны, примерно в 30 км выше ее устья, на пляже у искусственного канала между пристанью Арсенальная (до недавнего времени называвшейся Никольская пустынь) и базой отдыха «Десна» были подняты две древнерусские свинцовые печати [1] Обе они, равно как и другой, регулярно встречающийся там же подъемный археологический материал (например, кресты-энколпионы, целые и фрагментированные), происходят из разрушающегося культурного слоя средневекового поселения, существовавшего, по меньшей мере с XI в., на том месте, где позднее, в XVII—XVIII вв., располагался Пустынно-Николаевский Задесенский монастырь [2]

Одна из булл относится к хорошо изученному разряду сфрагистических памятников первой половины XII в. На одной стороне печати (рис. 1, *1, 2*) помещено окруженное тонким линейным ободком погрудное изображение св. Константина в царской короне; на другой стороне — в ободке из точек строчная надпись: ГИ (сокращение от ГОСПОДИ) ПО(М) — ОЗИ РАБ(У) — (С)ВОЕ-(МУ) — (КОСТЯНТИНУ?). Диаметр предмета 18—23 мм. В Корпусе актовых печатей Древней Руси X—XV вв. изданы два экземпляра моливдовулов, оттиснутых той же парой матриц [1, с. 191, № 125, табл. 12, 45] В. Л. Яниным данная печать атрибуирована как принадлежавшая новгородскому посаднику Костянтину Мосеевичу (1118—1119 гг.) [1, с. 72, 191; 2, с. 79—80], но допускается и возможность отнесения ее другому лицу, тоже обладателю названной боярской магистратуры,— Костянтину Микульчичу (1136—1137 гг.) [1, с. 73; 3, с. 21] Однако в любом случае она входит в круг посадничьих булл времени княжения в Новгороде Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.).

---

[1] В 1986 г. одному из авторов данной заметки — Д. Б. Маркову — удалось приобрести их в Киеве у находчика. После изучения и подготовки к публикации обе буллы переданы в Черниговский исторический музей.

[2] После упразднения обители в 1786 г. и вплоть до начала XX в. здесь оставался центр прихода Пустынного Николая, территориально принадлежавшего к Остерскому уезду Черниговской губернии.

© Д. Б. Марков, А. А. Молчанов, 1990 г.

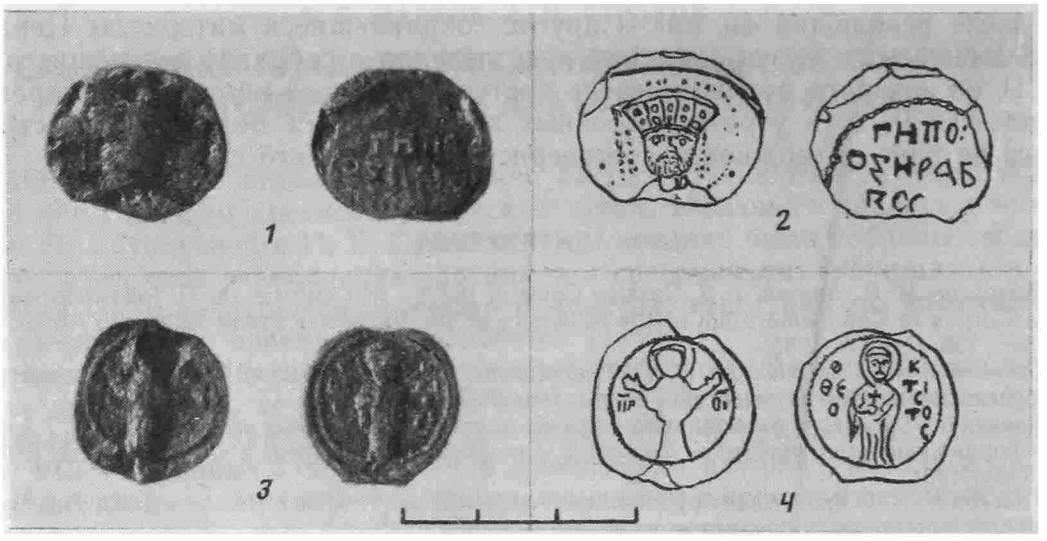


Рис. 1. Печать новгородского посадника Костянтина Мосеевича (1118—1119 гг.), найденная в Нижнем Подесенье (*1*— фото; *2*— прорисовка). Печать черниговского епископа Феоктиста (1113—1123 гг), найденная в Нижнем Подесенье (*3*— фото; *4*— прорисовка)

Второму моливдовулу (рис. 2, *1, 2*) нет аналогов среди изданных древнерусских сфрагистических памятников. Он несет на одной стороне изображение Богоматери «Знамение» в рост с титлами по сторонам, заключенное в точечный ободок. Оборотную сторону занимает изображение св. Феоктиста в рост с мученическим крестом в правой руке, которое тоже окружено ободком из мелких точек. По сторонам фигуры святого мученика размещена колончатая надпись: ⊕ *ΘЕО — КТІСТОС*. Диаметр свинцового кружка 18—21 мм.

Хронологические рамки возможного бытования данной печати определяются без особых затруднений. Вся совокупность внешних признаков (размер и фактура, иконографические и стилистические особенности оформления сфрагистического типа) заставляют датировать рассматриваемую буллу в пределах XII— первой трети XIII в. Наблюдения типологического порядка позволяют дать общую атрибуцию вновь открытого памятника. Как установлено В. Л. Яниным, изображение Богоматери «Знамение», появившееся впервые на печати киевского митрополита Николая (около 1096—1104 гг.), становится в первой половине XII в. практически обязательным элементом и епископских печатей, превращаясь тем самым в общецерковную эмблему, «принципиальный указатель на принадлежность снабженной им буллы церковным иерархам» [1, с. 58, 148, 156, 157; 4, с. 47; 5, с. 30; 6, с. 54] Таким образом, мы имеем дело со сфрагистическим атрибутом власти одного из древнерусских архиереев.

Изображенный здесь патрон-святой в принципе может быть тезоименитым либо владельцу моливдовула, либо его светскому сюзерену (тогда оказалось бы, что личность церковного иерарха, выступающего на собственной печати анонимно, скрывается за общецерковной эмблемой). Этот некто, светский или духовный феодал высокого ранга, звался Феоктистом. Такого крестильного имени, насколько позволяют судить источники, не носил никто из древнерусских князей домонгольского времени. Зато оно было тогда употребительным среди духовенства. Как выясняется, только один из церковных иерархов Древней Руси XII— первой трети XIII в. может претендовать на обладание рассматриваемой печатью. Это черниговский епископ Феоктист, занимавший кафедру с 11 или 12 января 1113 г. до своей смерти, последовавшей 6 августа 1123 г [7, с. 127, 128; 8, с. 3, 9, 289; 9, с. 4; 10, с. 22, 25; 11, с. 27, 28] Феоктист — весьма заметная фигура в истории русской православной церкви раннего периода. Он принимал активное участие в таких важных политических акциях, как канонизация Феодосия Печерского (1108 г.) и торжественный перенос мощей

святых мучеников, князей Бориса и Глеба в новопостроенный храм в Вышгороде (1115 г.) [7, с. 120; 8, с. 6; 10, с. 21; 12, с. 60; 13, с. 161; ср. 14, с. 13—16; 15, с. 46—48; 16, с. 379, 380] Еще будучи игуменом Киево-Печерского монастыря (в 1103—1113 гг.), он установил тесные связи с семьей Давыда Святославича, княжившего в Чернигове (с 1097 по 1123 г.), куда впоследствии и был поставлен епископом.

Ранее уже стали известны владычные печати домонгольского времени, употреблявшиеся в Киеве, Новгороде, Смоленске, Полоцке, Галиче и Переяславле [1, с. 44—58, 148, 174—179, 210, 230, 234, № 41—66, 225; 17, с. 87, 96]. Теперь к ним прибавляется первая булла епископа из Чернигова — еще одного важнейшего центра Древней Руси. Однако она представляет интерес не только сама по себе, но и в более широком контексте — в плане дальнейшего уточнения общей классификации древнерусского сфрагистического материала. Ведь до сих пор возможность установления индивидуальной принадлежности так называемых анонимных владычных булл, сочетающих в своем типе изображение Богоматери и того или иного святого, представлялась крайне проблематичной. Здесь же налицо явный пример тезоименитства патрона-святого на печати данного разряда самому ее владельцу-архиерею, а не светскому сюзерену последнего, в то время как утвердилось мнение, что обычно дело должно было обстоять противоположным образом [1, с. 149, 150]

Следует, наконец, отметить, что предложенная нами атрибуция рассматриваемой владычной буллы хорошо согласуется с фактом ее обнаружения если не в пределах епархии епископа Феоктиста Черниговского, то в непосредственной близости к ним. Обращает на себя внимание и предельная хронологическая близость (а возможно, даже синхронность) функционирования обоих моливдовулов из Нижнего Подесенья, найденных вместе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
2. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
3. *Молчанов А. А.* Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР Сб. IV М.: Изд-во МГУ, 1974.
4. *Янин В. Л.* Изучение древнерусских вислых печатей // ВИД. 1968. Т. I.
5. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977
6. *Янин В. Л.* Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1110—1130 гг) // ВИД. 1978. Т. IX.
7. Лаврентьевская и Троицкая летописи // ПСРЛ. 1846. Т. I.
8. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1843. Т II.
9. Новгородские летописи // ПСРЛ. 1841. Т. III.
10. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. 1856. Т VII.
11. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. 1949. Т 25.
12. Памятники славяно-русской письменности. Т. II. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
13. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. 1908. Т. XXI. 1-ая половина.
14. *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. I. Общий обзор епархии. Чернигов, 1873.
15. *Филарет (Гумилевский).* Жития святых, чтимых православною церковью. Август. СПб., 1885.
16. Феоктист // РБС. Т. 25. СПб., 1913.
17 *Янин В. Л.* К хронологии новгородского летописания первой трети XIII в. // НИС. 1984. Вып. 2(12).

Г. Ю. СТЕННИКОВ

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЧЕКАНКИ МОНЕТ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Вопрос о технологии изготовления монет и об организации монетной чеканки в Золотой Орде не освещен до сих пор в литературе. Одной из главных причин этого является, вероятно, отсутствие сведений о монетном деле Золотой Орды в письменных источниках. Единственным пока является упоминание об организации свободной чеканки в Азаке у Франческо Пеголотти [1, с. 68—69] Вот почему наряду с глубокой исследованностью денежно-весовой системы обращения золотоордынских монет, их хорошей систематизацией технология изготовления монет является пока неисследованной областью золотоордынской нумизматики.

Необходимость же изучения этого вопроса диктуется тем, что технология производства различных отраслей ремесла Золотой Орды еще очень слабо изучена. Исследование технологических процессов отдельных видов ремесла, а также ряда вопросов организации труда справедливо считается первоочередной задачей в изучении уровня развития производительных сил Золотой Орды [2, с. 67]

Как пишет И. Г Спасский, решение вопроса о происхождении своеобразной русской техники чеканки «упирается в полную неизученность техники чеканки монетных дворов Золотой Орды» [3, с. 13]. Кроме того, «анализу техники чеканки монет принадлежит выдающееся место в их классификации» [4, с. 230]

Несмотря на неисследованность темы, в русской, а затем в советской нумизматике утвердилось мнение о том, что способ чеканки монет в Золотой Орде имел принципиальные отличия от подобной технологии допетровской России [5, с. 15, 27, 33; 6, с. 122; 7, с. 344]

Н. Д. Мец пришла к догадке о производстве джучидских монет на проволоке [8, с. 12 и сл.]

Основным источником исследования техники чеканки являются в данном случае сами монеты. В письменных источниках сведений об этом процессе не найдено. Это не удивительно: описания производственных процессов нечасто встречаются в рукописях этого периода.

Какие археологические источники известны по данному вопросу? Проводя в 40-х годах XIX в. раскопки Царевского городища, А. В. Терещенко определил один из раскопанных объектов как монетный двор на том основании, что здесь «попадались как самые формы для чеканки монет и другие железные, чугунные и глиняные формы, так и плавильные чашечки с остатками в них металла... слитки, обломки от разных орудий и разбитые формы» [9, с. 374—375]. Хотя в современной науке скептически относятся к определению Терещенко функциональной принадлежности ряда раскопанных им зданий, не исключено, что он верно назвал эту мастерскую монетным двором. К сожалению, все сведения об этом интересном памятнике ограничиваются несколькими строками в дневнике А. В. Терещенко.

Неизвестна документация монетных дворов Золотой Орды. Орудия труда золотоордынских монетчиков также пока неизвестны; хотя в археологической литературе упоминается о том, что на городище Увек была найдена «машинка, посредством которой чеканили в Увеке монеты» [10, с. 228; 11, с. 70, 71], где она находится теперь, неясно. Следует упомянуть и о таком интересном памятнике, как найденный в 1931 г. под Ташкентом клад утвари мастерской фальшивомонетчика и несколько десятков изготовленных им монет [12] Среди подделанных монет преобладали золотоордынские, которые наряду с местными обращались в Средней Азии.

Кроме монет в кладе были орудия труда ремесленника: молот, клещи, ножницы для резки металла, желоб для плавки металла, волочило для изготовления

© Г Ю. Стенников, 1990 г.

проволоки, штампы для чеканки монеты, а также детали весов. Фальшивомонетчику, несомненно, приходилось прибегать к тем же технологическим приемам, которые применялись на монетных дворах. Следовательно, данный набор инструментов важен для характеристики производственного процесса.

Приступая к характеристике процесса изготовления монет, необходимо рассмотреть сами монеты, для которых характерны следующие особенности: 1) лишь относительно круглая форма монет, нередко тяготеющая к овалу, а у серебряных монет примерно с конца XIV в. и у медных с периода смуты — овально-подчетырехугольная форма; 2) наличие у многих монет на боковой грани до четырех уголков, причем у значительной части монет, главным образом медных, на грани можно выделить четыре участка, отделенных друг от друга уголками; два из этих участков, расположенные друг против друга,— плавные, округлые в сечении, в ряде случаев с маленькими трещинками, два других участка находятся между первыми двумя, т. е. также друг напротив друга, в сечении они близки к прямоугольнику или части трапеции; эти участки имеют нередко большие трещины; 3) диаметры (точнее, размеры) монет различны у разных экземпляров одного типа; 4) толщина монеты непостоянная на различных участках монетной пластины.

Таким образом, на основе выделения вышеприведенных особенностей можно сделать вывод о близости техники изготовления монетных пластинок в Золотой Орде с соответствующим процессом допетровской России. Эта технология включала в себя изготовление проволоки с помощью волочильного станка (какой был найден в числе инструментов фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом). Затем эта проволока искрашивалась в цилиндры необходимого веса. Не исключено, что для резки проволоки пользовались станком, аналогичным применявшемуся для подобных операций на монетном дворе Бухарского ханства в XIV в. Этот станок видел и зарисовал один русский купец [13, с. 263] После этого цилиндрики плющили, для чего их клали на наковальню в горизонтальном положении. Затем, после обжига, пластинки поступали в чеканку.

Вышеприведенный способ изготовления монетных пластин «отрицательно сказывался на выровненности внешнего вида монет, но имел то преимущество, что совершенно устранял ряд сложных операций — ковку и плющение полос, вырезку кружков и вызывавшие дополнительные потери в угаре переплавку обрезков и дальнейшую их переработку. Преимуществом этого способа была простота и надежность деления калиброванного металла на равные части» [4, с. 234]

Употребление проволоки роднит технологию монетного производства Золотой Орды с подобным процессом на монетных дворах допетровской России, Великого княжества Литовского, ряда среднеазиатских государств, Ирана, Крымского ханства.

Проволока в монетном деле использовалась и за несколько столетий до употребления этого технологического приема на золотоордынских монетных дворах — в раннесредневековом Хорезме [14]. Можно предположить, что эта оригинальная технология утвердилась на монетных дворах Золотой Орды не без участия хорезмийских монетчиков, работавших, как предполагает Г А. Федоров-Давыдов, на монетном дворе Сарая в первые годы его производственной деятельности [15]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров-Давыдов Г А.* Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. // СА. 1958. № 3.
2. *Вайнер И. С.* Ремесленное производство в золотоордынских городах Нижнего Поволжья // Вопросы истории, философии и педагогики. Вып. 2. Казань, 1967
3. *Спасский И. Г* Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв.: Обобщающий доклад по работам, представленным в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1961.

4. *Спасский И. Г* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1671 г. // МИА. 1955. № 44.
5. *Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Л., 1940.
6. *Янин В. Л., Янина С. А.* Начальный период рязанской монетной чеканки // Тр. ГИМ. 1955. Вып. XXV НС. Ч. 1.
7. *Янин В. Л.* Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М., 1970.
8. *Мец Н. Д.* Монеты Великого княжества Московского (1425—1462) // НС. 1974. Ч. 3.
9. *Терещенко А. В.* Археологические поиски в развалинах Сарая // Записки археолого-нумизматического общества. Т 2. СПб., 1850.
10. *Минх А. Н.* Набережный Увек // Саратовский сборник. Т. 1. Отд. 1. Саратов, 1881.
11. *Баллод Ф. В.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923.
12. *Массон М. Е.* Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом // Материалы Узкомстариса. Вып. 4. Ташкент, 1933.
13. *Бурнашева Р. З.* Организация производства и техника чеканки монет в Бухарском ханстве со второй половины XVIII в. до начала XX в. // НЭ. 1966. Т. VI.
14. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977
15. *Федоров-Давыдов Г А.* О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. // ЭВ. 1961. Т. XIV

История науки

С. Н. БИБИКОВ

ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский родился 4 ноября 1890 г. в местечке Блонь в Белоруссии в помещичьей семье видных революционеров-народников. Научные интересы Глеба Анатольевича определились еще в юности. Он всегда проявлял неиссякаемый интерес к историческим дисциплинам и обладал широкими познаниями, особенно в народоведении.

В 1909 г. Глеб Анатольевич поступает в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета и в 1910—1913 гг., будучи студентом, изучает этнографию Кавказа, пробираясь в труднодоступные тогда районы Хевсуретии. Собранные Г А. Бонч-Осмоловским этнографические и антропологические материалы послужили темами для его докладов, краткое содержание которых было опубликовано. Первая печатная работа Глеба Анатольевича появилась в 1912 г. в Русском антропологическом журнале.

Империалистическая война 1914 г. застала его в университете, откуда он был призван в армию и участвовал в боевых действиях, находясь в разведывательном мотобатальоне. Наступившая революция целиком захватила Глеба Анатольевича. Революционные идеи, взлелеянные в нем родителями, нашли свое полное воплощение в практической деятельности. Занимая пост заведующего отделом по охране памятников искусства и старины при Крымском облисполкоме, он приложил свои незаурядные организаторские способности, волю и настойчивость к сохранению памятников старины и предметов искусства. Несмотря на колоссальные трудности, постоянно вставшие на его пути, он твердо и последовательно, с чувством высокого долга проводил политику национализации художественных ценностей и предметов старины, послуживших основой для фондов, развертывающих экспозицию сети первоклассных музеев в Крыму.

Даже в горячие революционные дни, когда решались многие организационные вопросы, Г А. Бонч-Осмоловский всегда находил время для научных экскурсий и кабинетных занятий. Ему во многом помогали такие энтузиасты просвещения, как проф. А. И. Полканов, художник-баталист Н. А. Самокиш, проф. Н. Л. Эрнст, проф. А. С. Моисеев и ряд партийных деятелей, в том числе и М. И. Калинин. Г А. Бонч-Осмоловский, занимая административные должности, сумел использовать все возможности, чтобы защитить от развала и расхищения культурно-исторические ценности и заботливо передать их в руки новых хозяев нашей земли.

Именно в это трудное время, находясь в Крыму, Глеб Анатольевич усиленно занимается историей Крымского полуострова. Особенно привлекают его страницы древней истории края. Часто разъезжая по Крыму и обращая внимание на природные условия и климат этого благодатного места, он не упускает возможности изучить и труды К. С. Мережковского, посвященные открытию им палеолита в Крыму и другие, главным образом исторические издания.

© С. Н. Бибиков, 1990 г.

Согласно сложившемуся мнению крупнейшего немецкого знатока палеолита Европы Р. Шмидта и М. Эберта, территория Крыма в четвертичное время представляла собой остров и не была заселена человеком. Что касается Р Шмидта, то его заключение основывалось на данных нескольких шурфов, заложенных на делювиальном шлейфе вблизи Севастополя, с видом на рейд со стоянкой военных кораблей. То было в самый канун империалистической войны 1914 г. Оставленная Р. Шмидтом в Одесской таможне группа кремней, найденных в разных местах Крыма или приобретенных им у местных жителей, не имела сколько-нибудь научного значения. Мимолетная поездка в Крым М. Эберта не оставила никакого следа в первобытном изучении Крыма.

Как бы то ни было, открытие К. С. Мережковским палеолита в Крыму, сделанное им под эгидой Русского географического общества в конце прошлого столетия, было забыто. Только известный знаток материалов по первобытному обществу, родоначальник эволюционных взглядов на теорию развития первобытного общества Габриель де Мортилье отметил в печати значение находки К. С. Мережковским типичного мустьерского остроконечника из кремня, сделанной им при изучении напластований Волчьего грота, что на р. Бештерек, справа от дороги, ведущей от Симферополя в Феодосию.

Несколько позже работ К. С. Мережковского поисками кремневых предметов занимались многие неспециалисты, любители археологии: Н. Н. Клепенин, С. И. Забнин, В. Лоренц, Е. И. Висниовская и другие. Но почти все сборы осуществлялись на открытых местах, преимущественно на яйлах и содержали главным образом инвентарь, близкий к тарденуазскому облику.

Немного позднее изучением преимущественно «микролитической культуры» на яйле занялись и археологи. Среди них нужно отметить Б. С. Жукова с его помощниками — О. Н. Бадером, Г. П. Сосновским и др. В 30-е годы Б. С. Жуков и ряд других (Н. Л. Эрнст, П. А. Двойченко и др.) археологов и геологов были необоснованно репрессированы.

Г А. Бонч-Осмоловский периодически бывал в Крыму с этнографическими целями, все более увлекаясь исторической проблематикой. В перспективности организации поисковых работ на палеолит его убеждали удачные исследования палеолита К. С. Мережковским, к тому времени навсегда бросившим это занятие, но, согласно бытующей легенде, написавшим большой труд по палеолиту Крыма, затерявшийся в Российском географическом обществе.

С 1923 г. Глеб Анатольевич продолжал разведки на палеолит во всей южной половине и частично восточной части Крымского полуострова. Сначала он примкнул к группе археологов, исследовавших напластования очень своеобразного грота Кош-Коба в Восточном Крыму, что по соседству с мало заметным гротом Клик-Коба (дикая пещера). Находка этого грота в конце 1924 г., сделанная Г А. Бонч-Осмоловским вместе со своим сотрудником, будущим известным антропологом, многолетним участником Крымской палеолитической экспедиции Е. В. Жировым (умершим в дни блокады Ленинграда), знаменовала собой систематическое изучение преимущественно пещерного палеолита в Крыму.

К слову сказать, Евгений Владимирович Жиров ряд лет передавал материалы в антропологический отдел Музея археологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и его антропологический отдел отличался прекрасной организованностью и богатством научных антропологических фондов. Именно в это учреждение (МАЭ) и поступали коллекции из сборов Крымской палеолитической экспедиции.

Было бы совершенно неправильным рассматривать творческий путь Г А. Бонч-Осмоловского как дорогу ученого, ограничившего рамки своих исследований только территорией Крыма. Достаточно внимательно познакомиться с кругом проблем, которые ставятся в его трудах, чтобы убедиться в том, что научные разыскания по Крыму — это поиск ключей к открытию общеисторических закономерностей развития человечества. Именно поэтому Глеб Анатольевич так усердно трудится над изучением палеолита и зарубежных стран. Одной

из важнейших работ, составляющих его основное археологическое кредо, является труд «Об эволюции древне-палеолитических индустрий», вышедший в 1928 г. в журнале «Человек» (№ 2—4). Пусть в этой статье некоторые положения остаются спорными, однако она и сейчас не теряет своей научной привлекательности, новизны освещения труднейших тем и широты использованных материалов для доказательств изложенных положений. Его метод статистического анализа инвентаря стоянок предвосхитил методику Ф. Борда в определении датировок и в несколько более простом и доступном виде остается составной частью всякого исследования.

Немалое научное значение имеют и небольшие археологические этюды Г. А. Бонч-Осмоловского, связанные с изучением быта древнего человека. К числу таких работ принадлежит, например, «О нарезках на палеолитических костях» (1931 г.). Даже в этих небольших этюдах Глеб Анатольевич всегда стремился находить общие черты в культурах палеолита, входящих в единый поток древних общечеловеческих культурно-исторических приобретений.

Сейчас этот поиск общих черт в культурах палеолита, часто свидетельствующий об общности закономерностей развития человеческих обществ, очень ослаблен поиском раздельных показателей, якобы выделяющих отдельные групповые общности, будь то культуры или какие-то другие этнические сообщества. Последние есть, всегда были и будут, но вовсе не изгладят единства развития человеческих обществ, прошедших основные этапы исторического движения. Мысль эта нашла свое выражение и в экспозиции выставки, созданной в Государственном геологическом музее в Ленинграде, где некоторое время трудился Глеб Анатольевич. Здесь им была устроена постоянно действующая палеолитическая выставка, пользовавшаяся большим успехом у посещавших ее. К сожалению, выставка эта, содержащая уникальные собрания, распалась при переезде Института геологии в Москву.

В разгар работы Г А. Бонч-Осмоловского по подготовке к печати первого тома, посвященного Киик-Коба, уже после того, как он побывал во Франции и установил деятельную связь со многими корифеями археологии палеолита: А. Брейлем, Д. Пейрони, А. Вайзоном, Л. Капитаном и многими другими, в том числе и сопровождавшими его в поездке по палеолитическим местонахождениям, главным образом в провинции Дордонь, Глеб Анатольевич увлекся идеей всеобъемлющей и однотипной проявляемости эволюционизма в палеолите. Однако завершить первый том своего исследования в нормальной научной обстановке ему не удалось.

Как и многие представители передовой интеллигенции периода культа Сталина, он был незаконно репрессирован и после тюрьмы сослан в Воркуту. После трех лет ссылки он сумел поселиться в Ородеже, т. е., по условиям того времени, не ближе 100 км от Ленинграда и, в нарушение постановления о прописке и запрещения появления в Ленинграде, все же негласно работал над коллекциями, сравнительным материалом и литературными источниками, написал и закончил первый том своего труда. В этот тяжкий для Г А. Бонч-Осмоловского период его всегда поддерживало словом и делом верившее в него окружение.

Вскоре разразилась Великая Отечественная война. С возникновением угрозы блокады Ленинграда Г А. Бонч-Осмоловский вместе с другими учеными был эвакуирован в Казань. К этому времени Глеб Анатольевич во многом легализовался, ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук без защиты диссертации. По инициативе акад. Л. А. Орбели встал вопрос о присуждении ему степени доктора биологических наук.

После открытия грота Киик-Коба, которое нельзя считать совершенно случайным, Глеб Анатольевич оставляет свои этнографические штудии и целиком посвящает себя археологии. Твердо продумав свое будущее, он избирает для исследований Крым. Именно здесь на небольшом клочке земли, являвшей собой своего рода историческую лабораторию, где хранились многочисленные остатки

культур самых различных племен и народностей, возникали темы для исторических раздумий. При этом первобытная археология Крыма оставалась почти совсем нетронутой почвой.

Первый том сочинения Г А. Бонч-Осмоловского, написанный им сразу же после освобождения из ссылки, вызвал острую полемику по преимуществу в среде специалистов археологов и биологов. Главное внимание привлекли к себе проблемы филогении и хронологии памятника. Полевое изучение памятника выявило его двухслойность. По мнению Глеба Анатольевича, нижний слой, содержащий умеренное число костей ископаемых животных и так называемую аморфную кремневую индустрию, представленную еще не выработанными приемами техники обработки камня и не сложившимися формами орудий труда, относился примерно к ашельскому времени.

За короткое время на открытие Г А. Бонч-Осмоловского откликнулось в печати более сорока советских и зарубежных авторов. Споры вызывала не только связь погребений с верхним или нижним слоем, но и принадлежность самих остатков культуры к тому или иному слою. Споры эти не утихают до последнего времени. Более того, они даже обостряются, особенно в связи с датировкой нижнего слоя Киик-Коба.

Большую литературу у нас и за рубежом вызывали находки в Киик-Коба костей кисти рук и ног неандертальца (Homo neandertalensis). Много идей было высказано по поводу биологического строения конечностей, не вызывавших, однако, спора о принадлежности их неандертальцам. Говорилось о примитивности костей конечностей неандертальца, о противопоставлении большого пальца рук и ног, об ограниченности поэтому многих трудовых процессов у неандертальского человека. Интересными и содержательными были высказывания многих ученых о происхождении и жизни древнейшего существа — прообраза человека. Одни склонялись к преимущественному древесному образу жизни прачеловека, другие предпочитали видеть в прачеловеке наземное существо. Глеб Анатольевич сумел установить прочные отношения с естественниками, особенно с биологами во главе с акад. Л. А. Орбели. В этом ему во многом помогли всесторонние знания антропологии — дисциплины, которую он преподавал на географическом факультете ЛГУ Плодотворным было и постоянное научное общение с сотрудниками Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы (INQUA) — академиками В. А. Обручевым, И. М. Губкиным, профессорами В. И. Громовым, В. И. Громовой, Б. Ф. Земляковым, С. А. Яковлевым и многими другими четвертичниками страны. Будучи и сам в руководстве этой международной организации, Глеб Анатольевич направил все свои усилия и возможности на применение комплексного изучения палеолита в историческом и естественно-историческом планах. В этом он во многом превзошел пионера комплексного археологического исследования проф. А. А. Иностранцева, изучавшего таким методом неолит северо-запада России.

Находясь, как уже говорилось, во время Великой Отечественной войны в эвакуации в Казани, Г А. Бонч-Осмоловский продолжал свои научные исследования, постоянно выступал с докладами о Киик-Коба и о своих исследованиях в области естествознания. Он рассчитывал продолжить свои исследования над костными остатками неандертальцев по возвращении в Ленинград. Однако судьба распорядилась иначе, в 1943 г. Глеба Анатольевича не стало. Задуманное многотомное издание «Палеолит Крыма» после кончины Глеба Анатольевича, казалось бы, оборвалось на первом же выпуске «Грот Киик-Коба» (М.; Л., 1940 г.) Конечно, книга Глеба Анатольевича, несмотря на ее новаторский характер, все же страдала некоторыми недоработками и, главное, была написана на основе общеэволюционных построений. В печати появился ряд поправок, вносящих исправление в ряд суждений Г А. Бонч-Осмоловского. Во-первых, подверглась некоторой ревизии датировка Киик-Кобинских комплексов. Многие археологи, виднейшие специалисты этой науки, всецело признающие нижнепалеолитический возраст обоих слоев Киик-Коба, все же предпочли отнести их

к мустьерскому времени. Остатки же погребения взрослого в виде костей конечностей, найденных вблизи или в специально выдолбленной неандертальцами яме в скалистом полу грота, были связаны с нижним слоем или горизонтом нижнепалеолитических находок. Во-вторых, подверглось поправке и заключение Г А. Бонч-Осмоловского о количественном соотношении костей ископаемых животных в нижнем и верхнем отложениях Киик-Коба, якобы свидетельствующих о слабо развитой охотничьей деятельности у поселенцев нижнего горизонта отложений, промышлявших в основном собирательством. Эти главные поправки к заключениям Г А. Бонч-Осмоловского не меняли, однако, самого существа его открытия.

Понимая огромное значение работ Г А. Бонч-Осмоловского и ощущая всю ответственность перед наукой, советские антропологи предприняли дальнейшее издание материалов из Киик-Коба. Полагаясь на оставшиеся после смерти Глеба Анатольевича записки и ориентируясь на его общие взгляды на историческую роль и значение остеологических материалов из Киик-Коба, антропологи, геологи и археологи издали еще два выпуска или тома о материалах из Киик-Коба: второй выпуск «Палеолита Крыма» — «Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба» (М.; Л., 1941 г) и третий выпуск «Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба» (М.; Л., 1954 г.). Первые два выпуска в основных своих частях написаны Г А. Бонч-Осмоловским, третий создан при участии крупнейшего антрополога СССР В. В. Бунака. Во всех трех выпусках в качестве редакторов и авторов приняли участие: акад. И. М. Губкин, профессора В. В. Бунак, М. В. Воеводский, В. И. Громов, Г Ф. Мирчинк, Я. Я. Рогинский. Названные ученые составляют как бы основной коллектив, подготавливавший издание материалов из Киик-Коба. Кроме них в издании труда Г А. Бонч-Осмоловского участвовали многие скромные труженики археологии и антропологии, помогавшие коллегам своими знаниями и умением довести до своего логического конца, до читателя труд Глеба Анатольевича.

В списке трудов Г А. Бонч-Осмоловского, который прожил только 53 года, значится всего 49 работ, из них большинство носит информационный характер. Главной же чертой работ Глеба Анатольевича является непреходящий характер его трудов, их научное долголетие. Едва ли можно назвать случайным многолетний стойкий интерес в мировой археологии к его трехтомному изданию о Киик-Коба.

Было бы неверным умолчать о его опыте построения периодизации крымского палеолита. Идеи Глеба Анатольевича, изложенные в статье «Итоги изучения крымского палеолита», вышедшей в свет в далеком 1934 г., до сих пор не потеряли своего научного значения. Очень содержательный сборник, в котором помещена статья Г А. Бонч-Осмоловского, вышедший под руководством авторитетной редакционной коллегии в лице: В. Ф. Бутина, С. Н. Быковского, А. П. Герасимова, П. П. Ефименко, Д. А. Петровского, А. Л. Рейгардта, В. А. Языкова и Я. С. Эдельштейна, впервые показал всему миру возможности нашего государства в деле изучения закономерностей в палеолите (Труды II международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып. V Ленинград; Москва; Новосибирск: СССР — НКТП, Гос. научно-техническое Горно-геолого-нефтяное изд-во, 1934). Статья Глеба Анатольевича дает твердо обоснованную эволюционную шкалу периодизации палеолита в Крыму. Следуя построениям Г Мортилье, он прослеживает последовательность эпохальных подразделений палеолита в стратифицированных напластованиях скальных убежищ. Отсутствие хорошо выраженных ашельских комплексов или достоверных мадленских местонахождений он объяснял недоследованностью территории Крыма. В какой-то мере правота Г А. Бонч-Осмоловского подтвердилась недавними находками А. А. Щепинским, по-видимому, ашельских ручных рубил двухсторонней обработки в центральном Крыму. Основываясь на стратифицированном положении культурных слоев и находок в отложения Сюрени I (в Бахчисарайском р-не, у шоссе Симферополь — Ялта), Глеб Анатольевич относил нижний слой Сюрени I, содержащий орудия переходного этапа от нижнего

к верхнему палеолиту, к раннему ориньяку. Два более молодых слоя, лежащих выше, он относил к последующим фазам ориньяка — среднему и верхнему. При датировке этих двух слоев Г А. Бонч-Осмоловский опирался на находки многочисленных скребков «высокой формы» и изделий «типа шательперрон». Надо сказать, что центральноевропейский среднепалеолитический пласт так называемого селетского типа был в то время еще не выделен, неизвестен.

В настоящее время датировка всех трех слоев в Сюрени I несколько омоложена, скорее по фаунистическим показателям, и относится к трем фазам верхнего палеолита, хотя самый верхний «мадленский» слой Сюрени I и не имеет преемственных признаков с раннемезолитическими местонахождениями Крыма (нижний слой Шан-Коба).

В самое последнее время обнаружены и некоторые другие позднепалеолитические остатки культуры. Возможно, это следы деятельности части крупных охотничьих коллективов, имевших свою постоянную жилую базу в долинах рек Бельбека и Качи, а может быть, тех самых коллективов солютрейско-мадленского времени, о возможной находке которых говорил Глеб Анатольевич. Словом, предстоит еще немалая работа над возможным уточнением периодизационной схемы Г А. Бонч-Осмоловского, безусловно имеющей свои отличия от западноевропейской периодизации — памятников Франции, Бельгии и Англии, не говоря о памятниках южного, так называемого капсийского ареала. Сказанное, однако, вовсе не снимает основных хронологических соответствий между палеолитическими памятниками Европы.

Очень важное значение имело и введенное Глебом Анатольевичем правило членения сравнительно мощных и по своему составу и цвету однородных напластований на условные горизонты. Материалы из последних сопоставлялись и иногда давали хронологические отличия. Самые сложные литологические сплетения, которые постоянно подстерегают исследователя пещерных отложений, всегда находили у него свое точное членение и соответствие. Очень показательны в этом плане раскопки в Аджи-Коба, в восточном Крыму, на окраине Долгоруковской яйлы. Здесь в сложнейшей статиграфической обстановке проявилось все мастерство, вся зоркость Глеба Анатольевича, работавшего на этом памятнике вместе с белорусским археологом К. М. Поликарповичем. Не решив сразу основной задачи литологического расчленения слоев на разных площадях и хронологического соответствия их в отрыве друг от друга, Г А. Бонч-Осмоловский продолжает те же исследования, применяя разработанные им же новые методические приемы в следующем сезоне, пока не добивается полной ясности в вопросе о хронологической одновременности слоев и археологических остатков в них.

В длинном списке исследованных им скалистых убежищ в Крыму особое место занимают Киик-Коба, Кош-Коба, Сюрень I и II, Шайтан-Коба, Аджи-Коба, Шан-Коба, Фатьма-Коба, открытое поселение в восточном Крыму Кукрек и другие.

Здесь уместно сказать и о тех новшествах, которые ввел Глеб Анатольевич в сам процесс раскопочных работ. Он сделал все для уточнения изучения стратиграфии палеолитических местонахождений, фиксации положения археологических предметов, ввел отсчет залегания археологических остатков от постоянной нулевой линии, сообразуясь с общими нивелировочными отметками, дал свое истолкование составляемым полевым карточкам, ориентируя углы карточек по странам света. Большое внимание уделял он мелкому разборочному инвентарю, а следовательно, и сохранности извлекаемого из слоев материала. При раскопках он применял небольшие кирочки, приспособленные для разборки типичного для крымских пещер щебнистого грунта и плотных глинистых отложений, шилья, а также другой мелкий инструмент для расчистки плохо сохранившихся объектов. Постоянно осуществлялось и просеивание отработанного грунта через мелкое сито (грохот), гипсовка, иногда с применением ветоши. Были и другие приемы, используемые при взятии образцов, извлечении монолитов и перевозке их в условиях бездорожья.

В разведке скалистых убежищ Г А. Бонч-Осмоловский требовал обязательной шурфовки всех без исключения подходящих объектов, в том числе обвалившихся полостей и убежищ, выходящих на север. Им были введены и многие другие новшества, способствующие увеличению информативности археологического материала и облегчающего утомительный труд производителей работ.

Остается кратко сказать о Г А. Бонч-Осмоловском как о человеке и педагоге. Яркие страницы о Глебе Анатольевиче, написанные его женой Ольгой Георгиевной Морозовой, дочерью официально признанного «отца русского лесоводства» Г Ф. Морозова, были опубликованы в журнале «Новый мир». Строки о жизни семьи Морозовых были написаны по заказу тогдашнего редактора журнала А. Т. Твардовского. В статье, в художественной форме, впоследствии изданной отдельной книгой под названием «Одна судьба», было отведено немало страниц, посвященных теплым воспоминаниям о Глебе Анатольевиче. В целом портрет Г А. Бонч-Осмоловского как человека О. Г Морозовой подан достаточно точно.

Однако к скупым строкам, посвященным светлой памяти Г А. Бонч-Осмоловского, хочется добавить, что они далеко не отражают всей полноты и многогранности его творчества. Пройдя суровую жизненную школу, общаясь с людьми разных специальностей и характеров — от выдающихся личностей до, как говорили тогда, чернорабочих, Глеб Анатольевич всегда находил в людях положительные качества, которые очень умело и тактично использовал в интересах науки, с пользой для нее. Он умел пробуждать тягу к знаниям, потому что сам был энтузиастом науки. Его необыкновенная энергия и редкая жизнеутверждаемость привлекали к нему молодежь. Доброжелательность и чуткость, простота характера и вместе с тем непреклонная требовательность в деле были неотъемлемыми педагогическими качествами Г А. Бонч-Осмоловского. Долгие годы его преподавательско-профессорской деятельности в Ленинградском; а затем в Казанском университетах оставили светлый след в поколении его воспитанников.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

КТО БЫЛ АВТОРОМ «ПРИГЛАШЕНИЯ БАРОНА К. И. АША» (1819 г.)? (О ПЕРВОЙ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ИНСТРУКЦИИ СОБИРАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ)

Поход Наполеона в Россию, как известно, вызвал подъем патриотизма, а разрушение многих русских городов и необходимость их восстановления — интерес к их (частично уже погибшим) древностям. Это волновало все слои образованной части общества, и в 1817 г. Н. М. Карамзину пришлось даже составлять особую «Записку о московских достопамятностях» для вдовствующей императрицы [1, с. 141] Ясно, что выход первых восьми томов его «Истории Государства Российского» (1818) был воспринят с особым энтузиазмом [2] Немедленно встал вопрос о собирании и сохранении русских древностей — здесь больше всего проявил себя, как известно, кружок графа Н. П. Румянцева. Уже тогда библиотекарь его музея, историк Ф. П. Аделунг обратился с призывом учредить «национальный» музей — «собрать и приводить в порядок все, что относится к России, к ее истории (...) и через то (...) облегчить приобретение познаний о состоянии Отечества...» [3, с. 56] О том же писал директор гимназии и училищ Курляндской губернии (некогда тоже библиотекарь графа) Г фон Вихман, предлагая пожертвовать в такой музей «собранную им с великими трудами и издержками» коллекцию древностей [4, с. 289, 290]. Член румянцев-

© Л. В. Алексеев, 1990 г.

ского кружка П. М. Строев еще в 1817 г. провел (с участием К. Ф. Калайдовича) первую экспедицию в книго- и архивохранилища монастырей и обнаружил там много ценнейших рукописей. В 1818 г. З. Д. Ходаковский приступил к сбору материалов о древних городищах, а Е. Ф. Канкрин, пользуясь трудом Н. М. Карамзина, начал изучать надписи на так называемых Борисовых камнях в Белоруссии (1819) [5]

В исследование местных древностей включилась и провинция: в 1819 г. в «Русском вестнике» было опубликовано «Приглашение смоленского губернатора к отысканию и представлению старинных документов» за подписью губернатора, барона К. И. Аша [6, с. 69—79] Это была фактически первая и весьма подробная провинциальная инструкция по собиранию древностей, и поэтому представляет интерес, кто и как ее составил и чем при этом руководствовался. Историк румянцевского кружка В. П. Козлов, упоминая этот документ, осторожно отметил, что «смоленский губернатор К. И. Аш разослал по уездам печатную прокламацию» [7, с. 48] В конце «Приглашения» стояла подпись барона К. И. Аша, и А. А. Формозов отметил, что «автор — К. И. Аш — весьма толково говорил там и об исследовании археологических памятников» [1, с. 144] Но был ли автором документа заваленный делами восстанавливавшегося Смоленска смоленский губернатор? У кого созрела идея издать этот документ? Кто этим интересовался в губернии?

В наших руках крайне интересная, мало сейчас известная переписка Н. П. Румянцева с историком Смоленска, бедным священником Никифором Адриановичем Мурзакевичем (1769—1834) [8], изданная его сыном — проф. Новороссийского университета Н. Н. Мурзакевичем [9]. Завязывая знакомство со смоленским историком для выяснения вопроса о древностях смоленских, 2 августа 1818 г. Н. П. Румянцев переслал ему (тоже ныне забытую) книгу М. Е. Маркова «О городах и селениях Черниговской губернии», где автор — директор Черниговской гимназии подробно описывал между прочим и археологические объекты (1814 г.!) [10] и дальше писал: «творя Вам таковое приношение, тайную имею мысль и надежду, что подобным образом Вы постараетесь сличить все древние города и урочища Смоленской области и земли кривичей с ныне существующими на тех же местах...» [9, с. 58]. 3 ноября 1818 г. Н. П. Румянцев уже прямо просил: «... приложите, пожалуйте, старание разведать: нет ли в чьих частных руках древних рукописей, даже и древних, как списки, нет ли древних монет, или *вырытых из земли древних орудий, или хозяйственных вещей* (курсив мой.— *Л. А.*). Ежели что отыщете, то, разведая и о цене, меня о ней уведомьте...». Эта последняя просьба для нас важна, ибо именно она дала толчок к составлению целой программы собирания древностей в губернии. Программу эту начерно составил сам Н. А. Мурзакевич и решил действовать через печать с помощью губернатора. 7 января 1819 г. он писал графу: «Я намерение свое обнаружил (как скорее к делу приступя, кончить) одному молодому дворянину г. Ивановскому — любителю отечественной истории, правителю канцелярии смоленского губернатора, чтоб через исправников и городничих уведомился...». Далее следует текст этой черновой программы: «1-е. Нет ли в чьих руках древних исторических рукописей. 2-е. Списков со степенных книг и хронографов. 3-е. Церковных рукописей о житии русских святых или относящихся к русской церковной истории. 4-е. Не находятся ли у кого древнейшие российские монеты, военные орудия и хозяйственные вещи, которые иногда из курганов выкапываются. 5-е. Не имеется ли при церквах древних надписей, надгробных камней, принадлежащих российским великим князьям и другим особам, к царскому роду принадлежащих. 6-е. Нет ли древнейших грамот или свидетельств на подвиги знаменитых особ и родословных книг. 7-е. Нет ли где древнейших образов или картин» [9, с. 65]

«Мысль моя пала на доброе сердце,— пишет Н. П. Румянцеву Н. А. Мурзакевич в следующем письме (20 февраля 1819 г.),— могущее принести сторичный плод. Г-н. Ивановский обработал по-своему эту мысль, представил ее губерна-

тору барону Ашу, и он с величайшим удовольствием согласился содействовать сему — издал прокламацию и представил оной 600 экземпляров преосвященному Иоасафу. Преосвященный их принял благосклонно и 10 февраля положил резолюцию: разослать прокламации по монастырям и духовным правлениям для внушения священникам, чтобы они постарались обстоятельно обо всем достопамятно изведать, описать и прислать г. гражданскому губернатору, и ежели кто что отыщет или опишет достопримечательное в своем приходе, то будет награжден...» [9, с. 66]

«Приглашению барона Аша» предшествовала обширная небезынтересная преамбула, где говорилось, что древние памятники «в течение целых веков оставались в мрачном и горестном забвении», что «в наши счастливые времена, озаренные просвещением, уважение к сим сокровищам сделалось всеобщим», что Смоленская губерния «по многим совершонным в пределах ее важным событиям заслуживает с сей стороны особливое внимание». Собрать же сведения о памятниках губернии удобнее всего с помощью «почтеннейшего» духовенства, ибо священник в приходе «почтен и пользуется уважением», он, несомненно, «ведает все урочища», а землевладельцы сообщат ему то, что есть на их земле «в сем роде любопытного», старожилы — предания, и все это поведет «любопытствующего» к «догадкам» и «изысканиям» [6] [1]

Итак, преамбула показывала, что документ был рассчитан на помощь не «исправника и городничих», как полагал Н. А. Мурзакевич, а на духовенство: его главной целью было не собирание сведений о рукописях, хронографах и житиях святых (как хотели более всего Н. П. Румянцев и Н. А. Мурзакевич), а на выявление памятников *археологических*. Это было ближе к третьей части просьбы Н. П. Румянцева, но там шла речь лишь о предметах, вырытых из земли, а не о самих памятниках древности! Как известно, Смоленщина изобилует археологическими памятниками уже вблизи самого Смоленска, о чем неоднократно писали, удивляясь, проезжие иностранцы начиная с XVI в. (см., например, [11, с. 175]), и А. А. Ивановский, видимо, их неоднократно видел. Это было временем, когда многие умы интересующихся русской историей были заняты (впрочем, непродолжительно) новыми мыслями З. Д. Ходаковского о городищах [2] Вряд ли смоленский (как увидим, просвещенный) чиновник читал первую польскую работу З. Д. Ходаковского, изданную по-польски в далеком Кременце [13, с. 3—27], но, несомненно, он читал русскую статью этого автора, только что изданную в «Вестнике Европы» [14, с. 277—302], и именно эта статья, можно думать, отразилась в направленности «преамбулы» документа А. А. Ивановского.

После вступления в «Приглашении» следовало семь пунктов инструкции, где указывалось, что надлежит собирать.

1. Необходимо собирать «исторические» рукописи.

2. Обнаруживать «камни надгробные и другие памятники — земляные и каменные, могилы и валы, доски, надписи, орудия воинские».

3. «Места, которые любопытны по преданиям и очевидности, груды камней и возвышения, свидетельствующие существование какого-либо строения, например: города, крепости, монастыри и проч. (...) В Поречском и др. уездах есть остатки камней и насыпей, удостоверяющие существование городов или крепостей и зáмков. В окрестностях Белого и в Смоленском и в Поречском и в др. уездах, уверяют, есть бездонные озера, в коих находили всплывшие обломки кораблей...».

---

[1] Мы пользовались перепечаткой этого документа [9, с. 102, 103]

[2] См., например, переписку митрополита Евгения с В. Г Анастасевичем, где фамилия Ходаковского фигурирует почти в каждом письме [12]

4. Старинные документы, хранящиеся в частных руках, которыми награждались «подвиги добродетели, искусства и храбрости», также «кубков» и т. д.; генеалогические документы дворян.

5. Сохранившимся в некоторых городах, селах и пустошах церквям и монастырям, сооруженным в древние времена, «надобно дать описание — когда и кем воздвигнуты, по какому случаю, что имеют у себя отличительного и любопытного и в каком теперь положении. Не умолчать, если есть, в дар принесенные сосуды, кресты, ризы или что другое, а также Евангелие или другие священные книги...».

6. Необходимо собирать сведения о неизвестных военных подвигах населения, воинов во время наступления Наполеона на Россию. Напоминается: «... не забыть с одинаковой верностию и точностию собрать и начертить поступки неприятелей, отличительные по варварству, жестокости, грабительства и разбою, а ежели есть и по добродетелям».

7 Содержится просьба о присылке дополнительных сведений, «ежели таковые объявятся после того, как первые сведения уже были посланы».

В кратком заключении сообщалось, что барон К. И. Аш находится в «полной уверенности, что благородное дворянство и других сословий особы не откажутся содействовать...». При его подписи стояла дата: 19 февраля 1819 г. [9, с. 102, 103]

Итак, подробная провинциальная инструкция по собиранию древностей и сведений о них («Приглашение барона Аша») в своем становлении прошла три этапа.

1. Н. П. Румянцев просил Н. А. Мурзакевича лишь «разведать» (и всего в трех направлениях), нет ли в губернии: 1) рукописей древних; 2) древних монет; 3) археологических предметов (орудий труда)

2. Н. А. Мурзакевич, следуя просьбе графа, составил развернутый план из семи параграфов, но применительно к своему пониманию: § 1 Н. П. Румянцева он распространил на четыре (§§ 1, 2, 3, 6), § 4 — соответствовал желанию Н. П. Румянцева (о монетах), § 3 Н. П. Румянцева он заменил древними надписями и надгробными камнями, а «орудия» труда, «вырытые из земли», по своему разумению уточнил как «военные орудия». Наконец, он ввел § 7 (о древних иконах и картинах).

3. Окончательный текст инструкции, принадлежавший перу А. А. Ивановского, содержал § 1, который, как и ранее, был посвящен историческим рукописям; § 2 — надгробиям с указанием видов памятников (могилы, валы и пр.); § 3 — археологическим объектам — городам, крепостям и пр.; § 4 — личным документам дворян, имеющим историческую ценность; § 5 — архитектурным объектам старины (церковная утварь, богослужебные книги, о чем писал Н. А. Мурзакевич); § 6 принадлежал творчеству автора (как и § 7) — собирание сведений о 1812 г.[3] Отметим также, что в инструкцию А. А. Ивановского не вошли два из трех пожеланий Н. П. Румянцева, а именно: о древних монетах и об орудиях труда, но тем не менее этот документ раскрывает в авторе человека вполне образованного и с широким кругозором. Кто же он?

Андрей Андреевич Ивановский (1791—1848) — фигура небезызвестная, особенно благодаря его воспоминаниям о А. С. Пушкине [16]. Он родился в Смоленске, по окончании гимназии (1803 г.) начал службу в Смоленской казенной палате, через 5 лет был перемещен в канцелярию губернатора. В 1882 г. он был прикомандирован к канцелярии военного министра, а в 1825 г. по высочайшему повелению стал делопроизводителем Следственного комитета по делу декабристов (ему поручили дела Северного общества) [17] Будучи литера-

---

[3] Это дополнение, вероятно, было сделано после консультаций с местным учителем А. П. Елоховским, который с энтузиазмом ездил по деревням губернии и собирал материалы о героизме крестьян в 1812 г. Часть этих материалов ему удалось опубликовать в журнале П. Свиньина после знакомства с ним в Смоленске в 1825 г. [15]

тором, он издавал альманах «Альбом северных муз» (1828 г.), сотрудничал в «Северной Пчеле» и «Библиотеке для чтения».

Какой же резонанс имело «Приглашение барона Аша»? Историки, упоминавшие этот документ, никогда этим не интересовались, возможно по неимению сведений. Но они есть и, увы, малоутешительные. Перепечатав «Приглашение», Н. Н. Мурзакевич (сын) присовокупляет: «На этот вызов не последовало ни единого (!) отзыва, как со стороны дворянства, так равно духовенства и купечества. И только в 1835 г., и при том единственный, встречается отзыв на приглашение барона Аша: это в журнале, издававшемся Министерством народного просвещения, в кн. VIII, на странице 503, под заглавием „Достопамятности города Смоленска“» [18]. По скромности Н. Н. Мурзакевич не упоминает, что автором этого очерка (который внес «значительный вклад в изучение и пропаганду памятников смоленской архитектуры» [19, с. 11]) был он сам.

Вывод ясен. Русское общество еще, видимо, не созрело тогда для понимания важности собирания сведений о памятниках старины. На духовенство, на которое возлагали надежды, по-видимому, А. А. Ивановский и К. И. Аш, надежда была плоха. Это, несомненно, понимал Н. А. Мурзакевич, много пострадавший от своей братии [9]; его расчет на «исправников» и «городничих», т. е. чиновников, стремившихся выслужиться, был более правильным (но к ним не обратились и не «обязали»). В результате «Приглашение барона Аша», впервые и столь подробно излагавшее задачу собирания сведений о древностях, успеха не имело.

Такова была судьба первой подробной провинциальной инструкции подобного рода в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии М.: Наука, 1986.
2. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского Т I—VIII. СПб., 1816—1818.
3. *Аделунг Ф.* Предложение об учреждении русского национального музея // Сын Отечества. 1817 Ч. 37.
4. *Вихман Г фон.* Российский отечественный музей // Сын Отечества. 1821. Ч. 71.
5. Письмо Е. Ф. Канкрина к Н. П. Румянцеву от 8 октября 1818 г. // Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 255 (Румянцевых) Р А. 8. 2, л. 1—1 оборотный.
6. *Аш К. И, барон.* Приглашение гражданского губернатора к отысканию и представлению старинных документов // Русский вестник. 1819. № 9, 10. Отд. 1
7. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981.
8. *Мурзакевич Н. А.* История губернского города Смоленска. Смоленск, 1804.
9. *Мурзакевич Н. Н.* Никифор Адрианович Мурзакевич — историк города Смоленска. 1769—1834. СПб., 1877.
10. *Марков М. Е.* О городах и селениях Черниговской губернии, упоминаемых в несторовой летописи, как они следуют в ней по порядку городов. Чернигов, 1814.
11. *Аделунг Ф.* Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. Разд. 3.
12. Письма митрополита киевского Евгения Болохвитинова к В. Г Анастасевичу // Русский архив. 1889. № 7.
13. *Chodakowski Z. D.* O Słowiańszczyznie przed chrześcianstwem // Cwiecenia naukowe. № 5, dz. 11. Kremieniec, 1818.
14. *Ходаковский З. Д.* Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20.
15. *Елаховский А.* Преданность государю и отечеству жителей Смоленской губернии и примерные их деяния в достопамятную войну 1812 года // Отечественные записки. 1826. Ч. 25.
16. *Ивановский А. А.* Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. 1874. № 2.
17. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1976.
18. *Мурзакевич Н. Н.* Достопамятности города Смоленска // ЖМНП. 1835. Ч. VIII, № 12.
19. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.

Критика и библиография

Iron Age Studies in Salo // SMYA, 89:1. Helsinki, 1986. 201 p., 169 ill.

Рецензируемая книга начинает публикацию результатов исследований, осуществленных археологами Хельсинкского университета в 1978—1982 гг. в округе Сало (Юго-Западная Финляндия). Книга интересна для советских специалистов по ряду причин. В первую очередь потому, что проект исследований в Сало может рассматриваться как типичный для современной западноевропейской археологии как в плане поставленных задач, так и по способам их реализации. Во-вторых, материалы раскопок в Сало важны для археологов, работающих в сопредельных с Финляндией регионах: не случайно, что находки из Сало уже неоднократно привлекались ими для аргументации своих построений [1, 2]

Рецензируемая работа привлекает внимание еще и тем, что раскопки в Сало относятся, по отечественной терминологии, к разряду «новостроечных» и дают, на наш взгляд, пример удачного определения стратегии подобных исследований и организации взаимодействия археологов и местных властей. Раскопки велись по заранее выработанной научной программе; памятники, выбранные в качестве эталонных, исследовались широкими площадями. Подключение целевых субсидий от Финской Академии наук позволило выполнить ряд специальных исследований. Показательна полная согласованность работы археологов, городской администрации, строительных фирм, общественных организаций, а также «экологическая чистота» раскопок, при которых до минимума сводилась вырубка деревьев в зоне планируемого парка.

Участок долины р. Салониоки, чрезвычайно насыщенной археологическими памятниками, вошел в зону развития г. Сало, в связи с чем и были начаты археологические исследования. Научная программа проекта была составлена в русле предложенной в 1972 г. К. Мейнандером стратегии мультидисциплинарных исследований памятников железного века в Финляндии. В качестве основной цели предполагалось изучить характер развития и хронологию поселений эпохи металла и получить данные о домостроительстве того времени. Большое значение придавалось изучению палеоэкономики, в первую очередь истории земледелия, и палеоэкологии (с. 21). Параллельно с поселениями раскопкам подвергались и могильники. Отчет об этих раскопках не вошел в настоящий том, содержание которого посвящено истории археологических исследований в Сало, начатых еще в XIX в. (авторы раздела: М. Шуман-Лёнквист, А.-Л. Хирвилуото, Э. Линтури, П. Уйно) и изложению результатов раскопок поселений (автор раздела — П. Уйно). В работе П. Уйно использованы данные, полученные специалистами, определявшими состав фауны, видовой набор зерен злаков и других растений, проводивших радиоуглеродное и термолюминесцентное датирование, фосфатный анализ, описание почв, составление пыльцевых диаграмм.

Раздел, подготовленный П. Уйно, состоит из нескольких глав: источниковедческого введения, монографического описания поселений Кетохака 1 и 2 и обзорного исследования «Остатки построек эпохи металла в Финляндии». Во введении автор характеризует состав находок и особенности культурного слоя поселений эпохи металла. Внимание акцентируется на источниковедческих возможностях этой категории памятников, обсуждается вопрос о том, какой тип методики оптимален для их изучения. Текст дает подробное представление об основных принципах раскопочной методики, применявшейся в условиях слабой насыщенности культурного слоя находками и остатками конструкций. К этим принципам относится комплексный подход к датированию (учет датирующих находок с поселений, датировок близлежащих погребений, опора на радиоуглеродные и термолюминесцентные даты), ориентирование на раскопки большими площадями, применение фосфатного анализа

© Н. А. Кренке, Н. А. Макаров, 1990 г.

для определения размеров поселения, разработка критериев для доказательства существования на памятнике построек при отсутствии следов в материке (в данном случае первостепенное значение имели наличие или отсутствие фрагментов глиняной обмазки, их количество, форма, распределение по площади поселения).

Главы, посвященные расположенным рядом, но в разных топографических условиях, поселениям Кетохака 1 и 2, приближаются к подробному археологическому отчету. В работе приводятся чертежи всех столбовых ям, очагов, скоплений камней. Тщательность полевой методики проявляется на множестве примеров. Все элементы культурного слоя (ямы, канавки, развалы сосудов) маркированы отдельными номерами и детально описаны. Переходу к интерпретации (даже к таким простейшим утверждениям, как «яма столбовая») предшествует аналитическая процедура — выработка критериев определения того, что яма действительно столбовая.

Работы, проведенные в Кетохака, можно с полным правом рассматривать как иллюстрацию современной методики раскопок. Здесь в полном объеме реализовалось правило, сформулированное еще А. Х. Л. Ф. Питт-Риверсом в конце XIX в., но утвердившееся в археологии позднее, о том, что необходимо фиксировать не только то, что считается существенным и поддается интерпретации в данный момент, но и то, что неясно [3, с. 13, 14]. Автором предложена детальная типология столбовых ям, очагов, глиняной обмазки, для многих категорий находок составлены карты планиграфического распределения. Далеко не все из подобных разработок и наблюдений удалось использовать при интерпретации памятника, но вряд ли их можно считать напрасными.

Сильной стороной работы является решение проблемы датировок. Для обоих поселений было получено несколько десятков радиоуглеродных и термолюминесцентных дат. Сопоставление их между собой представляет значительный методический интерес. До сих пор в советской литературе считалось, что для эпох, удаленных от нас всего на несколько тысячелетий, термолюминесцентные датировки имеют лишь подсобное значение [4, с. 3]. Для получения термолюминесцентных дат финские археологи использовали образцы керамики и фрагменты обмазки, радиоуглеродные даты получены по углям из заполнения ям и очагов. В восьми случаях для одного и того же объекта были получены и радиоуглеродные, и термолюминесцентные даты. Совершенно очевидно, что авторами не проводилось «подгонки». Так, для двух подобных объектов получены даты, расходящиеся на 600 и 500 лет. В остальных же случаях уровень сходимости был очень высоким. Показателен пример датировки очага № 12 (Кетохака 1), для которого получены две радиоуглеродные даты (1720 ± 110 и 1970 ± 110) и одна термолюминесцентная (1840 ± 180), совпадающая со среднеарифметическим радиоуглеродных дат. Из приведенных в книге данных следует, что метод перекрестного радиоуглеродного и термолюминесцентного датирования может обеспечить создание опорной хронологической шкалы. Обилие датировок, полученных физическими методами, ставит перед археологами задачу их интерпретации. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что амплитуда разброса радиоуглеродных дат от одного объекта, как правило, в 2—3 раза превышает статистическую ошибку отдельной даты. Такое явление нельзя считать исключением; наоборот, это норма [5]. Учитывая это наблюдение, нужно отметить, что автор рецензируемой работы не всегда корректно использует радиоуглеродные даты. Различие радиоуглеродного возраста образцов в 100—200 лет еще не обязательно свидетельствует о том, что они происходят от разновременных сооружений. Опасно также чрезмерное сужение хронологических рамок по данным радиоуглеродных датировок. Сказанное не ставит под сомнение итоговый вывод П. Уйно о хронологических рамках и периодизации функционирования поселений в районе Кетохака. Весьма доказательной представляется историческая реконструкция фаз заселения исследуемого региона, сделанная на основе сопоставления данных раскопок поселений, топографического распределения разновозрастных погребений, палинологических данных. Автору удалось установить период максимальной интенсивности жизни в регионе (римское время и эпоха переселения народов). Методически интересно сопоставление данных археологии и палинологии. На основании первых можно допустить хронологическую дискретность заселения территории, тогда как пыльцевые анализы (правда, с некоторыми оговорками) не подтверждают такую версию и свидетельствуют о постоянном антропогенном воздействии на растительность региона в течение бронзового и железного веков.

Заслуживает внимания методика применения финскими археологами фосфатного анализа. Пробы отбирались по сетке квадратов в раскопках и вне их, на большой площади. В результате удалось не только локализовать места наибольшей активности на поселениях, но и ответить на вопросы, где проходила тропа, был или не был в данном месте водопой скота, и т. п.

Заключающая книгу работа П. Уйно о развитии домостроительства в Финляндии в эпоху металла написана с привлечением всех известных финских материалов, а также широкого круга европейских аналогий. Автором дана классификация зафиксированных археологически типов конструкций и их элементов, предложена хронологическая модель развития домостроительства. Привлечены и лингвистические данные, в частности проанализированы финские строительные термины, заимствованные из славянских, германских и балтийских языков. Этот раздел книги по сути является самостоятельным исследованием, суммирующим данные о жилищах Финляндии I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. Ранее остатки построек не были предметом специального рассмотрения, если не считать каменные основания домов на Аландских островах, изданные Э. Кивикоски [6] Как показала П. Уйно, в железном веке на территории Финляндии сосуществовали различные типы жилищ. В нескольких пунктах зафиксированы остатки длинных домов на каменных фундаментах, имеющие многочисленные аналогии на Аландских островах, островах Готланд, Эланд и на территории материковой Швеции, но в целом этот тип жилища, традиционный для Скандинавии, не получил распространения в Финляндии. По-видимому, основным типом жилищ здесь были столбовые постройки с плетневыми стенами, обмазанными глиной, древнейшие из которых датируются эпохой бронзы (с. 173). Появление в Финляндии срубных построек автор приурочивает к раннему железному веку, ссылаясь на материалы поселения Кетохака 1, а также на анализ финских терминов, обозначающих выдалбливание в бревне чашки и инструмент для этой операции. По предложению П. Уйно, первоначально срубная техника была малораспространенной и использовалась преимущественно для изготовления гробов и сооружения погребальных камер (впрочем, в собственно финских материалах срубные погребальные сооружения I тыс. н. э. неизвестны). Широкое распространение срубной техники в строительстве произошло на рубеже среднего и позднего железного века и связано с появлением более совершенных инструментов для обработки дерева.

К сожалению, число раскопанных жилищ эпохи железа в Финляндии невелико, а сохранность их, как правило, неудовлетворительна. В большинстве случаев при раскопках не прослежены не только конструкции стен, но даже положение очага. Неудивительно, что многие проблемы не могут пока получить окончательного решения, среди них и вопрос о происхождении срубных конструкций в Фенноскандии. Некоторые западноевропейские археологи полагают, что техника сооружения сруба распространилась в Скандинавию из Центральной и Восточной Европы, возможно была заимствована у славян. Цитируя эти работы (с. 180, 181), П. Уйно добавляет, что некоторые финские лексемы, обозначающие срубную постройку и печь в ней, этимологизируются из славянских языков (с. 191, 194), и все же исследовательница не дает прямого ответа на вопрос, следует ли считать срубную конструкцию в финском домостроительстве славянским заимствованием.

«Исследование железного века в Сало» — книга, выдержанная в жанре классической публикации и вместе с тем открывающая новое направление в археологии Финляндии. Вплоть до последнего времени памятники эпохи железа и средневековья были здесь представлены почти исключительно могильниками; наиболее фундаментальные работы двух последних десятилетий — монографические издания крупных некрополей, раскопанных широкими площадями [7—8]. При известном однообразии погребального обряда (могильники содержат обычно остатки кремации, помещенные на поверхность земли или в небольшие грунтовые ямки и перекрытые, чаще всего, каменными вымостками) и богатстве погребального инвентаря важнейшим направлением в средневековой археологии неизменно оставалось традиционное вещеведение: изучение отдельных категорий и типов украшений, оружия и бытовых предметов, определение их ареалов и хронологии, выяснение происхождения тех или иных типов. Естественно, выразительные и хорошо датированные материалы могильников использовались и для разработки этнокультурных проблем и истории заселения Финляндии, а позднее и для палеодемографических реконструкций [10, 11]. Обращение к раскопкам поселений, исключительно бедных вещевыми находками (кроме керамики, кремней, железных шлаков и нескольких каменных орудий на двух поселениях в Кетохака найден лишь обломок костяного гребня), потребовало не только новых исследовательских методов и приемов, но и поворота к новым темам, топография селищ и размещение населения, непрерывность и дискретность в заселении отдельных регионов, размеры и границы освоенных зон в различные исторические периоды, антропогенное воздействие на природную среду. В итоге объектом исследования стало не поселение как участок, на котором некогда располагались жилые и хозяйственные постройки и откладывался культурный слой, а вся «поселенческая зона» — территория, связанная с хозяйственной деятельностью общины. Выясняется, что малое количество артефактов и плохая сохранность сооружений не обесценивают поселение как археологический памятник: данные естественно-научных анализов могут дать суще-

ственную информацию о древнем обществе, во многом компенсирующую бедность культурного слоя.

Все это, разумеется, не означает отказ от традиционных методов исследований. Выбор селищ в Сало в качестве эталонных поселений железного века был в немалой степени обусловлен концентрацией здесь, на территории прихода Исокюлэ, хорошо изученных погребальных памятников. Это открыло перед авторами возможность сопоставления данных, полученных при раскопках тех и других памятников, и их взаимной корректировки. Принципиальную важность имеет совпадение многих выводов, сделанных на основе традиционных и естественно-научных методов. Так, могильник Кетохака с 13 каменными вымостками является самым крупным в Исокюлэ; здесь же, судя по результатам фосфатного анализа, локализуется наиболее крупное и долговременное поселение в микрорегионе (учитывая характер культурного слоя, определить его размеры другими путями, например шурфовкой, затруднительно). На основании вещевых находок период максимально активного функционирования могильников в Сало датирован поздним железным веком и эпохой переселения народов (III—VI вв. н. э.). Между тем наиболее выраженный пик распространения пыльцы культурных растений в спорово-пыльцевых диаграммах приходится на I—IV вв. н. э., т. е. во многом синхронен погребениям. Сокращение доли пыльцы культурных злаков начинается с IX в., и этому соответствует уменьшение количества захоронений в могильниках, что в совокупности позволяет сделать вывод о некотором спаде в заселении микрорегиона в эпоху викингов. Этот спад П. Уйно объясняет не абсолютным сокращением численности населения в районе Сало, а передвижением его в смежные северные микрорегионы. Отметим, что сходными причинами — изменениями системы расселения и хозяйства — финские археологи объясняют и общее сокращение роста численности могильников, фиксируемое здесь в эпоху викингов почти повсеместно [10, с. 100—108].

Для археологов, изучающих сопредельные с Финляндией области Восточной Европы, важны новые подтверждения существования земледелия на юге Финляндии с конца эпохи бронзы и значительного подъема его в первые века I тыс. н. э., полученные в результате исследований в Сало. Учитывая эти данные, мы должны признать возможность существования в I тыс. н. э. различных моделей хозяйства в таких регионах, как Поволховье, Южное Приладожье, Северо-Западное Приладожье, Прионежье. Для решения вопроса о времени появления здесь земледелия недостаточно уже косвенных данных, базирующихся на анализе систем расселения,— тезис об отсутствии или наличии земледелия должен основываться на конкретных палинологических и карпологических материалах.

Таким образом, рецензируемая монография не только расширяет наши представления о социально-экономическом развитии и культуре финского общества в эпоху железа. Она дает возможность по-новому взглянуть на синхронные восточноевропейские памятники и побуждает искать новые подходы к их изучению.

Н. А. Кренке, Н. А. Макаров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллинн: Эстгосиздат, 1955.
2. *Розенфельдт Р. Л.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.
3. *Barker P.* Techniqes of Archaeological Excavation. New York: Universe Books, 1977.
4. *Пуннинг Я.-М. К.* Методы датирования позднекайнозойских отложений: возможности и ограничения // Тез. докл. Всесоюз. конф. «Геохронология четвертичного периода». Таллинн, 1985.
5. *Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. Вып. 194.
6. *Kivikoski E.* Husgrunderna i Storhagen, Kulla, Finnström // SMYA. 1946. V XLVIII:3.
7. *Cleve N.* Skeletgravfälten på Kjuloholm i Kjulo. II. Vikingatid och korstågstid. Gravfältet C. // SMYA. 1978. V XLIV:2.
8. *Kivikoski E.* Långängsbacken, ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. 1980. V. 80.
9. *Lehtosalo-Hilander P. L.* Luistari // SMYA. 1982. V 82: 1, 2, 3.
10. *Сегер Т* Расселение в эпоху железного века (статистический анализ) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984.
11. *Хонканен П.* Определение поселенческих единиц раннего средневековья по данным могильников позднего железного века // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984.

Э. А. Савельева. Вымские могильники XI—XIV вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1987. 199 с., 36 рис.

Могильники на Выми и Вычегде, яркие и своеобразные памятники финно-угорского средневековья, стали объектом широких раскопок лишь в 1960-х годах. Хотя первые сведения о них были получены еще в середине прошлого века, а в 1920-х годах А. С. Сидоров проводил целенаправленные поиски и небольшие раскопки могильников, основные полевые исследования на этих памятниках были произведены Э. А. Савельевой. За два десятилетия экспедицией Коми филиала АН СССР и Сыктывкарского университета в бассейне р. Вымь было раскопано более 1000 погребений в 14 могильниках. В рецензируемой монографии автор, подводя итоги работ, ставит перед собой цель ввести в научный оборот полученный материал.

Возможно ли изложить данные о 1124 погребальных комплексах, содержащих несколько тысяч вещей, в книге объемом 13 печатных листов? Не приведет ли вынужденная сжатость изложения к выборочной подаче материала, обширным лакунам и в конечном счете к потере важной информации? К сожалению, в последние десятилетия культура археологических публикаций снизилась, все чаще приходится сталкиваться с нарушениями логики изложения, приблизительными подсчетами, трафаретными описаниями комплексов, которым соответствуют столь же схематичные рисунки. Все это нередко оправдывают ссылками на ограниченный объем изданий. Книга Э. А. Савельевой демонстрирует иной подход к публикации источника: в ней нашлось место для точной характеристики элементов обряда, конкретных описаний вещей, для цифровых данных и статистических таблиц. Лаконичность в описании отдельных предметов и сооружений не создает впечатления, что автором опущены какие-либо существенные, значимые детали. Благодаря продуманной структуре и форме изложения книга оказалась способной вместить огромное количество информации. Единственное, что осталось за ее рамками,— описание самих погребений по комплексам, но, будем надеяться, в дальнейшем будут опубликованы и они.

Оценивая новую работу Э. А. Савельевой, следует иметь в виду, что первая монография, посвященная средневековым памятникам Вычегды и Выми, была опубликована ею в 1971 г. [1]. С тех пор общее количество раскопанных погребений в вымских могильниках увеличилось более чем в 5 раз, что дало возможность на качественно новом уровне рассмотреть хронологию памятников, восстановить материальную культуру пермян, реконструировать социальную структуру общества и религиозные представления. В новой монографии акценты смещены на те проблемы, которые оказались незатронутыми в первой книге, что позволило автору полностью избежать повторений. Но, с другой стороны, некоторые прежние выводы потребовали уточнений, корректировки, и Э. А. Савельева не боится отказываться от отдельных положений прежних работ в тех случаях, когда они не подтверждаются новыми материалами.

В I главе монографии рассматривается погребальный обряд, в полной мере отражающий самобытные черты вымской культуры. Могильники располагаются на возвышенных частях береговых террас. Все могилы грунтовые, погребения отмечены на поверхности земли западинами овальной формы. Способы захоронения различны, Э. А. Савельева выделяет кремацию на стороне, частичную кремацию в могильной яме, ингумацию и расчлененное трупоположение. Парадоксально, что в XIII—XIV вв., когда на всей территории Восточной Европы обряд кремации прекращает свое существование, в Вычегодском крае, напротив, кремации получают значительное преобладание над ингумациями. Наряду с обычными могильными ямами овальной и прямоугольной формы встречаются и ямы более сложной конструкции, в частности с круглыми углублениями на дне. Внутри некоторых ям прослежены остатки одновенечных срубов и каких-то сооружений из бересты, которые Э. А. Савельева интерпретирует как берестяные камеры. Свыше 90% погребений содержали сопровождающий инвентарь: украшения, орудия труда и бытовые предметы, причем чаще всего они располагались беспорядочно в засыпи ямы или на ее дне.

Почти полное отсутствие в погребениях костных остатков создает серьезные затруднения при исследовании погребального обряда. Многие элементы обряда остаются недоступными для изучения. Так, в погребениях по обряду ингумации неясными остаются положение погребенных и ориентировка костяков. Сложности возникают и при определении способа захоронения. Из-за отсутствия костей и особенностей боровых почв, почти всегда содержащих золу и угли, исследователь не всегда оказывается в состоянии различить ингумации и кремации. Избегая субъективных оценок в интер-

© Н. А. Макаров, 1990 г.

претации полевых материалов, Э. А. Савельева выделяет особую группу погребений — с неопределимым способом захоронения. Некоторое сомнение может вызвать выделение погребений по обряду неполной кремации. Подобный способ захоронения отмечался и исследователями древнерусских курганов [2, с. 162; 3, с. 93, 107—109]. Однако всегда ли обугленность некоторых костей должна рассматриваться как следствие намеренного помещения останков умершего в огонь? Хорошо известно, что в ряде случаев кости и дерево, попавшие в плотный песчаный грунт, обугливаются. Возможно, обугленность костных останков, лежащих в анатомическом порядке, связана с особыми почвенными условиями, в которых они оказались.

Определенные сложности возникают при попытке установить закономерности в ориентировке могильных ям. В вымских могильниках представлены все варианты ориентировки: меридиональная, широтная, промежуточные. Некоторое преобладание меридиональной ориентировки не снимает вопроса о причинах разнообразия вариантов. Отказавшись от некоторых стереотипов, сложившихся при анализе ориентировки погребений, Э. А. Савельева сделала интересное наблюдение о том, что могилы ориентированы на водоем (с. 14, 35, 196). Это предположение тем более убедительно, что обычай ориентировать погребения по течению реки существовал у многих народов Севера, в частности у саамов и обских угров [4, с. 140, 141; 5, с. 184, 185; 6, с. 230—235]

Во II главе рассматриваются оружие, орудия труда и бытовые вещи из могильников — всего около 620 предметов. Наиболее представительными категориями находок являются наконечники стрел (228 экз.) и ножи (около 200 экз.), довольно многочисленны кресала, топоры, наконечники копий и сулиц, скобели. Среди более редких вещей — тесла, резцы, шилья, ножницы; единичными экземплярами представлен кузнечный инструментарий: клещи, молотки, гвоздильня. Легко заметить, что в погребениях почти совершенно отсутствуют орудия женских хозяйственных занятий, в частности пряслица. Возможно, они были костяными и не сохранились, как и другие изделия из кости, например гребни. Симптоматично отсутствие кос и серпов, которые хотя и не часто, но все же встречаются в средневековых могильниках на других финно-угорских территориях и в некоторых славянских курганах. Количество топоров (28 экз.) заметно уступает коллекциям из других погребальных памятников Севера, например из курганов Юго-Восточного Приладожья или из могильников Белозерья; ясно, что основная масса мужчин в вымских могильниках погребалась без топоров.

Э. А. Савельева стремится с максимальной полнотой отразить в публикации все многообразие типов и вариантов производственного инвентаря и бытовых вещей. На таблицах представлены рисунки всех вариантов и разновидностей орудий и инструментов, в тексте тщательно фиксируются особенности их конструкции, формы, пропорции и размеры (исключение сделано почему-то для удил и замков, изображенных на рис. 17). Автор убедительно показывает, что почти все типы оружия, хозяйственного и бытового инвентаря имеют соответствия в северно-русских, в частности новгородских, древностях. Выясняется, что население Вычегодского края, несмотря на все своеобразие культуры, проявившееся, в частности, в погребальном обряде, формах и орнаментации керамики, костюме, не выработало собственных типов орудий труда и промыслов, а заимствовало в XI—XII вв. древнерусские и североевропейские формы. Естественно, что при описании этих материалов Э. А. Савельева воспользовалась существующими разработками по типологии русских древностей — работами Б. А. Колчина, А. Ф. Медведева, А. Н. Кирпичникова и других археологов-славистов. Жаль, что, стремясь к созданию детализированных типологий, исследовательница не всегда сохраняет предложенную в этих работах номенклатуру типов и общепринятые названия вещей, что затрудняет сравнение материалов вымских могильников с находками из других регионов.

В главе III систематизируется керамика из погребений — 188 сосудов, у 123 из которых полностью или частично восстанавливается форма. По форме и основным пропорциям Э. А. Савельева разделила сосуды на группы: чашевидные, горшковидные, занимающие промежуточное положение между чашами и горшками, баночные и котловидные. Наиболее многочисленны сосуды первых двух групп, которые по пропорциям делятся на 23 типа со множеством вариантов. Описывая каждый вариант, Э. А. Савельева подробно характеризует не только форму сосудов, но и особенности профилировки верхней части и орнаментацию. Отдельно рассматриваются круговые сосуды славянских типов с линейным и волнистым орнаментом (20 экз.). Предложенная Э. А. Савельевой классификация достаточно дробная, что, вероятно, не всегда оправданно, особенно если учесть замечание самой исследовательницы об общем однообразии форм лепной керамики из вымских могильников (с. 84). Именно поэтому, сопоставляя керамические материалы вымских могильников с керамикой других культур Камско-Вычегодского региона, автор почти не пользуется собственной классификацией, сопоставляя группы, а не типы. Впрочем, у дробной классификации есть и свои преимущества: она дает представление о всех вариантах посуды, о существовании как устойчивых, серийных типов, так и индивидуальных форм.

Э. А. Савельевой удалось убедительно показать, что керамика вымских могильников близка родановской и чепецкой, что связано с восхождением их к общей ананьинской основе. Сходство проявляется прежде всего в общей приземистости сосудов, преобладании чашевидных форм, распространенности зубчатого и кружкового штампов. Но между керамикой прикамских культур и вымских могильников есть и различия. Одно из них, как указала Э. А. Савельева,— сравнительно небольшая доля сосудов с растительной примесью и толченой раковиной на Выми; в родановской и чепецкой культурах эти примеси являются преобладающими. Можно добавить, что в орнаментации сосудов вымских могильников также есть черты, отличающие их от основной массы средневековой керамики Прикамья. Так, на Выми редки сосуды, украшенные оттисками горизонтального шнура и веревочных петель; слабое распространение имеют здесь композиции из горизонтальных оттисков шнура на шейке сосуда и штампованных поясков на плечике. Эти особенности орнаментации вымской керамики сближают ее с белозерской. Ряд параллелей в орнаментации лепной посуды перми вычегодской и белозерской веси (некоторые из них отмечены Э. А. Савельевой, с. 83) свидетельствует, возможно, о существовании прямых контактов между Белоозером и Вымским краем в XI—XII вв. Трудно объяснить случайностью одновременное появление в этих районах таких редких узоров, как птичья лапка, вертикальная елочка, крестовидные фигуры, образованные отпечатками кружкового штампа.

Центральное место в работе занимает IV глава, в которой анализируются украшения из вымских могильников — около 2500 металлических предметов и свыше 1000 стеклянных и каменных бусин. Интересен общий состав этой коллекции. В ней представлено большое количество бубенчиков, разнообразных пронизок, бусин, перстней и предметов поясного набора. Довольно многочисленны нагрудные и поясные подвески (около 200 экз.), однако относящиеся к этой категории украшения очень разнотипны и имеют различное происхождение. Редко встречаются в погребениях серьги, фибулы, браслеты, лишь одним экземпляром представлена гривна.

Предложенная Э. А. Савельевой систематизация украшений четкая, логичная и очень подробная. Следуя своим правилам, исследовательница уделяет большое внимание деталям украшений, особенностям их оформления и орнаментации. Такой подход дает положительные результаты, поскольку выделенные Э. А. Савельевой многочисленные варианты вещей нередко отражают различия в их хронологии и происхождении. Рассматривая металлические украшения, автор делает важный вывод о том, что значительную их часть составляют привозные вещи, поступавшие из Руси и Волжской Булгарии. Привозными являются большинство височных колец, серег, перстни, браслеты, фибулы, а также многие типы подвесок и поясных бляшек. Большое число шумящих подвесок имеет прикамское происхождение; выясняется, что у перми вычегодской не сложилось собственных типов шумящих подвесок и зооморфных украшений. К изделиям местного производства относятся прежде всего бубенчики и пронизки, не имеющие точных аналогий в соседних регионах. Некоторые из этих вещей представляют собой переработку прикамских и древнерусских типов.

Переходя к хронологии могильников (глава V), Э. А. Савельева путем корреляции выделяет устойчивые группы одновременно бытовавших вещей и устанавливает их абсолютную датировку по аналогии с датировкой подобных вещей на соседних территориях. Для получения абсолютных дат используются шкала новгородских древностей и сводные работы по украшениям из древнерусских курганов, а также некоторые разработки по хронологии вещевых комплексов Волжской Булгарии, Прикамья и Ветлужско-Вятского междуречья. Важнейшим хронологическим репером являются находки западноевропейских монет, но приходится сожалеть, что в работе нет полного перечня погребений с монетами и не указано, какие монеты являются подвесками, а какие лишены отверстий для подвешивания (впрочем, часть этих сведений имеется в более ранних публикациях [1, с. 37—42; 7, с. 63—98]). Автором выделены хронологические группы вещей конца X—XI в., XI—XII, XII—XIII и XIII—XIV вв. Комплексы конца X—XI в. представлены лишь на Кичилькосьском I могильнике, число их невелико. Наиболее многочисленны погребения XI—XII и XII—XIII вв.— по-видимому, это время расцвета вымской культуры. Комплексы XIII—XIV вв. представлены лишь на четырех могильниках.

При датировке погребений Э. А. Савельева проявляет известную осторожность, избегая узких дат и точных хронологических позиций. Осторожность вполне оправданна, поскольку основной опорой для датировки остается новгородская хронологическая шкала, и с учетом громадных расстояний, разделяющих Новгород и Вымский бассейн, у нас не может быть уверенности в полной синхронности бытования здесь одних и тех же вещей, т. е. в том, что новгородские даты могут переноситься на северо-восточные материалы без каких-либо поправок. Возможно ли, несмотря на эти препятствия, уточнить некоторые даты? Мне представляется, что такая возможность существует.

В вымских могильниках представлена значительная группа вещей, которая, согласно принятым хронологическим разработкам, должна быть датирована концом X — первой половиной XII в. Среди них Э. А. Савельева указала золоченые цилиндрические бусы, глазчатые бусы, битрапецоидные бусы с пропорциями 1 2, бронзовые флаконовидные бусы, спиральные и щитковые в полтора оборота перстни, грушевидные крестопрорезные бубенчики, калачевидное кресало с язычком. Однако верхняя хронологическая граница почти всех этих предметов — не вторая половина XI в., а первая половина — середина XII в. Многие предметы, пик распространения которых приходится на X — первую половину XI в., представлены в вымских могильниках единичными находками, многие характерные и широко распространенные на Севере в XI в. вещи вовсе не представлены (например, завязанные перстни, височные кольца и браслеты или украшения, орнаментированные «волчьим зубом»). Существенно, что часть комплексов с ранними вещами в Кичилькосьском I могильнике по монетам должна быть датирована серединой или даже последней третью XI в., в их числе погр. 133 с младшей монетой 1068—1090 гг., погр. 73 с младшей монетой 1031—1051 гг., погр. 76 с монетой 1030—1056 гг. (с. 152—154). В связи с этим кажется весьма сомнительным, что Кичилькосьский могильник — самый ранний средневековый могильник на Выми — начал функционировать ранее середины — второй половины XI в.

Большая группа вещей из вымских могильников имеет хронологические рамки — конец XII — первая половина XIV в. или XIII—XIV вв. Имеются в виду многобусинные височные кольца, косорешетчатые подвески, полые коньки и баранчики, перстень с изображением руки, крупные грушевидные бубенчики с рельефным валиком. Поэтому вывод Э. А. Савельевой о присутствии в могильниках погребений XIII—XIV вв. формально не может быть оспорен. Однако есть ли среди погребений комплексы, твердо датированные XIV в.? В группе поздних украшений нет вещей, начало распространения которых приходится на XIV или конец XIII в. Симптоматично, в частности, отсутствие серег в виде знака вопроса, которые со второй половины XIII в. вошли в обиход как в Волго-Вятском ареале, так и на Северо-Западе Руси. Пожалуй, единственный предмет, датированный XIV в.,— литой перстень со свастикой (с. 163, рис. 37, *142*), имеющий близкие аналогии в Новгороде. Десять новгородских перстней представляют собой незаконченные изделия, происходящие из комплекса ювелирной мастерской 1380—1390-х годов; еще один, законченный, найден в слое 1319—1323 годов [8, с. 135] Вымский перстень происходит из погр. 134 Кокпомъягского могильника, которое Э. А. Савельева считает одним из самых выразительных комплексов третьего хронологического периода. Но в этом же погребении найден фрагмент игольника с ажурным косорешетчатым щитком (рис. 36, 41), который, судя по находкам в Приладожье, Новгороде, костромских курганах и на оз. Лача, должен быть датирован временем не позднее XIII в. [9, с. 203, рис. 1, *12*; 10, с. 214, рис. 3, *13*]. Таким образом, вопрос о поздней дате вымских могильников может получить различные решения. Не исключено, что в XIV в., во всяком случае во второй половине этого столетия, захоронения в них уже не производились.

В пользу этого свидетельствует и тот факт, что в «Житии Стефана Пермского», довольно точно фиксирующем языческие культы пермян XIV в., отсутствуют сведения о существовании у них в это время обряда кремации. Едва ли Епифаний Премудрый, составивший в конце XIV — начале XV в. «Житие Стефана», оставил бы без внимания столь колоритную черту язычества, если бы кремации умерших действительно совершались на Выми, когда Стефан начал здесь свою миссионерскую деятельность.

В последней, VI главе Э. А. Савельева использует материалы могильников для реконструкции некоторых религиозных представлений, социальных отношений и хозяйства обитателей Вымского края. Большое внимание уделяется анализу торговли и внешних связей. Конечно, далеко не все аспекты социально-экономической истории средневекового общества доступны для изучения по археологическим данным. Так, отсутствие определимых антропологических остатков лишает автора возможности решить вопрос о социальной принадлежности наиболее богатых погребений, с предметами вооружения и женскими украшениями, и почти полностью отрезает пути палеодемографического анализа. Существенные данные для социологических реконструкций может дать анализ планиграфии могильников, на которых выделяются длинные ряды погребений и небольшие группы, являющиеся, очевидно, захоронениями одной малой семьи. Большинство могильников распадается на два или три отдельных участка, разделенных свободными пространствами (рис. 2—4, с. 183). Автор связывает эту особенность их топографии с существованием отдельных поселений, каждому из которых соответствовал обособленный участок на общинном кладбище.

Большое значение имеют выводы Э. А. Савельевой о направлениях и интенсивности торгово-экономических и культурных связей обитателей Вымского бассейна. Ей удалось на конкретном материале показать, что хозяйство рассматриваемого региона в XI—XIV вв. было во многом ориентировано на пушной промысел, продукты которого предназначались для обмена. Об этом свидетельствуют не только многочисленные находки в погребениях промыслового оружия, но и обилие привозных вещей, поступавших с запада и с юга. Более 50% импорта приходится на долю древнерусских вещей. Таким образом, основными торговыми партнерами обитателей Вымского бассейна были купцы из северно-русских областей, проложившие дорогу на Северо-Восток еще в XI в. Можно согласиться с мнением автора о том, что первоначально посредническую роль в этой торговле могло играть прибалтийско-финское население, прежде всего белозерская весь, свидетельством чего являются находки на вымских могильниках некоторых западно-финских украшений. Булгарский импорт начинает проникать на Вымь не позднее конца XI в., объем его довольно внушителен. Любопытно, что в вымских могильниках нет круговой булгарской посуды, хорошо известной по находкам на территории Северо-Восточной Руси. Может быть, это указывает на непрямой характер булгарской торговли на Севере — она могла вестись при посредничестве родановских племен.

Преобладание среди древнерусских украшений предметов, происходящих из северо-западных областей, Э. А. Савельева связывает с особой активностью новгородцев — купцов и сборщиков дани. Очевидно, это мнение справедливо. Однако разделение русских древностей XIII—XIV вв. на северо-западные и северо-восточные не всегда достаточно надежно: хорошо зная украшения Новгородской земли по раскопкам в Новгороде и на Ижорском плато, мы довольно слабо представляем, какие вещи были в этот период в обиходе у обитателей Северо-Восточной Руси. Возможно, именно этот пробел не позволяет нам выделить вещи ростово-суздальского происхождения в вымских могильниках.

Набор древнерусских вещей из вымских могильников весьма специфичен: он включает перстни, бубенчики, некоторые типы подвесок к ожерелью, но почти не содержит предметов, несущих существенную этническую и идеологическую нагрузку: височных колец, шейных гривен, подвесок-образков, крестов-тельников (между тем последние в изобилии поступали в XII—XIII вв. к саамам, также сохранявшим язычество). Поэтому трудно согласиться с предположением Э. А. Савельевой о появлении в XII в. на Выми русских колонистов-крестьян. По-видимому, несмотря на оживленные торговые контакты с Русью, население Вычегодско-Вымского края обладало определенным иммунитетом к воздействию мощной славянской культуры, что выразилось, в частности, в длительном существовании обряда кремации и в избирательном употреблении западных украшений. Наличие некоторого количества круговой славянской керамики в поздних погребениях не является свидетельством оседания славян на Выми: гончарные сосуды могли попадать сюда вместе с даньщиками и купцами.

Э. А. Савельева полагает, что связи с Волжской Булгарией осуществлялись по Камско-Вычегодскому пути, а сообщение с Русью — по Сухонско-Вычегодскому. Значение Сухоны как важнейшего канала древнерусской торговли и колонизации на Севере не вызывает сомнения, особенно если учесть находки последних лет на Волоке Славенском, соединявшем Шексну и Сухону. И все же этот путь был далеко не единственным. Его ключевые точки находились в руках ростово-суздальских князей, поэтому новгородцы, а также представители прибалтийско-финского населения, участвовавшие в экспедициях на Северо-Восток, попадали на Вычегду, двигаясь и другими маршрутами, в частности по притокам Онеги, через Мошинский волок и реки Важской системы. Этот маршрут выглядит на первый взгляд сложным и неудобным, но использование его уже в XI в. подтверждается находками на Ваге и ее притоках характерных украшений балтийских и прикамских типов [11, с. 179; 12, с. 197—214]

Раскопки вымских могильников предоставили в наше распоряжение колоссальную информацию как о внутреннем состоянии пермско-финского общества в средневековье, так и о взаимоотношениях славян и финнов на Севере. При осмыслении этой информации нельзя избежать дискуссий и различий в интерпретациях. Но возвращаясь к общей оценке книги Э. А. Савельевой, мы должны признать ее одной из наиболее емких и значительных публикаций новых материалов по археологии восточных финно-угров, появившихся за последнее десятилетие. Вместе с тем это пример исследования, в котором систематизация конкретных археологических источников органично приводит автора к серьезным историческим обобщениям.

Н. А. Макаров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
2. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
3. *Сабурова М. А., Седова М. В.* Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984.
4. *Storå N.* Burial Customes of the Skolt Lapps // Folklore Fellow Communications, № 210. Helsinki, 1971.
5. *Manker E.* Lappmarksgravar. Dödes forställning och gravskik i Lappmarkerna // Acta Lapponica. V XVII, Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1961.
6. *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1971.
7. *Савельева Э. А.* Кичилькосьский могильник // МАЕСВ. 1973. Вып. 5.
8. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
9. *Голубева Л. А.* Игольники Восточноевропейского Севера X—XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в бассейне озера Лача // СА. 1986. № 2.
11. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
12. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 1984. № 4.

Ladislav Zgusta. The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1987. 68 p.

Австрийская Академия наук издала небольшую, но принципиально важную для средневековой археологии и истории Северного Кавказа монографию профессора языкознания и классической филологии университета штата Иллинойс (США) Л. Згусты, хорошо известного нашей науке по его более ранней монографии о греческой ономастике Северного Причерноморья [1] Судя по библиографии, объект исследования Л. Згусты — так называемая Зеленчукская древнеосетинская надпись — уже был рассмотрен в его отдельной статье [2], но последняя осталась нам недоступной. В чем состоит научное значение Зеленчукской надписи и исследования Л. Згусты о ней?

В 1888 г. член Московского археологического общества художник Д. М. Струков в верховьях р. Большой Зеленчук (Зеленчукский район Карачаево-Черкесской автономной области, Ставропольский край) обнаружил большую плиту с хорошо сохранившейся надписью, выполненной греческими буквами. Д. М. Струков сделал рисунок надписи. В 1892 г. Зеленчукская плита была повторно обследована Г И. Куликовским, снявшим с надписи эстампаж. Таким образом, рисунок Д. М. Струкова контролировался эстампажем Г И. Куликовского, что существенно повысило достоверность надписи как источника и при значительных размерах текста обусловило ее уникальность. Следует заметить, что сделанные на основе греческого алфавита надписи на каменных плитах и крестах в бассейне Верхней Кубани были достаточно многочисленны (см., например, [3, с. 4—20]), но лишь рассматриваемой надписи «повезло» с дважды выполненной фиксацией. Большая часть других надписей этого района погибла, оставшись почти полностью неизученной.

Материалы Д. М. Струкова и Г И. Куликовского вскоре попали к акад. В. Ф. Миллеру, опубликовавшему рисунок Д. М. Струкова, свой вариант прочтения надписи и ее исторической интерпретации [4, с. 110—118] Согласно филологическому анализу В. Ф. Миллера, «пред нами древняя осетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинские слова» [4, с. 117]. Миллер поясняет, что надпись принадлежала предкам современных осетин — аланам или ясам [4, с. 118]. В дальнейшем версия В. Ф. Миллера была поддержана и развита осетинскими филологами В. И. Абаевым [5, с. 260—270], Б. А. Алборовым [6, с. 229—253] и А. Х. Бязровым [7, с. 3—5] Г Ф. Турчанинов предложил датировать Зеленчукскую надпись 941 г. на основании его чтения в последней строке надписи счета от сотворения мира по количеству солнечных кругов [8, с. 81]. Впоследствии Г Ф. Турчанинов попытался выявить кабардинское влияние на «осетинскую речь писца надписи» [9, с. 50, 51], а Л. И. Лавров предположил наличие в данной надписи арабизма в слове «Сахир» [10, с. 220] Такова вкратце история разработки осетинской версии дешифровки

© В. А. Кузнецов, М. Д. Черчесова, 1990 г.

и интерпретации Зеленчукской надписи. Как видим, никто из вышеназванных исследователей в алано-осетинском происхождении этого памятника не сомневался.

В 1963 г. вышла в свет книга А. Ж. Кафоева «Адыгские памятники», одна из глав которой посвящена чтению и датировке Зеленчукской надписи [11, с. 8—23]. А. Ж. Кафоев предлагает свой вариант чтения Зеленчукской надписи — с позиций кабардинского языка — и датирует ее V в. Критический разбор версии А. Ж. Кафоева опубликован в 1965 г. В. И. Абаевым и В. А. Кузнецовым [12, с. 151—154] Через 2 года после публикации А. Ж. Кафоева появилась большая газетная статья М. Кудаева, где была изложена третья версия чтения Зеленчукской надписи на основе балкарского языка [13].

Наконец, в 1980 г. была опубликована еще одна версия чтения Зеленчукской надписи, предложенная Я. С. Вагаповым. Вывод этого исследователя: «Язык надписи нахский», откуда вытекает и вывод о существовании вайнахского населения на р. Зеленчук в эпоху надписи [14, с. 115, 116].

Таким образом, в настоящее время четко определилась парадоксальная ситуация, которую можно определить как невероятную: один текст читается на четырех языках, принадлежащих к разным языковым группам: иранской, адыго-абхазской, тюркской, нахо-дагестанской! Случай беспрецедентный, а развернувшаяся вокруг Зеленчукской надписи дискуссия обнажила не только низкий уровень филологической науки на Северном Кавказе, но и совершенно определенную тенденцию некоторых исследователей к узконациональному подходу, когда строгая научная объективность и трезвость приносятся в жертву местному «патриотизму». Сказанное касается не только обсуждаемой надписи, подобных фактов немало и в истории и археологии Северного Кавказа. «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман»— эти слова А. С. Пушкина могли бы стать эпиграфом к некоторым трудам северокавказских филологов, историков и археологов последних двух-трех десятилетий. Борьба за «владение» Зеленчукской надписью вписывается в этот контекст. Понятно, что в подобной ситуации в качестве своего рода третейского судьи лучше всего может выступить исследователь со стороны, способный оценить факты наиболее спокойно и беспристрастно.

Именно таким исследователем является Л. Згуста. Кратко изложим содержание его монографии, акцентируя внимание не столько на тонкостях весьма тщательного и квалифицированного филологического анализа (авторы этих строк не филологи), сколько на его наиболее существенных и интересных выводах и наблюдениях, имеющих выход в историю и археологию.

Исследование Л. Згусты открывается историей открытия и изучения Зеленчукской надписи. Автор считает, что надпись была открыта Д. М. Струковым в 1888 г., а не в 1886 г., как отмечал В. А. Кузнецов, ссылаясь на дату, проставленную на архивных рисунках Струкова [15, с. 193] Л. Згуста прав. Проверка архивных материалов показала, что Д. М. Струков совершил поездку в верховья Большого Зеленчука действительно в 1888 г., о чем 18 мая 1890 г. им было представлено письменное сообщение в Императорское Русское археологическое общество [16].

В описании места находки Л. Згуста допускает небольшие неточности. В ущелье Большого Зеленчука существуют два Архыза: пос. Нижний Архыз, где расположено крупное городище X—XII вв. с тремя купольными трехапсидными храмами того же времени [17, с. 230—247], и в 35 км выше — горная котловина с пос. Архыз, с руинами нескольких небольших древних поселений; самое значительное находится в урочище «Старое жилище» на левом берегу Б. Зеленчука [18, с. 351; 19, с. 153—160] Зеленчукская надпись была найдена во втором, верхнем Архызе, на правом берегу реки. «Стратегическим местом, защищавшим единственный вход в укрытую высоко в горах долину», о которой пишет Л. Згуста (с. 9), было Нижне-Архызское городище. Характеризуя археологическое окружение Зеленчукской надписи в долине Архыза, следует упомянуть также две плиты с надписями на правом берегу р. Пшиш (Псыж), опубликованные В. А. Кузнецовым и до сих пор не дешифрованные [15, с. 198, 199, рис. 5, 6] Было высказано мнение, что эти надписи одновременны Зеленчукской [15, с. 199], но Л. Згуста считает, что надписи с р. Пшиш «относятся к гораздо более позднему времени, нежели Зеленчукская надпись» (с. 11). На одной из плит угадывается известная христианская формула «Душа твоего слуги» и «Господи помоги» (с. 11—14).

Переходим к Зеленчукской надписи. Говоря о размерах плиты, Л. Згуста исходит из показаний Д. М. Струкова, опубликованных В. Ф. Миллером [4, с. 110]: высота плиты — 2 аршина 2 вершка, т. е. 1,50 м, а ее ширина — в среднем ~25 см (с. 14). Однако В. Ф. Миллер свидетельствует, что размеры указаны «по словам Д. М. Струкова»; это означает, что Струков плиту не измерил. Сказанное подтверждается архивным рисунком плиты Д. М. Струкова — размеры не указаны. Не сделал измерений и Г. И. Куликовский. Нам подсчеты Л. Згусты кажутся сомнительными и явно занижен-

ными. Рассчитанная на столь большую многострочную надпись, плита должна была быть значительно крупнее. Ответ на этот вопрос дает чертеж могильника, на котором стояла плита, выполнынный Струковым: масштаб в аршинах позволяет установить размеры каменной ограды —6,40×
×5,80 м [15, с. 197, рис. 3], а длина плиты составляет 4 аршина=2,84 м. Ширина плиты в нижней части в таком случае была не менее 60 см. Наши подсчеты кажутся не только более реальными для размещения большого текста, но и подтверждаются другими, синхронными плитами с надписями и крестами из ущелья Большого Зеленчука: размеры первой плиты с р. Пшиш 3,0×0,58—0,60 м [15, с. 198], размеры плиты, лежащей у дороги на «Церковную» поляну,— 2,13×0,40×0,36 м; размеры плиты, находившейся в южной части «Длинной» поляны, у с. Нижняя Ермоловка,— 3,14×0,53 м[1] и т. д. Вторая плита с р. Пшиш имела размеры 1,53×0,40 м [15, с. 198], но ее нижняя часть отбита, и первоначально эта плита была значительно длиннее. Все это дает нам основание не согласиться с реконструкцией Л. Згусты и настаивать на ранее опубликованной длине плиты — 2,80 м [15, с. 197; 19, с. 151].

Далее Л. Згуста скрупулезно сопоставляет две графические копии Зеленчукской надписи, опубликованные В. Ф. Миллером [4] и В. А. Кузнецовым по архивному оригиналу Д. М. Струкова [15], и корректирует их оттиском Г И. Куликовского, неоднократно упоминаемым в публикации В. Ф. Миллера. Этот этап работы — восстановление палеографии — необходим, ибо дает базу для дальнейшего исследования. Не будучи специалистами, мы не вправе давать оценки палеографическому исследованию Л. Згусты, но можем обратить внимание на тщательность и научную корректность автора в его обращении с материалом. Л. Згуста считает различия между копией Струкова и ее воспроизведением Миллером незначительными и легко объяснимыми, за исключением строки 3, где «объяснить различие невозможно...»: «самое печальное то, что Миллер в своем комментарии никак не объясняет этого» (с. 17). Рассматривая палеографию В. Ф. Миллера, Л. Згуста пишет: «Не может быть сомнения, что его интерпретация не является простой копией рисунка Струкова. Миллер, несомненно, перерисовал ее, и по мере того, как он делал это, он не избежал легких изменений в форме некоторых букв...», хотя в целом «единственно реальной трудностью является необъяснимый пропуск завершающего кружка у Струкова в строке 3» (с. 18). Подытоживая данный раздел монографии, исследователь отмечает, что надпись в целом хорошо сохранилась и что большая часть повреждений встречается на правом краю плиты. «Не может быть сомнений в том, что надпись сделана греческим письмом, главным образом поздним унциальным, местами курсивным. Здесь имеет место несколько сокращений, обычных в византийском стиле, и в противоположность мнению Б. А. Алборова [6, с. 237], по крайней мере, одна лигатура... Судя по шрифту, надпись могла быть сделана в 11 или 12 веке» (с. 19). Тем самым на основании палеографических особенностей Л. Згуста подтверждает дату В. Ф. Миллера [4, с. 118] и отводит дату Г Ф. Турчанинова — 941 г. [8, с. 81]

Центр тяжести исследования посвящен интерпретации Зеленчукской надписи (с. 20—58). Это лингвистический этап исследования, призванный ответить на кардинальный вопрос о языке и, естественно, требующий от исследователя особо глубоких филологических знаний, осторожности и тщательности аргументации. С этими сложными задачами Л. Згуста справляется блестяще, здесь особенно ярко раскрываются его дар исследователя и глубоко научный метод дешифровки надписи. Мы не можем излагать подробно ход рассуждений Л. Згусты и повторять его аргументацию — это сделают специалисты. Остановимся на некоторых положениях Л. Згусты.

Автор обстоятельно рассматривает существующие версии чтения Зеленчукской надписи, и в первую очередь алано-осетинскую, подвергая критическому анализу некоторые пассажи В. Ф. Миллера и Б. А. Алборова. В частности, касаясь чтения строки 3, Л. Згуста указывает на неправдоподобие реконструкции Миллером слова «уац» (осет.— святой), так как «невозможно третью букву строки читать как Т» (с. 22). Возражает он и против конъектуры Б. А. Алборова, предложившего видеть в строке 3 «уаси», т. е. самоназвание осетин. «Аргументов, отрицающих это толкование, много»,— пишет Л. Згуста; в частности, нет смысла обходить тот факт, что древнее самоназвание осетин — асы, а не уасы. Начальное О Б. А. Алборов связывал с «частным явлением в северном осетинском диалекте» (иронском.— *В. К., М. Ч.*), тогда как Л. Згуста приходит к выводу, что язык надписи «ближе к дигорскому, если его можно сравнивать с каким-либо современным осетинским диалектом» (с. 22).

---

[1] Полевой материал В. А. Кузнецова, 1953 г.

Попутно Л. Згуста возражает и Я. С. Вагапову, предположившему в строке 3 дату надписи — 963 г (цифры выражены греческими буквами) в сочетании с вайнахским *so* — «год». «Нет необходимости говорить, что это невозможное толкование»,— пишет Л. Згуста, ибо в строках 4 и 5 имя «Николаос» — это имя святого, принадлежащее к ритуальной сфере греческого языка, а имени Ни́колаоса (Николая) предшествует греческое ὁ ἅγι *(os)* — «святой», что в связи с именем Иисуса Христа и рядом с изображением креста является единственно верным вариантом. «Предположение, что у нас есть последовательность: 1) имя бога, 2) дата, 3) имя святого — совершенно невозможно» (с. 24—25).

Касаясь предложения Л. И. Лаврова — в строках 6—7 вместо «Сахир» читать арабское «сахиб» («хозяин», «господин»),— Л. Згуста приходит к выводу: «...толкование Лаврова не имеет никакого основания» (с. 25).

Особое внимание автор уделяет последним четырем знакам строки 21, отделенным точкой. В. Ф. Миллер пытался получить здесь дату —6200, что соответствовало бы 692 г. н. э., но подобная дата не соответствует палеографическому характеру шрифта. В результате Миллер заключил, что буквы неясны [4, с. 116]. Не коснулся их и В. И. Абаев. О прочтении в этой строке даты 941 г. Г Ф. Турчаниновым говорилось выше; Л. Згуста убедительно отводит выкладки Г Ф. Турчанинова (с. 27). Критически рассмотрены и построения вокруг рассматриваемых четырех знаков Б. А. Алборова и Я. С. Вагапова. Относительно последнего, прочитавшего здесь вайнахское имя Лада-Лата, Л. Згуста отмечает: «Вновь толкование слишком вынуждено из-за желания автора получить вайнахское имя» (с. 28).

Л. Згуста напоминает, что правый край плиты был заметно поврежден и поэтому в написании последней буквы 21-й строки необходима небольшая поправка: вместо λ на рисунке Д. М. Струкова должно быть *N* — «чрезвычайно частая ошибка в эпиграфике». В таком случае получаем текст последней строки по-гречески: «Бог побеждает», что «является очень распространенным византийским догматом... Вся формула соответствует контексту: надпись начинается с взывания к Иисусу Христу и св. Николаю, далее перечисляются имена умерших и оканчивается надпись христианским догматом, выражающим веру в победу над смертью» (с. 28). Безусловно, вариант Л. Згусты наиболее прост и наиболее убедителен.

Исследователь делает принципиально важный вывод: основная часть Заленчукской надписи сделана не на греческом языке (с. 31). До Л. Згусты подобные проверки предпринимались дважды: в 1959 г., по просьбе А. Ж. Кафоева, письменное заключение дал чл.-кор. АН СССР проф. С. И. Соболевский: «По моему мнению, эта надпись написана греческими буквами... Язык, несомненно, не греческий, кроме разве 4 верхних букв (|*cXc*), которые, по моему мнению, являются обычными сокращениями слов „Иисус Христос" в византийском начертании» [11, с. 11, примеч.] В 1965 г по просьбе В. А. Кузнецова Зеленчукская надпись была подвергнута экспертизе на наличие греческого языка ленинградскими специалистами: зав. кафедрой классической филологии ЛГУ проф. А. И. Доватур и д-ра ист. наук Е. Ч. Скржинской. Их единодушное заключение: кроме христианской формулы в первых строках надписи с именами Иисуса Христа и св. Николая, ничего греческого в надписи нет [2]

В лингвистическом анализе надписи большое место занимают собственные имена. Первое из них — Сахир в строке 6, имя в родительном падеже, образованное от имени предка. Известный германский иранист Р. Бильмайер находит два возможных объяснения имени: либо это составное имя из дигорского «сах» — «крепкий, сильный» и «ир» — осетин, либо его можно сравнить с грузинским родовым названием «сагири». «Обе вероятности вполне приемлемы»,— констатирует Л. Згуста (с. 32).

Второе имя, выделенное Л. Згустой в строках 8—9,— Ховс и здесь же третье — Истор; относительно их Л. Згуста отмечает, что «это самое вероятное прочтение» с позиций иранских языков. Заметим, что имя Истор, по Л. Згусте, может быть объяснено как осетинское «стур» — «большой» (приводятся иранские параллели, показывающие употребление «стур» в качестве элемента иранской антропонимии со ссылкой на М. Майрхофера, с. 33).

Касаясь четвертого имени, Пакатар, Л. Згуста пишет, что оно «несомненно, тюркского происхождения» (с. 34). И здесь Л. Згуста прав, что подтверждается новейшими исследованиями советских тюркологов [20, с. 90—95]. В современном осетинском языке это имя имеет форму Багатар. Л. Згуста объясняет трансформацию согласных П и Б: поскольку греческая буква В имела значение

---

[2] Письмо Е. Ч. Скржинской к В. А. Кузнецову от 9 марта 1965 г.

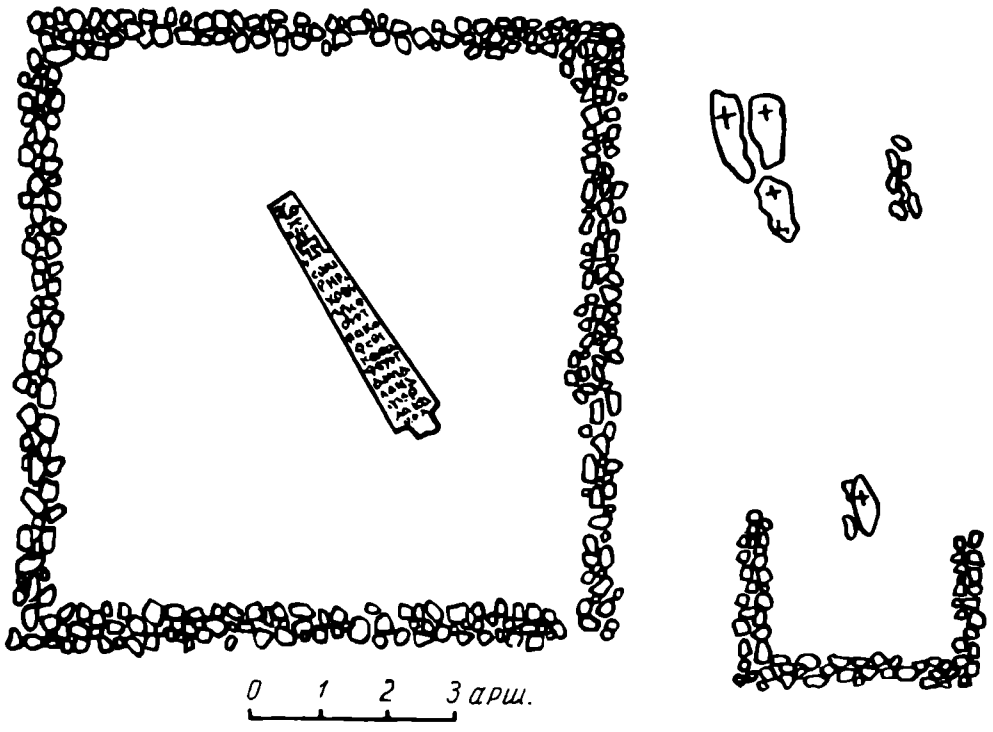


Рис. 1. План древнего могильника, на котором была найдена Зеленчукская надпись. Рисунок Д. М. Струкова, 1888 г

звонкого губного фрикатива, а Ф — глухого губного фрикатива, только П остается возможным написанием и для глухого, и для звонкого губного взрывного согласного (с. 34). Пятое имя (строки 12—13) также Пакатар.

Особое внимание уделяет Л. Згуста группе букв в строках 15—17 Предлагаются и скрупулезно анализируются четыре возможных варианта прочтения, при этом отводится чтение А. Х. Бязрова (с. 36). Автор сожалеет, что могила, связанная с Зеленчукской надписью (рис. 1), археологически осталась неисследованной и нам неизвестно точное число погребенных в ней лиц, что могло бы пролить свет на интерпретацию данного фрагмента надписи. Л. Згуста, поскольку речь идет о захоронении в одной могиле нескольких лиц, обращается к археологическим параллелям из Северной Осетии и приводит в качестве примера поздний (XVI—XIX вв.) склеповый могильник в Даргавсе (с. 37). В этом нет необходимости, ибо археология позволяет привести гораздо более близкие хронологические и культурные аналоги коллективным захоронениям в родовой или семейной могиле: так, в том же ущелье Большого Зеленчука нами исследованы коллективные могилы X—XII вв. (склепы) в Нижнем Архызе [17, с. 242—244, рис. 8, *1—7*], и можно предполагать с большим вероятием, что перечисленные в Зеленчукской надписи лица покоились в таком же подземном каменном склепе. Коллективные погребения чрезвычайно характерны для аланских катакомбных могильников, распространенных на предгорных равнинах Северного Кавказа. Это семейные склепы, число погребенных в них доходило до 5—7 человек, о чем свидетельствуют раскопки Змейского катакомбного могильника XI—XII вв. в Северной Осетии [21, с. 98] Как видим, коллективное погребение родственных лиц для аланского общества X—XII вв. вполне обычное явление, обусловленное спецификой социальной структуры.

Л. Згуста анализирует вариант чтения строк 15—17, предложенный И. Гипперт и С. Гипперт-Фриц, и находит этот вариант возможным, но не предпочтительным, так как конечная лингвистическая конструкция этих ученых оказывается «слишком сложной» (с. 41). Далее он подробно останавливается на анализе вайнахского варианта дешифровки Зеленчукской надписи Я. С. Вагапова, нашедшего в ее тексте имена трех мужчин — потомков Сахира. «Есть ряд аргументов, которые делают это толкование невозможным»,— заключает Л. Згуста и филологически свое заключение обосновывает (с. 43). Маловероятно такое понимание надписи и исторически, ибо Архыз находится слишком далеко на запад от района обитания вайнахов, и последние в верховьях Кубани не засвидетельствованы никакими историческими источниками. «Возникает вопрос,— пишет Л. Згуста,— как Вагапов может делать попытку нахского толкования надписи, если в тексте четыре раза встречается осетинское слово „фурт“ — „сын“ Ответ таков: Вагапов пытается объяснить это слово как исконно

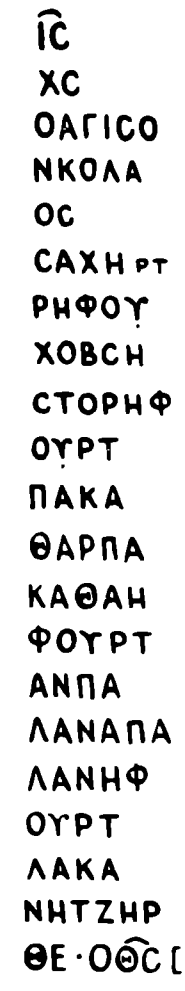


Рис. 2

Рис. 2. Текст надписи, по Л. Згусте

Рис. 3. Прочтение Зеленчукской надписи, по Л. Згусте

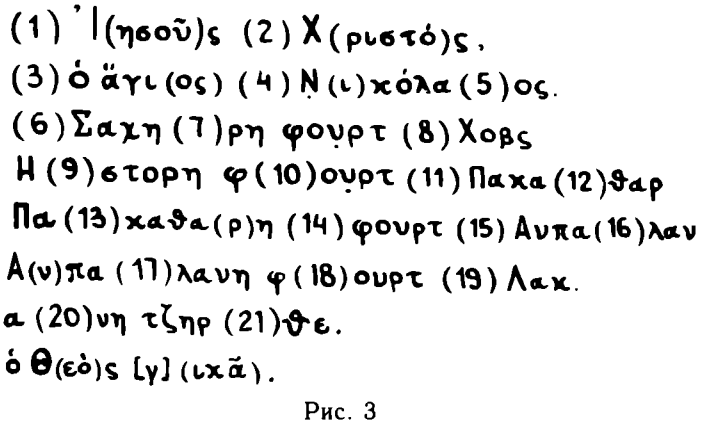


Рис. 3

вайханское, заимствованное в осетинский язык... Нет необходимости исследовать вопрос: слово ρυθτα — „сын" известно в авестийском; оно засвидетельствовано в иранских именах с северного берега Черного моря (в том что они принадлежат предкам осетин, нет сомнения), имеет древнюю скифскую форму πουρθα и более позднюю сарматскую форму φουρτα... Зачем искать сложную этимологию, когда существует простая?» (с. 44—45). Конечный вывод исследователя (чему предшествует дополнительный анализ вайнахского варианта): «Невозможно считать вайнахское толкование убедительным» (с. 46).

Не будем специально останавливаться на анализе Л. Згустой адыгского варианта А. Ж. Кафоева и балкаро-тюркского варианта М. Кудаева, который известен Л. Згусте по изложению его Я. С. Вагаповым. Их несостоятельность для Л. Згусты очевидна хотя бы потому, что оба названных автора «исправляют» и по своему усмотрению редактируют текст, что недопустимо. Особенно резка оценка Л. Згусты в адрес М. Кудаева: «... то немногое, что я знаю о балкарском языке, заставляет удивляться, какими путями можно было интерпретировать надпись на этом языке» (с. 58). Заметим, что в недавно опубликованной книге И. М. Мизиева чтению дана не только высокая оценка («ближе всех подошел к прочтению текста М. Кудаев...»), но и предлагается свой, весьма смелый филологически вариант тюркского чтения надписи [22, с. 113—116], оставшийся, к сожалению, неизвестным Л. Згусте.

Завершающий раздел монографии Л. Згусты посвящен окончательному чтению и толкованию Зеленчукской надписи. Исследователь приводит текст надписи (рис. 2) и дает самое вероятное ее прочтение (рис. 3). Надпись начинается обращением к Иисусу Христу и св. Николаю на фоне знака креста и оканчивается догматом, обещающим победу Бога над смертью. Эта часть написана на греческом языке (строки 1—5 и последние четыре буквы строки 21). Основная часть текста написана на осетинском языке. Она содержит имена четырех мужчин: Ховс — сын Сахира; Пакатар — сын Истора; Амбалан — сын Пакатара; Лак — сын Амбалана. Далее следует утверждение, что плита является их памятником: «Их плита». «Только осуществив раскопки, можно определенно установить,

был ли это кенотаф или настоящая могила...», последнее предположение более вероятно (мы комментировали это выше.— *В. К., М. Ч.*). Зеленчукская надпись указывает на то, что «долину Архыза в эпоху создания надписи населяли осетины» (с. 60). Упомянутые в надписи четверо мужчин имели разных отцов и не могли принадлежать к одной семье, но могли быть членами одного рода. В таком случае надпись является не только самым древним памятником осетинского языка (имеются в виду письменные памятники.— *В. К., М. Ч.*), но и одним из самых древних памятников, поддающихся приблизительной датировке и указывающих на существование таких родов по мужской линии на Северном Кавказе. Надпись говорит также о том, что в XI—XII вв. осетинский язык уже имел некоторые характерные черты, известные и сегодня: унаследованные иранские элементы уже имели свои современные формы, имена уже имели типичную структуру современных осетинских имен, а отдельные имена своим разным происхождением указывают на то, что в кавказском регионе имела место значительная лингвистическая и культурная схожесть до времени создания надписи (с. 61).

Два небольших комментария к заключительной части монографии Л. Згусты. Первое: возможно, в дальнейшем следует обратить внимание на структурно-типологическое сходство в перечислении имен Зеленчукской надписи и имен венгерских ясов-алан в грамоте короля Карла Роберта 1323 г., где мы видим ту же последовательность: Ларсан — сын Зокана, Ивахан — сын Фурдуха, Яколус — сын Кешкене, Хареф — сын Амбултана и т. д. (даем в русской транскрипции; [23, с. 295]). Второе: чтение и историко-культурная интерпретация Зеленчукской надписи Л. Згусты полностью согласуются с этнокультурной и политической ситуацией в районе верховий Кубани X—XII вв., соответствовавших Западной Алании с ее административным и культурно-конфессиональным центром в Нижнем Архызе, тесно связанным с Византией и имевшим переписку с Константинополем [24, с. 37—66]. Данное обстоятельство служит важным аргументом в пользу выводов Л. Згусты, ибо наилучшим образом объясняет факт проникновения именно греко-византийской письменности в ущелье Б. Зеленчука и попытки создания аланской письменности на основе греческой графики.

Дискуссия о Зеленчукской надписи длилась 25 лет. Монография Л. Згусты, которая может быть во многих отношениях образцом научного исследования, кладет ей конец. Новые спекуляции вокруг Зеленчукской надписи возможны, но они, как нам кажется, отныне теряют всякий смысл.

В. А. Кузнецов, М. Д. Черчесова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Prag, 1955.
2. *Zgusta L.* Inscriptionis palaeo-osseticae ad ripam fluminis Zelencuk repertae lectiones aliquot novae proponuntur. Festschift for Henry Hoenigswald on the occasion of his 70 birthday ed. George Cardona and Norman H. Zide. Tubingen; Gunter Narr, 1987
3. *Помяловский И.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.
4. *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. 1893. Т. III.
5. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949.
6. *Алборов Б. А.* Новое чтение Зеленчукской надписи // Уч. зап. СОГПИ им. К. Хетагурова. Т. XXI. Вып. 2. Орджоникидзе, 1956.
7. *Бязров А. Х.* Осетинская родословная X века // Осетинская филология (межвузовский сборник статей). Вып. 2. Орджоникидзе, 1981.
8. *Турчанинов Г. Ф.* К датировке древнеосетинской Зеленчукской надписи // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1948. Т. VII. Вып. 1.
9. *Турчанинов Г. Ф.* Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // ЭВ. 1958. Т. XII.
10. *Лавров Л. И.* К чтению аланской Зеленчукской надписи // Изв. СОНИИ. 1968. Т. XXVII. Языкознание.
11. *Кафоев А. Ж.* Адыгские памятники. Нальчик, 1963.
12. *Абаев В. И., Кузнецов В. А.* Рец. на кн.: Кафоев А. Ж. Адыгские памятники // Вопросы истории. 1965. № 12. Нальчик, 1963.
13. *Кудаев М.* Зеленчук джазыуну малкъар тилни мурдорунда окъуб кёрюу // Коммунизмге джол. 1965. № 31 (6574) от 14 февраля (на балк. яз.).
14. *Вагапов Я. С.* О языке Зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.
15. *Кузнецов В. А.* Новые данные о Зеленчукской надписи X века // Изв. СОНИИ. 1968. Т. XXVII. Языкознание.
16. Дело о раскопках художника Д. М. Струкова // Архив ЛОИА АН СССР. ФАК № 87/1889.
17. *Кузнецов В. А.* Нижне-Архызское городище X—XII вв.— раннефеодальный город Алании: Историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
18. *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 году // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 6. Ставрополь, 1954.

19. *Кузнецов В. А.* В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977.
20. *Татаринцев Б. И.* Этимология тюркского названия богатыря // Сов. тюркология. 1987. № 4.
21. *Кузнецов В. А.* К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. № 2.
22. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
23. *Ламанский В. И.* Заметка об ясах-аланах // АИЗ. 1899. Т. VII. № 8—10.
24. *Кузнецов В. А.* Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.

В. Д. Горячева. Город Золотого Верблюда. Фрунзе: Илим, 1988. 116 с., илл.

Успехи советской археологии освещаются по-разному. Это книги и статьи либо академического плана, предназначенные для узкого круга специалистов, оперирующих понятными для них категориями, либо написанные в повествовательно-живой форме, освещающие материал и идеи для более широкого состава подготовленных читателей: историков, обществоведов, студентов. Но есть и третий вид публикаций, не менее значимый, рассчитанный на самый широкий круг людей. Это научно-популярная серия, цель которой — пропаганда археологии как исторической дисциплины оперирующей своим особым исходным материалом и методами познания. Такие книги, брошюры, статьи могут представить интерес и для специалистов, если в них содержатся материалы или идеи, еще слабо отражаемые средствами научной информации. Но главное их предназначение — освещение достижений археологии среди широких масс. А это тем более важно, что в наши дни поразительно возрос всеобщий интерес к вопросам истории, особенно отечественной, и соответственно — к связанным с нею историческим вспомогательным дисциплинам, изучающим различные формы материальной культуры.

К разряду таких публикаций принадлежит книга В. Д. Горячевой (объем ее ~5 печ. л.), опубликованная издательством Академии наук Киргизской ССР «Илим». В течение многих лет ведет В. Д. Горячева систематические раскопки на Краснореченском городище, расположенном в 40 км от столицы республики — г Фрунзе; итогам этих работ она и посвящена. Автор строит текст не только на характеристике полученных результатов, но и рассказывает об археологическом методе, который иногда приносит эффектные открытия, иногда же — материалы, скромные на вид, но таящие в себе важную информацию. Автор излагает ход мыслей, рассуждений, сомнений, в ходе которых рождается вывод, причем в ряде случаев еще не окончательный, еще требующий дополнительных изысканий. Тем самым неподготовленный читатель как бы проникает в лабораторию исследования и в будущем, бродя по древним холмам, не выбросит случайно попавшийся сосуд или выразительный черепок, позеленевшую стрелу или монету, но сбережет, чтобы вручить их археологу, рассказать о месте и обстоятельствах находки. Книга включает семь разделов (каждый из них предваряет эпиграф, подчеркивающий основную идею), введение и список рекомендованной литературы.

Глава I «Город Золотого Верблюда» (с. 11—27) содержит краткую историю изучения Краснореченского городища, общую топографическую характеристику его (к сожалению, на многих участках разрушенного или освоенного под свекольные плантации), где выделяются обведенные валами цитадель, две городские зоны «шахристан-1» и «шахристан-2» и внешняя округа. Показана последовательность формирования и смещений селитебной части с VI по XII в. Охарактеризованы вскрытые остатки архитектурных сооружений, в частности богатых жилых домов X—XII вв., стены которых покрыты резным штуком и орнаментированы росписями. Автор особо останавливается на народном предании, которое утверждает, что на городище таится «золотой верблюд», и в этой связи приводит разнообразные данные о почитании верблюда как воплощения победоносной мощи в гимнах Авесты, в массовых культах у ряда среднеазиатских народов, запечатленных в памятниках древнего искусства. Привлекая же сведения древнекитайских хроник о поддерживаемых золотыми (золочеными?) фигурами баранов, коней, верблюдов тронах среднеазиатских властителей, В. Д. Горячева выдвигает предположение, что таким мог быть и трон верховного правителя чуйского объединения городов поры раннего средневековья. Гипотеза вполне приемлема; воспоминание об этом запечатлено в народном предании.

© Г А. Пугаченкова, 1990 г.

Глава II «Город мертвых» (с. 28—47) освещает раскопки некрополя, располагавшегося в 300 м от обоих шахристанов на естественном возвышении. Вскрытия выявили здесь непотревоженный некрополь местных зороастрийцев VI—VIII вв., по всем данным, связанный с обитавшими в городе согдийцами. Они осуществляли погребальный обряд согласно предписаниям зороастризма, но со своей среднеазиатской спецификой, несколько отличающейся от коренного иранского. Основная идея — сохранение костных останков, очищенных вдали, на специальной дахме. Сохранение их в нижних горизонтах некрополя осуществляли либо в наусах, либо в ямах, причем кости помещались то в оссуариях, то в хумах, то в глиняных чашах. Верхний горизонт характеризуют беспорядочные захоронения: костные останки здесь перемешаны с костями животных, битыми сосудами.

Среди находок исключительный интерес имеют две оссуария, лицевая сторона которых богато орнаментирована. На одном из них на сложноорнаментальном фоне закреплены три объемные мужские фигурки со скрещенными руками и горестным выражением лица; на другом — сцена возжигания на алтаре священного огня, осуществляемого двумя жрецами-служителями. Если первый оссуарий передает образы участников погребального ритуала, то на втором передан выразительный по своей документальности обряд поддержания священного огня, который должен был быть неугасимым и потому являлся объектом постоянного обслуживания. Отметим, что подобная, но не идентичная сцена возжигания священного огня на высоком алтаре представлена на согдийском оссуарии из Молла-Кургана в Самаркандской обл. В связи с раскопками Краснореченского некрополя и сделанными здесь находками автор излагает для неосведомленного читателя особенности погребального обряда у огнепоклонников-зароастрийцев в его увязке с самим вероучением Зороастра.

Глава III «Будды и боддисатвы» (с. 48—61) посвящена памятникам буддизма, обнаруженным на городище. Среди них особый интерес имеют остатки святилища, открытого много лет тому назад П. Н. Кожемяко. В нем в одном из помещений оказалась огромная 12-метровая по длине статуя возлежащего Будды (тема «паранирваны»), а в центральном зале были и другие скульптуры, от которых дошли лишь отдельные фрагменты и детали украшений. Находки эти, к сожалению, до сих пор не опубликованы, статуя же, вывезенная в Эрмитаж реставратором П. И. Костровым, находится там и поныне. Более поздние раскопки отряда В. Д. Горячевой выявили в храме остатки надписей, выполненных на бересте. Они потребовали длительной реставрации, после чего были дешифрованы индологами, которые установили, что это священные буддийские тексты, начертанные письмом брахми. Автор привлекает и другие, связанные с буддизмом находки с городища и из других мест Чуйской долины. В числе их изящные бронзовые статуэтки боддисатв. Давая их характеристику, автор вкратце останавливается на основных позициях буддийского вероучения и подчеркивает роль его распространения на одной из трасс великого шелкового пути, проходившего через Чуйскую долину.

Глава IV «Девица Йал-анч и Георгий» (с. 62—75) освещает комплекс памятников, связанных с христианством, следы которого в Семиречье были выявлены уже в конце прошлого века и во многом пополнены советскими археологами. В частности, на Краснореченском городище оказалось две намогильных гальки — кайрака с крестами и надписями, дешифровка которых дала две даты: 1100 и 1220 г. Среди других находок экспедиции — три «мальтийских» креста. Эти и прежние находки связаны с общинами христиан-несториан, чьих предков преследования византийской ортодоксии забросили в столь далекий край. Автор привлекает также венчик хума, на котором нанесены согдийская надпись, гласящая, что хум этот предназначен в дар наставнику христиан (или манихеев?) Йарук-Тегину, и имя мастера-керамиста Пастуна. Термин «тегин» — древнетюркский, показатель знатности, служит красноречивым свидетельством приобщения представителей местного тюркского населения к несторианству. К объектам из Краснореченского городища автор прибавляет ряд находок, связанных с христианским культом, из других городищ Чуйской долины.

Таким образом, главы II—IV обрисовывают существование в этом регионе таких мировых религий, как зороастризм, буддизм и христианство, причем последнее еще существовало в период принятия почти по всей Средней Азии исповедания ислама как основной государственной религии.

Глава V «Уч-Тегин и Бугдгонча» (с. 76—84) названа так потому, что автор начинает с изложения найденного на горе Муг в Таджикистане, в архиве царя Дивастича, брачного договора между названными персонами. Договор этот примечателен не только своим содержанием, раскрывающим, на каких условиях заключались браки, но и тем, что супругом был тюрк, женой его — согдианка Чата (ее второе имя); это показатель межэтнической интеграции тюрков и согдийцев. Подтверждением такого рода смешанных браков стало вскрытие В. Д. Горячевой погребения в единой могиле

мужчины и женщины. Они оказались разного этнического типа, по определению антрополога: он — монголоидного, тюркского, а она — европеоидного, видимо согдийского. Здесь же, по левую сторону от мужчины, погребен его конь — обычай очень древний, распространенный преимущественно у кочевых народов. Привлекая также письменные источники, автор приходит к заключению, что по сравнению с предшествующими временами «к XI—XII вв. города Чуйской долины, как и всего Тянь-Шаня, имели уже иное этнокультурное лицо и социальную структуру общества» (с. 85).

Глава VI «Вечно живое» (с. 85—98) дает характеристику изделий средневековых ремесленников: керамики, пряжек, наборных поясов, столь типичных для средневекового мужского костюма, браслетов, амулетов, перстней, выполненных из бронзы, частью — из камней-самоцветов, каменных бус, указано значение, которое придавалось на Востоке этим камням. Автор останавливается и на монетных находках с Краснореченского городища, пока немногочисленных.

Заключительная глава VII «Новгород в горах Ала-Тоо» (с. 96—110) представляет собой интересный небольшой этюд на тему, что же это был за город на месте городища Краснореченского в былые времена. Автор анализирует данные письменных источников относительно города Навекат (по-согдийски «Новгород»), местоположение которого А. М. Бернштам определял у с. Орловка, В. Д. Городецкий и М. Е. Массон — у Бураны, К. М. Байпаков.— на городище Кысымчи у с. Ивановка. Однако этому противоречат или небольшие размеры данных пунктов, или же несоответствие их расположения сведениям восточных дорожников. Анализируя предлагавшееся А. М. Бернштамом отождествление Краснореченского городища со средневековым городом Сарыгом, В. Д. Горячева приходит к убеждению в его несостоятельности. По сопоставлению же данных автор полагает, что в действительности оно являет собой остатки Навеката, приводя для доказательства ряд аргументов, основанных как на изучении исторической топографии городища, так и на материалах раскопок, осуществлявшихся в разных его частях.

Итак, перед нами хорошо продуманная научно-популярная работа опытного среднеазиатского археолога, которая, несомненно, привлечет к себе внимание как массового, так и подготовленного читателя. Хочется пожелать В. Д. Горячевой скорейшей подготовки и издания научной монографии о Краснореченском городище.

Данное городище представляет принципиальный интерес и в аспекте формирования и структуры средневековых городов Средней Азии. В свое время акад. В. В. Бартольд выдвинул позицию о традиционной системе этих городов, состоявших из цитадели-арка (или кухендиза) — «старой крепости», возникшей еще в доарабское время, шахристана — собственно города и пригорода — рабада. Схема эта была принята многими историками и повторяется в ряде трудов. Между тем уже полвека тому назад М. Е. Массон, разработавший университетский курс «Историческая топография городов Средней Азии», установил, что схема эта не является универсальной, что существуют разные варианты градостроительной планировки в зависимости от естественно-географических и социально-исторических условий развития того или иного города. Это положение было в дальнейшем подкреплено новыми археологическими исследованиями. В самом деле, скажем, средневековый Самарканд включал обведенные стенами арк-цитадель, шахристан, два пригорода — «рабати-дахиль» и «рабати-харидж», а также обширную городскую округу, обведенную стеной, включавшую в основном сельские угодья и усадьбы. В средневековом Мерве были арк (Эрк-кала), шахристан (Гяур-кала) — оба с мощной свитой более ранних слоев, новый шахристан (Султан-кала), выделенный в нем административно-военный отдел (Шахрияр-арк), два пригорода с севера и юга и обширная городская округа, обведенная внешней стеной (их иногда называют «длинными стенами»).

Краснореченское городище также не укладывается в структуру «арк — шахристан — рабад». В нем есть возникшее еще в VI—VII вв. крепостное ядро, в нем выделяется «шахристан-1», но возникший не у подножия этой крепости, а поодаль; затем слагается связующий их «шахристан-2», отсутствует обведенный стенами рабат, но есть обширная загородная округа, охваченная валом, в которой если и были отдельные лавки и мастерские, то преобладали все же усадьбы, сады и обрабатываемые земли. Торгово-ремесленная жизнь была сосредоточена в обоих шахристанах. Думается, при изучении среднеазиатских средневековых городищ очень важно определять их специфические черты, отойдя от стандарта «арк — шахристан — рабад». В свое время П. Н. Кожемяко, изучая городище Киргизии, обратил внимание на отсутствие во многих из них рабада как особого торгово-ремесленного отдела города. Возможное объяснение тому — преобладание в этих зонах скотоводческого населения, как оседлого, так и (в основном) кочевого. Первое теснилось вокруг населенных пунктов, второе обитало в степных и горных аулах. Организованная же торговля и ремесло кон-

центрировались внутри городских территорий, хорошо защищенных высокими крепостными стенами.

Остановлюсь на некоторых замечаниях к книге «Город Золотого Верблюда». В упрек автору можно поставить социологические упрощения там, где речь идет о духовной культуре. Так, на с. 61 автор убеждает читателя в том, что «величие построек, изящество скульптуры, красочность живописи и росписей (буддийских памятников.— *Г П.*) не должны заслонять необходимости критического анализа всего того, что несет в себе религия как антинаучная форма общественного сознания». Но ведь архитектура, скульптура, живопись — это величайший вклад буддизма в сокровищницу мировой культуры. Зачем же все эти слова об «антинаучной форме общественного сознания»?

На с. 59 читаем о буддизме: «Появление этой религии (как и других) связано с разложением родового строя и формированием классовых отношений. Прежние мифологически-религиозные идеологии уже не отвечали новым общественным отношениям». Но так ли все это просто в истории мировых религий? Буддизм частью потеснил, но не смог отменить более древние индуистские культы, сосуществовавшие с ним в Индии и в период развитых классовых отношений, да и доныне они там широко распространены в лоне современного общественного строя.

Говоря о почитании верблюда и о наскальных рисунках в связи с культом животных, автор отмечает, что «особенно многочисленны изображения животных в древней Бактрии, славившейся двугорбыми верблюдами». Однако число наскальных рисунков с изображением животных в Бактрии невелико по сравнению с северными областями Средней Азии. Данных же о почитании здесь верблюда по существу нет. Известный рельеф Персеполя: бактриец ведет в качестве дани ахеменидскому шахиншаху двугорбого верблюда — лишь свидетельствует о приводе в качестве дани этого необычного на Ближнем Востоке среднеазиатского животного.

С. 21, примеч. 10: «Бактрия (Бактриана) — рабовладельческое государство». Но Бактрия — это не государство, а историко-географическая область, в которой сменялись разные государства. С. 35: о мужских фигурках на оссуарии, которые «имитировали колонны-кариатиды». Поскольку это мужчины, то правильнее говорить не «кариатиды», но «атланты». С. 40: «Зороастр, живший и проповедывавший свое учение в ираноязычном мире, по-видимому, еще в эпоху бронзы». Зороастр — историческая личность I тыс. до н. э., по всем данным, времени Ахеменидов. Иное дело, что основы его вероучения формировались задолго до него. С. 44: «Изображения алтарей огня, подобных красноречeнским, присутствуют (...) на оссуриях из Бия-Наймана и Иштихана». В действительности там можно видеть лишь небольшие переносные алтарики в руках священнослужителей. Крупный алтарь, по обе стороны которого стоят два священнослужителя, аналогичный краснореченскому, представлен на упомянутом оссуарии из Молла-Кургана. С. 58: говоря о среднеазиатских областях «рубежа нашей эры», автор соотносит их с существованием могущественных империй Рима и Греции. Но Греция к этому времени была подчинена Риму и уже не существовала как государство. С. 74, примеч. 7· «Хорасан — древняя область, включавшая территорию современной Туркменской ССР и Северного Ирана, часть Азербайджанской ССР». Забыт Северный Афганистан, включающий древнюю Ариану и крупнейший хорасанский историко-культурный центр Герат.

В главе VI (с. 85 ил.), где охарактеризованы предметы материальной культуры, почему-то выпали орудия труда, которые являют собой важную группу археологического комплекса.

В заключение следует остановиться на полиграфическом исполнении интересной и полезной книги В. Д. Горячевой. Увы, кроме резко отрицательной, иной оценки дать невозможно. Прекрасный иллюстративный материал, который мог бы украсить книгу, породив у читателя подлинное восхищение, передан отвратительно: все серо, детали изображений не видны. Можно ли так пропагандировать достижения советской науки?! Стыдно должно быть издательству «Илим», его редактору Т. Е. Зайковой, типографии АН Киргизской ССР В наши дни, когда с такой остротой поднят вопрос о качестве во всех производственных сферах, пора бы президиуму Академии наук КиргССР всерьез заняться издательскими проблемами. Исследования археологов Киргизии, в том числе и В. Д. Горячевой, привлекают живое внимание за рубежом. Но можно ли туда посылать издания подобного полиграфического уровня? Вопрос не риторический. Полагаю, что «Город Золотого Верблюда» следует издать по-новому, на высоком качественном уровне, богато иллюстрированным, притом дать текст на трех языках, добавив киргизский и английский, из которых первый сделает книгу доступной для широких масс киргизского населения республики, а второй — для международного обращения.

Г А. Пугаченкова

Хроника

ДИСКУССИЯ ОБ УЗЛОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ В СВЕТ «ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА». Т. 1, 2

29 апреля 1987 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР состоялось заседание методологического семинара, посвященное обсуждению двух первых томов «Истории первобытного общества», подготовленных в Институте этнографии АН СССР. В ходе обсуждения были рассмотрены основные положения, определившие построение и содержание двухтомника, дана оценка как самим книгам, так и современному состоянию дел в области изучения истории первобытного общества.

Показательно, что большая часть разделов обоих томов посвящена таким периодам истории человечества, которые имеют прямые свидетельства о себе лишь в археологических и антропологических источниках (по археологической терминологии — эпоха палеолита). Репрезентативность этнографических источников по этим периодам (особенно по отраженным в первом томе этапам истории до возникновения человека современного вида) крайне сомнительна. А между тем в авторском коллективе «Истории первобытного общества» отсутствуют археологи-палеолитоведы. Вероятно, эти обстоятельства определили как большой интерес, проявленный сотрудниками ЛОИА АН СССР к обсуждению двухтомника (всего в дискуссии приняло участие 20 человек), так и то, что в центре внимания оказались в первую очередь «палеолитические» разделы монографии.

Обсуждаемая работа основана на представлениях об истории первобытного общества как научной дисциплине, бытующих в нашей науке с 30-х годов. Согласно этим представлениям, история первобытного общества изучает общие закономерности и особенности становления и развития первобытнообщинного строя, синтезируя при этом данные ряда специальных дисциплин, в первую очередь этнографии, археологии, антропологии. Но насколько эти представления соответствуют современному уровню наук, непосредственно связанных с изучением источников о первобытном прошлом? В какой степени дисциплина, формирующаяся на основе этих представлений, справляется с поставленными ею же самой задачами? Ответы на эти вопросы и должны были стать основным итогом обсуждения труда, претендующего на роль современного, наиболее полного обобщения и осмысления громадного материала о первобытности, накопленного за последние десятилетия.

Характеристика источников по первобытной истории, в первую очередь этнографических и археологических, а также методов работы с ними дается в первой главе первого тома (авторы — А. И. Першиц и В. А. Шнирельман). Д-р ист. наук Д. Г Савинов в своем выступлении дал высокую оценку «этнографическому» разделу этой главы, отметив, что в ней проведена «первая в нашей науке классификация этнографических источников, дана объективная оценка теории пережитков Э. Тейлора как метода исторического анализа». Однако, по мнению Д. Г Савинова, «в работе принижается значение для социальных реконструкций обществ-изолятов, которые имеют целый ряд общих признаков (окраинное расселение, нерасчлененность расовых характеристик, языковое своеобразие, близость форм социальной организации и духовной культуры), не позволяющих рассматривать их только как результат регресса».

Канд. ист. наук В. А. Алекшин в своем выступлении отметил, что оценка археологических источников в источниковедческом разделе и узка, и неверна по существу. «Авторы рецензируемого труда, сказал В. А. Алекшин,— принижают значение археологического источника, утверждая, что археология останавливается перед этапом исторических реконструкций, т. е. практически не может выполнить эту задачу. Вместе с тем они настаивают на том, чтобы археологи занимались подобными реконструкциями. Где же логика? Как можно заниматься историческими реконструкциями, если, по мнению авторов, археологические источники почти не могут дать такой информации?

Д-р ист. наук В. П. Любин в своем выступлении подчеркнул, что источниковедческой базой самой монографии по существу выступает лишь этнография. Это доказывается и тем, что в книгах использованы сугубо этнографические методы: сравнительно-исторический (выступающий здесь как метод этнографических аналогов) и метод пережитков. Но каковы их познавательные возможности в области изучения первобытной истории? Для метода этнографических аналогов они огра-

© М. В. Аникович, 1990 г.

ничиваются в лучшем случае эпохой мезолита, поскольку, как признали сами этнографы, не существует близких этнографических параллелей даже для позднего палеолита, не говоря уже о раннем палеолите. К тому же и в тех случаях, когда этнографические аналоги можно установить, они оказываются более эффективными для раскрытия социально-экономических, нежели социально-идеологических, отношений. Таким образом, этот метод весьма ограничен как в стадиальном, так и в предметном отношении. Еще сложнее дело обстоит с методом пережитков. Во-первых, среди этнографов нет единого мнения о том, что считать пережитками. Во-вторых, неясна стадиальная глубина пережитка: даже установив, что определенное, повторяющееся у разных этносов явление может рассматриваться как пережиток, мы не можем сказать, когда он возник.

Отмечая также узость источниковедческой базы обсуждаемых книг, д-р ист. наук П. М. Долуханов сказал, что они основаны почти исключительно на устаревших зарубежных публикациях, без соответствующего анализа научных и идеологических позиций цитируемых авторов. А без такого анализа использовать приводимые материалы нельзя, так как в настоящее время на западе существует огромное количество различных направлений, представители которых часто высказывают диаметрально противоположные взгляды.

Ограниченность источниковедческой базы обсуждаемой монографии этнографическими данными отмечалась и в ряде других выступлений (М. В. Аниковича, Е. М. Колпакова, А. Е. Матюхина, Л. М. Тарасова и др.). «Надо признать,— сказал канд. ист. наук А. Е. Матюхин, что археологические материалы, эти единственные достоверные и объективные свидетельства первобытной материальной культуры, в работах глубоко и всесторонне не анализируются и используются лишь для подтверждения этнографических построений. Не показаны конкретное содержание и интерпретационная значимость археологических источников вообще. Ни в одном из разделов нет глубокой и всесторонней внешней и внутренней критики этнографических источников, нет серьезного методологического обоснования этнографического способа реконструкции прошлого». Канд. ист. наук А. А. Синицын в своем выступлении обратил внимание на важную методологическую ошибку обсуждаемых работ. Проводимые в них построения базируются на допущении, что «этнографические и археологические источники прямо и непосредственно отражают всеобщие закономерности. Источник, по сути дела, рассматривается как полноценный научный факт... При всей широте охвата материала, во всех разделах, за исключением отдельных аспектов глав В. П. Алексеева, момент критики источника совершенно отсутствует. Вопрос о том, что перевод материала из разряда источника в разряд научного факта является сложной аналитической процедурой, в книге даже не стоит... Именно поэтому всякая критика построений не может быть плодотворной, а до постановки проблемы критики источников вся история первобытного общества не может представлять конкретно-научную дисциплину, а может существовать только в рамках философской методологии». Но и уровень использования философской методологии в данных книгах вызвал серьезные возражения. Особенно это относилось к разделам, написанным Ю. И. Семеновым.

Выступавшими отмечалось также полное игнорирование в обоих томах культурологического аспекта изучения первобытного общества. «Культура как фундаментальное понятие археологии, этнографии, а значит, и истории первобытного общества,— сказал А. Е. Матюхин,— не получила ни в одном из разделов сколько-нибудь серьезного определения и применения. Не освещены ее содержание, функции и характер на разных этапах каменного века. Другими словами, авторы обошли стороной вопрос о теории первобытной культуры. Так, Ю. И. Семенов, видимо, преднамеренно снял обсуждение этой проблемы на том основании, что имеющиеся определения западных культурологов носят идеалистический характер. Но, во-первых, автор не совсем верно характеризует точку зрения Л. Уайта, а, во-вторых, следовало бы остановиться на многих и, надо сказать, очень интересных культурологических разработках отечественных философов, этнографов и археологов». Такое игнорирование тем более непростительно, что именно культурологический аспект является в настоящее время важнейшим при изучении непосредственных свидетельств по первобытной истории.

Таким образом, уже анализ источниковедческой и методической основы обсуждаемых книг показал, что реального синтеза знаний, добытых разными науками, здесь не получилось. Это становится еще более заметным при разборе основных результатов в освещении первобытной истории, достигнутых авторами монографии посредством избранного ими подхода.

В книгах предложены две периодизации истории первобытного общества. Одна из них, изложенная во Введении, написанном А. И. Першицем, претендует на роль универсальной исторической периодизации, противопоставляемой так называемым «специальным» периодизациям (археологической и антропологической). В ее основе лежат представления о последовательном изменении форм производственных отношений в первобытности, сформировавшемся как обобщение этнографических данных, а также общетеоретические представления о периоде «формирующегося» общества и «формирующегося» человека, вытекающие из теории двух скачков. В данной периодизации выделяются три исторические эпохи: праобщина (первобытное человеческое стадо), первобытная (родовая) община, первобытная соседская (протокрестьянская) община. Вторая эпоха подразделяется на два периода: раннепервобытная (раннеродовая) община и позднепервобытная община. Данная периодизация лежит в основе всего коллективного труда, определяя собой его структуру.

Критикуя эту периодизацию, канд. ист. наук М. В. Аникович отметил, что уже в предварительных рассуждениях содержится ряд распространенных ошибок. Во-первых, неправомерны поиски некоей универсальной периодизации исторического процесса, способной «снять», отменить все остальные: процесс развития общества слишком сложен и многогранен, чтобы все его стороны и закономерности могли быть выражены в одной универсальной хронологической схеме. Ряд периодизаций, в том числе и общеисторических, построенных на разных критериях, определяющихся задачами исследования, может существовать одновременно, взаимодополняя друг друга. Во-

вторых, неправомерно противопоставлять «специальные» периодизации «общеисторическим»: все они историчны по своей сути, поскольку так или иначе выражают собой движение исторического процесса. В-третьих, хотя среди исторических периодизаций действительно имеются «более эмпирические» (построенные как эмпирические обобщения наблюдаемых явлений) и «более теоретические» (построенные как выражение скрытых за явлениями исторических закономерностей), неверно на этом основании во всех случаях рассматривать вторые как более правильные, имеющие большее научное значение по сравнению с первыми. «Эмпирический», или «теоретический», характер периодизации сам по себе не является критерием ее «правильности» и работоспособности. Эмпирическая по форме периодизация может обладать исключительно высоким научным потенциалом; если же выявленные в ней эмпирические закономерности не снимаются без остатка известными теориями, то можно предполагать, что за этими закономерностями скрываются еще не познанные законы исторического процесса. Именно такова археологическая периодизация. По своей форме это типичное эмпирическое обобщение, а между тем археологическая периодизация успешно функционирует и развивается на протяжении целого столетия, причем ее не в состоянии «отменить» и наиболее общие из известных сейчас закономерностей исторического развития, такие глобальные социально-экономические явления, как возникновение производящего хозяйства, появление классов и государства, в разных регионах соответствовали разным археологическим эпохам. И напротив, периодизация, построенная на теоретической основе, на практике может оказаться малодейственной. Поскольку современные методы работы с вещественными источниками, относящиеся к древнейшим периодам человеческой истории, не позволяют давать аргументированные суждения о характере общественных отношений, постольку соединить предложенную в монографии «общеисторическую» периодизацию с археологическими данными можно лишь на чисто субъективной основе: «уверовав» в то, что неолит должен соответствовать позднеродовой общине, верхний палеолит — раннеродовой общине, а все, что было до того,— праобщине, или «первобытному человеческому стаду», В. А. Алекшин также отметил, что «ни одна из существующих периодизаций прошлого (в различных науках) не может быть признана универсальной. Упреки в адрес археологической периодизации несостоятельны, ибо эта периодизация, созданная для нужд особой науки — археологии, удовлетворяет требованиям этой науки, указывая на кардинальные особенности развития материальной культуры древнейших обществ».

Вторая периодизация фигурирует в разделах, написанных Ю. И. Семеновым. Автор воплотил в ней основные идеи теории двух скачков («эолит» — время существования «прелюдей», «археолит» — время существования «формирующихся людей» и «кайнолит» — так называемых «готовых людей» и одновременно попытался более тесно увязать ее с конкретными археологическими и антропологическими материалами, «улучшить» археологическую периодизацию. Однако, с точки зрения археолога, построения Ю. И. Семенова также не выдерживают критики. Д-р. ист. наук В. П. Любин в своем выступлении отметил, что «на заседании Отдела палеолита эта периодизация была единодушно воспринята как красивое, но чисто умозрительное построение». Действительно, когда Ю. И. Семенов пытается перейти от общих рассуждений к увязке своей периодизации с конкретными материалами, он вынужден либо использовать чисто археологические критерии, применявшиеся некогда и самими археологами, либо же подменять определенные критерии общими рассуждениями о «новой стадии в эволюции техники производства», не раскрывая, чем же конкретно отличается эта новая стадия от предшествующей. Так, противопоставляя свою периодизацию археологической в отношении к материалам Южной Африки и Юго-Восточной Азии, Ю. И. Семенов пишет следующее: «В применении к этим территориям говорить о позднем палеолите не приходится. Но о раннем кайнолите, т. е. стадии развития техники изготовления не только каменных орудий, но и орудий вообще, соответствующей верхнему палеолиту Европы, можно и должно» [1, с. 96]. Но если эта «стадия развития техники изготовления орудий вообще» как-то отражена в археологическом материале,— может быть, стоит поделиться с археологами ее конкретными характеристиками и помочь им тем самым углубить содержание понятия «верхний палеолит»? Если же эта «стадия» сопряжена лишь с весьма смутными умозрительными построениями,— тогда археологи, отдавшие в свое время щедрую дань построениям такого рода и стремящиеся ныне к надежному фактологическому обоснованию производимых обобщений, не найдут здесь ничего, что бы могло помочь в их работе, и вынуждены признать периодизацию Ю. И. Семенова бесполезной для изучения конкретных материалов.

В ходе обсуждения было уделено большое внимание теории двух скачков, которая авторами монографии (за исключением В. П. Алексеева) принята в качестве основополагающей теории антропогенеза. Суть ее сводится к следующему. «В эволюции человека существуют два узловых пункта, два переломных момента. Первый и наиболее важный из них — это отмеченный началом изготовления орудий переход от стадии животных — предшественников человека к стадии формирующихся людей... Второй — происшедшая на грани раннего и позднего палеолита смена палеоантропов людьми современного типа, «готовыми» людьми. Первый скачок означал появление социальных закономерностей. Второй — установление их полного и безраздельного господства» [2, с. 235]. «С появлением неоантропа развитие человека как биологического вида прекратилось... С появлением неоантропа началось стремительное, непрерывно убыстряющееся развитие человечества, а тем самым и человека. Человек за это время претерпел значительные изменения, но только как существо не биологическое, а социальное. Все это свидетельствует, что с появлением неоантропа развитие человека стало безраздельно определяться социальными закономерностями, что только вместе с ним возникло готовое, по выражению Ф. Энгельса, сформировавшееся человеческое общество» [2, с. 237]. Хотя у истоков этой теории в конце 30-х годов стояли такой выдающийся антрополог, как Я. Я. Рогинский, и такие ведущие палеолитоведы, как П. П. Ефименко и П. И. Борисковский, в на-

стоящее время «теория двух скачков» пользуется большой популярностью почти исключительно в среде философов и этнографов, занимающихся общетеоретическими проблемами первобытности, тогда как среди археологов и антропологов эта теория, за редкими исключениями, поддержкой не пользуется. Почему? Ответить на этот вопрос помогает дискуссия, развернувшаяся на методологическом семинаре.

Все выступавшие отмечали логичность, внутреннюю стройность концепции «двух скачков» (что и делает ее привлекательной для философов). Но вместе с тем в выступлениях единодушно говорилось о крайне низком уровне использования сторонниками этой теории фактологического материала, а также о весьма существенных методологических недостатках.

Концептуальная критика «теории двух скачков» прозвучала главным образом в выступлениях А. Е. Матюхина и А. А. Синицына. По мнению А. Е. Матюхина, Ю. И. Семенов «произвольно трактует многие положения диалектики. Антропогенез в толковании данного исследователя выступает не как реальный естественно-исторический процесс, а как умело построенная логическая схема. Так, истинные причины развития тех или иных значительных явлений и процессов не синтезируются в ходе глубокого анализа данных разных наук, а создаются логическим путем. Удивляют и поражают своей „диалектической" оригинальностью такие, например, формулировки: „Производственные отношения ни в каком аспекте не являются производными от воли и сознания. Объективная необходимость в производственных отношениях, причем отношениях строго определенного характера, возникла до появления сознания и воли" [2, с. 311]. „Развитие производственной деятельности на определенном этапе потребовало ее освобождения от рефлекторной, животной формы, т. е. начала формирования мышления, воли и языка... Превратив зоологическое объединение в праобщество, грегарный отбор тем самым изменил и свой собственный характер" [2, с. 318] Совершенно ясно, что противоречия (а их в книге Ю. И. Семенова немало) и развитие здесь носят сугубо логический характер и искусно создаются самим автором. Складывается впечатление, что существует какая-то неведомая, таинственная сила, которая осуществляла нужные, полезные изменения. В роли волшебника и чудотворца выступает, например, грегарный отбор. Если антропогенез действительно естественно-исторический процесс, то совершенно неоправданно выискивать какие-то первопричины, создавать спасительные первотолчки. Ведь суть диалектики как раз и заключается в утверждении саморазвития, самодвижения, внутренне гармоничного сочетания реальных явлений и процессов. Мы считаем, что современный философский подход к решению столь сложных проблем должен быть иным».

А. А. Синицын, касаясь общих проблем антропогенеза, отметил, что «наиболее перспективной кажется традиционная характеристика человека через два его родовые качества: труд и сознание, поэтому проблему его происхождения следует связать с возникновением этих качеств. Труд и сознание актуализируются через речевую артикуляцию и ручную манипуляцию, которые материализуются в языке и речи, с одной стороны, и в орудиях труда и результатах деятельности — с другой. Ясно, что по крайней мере сейчас конкретные науки не располагают возможностью по следствиям третьего порядка судить об основах процесса, и проблема антропогенеза пока остается целиком философской. Направленность ее решения определяется двумя крайними точками зрения: позицией П. Тейяра де Шардена, согласно которой возникновение человека определяется целиком и исключительно внутренними причинами, причем посылки грядущего появления сознания заложены всем ходом эволюции, начиная с первичного деления белковой клетки, и позицией, наиболее развернуто представленной Г. Н. Матюшиным, согласно которой определяющими являются внешние причины — изменения природной среды. В любом случае вопрос упирается в проблему фактических оснований, т. е. требует разработки в рамках конкретных научных дисциплин».

М. В. Аникович отметил, что в теории двух скачков не доказан основной ее постулат — представление о завершении морфогенеза на стадии человека современного вида, т. е. о своего рода его «биологическом совершенстве». Биологические характеристики нашего вида не дают никаких оснований для подобных заключений; тот же расогенез со всей очевидностью свидетельствует, что мы, как и наши предшественники, подвержены воздействию биологических закономерностей. Следует учитывать и то, что мы неизбежно, в силу самого нашего положения, вынуждены рассматривать процесс социогенеза неоантропов «изнутри», как бы под увеличительным стеклом. Если же попытаться, насколько это возможно, взглянуть на ситуацию «извне»,— приходим к выводу, что человек современного вида действительно оказался наиболее приспособленным к орудийной, производственной деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Действительно, эту способность можно рассматривать как одну из важнейших характеристик неоантропа, но почему из этого должен следовать вывод о прекращении морфогенеза? Нельзя закрывать глаза на то, что, сколь бы величественным ни рисовалось нам развитие технологии от верхнего палеолита до наших дней, развитие это оказалось не в состоянии преобразить коренным образом нашу биологическую основу: коренные механизмы воспроизводства нашего существования остаются теми же, что и у наших предков, а противоречия между биологическим и социальным в силу большего развития последнего еще более обострились. Более того, само технологическое развитие в последнее время, с одной стороны, привело к глубочайшей кризисной ситуации в разных сферах человеческого бытия, угрожающей самому существованию человечества, а с другой — все более и более выступает как искусственный мутагенный фактор. Поэтому мне представляется более логичным и соответствующим фактам рассмотрение «стадии неоантропа» в качестве *одной из ступеней* становления социальной формы движения материи, выражающегося в процессе антропогенеза.

В основном критика «теории двух скачков» была сосредоточена на рассмотрении способа использования для построения и развития этой теории данных антропологии, археологии и этнографии. Этого вопроса касалось подавляющее большинство участников дискуссии: В. А. Алекшин,

М. В. Аникович, В. С. Бочкарев, Г. В. Григорьева, В. П. Любин, Н. Д. Праслов и др. Суммируя сказанное, отметим следующее. В области данных антропологии «теория двух скачков» вступает в прямое противоречие с фактами, так как в разделе, написанном В. П. Алексеевым, говорится, что масштабы скачка, падающего на переход от неандертальского к современному виду, «никак не больше, а значительно меньше, чем скачок при переходе от питекантропов к неандертальцам» [1, с. 16] Поэтому, с антропологической точки зрения, так называемый «второй скачок» логичнее было бы помещать при переходе от питекантропов к неандертальцам. Что же касается данных археологии и этнографии, нарекания вызывает в первую очередь способ их использования, практикуемый Ю. И. Семеновым. Так, конкретное применение Ю. И. Семеновым «метода пережитков» не выдерживает никакой критики даже с позиций, обосновывающих сам этот метод. Из огромной массы материалов, накопленных этнографией, произвольно выхватываются данные, которые *в принципе можно истолковать* с позиции теории двух скачков, и приводятся *как обоснование* этой теории! Характер распределения пищи, бытовавший у одной из групп эскимосов, используется для воссоздания отношений по распределению пищи у питекантропов [2, с. 308], половые производственные табу, оргиастические праздники объявляются пережитками отношений, бытовавших у палеоантропов! В. П. Любин в этой связи справедливо напомнил критические замечания В. Р. Кабо в адрес Ю. И. Семенова: «Ю. И. Семенов берет обычаи современных народов, стоящих на всех уровнях развития, от австралийских аборигенов до русских и англичан, и возводит происхождение этих обычаев... ни более ни менее как к питекантропам и синантропам... Рассматривая... обычаи современных народов как пережитки столь отдаленных эпох..., Ю. И. Семенов никакими научными критериями не пользуется» [3] Сходным образом обстоит дело и в отношении археологических источников. Протест вызывает не само описание привлекаемых данных археологии,— здесь, как отметил в своем выступлении П. И. Борисковский, явных ляпсусов нет. Беда в том, что Ю. И. Семенов использует опять-таки выхваченные из контекста материалы, не анализируя их, а произвольно истолковывая в пользу защищаемой теории. В результате Цонская пещера безоговорочно рассматривается как пример охотничьего лагеря, в котором обитали только мужчины, причем в течение целого сезона; некоторые детали жилища грота Лазаре — как свидетельство деления коллектива на две группы: мужскую и женско-детскую. С необычайной легкостью «решаются» сложнейшие вопросы современного палеолитоведения: статус «среднего каменного века» Африки и «молодых» по возрасту палеолитических индустрий Юго-Восточной Азии, проблема соотношения облика индустрий и физического типа оставивших их людей и т. п.

В выступлениях подвергались критике и другие аспекты концепции Ю. И. Семенова: положение о так называемом «рефлекторном», «дочеловеческом» труде (В. П. Любин, А. К. Филиппов), проблема механизма сапиентизации неандертальца (В. П. Любин), объяснение мустьерских погребений (В. А. Алекшин).

Таким образом, «теория двух скачков» в ее современном виде отнюдь не обобщает имеющиеся свидетельства этнографии и археологии, но лишь использует произвольно подобранные данные в качестве иллюстраций. А между тем в своих выводах эта теория претендует не только на полное и всестороннее раскрытие процесса антропогенеза, но и на предельную детализацию этого процесса. Ю. И. Семенову не просто известно, что подавление пищевого инстинкта предшествовало подавлению инстинкта полового и когда именно происходили эти события,— он берется с детальнейшими подробностями описать весь ход изменений в организации «преобщин» (в характере распределения пищи, в отношениях полов), основываясь при этом на таких аргументах, как: «логично допустить» (или, напротив, «трудно предполагать»), «стоит мысленно увеличить число промискуитетных праздников, и перед нами уже не формальная, а реальная частичная агамия» и т. п. Вот почему оценка «теории двух скачков» на методологическом семинаре ЛОИА АН СССР была единодушной: это умозрительная, чисто логическая конструкция, «наукоподобная мифология истории человеческого общества» (А. К. Филиппов), созданная и развивающаяся вне связи с археологическими и этнографическими фактами. «Ю. И. Семенову факты вообще не нужны — его история не вытекает из имеющихся фактов и не проверяется ими» (Е. М. Колпаков).

Д-р. ист. наук Г. П. Григорьев в своем выступлении заметил, что такого рода критика, идущая от фактов, неспособна полностью «отменить» «теорию двух скачков»: для этого требуется критика теории теоретическими же методами, а главное — создание альтернативной теории. Можно согласиться с тем, что до построения такой теории критика прежних представлений неизбежно будет неполной. Но все же сама необходимость создания новой теории выясняется лишь в ходе критического рассмотрения старой, а при таком рассмотрении важнейшим вопросом является взаимоотношение теории с фактами. Поэтому с замечанием Г. П. Григорьева следует согласиться лишь отчасти.

Помимо рассмотренных проблем, стоящих в центре внимания, в ходе обсуждения затрагивались и другие разделы двухтомника. Серьезной критике подверглась заключительная глава второго тома, посвященная формам общественного сознания, в особенности ее разделы, написанные Б. А. Фроловым и В. Б. Мириманова (выступления З. А. Абрамовой и Д. Г. Савинова) упреки относились не только к крайне скудному использованию археологических источников (погребения, например, вообще прошли мимо внимания авторов), но и к отсутствию даже упоминания работ А. Д. Столяра, внесших большой вклад в изучение истории становления общественного сознания.

Единодушно высоко были оценены разделы, написанные В. П. Алексеевым (выступления М. В. Аниковича, В. П. Любина, А. Е. Матюхина, Н. Д. Праслова, А. А. Синицына), и вовсе не потому, что со всеми выдвинутыми в этих разделах положениями можно согласиться, но в силу того, что В. П. Алексеев дал объективную картину состояния дел в современной антропологии — со всеми сложностями и спорными моментами. З. А. Абрамова дала в целом положительную оценку главе,

написанной Л. А. Файнбергом, в которой сделана попытка конкретизировать «историческую периодизацию» на этнографических и археологических материалах, хотя и сделала ряд серьезных замечаний. По главе, рассматривающей неолитические сообщества (автор — В. А. Шнирельман), замечания были высказаны Л. Я. Крижевской.

Обсуждение не могло охватить всю совокупность проблем, так или иначе затронутых в двух томах «Истории первобытного общества». Тем не менее разбор наиболее фундаментальных, определяющих положений этого труда совершенно отчетливо показал: история первобытного общества в том ее понимании, которое для нас традиционно с 30-х годов, находится сейчас в глубоком кризисе. Исследователи, называющие себя «историками первобытного общества» (по существу — теоретики этой истории, пытающиеся раскрыть ее общие закономерности), и те, кто работает непосредственно с остатками первобытного прошлого (археологи) или с «живой» первобытностью (этнографы), не просто перестают друг друга понимать, но становятся друг другу ненужны. Для археологов это ощущается особенно остро: ни «историческая периодизация» первобытного прошлого, ни детально разработанная «теория двух скачков» не только не помогает археологу-палеолитоведу упорядочить и осмыслить свои материалы, но в известной мере даже препятствует этому, так как невольно толкают исследователя к подмене исторической интерпретации бездоказательным распределением археологических данных, согласно предложенной схеме, схоластической игрой терминами «готовое» — «не готовое», «формирующееся» — «сформировавшееся» (общество, производство, сознание, жилище и т. д. и т. п.). Но и данные археологи по всей их сложности и противоречивости не нужны в свою очередь теоретикам первобытного общества: их вполне удовлетворяют отдельные однозначно истолкованные примеры, укладывающиеся в предложенную умозрительную концепцию, развивающуюся чисто логическим путем. Как справедливо заметил Е. М. Колпаков, даже в самих обсуждаемых книгах главы, написанные Ю. И. Семеновым, и главы, написанные В. А. Шнирельманом и Л. А. Файнбергом, существуют вне реальной связи друг с другом, изолированно.

Говоря о причинах этого кризиса, В. П. Любин указал на исчерпанность методических и методологических ресурсов этнографии, равно как и ее полевых ресурсов. По мнению М. В. Аниковича, главная причина здесь — резко возросший объем эмпирических данных археологии и этнографии, исключающий в настоящее время прямой переход от источников к общим историческим закономерностям. Такой подход — на базе философской, диалектико-материалистической или иной методологии — был возможен 100—150 лет назад, когда фактический материал по первобытности был невелик, но вместе с тем достаточен для того, чтобы проявить свое качественное своеобразие. Именно в это время в работах Ф. Энгельса была заложена основа теории первобытнообщинной формации, остающейся для нас методологическим фундаментом. Но по мере накопления эмпирического материала само его обилие все более открывало возможность для нахождения примеров, якобы «подтверждающих» прямо противоположные гипотезы, провоцируя тем самым на создание и развитие чисто умозрительных построений. Поэтому прав А. А. Синицын: сейчас нельзя переходить к общеисторическим обобщениям непосредственно от источников, пользуясь лишь философской методологией и не заботясь о критике источников.

Относительно путей преодоления сложившегося кризиса единого мнения не было выработано. В. П. Любин, А. Е. Матюхин, Н. Д. Праслов, Л. М. Тарасов считают, что для этого необходимы реальное и равноправное сотрудничество археологов и этнографов, комплексный подход и синтез данных различных наук не на словах, а на деле. Но в чем конкретно должно состоять такое взаимодействие наук? Достаточно ли было бы для исправления дел, допустим, включить в авторский коллектив группу археологов? Н. Д. Праслов и Л. М. Тарасов склонялись к положительному ответу на такой вопрос. Выдвигались предложения приступить к написанию «своей» истории первобытного общества, в которой были бы исправлены ошибки обсуждаемого издания (И. И. Коробков, В. П. Любин, А. Е. Матюхин); было предложено создать инициативную группу для обсуждения проблем, поднятых в дискуссии (В. С. Бочкарев). Вместе с тем отчетливо выделяется направление, крайне скептически относящееся к возможности синтеза археологических и этнографических данных. Так, в выступлениях С. Н. Астахова и П. М. Долуханова прозвучала мысль о том, что историю первобытного общества должны писать самостоятельно как этнографы, так и археологи, причем история эта в том и другом слу́чае будет различной. Исходя из этого, нельзя предъявлять «этнографической» истории «археологические» претензии (С. Н. Астахов). Более детально это положение развил в своем выступлении В. А. Алекшин. По его мнению, «этнографическая» история должна писаться как «история социальных институтов первобытного общества», а «археологическая» — как «история культуры первобытного общества», поскольку археология как самостоятельная наука является культурологической дисциплиной. Помимо классификации на долю археологии приходится «изучение законов развития культур», «историко-культурный фон», который воссоздается другими дисциплинами, в большинстве своем естественно-научными. В. А. Алекшин допускает, что «существуют определенные возможности реконструкции ряда социальных институтов», но оговаривается, что «в этом направлении будет много пробелов».

Среди сторонников «размежевания» наиболее крайнюю позицию занимает Г. П. Григорьев, считающий, что археологические источники вообще не дают информации об истории первобытного общества, а поэтому археологи мало чем могут помочь в воссоздании такой истории. История первобытного общества, как и любая другая, должна, по мнению Г. П. Григорьева, создаваться на основе письменных источников.

По мнению М. В. Аниковича, такой подход неверен. Историческое познание в целом принципиально едино — как отражение единства самого исторического процесса. «Самостоятельность» археологии относительна, насколько относительна самостоятельность любой другой источноковед-

ческой дисциплины: археология изучает законы кодирования исторической в широком смысле слова информации в вещественных остатках, «извлекает» эту информацию, переводя ее на «общеисторический» язык. Как и в любом отделе исторической науки, в истории первобытного общества нельзя совершать прыжок от источников к общеисторическим закономерностям, минуя конкретно-историческую ступень познания. В ходе становления истории первобытного общества как *конкретно-исторической дисциплины* (а создавать эту дисциплину должны в первую очередь люди, владеющие непосредственными источниками конкретно-исторического прошлого, т. е. археологи) и должна преодолеваться кризисная ситуация. При этом необходима перестройка самого характера взаимодействия археологов и этнографов. Здесь первоочередное внимание должно быть обращено не на общетеоретический, а на источниковедческий аспект.

Нетрудно заметить, что упомянутые противоречия обусловлены в первую очередь различиями в ответах на вопрос о месте археологии в системе наук. Но существенно то, что при всей серьезности расхождений в ходе обсуждения достаточно отчетливо проявилась общая платформа по следующим пунктам: 1) констатация кризисного состояния современной истории первобытного общества; 2) убежденность в больших потенциальных возможностях первобытной археологии; 3) требование анализа и критики археологических источников как первоочередная задача первобытной археологии; 4) убеждение в том, что при настоящем положении дел важнейшей задачей исследования первобытности как в археологии, так и в этнографии является не общетеоретическое, а конкретное направление (по регионам, этносам, культурам и т. д.).

Вместе с тем при всей нелицеприятной, подчас резкой критике большинство выступавших дало в целом положительную оценку «Истории первобытного общества» как своего рода итоговой работе, подводящей черту под одним из традиционных направлений исследования, как изданию, которое стимулирует научный поиск, «направляет научную мысль в русло интересных дискуссий и продуктивных идей» (А. К. Филиппов).

М. В. Аникович

ЛИТЕРАТУРА

1. История первобытного общества. Т. 2: Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
2. История первобытного общества. Т. 1: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.
3. *Кабо В. Р.* Проблема пережитков в этнографии // Докл. Восточной комиссии ВГО. 1964. Вып. 1.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ТЕМЕ «КУЛЬТУРНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛАВЯНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» (ХЕЛЬСИНКИ, 1988)

Одним из мероприятий научного сотрудничества в области археологии, осуществляемого на основе соглашения между Институтом археологии АН СССР и Музейным ведомством Финляндии, являются советско-финляндские симпозиумы. Они проводятся поочередно в СССР и Финляндии через каждые 2—3 года. Первый симпозиум состоялся в Ленинграде в 1976 г. Материалы первых четырех симпозиумов опубликованы отдельными книгами [1—4] Очередной, шестой симпозиум был проведен в Хельсинки с 10 по 16 мая 1988 г Его тема: «Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье».

Научные заседания симпозиума проходили в конференц-зале Национального музея Финляндии. Кроме непосредственных участников симпозиума в них приняли участие научные сотрудники Национального музея и музейного ведомства, а также преподаватели и студенты Хельсинкского университета. Было прочитано и обсуждено 22 доклада, в том числе 13 принадлежали советским археологам.

Общим вопросам финно-угорской археологии посвящены были два доклада. У. Сало (Финляндия) в докладе «Средства высекания огня в железном веке и финские мифы, связанные с получением огня» охарактеризовал различные типы кресал, которые были распространены в раннем средневековье на территории Финляндии и более широко — в Балтийском регионе. Докладчик утверждал, что кресала имели не только бытовое назначение, но и культовый смысл. Согласно финской мифологии, огонь поступал на землю с небес и властителем его был громовержец Укко. Он катал небесные камни, создавая гром и молнии. Удар молнии — это брак огня с землей. Высекание огня в быту при помощи кресал повторяло небесный миф о получении огня. Поэтому кресала были своеобразными культовыми предметами. Культовым смыслом, утверждал докладчик, обусловлены и формы кресал: овальные, в форме лука, ладьевидные, с изображением всадника.

В докладе «Ориентировка погребенных в раннесредневековых могильниках финно-угров»

© В. В. Седов, К. А. Смирнов, 1990 г.

В. В. Седовым (СССР) были рассмотрены все положения умерших в могильниках финно-угорских племен, расселившихся от побережья Балтийского моря на западе до бассейна Оби на востоке. Анализ материалов показал, что собственно финно-угорским было меридиональное положение умерших (головой на север с отклонениями). Согласно финно-угорским мифологическим представлениям, страна усопших находилась среди мифического водного пространства на далеком севере. Входом в нее служила Полярная звезда. Это была небесная обитель душ умерших, которые доставлялись сюда большой фантастической птицей. Душа человека, согласно поверьям, обитала в его голове, поэтому умерших в финно-угорском мире и ориентировали головами к северу, в сторону страны усопших, в направлении Полярной звезды. Наблюдаемая в отдельных местах расселения раннесредневековых финно-угров иная ориентация погребенных, как показывает анализ, обусловлена контактами древних финно-угорских племен с другими этносами.

Серия докладов была посвящена исследованиям отдельных историко-культурных тем финно-угорской и славянской археологии. А. Н. Кирпичников (СССР) в докладе «Дирхемы Старой Ладоги» на основе монетных кладов и находок отдельных монет восточного происхождения попытался показать, что Старая Ладога в VIII—IX вв. была крупным торговым центром Северной Европы. Через этот пункт проходили важнейшие торговые пути, здесь сосредоточивались меха и другие товары из лесных земель Восточной Европы, отправлявшиеся затем в страны Востока. IX—X века были временем активности скандинавов, однако клады монет, по мнению докладчика, свидетельствуют, что торговая деятельность Старой Ладоги принадлежала прежде всего славянскому населению.

В выступлении Е. Н. Носова (СССР) «Финно-угры и Новгород» исследовались славяно-финские отношения в микрорегионе накануне возникновения Новгорода и в раннем городе. Докладчик показал, что в начальный период истории Новгорода местное финское население не играло существенной роли в жизни и культуре города. Только начиная с XI—XII вв. в культурных напластованиях Новгорода постоянно обнаруживаются различные украшения отчетливо финно-угорского облика. Встречены и берестяные грамоты, говорящие о контактах с финноязычным населением Новгородской земли. Не все украшения, как полагает Е. Н. Носов, были индикаторами финно-угорского этноса. В частности, полые привески-уточки изготавливались в самом Новгороде и не несли этнической нагрузки в украшении женского костюма. Тем не менее присутствие финноязычного населения в Новгороде представляется несомненным, что нашло отражение и в топонимии города.

К. А. Смирнов (СССР) в докладе «Культура населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.» выделил пять этапов постепенного развития дьяковской культуры, каждому из которых свойственны определенные типы поселений, фортификационных сооружений, домостроительства, глиняной посуды и вещевого инвентаря. Новые находки на памятниках финноязычного населения Волго-Окского междуречья позволили исследователю утверждать, что со времени устройства жизни на городищах экономика этого населения была производящей и складывалась в основном из скотоводства и земледелия. Охота иногда играла большую роль, но не была определяющей в хозяйственной деятельности населения.

В докладе Ю. Я. Селиранда (СССР) «О характере культуры эстов в позднем железном веке» на основе данных археологии с использованием сведений письменных источников исследовался вопрос о развитии экономики и общественных отношений в период от IX до XIII в. Первую половину этого периода докладчик отнес к первобытно-общинному строю. Начиная с XI в. основой экономики стали развитое земледелие и скотоводство. Существовали крупные поселения, расположенные обычно на торговых путях, с кузнечным производством, удовлетворявшим потребности населения. Докладчик охарактеризовал период XI—XIII вв. как время зарождения феодальных отношений в земле эстов.

Зачитанный Е. Н. Носовым доклад Н. В. Хвощинской (СССР) озаглавлен «Эволюция погребального обряда у финского населения восточного побережья Чудского озера в начале I тысячелетия н. э.». В нем интерпретировались результаты исследований интересного могильника в Залахтовье. Первоначально здесь, как утверждалось в докладе, проживала небольшая группа финноязычного населения. Его погребальными памятниками X в. являются наземные деревоземляные сооружения — срубы размерами около 2×2 м и высотой 1 м. Одновременно умерших детей и часть мужского населения хоронили в грунтовых могильниках, также по обряду трупосожжения. С XI в. получает распространение обряд трупоположения в грунтовых ямах, над которыми насыпались курганы. Женщин по-прежнему погребали по обряду кремации. С конца XII в. умерших (и мужчин, и женщин) стали хоронить по обряду ингумации, на горизонте под курганными насыпями.

Археологи Финляндии предложили три интересных доклада по отдельным темам финно-угроведения, относящимся к отдаленной древности — каменному веку. Г П. Шульц в выступлении «О кварцевом производстве в Финляндии в эпоху мезолита» исследовал орудия, изготовленные из кварца, которые происходят с пяти мезолитических памятников. Докладчик выделил несколько типов техники кварцевых орудий: двухполосное раскалывание на наковальнях, когда получались прямоугольные или трапециевидные нуклеусы; снятие пластин малыми ударами (пластинчатые нуклеусы); изготовление орудий из качественного кварца без следов ударных площадок при нерегулярных нуклеусах. Основными орудиями были микрорезцы, треугольные пластины, микронаконечники. Кварцевые изделия на поселениях составляют 90—100% находок. В заключение Г.-П. Шульц утверждал, что кварцевый мезолит Финляндии со своеобразной техникой является замкнутой культурной областью. Некоторые соответствия ему обнаруживаются в Эстонии, однако в целом для эстонского мезолита характерны иные элементы, сопоставимые с западными культурами, описанными польским археологом С. Козловским.

Хозяйственная деятельность населения Финляндии в каменном веке рассматривалась в выступлении М. Хиеккканен, озаглавленном «Попытка истолкования морской деятельности населения

мезолита и раннего неолита». На основе костных остатков, обнаруженных при раскопках, утверждалось, что в мезолите на территории Финляндии господствовал морской промысел на тюленя. 60—80% остеологического материала на стоянках мезолита принадлежит тюленю. В раннем неолите картина меняется: широкое распространение получает лесная охота (олень, бобр и др.). Тюлений промысел сохраняется лишь в прибрежных районах, но и здесь его доля в хозяйственной деятельности заметно сокращается.

Погребения каменного века, исследованные на территории Финляндии, были объектом анализа в докладе М. Миеттинена «Могильник с красной охрой в Хартикка». Были рассмотрены все захоронения, относящиеся к культуре гребенчатой керамики, но основное внимание было обращено к недавно исследованному погребению двух человек на стоянке с гребенчатой и асбестовой керамикой в Хартикка. Оба умерших были посыпаны красной охрой. Очевидно, утверждал докладчик, погребенные были одеты в меховую одежду или завернуты в меха, которые с целью окраски покрывались охрой. Правда, не исключено, что охра была специально положена в могилу. При одном из погребенных найдены каплевидная привеска и две пуговицы из янтаря.

К этим докладам финских коллег присоединяется выступление В. И. Тимофеева (СССР) «О проблеме связей неолитических культур Балтийского региона», посвященное древностям каменного века территории, которая примыкает к Балтике с юго-востока. Обстоятельную характеристику в докладе получили неманская, нарвская и цедмарская культуры, анализировался вопрос об их взаимодействии с культурой воронковидных кубков. Элементы последней выявляются в различной степени во всех названных археологических культурах. Определяются и контактные зоны, в частности в западной части ареала неманской культуры, в восточных районах культуры воронковидных кубков, в области цедмарской культуры. В контактных зонах наблюдаются гибридные формы в керамике и ее орнаментации, свидетельствуя о тесном взаимодействии неолитических племен в южных районах Балтики.

С большим интересом были выслушаны доклады, в которых содержалась информация о новейших полевых исследованиях в самых различных районах древнего финно-угорского мира. Таким, в частности, был доклад Э.-Л. Шульц и Г.-П. Шульц (Финляндия) «Вариккониеми в г. Хяменлинна — торговый центр эпохи викингов». Это было раннесредневековое протогородское поселение. На территории Финляндии такого типа памятник открыт впервые. Фосфатными исследованиями установлено, что поселение распространялось на площади ~ 15 300 м^2 и было ограничено естественными препятствиями и небольшим искусственным валом, выявленным на отдельных участках. Траншеями, прорезавшими культурный слой памятника в ряде мест, установлено, что поселение начало функционировать в X в. и прекратило существование в XII в. Выявлены части 12 жилых построек, из которых 4, вероятно, принадлежали одному строительному периоду. Дома строились из бревен, стены промазывались глиной, полы глинобитные. Исследованы остатки глиняной печи. Одно из жилищ последнего периода жизни поселения имело основание из гравия и песка. Вертикальные столбы находились в углах и вдоль стен. Очевидно, что эта постройка имела столбовую конструкцию. Вещевые находки и остатки строений дали возможность исследователям утверждать, что это было торгово-ремесленное поселение.

Результаты раскопок погребальных памятников на южном побережье Финского залива были изложены в докладе Е. А. Рябинина (СССР) «Новые данные о средневековой води». Прежде всего докладчик рассказал о раскопках грунтовых могильников и поселений XII—XVIII вв., которые могут относиться к води. Одной из особенностей погребальной обрядности этих могильников является то, что могильные ямы в них сначала наполовину засыпали грунтом, а потом уже клали в них умершего. Наряду с этим были и наземные захоронения: из валунов устраивались ящики, и в них погребались умершие. Характерным для води было нагрудное украшение, состоящее из двух булавок, которые соединялись цепями с разделителями.

Е. А. Рябинин выявил и исследовал также новые для водского региона погребальные памятники — могильники с каменными конструкциями близ Великино и Валговицы. Это были кладки из камней в два—три яруса, которые содержали остатки нескольких трупосожжений, разбросанные среди камней. Вещевые находки позволяют датировать могильники II—III вв. н. э. Докладчик полагает, что эти памятники принадлежат води римского времени.

В. А. Назаренко (СССР) в докладе «„Дома мертвых“ в юго-восточном Приладожье» познакомил участников симпозиума с новыми раскопками погребальных памятников на р. Паша. Были исследованы в курганной насыпи остатки трех последовательно существовавших сооружений — «домиков мертвых», относящихся к IX—XI вв. Это были когда-то наземные срубные постройки с очагами. Остатки трупосожжений помещались в них вдоль стен срубов, на песчаных приступах. Среди находок имеется рукоятка меча.

В выступлении Н. А. Макарова (СССР) «Древнейшие погребения на Волоке Славенском и начальные этапы освоения водного пути из Белозерья в Подвинье» получили характеристику поселения и могильник в окрестностях д. Нефедово. На основании анализа вещевых материалов и погребальной обрядности делается вывод об освоении этого региона славянами в X—XII вв., когда здесь осуществлялась волоковая переправа из водной системы Балтики в Волжский бассейн. Наряду со славянами здесь проживало прибалтийско-финское и восточно-финское население. Находки свидетельствуют о широких контактах. Позднее этот Волок неоднократно упоминается в письменных документах; в частности, Дмитрий Донской в 1389 г. завещал его своей супруге.

Результатам раскопок языческого святилища XII — начала XIV в., расположенного в нижнем течении р. Печора, рядом с Пустозерском, был посвящен доклад О. В. Овсянникова (СССР) «Городецкое святилище». Найдено было свыше тысячи различных предметов эпохи средневековья из железа, бронзы, стекла и камня, принесенных в жертву. Среди них имеются орудия труда, быто-

вые вещи, украшения. Святилище находилось на торговом пути, связывавшем Новгород Великий с угорскими и самодийскими землями, который стал известен в письменных источниках с XV в.

В докладе А.-Л. Хирвилуото (Финляндия) «Роговая ложка, найденная в поселке Пиркала» в научный оборот введена новая интересная находка — костяная ложка длиной 10,7 см, с резной ручкой, украшенной гравированным узором. Докладчица каталогизировала все подобные находки на территории Финляндии, датировав их XII—XIII вв. Находка на поле близ Пиркала обусловлена происхождением здесь в эпоху средневековья сухопутной торговой дороги, которая связывала землю Хяме с Лапландией, откуда в большом количестве поставлялись меха. Поблизости от места находки ложки известны источник, в который бросали в жертву различные вещи, и гора лешего (или водяного).

Два доклада были посвящены средневековому ремеслу прибалтийско-финского населения. Л. Томатеря (Финляндия) в своем выступлении, озаглавленном «Восковая филигрань», рассказала о технологических особенностях ювелирных украшений, изготовленных путем отливки по восковой модели. Исследовательницей проанализирована большая серия предметов из раскопок средневековых могильников в Финляндии. А. И. Сакса (СССР) в докладе «К вопросу о выявлении центров древнекарельского ремесла» рассказал о разработанной им дробной типологии ряда предметов с учетом их орнаментации, прежде всего фибул и ножен. В результате в земле корелы выделяются микрорегионы, для которых характерны определенные типы и варианты украшений. По мнению докладчика, они отражают множественность центров ремесленного производства, в каждом из микрорегионов должен быть свой центр ремесла.

Т. Эдгрен (Финляндия) посвятил свой доклад «Антиквар Д. Е. Д. Эуропеус» многогранной деятельности этого известного финского исследователя второй половины XIX в. Д. Эуропеус известен как лингвист, этнолог, археолог и собиратель древностей. Оценка его деятельности в научной литературе противоречива, многие считали его дилетантом в археологии. Докладчик попытался показать плодотворность деятельности Д. Эуропеуса в изучении курганных древностей Приладожья и как собирателя научной коллекции Национального музея Финляндии.

В. Ф. Старков (СССР) в докладе «Материальная культура русских поморов XVI—XVIII вв.» рассказал о новейших археологических раскопках советской экспедиции на Шпицбергене и дал характеристику быта и культуры русских поселенцев на этом острове.

В выступлении Й. Линд (Финляндия) «О межевых камнях Ореховского мира: камни в Оулайнен» опровергалось распространенное в исторической литературе мнение о том, что межевые камни на р. Пихаиоки с изображением шведской короны обозначали границу между Новгородской землей и Швецией согласно Ореховскому мирному договору. Докладчик показал, что эти межевые камни не имеют отношения к Ореховскому договору и поставлены были в XVIII в. для разграничения государственных и общинных земель.

По докладам велись прения, порой дискуссия шла весьма оживленно. Подчеркнув, что доклад У. Сало представляет несомненный интерес в познании духовной жизни раннесредневековых финнов, В. В. Седов обратил внимание на то, что некоторые из рассматриваемых кресал не являются финно-угорскими, в связи с чем возникает вопрос о правомерности их интерпретации на материалах мифологии финно-угров. В частности, блоковидные огнива в большей степени были распространены среди германских и балтских племен, расселившихся на землях, которые примыкают с юга и севера к Балтийскому и Северному морям, и проникают в сравнительно небольшую часть ареала прибалтийских финнов. В ответ У. Сало заявил, что финская мифология имеет некоторые общеевропейские корни, на его взгляд допускающие изложенную в докладе интерпретацию.

По докладу В. В. Седова выступил П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Финляндия), В. Ф. Старков и В. А. Назаренко. Финская исследовательница указала на то, что в средневековых могильниках Финляндии меридиональная ориентировка умерших не была господствующей. Наряду с ней имеется немало погребений, ориентированных на северо-запад, северо-восток и запад. В этой связи В. В. Седов отметил, что все эти могильники относятся уже к «периоду крестовых походов», когда в среде финского населения начало распространяться христианство. Поэтому наличие погребений с западной и так называемой «промежуточной» ориентировкой в такой ситуации вполне оправдано. Язычество финно-угров целесообразно реконструировать не на региональных материалах, а по данным всего финно-угорского мира.

При обсуждении доклада А. Н. Кирпичникова В. В. Седов отметил, что характеристика торговой деятельности Старой Ладоги только по находкам дирхемов выглядит несколько односторонне. Эта тема требует привлечения всех материалов, которыми ныне располагает археология.

Высокую оценку получил доклад Е. Н. Носова. Его суждения о роли финноязычного населения в истории Новгорода представляют несомненный интерес. В. В. Седов не согласился с утверждением Е. Н. Носова, что полые подвески-уточки не были собственно финно-угорскими украшениями. Не исключено, что их действительно изготавливали в Новгороде, но оттуда они поступали далеко не во все регионы Северо-Западной Руси, а только в те из них, где имелась финно-угорская среда.

В обсуждении докладов К. А. Смирнова и Ю. Я. Селиранда участвовали Е. Н. Носов и К.-Ф. Мейнандер (Финляндия). Были отмечены положительные моменты этих докладов. Вместе с тем Е. Н. Носов, анализируя выступление Ю. Я. Селиранда, отметил, что материал, который лежит на основе общественно-экономических обобщений, еще невелик, поэтому некоторые выводы представляются несколько прямолинейными или спорными.

В. И. Тимофеев в выступлении по докладам Г.-П. Шульца, М. Хиекканена и М. Миеттинена отметил их несомненный научный интерес и выразил сожаление, что эпоха камня представлена на симпозиуме немногочисленными докладами, К.-Ф. Мейнандер в связи с докладом Г.-П. Шульца высказал сомнение в принадлежности анализируемых кварцевых орудий ко времени мезолита. По его мне-

нию, они могут принадлежать культуре гребенчатой керамики. По поводу выступления М. Хиекканена К.-Ф. Мейнандер сказал, что остеологический материал, рассматриваемый в докладе, еще мал и не опубликован, поэтому предлагаемые докладчиком выводы не кажутся во всех случаях надежными.

По докладу Э.-Л. и Г.-П. Шульц о поселении Вариккониеми выступили В. В. Седов и К.-Ф. Мейнандер, подчеркнувшие большое научное значение открытия на территории Финляндии первого протогородского центра и первых результатов, полученных при его раскопочных изысканиях в 1987 г. В. В. Седовым был поставлен вопрос об оправданности раскопок памятника не более или менее значительными площадями, а неширокими траншеями. Ни одна из выявленных в траншеях построек не была исследована полностью, а изучение остатков жилищ отдельными частями обычно не дает полной информации. По утверждению К.-Ф. Мейнандера, траншейные раскопки поселений оправданы и обусловлены малыми финансовыми возможностями.

Выступавшие по докладам В. А. Назаренко, О. В. Овсянникова и Н. А. Макарова отметили большую научную значимость сделанных ими находок. Анализируя доклад Е. А. Рябинина, В. В. Седов не согласился с водской атрибуцией открытых этим исследователем погребальных памятников римского времени. Они не имеют каких-либо аналогий среди древностей води и, наоборот, по всем своим характеристикам сопоставимы с синхронными эсто-ливскими каменными могильниками. Поэтому эти памятники, по всей вероятности, оставлены одной из небольших группировок эстов, переселившихся восточнее р. Нарва.

Несколько критически был встречен доклад А. И. Саксы. Выступившие в дискуссии (П.-Л. Лехтосало-Хиландер и В. В. Седов) отметили, что выделяемые в докладе центры ремесла необходимо было аргументировать картографическим методом. Не исключено, что намеченные микрорегионы не связаны с ремесленными центрами, а отражают какие-то племенные или региональные особенности средневековой корелы. Осталась недостаточно аргументированной и дробная типология украшений, построенная на неединых принципах.

А. Н. Кирпичников, выступивший по докладу Й. Линда, обратил внимание на широкое использование картографического материала, что делает наблюдения исследователя весьма надежными.

В рабочую часть симпозиума входило также ознакомление с археологическими и архитектурными памятниками Финляндии. Состоялись две экскурсии. Одна — в землю Хяме, где участники симпозиума посетили упоминаемое выше поселение Вариккониеми (пояснения давал Г.-П. Шульц), средневековое городище Тенхола, крепость Хаменлинну, церковь Ваная со стенной живописью XVI в. и Музей истории стекла в Риихимяки. Вторая экскурсия предусматривала знакомство с древностями земли Уусимаа — каменными могильниками бронзового века в Крейясбергете и римского времени в Эксберге, средневековой крепостью Раасепори и др.

Работа симпозиума проходила в деловой, доброжелательной обстановке. Подводя итоги симпозиума, сопредседатель финляндско-советской рабочей группы по сотрудничеству в области археологии Т. Эдгрен отметил научную значимость докладов, прочитанных на симпозиуме, и плодотворность обмена мнениями по различным вопросам финно-угорской археологии и славяно-финским контактам в древности и средневековье. Издание материалов симпозиума взяла на себя финляндская сторона. Состоялось заседание советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области археологии, на котором решено было следующий симпозиум провести в Таллинне в мае 1990 г. Определена его тема: «Культурное наследие финно-угров и славян».

В. В. Седов, К. А. Смирнов

ЛИТЕРАТУРА

1. Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
2. Fenno-Ugri et Slavi. 1978. Helsinki, 1978.
3. Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984.
4. Fenno-Ugri et Slavi. 1983. Helsinki, 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества.
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВГО — Всесоюзное географическое общество. Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВИУ — Вопросы истории Урала. Свердловск
ВСМЗ — Гос. объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВСЭНРПМ — Владимирские специальные экспериментально-научные реставрационные производственные мастерские
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет. Киев
ГАВО — Гос. архив Владимирской области
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва; Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГМГ — Гос. музей Грузии АН ГССР. Тбилиси
ГНИМА — Гос. научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИИА — Институт истории и археологии
ИБАИ — Известия на Български археологически институт. София
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИИФиФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск
ИМГРЭ — Институт минералогии и геохимии редких элементов. Москва
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — материалы по археологии России. СПб.
МДАПВ — Матеріали і дослідження за археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МКАз — Материальная культура Азербайджана. Баку
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва; Ленинград, 1950
НС — Нумизматический сборник Гос. Исторического музея. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РБС — Русский биографический словарь

СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СОГПИ — Северо-Осетинский гос. педагогический институт им. К. Л. Хетагурова
СОН — Серия общественных наук
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СЭ — Советская этнография. Москва
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХГУ — Харьковский гос. университет им. А. М. Горького
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
ЭВ — Эпиграфика Востока. Ленинград
AAC — Acta archaeologica carpathica. Cracoviae
AAH — Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
AÉ — Archaeologiai Értesitő. Budapest
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AMNap — Acta Musei Napocensis. Cluj; Napoca
AP — Archeologia Polski. Warszawa
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
MCA — Materiale si cercetări archeologice. Bucuresti
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique francaise en Afghanistan. Paris
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin; Leipzig
SCIV — Studii si cercetări de istorie veche si archeologie. Bucureşti
SMYA — Suomen muinaismuisto yhdistyksen aikaukauskirija. Helsinki
WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa
ZOW — Z otchłani wieków. Poznań; Warszawa

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124—34—42

Заведущая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицина*

Сдано в набор 17.10.89 Подписано к печати 28.12.89 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 26,0. Усл. кр.-отт. 95,0 тыс. Уч.-изд. л. 30,9. Бум. л. 10
Тираж 3630 экз. Зак. 3578 Цена 2 р. 80 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Телефон 124-34-42.
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6